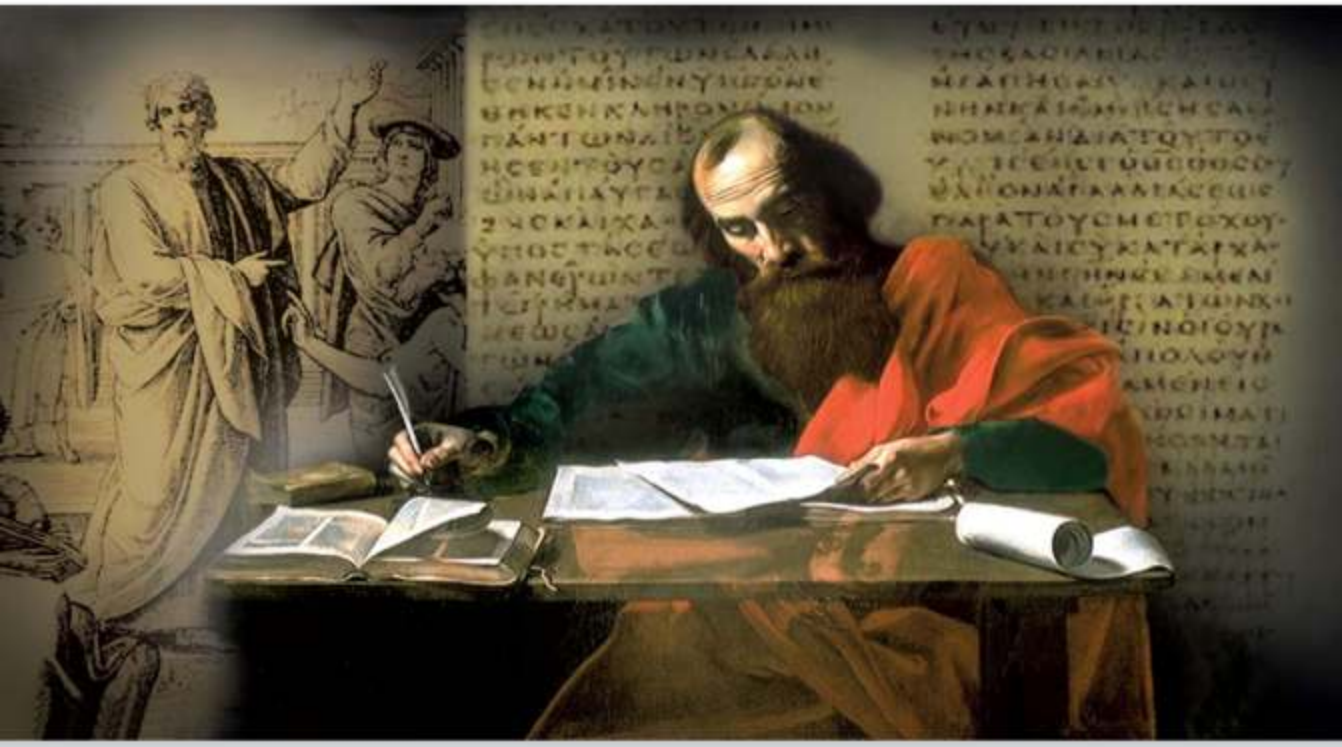
Учебник нового поколения

Г. В. Прутцков

Введение в мировую журналистику



от Античности до конца XVIII века

ДЛЯ БАКАЛАВРОВ

Г. В. Прутцков

ВВЕДЕНИЕ
в мировую журналистику

ОТ АНТИЧНОСТИ ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

Допущено УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 030600 «Журналистика» и специальности 030601 «Журналистика»

Под редакцией
доктора филологических наук
профессора *Я. Н. Засурского*

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2010

УДК [070+808.5] (100) (076.6)
ББК 76.01(0)я73–3+83.7(0)я73–3
П85

Рецензенты:

доктор исторических наук, генеральный директор
ООО «ПОЛПРЕД Справочники» *Г. Н. Вачнадзе;*

доктор филологических наук, профессор факультета журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова *А. А. Тертычный*

Прутцков Г. В.

П85 Введение в мировую журналистику. От Античности до конца XVIII века: Учебно-методический комплект (учебное пособие, хрестоматия) / Г. В. Прутцков; Под ред. Я. Н. Засурского. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 432 с.

ISBN 978–5–7567–0578–2

Учебно-методический комплект «Введение в мировую журналистику» выходит в нашей стране впервые. Он включает в себя учебное пособие с контрольными вопросами для повторения, списком рекомендуемой литературы по каждой теме и хрестоматию, которая знакомит с произведениями ораторов, публицистов и журналистов, стоявших у истоков мировой журналистики — с IV века до Рождества Христова до конца XVIII века.

Для студентов факультетов и отделений журналистики вузов, преподавателей истории зарубежной журналистики и всех, кто интересуется историей зарождения и становления мировой журналистики.

УДК [070+808.5] (100) (076.6)
ББК 76.01(0)я73–3+83.7(0)я73–3

ISBN 978–5–7567–0578–2

© Прутцков Г. В., 2010
© ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2010

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

Учебное издание
Прутцков Григорий Владимирович

ВВЕДЕНИЕ В МИРОВУЮ ЖУРНАЛИСТИКУ
От Античности до конца XVIII века

Редактор *В. И. Фролова*. Корректор *А. А. Баринова*.
Художник *Д. А. Сенчагов*. Компьютерная верстка *С. А. Артемьевой*

Подписано к печати 12.08.2010. Формат 60×90 1/16.
Усл.-печ. л. 27. Тираж 1200 экз. Заказ № .

ЗАО Издательство «Аспект Пресс». 111398 Москва, Зеленый просп., 8.
e-mail: info@aspectpress.ru www.aspectpress.ru . Тел. (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс «Введение в мировую журналистику» является первой частью предмета «История зарубежной журналистики» — одной из фундаментальных учебных дисциплин всех факультетов и отделений журналистики вузов.

Фундаментальные исследования по истории печати появились в нашей стране на рубеже XIX–XX веков. К ним, в первую очередь, можно отнести сборник статей «Периодическая печать на Западе» (1903), «Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России» Николая Новомбергского (1906). В 1909 году была издана переведенная с немецкого «Всеобщая история прессы» Людвига Саламона.

С появлением в Московском государственном университете факультета журналистики (1952) возникла необходимость в преподавании курса истории зарубежной печати. Этот курс разработал Я. Н. Засурский, возглавивший новую кафедру зарубежной печати и литературы. Изначально новая дисциплина состояла из двух частей: первая — «История зарубежной коммунистической и рабочей печати», вторая — «Критика буржуазной печати». Впоследствии, на рубеже 1980–1990-х годов, профессор Засурский коренным образом переработал этот курс, расширил его рамки. Теперь он стал называться «История зарубежной журналистики» и предваряться предметом «Введение в мировую журналистику».

В 1990–2000-е годы преподаватели и научные сотрудники кафедры зарубежной журналистики и литературы под руководством Я. Н. Засурского создали ряд учебных пособий, освещающих разные временные и географические рамки курса «Введение в мировую журналистику». К таким работам следует отнести, прежде всего, следующие труды: *Корнилова Е. Н.* Риторика — искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи. М., 2002; *Вороненкова Г. Ф.* Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного общества: Национальное своеобразие средств массовой информации Германии. М., 1999; *Трубицына И. В.* Зарождение и развитие английских периодических изданий в XVII веке. М., 1999; *Привалова Е. А.* История американской журналистики XVII–XVIII веков. М., 2009; *Попов Ю. В.* Публицисты Великой Французской революции. М., 1989.

В 2007 году вышла в свет хрестоматия — «Введение в мировую журналистику. От Античности до конца XVIII века». В ней впервые в кратком виде собраны основные первоисточники.

Кроме того, в 2001 году профессорами Я. Н. Засурским и Е. Л. Вартановой была основана серия «История печати», куда вошли труднодоступные произведения российских и западных исследователей журналистики XIX — начала XX века. К 2008 году вышли три книги этой серии.

Учебно-методический комплект «Введение в мировую журналистику», предлагаемый вниманию читателей, выходит в нашей стране впервые. Он состоит из двух частей. Учебное пособие сопровождается контрольными вопросами для повторения, списками обязательной и дополнительной литературы по каждой теме. Хрестоматия знакомит с произведениями ораторов, публицистов и журналистов, стоявших у истоков мировой журналистики — с IV века до Рождества Христова до конца XVIII века. По сравнению с изданием 2007 года в содержание хрестоматии внесены изменения. В Приложении представлен список основных дат и событий в истории мировой журналистики от древнейших времен до конца XVIII века.

Автор-составитель выражает глубокую благодарность президенту факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующему кафедрой зарубежной журналистики и литературы заслуженному профессору Ясену Николаевичу Засурскому за постоянную помощь и поддержку в работе.

УЧЕБНОЕ
ПОСОБИЕ

У ИСТОКОВ ПРОТОЖУРНАЛИСТИКИ

Понятия и категории «массовой информации» в их историческом становлении. — Жанр письма в Древнем Египте. — Зачатки риторики в древнем Египте. — Финикийское письмо. — Греческое письмо. — Роль почты в развитии древней коммуникации.

Понятия и категории «массовой информации» в их историческом становлении

Существует несколько мнений относительно времени возникновения журналистики. Одни исследователи считают, что она возникла в XVI–XVII веках как следствие изобретения в середине XV века Иоганном Гутенбергом и дальнейшего распространения[1] книгопечатания. Другие ученые склоняются к мнению о появлении журналистики вместе со становлением государства, возводя, таким образом, историю журналистики к эпохе Древнего Рима[2] или даже Древнего Китая[3].

Чтобы лучше понять историю журналистики, необходимо, в первую очередь, обратиться к основным связанным с нею понятиям, таким как **«информация», «коммуникация», «журналистика», «публицистика», «пропаганда»**, и проследить их эволюцию.

Если **информация —** это сведения, факты о ком-либо, чем-либо, то **коммуникация** — направленное сообщение чего-либо (например, информации), общение. Зачатки коммуникации можно увидеть еще в первобытно-общинном обществе, за многие столетия и даже тысячелетия до появления письменности. Например, вождь племени, криком созывая мужчин на охоту, совершал тем самым акт коммуникации.

Журналистика отличается от публицистики ненаправленностью информации.

Журналистикой называется общественная деятельность по сбору, обработке и периодическому распространению через средства массовой информации актуальной информации. Журналистика является одной из форм массовой коммуникации.

---

[1] См., напр.: *Корконосенко С. Г.* Основы журналистики. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 31–32; *Лучинский Ю. В.* Зарождение и развитие журналистики в Европе // История мировой журналистики. М.; Ростов-на-Дону: Изд. центр «Март», 2004. С. 11–12.

[2] *Берлин П.* Очерки современной журналистики. Периодическая печать на Западе // История печати. М.: Аспект Пресс, 2001. Т. 1. С. 5–7; *Саламон Л.* Всеобщая история прессы / Пер. с нем. // История печати. М.: Аспект Пресс, 2001. Т. 1. С. 70–71.

[3] *Саламон Л.* Указ. соч. С. 71–72.

Публицистика посвящена актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества. Она влияет на деятельность государственных и социальных институтов, служит способом организации и передачи социальной информации. Публицистика появляется не просто с появлением государств (так, в Древнем Египте практически не было публицистики), но вместе с гражданами, с публикой, которая уже умеет самостоятельно мыслить и нуждается в обсуждении насущных проблем общества и жизни.

Пропаганда журналистикой не является. В ее задачу входит распространение идей, учений, взглядов, идейное воздействие на широкие народные массы. Элементы пропаганды можно найти уже в античном обществе. В эпоху Средневековья термин «пропаганда», несмотря на вполне светский характер, был тесно связан с деятельностью католической церкви. Пропагандой средневековые католики называли обращение в веру. Недаром первые римские христианские миссионеры назывались пропагандистами.

Процесс становления и развития журналистики имеет очень древние корни. Протожурналистика гораздо старше государств: она появилась уже с рождением первых идеографических систем, которые возникли в IV тысячелетии до Рождества Христова. К протожурналистским явлениям некоторые исследователи (например, Я. Н. Засурский, Л. Г. Свитич) относят даже наскальные надписи.

Одним из ранних осознанных опытов коммуникации было использование письменности как средства закрепления речевой информации. Становление письменности тесно связано с потребностями формирующихся обществ и государств: необходима точная фиксация управленческой, хозяйственной, статистической информации, а также записи правовых, религиозных ритуалов и т.д.

В раннем обществе, еще не знавшем алфавита, письмо носило предметный, знаковый характер. С самых древних времен люди делали попытки найти еще одно, кроме языка, устойчивое средство коммуникации, тем более что устной речью можно было пользоваться лишь при непосредственных контактах. Наиболее доступным и легким в достижении этой цели оказался способ условно выражать различные понятия и совершать коммуникационные акты при помощи мнемонических средств[1], какими стали окружающие предметы. Такой способ выражения казался древнему человеку естественным, так как любой предмет, с которым он имел дело, был неразрывно связан с тем или иным понятием. Предметы, выбранные для сообщения, вызывали у всех людей, участвовавших в коммуникации, одинаковые ассоциации.

---

[1] *Мнемоника* (греч. *mnemonika* — искусство запоминания) — совокупность приемов и способов, облегчающих запоминание и увеличивающих объем памяти путем образования искусственных ассоциаций.

Один из наиболее древних и ярких примеров предметного письма приводит древнегреческий историк Геродот (ок. 484 — ок. 425 гг. до Р.Х.) в своей «Истории». Когда древние персы потребовали от скифов добровольного признания их могущества и власти, то скифы в ответ им послали птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Адресаты этого «письма» без труда перевели «текст», который гласил примерно следующее: «Персы, если только вы не умеете летать подобно птицам, прятаться в землю подобно мышам, прыгать по болотам подобно лягушкам, то будете осыпаны нашими стрелами, лишь только вы вступите в скифскую землю»[1].

На разных этапах развития общества и цивилизаций практиковались также другие мнемонические средства, облегчавшие коммуникацию: узелковое письмо, пиктография и др. Узелковое (или узловое) письмо представляет собой небольшие узловатые веревочки, каждый узелок которых имеет определенное значение. Узелковое письмо известно также с глубокой древности. Им пользовались персы, китайцы, инки и многие другие народы. В своей «Истории» Геродот приводит пример такого письма: персидский царь Дарий, отправляясь в поход против скифов, вручил ионийским тиранам ремень с 60 узлами, обозначавшими 60 дней, которые он собирался пробыть в походе; каждый день адресаты, считая дни, должны были распускать по одному узлу[2].

Одной из разновидностей узелкового письма считается так называемое раковинное письмо, которое использовали североамериканские племена. Коммуникация осуществлялась посредством разноцветных морских раковин, нанизанных на нитки или ремни. Понятия в раковинном письме выражались через форму, цвет, величину, а также различные комбинации раковин.

Со времен неолита известно также пиктографическое (рисуночное) письмо[3] — отображение общего содержания сообщения в виде рисунка или последовательности рисунков, обычно в целях запоминания. Впрочем, не все пиктограммы являются письмом, коммуникационным актом. В настоящее время трудно в точности установить разницу между чистым рисунком и сообщением[4]. Кроме того, нередко можно видеть смешение обоих мотивов. Таковы, например, пиктограммы эпохи палеолита из пещер Альтамира и Пасьега в Испании, Эмтланда в Швеции и др.

Часто употребляется и термин «петроглиф» (греч. *petros* — камень и *glyfe* — резьба) — наскальное изображение. Различие между петроглифами и пиктограммами состоит главным образом в том, что пиктограммы — исключительно рисунки, тогда как петроглифы включают в себя также геометрические и другие элементы.

---

[1] *Геродот*. История. Ч. V.

[2] Там же.

[3] От латинского *pictus* — нарисованный и греческого *grafo* — пишу.

[4] Подробнее об этом см.: *Лоукотка Ч.* Развитие письма / Пер. с чешского. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1950. С. 20–21.

Главная особенность подавляющего большинства пиктограмм состоит в том, что они сообщают лишь об одном определенном событии, как правило бытового характера, но всегда выраженном законченным предложением. Каждый рисунок соответствует одному предложению. Большинство пиктограмм выполняют коммуникационную функцию: это сообщения о любви, охотничьи сообщения, донесения о стычках, сражениях, боевых походах. Особый интерес представляют пиктограммы политического характера: договоры, заявления, переписи населения и т.п.

Одно из, по-видимому, некоммуникационных назначений пиктографии состояло в фиксации магических и заклинательных формул. Магия во многом повлияла на развитие пиктографического письма: первые попытки передачи сообщений посредством письма носили, скорее всего, магический характер и являлись элементами колдовства. Поэтому многие народы на ранних стадиях своего развития считали письмо волшебством. И этимология появившегося впоследствии слова «иероглиф» (греч. *hieros* — священный и *glyfe* — то, что вырезано), безусловно, свидетельствует о сакральном отношении древних людей к письменности. К тому же письмом пользовались, в большинстве своем, именно те люди, профессии которых вызывали у простого человека уважение и даже поклонение (например, чиновники, жрецы).

Таким образом, мы можем видеть в пиктографии первую ступень в развитии коммуникации. Конечно, большим недостатком пиктограмм была сложность их восприятия в процессе коммуникации. В процессе усовершенствования на смену пиктографическому пришло идеографическое письмо. Идеограмма[1] — письменный знак, соответствующий не звуку речи, а целому слову или морфеме. Уже на ранних этапах люди стали отождествлять определенные рисунки с определенными словами. Постепенно на письме используется все больше символов, письменные знаки начинают приобретать условный характер[2]. Например, у многих индейских племен изображение натянутого лука означало войну, изображение трубки, украшенной перьями, означало мир, а изображение мужчины, курящего трубку с перьями, — заключение мира.

Идеографическое письмо всех народов отличается тенденцией к поступательному развитию. Постепенно символы становятся все более универсальными, упрощаются и становятся более условными сложные изображения. Со временем знак перестает отображать значение слова, но лишь фиксирует его фонетический строй. Это важнейшее изменение привело к уменьшению числа знаков и, следовательно, к доступности идеографической системы для более широких социальных групп.

Впоследствии идеографическое письмо стало базой для создания иероглифов, которые появились в IV тысячелетии до Р.Х. — сначала в

---

[1] От греческого *idea* — идея, образ и *gramma* — черта, буква, написание.

[2] Подробнее об этом см.: *Шницер Я. Б.* Иллюстрированная всеобщая история письмен. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса, 1903.

Древнем Египте, в так называемую преддинастическую эпоху, а затем, несколькими столетиями позже, в Месопотамии[1]. По сути, именно в Египте родилось настоящее, в подлинном смысле слова письмо. Как и другие древние народы, египтяне считали письменность даром богов, а все написанное — божественным откровением. Именно этим фактом объясняется анонимность египетских литературных памятников. Изобретателем и хозяином иероглифов, покровителем литературы и всех пишущих иероглифами считался бог месяца, премудрости и государственного порядка Тот (Джехутий). Термин же «иероглиф»[2], по сравнению с самой египетской письменностью, очень молод: его впервые применил известный христианский философ и богослов Тит Флавий Климент Александрийский (150–220 гг.) около 200 года.

В русском языке вплоть до начала XX века это слово употреблялось с начальной «г»: «гиероглиф». В XX веке иероглифами называли всякие непонятные и неразгаданные письмена (включая письмо ацтеков, инков, майя и др.).

Первоначально для выражения своих мыслей египтяне просто рисовали предметы, причем каждое такое изображение соответствовало определенному понятию. Это было картинное письмо. Затем египтяне установили, что речь состоит из различных повторяющихся звуков и что употребляемые ими слова имеют вполне ограниченное число слогов. Под влиянием этого открытия стало происходить упрощение картиной системы: выбирались наименее трудные для начертания рисунки. Таких оказалось около пятисот. Каждый новый рисунок стал изображать не целое понятие (как было прежде), а один только слог, причем обозначались лишь согласные буквы. Это можно объяснить структурой речи древних египтян, где гласные играли подчиненную роль.

Способ выпускания гласных букв на письме унаследовали почти все позднейшие семитские алфавиты, возникшие из египетского письма: сначала финикийцы, а от них, в свою очередь, древние евреи.

Материалом для письма был папирус, из которого делали свитки. Их длина порой доходила до нескольких десятков метров. В свитках писали справа налево, сначала вертикальными, а затем горизонтальными строками. Свитки были практичны, удобны в хранении и, несмотря на хрупкость, надолго пережили эпоху Древнего Египта и сохранялись вплоть до середины первого тысячелетия нашей эры.

Помимо папирусов, египтяне использовали для письма камень. До наших дней дошли многие иероглифические надписи на пьедесталах и самих памятниках, стенах гробниц и храмов. Известный русский востоковед Б. А. Тураев писал, что египтяне «покрывали надписями и сар-

---

[1] Впрочем, некоторые исследователи (прежде всего, немецкие и чешские) отдают приоритет в появлении письма не Египту, а Месопотамии.

[2] От греческого *ieros* — священный и *glyfein* — вы́резать, выгравировать.

кофаги, и скарабеи, и амулеты, и статуэтки, и ткани, и предметы культа и домашнего обихода — вообще все, что подавало к писанию повод и предоставляло место»[1].

Жанр письма в Древнем Египте

Поскольку египетская государственность сложилась в глубокой древности, уже тогда должны были использоваться письма, необходимые для нужд государства. Письменные источники, сохранившиеся от архаической эпохи, свидетельствуют о том, что собственно текстам, иероглифам предпочитались графические изображения, рисунки. Письмо еще не способно было вместить в себя большие тексты. По свидетельству Б. А. Тураева, даже фараон Хасехем (правивший в конце II династии), увековечивая свои военные победы на каменных плитах, сосудах и собственных статуях, минимально использовал иероглифы. Но в то же время он не скупился на написание цифр, указывавших число убитых и взятых в плен врагов[2].

Со временем египтяне стали составлять летописи, повествовавшие о развитии и гибели династий, об указах фараонов, о войнах, торговых связях с соседними землями. Летописи составлялись придворными жрецами и носили, как правило, официальный характер. Вместе с официальными постепенно появлялись и развивались частные тексты. Их также писали на подручных средствах: вазах, надгробных плитах, а также гробницах богатых людей. Содержание частных текстов отражало, в первую очередь, важные события в жизни умершего, особенно это касалось его взаимоотношений с фараоном, часто приводились даже их диалоги. Эти письма клали в гробницу к покойному — в надежде на дополнительную милость к нему богов.

Так, в гробнице Уашптаха, главного архитектора фараона V династии Нофериркала, сохранилось письмо, которое повествует о скоропостижной кончине архитектора в присутствии фараона, осматривавшего новые постройки Уашптахом. Фараон стал хвалить архитектора — и вдруг заметил, что тот не слышит его похвал. Автор письма (по-видимому, это был сын покойного по имени Мернутернесути) отмечает, что «величайший страх проник в сердца их». Несмотря на усилия жрецов и врачей, спасти Уашптаха не удалось. Огорченный фараон, помолившись богу Ра, приказал похоронить архитектора за свой счет. Похороны за государственный счет, выражавшиеся в получении гробницы в подарок от фараона, считались особенным отличием, а написание на ее стенах имени и заслуг умершего обеспечивало, по мнению древних египтян, бессмертие.

---

[1] *Тураев Б. А.* Египетская литература. СПб., 2000. С. 36.

[2] См. об этом: *Тураев Б. А.* Исторический очерк древнеегипетской литературы // Египетская литература. М., 1920. Т. 1. С. 49.

С конца V — начала VI династии письма биографического и автобиографического характера, оставленные в гробницах, становятся достаточно распространенным явлением. Иногда рассказы на стенах гробниц настолько живые и развернутые, что включают в себя речи, диалоги, письма. Так, например, в надписи из гробницы вельможи Хирхуфа, повествующей об экспедиции в Судан, полностью приводится письмо фараона Пиопи II, адресованное Хирхуфу[1]. Это одно из самых древних древнеегипетских писем, сохранившихся целиком.

Таким образом, гробницы — один из ценнейших источников, свидетельствующих о том, что жанр письма был достаточно распространен в течение всей древнеегипетской истории. Как видим, письмо было связано с религиозной жизнью, с верованиями египтян в то, что написанный на папирусе или высеченный на камне текст может магически дать умершему продолжение земной жизни в загробном мире, а также сохранить его имя среди потомков. Все без исключения сохранившиеся письма не были адресованы живущим людям, которые пришли бы почтить память покойного к его гробнице (в отличие, скажем, от эпитафий на могильных камнях европейцев христианской эпохи), и, вообще, не предусматривали никакого конкретного читателя. Тем не менее адресат подразумевался: это, в первую очередь, боги, которые должны тем самым учесть земные заслуги умершего, и затем, вероятно, далекие потомки (поскольку современники и без того знали о жизни и отличиях героя писем). И в этом — главное назначение и особенность этого жанра. Поэтому религиозная подоплека писем несомненна.

Зачатки риторики в Древнем Египте

Классическая эпоха древнеегипетской истории — эпоха Среднего царства (XXII–XVI вв. до Р.Х.) — оставила немало памятников литературы, в том числе и публицистического характера. В некоторых из них описываются беседы, приводятся речи героев. Например, в Берлинском музее сохранился 155-строчный «Разговор разочарованного со своим Ба [душой. — *Г. П.*]». Здесь идет напряженный диалог между двумя сущностями человека — душой (Ба)[2] и собственно человеком, стоящим на грани самоубийства. «Разговор...» — пожалуй, единственное древнеегипетское литературное сочинение, написанное в форме диалога.

Разговор человека со своей душой как литературный прием использовался впоследствии также в хетто-хурритской литературе (например, в эпической «Песни об Улликумми» XVI в. до Р.Х., «Молитве Кантуцилиса» XV в. до Р.Х.).

---

[1] Полностью это письмо приведено в: *Тураев Б. А.* Рассказ египтянина Синхуета. М., 1915.

[2] Древние египтяне изображали Ба (душу) в виде птицы с человеческой головой.

В Британском музее представлена деревянная доска, на которой начертан отрывок из беседы жреца по имени Хахеперсенб Онху из города Илиополя с собственным сердцем, выдержанный в таком же пессимистическом духе.

Гораздо лучше (но также частично) сохранилось «Речение Ипувера» — произведение, в котором мудрец Ипувер гневными речами обличает фараона, виновного, по его мнению, в бедах и несчастьях, постигших Египет, обвиняет его в неспособности решительно противостоять возникшим трудностям. Обличения Ипувера — древнейший и самый подробный образец ораторского искусства Древнего Египта.

Папирус Ипувера приобрел в 1828 году Лейденский музей в Нидерландах. По мнению ряда специалистов, папирус представляет собой хронику бедствий, постигших Древний Египет, описанных в ветхозаветной книге Исхода (гл. 7–15). В то же время датировка папируса попрежнему остается спорной.

Финикийское письмо

Изобретение алфавита — заключительный акт в процессе создания письменности. Первое в истории буквенное письмо — протоалфавит (где были только согласные буквы) создали финикийцы — народ, живший на территории Восточного Средиземноморья в середине II тысячелетия до Р.Х.

Гипотеза о происхождении финикийского письма от древнеегипетских иероглифов наиболее правдоподобна и аргументирована. Впрочем, существуют и другие гипотезы. Так, например, еще древнеримский историк Тацит (58–117 гг.) считал, что алфавит изобрели египтяне, а финикийцы лишь переняли его и распространили алфавитное письмо — в частности в Грецию («Анналы», XI, 14).

Финикийцы были лучшими в древнем мире торговцами и мореходами. Изучив иероглифы Древнего Египта и клинопись Вавилона, они — в торговых и научных целях — создали свое собственное письмо. Оно уже не имело символических форм, свойственных иероглифам. Звуки стали передаваться графически. Каждая буква изображала определенный звук, каждый звук передавался на письме одной буквой.

Финикийский протоалфавит состоял из 22 согласных букв, в нем полностью отсутствовала вокализация (гласные буквы на письме не обозначались) и была установлена строгая последовательность букв, которую взяли за основу практически все последующие мировые алфавиты. Например, первая буква финикийского алфавита «алеф» стала в греческом алфавите называться «альфа», в славянском — «аз», в русском — «а». Направление письма было, как и в Египте, справа налево. Во всех производных от финикийского алфавитах эта особенность до определенного времени сохранялась, а в некоторых языках (например, в иврите), существует и сегодня.

Финикийское письмо с поразительной скоростью распространилось по миру. Это произошло, прежде всего, потому, что, в отличие от иероглифического, финикийское письмо было легким в усвоении. Тем самым началась постепенная десакрализация письма: со временем оно перестало быть искусством, доступным лишь немногим избранным лицам.

Народы, которые находились в торговых или деловых отношениях с финикийцами, быстро перенимали финикийское письмо и часто, в свою очередь, передавали другим народам. К финикийскому письму восходят все европейские системы письма (в том числе и славянская азбука — кириллица), а также еврейское, иранское, арабское письмо, письменности Индии, Центральной Азии.

Греческое письмо

Первый алфавит, который состоял не только из согласных, но и также из гласных букв, создали древние греки приблизительно в XI–VIII веках до Р.Х. Основой послужило финикийское письмо. Самые ранние из дошедших до нас греческих надписей — так называемый архаический алфавит — выполнены, как и финикийские, справа налево, и в них также отсутствуют гласные буквы.

Впоследствии греческий алфавит претерпел значительные изменения. Были добавлены гласные буквы. Для их обозначения греки взяли пять финикийских букв, которые выражали гортанные и полугласные звуки. Так финикийская буква «алеф» превратилась в греческую «альфа», «хе» — в букву «эпсилон», «айин» — в букву «омикрон», «йод» — в букву «йота», «вав» — в букву «юпсилон». Кроме того, было изменено направление письма — теперь оно стало слева направо. Некоторые финикийские буквы, вошедшие в архаический греческий алфавит, постепенно исчезли. Со временем сложился новый греческий алфавит (так называемая ионийская редакция), который состоял из 24 гласных и согласных букв.

Греческий алфавит (как и финикийское письмо) был общедоступен, получил повсеместное распространение в античных полисах и стал мощной базой для развития коммуникации в античном обществе.

Роль почты в развитии древней коммуникации

Важная роль в развитии коммуникации принадлежит почте, зачатки которой можно наблюдать уже в древнейшей истории первых государств. Слово «почта» происходит от латинского *posta* и первоначально означало место, где происходила смена развозивших корреспонденцию лошадей.

Почта была, по сути, одним из древнейших средств коммуникации. С самого своего появления она служила средством сближения или общения людей. Постоянно возраставшая потребность в коммуникации способствовала развитию почты и строительству новых дорог и путей сообщения. Именно по этой причине почта успешнее всего развивалась в государствах с сильной централизованной властью.

Начиная с глубокой древности передачу информации на расстояние осуществляли посыльные, курьеры или гонцы. Древнейшие упоминания о них относятся примерно к 2300 году до Р.Х. — эпохе Древнего Египта[1]. Гонцы передвигались в зависимости от условий, обстоятельств и климатических особенностей местности пешим или конным порядком. Их путь проходил, как правило, по караванным путям. Маршруты гонцов шли по всему древнему миру, до Карфагена на западе, Эфиопии на юге и Китая на востоке.

Впрочем, почты в традиционном виде древнее общество еще не знало. Основателем такой почты считается персидский царь Кир (550 г. до Р.Х.), который повелел проложить дороги во все крупные города страны, построить на них через каждые 25 километров почтовые станции, где можно было поменять лошадей и передать почту до следующей станции. Таким образом, путь гонцов пролегал теперь, как правило, между двумя соседними станциями и стал тем самым проще и безопаснее. Почта, устроенная таким образом, существовала во всех странах на протяжении многих столетий, вплоть до появления в XIX веке железных дорог.

Вопросы для повторения

1. Информация, коммуникация: содержание понятий.
2. Виды коммуникации в первобытном обществе.
3. Развитие межличностных коммуникаций в древнем мире: от письменности к письму, от письма к почте.
4. Журналистика, публицистика: возникновение понятий и эволюция их содержания.
5. Пропаганда: истоки термина и его современное значение.
6. Появление письменности. Древнейшие средства коммуникации.
7. Зачатки протожурналистики в Древнем Египте.
8. Первые алфавиты, их роль в распространении информации.
9. Зарождение почты и ее роль в развитии коммуникации.

Рекомендуемая литература

Владимиров Л. И. Всеобщая история книги: Древний мир. Средневековье. Возрождение. XVII век. М., 1988.

Кацпржак Е. П. История книги. М., 1964.

Кондратов А. М. Письмена мертвые и живые. СПб., 2007.

Лоукотка Ч. Развитие письма. М., 1950.

Ученова В. В. У истоков публицистики. М., 1989.

Шедлинг М. Очерки по истории мировой почты // История печати. М., 2008. Т. 3.

Шницер Я. Б. Иллюстрированная всеобщая история письмен. СПб., 1903. (Репринтное издание.)

[1] Подробнее об этом см.: *Шедлинг М.* Очерки по истории мировой почты // История печати. М.: Аспект Пресс, 2008. Т. 3. С. 38.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РИТОРИКИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Зарождение ораторского искусства. — Афинский суд. Типы и особенности речей. — Расцвет софистики. Первые ораторы (Горгий. Антифонт).— «Золотой век» ораторского искусства (Лисий. Исей. Исократ. Демосфен. Эсхин. Полемика Демосфена и Эсхина). — Конец «золотого века» ораторского искусства. — Эллинистический период развития риторики. — Публичные надписи как элемент коммуникации. — Почта в Элладе. Гонцы и глашатаи.

Зарождение ораторского искусства

В Древней Греции журналистика в нашем привычном понимании еще не существовала. В V–IV веках до Р.Х. здесь получил широкое развитие такой жанр протожурналистики, как ораторское искусство — искусство публичного выступления с целью убеждения. В его основе лежала ораторская речь.

«**Ораторская речь** — вид монологической речи, употребительной в ситуации, когда говорящий обращается к многочисленной аудитории с целью убеждения или внушения. Ораторская речь характеризуется традиционными особенностями композиции, стиля (и вообще употребления языковых средств), соотношением языковых и неязыковых (паралингвистических) средств общения. Традиции современной ораторской речи восходят к ораторскому искусству Древней Греции и Рима (Демосфен, Цицерон). Особенности ораторской речи изучались ранее риторикой. Выделяют академическое (научное), политическое, судебное, церковное (особенно проповедь) и другие виды красноречия»[1].

Тогда же начинается постепенное формирование журналистских и публицистических жанров, происходит зарождение публицистики.

Древняя Греция — Эллада — представляла собой независимые города-государства (полисы). У каждого полиса были свои законы, своя власть, своя монета, иногда — колонии. Объединяло полисы общее культурное пространство, древнегреческий язык и языческая религия. Крупнейшим и самым развитым в культурном, духовном и экономическом отношении полисом были Афины. Поэтому, говоря о древнегреческом ораторском искусстве, мы будем иметь в виду именно афинскую риторику.

Риторика — наука, изучающая ораторское искусство и свойства ораторской речи.

[1] Большая Советская Энциклопедия.

С. И. Радциг определяет риторику как теорию ораторского искусства[1]. «Мастерицей убеждения» называет риторику древнегреческий философ Платон[2]. Производное слово от «риторики» — ритор. Риторами называли учителей красноречия, хотя в широком смысле слова ритор — это вообще оратор.

Древние греки неспроста считали искусство владением речи даром богов. В их языческом пантеоне была даже богиня искусства убеждения и красноречия **Пейто** — дочь Океана и Тефиды, которые, по греческой мифологии, считались братьями Зевса и детьми Урана (неба) и Геи (земли).

Афинский суд. Типы и особенности речей

Ораторское искусство в Афинах было таким же почитаемым, как героический эпос Гомера и классическая драма Эсхила и Софокла. Обучение риторике, ораторскому мастерству являлось высшей ступенью античного образования. Умение красиво, грамотно и убедительно изъясняться считалось основополагающим. Уже на закате классической эпохи великий древнегреческий ученый, философ и ритор **Аристотель** (384–322 гг. до Р.Х.) в труде «Риторика» (написана около 330 г. до Р.Х.) разделил речи на три вида: **совещательные (или политические)**, **судебные** и **торжественные (эпидиктические)**[3]. Совещательные речи касались вопросов мира и войны, финансов, торговли, законодательства. Цель судебных речей была обвинить или оправдать. Торжественные речи сводились к похвале или порицанию.

Однако эти три вида речей не развивались независимо друг от друга. Часто в речах можно было выделить элементы как, скажем, торжественного, так и политического красноречия. В то же время судебная речь нередко включала в себя признаки политической речи.

Самая ранняя из этих трех видов речей — торжественная. Она зародилась, по-видимому, из практики тостов, которые возглашали афиняне на домашних симпозиумах. Слово «симпозиум» в переводе с греческого языка означает «дружеская пирушка, пиршество».

Но это были неосознанные опыты коммуникации. Заранее продуманные, построенные по определенной схеме речи стали появляться в Афинах в начале V века до Р.Х. Это была эпоха «золотого века» афинской демократии. Впрочем, ораторская традиция зародилась за несколько столетий до указанной эпохи. Так, герои «Илиады» и «Одиссеи» Гомера неоднократно произносят публичные речи.

Отец-основатель афинской демократии архонт **Солон** (ок. 640 — ок. 559 гг. до Р.Х.) провел демократические реформы. Так, он создал суд присяжных. Речи, которые афиняне произносили на суде в свою защи-

---

[1] *Радциг С. И.* История древнегреческой литературы. М., 1982. С. 218.

[2] *Платон*. Горгий. 8, p. 453A / Собр. соч.: В 4 т. М., 1990–1994.

[3] *Аристотель*. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2004. С. 14.

ту или против своих соперников — судебные речи, — получили в Афинах наибольшее распространение.

Афиняне часто и по разным поводам обращались в суд. Можно сказать, что суд был непременным атрибутом жизни общества того времени. Он состоял из присяжных, которые выбирались жребием среди афинских граждан сроком на один год, причем повторное избрание не допускалось. Поскольку суды заседали в среднем от 175 до 225 дней в году, то есть бóльшую часть года, судьи вынуждены были на время оставить свою непосредственную работу. Государство платило каждому судье жалованье, равное или чуть большее прожиточного минимума. Возрастной ценз для избрания судьей составлял тридцать лет.

Подобный ценз распространялся также на некоторые другие занятия (например, учительство) и существовал не только в Афинах, но и впоследствии в Риме, а также в Иудее. Именно по этой причине Иисус Христос начал проповедовать, достигнув тридцатилетнего возраста.

Естественно, никаких учебных заведений соответствующего профиля не существовало. Поэтому судьи оставались непрофессиональными, и решения, которые они принимали, носили чисто субъективный характер. К тому же в Древних Афинах не было четкой системы законодательства, как, например, впоследствии у римлян (что получило название «римское право»). Решения принимались, как правило, по прецедентному принципу. Количество судей, голосовавших *за* или *против* того или иного вопроса, зависело от степени серьезности рассматриваемого дела и колебалось от 201 до 6001 человека, но всегда оставалось нечетным. Все это помогало избежать как гипотетической ситуации подачи голосов поровну, так и возможности подкупа судей. Голосование против всех или воздержание при голосовании в античном суде не допускалось.

В афинском суде не существовало института прокуроров и адвокатов. Истец сам обвинял соперника, равно как и обвиняемый защищал себя сам. Каждый из них обязан был самостоятельно составить в соответствии с регламентом судебную речь. По окончании выступлений сторон судьи голосовали сразу, без дискуссий.

Конечно, далеко не каждый афинянин мог самостоятельно грамотно и убедительно составить судебную речь. Тогда на помощь приходил **логограф** (от древнегреч. — изготовитель речей для других). За определенную плату логограф составлял клиенту речь, которую тот заучивал наизусть и от первого лица произносил в суде.

Во вступлении говорящий обращался к высокому собранию с комплиментами, кратко излагал суть дела и выражал надежду на объективное рассмотрение своего вопроса. В основной части речи оратор, во-первых, излагал собственное видение проблемы, а во-вторых, отвечал на критику оппонентов (или предвосхищал ее). К речи могли быть добавлены свидетельские показания, фрагменты ранее принятых законов,

которые зачитывались перед судьями. Эпилог (заключительная часть) заключал в себе высший эмоциональный накал и тем самым должен был произвести на судей наиболее сильное впечатление. Ведь чтобы речь быстрее и доходчивее доходила до каждого судьи, одних классических аргументов было мало. Тогда в ход вступали аргументы индивидуальные, подтверждающие, как правило, добродетельную жизнь истца или ответчика, его невиновность перед судом.

Задача логографа состояла, в том числе, и в обучении своего клиента ораторским и театральным приемам, необходимым для исполнения речи и, в частности, ее эпилога. Так, если, например, с оправдательной речью выступал воин, он разрывал на себе хитон и обнажал раны, полученные в битвах за отечество. Раздирание хитона означало высшую степень гнева, негодования. Этот прием широко использовался как в Афинах, так и в Риме, о нем неоднократно упоминается на страницах Ветхого и Нового Заветов. Впрочем, хитон практически никогда не раздирали на куски, но лишь срывали с себя.

Если обвиняли главу большой семьи, то в нужный момент на сцену, стремясь разжалобить судей, выходили плачущая жена с маленькими детьми. К этому приему прибегал, в частности, Сократ, оправдываясь в афинском суде.

Часто в эпилоге звучала божба (например: «Пусть Зевс разразит меня своими молниями, если я лгу!»), которая производила сильное впечатление на судей и зрителей.

Для победы в суде недостаточно было набрать простого большинства голосов: такая победа считалась неубедительной. Требовалось заручиться поддержкой, по крайней мере, двух третей судей. Если судящийся набирал при голосовании менее десяти процентов голосов, то это считалось абсолютным поражением. Проигравший присуждался к уплате штрафа в зависимости от степени вины и должен был оплатить судебные издержки. Помимо штрафа, в арсенале суда существовали такие наказания, как конфискация имущества, полное или частичное лишение гражданских прав, смертная казнь. Самые крайние наказания — изгнание из Афин (остракизм) или смертная казнь — применялись очень редко.

Простые люди, как правило, остракизму не подвергались. К этому наказанию присуждались в основном известные в Афинах люди: политические деятели, ораторы, полководцы и т.п. Осужденный на смертную казнь должен был выпить чашу с ядом.

Расцвет софистики. Первые ораторы

К середине V века до Р.Х. риторика из элитарного знания превратилась в общеупотребительную науку и получила широкое распространение сначала в Афинах, а затем и в других греческих городах. Яркими представителями риторики были учителя и преподаватели красноре-

чия — **софисты**, которые появились в Афинах во второй половине V века до Р.Х. Этимология слова «софист» происходит от древнегреческого σοφιστής — «умелец, изобретатель, мудрец, знаток». В широком смысле термин «софист» означал искусного или мудрого человека.

Софисты, отмечает Коринна Куле, «были странствующими учителями и путешествовали из города в город, распространяя свое знание, так что по своему образу жизни были деятелями коммуникации»[1]. Как полагали софисты, абсолютной истины в мире не существует и истинно то, что можно убедительно доказать. Умелое владение языком, яркость и образность мысли, мастерство убеждения — все это придавало софистам огромную популярность в народе и пользовалось большим спросом. В Элладе успешно функционировали школы красноречия, где преподавали софисты и брали за свои услуги большие деньги.

Первыми афинскими учителями красноречия считаются риторы **Корак** и **Тисий**, выходцы с Сицилии. Но все сведения о них носят легендарный характер, из их работ не сохранилось до наших дней ничего. По преданию, в Афинах получил широкое распространение некий трактат Тисия об ораторском искусстве, а Корак преподавал в этом городе практическую риторику.

Горгий. Одним из первых ораторов, софистов и крупнейшим для своей эпохи теоретиком и учителем красноречия, чье творчество дошло до нас хотя бы частично, был **Горгий** (485 или 483–380 гг. до Р.Х.). Как и Корак и Тисий, он считался учеником выдающегося сицилийского ученого, философа и ритора Эмпедокла. Горгий утверждал, что истинного знания не существует: ведь даже то, что человек пережил сам, он часто вспоминает потом и познает с большим трудом.

Горгию было 58 лет, когда он приехал в Афины послом сицилийского города Леонтины (этот возраст считался глубокой старостью). Афиняне, относившиеся с недоверием к чужеземцам, были, тем не менее, изумлены безупречной чистотой и красотой речи Горгия. Через несколько лет, переехав окончательно в Афины, оратор открыл школу красноречия, которая пользовалась исключительным успехом. Предание сохранило совет Горгия одному из учеников: «Серьезные доводы противника опровергай шуткой, шутки — серьезностью».

За блестяще произнесенную «Олимпийскую речь» (выступление на общеэллинском Олимпийском празднике в 388 г. до Р.Х. — яркий образец торжественного красноречия) Горгий еще при жизни удостоился золотой статуи в Олимпии. Это был небывалый для оратора случай. Фрагменты постамента золотой статуи Горгия были найдены при раскопках в Олимпии в конце XIX века. Впрочем, по другой версии, Горгий сам поставил себе золотую статую.

---

[1] *Куле К.* СМИ в Древней Греции. М., 2004. С. 81–82.

«Олимпийская речь» Горгия до наших дней не дошла, сохранились лишь восторженные сведения о ней современников и упоминания потомков. В этой речи Горгий обращался к эллинам с призывом объединиться, забыв мелкие взаимные распри, ради победы над общим внешним врагом — персами.

Горгий прославился тем, что, по сути, впервые посмотрел на ораторское искусство не как на дар богов, а поставил его на научную почву, создав теорию красноречия. Специальные теоретические труды Горгия, к сожалению, не сохранились. Зато получили широкую известность и пережили века словесные риторические фигуры, которые принято называть **горгиевы** (или горгианские) **фигуры**: **антитеза**, **равночленность**, **созвучие окончаний**.

Антитеза — противопоставление частей фразы друг другу, которое придает ясность и завершенность мысли автора.

Равночленность (в переводе с греч. — «симметрия слогов») — создание в предложении внутренней симметрии, синтаксической гармонии. Все фразы в предложении аналогичны по форме и разделяются на симметричные по объему части.

Созвучие окончаний — по сути, рифма, которая часто встречается в равночленном предложении.

Эти фигуры Горгий не изобрел — они существовали до него, но впервые широко использовал в ораторском искусстве. Создавая речь, Горгий нагромождал большое количество подобных фигур. Таким образом, поэтический стиль соединялся с прозаическим. В этом и заключалось новаторство Горгия. Со временем стиль, разработанный им, стал настолько популярен, что распространился по всему греческому миру.

Многочисленные примеры использования горгиевых фигур можно увидеть в двух сохранившихся речах Горгия, написанных на сюжеты мифов о Троянской войне, — «Елена» (или «Похвала Елене») и «Паламед» (или «Защита Паламеда»[1]). Обе речи были для Горгия школьным, риторическим упражнением: «...эту я речь захотел написать Елене во славу, себе же в забаву»[2]. По некоторым данным, Горгий составлял также речь, порицающую Елену. На мифологических примерах оратор упражнялся в софистике. Особенно широко представлены и риторические приемы, и горгиевы фигуры в речи «Похвала Елене», которая сохранилась лучше, чем «Защита Паламеда».

По мнению И. М. Тронского, «“Елена” представляет собой “шутку”, речь в защиту парадоксального положения: доказывается, что Елена, бежавшая от мужа с Парисом, не заслуживает порицания»[3]. Убеждая слу-

---

[1] Другой перевод названия речи — «Оправдание Паламеда».

[2] *Горгий*. Похвала Елене // Ораторы Греции. М., 1985. С. 31.

[3] *Тронский И. М.* История античной литературы. Л., 1957.

шателей в невиновности Елены, Горгий утверждает, что она была бессильна противиться воле богов, насилию, сладким речам похитившего ее Париса и, в конце концов, возникшей к нему любви: «Случая ли изволением, богов ли велением, неизбежности ли узаконением совершила она то, что совершила? Была она или силой похищена, или речами улещена, или любовью охвачена?»[1]. Именно поэтому, утверждает Горгий, Елена не может быть признана виновной и осуждена. Рассматривая поочередно каждый пункт, по которому обвинялась Елена, оратор последовательно снимает с нее всякую вину. Таким образом, Горгий создает схему защитительной судебной речи, которая впоследствии широко и успешно применялась многими поколениями логографов и ораторов.

Оглушительный успех сопутствовал Горгию до конца его дней. Он умер в возрасте ста пяти, а по другим сведениям — ста восьми лет. Горгий был учителем таких, в частности, выдающихся ораторов, как Исократ и Антисфен, оказал влияние на целые поколения риторов и софистов Эллады.

Антифонт. Выработку новых приемов и методов ораторского искусства продолжил современник Горгия оратор и политический деятель **Антифонт** (490–411 гг. до Р.Х.). В приемах построения речей он был противоположностью Горгию. От Антифонта до наших дней дошло пятнадцать судебных речей по делам, связанным с убийствами, большинство которых — такие же школьные риторические упражнения. В них оратор практически не использует горгиевы фигуры, мало внимания обращает на план, композицию и внешнюю красоту речей. В то же время риторика Антифонта весьма практична: он стремится выработать образцы ораторских выступлений, которые могли бы помочь судящимся при составлении обвинительных или защитительных речей.

За участие в неудавшемся антидемократическом перевороте Антифонта обвинили в измене. Сохранились фрагменты его оправдательной речи, которая, впрочем, не убедила суд: Антифонт был приговорен к смертной казни.

«Золотой век» ораторского искусства

Лисий. Расцвет речевой коммуникации в Афинах пришелся на IV век до Р.Х. Классическая эпоха века Перикла к тому времени ушла в прошлое, героическая трагедия и масштабная архитектура сменились малыми жанрами. Наибольшую популярность получили комедия, лирика и ораторское искусство. Именно тогда были созданы, в частности, непревзойденные образцы судебного красноречия. Одним из самых ярких

[1] *Горгий*. Указ. соч. С. 28.

мастеров этого жанра был оратор и логограф **Лисий** (459[1] — около 380 гг. до Р.Х.).

Отец Лисия Кефал переселился в Афины с Сицилии. Он отличался хорошим образованием, в его доме регулярно собирались выдающиеся афиняне. Например, частым гостем Кефала был Сократ. Детство и отрочество Лисия проходили и этом кругу, что, несомненно, наложило глубокий отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. В пятнадцать лет, после смерти отца, Лисий со старшим братом Полемархом уехал в южную Италию, где Лисий усиленно изучал риторику. Его учителем был Тисий. В 412 году до Р.Х. братья возвратились в Афины. Население Афин делилось на граждан, метеков (т.е. лиц без гражданства) и рабов. Как и многие метеки, Лисий был богат: они с братом имели три дома и владели большой фабрикой по производству щитов, где работали 120 рабов, а возможно, и еще подобной фабрикой в Мегаре[2].

Рабский труд в Древних Афинах крайне редко использовался в больших масштабах. В среднем афинский гражданин имел, как правило, от трех до семи рабов. В сравнении с этим Лисий с братом были богатыми и крупными рабовладельцами.

В 404 году до Р.Х. в Афинах произошел антидемократический переворот и к власти пришла группа правителей, которую называли «Тридцать тиранов». Современное значение слова «тиран» ничего общего не имеет с древнегреческим. В Афинах тиран — правитель, пришедший к власти недемократическим путем. Среди Тридцати тиранов было много высокообразованных и культурных людей, например Аристотель, Эсхин. Тираны начали преследование богатых метеков — сторонников демократии, среди которых были Лисий и Полемарх. Лисий сумел бежать из города, Полемарха казнили, а все обширное имущество братьев расхитили.

Но спустя год власти Тридцати тиранов пришел конец, и демократия в Афинах восторжествовала. Лисий был уже, по меркам тех лет, глубоким стариком: ему шел 57-й год. Как и у многих пострадавших афинян, у него появилась надежда вернуть через суд хотя бы часть потерянного имущества. Скорее всего, Лисий имел возможность нанять логографа для защиты своих интересов в суде. Так, уже лишившись имущества, он, тем не менее, оказал значительную материальную помощь освободителям Афин от власти Тридцати тиранов. Но, имея за плечами богатый опыт занятия риторикой, Лисий решил выступить с обвинительной речью сам. *«Речь против Эратосфена, бывшего члена коллегии*

---

[1] Эта дата следует из позднегреческих книг «О Лисии» Дионисия Галикарнасского (I в. до Р.Х.) и «Биографии десяти ораторов» Псевдо-Плутарха (I–II вв.). По предположениям некоторых ученых нового времени, Лисий родился между 444 и 431 годами до Р.Х. Таким образом, возраст Лисия колеблется от 79 лет, по классическим данным, до 64–51 года.

[2] См. об этом: *Соболевский С. И.* Лисий и его речи // Лисий. Речи. М.: Ладомир, 1994. С. 36–38.

Тридцати», произнесенная в 403 году до Р.Х., — первая из дошедших до нас речей Лисия и единственная, которую он произнес в суде сам[1].

Эта речь принесла Лисию шумную славу, даже несмотря на то, что цели своей он, судя по всему, не достиг и Эратосфен был оправдан. Такой вывод можно сделать хотя бы потому, что Эратосфен фигурирует в другой речи Лисия, которую тот написал для Евфилета, — «Защитительной речи по делу об убийстве Эратосфена».

Вскоре афиняне стали обращаться к оратору за помощью в составлении судебных речей, и со временем Лисий стал одним из известнейших логографов. О его популярности говорит хотя бы тот факт, что за оставшиеся 23 года жизни Лисий составил 425 речей (из них лишь 233 были признаны в точности вышедшими из-под пера Лисия), тогда как его коллеги-современники за годы своей деятельности оставили после себя, как правило, не более ста речей.

Из всего сохранившегося риторического наследия Лисия даты произнесения только двух речей нельзя доподлинно определить. Это «Жалобы товарищам по поводу злословия» и «Речь о любви». Об остальных речах можно точно сказать, что они были написаны после 403 года до Р.Х.

Лисий заложил основы жанра судебной речи. Не одно поколение ораторов и логографов на протяжении нескольких веков следовало канонам, созданным Лисием. От него до наших дней дошло 34 речи, из них лишь 23 сохранились полностью. Всего имеются сведения лишь о 165 речах Лисия, в том числе не только по текстам или их фрагментам, но и по заглавиям, цитатам и т.п. Сохранились также три небольших отрывка из разных писем Лисия.

Практически во всех своих речах Лисий сознательно избегает вычурности Горгия, несколько изменяет классическую композицию речи (например, эпилог у Лисия, как правило, сдержанный, тогда как по канонам здесь должен содержаться высший пафос негодования). Речи Лисия просты, естественны, полны обыденной бытовой действительности и в то же время логичны, а порой даже и нарочито безыскусны.

Особенно ярко видны приемы Лисия в *«Оправдательной речи по делу об убийстве Эратосфена»*. Эта речь написана для незнатного афинянина Евфилета, который был привлечен к суду за убийство давнего врага Лисия Эратосфена. Рассказчик выступает в роли обманутого, наивного «маленького» человека, для которого последняя надежда — справедливое решение судей. Евфилет говорит мягким, ровным тоном (что в целом характерно для героев речей Лисия), никогда не опускается до оскорблений оппонента. Интересно, что в то же время простодушный Евфилет — не только законопослушный афинянин, но и прекрасный

[1] Кроме того, сохранились две торжественные речи, произнесенные Лисием: «Олимпийская речь» (388 г. до Р.Х.) и «Надгробное слово в честь афинян, павших при защите Коринфа» (394 г. до Р.Х.). Впрочем, авторство последней речи оспаривается.

знаток законов. Даже застав ночью Эратосфена в спальне изменницы-жены, он, предваряя толпу собранных свидетелей с факелами в руках, прежде чем убить соблазнителя, прочел ему нотацию о необходимости соблюдать афинские законы. «Не я тебя убью, но закон, который ты преступил, поставив его ниже своих удовольствий, — поучал Эратосфена Евфилет. — Ты сам предпочел совершить тяжкое преступление против моей жены, моих детей и меня самого, вместо того, чтобы соблюдать законы и быть честным гражданином»[1].

Исей. Из многочисленных последователей Лисия большим успехом у современников пользовался оратор и логограф **Исей** (ок. 420 — ок. 350 гг. до Р.Х.). Он специализировался, судя по дошедшим до нас его речам, на процессах о наследстве. Из полусотни речей Исея сохранилось одиннадцать. Несмотря на некоторые созданные риторические новшества, оратору не удалось превзойти мастерство и популярность своего учителя.

Исократ. Одним из самых известных представителей жанра торжественного красноречия был **Исократ** (436–338 гг. до Р.Х.). Его отец Феодор владел мастерской по изготовлению флейт, был богатым человеком и дал сыну хорошее образование. Большое влияние на Исократа оказали Горгий и Сократ. По своим взглядам Исократ всю жизнь оставался сторонником олигархического правления и последовательным врагом демократии. Его политическим идеалом была единоличная власть, идеальная тирания. Тем не менее он сильно пострадал от власти Тридцати тиранов, которые, в частности, стремились ограничить распространение риторики. Так, один из тиранов, Критий (460–403 гг. до Р.Х.), стал инициатором издания закона, который запрещал «учить искусству говорить». Исократу пришлось удалиться в изгнание на остров Хиос, близ Малой Азии, где он открыл школу риторики. Его имущество в Афинах конфисковали.

Уже тогда сформировались взгляды Исократа на обучение красноречию. Он изложил их впоследствии в речи «Против софистов». Подготовка оратора, утверждал Исократ, должна заключаться не только в освоении технических приемов, но и в нравственном воспитании человека. Таким образом, полное овладение мастерством красноречия должно подготовить молодого оратора к государственной службе. А для того, чтобы он стал профессионалом, нужны природная склонность, хорошее, верное обучение и постоянная практика.

В 403 году до Р.Х., после падения диктатуры Тиранов, Исократ вернулся в Афины и, по некоторым сведениям, около десяти лет работал логографом. От этого времени сохранилось шесть его судебных речей.

---

[1] *Лисий.* Оправдательная речь по делу об убийстве Эратосфена // Ораторы Греции. С. 35.

Впрочем, есть основания предполагать, что указанные речи Исократа — не более чем школьные схоластические упражнения. Дело в том, что Исократ, уже будучи общепризнанным ритором, высказывал отрицательное отношение к логографам, специализировавшимся на судебных речах, и отрицал свою принадлежность к подобным занятиям.

Всего же до нашего времени дошла 21 речь Исократа (из них 15 — торжественные речи) и девять его писем к известным современникам, например македонскому царю Филиппу, тирану Дионисию, а также несколько фрагментов из учебных пособий по риторике.

Около 392 года до Р. Х. Исократ открыл в Афинах школу красноречия, которая выгодно отличалась от всех существовавших к тому времени риторических школ. За три-четыре года ученики Исократа постигали не только риторику и смежные с нею предметы, прямо необходимые оратору, но и многие другие науки: математику, астрономию, литературу, философию, историю, сценическое искусство и др., причем лекционные курсы чередовались с практическими занятиями. Исократ считал, настоящий оратор должен быть универсально образованным человеком.

Таким образом, школу Исократа можно считать прообразом первого в мире университета. За обучение ученики платили по тысячу драхм (одна драхма равнялась примерно 4,366 грамма серебра). Эта сумма была доступна лишь юношам из богатых аристократических семей, а политические оппоненты Исократа — сторонники афинской демократии, люди с небольшими доходами, — не имели возможности получить качественное образование. За годы существования школы ее выпускниками стали более ста человек — для Древних Афин это был очень высокий показатель. Многие из них прославили себя не только как ораторы, но и как политические деятели, ученые, герои.

Несмотря на славу Исократа, многих афинян смущало, что выдающийся учитель красноречия никогда не выступал сам. Он объяснял это слабым голосом и мягким характером, тогда как оратор должен был в совершенстве владеть приемами публичной полемики. «Точильный камень не может резать, но делает железо острым» — иносказательно доказывал оратор-теоретик свое право на отказ от выступлений.

Действительно, Исократ — зачинатель и мастер письменного красноречия. Свои речи он размножал и распространял среди заинтересованных лиц не только в Афинах, но и за пределами города. Скорее всего, копированием речей занимались ученики школы Исократа.

Итак, можно говорить о существовании в IV веке до Р.Х. не только внутриполисной, но и межполисной коммуникации. Исократ хорошо понимал, какой силой обладает слово, и поэтому тщательно работал над каждой фразой. Так, свою самую знаменитую речь «Панегирик» он писал десять лет — с 390 по 380 год до Р.Х., последняя из сохра-

нившихся работ, «Панафинейская речь», была создана за три года — с 342 по 339 год до Р.Х.

Главной темой речей Исократа является политическая программа спасения не только Афин, но и всего греческого мира перед натиском внешних врагов — варваров-персов. Исократ полагал, что лучший путь развития Эллады в сложившейся политической ситуации — объединение Афин и Спарты, а в идеале и всех греческих городов. В конце жизни, поняв, что ни Афины, ни Спарта не способны возглавить объединительный процесс, Исократ обратился к царю и полководцу Филиппу II Македонскому (359–336 гг. до Р.Х.), за короткий срок создавшему к северу от Афин грозную империю, встать во главе общеэллинского союза. Ведь и македонцы, и греки имели общую культуру, религию. Сам Филипп чтил афинских поэтов и философов, а в воспитатели к сыну Александру пригласил Аристотеля.

Такая общая сила, объединенная централизованной властью, полагал Исократ, могла бы разгромить общих врагов, какими были чуждые эллинам по культуре и национальному характеру персы.

Наиболее развернуто Исократ изложил эту свою программу в 380 году до Р.Х. в речи *«Панегирик»* (от греч. *panegyrikos logos* — похвальная публичная речь). В те времена панегириком называли речь, произносимую на общегреческих празднествах. Как и другие произведения Исократа, «Панегирик» — фиктивное выступление, предназначавшееся не для реального произнесения, но для распространения. Эта речь была написана к Олимпийским играм 380 года до Р.Х. В ней Исократ совмещает два типа речей: торжественную и политическую, что было нехарактерно для реальных, «живых» выступлений ораторов. Основной пафос «Панегирика» — традиционный для Исократа политический призыв к эллинам объединиться в борьбе против персов. Для привлечения внимания к этой теме Исократ уже во вступлении противопоставляет славу спортсменов-олимпийцев и славу политического оратора: «Меня всегда удивляло, что на праздниках и состязаниях атлетов победителю в борьбе или в беге присуждают большие награды... ибо атлеты, даже если они станут вдвое сильнее, пользы не принесут никому, а мыслящий человек полезен всем, кто желает приобщиться к плодам его мысли»[1].

«Панегирик», как и большинство сохранившихся речей Исократа, в частности, «Ареопагитик», «Панафинейская речь» и другие, — публицистическое произведение, написанное на злобу дня. Из всех античных ораторов Исократ был, по сути, первым публицистом. Своим творчеством он предвосхитил такие публицистические жанры, как, например, статья, памфлет, воззвание, трактат, эссе, письмо. Исократ установил многие речевые приемы составления речи, среди которых —

---

[1] *Исократ*. Панегирик // Ораторы Греции. С. 39.

принцип недопущения **зияния** (столкновения гласных звуков на стыке между двумя словами[1]).

Влияние Исократа сказалось на творчестве многих греческих ораторов, среди которых в разные эпохи были Дионисий Галикарнасский, Элий Аристид, а затем и на римских ораторов, в частности на Цицерона, Квинтилиана, а впоследствии, через Рим, и на европейских публицистов нового времени.

Демосфен. Среди афинских ораторов, последовательно приверженных демократии, наибольшую известность получил **Демосфен** (384–322 гг. до Р.Х.). В его творчестве греческое ораторское искусство достигает наивысшего расцвета. Об этом вполне можно судить по 61 речи, которые сохранились до наших дней. Правда, некоторые из речей, дошедших до нас под именем Демосфена, принадлежат, скорее всего, не ему, а поздним подражателям. Не оспаривается подлинность сорока речей Демосфена.

Природа с детства обделила Демосфена ораторскими данными: он рос болезненным ребенком, говорил тихим голосом, имел дефекты речи, страдал нервным тиком, терялся перед большим скоплением людей. Но эти обстоятельства не остановили юного Демосфена в желании стать оратором — даже несмотря на то, что денег на обучение красноречию у него не было: мальчику было семь лет, когда умер его отец, тоже Демосфен (он владел двумя мастерскими, где работали рабы, — оружейной и мебельной), и его богатое наследство беззастенчиво расхитили недобросовестные опекуны.

Учить юношу ораторскому искусству взялся оратор Исей[2]. Стремясь изжить недостатки речи, Демосфен по совету своего учителя выходил на берег моря и, в стремлении заглушить шум прибоя, читал речи, набрав камней в рот. Борясь с нервным тиком, будущий оратор подвешивал к потолку острый меч, который больно колол его при каждом подергивании плеча. «Он лепил себя сам, доводя до совершенства то, что так небрежно исполнила природа, — пишет Е. Н. Корнилова. — Факт для греческой культуры, блиставшей самородками, поразительный»[3].

Через четыре года, в 364 году до Р.Х., двадцатилетний Демосфен уже выступал в суде с речами против своих опекунов. Сохранилось пять речей этого цикла. Суд тянулся несколько лет. В итоге молодой оратор выиграл процесс, опекунов осудили, но наследство вернуть не удалось: оно уже было растрачено или передано другим людям. Тем не менее

---

[1] Например, «коллиз**ии** Испан**ии и И**талии», «спросить тряпк**у у у**борщицы». Устранение зияния путем пропуска или замены одного или нескольких гласных звуков называется *элизией*.

[2] Демосфен расплатился с Исеем, уже будучи профессиональным оратором.

[3] *Корнилова Е. Н.* Риторика — искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи. М.: Изд-во УРАО, 1998. С. 60.

Демосфен приобрел хороший профессиональный опыт. Но, даже став общепризнанным оратором, он, в отличие от многих коллег, никогда не выступал без подготовки, тщательно готовился к каждой речи, сочиняя заранее даже варианты ответов на возможные реплики оппонентов и экспромты на случай непредвиденных ситуаций во время дискуссий.

С 354 года до Р.Х., едва достигнув тридцатилетнего возраста, Демосфен стал активно участвовать в государственных делах. Он занимал в Афинах много важных и ответственных должностей, главная из которых примерно соответствует современной должности министра иностранных дел. Именно здесь проявился талант Демосфена как политического оратора. Ритор, дипломат, публицист, он был самым непримиримым антимонархистом и снискал глубокое уважение не только у сторонников эллинской демократии, но и у многочисленных врагов — как внутри Афин, так и в стане македонского царя Филиппа.

Политические речи Демосфена можно условно разделить на внешнеполитические и внутриполитические. Филипп Македонский был главным героем и адресатом самого известного цикла внешнеполитических речей, которые в честь него получили общее название *«Филиппики»*. Сохранилось четыре «Филиппики», созданные в 351–340 годах до Р.Х. Из них только три «Филиппики» являются безусловно подлинными, авторство четвертой «Филиппики» оспаривается.

«Филиппики» считаются вершинами риторического таланта Демосфена. В них оратор стремился разоблачить захватническую политику Филиппа — виновника всех бед, постигших не только Афины, но и всю Элладу. Речь, полная экспрессии, страстный обличительный пафос, многочисленные риторические вопросы, призывания богов и божба («Клянусь Зевсом и всеми богами!») — все это производило неизгладимое впечатление на слушателей, причем как на последовательных сторонников Демосфена, так и на его многочисленных врагов.

В «Филиппиках» Демосфена можно увидеть зачатки некоторых приемов современной пропаганды, которые активно используются и сегодня. Например, свою личную отрицательную оценку Филиппа, свое видение политической ситуации он маскировал под общеизвестный факт общественной жизни, объявляя героя своих «Филиппик» врагом всех афинян: «Вы ведь, граждане афинские, видите положение дела, — до какой дерзости дошел этот человек...»[1].

Интересно, что после произнесения антимакедонских речей в народном собрании Демосфен посылал все свои «Филиппики» самому Филиппу. Царь, тем не менее, высоко ценил творчество Демосфена. По преданию, прочитав третью «Филиппику», высокий адресат восклик-

---

[1] *Демосфен.* Первая речь против Филиппа // Демосфен. Речи: В 3 т. М.: Памятники исторической мысли, 1996. Т. III. С. 48.

нул: «Если бы я слышал Демосфена, я сам бы подал голос за него как за вождя в борьбе против меня»[1].

Сегодня филиппикой в переносном смысле слова называют страстную, обличительную речь.

Эсхин. Главным внутриполитическим оппонентом Демосфена был афинский оратор и политический деятель **Эсхин** (389–314 гг. до Р.Х.). Он родился в небогатой семье учителя, не имевшей связей в обществе. Мальчик не получил риторического образования, но был одаренным от природы человеком. В отрочестве Эсхин играл на сцене трагические роли, затем работал писцом у известных ораторов и политических деятелей, участвовал в нескольких сражениях с врагами Афин.

В 348 году до Р.Х. Эсхин сам начал заниматься политикой: участвовал в заключении мира с Македонией. Тогда же он впервые заявил о себе как политический оратор. Попав под обаяние царя Филиппа, Эсхин утвердился в промакедонских взглядах (во многом они совпадали с взглядами Исократа, который к тому времени был глубоким стариком, но, тем не менее, участвовал в политической деятельности) и оставался им верен в течение всей дальнейшей жизни.

Ораторское мастерство, обучение которому с таким трудом далось в свое время Демосфену, Эсхин освоил без особых усилий. Природный артистизм, когда-то помогавший ему на сцене, оратор успешно использовал и на ораторских подмостках. Первейшее условие успеха оратора, утверждал Эсхин, — живость, второе — живость и третье — живость. От Эсхина до наших дней дошли три речи, две из которых — полемика с Демосфеном. Кроме того, сохранилось двенадцать писем Эсхина, однако все они написаны от его имени неким посторонним лицом.

Полемика Демосфена и Эсхина. Демосфен и Эсхин в течение всей жизни были ярыми врагами. Их первый риторический поединок имел место в 345 году до Р.Х., последний — спустя пятнадцать лет, в 330 году до Р.Х. Судебные тяжбы двух ораторов длились годами, привлекая к себе всеобщее внимание. До наших дней дошли две пары речей Демосфена и Эсхина, произнесенные друг против друга на одних и тех же процессах: в 343 и в 330 годах до Р.Х.

В 343 году до Р.Х. Демосфен выступил против Эсхина с речью «О предательском посольстве». Эта речь представляет собой синтез политического и судебного красноречия. В ней оратор обвинил своего противника в государственной измене и, стремясь разоблачить промакедонскую партию в Афинах, потребовал для него смертной казни. Практически все обвинения Демосфена были демагогическими и носили моралистический характер: реальных доказательств вины Эсхина у него не было. Вместо

[1] *Плутарх.* Демосфен // Сравнительные жизнеописания. М., 1987. Т. 2.

этого Демосфен умело использовал выгодные для него показания свидетелей, законы и даже прорицания богов, не раз опускался до прямой брани.

В этом отношении в полемике с Филиппом Демосфен был более сдержан, так как во внешней политике существовали строгие нормы, не позволявшие оратору оскорблять высокого иностранного адресата.

В ответной речи «О предательском посольстве» Эсхин последовательно и убедительно опроверг все обвинения Демосфена. В результате он выиграл процесс, но с перевесом всего в несколько десятков голосов. Такая победа не считалась в Афинах убедительной, поэтому Эсхина даже отстранили от посольских и государственных дел.

Конфликт между Демосфеном и Эсхином вспыхнул с новой силой в 336 году до Р.Х., когда по предложению афинского градоначальника Ктесифонта Демосфен за большие заслуги перед Элладой был награжден высшим знаком отличия — золотым венком. До суда дело дошло только в 330 г. до Р.Х. На этот раз обвинителем выступил Эсхин. Его речь *«Против Ктесифонта о венке»* формально была направлена против Ктесифонта, но реальным ответчиком был Демосфен. Эсхин обвинил Демосфена по трем пунктам:

1. Демосфен руководил постройкой городских стен и не сдал финансовый отчет, а поэтому часть средств мог вполне похитить.

2. Указ о награждении был объявлен с вопиющими нарушениями: в театре перед началом представления, а не в народном собрании, как это происходило всегда.

3. Демосфен по своим человеческим и профессиональным качествам не достоин венка.

Ответную речь *«За Ктесифонта о венке»* Демосфен построил в нарушение классических норм: он должен был отвечать оппоненту последовательно, по пунктам обвинения, а начал с последнего пункта — восхвалять себя и свою деятельность. По сути, Демосфен выступил с подробным и страстным отчетом о своей политической деятельности, причем неоднократно сознательно переиначивал и тенденциозно трактовал факты, допускал их прямую подтасовку, а на брань Эсхина отвечал такою же бранью.

Особый интерес вызывают взаимные обвинения двух ораторов в сокрытии ими факта своего низкого происхождения и соответствующие сенсационные разоблачения, которыми делится с публикой сначала Эсхин, а затем и Демосфен. Оба участника полемики придавали этому обстоятельству большое значение, ибо идеальный государственный муж должен был иметь безупречную родословную. Еще Исократ в речи «Евагор» утверждал, что родословная образцового государственного мужа должна прослеживаться от прямых потомков Зевса. Таким образом, разоблачение происхождения афинского чиновника высокого уровня вполне могло стать концом его политической карьеры.

Многочисленные собравшиеся прекрасно понимали, что сущность процесса — не в обсуждении правомерности поступка Ктесифонта, а в оценке всей политики Эсхина и Демосфена. Суд вынес решение в пользу Демосфена, причем Эсхин не сумел набрать даже одной пятой части голосов. Он отказался уплатить крупный штраф и предпочел уехать в изгнание на далекий остров Родос, где жил до конца своих дней и преподавал ораторское искусство в собственной риторической школе.

Конец «золотого века» ораторского искусства

Демосфен еще несколько лет занимался активной ораторской и политической деятельностью. Поражение Афин в противоборстве с Македонией и утрата независимости (в 338 г. до Р.Х. афиняне потерпели окончательное поражение от Македонии в битве при Херонее, в которой участвовал и Демосфен) привели к торжеству давних врагов Демосфена. Их обвинения носили не только политический характер: Демосфена подозревали в расхищении крупной суммы государственных денег. Суд признал его виновным и присудил к уплате крупного штрафа. После окончательного уничтожения македонцами в 322 году до Р.Х. последних следов афинской демократии Демосфен бежал в храм Посейдона на острове Калаврия. Не желая сдаваться, он покончил с собой, приняв яд.

Посмертная слава Демосфена пережила века. Он вошел в историю как первый по силе и последний по времени оратор независимых Афин. Его творчество пользовалось огромной популярностью не только в Элладе, но и в Риме, а впоследствии — в Западной Европе нового времени и стало наглядным образцом для всех ораторов последующих эпох.

С утратой Афинами политической независимости, изгнанием Эсхина и смертью Демосфена закончился классический период расцвета греческой риторики. Ораторское искусство в Элладе просуществовало еще более пятисот лет, но никогда уже не достигало таких высот, как в IV веке до Р.Х.

Эллинистический период развития риторики

В эпоху эллинизма, наступившую после падения Афин, политическое красноречие быстро утратило свои позиции. Многие ораторы, жившие в III–II веках до Р.Х., стремились не к созданию новых образцов риторики, но, в первую очередь, к подражанию мастерам классической эпохи. Именно тогда появились и получили распространение подделки речей Лисия, Исократа, Демосфена и других выдающихся ораторов прошлого.

В 146 году до Р.Х. Элладу покорили римские войска. С тех пор на протяжении нескольких столетий сюда приезжали многие молодые римляне для получения риторического образования, которое и в Риме прочно вошло в систему воспитания. Считалось престижным обучиться ораторскому мастерству именно в Элладе.

Расцвет красноречия эллинистической эпохи пришелся на II век от Р.Х. и связан с такими ораторами, как Дион Хризостом (40–120 гг.) и Элий Аристид (117–189 гг.). Но даже их творчество, как показало время, не могло встать на один уровень с ораторским искусством Демосфена.

В IV веке языческое красноречие полностью проиграло схватку с христианской риторикой[1], и тем самым эллинизм окончательно ушел в прошлое, уступив место византийской средневековой эпохе.

Публичные надписи как элемент коммуникации

Преобладающее влияние в Афинах имела устная коммуникация. Однако во многих случаях ее источником были публичные надписи. В зависимости от степени важности и необходимости длительного сохранения информации материалом для текста служили камни и выбеленные деревянные таблички — **левкомы**. Надписи устанавливались в людных местах и содержали указы народного собрания, договоры с другими полисами и т.п. В Афинах левкомы размещались на пьедесталах статуй богов, на уровне глаз читателей.

Из чтения таких надписей афиняне узнавали важную государственную информацию, которую потом обсуждали на площадях. Ораторы, выступая в судах или в народном собрании, для подтверждения своих тезисов неоднократно ссылались на тексты надписей, зачитывая их перед публикой.

Все эти надписи наносились, за крайне редким исключением, в единственном экземпляре. Строгой периодичности нанесения на камни и левкомы новых надписей, по-видимому, не было. Собственного названия таблички тоже не имели. Поэтому нет веских причин считать левкомы прообразами современных газет. Хотя, будучи элементами коммуникации, публичные надписи, безусловно, несли в себе некоторые зачатки журналистики.

Почта в Элладе. Гонцы и глашатаи

Почты как регулярно действовавшего и организованного учреждения ни в одном греческом городе не существовало, хотя почтовые связи между полисами отличались периодичностью. Корреспонденция, как правило, перевозилась по морю на кораблях. Связь между городами, не имевшими выхода к морю, осуществлялась глашатаями и гонцами-письмоносцами, которые подбирались из физически крепких молодых людей. В отличие от гонцов, глашатаи были официальными лицами, уполномоченными властями на передачу, как правило, государственной информации.

---

[1] Подробнее об этом будет сказано в разделе «Развитие христианской риторики в эпоху раннего Средневековья».

Иногда, особенно во время войн, гонцы и глашатаи по согласованию с руководством полиса отправлялись на территорию врага и распространяли заведомо ложную информацию. Так они становились активными участниками древних информационных войн.

Вопросы для повторения

1. Возникновение и особенности ораторского искусства в Древней Греции.
2. Античный оратор и аудитория. Злободневность ораторской речи.
3. Элементы публицистики в древнегреческой риторике.
4. Классификация речей античных ораторов. Теория красноречия.
5. Периодизация развития древнегреческой риторики.
6. Ораторское мастерство Горгия. «Похвала Елене».
7. Ораторское мастерство Лисия. «Защитительная речь по делу об убийстве Эратосфена».
8. Ораторское мастерство Исократа. «Панегирик».
9. Ораторское мастерство Демосфена.
10. Полемика Демосфена и Эсхина в речах «О предательском посольстве».
11. Полемика Демосфена и Эсхина «О венке».
12. Публичные надписи в Афинах как элемент коммуникации.
13. Почтовые коммуникации в Древней Греции.
14. Зачатки пропаганды в Элладе.

Рекомендуемая литература

Корнилова Е. Н. Риторика — искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи. М., 2002.

Козаржевский А. Ч. Античное ораторское искусство. М., 1980.

Куле К. СМИ в Древней Греции: Сочинения, речи, разыскания, путешествия... М., 2004.

Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. М., 1987.

Радциг С. И. История древнегреческой литературы. М., 1982.

Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1957.

Ученова В. В. У истоков публицистики. М., 1989.

Шедлинг М. Очерки по истории мировой почты // История печати. М., 2008. Т. 3.

Первоисточники

Аристотель. Риторика. Поэтика. М., 2000.

Демосфен. Речи: В 3 т. М., 1994–1996.

Лисий. Речи. М., 1994.

Ораторы Греции. М., 1985.

ОСОБЕННОСТИ ПРОТОЖУРНАЛИСТИКИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Особенности римской риторики. — Зарождение римского красноречия. Первые ораторы. — Расцвет политического красноречия. Марк Туллий Цицерон. — Ораторское искусство Рима I–II веков. — Развитие жанра письма. — Почта в Римском государстве. — Зарождение и развитие протогазеты.

Особенности римской риторики

Покорив Элладу, Древний Рим впитал в себя ее разнообразную культуру. Благодаря широкому проникновению греческого влияния римская культура является во многом подражательной. И мифология, и эпос, и литература — всюду несомненно влияние Греции. Но если Эллада представляла собой независимые друг от друга города-полисы, то Рим — огромное государство, могучая античная сверхдержава, прочно закрепившаяся вдоль всех берегов Средиземного моря.

В пантеоне римских богов была **Фама** (или **Молва**), дочь богини земли Теллус (в греческой мифологии ей соответствовала Гея), богиня молвы, слухов и сплетен, которую можно назвать богиней информации. Овидий сообщал, что Молва жила «посредине всего, между морем, сушей и небом», «в пограничье трехчастного мира», откуда видно все, куда долетает каждый звук и где на вершине горы богиня устроила себе жилище[1]. Богиня сверху все видела и разглашала в равной степени как правду, так и ложь.

Глубокий отпечаток наложили греческие образцы и на ораторское искусство Рима. Лучшие речи афинских ораторов тщательно изучали даже в школах. Но традиционное разделение речей на три типа, сделанное Аристотелем в своей «Риторике»[2], не распространилось на римское красноречие, всегда отличавшееся утилитарностью и тяготением к политическому идеалу.

«Если греческое искусство говорить родилось из восторга неискушенного человека перед красотой и мастерством иноземного слова, — пишет Е. Н. Корнилова, — то римляне, строгие и деловые, по-военному не рассуждающие, использовали речь по прямому назначению»[3].

---

[1] *Публий Овидий Назон.* Метаморфозы // Собр. соч. СПб.: Студиа Биографика, 1994. Т. II. XII. С. 39–44.

[2] Об этом сказано в разделе «Зарождение и развитие риторики в Древней Греции».

[3] *Корнилова Е. Н.* Риторика — искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи. С. 112.

Именно поэтому в Риме преобладало политическое красноречие. Судебные типы речей не были столь яркими, как у афинян, поскольку в Риме, в отличие от Афин, существовала система законов — римское право, и суды выносили решения, руководствуясь, в первую очередь, не впечатлением, произведенным от речи судебного оратора, а законом. Торжественные речи также не получили в Риме широкого распространения. Их составление римляне, вероятно, считали несерьезным, бесполезным занятием.

Зарождение римского красноречия. Первые ораторы

Политическое красноречие в Риме начало распространяться в начале II века до Р.Х., как раз в то время, когда в Афинах оно пришло в глубокий упадок. Его создателем считается римский политический деятель, писатель и ритор **Марк Порций Катон Старший** (234–149 гг. до Р.Х.). Он происходил из плебейского рода и в отрочестве занимался сельским хозяйством в своем имении в Тоскане, затем сражался против Ганнибала, а в тридцать лет получил первую государственную должность.

В Риме Катон Старший прославился как непримиримый враг Карфагена. Каждое свое выступление в сенате он заканчивал фразой «Карфаген должен быть разрушен!». Катон Старший не дожил до исполнения своего желания: Карфаген был разрушен в результате 3-й Пунической войны уже после его смерти, в 146 году до Р.Х.

Именно Катон превратил красноречие в искусство. Тщательно изучив греческие первоисточники, он составил на их основе первое в Риме руководство по риторике. Используя эти теоретические выкладки на практике, Катон добился исключительной популярности как политический оратор. Именно ему принадлежит известная рекомендация по составлению и произнесению речи, которая стала крылатой фразой: «Придерживайся сути дела — слова найдутся».

За годы своей деятельности Катон Старший произнес более 150 речей. Но от них до наших дней дошли только цитаты и небольшие отрывки из 93 речей, разбросанные по многочисленным произведениям римских писателей.

Из-за резкого характера и чрезмерной строгости к окружающим Катон Старший нажил много врагов, которые 44 раза вызывали его в суд. Каждый раз оратор выступал с пламенными речами в свою защиту. Эти выступления производили такое сильное впечатление на судей, что Катон Старший неизменно покидал заседание суда оправданным.

Оратором исключительной силы считался **Гай Гракх** (153–121 гг. до Р.Х.). Избранный республиканским Римом в народные трибуны, он всю мощь своего красноречия направил на борьбу с аристократией, засевшей в сенате, за проведение демократических реформ. Ему вторил стар-

ший брат, **Тиберий Гракх** (162–133 гг. до Р.Х.). Оба брата были убиты в Риме политическими противниками.

Расцвет политического красноречия

Расцвет римского красноречия приходится на I век до Р.Х. Сложная политическая ситуация в стране, внешние и внутренние войны, государственные перевороты усиливали интерес римлян к информации, которая распространялась, прежде всего, посредством ораторских речей. Лучшие из них, благодаря злободневности и актуальности, стали образцами устной публицистики.

Большой популярностью у современников пользовались политические речи таких ораторов республиканского Рима I века до Р.Х., как **Марк Антоний** (143–87 гг. до Р.Х.)[1], **Гай Аврелий Котта** (124–73 гг. до Р.Х.), **Публий Сульпиций Руф** (124–88 гг. до Р.Х.), **Квинт Гортензий Гортал** (114–50 гг. до Р.Х.), **Марк Порций Катон Младший** (95–46 гг. до Р.Х.)[2], **Гай Лициний Кальв** (82–47 гг. до Р.Х.), **Гай Азиний Поллион** (76–4 гг. до Р.Х.) и другие. Из их речей до наших дней почти ничего не дошло. Однако сохранилось много свидетельств современников и потомков о выдающейся роли, которую играли эти мастера красноречия в политической жизни Рима. Все они занимали ответственные государственные должности. Ораторская деятельность не просто помогала им в работе: без искусного владения риторикой было невозможно ни достичь популярности, ни даже убедить слушателей принять то или иное политическое решение.

Марк Туллий Цицерон. Вершина ораторского искусства и публицистики не только той эпохи, но и всего римского красноречия — творчество **Марка Туллия Цицерона** (106–43 гг. до Р.Х.). Цицерон родился в небольшом городе Арпине в ста с лишним километрах к юго-востоку от Рима и происходил из привилегированного сословия всадников. Мечтая стать судебным оратором, он получил великолепное образование в Риме: изучал риторику, право и философию, брал уроки декламации, присутствовал на выступлениях лучших ораторов. Закончив учебу, Цицерон около года служил в армии, а затем, вернувшись в Рим, занялся практической риторикой.

Одно из первых дошедших до нас выступлений молодого Цицерона в суде, «Речь в защиту Секста Росция из Америи» (81 г. до Р.Х.), было посвящено защите римлянина, обвинявшегося в убийстве отца. Оправдывая своего подзащитного, Цицерон в речи осторожно намекал на бесчинства режима диктатора Суллы. Процесс был выигран, и оратор приобрел большую популярность в народе. Опасаясь мести многочислен-

---

[1] Марк Антоний был дедом Юлия Цезаря и сменившего его на посту консула Марка Антония.

[2] Марк Порций Катон Младший был правнуком Марка Порция Катона Старшего.

ных сторонников Суллы, Цицерон уехал на два года в Элладу. В Афинах и на Родосе он продолжил изучение риторики, философии.

В 78 году до Р.Х., сразу после смерти Суллы, Цицерон возвратился в Рим, где женился и продолжил судебную ораторскую практику. В тридцать лет он получил первую государственную должность — квестора — и вскоре был направлен в длительную командировку на Сицилию. Хорошо изучив ситуацию, Цицерон, вернувшись в столицу, выступил в августе 70 года до Р.Х. с циклом речей против наместника Сицилии, сторонника Суллы — Гая Лициния Верреса (114–43 гг. до Р.Х.), который за три года наместничества (73–71 гг. до Р.Х.) разграбил провинцию и казнил многих ее жителей.

Всего Цицерон прочел три речи против Верреса и с триумфом выиграл процесс. Его аргументы в пользу виновности Верреса оказались настолько бесспорными, что адвокат подсудимого, знаменитый Гортензий, даже отказался его защищать. Веррес вынужден был заплатить крупный штраф и удалиться в изгнание.

С этого времени слава Цицерона становится всеобщей. Пик его политической деятельности и ораторской карьеры пришелся на 63 год до Р.Х., когда он был избран консулом. На этой должности Цицерон произнес четыре речи *«Против Катилины»*, в которых он обвинял в заговоре своего политического оппонента Луция Сергия Катилину (108–62 гг. до Р.Х.). Катилина проиграл на выборах консула и теперь, по убеждению, Цицерона, готовил заговор с целью захвата власти. Этот цикл речей — шедевр мирового красноречия. Практически никаких конкретных аргументов обвинения у Цицерона не было. Главное доказательство коварных замыслов Катилины, желавшего, если верить обвинению, убить Цицерона, поджечь Рим и расправиться со всеми честными гражданами, — его преступный характер.

На следующий день после *«Первой речи против Катилины»*, произнесенной 8 ноября 63 года до Р.Х., Катилина, не выступив даже с ответной речью, покинул Рим и убежал в Этрурию, где провозгласил себя консулом. Цицерон, узнав об отъезде своего противника, 9 ноября выступил со *«Второй речью против Катилины»*, после которой сенат объявил Катилину врагом отечества. Через некоторое время были перехвачены письма сторонников Катилины, что дало повод Цицерону обратиться 3 декабря к сенату с *«Третьей речью против Катилины»*. В *«Четвертой речи против Катилины»*, 5 декабря, Цицерон потребовал решением консула — в нарушение закона — казнить без суда пятерых ближайших соратников Катилины, что и было немедленно исполнено. Сам Катилина вскоре погиб вместе с отрядом преданных ему сторонников в бою с правительственными войсками.

Расправившись с Катилиной и его сторонниками, Цицерон счел себя спасителем Рима и по предложению Марка Порция Катона Младшего

получил от сената титул отца отечества. Впрочем, недовольство его политикой постоянно росло, и в 58 году до Р.Х. Цицерон, опасаясь мести оставшихся в живых сторонников Катилины, добровольно уехал в изгнание в Грецию. Тем временем его дом в Риме был разрушен, а имущество конфисковано.

Вынужденная ссылка Цицерона длилась полтора года. Когда он возвратился в Рим, стоявший к тому времени на пороге гражданской войны, его слава оратора пошла на убыль. Он по-прежнему выступал в сенате с политическими речами — прежде всего, в поддержку сначала Гнея Помпея Великого (106–48 гг. до Р.Х.), а затем Юлия Цезаря (ок. 102–44 гг. до Р.Х.)[1], но его влияние заметно ослабло. В эти годы Цицерон обратился к литературной деятельности. Он, в частности, написал несколько трактатов по теории ораторского искусства: «Об ораторе», «Брут»[2], «О знаменитых ораторах», «О наилучшем роде ораторов». В них Цицерон дал практические рекомендации начинающим ораторам, изложил некоторые аспекты теории красноречия.

В 44 году до Р.Х., после убийства Цезаря, Цицерон снова занялся политикой, решив бороться за восстановление республики. К власти в Риме пришел его политический противник Марк Антоний (83–30 гг. до Р.Х.). Против него был обращен последний цикл речей Цицерона — *«Филиппики против Марка Антония»*, вернувший оратору былую популярность. Эти речи Цицерон так назвал в подражание речам Демосфена, в которых тот обличал царя Филиппа Македонского. Всего в 44–43 годах до Р.Х. было произнесено четырнадцать «Филиппик». В них Цицерон красноречиво предъявлял Марку Антонию всевозможные обвинения, доказывал, что он гораздо опаснее для Рима, чем был Катилина, и предрекал ему печальную участь Цезаря (который был убит заговорщиками). Особенным успехом пользовались первая, вторая и четырнадцатая «Филиппики».

Марк Антоний оказался не таким ценителем ораторского мастерства Цицерона, как в свое время Филипп Македонский — Демосфена. По его приказу Цицерон был убит с особой жестокостью.

За годы своей ораторской и политической деятельности Цицерон произнес несколько сотен политических и судебных речей. Из них до наших дней сохранились 58, а также 774 письма, 19 трактатов по риторике, политике, философии. Из множества риторических приемов Цицерона можно выделить такие, как, например, **амплификация** (преувеличение, раздувание фактов и событий), **олицетворение** или **персонифи-**

---

[1] Юлий Цезарь также был одним из лучших политических ораторов своего времени. Но его речи до наших дней не дошли.

[2] Подзаголовок трактата «Брут», добавленный в более позднее время, — «О знаменитых ораторах».

кация, **инвектива** (когда идея не отделена от ее носителя), **патетические риторические вопросы**, **предсказания богов** и **божба**.

Обширное творческое наследие Цицерона было безупречным образцом не только для римских ораторов последующих поколений, но и для христианских риторов Средневековья: Иеронима Стридонского, Аврелия Августина; писателей и публицистов эпохи Возрождения: Франческо Петрарки, Эразма Роттердамского, Боккаччо; французских просветителей и энциклопедистов: Монтескье, Дидро, Вольтера, Руссо и многих других. Фразы из речей и писем Цицерона стали крылатыми выражениями во всех современных европейских языках, например: «О времена! О нравы!» из «Первой речи против Луция Сергия Катилины», «Пока гремит оружие, музы молчат» из «Речи в защиту Тита Анния Милона», «Бумага не краснеет» (точный перевод: «письмо не краснеет») из писем «К друзьям» и многие другие.

Ораторское искусство Рима I–II веков

Со времени правления Октавиана Августа (63 г. до Р.Х. — 14 г.) Рим стал империей. Римский император был объявлен божеством, и, естественно, никакая публичная критика в его адрес не допускалась. Именно поэтому политическое красноречие, устная публицистика, где объектами критики являлись, в первую очередь, руководители страны, пришли в глубокий упадок. На долгое время ораторское искусство стало главным образом схоластическим занятием в риторических школах.

Октавиан был внучатым племянником Цезаря. Он стал императором в 27 году до Р.Х., когда сенат присвоил ему титул «Август», что в переводе с латинского значит «славный», «прославленный».

Одним из наиболее известных мастеров красноречия той эпохи был ритор, публицист и философ **Луций Анней Сенека** (4 г. до РХ. — 65 г.). В молодости он считал, что его речи способны изменить в лучшую сторону общество в целом и римского императора (сначала Калигулу, затем Клавдия) в частности. Но пламенные выступления в сенате стоили ему длительной ссылки на остров Корсика, после которой он занимался различными формами письменной риторики.

Самым выдающимся теоретиком ораторского искусства был **Марк Фабий Квинтилиан** (35–96 гг.). В молодости он выступал с судебными речами, но славу снискал не как оратор, а как теоретик и учитель красноречия. Около двадцати лет он обучал ораторскому искусству юношей из богатых римских семей, среди его многочисленных учеников были наследники императора Домициана. Квинтилиан создал «Образование оратора» — самый полный учебник практической риторики, дошедший до нас из античных времен.

Значительный след в теории красноречия оставил историк, оратор и публицист **Гай Корнелий Тацит** (56–117 гг.). В молодости он был ора-

тором, но, убедившись, что красноречие в Римской империи не имеет возможностей для нормального развития, занялся теорией ораторского искусства. Его риторический трактат «Разговор об ораторах» — рассуждение о причинах упадка ораторского искусства в Риме — пользовался большим успехом у современников и потомков.

Развитие жанра письма

Помимо устного красноречия в Риме получил развитие предвосхищенный еще Исократом жанр **письма**, который мало практиковался в Элладе. Богатые римляне, уезжая по делам или на отдых в отдаленные провинции, оставляли в Риме своих рабов или нанимали свободных людей, которые знали грамоту и регулярно сообщали в письмах своим хозяевам о том, что делается в столице. Это могли быть и политические новости, и городские сплетни — в зависимости от интересов и требований высокопоставленных заказчиков. Порой один такой человек работал на нескольких корреспондентов и был, таким образом, по сути, прообразом репортера.

Впрочем, цель письма как жанра для древних римлян была шире, нежели простой интерес к информации. У авторов была возможность размышлять в своих письмах и доносить размышления не только до конкретных адресатов, но и до широкого круга читателей. Таким образом, сформировавшийся жанр письма говорит и о зарождении элементов публицистики в Древнем Риме.

В этом жанре в разные исторические эпохи Римского государства значительных успехов добились Юлий Цезарь, Марк Туллий Цицерон, Луций Анней Сенека и др. Часто философы и писатели облекали свои мысли в жанр письма. Например, Сенека изложил свои этико-философские взгляды в «Нравственных письмах к Луциллию». Луциллий был учеником и младшим другом Сенеки.

Иногда письма способствовали развитию красноречия. Так, перехваченные письма сторонников Катилины, который к тому времени уже был изгнан из Рима, стали поводом для третьей речи Цицерона «Против Луция Сергия Катилины».

Самое обширное эпистолярное наследие оставил после себя выпускник риторической школы Квинтилиана политик, оратор и писатель **Плиний Младший** (Гай Плиний Цецилий Секунд, 61–113 гг.). Его письма, написанные к разным людям — от старых друзей до императора Траяна, — интереснейший источник информации о жизни Рима того времени, в том числе и о развитии ораторского искусства.

Почта в Римском государстве

К I веку до Р.Х. в Римском государстве уже существовала достаточно разветвленная сеть путей сообщения для доставки писем и мелких

посылок: в первую очередь, сухопутная и, в меньшей степени, морская. Скорость доставки корреспонденции от окраин до столицы составляла, как правило, не больше трех недель. Почта в Риме носила элитарный характер: она существовала для нужд государства, частные лица могли пользоваться ею только в исключительных случаях.

На небольшое расстояние доставку почты осуществляли гонцы, в дальние города — курьеры, которые состояли на государственной службе. Почтовые отправления перевозили в мешках, корзинах или металлических ящиках.

Расцвет римской почты приходится на III–IV века, когда длина дорожной сети составляла более 80 тысяч километров и на всех дорогах — на равном расстоянии друг от друга — были построены почтовые станции.

Зарождение и развитие протогазеты

В Риме появляется и прообраз **газеты**. В **59 году до Р.Х.** по указанию Цезаря на глиняных дощечках стали выходить *Acta diurna senatus et populi* («Ежедневные протоколы сената и римского народа»), которые, как предполагают исследователи, со временем разделились на две протогазеты. Впрочем, все сведения, имеющиеся о римских протогазетах, носят дискуссионный характер. До наших дней не дошли не только сами протогазеты, но и точные сведения о них.

В ***Acta senatus***, которая вывешивалась в здании форума, сообщалось о выступлениях в сенате. Это был прообраз элитарной, качественной газеты. ***Acta diurna populi romani*** выставлялась на площадях, базарах. В ней сообщались городские новости, как правило, в нескольких предложениях, например: «Вчера над городом разразилась сильная гроза. Недалеко от Велии молнией зажгло дуб», «В винном погребе произошла драка. Хозяин лавки опасно ранен», «Разбойник Дениофан, недавно пойманный, сегодня утром был казнен»[1]. С газеты снимали копии — значит, можно говорить о ее тираже. *Acta diurna* отличались лаконичностью и доступностью и явились прообразом современной массовой газеты.

Ни один экземпляр римских протогазет не сохранился. До наших дней дошли только некоторые цитаты из них в работах античных авторов. Так, например, Цицерон многократно упоминает о протогазете в письмах к Целию, написанных в 50 году до Р.Х.[2]. «Сохраните хорошую привычку переписывать и посылать мне газету, когда я живу в деревне», — писал Плиний Младший[3] в одном из писем своему другу в Рим.

Люди, которые собирали материалы для *Acta diurna*, предшественники современных репортеров, назывались **диурналистами**. Отсюда идет

---

[1] Цит. по: *Берлин П.* Очерки современной журналистики. Периодическая печать на Западе // История печати. Т. 2. С. 36.

[2] *Цицерон.* Письма. М.; Л.:, Академия наук СССР, 1949. Т. 1. С. 174.

[3] *Плиний.* Письма и панегирик Траяну. М.: Академия наук СССР, 1950. Т. III. С. 14.

этимология слова «журналист». В римских источниках упоминается диурналист Хрест. Некоторые заметки для *Acta diurna* писал Плиний Младший.

Обе газеты не имели собственного названия, на глиняных дощечках был только текст. И *Acta senatus*, и *Acta diurna* для римлян были не имена собственные, а характеристики.

Уже в Древнем Риме заинтересованные лица стремились использовать протогазеты в своих целях. Так, например, в официальную хронику включались предсказания, прогнозы погоды, описания уже имевших место атмосферных явлений. Это делалось из политических соображений: языческая религия запрещала начинать важные государственные дела, принимать серьезные политические и военные решения в дни неблагоприятного состояния атмосферы.

Власть внимательно следила за публикациями в протогазетах. Император Тиберий сам назначал секретаря из числа особо доверенных лиц, в обязанности которого входило редактирование *Acta senatus.*

Интересна судьба римских протогазет. В 15 году от Р.Х. Тиберий, возмутившись опубликованной критикой в свой адрес, запретил *Acta senatus.* Это было первое в истории мировой журналистики запрещение периодического издания и одно из первых в мире проявлений цензуры. И хотя последние упоминания о протогазете относятся к первой половине III века, *Acta diurna*, по некоторым сведениям, просуществовала еще достаточно долгое время, едва ли не до падения Рима в 476 году.

Вопросы для повторения

1. Возникновение и особенности ораторского искусства в Древнем Риме.
2. Древнегреческое и древнеримское красноречие: сходства и различия.
3. Система устной коммуникации в Древнем Риме.
4. Элементы публицистики в риторическом наследии древнеримских ораторов.
5. Римское красноречие I века до Р.Х.
6. Ораторское мастерство Марка Туллия Цицерона.
7. Цицерон как политический оратор.
8. «Речи против Луция Сергия Катилины» Цицерона в контексте его ораторской деятельности.
9. Творческий путь Демосфена и Цицерона: сходства и различия.
10. Ораторское искусство Рима в I–II веках.
11. Письмо как прообраз жанров журналистики.
12. Почта Древнего Рима: ее особенности и роль в системе коммуникаций.
13. Жанры протожурналистики в Древнем Риме.
14. Прообразы римских газет.

Рекомендуемая литература

Берлин П. Очерки современной журналистики. Периодическая печать на Западе // История печати. М., 2001. Т. 2.

Буасье Г. Газета Древнего Рима // История печати. М., 2008. Т. 3.
Бюхер К. Происхождение газеты // История печати. М., 2001. Т. 2.
Козаржевский А.Ч. Античное ораторское искусство. М., 1980.
Корнилова Е. Н. Риторика — искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи. М., 2002.
Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.
Ученова В. В. У истоков публицистики. М., 1989.
Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1986.
Шедлинг М. Очерки по истории мировой почты // История печати. М., 2008. Т. 3.

Первоисточники

Плиний. Письма и панегирик Траяну. М.: Академия наук СССР, 1950.
Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. М., 1987.
Цицерон М. Т. Речи: В 2 т. М., 1983.
Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1994.
Цицерон. Письма. М.; Л.: Академия наук СССР, 1949.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ХРИСТИАНСКОЙ РИТОРИКИ. ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО НОВОГО ЗАВЕТА

Истоки христианской проповеди. — Риторика Ветхого Завета как первооснова новозаветной проповеди (Моисей. Иоанн Креститель. Иисус Христос). — Нагорная проповедь. — Риторика Христа. — Притча как риторический прием. — Чудо как развитие проповеди. — Ораторское искусство апостолов. (Апостол Петр. Архидиакон Стефан. Апостол Павел — оратор). — Послания Павла.

Истоки христианской проповеди

Ораторское искусство Нового Завета является важной и наименее изученной частью античного риторического наследия. Принадлежность его к античному культурному контексту не вызывает сомнений: зародившись в I веке в Восточном Средиземноморье (входившем в состав Римской империи), христианская проповедь впитала в себя черты как древнегреческого и древнеримского, языческого, так и древнееврейского, ветхозаветного, ораторского искусства. Языческие ораторские школы, в первую очередь древнегреческие, были в целом светскими, из них выходили мастера торжественного, политического, судебного красноречия. Ветхозаветное красноречие оставалось по духу религиозным. На Самого Христа, как и на Его современников, естественно, наибольшее влияние оказала ветхозаветная традиция. Впрочем, апостолы в своих проповедях (например, апостол Павел) широко использовали и достижения языческих ораторских школ.

Главным и по сути единственным первоисточником новозаветного ораторского искусства служат канонические Евангелия: от Матфея (Мф.), Марка (Мк.), Луки (Лк.), Иоанна (Ин.), которые возникли из устной традиции (никаких документов, записей об Иисусе Христе, сделанных во время Его земной жизни, не сохранилось).

Мы рассматриваем христианскую проповедь не в религиозном аспекте, а как форму ораторского искусства.

Риторика Ветхого Завета как первооснова новозаветной проповеди

Риторика Ветхого Завета — первой части Библии — носит целиком религиозный характер. Ветхозаветными ораторами были, прежде всего, пророки, которые возвещали современникам откровения, получен-

ные ими от Бога. Большинство речей пророков начиналось стандартными фразами: «И было слово Господне ко мне...», «Так говорит Господь». Но пророки, тем не менее, не были автоматическими ретрансляторами Божиих слов. Каждый пророк оставался творческой личностью, обладал своим стилем, использовал индивидуальные риторические приемы.

Ветхозаветные пророки выступали против социальной несправедливости, обличали власти, предупреждали их о Божием возмездии за их грехи. Они учили, что соблюдение религиозных обрядов и предписаний без любви к ближнему и милосердия — бессмысленно. Пророки в той или иной форме предсказывали приход в мир Мессии — избавителя людей от греха и создателя Царства, которому не будет конца.

Многие пророки приняли мученическую смерть: земные цари не могли смириться с обличением их действий. Более того, часто и простые люди, не желавшие изменить свою жизнь, не принимали речей пророков, побивали их камнями и изгоняли из своих городов.

Наиболее известными были пророки Исайя (проповедовал в 742–700 гг. до Р.Х.), Иеремия (проповедовал в 621–580 гг. до Р.Х.), Даниил (проповедовал в 604–535 гг. до Р.Х.), Иезекииль (проповедовал в 593–570 гг. до Р.Х.). Их книги представляют собой важную часть Ветхого Завета.

Моисей. Первым ветхозаветным пророком был Моисей (ок. 1350–1230 гг. до Р.Х.). О нем рассказывается во второй по счету книге Ветхого Завета — книге Исхода. Автором ее, как и всех пяти первых ветхозаветных книг[1], был, скорее всего, сам Моисей. Под его предводительством евреи вышли из египетского плена и после сорокалетних странствий по пустыне достигли «земли обетованной» — Израиля.

Моисей стал посредником между Богом и людьми. На горе Синай он получил от Бога *Десять заповедей* и другие установления, которые, спустившись с горы, возвестил народу[2].

Интересно, что Моисей был от природы косноязычен. Все услышанное от Бога он сообщал сначала старшему брату Аарону, который, обладая ораторскими способностями, выступал от имени Моисея перед народом. «Ты будешь ему говорить и влагать слова в уста его, — объяснял Бог Моисею Свой замысел. — А Я буду при устах твоих и при устах его, и буду учить вас, что делать»[3].

Моисей умер в возрасте ста двадцати лет, накануне окончания сорокалетнего странствия по пустыне, увидев с горы Нево обещанную Богом родную землю.

Риторика Ветхого Завета оказала решающее влияние на новозаветную проповедь, стала эталоном для многих проповедников Нового Завета. Христос, начиная с Нагорной проповеди, едва ли не в каждом Сво-

---

[1] Отсюда и название «Пятикнижие Моисеево», или, по-еврейски, Тора.

[2] Исход, гл. 20–23.

[3] Исх. 4, 15.

ем выступлении перед народом неоднократно ссылался на речи ветхозаветных пророков.

Иоанн Креститель. Точкой отсчета новозаветной риторики является проповедь Иоанна Крестителя (или Предтечи), которая, с одной стороны, заканчивает огромную по хронологическим рамкам эпоху ветхозаветной риторической школы и, с другой стороны, стоит у истоков новозаветной, христианской проповеди.

Иоанн Креститель родился в семье священника иерусалимского храма Захарии за полгода до Рождества Христова. История его появления на свет в подробностях описана в Евангелии от Луки[1]. Иоанн вел аскетический образ жизни, до тридцати лет он жил в пустыне. По словам евангелиста Матфея, «Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих; и пищею его были акриды [т.е. саранча. — *Г. П.*] и дикий мед»[2].

Во всех четырех Евангелиях приводятся отрывки проповедей Иоанна, обращенные к разным группам слушателей. Из этих текстов следует, что главная цель Иоанна-оратора — подготовить людей к приходу Христа и восприятию Его проповеди. Иоанн утверждал, что спасения можно достичь не через автоматическую принадлежность к роду Авраама[3], но исключительно через покаяние и добрые дела.

Аскетичный внешний облик Иоанна и его безупречный образ жизни добавлял авторитета его проповеди. Иоанн пользовался безусловным авторитетом даже среди тех, кого жестко критиковал (например, фарисеев и саддукеев — представителей религиозных течений иудаизма I в.).

Проповедь Иоанна длилась недолго, вероятно, немногим больше года. За обличение нечестивой жизни царя Ирода непримиримый проповедник был заключен в тюрьму, а затем казнен.

Иисус Христос крестился от Иоанна и начал проповедь в тридцать лет, что соответствовало иудейским законам, запрещавшим учительствовать и занимать ответственные должности людям моложе тридцати. Его земная миссия длилась около трех с половиной лет.

Проповеди Христа условно можно разделить на три вида: рассчитанные на апостолов и ближайших учеников, произнесенные перед простым народом и обращенные к фарисеям и иудейской религиозно-политической верхушке.

Нагорная проповедь

В общем виде Христос систематизировал и изложил Свое учение в *Нагорной проповеди* (5–7-я главы Евангелия от Матфея), произнесен-

---

[1] Лк. 1, 5–80.

[2] Мф. 3, 4.

[3] То есть к иудаизму и еврейской нации.

ной перед учениками и большим количеством народа. Трансформируя ветхозаветные законы, Он выдвинул идеальную модель поведения нового человека, освобожденного «от множества мелких и бесплодных предписаний, которые только стесняли человеческую деятельность и мало способствовали к действительному нравственному улучшению»[1].

Правила, которые провозгласил Христос в Нагорной проповеди, были гораздо более жесткими, чем прежние, ветхозаветные, данные Богом на Синайской горе праотцу Моисею. Например, заповедь «Не убивай; кто же убьет, подлежит суду» Иисус уточнил следующим образом: «А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...»[2]. Ветхозаветная заповедь «не прелюбодействуй» касается у Христа не только соответствующих внешних действий: «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем»[3].

Иногда нравственные принципы, выдвинутые Иисусом, выглядели в глазах аудитории крайне удивительно и даже вызывающе: «Вы слышали, что сказано: “люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего”. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...»[4]. Так Христос призывал слушателей к нравственной работе над собой, к совершенству: «...будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный»[5]. Подобные цели доселе не ставил перед собою ни один оратор и проповедник: ни в Греции, ни в Риме, ни в Иудее.

В Нагорной проповеди ярко прослеживаются ораторские приемы Христа. Он обращался к собравшемуся на горе народу в категорической форме, «как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи»[6], что усиливало эффект Его слов. Противопоставление традиционного нравственного уклада новому учению, игра контрастов производили на слушателей огромное впечатление. Иисус, устанавливая новые нравственные нормы поведения и жизни, говорил от первого лица: «А Я говорю вам...»[7], что также обращало внимание слушателей, поскольку все без исключения ветхозаветные пророки постоянно подчеркивали, что говорили от имени Бога: «Так говорит Господь...», «И было слово Господне ко мне...».

Иисус широко использовал прием гиперболизации (что впоследствии многим давало повод неверно или неадекватно толковать слова и

---

[1] *Антоний (Вадковский), митрополит.* Святоотеческие творения как пособие проповедникам. История проповедничества // Богословские труды. Л., 1986. С. 307.

[2] Мф. 5; 21–22.

[3] Мф. 5; 27–28.

[4] Мф. 5; 43–44.

[5] Мф. 5; 48.

[6] Мф. 7; 29.

[7] Мф. 5; 22, 28, 32, 39, 44.

намерения Христа). Например: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну»[1]. Конечно, Иисус говорил эти слова не в буквальном смысле, а использовал гиперболу. Он делал это, во-первых, потому, что такой образный пример быстрее запоминался людям, а во-вторых, чтобы подчеркнуть важность сказанного: на первом месте в жизни должно стоять стремление обрести Бога.

То же относится и к словам Христа из Нагорной проповеди: «...не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую...»[2]. Иисус отменял этими словами ветхозаветный закон возмездия и требовал любви к врагам. Но заповеди о терпении, направленные против традиции мстить за нанесенную обиду, не исключали ни общественных мер к ограничению зла и наказанию делающих зло, ни личных усилий по сокращению в мире зла и вразумлению обидчиков. Сам Христос, когда Его на суде у первосвященника ударили по щеке, не подставил обидчику вторую щеку (как это следовало бы при дословном понимании Его вышеуказанных слов), а возразил: «...если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?»[3].

Риторика Христа

В дальнейшем Христос развивал и конкретизировал высказанные в Нагорной проповеди принципы. Его проповеди носили исключительно практический характер. Цель Спасителя была не только в просвещении ума, но прежде всего в очищении сердец слушателей. Он учил нравственности вообще и в то же время дифференцированно подходил к разным социальным, религиозным и возрастным категориям внимавших Ему современников. Своим ученикам Иисус нередко говорил методические, долгие проповеди (например, Прощальная беседа в 14–16-й главах Евангелия от Иоанна), которые вряд ли понял бы простолюдин. От апостолов Иисус требовал значительно большего, чем от рядового иудея.

В индивидуальных беседах с простыми людьми Иисус предпочитал краткие задушевные речи. Их основная тема — спасение, покаяние и дела милосердия для спасения.

Наиболее полемичны речи Христа, обращенные к фарисеям, книжникам и другим вождям иудейского народа. С первых же дней общественного служения Иисуса эти люди болезненно восприняли Его уче-

---

[1] Мф. 5; 29–30.
[2] Мф. 5; 39.
[3] Ин. 18; 23.

ние, поскольку Он открыто называл себя Сыном Божиим и часто не соблюдал формальных предписаний ветхозаветных законов, прежде всего, исцелял больных в священный для иудеев день покоя — субботу. Христос противопоставлял косным ритуалам нравственные ценности, провозглашая принцип духовной свободы, для которой не существует привычных устоявшихся границ.

В каждом Евангелии постоянно встречаются или пространная критика фарисеев, или отдельные реплики Христа в адрес оппонентов. В Наставлении о фарисеях[1] Иисус семикратно возглашал иудейским учителям «горе вам!», страстно критикуя книжников и фарисеев за лицемерие и увлечение внешними формами благочестия в ущерб внутренней вере. Полемическая острота речей Христа к фарисеям объясняется ненавистью фарисеев к Иисусу и отрицанием Его учения. Впрочем, далеко не все фарисеи разделяли такую позицию, да и Христос, естественно, не был априори настроен враждебно к иудейским учителям. Поэтому некоторые Его речи перед фарисеями, относившимся к Нему с уважением (а таких было немало), теплы и задушевны, что роднит их с речами перед простыми людьми.

В полемике с фарисеями Христос-оратор предстает как искусный мастер экспромта, немедленного и яркого ответа на провокации собеседников. Наиболее известен пример, когда фарисеи «совещались, как бы уловить Его в словах»[2], и решили задать ему провокационный вопрос: «...Позволительно ли давать подать кесарю, или нет?»[3]. Провокация состояла не только в форме вопроса, но и в том, что любой вариант ответа, который ожидали услышать фарисеи, умалял бы Христа как почитаемого всеми Учителя. В случае положительного ответа Он уронил бы Свое мессианское достоинство: Мессия не мог допустить подчинение Израиля языческому Риму. А если бы Иисус ответил, что подать кесарю платить непозволительно, это был бы призыв к неповиновению государственной власти. Христос нашел третий вариант ответа, о котором вопрошавшие не подозревали: он блестяще провел грань между областью кесаря и областью Бога, между царством земным и Царством Божиим: «...Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им [Иисус]: итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»[4].

Другую провокацию фарисеи и книжники пытались устроить Христу, когда привели к Нему застигнутую в прелюбодеянии женщину и

---

[1] Мф. 23; 2–36.
[2] Мф. 22; 15.
[3] Мф. 22; 16–17.
[4] Мф. 22; 18–21.

сказали: «Учитель! Эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь?»[1]. Христос оказался перед альтернативой: или высказаться против закона Моисея, или одобрить убийство женщины. Иисус нашел третий, не предусмотренный оппонентами вариант — перенес решение вопроса в область моральных отношений и оценок: «Когда же продолжали спрашивать Его, Он восклонившись сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень»[2].

Притча как риторический прием

Для лучшего и образного понимания Своих речей Христос использовал притчи, которые отличались простотой и наглядностью. Притча в строгом смысле слова есть повествование о вымышленном, но совершенно правдоподобном событии с целью наглядно объяснить какой-либо нравственный или духовный предмет. Правдоподобием притча отличается от басни, в которой бывает неправдоподобное (например, диалоги животных). Использовались притчи и ветхозаветными пророками. В умелом и уместном употреблении притчевых рассказов и примеров заключается особенная сила речей Иисуса.

Цель использования притчи в проповеди была двоякой. С одной стороны, Христос хотел сделать более понятными и близкими те нравственные истины, которым Он учил. С другой стороны, те аспекты учения, которые в годы Его земного служения еще не были понятны даже ближайшим апостолам, Иисус маскировал притчами. Притча быстрее запоминалась и оставалась в памяти, в то время как риторически нейтральное поучение могло быть забыто. По мнению митрополита Антония (Вадковского), «в этих случаях Спаситель и Сам для Себя доставлял исполненный глубокого смысла материал для дальнейших рассуждений, и Своих слушателей подготовлял к тому, чтобы они в будущем самые эти предметы легче и скорее воспринимали как истину»[3]. Притчи, произнесенные Христом, можно условно разделить на нейтральные (притчи о сеятеле, заблудшей овце, двух должниках и т.д.) и обличительные (например, притчи о злых виноградарях, двух сыновьях, брачном пире).

Притчи были близки слушателям, поскольку, во-первых, отличались простотою и ясностью и, во-вторых, имели местный характер. Притчи были связаны как с историей и обычаями иудейского народа, перед которым проповедовал Христос, так и с профессиональной деятельностью людей: земледелием, рыболовством, скотоводством, виноделием и т.д.

---

[1] Ин. 8; 4–5.

[2] Ин. 8; 7.

[3] *Антоний (Вадковский), митрополит.* Святоотеческие творения как пособие проповедникам. История проповедничества // Богословские труды. С. 309.

Так, в притче о сеятеле[1] образ сеятеля заимствован от занятия, известного всем современникам Иисуса, и потому был всем понятен.

Большая часть притч Христа не связана прямо с той или иной профессией, а посвящена добродетели в целом. В притчах Иисус показывал, что Господь не бессмысленно жесток, но справедлив и милостив.

Чудо как развитие проповеди

Свои проповеди Христос часто подкреплял различными чудесами: усмирением бури, многочисленными исцелениями неизлечимо больных, насыщением пяти тысяч голодных людей, воскрешением умерших. Чудеса, сотворенные Иисусом, — не фокусы, рассчитанные на бессмысленное удивление и завоевание популярности в народе. Чудеса эти служили не только доказательством Своего Божественного происхождения, но иллюстрацией одной из главных тем проповедей Спасителя — того, что верой можно получить от Бога все просимое.

Чудеса, сотворенные Иисусом, носили глубокий внутренний смысл. Так, чудо воскрешения Лазаря[2] было символом, прообразом всеобщего воскресения мертвых. Чудо проклятия Христом смоковницы[3], когда по слову Иисуса засохла смоковница, на которой не было плодов, — не бессмысленная жестокость. Еще в Ветхом Завете это дерево было символом Израиля. «Поступая по примеру древних пророков, — пишет епископ Кассиан (Безобразов), — Господь, в образе смоковницы, произнес суд над современным Ему Израилем, не приносящим плода»[4].

Христос никогда не творил чудес напоказ. Книжникам и фарисеям, которым захотелось видеть от Иисуса знамение, Он категорически отказал в этом: «род лукавый и прелюбодейный ищет знамения...»[5]. Когда перед казнью Пилат послал арестованного Иисуса к царю Ироду, «Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем и надеялся видеть от Него какое-нибудь чудо...»[6]. Но и здесь Христос молча отказал правителю, от одного слова которого, возможно, зависел приговор Ему.

Ораторское искусство апостолов

Евангельская проповедь, и прежде всего проповедь Иисуса Христа, нашла отражение в устной практике Его учеников-апостолов, представленной в книге Деяний святых апостолов.

---

[1] Мф. 13; 3–9 и Лк. 8; 5–8.

[2] Ин. 11; 1–45.

[3] Мф. 21; 18–22 и Мк., 11; 12–14, 20–24.

[4] *Кассиан (Безобразов), епископ.* Христос и первое христианское поколение. М., 1999. С. 105.

[5] Мф. 12; 39.

[6] Лк. 23; 8.

После окончания земного служения Христа христианская риторика приобретает не только **устный** характер **(проповедь)**, но и **письменный (послания)**. В Новом Завете мы видим развитие христианской риторики в *Деяниях святых апостолов*, написанных евангелистом **Лукой**, и в Посланиях апостолов **Иакова**, **Петра**, **Иоанна**, **Иуды** (тезки предателя), **Павла**.

Апостол Петр. Петр был первым среди двенадцати апостолов. Его самостоятельная ораторская и проповедническая деятельность началась через десять дней после Вознесения Христа, в день сошествия Святого Духа на апостолов[1]. В тот день Петр произнес пламенную речь, обращенную к жителям и гостям Иерусалима[2]. В ней он объяснял на хорошо знакомых иудеям примерах из Ветхого Завета, что распятый незадолго до этого Иисус из Назарета — тот самый Мессия, приход которого предсказывали все ветхозаветные пророки. Речь эта произвела такое сильное впечатление на слушателей, что в тот же день три тысячи человек приняли крещение.

На следующий день Петр у дверей иерусалимского храма исцелил хромого от рождения человека. К многочисленной толпе, собравшейся посмотреть на это чудо, Петр обратился со второй речью[3], которая по содержанию напоминает речь, произнесенную им накануне. Ею Петр обратил в христианство пять тысяч человек.

С этих двух речей Петра, по сути, началась эра христианской проповеди.

Особенности риторики Петра, прежде всего, в ее безыскусности и краткости, в отсутствии вводных предложений, метафор и риторических фигур и вместе с тем в строгом логическом построении речей. Речь Петра, несмотря на лаконичность, всегда звучала искренне и убедительно.

Последние годы жизни Петр жил и проповедовал в Риме, где стал первым епископом — по сути римским папой. В канон Нового Завета включены два послания Петра, адресованные христианам Малой Азии. По некоторым данным, евангелист Марк создал свое Евангелие, записывая рассказы апостола Петра о земной жизни Христа. Когда по приказу императора Нерона в 67 году начались гонения на христиан, Петр был арестован и казнен.

Архидиакон Стефан. В Деяниях подробно приводится единственная речь Стефана, произнесенная в Иерусалиме перед судом Синедриона, по-видимому, вскоре после сошествия Святого Духа на апостолов. В этой речи Стефан доказывал, что Христос — именно Мессия,

---

[1] Это был пятидесятый день после Воскресения Христова, поэтому и называется Пятидесятницей.

[2] Деян. 2; 14–40.

[3] Деян. 3; 12–26.

чей приход предсказывали древние пророки, начиная с Моисея, и тем самым эпоха Ветхого Завета уступила место эпохе Нового Завета.

Слушатели были настолько возмущены речью Стефана, что, не дав ему договорить, забили его до смерти камнями.

Апостол Павел — оратор. Ораторское искусство апостола Павла представляет особую важность. Его миссионерская и ораторская деятельность занимает ведущее место в книге Деяний; в канон Нового Завета включено тринадцать его посланий (тогда как посланий апостола Петра — два, апостола Иоанна Богослова — три, апостолов Иакова и Иуды — по одному).

Павел (его иудейское имя было Савл) родился в семье богатого фарисея, имевшего римское гражданство в городе Тарс, и получил блестящее по тем временам образование. Придя в Иерусалим, Савл сделался последовательным гонителем христиан. Однажды он отправился в Дамаск, чтобы там арестовать христиан и привести их в Иерусалим. Но по дороге Савлу было видение Христа (в земной жизни Христос и Павел не встречались), после чего убежденный фарисей превратился в ревностного христианина и со временем стал одним из главных апостолов — проповедников христианства.

Риторика Павла отражена в книге Деяний, где приводятся его важнейшие речи, среди которых — *речь в афинском ареопаге (17; 22–31)* и *речь перед царем Агриппой (26; 2–29)*. В Афинах Павел выступал перед образованными и любознательными язычниками. Как в свое время и Христос, апостол разговаривал с собеседниками, учитывая их интеллектуальный, социальный и религиозный уровень. Да и речь свою Павел построил в основном по античным канонам. Умело используя принцип «быть для всех всем», Павел ставил в начале своей речи язычникам-афинянам в заслугу их благочестие, цитировал известного тогда в Афинах поэта Арата («мы Его и род»). Апостола внимательно слушали, пока он изъяснял общие истины, но, как только заговорил о важнейшем принципе учения Христа — всеобщем воскресении мертвых, над ним стали смеяться и даже не дали ему договорить. И лишь несколько человек уверовали по слову Павла во Христа. Для античного оратора-язычника такой результат речи был бы, безусловно, полнейшим провалом, но для христианского проповедника важно было не количество проголосовавших за него, а каждая обращенная к Богу душа.

Речь перед царем Агриппой Павел произнес, будучи в заключении («в узах»). Блестяще используя риторические приемы, приводя доступные для понимания царя примеры, апостол почти убедил Агриппу принять христианство.

Неоднократно Павел выбирал объектом своей проповеди самую сложную, а то и попросту враждебную аудиторию. Так, в Афинах ему противо-

стоял цвет языческой стоической и эпикурейской философии. В Эфесе Павел проповедовал среди чернокнижников и колдунов. Автор Деяний не привел эфесскую речь Павла, но указал, что, услышав ее, «из занимавшихся чародейством довольно многие, собравши книги свои, сожгли пред всеми; и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм». Иными словами, эфесяне пожертвовали фантастической суммой, которая была приблизительно равна двумстам двадцати килограммам серебра, ради веры в Бога, которую им открыл в своих речах Павел.

В отличие от речей Петра, схожих между собою по использованным ораторским приемам, речи Павла более насыщены риторическими фигурами и часто сильно отличаются друг от друга в зависимости от аудитории. Например, перед иудеями он выступал, апеллируя к ветхозаветной мудрости[1]. В проповедях перед язычниками апостол нередко использовал философские приемы, направляя «мысль своих слушателей от рассмотрения явлений природы к познанию и почитанию одного истинного Бога и затем отсюда к необходимости принять учение Иисуса»[2].

В начале 60-х годов за проповедь христианства Павел предстал перед судом императора Нерона в Риме и был оправдан, после чего несколько лет жил и проповедовал в Риме. Тем не менее в 64 году по приказу Нерона Павел, как и многие христиане, был казнен.

Послания Павла

Тринадцать посланий апостола Павла[3], включенные в Новый Завет, делятся на **миссионерские** (обращенные жителям определенных городов или регионов: Римлянам, Коринфянам, Ефесянам, Галатам и т.д.) и **пастырские** (обращенные к ученикам: Титу, Тимофею, Филимону). Некоторые послания (Ефесянам, Филиппийцам, Колоссянам, Филимону) Павел писал из заточения — «из уз».

Из миссионерских посланий наиболее характерно *Первое послание Коринфянам*. Павел и жители Коринфа обменялись по крайней мере четырьмя посланиями. Так, Первое послание Коринфянам по контексту является вторым, а Второе послание Коринфянам — четвертым по счету в их переписке. Первое и третье послания Павла, как и сами письма, на которые отвечал апостол, до нас, к сожалению, не дошли.

Основная тема Первого послания Коринфянам, как и многих других, — единство Церкви. Особый интерес представляют наставления Павла коринфским христианам, нисколько не утратившие актуальности и спустя две тысячи лет: например, о свободе как основе нравствен-

---

[1] В этом отношении очень показательна речь Павла, произнесенная в синагоге в Антиохии Писидийской (Деян. 13; 15–41).

[2] *Антоний (Вадковский), митрополит.* Святоотеческие творения как пособие проповедникам. История проповедничества // Богословские труды. С. 324.

[3] На самом деле, посланий было значительно больше. Далеко не все они дошли до наших дней.

ной жизни и умении ограничивать эту свободу (*6; 12–14*), телесной чистоте (*главы 5–7*), о браке (*глава 7*).

Вопросам семьи, взаимоотношений мужа и жены, родителей и детей апостол Павел уделял немало внимания и в других Посланиях (например, *Эфесянам, 5; 22-28; 6; 1–4; Колоссянам, 3; 18–21; 1-е Тимофею, 2; 11–14*). Главный принцип, на котором должна строиться христианская семья, по мнению апостола Павла, — взаимная ответственность ее членов и любовь, причем главным образом не плотская, но духовная. *13-я глава Первого послания Коринфянам* — гимн любви, которая «никогда не перестает».

Новозаветная риторика оказала исключительное влияние на дальнейшее развитие устного и письменного слова. Христианская лексика апостола Павла прочно вошла в европейскую публицистическую речь. К новозаветным образам неоднократно обращались лучшие журналисты, публицисты и ораторы Европы и Америки во все последующие эпохи.

Вопросы для повторения

1. Возникновение христианской устной и письменной риторической традиции.
2. Особенности ветхозаветного красноречия.
3. Моисей — первый ветхозаветный пророк-оратор.
4. Риторика раннехристианских проповедей.
5. Коммуникация в новозаветную эпоху.
6. Ораторы и проповедники Нового Завета.
7. Риторика Иоанна Крестителя.
8. Особенности ораторского искусства Иисуса Христа.
9. Риторика Нагорной проповеди Иисуса Христа.
10. Ораторы и проповедники раннехристианской эпохи.
11. Ораторское мастерство апостола Петра.
12. Послания апостола Павла как образец письменной риторики.
13. Древнегреческое, древнеримское и раннехристианское красноречие: сходства и различия.

Рекомендуемая литература

Ауни Д. Новый Завет и его литературное окружение. СПб., 2000.

Иисус Христос в документах истории. СПб., 1999.

Иннокентий Херсонский, святитель. Жизнь святого апостола Павла. М., 2000.

Кассиан (Безобразов), епископ. Христос и первое христианское поколение. М., 2001.

Мильтон Д. О свободе печати: Речь к английскому парламенту (Ареопагитика) // История печати. М., 2001.

Синило Г. В. Древнееврейская литература // Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). М., 2008.

Чистяков Г., священник. Размышления с Евангелием в руках. М., 1999.

Первоисточники

Библия. — Любое издание.

РАЗВИТИЕ ХРИСТИАНСКОЙ РИТОРИКИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Устная и письменная традиции христианской риторики (Иероним Стридонский. Амвросий Медиоланский. Аврелий Августин. Григорий Богослов. Василий Великий. Иоанн Златоуст. Либаний. Кирилл и Мефодий). — Развитие цензуры. — Почта в эпоху Средневековья.

Устная и письменная традиции христианской риторики

Падение Римской империи в 476 году надолго прервало поступательное развитие протожурналистики. Объем публицистического творчества резко уменьшился по сравнению с античными временами: во-первых, произошло сокращение грамотной аудитории, во-вторых, светская публицистика и риторика почти целиком были вытеснены религиозной, христианской. В 325 году, при императоре Константине, христианство стало государственной религией. Развитие христианской риторики в IV веке шло, как и в I–III веках, по двум важнейшим направлениям — устному и письменному.

К устной традиции относится **проповедь**, которую, в свою очередь, можно разделить по охвату аудитории на **приходскую** (произносимую священником в церкви перед прихожанами-христианами) и **миссионерскую** (произносимую священником-миссионером в дальних землях перед язычниками с целью обратить их в христианство). По содержанию проповеди подразделяются на четыре вида:

- **омилия (гомилия)**, или изъяснительная беседа, которая ставит своей задачей объяснение Священного Писания;
- **слово**, которое произносится по случаю церковного праздника или дня памяти какого-либо святого;
- **катехизическое поучение**, которое излагает уроки веры, нравоучения и богослужения;
- **публицистическая проповедь**, которая отвечает на злободневные вопросы современности.

К письменной христианской риторике относятся **письма**, **послания**, в том числе **буллы** — послания римских пап.

Отличительная особенность христианской риторики Средневековья в том, что ее представители, как правило, не практиковались в одном направлении, а сочетали устное и письменное красноречие.

В эпоху раннего Средневековья устное слово уверенно господствовало над письменным. Грамотных людей, которые могли читать и внимать написанному тексту, оставалось крайне мало. А речь или проповедь, адресатом которой была толпа (неважно какая — грамотная или неграмотная), эффективно воздействовала на всех.

С первых веков развивались два центра христианской риторики: **западный** (Рим) и **восточный** (Византия). К виднейшим представителям западной традиции относятся **Иероним Стридонский**, **Амвросий Медиоланский** и **Аврелий Августин**.

Иероним Стридонский. Софроний Евсевий Иероним Стридонский (ок. 340–420 гг.) родился в небольшом городе Стридона. Юношей он переселился в Рим, чтобы совершенствоваться в ораторском искусстве. В Риме Иероним досконально изучил риторику и литературу, освоил греческий язык, собрал огромную библиотеку классической литературы, с которой не расставался до конца жизни, даже будучи в изгнании. Приняв крещение, Иероним удалился в пустыню, выучил еврейский язык, затем принял священнический сан и переселился в Константинополь, где познакомился с виднейшими византийскими риторами и христианскими проповедниками Григорием Богословом и Григорием Нисским.

Вернувшись в Рим, Иероним организовал кружок для благочестивых женщин по изучению Библии. Авторитет Иеронима-проповедника был настолько велик, что, когда он удалился из Рима в изгнание в Палестину, некоторые женщины поехали вслед за ним и, приняв монашество, основали в Вифлееме монастырь. Здесь, в Вифлееме, Иероним продолжил обширную переписку (он был признанным мастером письменного красноречия) и перевел Библию с греческого и еврейского на латинский язык. Этот перевод называется Вульгата, что в буквальном переводе с латинского значит «общепринятый».

Иероним был одним из самых разносторонне образованных людей своей эпохи. Большую ученость он сочетал с активной проповеднической и публицистической деятельностью. До наших дней сохранилось около двухсот его писем, среди них написанное в Вифлееме *«Письмо к Магну, великому оратору города Рима»*. Большое количество писем Иероним адресовал римским женщинам — участницам кружка по изучению Библии.

Умер Иероним в 420 году в глубокой старости, что было редкостью для таких страстных и творческих людей, как он.

Амвросий Медиоланский (ок. 339–397 гг.) родился в городе Трире в богатой римской семье. В 352 году семья Амвросия переехала в Рим, где юноша получил обычное для людей его круга образование. Амвросий в совершенстве овладел ораторским искусством и мог свободно

произносить речи как на латинском, так и на греческом языке. Некоторое время он был судебным оратором, затем работал на государственной службе. Приняв христианство, Амвросий стал епископом города Медиолана (Милана) — второго в те времена по численности города империи — и там прославился своими проповедями, словами, речами, письмами и посланиями.

Так, большой популярностью пользовались надгробные речи Амвросия, произнесенные им при погребении почивших императоров, — «На смерть Валентиниана» (392 г.) и «На смерть Феодосия» (395 г.). Эти речи — не только безупречный пример ораторского мастерства, но и важный исторический документ.

Из 91 послания Амвросия, дошедшего до наших дней, интересен, в частности, цикл *«Письма об алтаре Победы»*. Жертвенник с золотой статуей языческой богини Победы, находившийся в римском сенате, стал камнем преткновения между столичными язычниками и христианами, а отношение к нему императоров — показателем их религиозной политики. Амвросий в «Письмах об алтаре Победы» указывал на упадок Рима, который не смогли предотвратить языческие идолы, и прославлял христианство как более высокую ступень развития человеческого разума. Аргументы Амвросия в итоге убедили адресатов писем убрать статую из сената.

Аврелий Августин (354–430 гг.) родился в провинциальном североафриканском городе Тагасте (современный Алжир) в семье отца-язычника, мелкого землевладельца, и матери-христианки. Окончив грамматическую и риторическую школы, Августин преподавал риторику, затем переехал в Рим, а в 385 году получил должность официального ритора в Медиолане (Милане). Под влиянием проповедей Амвросия Медиоланского Аврелий Августин принял христианство, а через некоторое время — и священнический сан.

Вернувшись на родину, Августин посвятил себя проповеди христианства, в 395 году стал епископом. До наших дней дошли 218 его писем, 396 проповедей и множество других произведений, которые характеризуют Августина как непревзойденного ритора и яркого оратора.

Восточную традицию христианской риторики представляют, в первую очередь, **Григорий Богослов**, **Василий Великий** и **Иоанн Златоуст**.

Григорий Богослов (ок. 326 — ок. 390 гг.) родился в семье епископа города Назианз (в современной Турции). Получив прекрасное домашнее и школьное образование, Григорий некоторое время учился риторике у известнейшего языческого оратора и ритора Либания, после чего продолжил обучение сначала в Александрии, а затем в Афинской академии, где основными предметами были риторика и софистика. По окончании учебы Григорий несколько лет преподавал в академии риторику.

Вернувшись домой, он принял крещение и вскоре стал священником, а впоследствии — епископом. За свою многогранную деятельность Григорий получил почетное прозвище *Богослов*. Христианская Церковь с древних времен почитает его как великого вселенского учителя.

Риторическое наследие Григория Богослова включает в себя 45 слов (гомилий) и 249 писем, а также 408 стихотворений. Григорий первым из византийских писателей и публицистов опубликовал собрание собственных писем. Он был самым цитируемым автором в Византии; Иероним Стридонский считал его одним из лучших ораторов.

Василий Великий (ок. 329–379 гг.) родился в Кесарии (современная Турция) и происходил из богатой семьи. Окончив школу, Василий продолжил учебу сначала в Константинополе у Либания, затем в Афинской академии, где подружился с Григорием Богословом.

По возвращении на родину в Кесарию Василий сначала работал адвокатом, а затем, приняв сан, прошел все ступени церковной иерархии и прославился речами и беседами против еретиков. Современники еще при жизни прозвали Василия *Великим* и называли его трубой, оглашающей вселенную, его слово сравнивали с громом, а жизнь — с молнией.

Из риторического наследия Василия Великого сохранились девять «Бесед на Шестоднев» (378 г.), 18 бесед на псалмы и 25 бесед на разные случаи, а также слова и 368 писем и посланий.

Иоанн Златоуст (344–407 гг.) родился в Антиохии (юг современной Турции) в богатой семье. Он получил блестящее языческое образование, в том числе у Либания, и в двадцать лет стал адвокатом, но вскоре решил посвятить себя Богу и принял монашество. В Антиохии Иоанн проповедовал каждый день в течение двенадцати лет и снискал всеобщую любовь слушателей.

Став архиепископом в Константинополе, Иоанн в проповедях обличал коррупцию в столице, гневно укорял высшее общество за отступление от евангельских истин. Ораторская критика Златоуста затрагивала все ступени власти, вплоть до императора. Естественно, что с ростом популярности смелого проповедника среди простого народа увеличивалась ненависть к нему со стороны высших слоев. В результате Иоанн был в 403 году разжалован и сослан. Но происшедшее вскоре в Константинополе землетрясение было воспринято как проявление Божиего гнева, и Златоуста пригласили вернуться. Но Иоанн в своих новых проповедях продолжал и дальше обличать власти, за что снова был сослан. Он умер в ссылке, в самом отдаленном районе империи — недалеко от современной Пицунды в Абхазии. Реабилитировали великого проповедника только спустя десять лет после его смерти.

Иоанн Златоуст успешно соединил в своем публицистическом творчестве нравственный пафос христианства с древней традицией грече-

ского ораторского искусства. Современники-язычники сравнивали силу слова Златоуста с речами Демосфена. Его проповеди затрагивали самые актуальные проблемы конца IV — начала V века. Во все времена Златоуст считался и считается до сих пор совершеннейшим образцом для всех проповедников. До нас дошло более восьмисот его проповедей.

По содержанию проповеди Златоуста носят нравственно-практический характер. Цель проповедника — исправить грешника и утвердить его в добродетели. Началом и концом всякой добродетели Иоанн считал любовь к Богу и ближнему. Проповеди Златоуста очень просты, живы и убедительны. Большей частью они произносились экспромтом. Самое известное из его слов и творений — *«Слово огласительное на Святую Пасху»*, которое вот уже семнадцать веков читается в каждой церкви с амвона во время пасхальной утрени.

Иоанн Златоуст оставил около 240 писем, которые были написаны им различным адресатам из ссылок. Среди его эпистолярного наследия самые известные «Письма к Олимпиаде» — цикл из семнадцати писем к своей духовной дочери диаконисе Олимпиаде, находившейся, как и Златоуст, в изгнании. Кроме того, Иоанн составил «Чин Литургии» — важнейшей церковной службы, по которому до сих пор служит Православная Церковь, а также некоторые молитвы.

Почетное прозвище *Златоуст* было дано Иоанну за исключительную силу проповеди уже после его смерти.

Либаний. Учитель и антагонист Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, **Либаний**[1] (314–393 гг.) был последним великим ритором языческой античности и самым известным среди современников софистом и мастером красноречия. Уже в 25 лет он стал членом Афинской академии (тогда как возрастной ценз для занятия подобных должностей в античном обществе всегда составлял 30 лет). В Константинополе Либаний открыл школу красноречия. Там учились не только великие христианские проповедники, но и будущий император Юлиан Отступник.

Либаний был представителем так называемой «второй софистики». Современники называли его малым Демосфеном. Его творческое наследие состоит из 68 речей, 1607 писем и автобиографии. К языку Либания — безупречному образцу для подражания — не раз обращались современники и потомки. (Интересно, что великий ритор блестяще владел греческим и в то же время не знал латинского языка.) О большой популярности творчества Либания свидетельствует уникальный факт: до наших дней дошло более пятисот его трудов, причем это не только речи и письма, но даже школьные упражнения его учеников.

---

[1] Во многих источниках встречается написание имени Либания через «в»: *Ливаний*.

Речи Либания затрагивают в основном государственные и общественные темы. Таковы, например, его *«Надгробная речь Юлиану»* (368 г.), речь *«К императору Феодосию в защиту храмов»* (384 г.). Оратор горячо приветствовал реформу своего любимого ученика императора Юлиана, восстановившего на время культ языческих богов. Но, выступая против христианства, Либаний не сумел дать его глубокой и всесторонней критики, ограничиваясь лишь выражением презрения к христианам. Он очень переживал, что многие ученики его школы приняли христианство. Умирая, Либаний говорил, что своим преемником хотел бы видеть Иоанна Златоуста, «если бы его не похитили христиане».

Кирилл и Мефодий. Из церковных публицистов последующих столетий наиболее известны братья-монахи **Кирилл** (827–869 гг.) **и Мефодий** (815–885 гг.) Солунские. В 863 году они были приглашены из Византии великим князем Ростиславом в Моравию (область современной Чехии), где перевели с греческого языка основные богослужебные книги и на основе греко-византийского письма создали славянскую азбуку, получившую по имени одного из братьев название *кириллицы*.

Сама последовательность букв кириллицы, скорее всего, не случайна: азбука, вероятно, представляла собою краткое, но очень информативное послание. Даже сегодня, спустя одиннадцать с половиной веков, можно понять некоторые слова этого послания: *«Азъ буки веде глаголь добро есть живете зело земля иже и како люди мыслете нашъ онъ покой рцы слово твердо укъ фертъ херъ отъ цы червь ша ща еръ еры ерь ять ю юс кси пси фита ижица»*. Кирилл и Мефодий призывали людей, изучавших азбуку, к деланию добра и постижению истины.

Таким образом, кириллица являлась нравственным императивом добра и зла, служила посланием потомкам на века вперед, поскольку, обучаясь грамоте, человек автоматически заучивал ее морально-этические установки, которые, прочно войдя в сознание, навсегда становились нормами поведения и жизни.

Развитие цензуры

Цензура в рассматриваемый период официально еще законодательно не оформилась. Церковные соборы первых восьми веков христианства, как пишет в «Ареопагитике» Джон Мильтон, «ограничивались только указаниями книг, которых они не рекомендовали, не идя далее и предоставляя совести каждого читать их или нет...».

Начиная с IX века в христианских странах были нередки случаи сожжения книг (в основном, антихристианских, реже — языческих), осужденных и запрещенных не только церковными соборами, но и лично римскими папами.

Почта в эпоху Средневековья

Почта, успешно существовавшая в Римской империи, с распадом страны практически прекратила свое существование. Попытки воссоздать прежние почтовые пути были предприняты лишь в конце VIII — начале IX века при императоре Галлии Карле Великом. Галлия была одним из крупнейших государств, возникших на обломках Римской империи, существовало до 843 года. На территории Галлии позднее возникли Франция, Германия, Италия и несколько малых стран.

Почтовые пути связали королевский двор с южнофранцузскими, испанскими, германскими, итальянскими землями. Но потомки Карла не интересовались развитием путей сообщений, и почта в стране пришла в упадок.

В эту эпоху доставкой почтовых корреспонденций занимались частные лица: гонцы, путешественники, торговцы, а также монахи. Многие средневековые монастыри имели регулярное почтовое сообщение с Римом — резиденцией римских пап.

Вопросы для повторения

1. Развитие риторики и публицистики в Средние века.
2. Церковные публицисты христианского Запада IV века.
3. Церковные публицисты христианского Востока IV века.
4. Борьба языческой и христианской риторики в Византии.
5. Проповедническая деятельность Кирилла и Мефодия.
6. Зачатки цензуры в христианских странах.
7. Развитие почты в эпоху Средневековья.

Рекомендуемая литература

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 2002.

Корнилова Е. Н. Риторика — искусство убеждать. М., 2002.

Мильтон Д. О свободе печати: Речь к английскому парламенту (Ареопагитика) // История печати. М., 2001.

Шедлинг М. Очерки по истории мировой почты // История печати. М., 2008. Т. 3.

Первоисточники

Ораторы Греции. М., 1985.

Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков / Под ред. С. С. Аверинцева и М. Л. Гаспарова. М., 1998.

Святой Иоанн Златоуст. Письма к Олимпиаде. М., 1997.

РАЗВИТИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ (V–XVI ВВ.)

Распространение грамотности. — Появление книгопечатания. — Становление цензуры. Инквизиция. — Публицистика Реформации в Германии. — Первые газеты. — Становление регулярной почты.

Распространение грамотности

В Средние века очагами грамотности, культуры, информации в Европе были монастыри. В монастырях создавались библиотеки — причем не только религиозной, но и светской литературы, в том числе и античных авторов. При многих монастырях существовали школы, колледжи и религиозные ордена, созданные первоначально для изучения, перевода и переписки Библии (муниципальные школы появились позднее). В монастырских школах учили чтению, счету, письму и латыни — языку средневековой церкви. Для неграмотных людей (*homo idioticus* (лат.) — человек неграмотный, воспринимающий только глазами) расписывали стены церквей библейскими сюжетами, чтобы можно было хотя бы визуально изучать Священное Писание.

Постепенно грамотность перестала быть привилегией духовенства и узкого круга светских лиц. На базе монастырских учебных заведений со временем появились первые университеты: например, в Болонье (Италия), Оксфорде и Кембридже (Англия), Саламанке (Испания), Коимбре (Португалия), Париже (Франция), Праге (ныне Чехия, а в то время — Германия). Само название «университет» в сегодняшнем понимании появилось в 1262 году. При университетах были собраны огромные библиотеки, которые по числу книг часто превосходили монастырские книгохранилища. Например, библиотека Парижского университета насчитывала в 1338 году 1720 томов.

Основание университетов стало толчком и к распространению книг. До изобретения типографского станка книги переписывались от руки, они были редкими и дорогими, а особо ценные экземпляры даже приковывались цепями к стенам. В старину книги переписывали рабы, затем этим стали заниматься монахи. Монастырские мастерские по переписке рукописей и книг, **скриптории**, возникли в VI–VII веках в разных странах Европы и просуществовали до XIII–XIV веков, когда книжное производство стало переходить в руки светских переписчиков — городских ремесленников. Так, в Париже они объединились в корпорацию

«Университетских присяжных переписчиков книг». Парижский университет следил за их деятельностью — в частности, выделял преподавателей, которые исправляли ошибки в книгах, а впоследствии также утверждали переписанные книги к продаже. Подобная ситуация была и в Германии.

В 1323 и 1342 годах во Франции были приняты статуты, регламентировавшие переписку и продажу книг. Люди, собиравшиеся заниматься перепиской или книготорговлей, должны были предварительно сдать экзамен университетским профессорам. Строгий контроль государства над книжным промыслом не остановил распространение книг: к началу XV века во Франции работало почти десять тысяч переписчиков.

Появление книгопечатания

Книгопечатание появилось в Китае в середине XI века. Его изобретателем считается Би Шен, который создал наборный способ воспроизведения текста для иероглифического письма. Литеры изготавливались из глины, реже — из слоновой кости. Но, поскольку в китайском языке десятки тысяч иероглифов, развить книгопечатание в Китае было сложно. В XII веке корейские умельцы создали металлические литеры, что несколько упростило печатный процесс.

Но изобретение Би Шена не вышло за границы Китая: европейцы практически ничего не знали о книгопечатании в далекой и неведомой стране, как, впрочем, и о многих других изобретениях китайцев. Так, например, старший евнух китайского императорского двора Цай Лунь еще в 105 году изобрел бумагу, а к европейцам это изобретение пришло лишь спустя тысячелетие, в XI веке, через арабов. Но еще несколько столетий книги, как в старину, писали на пергамене.

Со временем количество грамотных людей увеличивалось, расширялись потоки информации. Переписчики книг уже не могли удовлетворить все возраставшую потребность в чтении. Возникла острая необходимость упростить процесс производства книг.

В **1445 году** немец **Иоганн Гутенберг** (ок. 1399–1468 гг.) отлил в типографии города **Майнца** литеру, в **1450 году —** создал **печатный станок**, на котором в **1455 году** выпустил первую в Европе печатную книгу — двухтомную *Библию*. В первом томе насчитывалось 648, во втором — 638 страниц. Набор одной страницы (в ней было 42 строки) занимал у Гутенберга целый день, а на всю работу над Библией ушло почти пять лет. До наших дней сохранился 41 экземпляр первой печатной книги: 14 на пергамене и 27 на бумаге. Два из них находятся в Москве: в Российской государственной библиотеке и в Научной библиотеке МГУ.

В 1460 году Гутенберг издал 36-строчную Библию в трех томах. С его печатного станка сошли многие другие книги религиозного содержа-

ния, а также индульгенции — удостоверения о полном или частичном прощении грехов, которые выдавали католические священники за определенную плату. На заполненном типографским способом бланке индульгенции оставалось небольшое свободное место для имени, фамилии прощаемого и даты выдачи документа. Из светских изданий Гутенберг напечатал книгу латинской грамматики и словарь, различные афиши, календари: например, «Турецкий» (1454 г.), «Кровопускательный и слабительный» (1456 г.) и др.

Гениальное изобретение не принесло Гутенбергу материального достатка. За свое изобретение он получил всего лишь «двести мер зерна, два воза вина да еще каждый год новое платье». Опасаясь преследований кредиторов, Гутенберг все свои книги выпускал анонимно, поэтому до сих пор многие даты, связанные с его жизнью и деятельностью, остаются спорными.

Книгопечатание быстро распространилось по Европе. Из Германии типографии пришли в 1465 году в Италию, затем, в 1468 году, в Швейцарию. В 1470 году печатный станок появился во Франции, в 1472 году — в Голландии. В 1473 году книгоиздание началось в Бельгии, Польше и Венгрии, в 1474 году — в Испании, в 1476 году — в Чехии, в 1477 году — в Англии, в 1482 году — в Австрии и Дании, в 1483 году — в Швеции. Спустя менее полувека после выхода в свет первой книги, в 1500 году, в 270 европейских городах уже действовало более 1100 типографий. В них к тому времени было издано более 36 тысяч книг. Прежде всего, это книги религиозного содержания, затем — труды античных авторов, в первую очередь Аристотеля и Цицерона. Третье место по количеству изданий занимала научная литература.

Первые печатные издания в Европе, вышедшие в свет с момента изобретения книгопечатания и до конца XV века, называются **инкунабулы** (от лат. *incunabula* — колыбель, начало).

В Россию книгопечатание пришло спустя столетие, при Иване Грозном. В 1563 году глава Русской Церкви митрополит Макарий освятил Московский печатный двор (он находился в начале современной Никольской улицы, рядом со станцией метро «Лубянка»). В **1564 году** русский первопечатник выпускник Краковского университета диакон **Иван Федоров** (ок. 1510–1583 гг.) и его помощник Петр Мстиславец напечатали первую книгу — «Апостол», которая содержала новозаветные тексты Деяний апостолов и их Посланий. Из почти двухтысячного тиража первой русской книги до наших дней дошло 55 экземпляров.

Интересно, что «Апостол» — далеко не первое издание на русском языке. Еще в 1491 году в Кракове на церковнославянском языке были выпущены богослужебные книги «Часослов» и «Октоих». В 1517–1519 годах белорусский первопечатник и просветитель **Франциск (Георгий)**

Скорина (ок. 1486 — ок. 1551 гг.) перевел на старобелорусский язык (который почти не отличался от русского языка того времени) и выпустил в Праге напечатанные кириллицей «Псалтирь» и двадцать отдельных книг Библии. В 1520-е годы Скорина основал в Вильне (современный Вильнюс) первую в Восточной Европе и на территории бывшего СССР типографию.

Изобретение книгопечатания оказало колоссальное влияние на развитие человечества и стало важнейшим событием второго тысячелетия христианской эры. Развитие книгоиздания находилось в тесной взаимосвязи с распространением грамотности и образования в государствах и землях Европы. Это, в свою очередь, способствовало устойчивому интересу к печатному слову и в конечном итоге востребовало публицистику, а затем и периодическую печать.

Становление цензуры. Инквизиция

Вслед за распространением грамотности и книгопечатания усилилась и **цензура**. Цензура была как **светской,** так и **церковной** и осуществлялась как до выхода в свет печатного издания **(предварительная цензура)**, так и после появления тиража **(последующая,** или **карающая, цензура)**.

Католическая церковь хорошо понимала угрозу книгопечатания, сдерживать и контролировать которое с каждым годом становилось все сложнее. Кроме того, церковь лишалась монополии на распространение информации, которое осуществлялось, прежде всего, через проповедь. Ярким проявлением ужесточения цензуры стала **инквизиция —** независимое от государства судебное учреждение, созданное в католической церкви для борьбы с инакомыслием. Судебная власть инквизиции распространялась только на католиков.

Еще до появления книгопечатания, в 1199 году, Римский Папа Иннокентий III издал декрет, где приравнял ересь к измене и оскорблению достоинства короля. За эти преступления в большинстве стран предусматривалась смертная казнь. В 1252 году Папа Иннокентий IV издал буллу, где обобщались принятые ранее указы об инквизиции. Согласно этой булле, в каждой церковной епархии создавались постоянные инквизиционные трибуналы.

Католическая церковь шаг за шагом вытесняла светскую цензуру, которая осуществлялась, прежде всего, университетскими профессорами и сосредоточивала контроль над распространением информации в своих руках.

Наивысшего расцвета инквизиция достигла в Испании во второй половине XV века, когда Папа Сикст IV в 1482 году учредил должность великого инквизитора. Им стал испанский монах **Томас (Фома) Торквемада** (1420–1498 гг.), который на века прославился жестокостью**.** Торквемада разработал общие правила инквизиции, согласно которым глав-

ными инструментами инквизиции были пытки, служившие важнейшим источником получения доказательств. Строжайшей цензуре подвергались книги, картины, эстампы, медали — вообще абсолютно вся печатная продукция. Появились утвержденные Торквемадой списки запрещенных книг, за хранение и чтение которых устанавливалась казнь — как правило, на костре. За годы своего инквизиторства Торквемада сжег 11 272 человека живьем, 7636 человек — фигурально, после смерти. В 1490 году на университетской площади в Саламанке им было сожжено за один день шесть тысяч книг, «зараженных жидовством».

По примеру великого инквизитора списки запрещенных книг составлялись и в других странах. Такой список появился, например, в Германии в 1524 году по приказу императора Карла V. Позднее, **в 1559 году**, на Тридентском соборе (он заседал с перерывами в 1545–1563 годах в городе Тренто на севере Италии) был утвержден и вскоре напечатан в Риме общекатолический ***Index Librorum Prohibitorum*** («Индекс запрещенных книг»). Римский Папа Павел VI приказал включить в него даже свое собственное сочинение, написанное задолго до избрания его на папский престол. Правила включения печатного издания в «Индекс» были такими неконкретными, что их можно было использовать для запрещения едва ли не любой книги.

Католическая церковь регулярно переиздавала «Индекс запрещенных книг», внося туда изменения, и прекратила его выпускать лишь в 1964 году.

Любопытно, что инквизиция абсолютно безоговорочно признавала только труды Аристотеля и Библию. Впрочем, и Библия считалась еретической, если была издана не на греческом или латинском языке. Так, в начале XVI века великий инквизитор наряду с Кораном запретил и переведенную по указанию короля еще в XIII веке на кастильский (испанский) язык Библию.

Инквизиция на несколько веков задушила свободомыслие в Европе и в первую очередь в Испании, отодвинув страну на столетия назад. Официально инквизиция была окончательно упразднена в Испании только в 1834 году.

На родине книгопечатания церковная цензура законодательно оформилась в 1486 году распоряжением архиепископа Майнцского Бертольда фон Геннеберга. Римский Папа Александр VI буллой 1496 года утвердил духовную цензуру, а буллой 1501 года распространил полномочия церковной цензуры на все католические страны.

Борясь с инакомыслием, которое распространялось через публицистическую и научную литературу, в **1515 году** заседавший в Риме с 1512 по 1517 год **Пятый Латеранский собор** законодательно учредил **предварительную цензуру** для печатных книг, а в 1516 году рассмотрел вопрос о контроле над проповедями священников.

Публицистика Реформации в Германии

Ужесточение церковной и появление светской цензуры было вызвано широким распространением в Европе идей **Реформации** — общественного движения против католической церкви. Реформация началась в Германии в XVI веке. Основатель и виднейший деятель Реформации **Мартин Лютер** (1483–1546 гг.) получил университетское образование, а затем стал священником и монахом, защитил диссертацию по богословию и преподавал в университете Виттенберга.

Удрученный неблагочестивыми нравами римского духовенства, Лютер выступил против авторитаризма Рима и злоупотреблений римских пап, произвола инквизиции, жестокой цензуры. В 1517 году он написал *«95 тезисов»*, отвергавших основные догматы католицизма и в первую очередь — индульгенции, и послал их местному епископу. Вскоре в Риме был начат процесс против Лютера по обвинению в ереси. В 1519 году в Лейпциге Лютер снова выступил против всевластия Рима, отстаивая приоритет Священного Писания над папской властью. «95 тезисов» получили широкое распространение и стали образцом публицистики Реформации.

В 1520 году Римский Папа Лев X издал и послал Лютеру буллу, в которой осудил 41 из его 95 тезисов, требовал покаяться и угрожал отлучением от церкви. В ответ адресат публично сжег эту буллу и написал в ответ Папе четыре послания, которые, впрочем, предназначались и значительно более широкой публике. В одном из них, «К христианскому дворянству немецкой нации» (1520 г.), Лютер отвергал верховенство Папы над Соборами, преимущество священников перед мирянами, а также исключительное право духовенства на изучение Библии (простому народу чтение Библии долгое время запрещалось).

В других программных посланиях (например, «О вавилонском пленении Церкви») Лютер-публицист подверг дальнейшей критике церковные установления, которые, по его мнению, не соответствовали Новому Завету. В послании «О монашестве» Лютер осудил монашество как институт и вскоре женился на бывшей монахине, разочаровавшейся, как и он, в католицизме.

В 1521 году новой папской буллой Лютер был отлучен от церкви. Его сторонники также объявлялись еретиками и подлежали преследованию. До конца жизни Лютер считал Римского Папу антихристом, что, в частности, нашло отражение в памфлете «Против римского папства, основанного дьяволом» (1545 г.).

В 1534 году Лютер завершил перевод Библии с латинского на немецкий язык. Этот перевод сыграл огромную роль в становлении единого немецкого языка. Он перевел также богослужение, написал несколько церковных гимнов и музыку к ним.

Проводя церковные реформы и утверждая протестантизм (точнее, его германскую ветвь — лютеранство), Лютер опирался на власть германских

князей. Опасаясь лишиться их поддержки, он гневно осудил восставших в 1525 году крестьян. Лютер призвал истреблять мятежников, как бешеных собак. Особо жесткой критике Лютер подверг идеолога восстания — священника и публициста **Томаса Мюнцера** (1489–1525 гг.), яркие проповеди и памфлеты которого оказали большое влияние на участников крестьянского освободительного движения. В 1540 году Лютер одобрил двоеженство покровительствовавшего ему графа Филиппа Гессенского.

Эпоха Реформации стала периодом расцвета как церковной, так и антицерковной германской публицистики. Продукция немецких типографий в первой трети XVI века возросла почти в четыре раза по сравнению с концом XV века. Памфлеты, листовки и прочую печатную продукцию, пропагандировавшую идеи Реформации, выпускали около девяноста процентов типографий.

Одним из выдающихся германских публицистов, стоявших у истоков эпохи Реформации, был **Ульрих фон Гуттен** (1488–1523 гг.). В памфлете «Письма темных людей» (1515–1517 гг.) он обличал моральное разложение и невежественность католического духовенства. 118 писем, написанные от имени богословов из Кельна, были на самом деле нелицеприятной пародией на взгляды католических мракобесов.

Антагонистом фон Гуттена был известный писатель, богослов и публицист **Дезидерий Эразм Роттердамский** (1469–1536 гг.), автор знаменитого сатирического памфлета «Похвала Глупости». Своим творчеством Эразм сыграл большую роль в подготовке Реформации, но не принял ее. Его поздние письма и трактаты (например, «О свободе воли», написанный в 1524 году) были направлены против Мартина Лютера и его религиозной политики. Сила публицистики Эразма была такова, что, по признанию одного из современников, он привлек на свою сторону больше верующих, чем Лютер.

Реформация упразднила внедрявшуюся Римом духовную цензуру. Однако через некоторое время появились ростки протестантской цензуры. Первый протестантский цензурный указ был издан в Базеле в 1558 году. Но еще раньше, в 1544 году, цензура успела возродиться в Кенигсберге (современный российский Калининград). Новые цензурные порядки во многих отношениях стали еще более жесткими, чем были при католических цензорах. Дело в том, что теперь контроль над печатью возлагался на князей и городские советы, и число цензоров по сравнению с прежними временами даже увеличилось.

Первые газеты

Непосредственными предшественниками современной газеты были **летучие листки** и **информационные бюллетени** — сначала рукописные, затем печатные. Бюллетени не имели названия, периодичности, жан-

рового разнообразия и постоянной редакции. Первый сохранившийся до наших дней печатный бюллетень относится к 1493 году. В нем дан подробный отчет о похоронах германского короля и императора Священной Римской империи Фридриха III. В 1502 году в Германии вышел бюллетень, в названии которого впервые было использовано слово «газета»: *Neue Zeitung von orient und affgange* («Нойе цайтунг фон оринет унд афганге»). Окончательно информационные бюллетени были вытеснены регулярными газетами только в XVIII веке.

С наступлением эпохи **Возрождения** в Европе появились торговые города, где регулярно проводились ярмарки. Это были, прежде всего, Кельн, Франкфурт, Страсбург, Лейпциг, Нюрнберг, Гамбург, Данциг, Кенигсберг — в Германии; Париж — во Франции; Амстердам — в Голландии; Лондон — в Англии; Венеция — в Италии. В торговых городах появилась профессия сборщика информации. Многие богатые горожане, торговцы и князья нанимали сборщиков информации, которые владели иностранными языками и собирали новости не только в своих городах, но и в других государствах.

В ярмарочных центрах — как правило, в начале XVI века — возникли рукописные газеты, посвященные сначала торговым, а затем и другим новостям. В Венеции такие газеты продавались за мелкую монету, которая называлась *gazetta*, откуда пошло слово *газета*. Часто газеты выпускали несколько раз в год, специально к ярмаркам. Так, с 1583 по 1597 год Михаэль фон Айтцинг издавал в Кельне *Relatio Historica* («Ведомость истории»). Это издание пользовалось большим спросом. Оно выходило сначала дважды в год, затем ежегодно и неизменно приурочивалось к открытию ярмарок.

В 1591 году германский священник Конрад Лаутенбах под псевдонимом выпустил во Франкфурте «Ярмарочные отчеты». Этот сборник новостей имел такой успех, что стал издаваться регулярно и просуществовал до 1806 года, когда из-за наполеоновского нашествия был закрыт.

Но интерес населения к новостям возрастал не только благодаря развитию торговли. Большое влияние на развитие информационных потоков оказывали политические события в Европе, и прежде всего Реформация в Германии. Только от первой трети XVI века сохранилось до наших дней более пяти тысяч летучих листков. Они содержали преимущественно памфлеты и диалоги.

Одним из основателей газет — рукописных, а впоследствии печатных, — считается германский банкир и ростовщик **Якоб Фуггер** (1459–1525 гг.). Его газеты называли *Fugger-Zeitungen* («Фуггер-цайтунген») — Газеты Фуггера. Они начали выходить в 1520 году, в самом начале Реформации, и просуществовали почти столетие, до начала Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). С каждого номера Фуггер выполнял для заказчиков, как правило, несколько рукописных копий.

С 1568 по 1604 год фирма Фуггеров издавала в Лейпциге рукописную газету «Ординари Цайтунген». Другая лейпцигская рукописная газета называлась «Новые известия, сколько получено их от 26 октября 1587 года по 26 октября 1588 года из Нюрнберга».

Первая в современном понимании слова печатная газета появилась в германском городе Страсбурге[1] в 1605 году[2]. Это был еженедельник ***Aviso*** («Авизо»). Его издавал книготорговец **Йохан Каролус** (1575–1634 гг.). Как сообщает Г. Ф. Вороненкова, газета выходила форматом небольшой книги: в одну четвертую от стандартного листа бумаги А-4, на 115 страницах, которые были поделены на 52 номера — по числу недель в году[3].

В начале XVII века периодическая печать получила распространение во многих других германских городах: Страсбурге, Франкфурте, Берлине, Гамбурге, Данциге, Кельне и др. Как правило, это были *Ordinari-Post* («Ординари-пост») — газеты, сообщавшие политическую и дипломатическую информацию. Их тиражи составляли чаще всего по нескольку сотен экземпляров, что было хорошим показателем для того времени.

В Германии появилась и первая ежедневная газета — «Нойлауфенде нахрихт фон кригс унд вельтхэндельн» («Пришедшие новости о военных и мирных делах»). Она выходила в Лейпциге с 1 января 1660 года тиражом от 150 до 200 экземпляров. Издателем был Тимотеус Ритцше. Впоследствии эта газета стала называться *Leipziger Zeitung* («Ляйпцигер цайтунг»).

В России прообраз регулярной газеты пришел при царе Борисе Годунове. С июня 1600 года в Москве началось издание рукописной газеты **«Куранты»** (от лат. *cureus* — бегущий, текущий). Это были складные узкие листы бумаги, написанные сверху вниз одним сплошным столбцом, без разделения на темы и рубрики. «Куранты» составляли дьяки — чиновники Посольского приказа (аналог Министерства иностранных дел) — в одном экземпляре. Текст газеты состоял в основном из переводов сообщений европейской прессы, а также писем русских агентов-осведомителей, проживавших в других странах. Содержание «Курантов» представляло собой государственную тайну. Царю и его ближайшему окружению газету читали вслух, после чего экземпляр возвращали обратно в Посольский приказ.

---

[1] Сейчас город Страсбург принадлежит Франции.

[2] Г. Ф. Вороненкова приводит и другую дату появления первой германской газеты — 1609 год. См.: *Вороненкова Г. Ф.* Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии. М., 1999. С. 46.

[3] Там же.

«Куранты» не имели периодичности и составлялись по мере поступления в Москву иностранной почты. Лишь с 1668 года, после учреждения регулярного почтового сообщения, газета стала выходить от двух до четырех раз в месяц, вплоть до конца XVII века.

Первая печатная газета, «Ведомости», появилась в России значительно позже, чем в европейских странах, — только в декабре 1702 года.

Становление регулярной почты

В эпоху феодальной раздробленности трудности в распространении информации были очень велики. Из-за отсутствия регулярной государственной почты доставку и передачу писем и посланий осуществляли путешественники, купцы, монахи. Информация, как и в Средневековье, и в Античности, продолжала распространяться гонцами. Со временем возникла потребность не в случайной, разовой, а в систематической информации. Постепенно во всех крупных городах Европы появились штатные посыльные, которые занимались регулярным отправлением и доставкой писем и мелких посылок. Но почта, тем не менее, носила еще частный характер.

Государственная почта впервые появилась во Франции. В 1464 году король Людовик XI издал об этом соответствующий указ. С 1480 года услуги почты стали доступны за определенную плату и для частных лиц. Само слово «почта» (по-французски *poste*) ввел в повсеместное употребление французский король Карл VIII в конце XV века. С тех пор это слово присутствует и почти одинаково звучит практически во всех европейских языках.

В начале XVI века появилась регулярная межгосударственная почтовая служба. Ее основателем считается переселившийся из Италии в Германию **Франц фон Таксис** (1459–1517 гг.). В **1505 году** он создал первую регулярную почтовую линию между Веной и Брюсселем. Вскоре почтовые тракты были проложены Таксисом (а впоследствии — его сыном Леонардом, который получил титул имперского генерал-почтмейстера) из Германии во все столицы и крупные города Европы. Основными адресатами информации были: короли, князья и государственные люди, университеты и центры образования, священники, торговцы.

Между почтой и прессой быстро установилась тесная связь. Почтовые конторы стали в то же время и газетными центрами. В течение нескольких столетий многие почтовые работники издавали собственные газеты, о чем свидетельствуют, в первую очередь, их названия, например «Почтовый курьер», «Почтовый вестник», «Газета Главного почтамта», «Утренняя почта» и т.п. Такие газеты неизменно пользовались особым доверием у читателей.

Вопросы для повторения

1. Распространение грамотности в Европе.
2. Изобретение и распространение книгопечатания.
3. Распространение информации в эпоху позднего Средневековья и раннего Возрождения.
4. Появление и развитие цензуры в Европе. Инквизиция.
5. Реформация и развитие публицистики Реформации в Германии.
6. Мартин Лютер — публицист.
7. Публицисты Реформации.
8. Цензура в эпоху Реформации.
9. Происхождение газеты. Первые рукописные газеты Европы.
10. Возникновение первых печатных периодических изданий в XVII веке.
11. Развитие германской прессы в XVII веке.
12. Роль политики, экономики и культуры в появлении и развитии первых периодических изданий.
13. Зарождение и развитие почты в Средние века.
14. Почта в эпоху Возрождения.
15. Взаимосвязь почты и журналистики.

Рекомендуемая литература

Берлин П. Очерки современной журналистики. Периодическая печать на Западе // История печати. М., 2001. Т. 2.

Бюхер К. Происхождение газеты // История печати. М., 2001. Т. 2.

Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: От рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии. М., 1999.

Львов-Рогачевский В. Печать и цензура // Периодическая печать на Западе. М., 2001. Т. 2.

Новомбергский Н. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати. М., 2001.

Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.

Ситников В. П. Издательское дело. Основы. История. Взаимосвязь техники и технологии. М., 2002.

Шедлинг М. Очерки по истории мировой почты // История печати. М., 2008. Т. 3.

Первоисточники

Гуттен Ульрих фон. Диалоги, публицистика, письма. М., 1959.

Лютер М. Время молчания прошло. Избр. произв. Харьков, 1994.

СТАНОВЛЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ФРАНЦИИ

Предпосылки появления французской журналистики. — Первые периодические издания. — «Ля Газетт» — первая политическая газета Франции. — Становление авторитарной концепции печати. — Развитие французской прессы во второй половине XVI–XVII веке. — Почта во Франции в XVII–XVIII веках.

Предпосылки появления французской журналистики

Зарождение французской журналистики связано с возникновением хроник, составлявшихся в крупнейших монастырях, как правило, ежегодно к празднику Пасхи. Центром составления хроник было аббатство Сен-Дени в северном пригороде Парижа — крупнейший католический монастырь во Франции, известный с V века, который в течение многих веков был усыпальницей французских королей. Хроники сообщали о событиях церковной и светской жизни как во Франции, так и в соседних странах за год — в период между двумя Пасхами.

Самым известным хронистом был монах аббатства Сен-Дени **Жан де Венет** (ок. 1307 — ок. 1370 гг.). Он составил на латинском языке хронику событий Столетней войны между Англией и Францией (1337–1453 гг.), относящихся к 1340–1368 годам.

Позднее хроники стали составлять не только монахи, но и светские историки. Так, например, **Жан Фруассар** (ок.1333 — ок. 1405 гг.) был автором четырех книг «Хроники», в которых описывал исторические события 1325–1400 годов.

Труды Фруассара и другие хроники, аналогов которым не нашлось во всей средневековой Европе, легли в основу «Больших французских хроник». Это была одна из первых печатных книг Франции. Она увидела свет в 1476 году. Французские исследователи журналистики считают хроники прообразом публицистики, а их авторов и составителей — прародителями французской журналистики.

Первые периодические издания

Появление книгопечатания во Франции в 1470 году способствовало быстрому развитию печати. В конце XVI века историк и богослов **Пьер Виктор Пальма де Кайе** (1545–1610 гг.) начал писать и регулярно выпускать «Хронологии» — рассказы о важнейших текущих событиях в стране и за рубежом. Регулярная журналистика появилась во Франции позже, чем в Германии, Англии, Голландии. Первым французским периодиче-

ским изданием стал ежегодник ***Mercure francais*** («Меркюр франсэ» — «Французский вестник») — политическое и литературное издание. Он выходил в Париже с 1611 по 1648 год. Его основателем и издателем был книгопечатник Жан Ришар, выпускавший до этого «Хронологии» Пальмы де Кайе. Первый номер «Меркюр франсэ» был посвящен событиям, происходившим во Франции и Европе с 1605 года, на протяжении пяти с лишним лет. Следующие выпуски ограничивались рассказами о новостях прошедшего года.

На дальнейшее развитие как «Меркюр франсэ», так и всей французской журналистики исключительное влияние оказал кардинал **Ришелье** (Арман Жан дю Плесси герцог де Ришелье, 1585–1642 гг.). Став главой правительства в 1624 году, Ришелье своей главной задачей ставил утверждение абсолютизма в стране, укрепление централизованной королевской власти и жесткое подчинение провинций власти центра. Фактически Ришелье управлял страной от имени мягкого короля Людовика XIII (1601–1643 гг.), который полностью доверял своему главному министру.

Ришелье был очень дальновидным политиком. Он одним из первых в Европе понял, какую роль может сыграть печать в формировании общественного мнения, и стремился использовать зарождающуюся журналистику для достижения своих политических целей. Недаром именно ему приписывают высказывание: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Решив с помощью «Меркюр франсэ» регулярно воздействовать на общественное мнение, Ришелье поставил во главе издания своего доверенного человека. Им стал монах ордена капуцинов отец Жозеф (настоящее имя — Франсуа Леклерк дю Трамбле, 1577–1638 гг.) — один из самых образованных людей Франции, богослов, проповедник и писатель. В правительстве Ришелье отец Жозеф был министром иностранных дел.

Отец Жозеф оставался редактором «Меркюр франсэ» до самой своей смерти. Он значительно изменил форму и содержание журнала, превратив его в первое государственное периодическое издание, подобного которому не было тогда ни в одной стране. Но скоро Ришелье понял, что ему нужна пресса иного типа — более периодичная и мобильная, чем ежегодник. Он стал думать об издании государственной газеты, которая помогала бы ему и королю управлять государством и была бы мощным рупором авторитарной власти.

«Ля Газетт» — первая политическая газета Франции

Хотя первые регулярные печатные газеты выходили в разных городах Европы уже в начале XVII века, ни одна из газет не оказывала в то время такого влияния на общество и не была столь значима, как

La Gazette («Ля Газетт») — первое в истории политическое периодическое издание, орган государственной власти. Она стала выходить в Париже при дворе короля Людовика XIII с **30 мая 1631 года**. Первым главным редактором «Ля Газетт» стал **Теофраст Ренодо** (1586–1653 гг.).

Ренодо получил образование врача, но его увлечения не ограничивались медициной. Он был человеком разносторонних интересов. Во время путешествий по Европе Ренодо изучал не только врачебное дело, но и с интересом читал местные газеты. В 1624 году Ришелье назначил его главным комиссаром государственных благотворительных учреждений. На этом посту Ренодо много помогал бедным, голодающим, устраивал медицинские конференции для обмена опытом врачей. По его инициативе была открыта бесплатная поликлиника для неимущих, основана академия для выпускников школ. В 1629 году Ренодо открыл в Париже «Бюро адресов и встреч» и тем самым получил монополию на сбор информации. Так, по сути, была заложена основа рекламного агентства. В ноябре 1630 года Ришелье, познакомившись с работой Бюро, дал официальное разрешение распространять информацию по всей территории страны. Услугами Бюро за небольшую плату мог воспользоваться каждый желающий.

Стремясь поднять уровень просвещения среди соотечественников, Ренодо задумал издавать собственную газету. Таким образом, его идеи совпали с планами кардинала Ришелье. Ренодо получил от Людовика XIII патент на издание и продажу «газет, новостей и рассказов обо всем, что произошло и происходит как в королевстве, так и за его пределами».

Сначала «Ля Газетт» выходила раз в неделю на четырех полосах объемом 15 × 23 см (это примерно страница школьной тетради) необычайно большим для того времени тиражом, который в разное время колебался от 300 до 800, а отдельные номера — 1200 экземпляров. В газете публиковались придворные известия, указы и распоряжения правительства, зарубежные новости — в первую очередь, из соседней Германии. Событийная информация из Рима, Праги, Константинополя публиковалась, как правило, двухнедельной давности, что было весьма оперативно для середины XVII века. Сообщения из России приходили с двухмесячным опозданием. В «Ля Газетт» публиковались и рекламные тексты, объявления. Полосы газеты имели единую нумерацию, а в конце года издавался том, содержавший в себе все номера «Ля Газетт» за истекшие двенадцать месяцев.

Кардинал Ришелье внимательно следил за каждым номером новой газеты. Он постоянно присылал Теофрасту Ренодо копии официальных документов, докладов, которые считал нужным опубликовать, регулярно сам писал для газеты статьи на политические темы. Ришелье всячески стремился упрочить авторитет «Ля Газетт» в обществе. По его представлению король назначил редактору постоянное жалованье. Любовь

Ришелье к новому предприятию была столь велика, что даже одну из своих кошек, родившуюся через несколько дней после выхода в свет первого номера «Ля Газетт», он назвал *La Gazette*.

Сотрудником Ренодо был не только Ришелье, но и сам король. Людовик XIII регулярно инкогнито писал в газету, причем не только политические статьи, но и заметки о своих военных походах и подвигах и был, по сути, первым военным журналистом. Сохранились два тома переплетенных черновиков этих заметок с многочисленными правками, сделанными рукой Ренодо.

«Ля Газетт» имела большой успех. Уже в первый год издания ее читали более трех тысяч человек. К концу 1631 года она стала выходить на восьми полосах, а в 1642 году ее объем увеличился до двенадцати полос. Вскоре «Ля Газетт» начала выходить дважды в неделю, затем — трижды.

Стремясь разнообразить подаваемую в газете информацию, Ренодо стал выпускать двенадцатистраничное приложение «Реляции о новостях мира, полученные за месяц». В нем комментировалась опубликованная на страницах «Ля Газетт» информация за прошедший месяц. «Реляции» выходили с февраля 1632 по декабрь 1633 года и закрылись, когда Ренодо понял, что его интересует больше журналистика фактов, нежели аналитика. С 1634 года он стал издавать новое приложение — газету «Экстраординэр» («Необычайные новости»). Она выходила нерегулярно, весь номер был посвящен только одной новости, заинтересовавшей Ренодо. Кроме того, с 1635 года Ренодо стал издавать и «Меркюр франсэ».

«Ля Газетт» стала первой общенациональной газетой. Ренодо придумал новый способ оперативного и выгодного распространения газеты во все, даже самые отдаленные провинции страны. Региональные типографии, получив экземпляр «Ля Газетт», за несколько часов размножали его для читателей своей провинции. В середине XVII века газета печаталась в 38 городах Франции. «Если бы распространение “Газетт” велось по почте из Парижа, — пишет исследователь французской региональной прессы Ю.Ю. Соломонов, — то в среднем каждый ее экземпляр обходился бы провинциальному подписчику вдвое дороже (почтовые пошлины зависели от удаленности пункта назначения от столицы). Кроме того, номера “Газетт” перепечатывались более мелким шрифтом, что позволяло издателям в регионах существенно сократить количество используемой бумаги. К примеру, текст, который в парижском издании занимал около полутора страниц, в региональном варианте “Газетт” умещался на одной или даже на половине страницы»[1].

«Ля Газетт» неоднократно переживала взлеты и падения. Противники Ренодо активизировались после смерти кардинала Ришелье и Людовика XIII. Преемник Ришелье кардинал Мазарини не уделял вни-

[1] *Соломонов Ю. Ю.* Региональная пресса Франции. История и секреты успеха ежедневных газет. М., 2003. С. 7.

мания газете. Несмотря на это Ренодо продолжал поддерживать его политику в сложное для него время гражданской войны во Франции — Фронды. Высокопоставленные недоброжелатели под надуманными предлогами добились лишения права врачебной практики Ренодо в Париже, закрыли его академию и Бюро. Последние годы жизни он провел в нищете, но, тем не менее, продолжал издавать «Ля Газетт», которая приносила ему только убытки.

После смерти Ренодо «Ля Газетт» издавалась его сыном Теофрастом Ренодо Младшим (1610–1672 гг.), а затем внуком Евсевием Ренодо (1646–1720 гг.). Постепенно положение газеты улучшалось. В 1661 году король Людовик XIV восстановил пошатнувшийся статус «Ля Газетт» как официального издания власти. К 1670 году газета увеличила тираж до 4000 экземпляров, из них больше половины распространялось в провинции.

Спустя столетие, в 1750 году, тираж газеты составлял около 7800 экземпляров. При этом 80% уходило в регионы. С января 1762 года она стала называться *La Gazette de France* («Ля Газетт де Франс» — «Газета Франции»). С апреля 1792 года газета начала выходить в ежедневном режиме. Она закрылась только в Первую мировую войну, в 1915 году.

Становление авторитарной концепции печати

С появлением «Ля Газетт» во Франции сложилась **авторитарная концепция печати**. Для авторитарной концепции характерно следующее:

— газета является рупором власти, через нее не только сообщаются новости, но и рассылаются директивы на места;

— предварительная цензура;

— система лицензирования;

— правдивая информация часто приносится в жертву интересам власти;

— вертикальная структура прессы.

В авторитарном государстве никакое произведение печати в целом и периодическое издание в частности не могло выходить в свет без разрешения властей. Главным редактором должен был быть человек, не просто лояльный к режиму, но, как правило, специально подобранный на эту должность. Лояльность требовалась и от рядовых журналистов. Издание, служившее властям, обычно финансировалось из государственных источников.

Зародившись во Франции в середине XVII века, авторитарная концепция печати в разное время и с разной продолжительностью господствовала в журналистике почти всех стран мира. Одни страны (например, Швеция, Англия, США) достаточно рано, уже в XVII–XVIII веках, стали уходить от этой концепции, в других странах она господствовала

значительное время. Так, в германской печати авторитарная концепция окончательно пала только с ликвидацией фашизма в 1945 году, в России — в 1990 году, когда был принят закон о печати СССР. Во многих государствах (ряд стран Африки, Ближнего Востока, Мьянма, Северная Корея и др.) авторитарная концепция печати функционирует до сих пор.

Развитие французской прессы во второй половине XVI–XVII веках

Дальнейшее развитие журналистики во Франции шло медленно. Это можно объяснить не только малограмотностью населения, обычной, впрочем, для всех стран Европы того времени, но и жесткой политикой власти в отношении прессы. Так, если в Германии, Нидерландах для издания газеты требовалось разрешение местной власти, то во Франции патент на выпуск новой газеты выдавал исключительно король, который в любое время мог отменить свое разрешение.

Тем не менее новые периодические издания во Франции все равно появлялись, хотя и не так часто, как в соседних странах. Так, середина XVII века ознаменовалась появлением в стране журнала как типа издания. С 5 января 1665 года стал выходить еженедельник ***Le Journal des Scavans*** («Журналь де саван» — «Журнал ученых»). Инициатором его создания был французский министр финансов Жан-Батист Кольбер (1619–1683 гг.) — один из самых влиятельных политиков того времени, основатель Академии наук. «Журналь де саван» был первым в мире научным изданием. В нем на двенадцати полосах печатались статьи по математике, физике, химии, астрономии, философии, обзоры наиболее интересных новых книг — научных и художественных. Первым редактором журнала был ученый, писатель и политический деятель **Дени де Салло** (1626–1669 гг.).

«Журналь де саван» имел большой успех не только во Франции, но и в Европе: его переводили на латинский язык и распространяли в некоторых других странах. В XVIII–XIX веках журнал выходил ежемесячно, вплоть до 1902 года.

«Журналь де саван» положил начало специализированной прессе. Вслед за ним стали выходить в свет различные специализированные периодические издания, посвященные медицине, праву, образованию, сельскому хозяйству и даже моде. Так, например, «Журналь дю Пале» («Журнал судебной палаты») был одним из первых в мире юридических периодических изданий.

В марте 1672 года историк и драматург **Жан Донно де Визе** (1636–1716 гг.) начал издавать развлекательную газету ***Mercure Galant*** («Меркюр Галан» — «Галантный вестник»), которая благодаря легкому и не-

принужденному стилю публикаций пользовалась особой популярностью у многих поколений читателей разных возрастов и социальных слоев. Самыми известными читателями «Меркюр Галан» были король Людовик XV, просветитель Вольтер, ученый-астроном Лаплас. В числе прочего газета публиковала как библиографические обозрения, так и сами художественные произведения: рассказы, стихи, сказки. Так, на страницах «Меркюр Галан» была впервые опубликована сказка Шарля Перро «Спящая красавица».

Газета выходила сначала четыре раза в год, затем, после трехлетнего перерыва, с 1678 года, под названием *Nouveau Mercure Galant* («Новый Галантный вестник»), — ежемесячно. С 1724 года и до закрытия в 1825 году газета называлась *Mercure de France* («Французский вестник»). Она не могла соперничать с «Ля Газетт» и «Журналь де саван», которые выходили с большей периодичностью.

Первая ежедневная французская газета ***Journal de Paris*** («Журналь де Пари» — «Парижская газета») увидела свет в 1777 году и выходила до 1840 года. Ее основал химик Антуан Алексис Каде-де-Во (1743–1828 гг.). Так, спустя почти полтора столетия появилась газета, которая могла по-настоящему конкурировать с «Ля Газетт».

Во второй половине XVIII века монополии центральных газет и журналов пришел конец. В провинциальных городах стала возникать собственная пресса. Среди первых таких газет были еженедельные «Афиш де Лион» (основана в 1750 г. в Лионе), «Афиш де Бордо» (основана в 1758 г. в Бордо), «Афиш де Тулуз» (основана в 1759 г. в Тулузе) и др. Их тираж не превышал тысячи экземпляров. В Бордо с 1784 года начала издаваться и первая ежедневная провинциальная газета — «Журналь де Гиень».

В 1788 году, за год до начала Великой французской революции, во Франции выходило всего лишь около 80 газет и журналов совокупным тиражом примерно 70 тысяч экземпляров. Большая часть этого тиража — 57 тысяч экземпляров — приходилась на парижскую прессу. Всего в стране насчитывалось немногим более полумиллиона читателей периодической печати.

Почта во Франции в XVII–XVIII веках

В годы правления кардинала Ришелье должность главного начальника почт стала одной из самых важных и ответственных во Франции. Государственная почта стала все больше обслуживать частных лиц, значительно увеличив, таким образом, источники своих доходов. В то же время ужесточалось наказание за служебные злоупотребления почтовых работников.

Развивая почту, власти видели в ней удобное средство контроля над населением страны. Так, обычным делом было нарушение тайны част-

ной переписки: на почте письма нередко вскрывались под предлогом «государственной необходимости».

Вопросы для повторения

1. Предпосылки появления журналистики во Франции.
2. Первые французские печатные издания.
3. Кардинал Ришелье и его роль в создании французской журналистики.
4. «Ля Газетт» — первая французская политическая газета.
5. Роль «Ля Газетт» в становлении французской журналистики.
6. Печать и власть во Франции XVII века.
7. Становление и особенности авторитарной концепции печати.
8. Развитие цензуры во Франции.
9. Французская журналистика во второй половине XVII — XVIII веке.
10. Первые ежедневные газеты Франции.
11. Французская почта в XVII — XVIII веках.

Рекомендуемая литература

Новомбергский Н. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати. М., 2001.

Попов Ю. В. Теофраст Ренодо — основатель французской журналистики // Вестник МГУ. Серия «Журналистика». 1978. № 4.

Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.

Сиберт Фред С., Шрам Уилбур, Петерсон Теодор. Четыре теории прессы / Под ред. Я. Н. Засурского. М., 1998.

Смирнов Е. Периодическая печать во Франции. Периодическая печать на Западе // История печати. М., 2001. Т. 2.

Соломонов Ю. Ю. Региональная пресса Франции. История и секреты успеха ежедневных газет. М., 2003.

Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. 2-е изд. СПб., 2002.

Шедлинг М. Очерки по истории мировой почты // История печати. М., 2008. Т. 3.

АНГЛИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА XVII ВЕКА

Предпосылки становления английской печати. — Зарождение и становление цензуры. — Первые английские газеты («Уикли ньюс»). — Журналистика Английской революции (Мэрчмонт Нидхэм). — Становление памфлетной публицистики. (Джон Мильтон. Джон Лильберн. Джерард Уинстенли). — Английская журналистика эпохи Реставрации. — Английская концепция печати. — Развитие английской почты.

Предпосылки становления английской печати

Английский первопечатник **Уильям Кэкстон** (ок. 1422–1492 гг.) решил внедрить изобретение Гутенберга у себя на родине. Он отправился в Кельн учиться печатному ремеслу и в 1474 году перевел с французского и выпустил в голландском городе Брюгге (сейчас это территория Бельгии) первую книгу на английском языке — «Рассказы из истории Трои». Ее написал филолог, издатель и богослов, первый переводчик Библии на французский язык Жак Лефевр Д'Этапль (ок. 1450–1536 гг.). Книга имела успех. Тогда Кэкстон взялся за перевод книги «Правила игры в шахматы», которую издал в Брюгге в 1476 году.

Вернувшись в Англию, Кэкстон основал в Вестминстере, пригороде Лондона, типографию и очень скоро, в том же 1476 году, напечатал бланк индульгенции на латинском языке, а вслед за ним выпустил книгу аббата Абингдона «Письма святого Иоанна об отпущении грехов». В 1477 году вышли в свет переведенные с французского «Изречения, или Высказывания философов», которые составил Энтони Риверс (1442–1483 гг.). Это была вторая по счету, но первая датированная печатная английская книга. В 1478 году Кэкстон издал «Кентерберийские рассказы» классика английской литературы Джефри Чосера (ок. 1340–1400 гг.), а в 1483 году — в собственном переводе с французского средневековый бестселлер «Золотая легенда архиепископа Генуи Джакопо Варацце (1230–1298 гг.)».

Всего за пятнадцать лет Кэкстон выпустил в своей типографии 103 книги. Он сам переводил понравившиеся ему произведения иностранных авторов (известно 26 его переводов), писал к ним предисловия и заключения, составлял комментарии — словом, обладал высокой и уникальной по тем временам книгоиздательской культурой. Вместе с тем Кэкстон в своих изданиях не печатал титульные листы.

Кэкстон удерживал монополию на книгоиздание недолго: уже в 1478 году появилась типография в Оксфорде, в 1480 году — в Сити,

центральной части Лондона. В начале XVI века печатные станки заработали в Шотландии, Кембридже. Английское книгоиздание отличалось большим разнообразием. Однако интересно, что Библия на английском языке была издана сравнительно поздно, в 1535 году, да и то за пределами Англии, в германском городе Марбурге. Дело в том, что консервативное британское духовенство считало, будто Библия, не переписанная от руки, а напечатанная типографским способом, станет проявлением неуважения к Богу.

Королевская власть сначала не препятствовала развитию книгопечатания, видя в нем исключительно коммерческий промысел. В 1484 году король Ричард III (1452–1485 гг., правил с 1483 г.) даже издал закон, расширявший права печатников и книгопродавцев. В результате за небольшой срок значительно увеличилось число грамотных людей и, как следствие, возросла потребность населения в книжной продукции.

Зарождение и становление цензуры

Как и в других европейских странах, власть очень скоро поняла, какой силой может обладать книгопечатание, и предприняла первые шаги к контролю над печатью. Уже в **1487 году** король Генрих VII (1457–1509 гг., правил с 1485 г.) приказал учредить **Звездную палату** (*Star Chamber*) — высшее административно-судебное учреждение для судов над дворянами после войны Алой и Белой Роз (1455–1487). С первых дней существования Звездная палата стала заниматься политическими преследованиями противников короля. Члены палаты получили огромные полномочия. Для заседаний новообразованного учреждения король выделил в своем дворце в Вестминстере просторный зал с куполом, украшенным изображением звездного неба. Отсюда, по наиболее распространенной версии, появилось название «Звездная палата», которое на века вперед стало символом цензуры и подавления свободомыслия. Со временем Звездная палата окончательно превратилась в цензурное учреждение, целью которого ставилась борьба с крамолою и королевскими врагами.

В своей деятельности Звездная палата опиралась на закон о цензуре, который был принят в Англии в 1533 году при короле Генрихе VIII (1491–1547 гг., правил с 1509 г.). Согласно этому закону запрещалось под угрозой большого денежного штрафа продавать англоязычные книги, напечатанные за пределами Англии.

В 1538 году последовал новый закон короля. Печатать книги дозволялось теперь лишь с разрешения Звездной палаты.

При королеве Елизавете I (1533–1603 гг., правила с 1558 г.) Звездная палата издала **в 1586 году закон о печати**, согласно которому в стране закрывались все провинциальные типографии, а общее число типографий не должно было превышать двадцать. Единственными разрешенными центрами печати оставались Лондон, Оксфорд и Кембридж. Но

даже и в этих городах печатать книги можно было лишь с разрешения доверенных лиц государства. Отныне на книгоиздание выдавался королевский патент. Закон предусматривал учреждение института цензоров: перед выходом печатных изданий в свет их должны были просматривать университетские профессора, олицетворявшие, по сути, светскую цензуру, и епископ Кентерберийский, глава духовной цензуры.

Нарушившие закон о печати подлежали тюремному заключению: типографские работники — на полгода, продавцы печатной продукции — на три месяца.

Таким образом, закон 1586 года окончательно сформировал и законодательно закрепил вертикальную, авторитарную модель печати, на вершине которой стояли король и правительство. Эта модель просуществовала в Англии с некоторыми перерывами более ста лет.

Первые английские газеты

Информационные листки с новостями — сначала рукописные, а затем печатные — появились в Англии, как и в других странах Европы, в XVI веке, и первоначально были приурочены к открытию ярмарок. Их называли *newsletters* (новостные письма) или просто *news* (новости, вести). Информацию для таких листков собирали, как правило, у вернувшихся из плавания моряков и приехавших из континентальной Европы торговцев и продавали заинтересованным читателям. Центром сбора информации в Лондоне стала местность около собора святого Павла, где впоследствии возникли редакции первых английских газет.

Некоторые *newsletters* распространялись в конце XVI — начале XVII века и при дворе королевы Елизаветы. По некоторым сведениям, во второй половине XVI века для высшего руководства страны издавался информационный бюллетень, который не имел четкой периодичности.

23 июня 1568 года вышел в свет первый номер издания «Инглиш меркьюри» (*English Mercury* — «Английский вестник»). «Он был очень мало похож на современную газету, напоминая больше книгу», — писал о нем С. И. Беглов[1]. «Инглиш меркьюри» выходил нерегулярно, от случая к случаю.

В первые десятилетия XVII века в Англии распространился новый вид печатных изданий — *куранты*. Они выходили, в отличие от *newsletters,* регулярно (хотя и без объявленной периодичности) и публиковали не только сухие факты, но порой и комментарии к событиям.

Первая регулярная газета на английском языке *Corrant of Italy, Germany, etc* («Новости Италии, Германии и т.д.») появилась за пределами страны, в Амстердаме, 2 декабря 1620 года. Голландский картограф, гравер и печатник **Питер Ван де Кеере** (ок. 1571–1646 гг.) бежал от рели-

[1] *Беглов С. И.* Четвертая власть: Британская модель. М., 2002. С. 10.

гиозных преследований в Англию, где издавал собственноручно выгравированные карты Британских островов. Вернувшись на родину после двадцатипятилетней эмиграции, Ван де Кеере продолжал выпускать карты разных стран Европы (например, первый атлас Нидерландов) и затеял издание газеты для англичан.

«Новости» представляли собой, по сути, переводы из голландских газет, которые выполнял сам Ван де Кеере. Несмотря на неоперативность в подаче новостей, газета, тем не менее, достаточно подробно сообщала о жизни в европейских странах. Это было время Тридцатилетней войны (1618–1648) между католическими и протестантскими государствами, и англичане очень интересовались информацией о ходе боевых действий. Несколько лет она была единственным англоязычным периодическим изданием, до тех пор, пока в Англии не возникла собственная регулярная пресса.

«Уикли ньюс». Первой регулярной английской газетой стала *Weekly News* («Уикли ньюс» — «Еженедельные новости»). Ее полное название — *Corante, or Weekly Newes from Italy, Germany, Hungary, Poland, Bohemia, France and the Low Countreys* («Вести, или Еженедельные новости из Италии, Германии, Венгрии, Польши, Богемии, Франции и других стран»). Первый номер газеты увидел свет в Лондоне 21 сентября 1621 года.

Издатель и редактор «Уикли ньюс» скрылся под инициалами N.B. Это дало повод исследователям подозревать в «отцовстве» первой английской газеты сразу двух известных в то время лондонских издателей информационных листков и типографов. Один из них был Натаниэль Бэттер[1], другой — Николас Берн, работавший в соавторстве с Томасом Арчером. Впрочем, большинство историков журналистики считают основателем регулярной английской прессы Бэттера, а Берна — его соавтором[2].

Натаниэль Бэттер (ок. 1583–1664 гг.) был настолько известен среди современников как издатель и переводчик, что уже при жизни стал героем (точнее, антигероем) пьесы выдающегося драматурга Бена Джонсона (1572–1637 гг.) «Рынок новостей»[3] (1625 г.). Судя по критическому отношению Джонсона к деятельности Бэттера (который выведен под именем мистера Цимбала) и его газете, слава основателя английской журналистики была неоднозначной.

---

[1] В некоторых русскоязычных источниках встречается другое написание фамилии основателя регулярной английской журналистики: Баттер.

[2] Об этом см.: *Трубицына И. В.* Зарождение и развитие английских периодических изданий в XVII веке. М., 1999. С. 16–18.

[3] Встречаются и другие переводы названия этой пьесы, например «Склад новостей», «Снабжение новостями».

Бэттер не имел, как его французский современник Теофраст Ренодо, покровителей при королевском дворе. К тому же никто из правивших тогда королей — ни Яков I (1566–1625 гг., правил в 1603–1625 гг.), ни его преемник Карл I (1600–1649 гг., правил в 1625–1649 гг.) — не придавал значения газете как помощнику в распространении своей политики. Бэттеру запрещалось писать о собраниях, прениях в парламенте и вообще касаться внутренних новостей: авторитарная печать всегда контролировала, в первую очередь, внутреннюю информацию. Поэтому большая часть публиковавшейся в «Уикли ньюс» информации была переводом иностранной, в первую очередь голландской прессы.

Опасаясь преследований со стороны властей, Бэттер публиковал голые факты, никак не комментируя их. Тем не менее это не всегда помогало ему. Часто, чтобы заполнить вырезанные цензурой места в газете, Бэттер выдумывал новости (например, о сиренах, невероятных морских зверях и чудовищах) или просто перепечатывал главы Библии.

В 1632 году Бэттер опрометчиво поместил переведенную из голландской прессы критическую заметку об Испании, содержание которой возмутило испанского посла в Лондоне. Дело в том, что Голландия воевала в то время с Испанией (в Европе шла Тридцатилетняя война 1618–1648 гг.). Англия же, хотя и симпатизировала Голландии, формально не участвовала в войне, и посол воспринял опубликованную в «Уикли ньюс» информацию как официальную позицию Англии. Он выразил протест королю Карлу I. Монарх направил жалобу посла для рассмотрения в Звездную палату, и газету вскоре закрыли.

Но история «Уикли ньюс» на этом не завершилась. В 1638 году началось восстание в Шотландии. Карл I, по-видимому, начав понимать роль печати в политике и формировании общественного мнения, снова разрешил Бэттеру и Берну издавать свою газету. Как сообщает И. В. Трубицына, «они получили королевскую привилегию на издание новостей на 21 год за ежегодную ренту в 10 фунтов стерлингов в пользу собора святого Павла»[1].

Тем не менее «Уикли ньюс» прекратила издание уже через три года, в 1641 году, причем, скорее всего даже, не по прихоти цензуры: Звездная палата в феврале того же 1641 года была упразднена и действие цензуры приостановлено. Бэттеру не удалось увлечь английского читателя и сделать газету интересной. Впрочем, вряд ли это было возможно в условиях жесткой цензуры и невозможности публиковать внутреннюю информацию.

Печальную судьбу «Уикли ньюс» рано или поздно разделили все периодические издания, выходившие в Англии до начала революции. Среди них, например, была другая газета, издававшаяся Бэттером и Берном в 1624–1626 годах, — *Mercurius Britanicus* («Британский Меркурий»).

---

[1] *Трубицына И. В.* Указ. соч. С. 18.

Также всего несколько лет издавалась газета *A currant of General News* («Важные текущие новости»), которую выпускали с 1622 года, переводя с датского языка, Томас Арчер и Николас Берн.

Журналистика Английской революции

Расцвет политической журналистики (и прежде всего, жанра памфлета) пришелся на 1640-е годы, когда в Англии началась революция (1640–1660) и гражданская война (1642–1646, 1648–1649). В феврале 1641 года была упразднена Звездная палата, при этом потеряли силу все указы по делам печати, ею принятые. Действие цензуры было приостановлено, хотя, впрочем, и не отменено.

Уже в XVII веке стало видно, что любые войны, революции, общественные настроения провоцировали повышенный интерес населения к информации, к печатному и устному слову. В этом плане события 1640–1660-х годов на Британских островах резко повысили популярность и значение журналистики.

Сразу после падения Звездной палаты в Лондоне зародилась политическая пресса. Первоначально появилось несколько официальных парламентских периодических изданий. Английский парламент вел острую борьбу с королем Карлом I и стремился использовать журналистику не только для широкого распространения информации о своей деятельности, но и для освещения событий в выгодной для себя трактовке. По сути, парламент инициировал информационную войну против короля — одну из первых в мировой истории прессы — и, в конце концов, одержал в ней уверенную победу.

Первое периодическое издание — официальный орган английского парламента — увидело свет в ноябре 1641 года. Оно называлось *The Diurnall Occurences in Parliament* («Диурнал оккеренсиз ин палимент» — «Журнал событий в парламенте»). Полное название — *The Diurnall Occurences or Daily proceedings of both houses in this Greate and happy Parliament* («Журнал событий, или Ежедневные происшествия в обеих палатах этого великого и счастливого парламента»).

Несмотря на заявленную в названии периодичность, газета выходила отнюдь не ежедневно. В первом номере рассказывалось о событиях, происшедших за весь предыдущий год. Со временем «Журнал событий в парламенте» стал выходить еженедельно — в течение почти двух десятилетий, до 1660 года, когда в Англии была восстановлена монархия.

В первые годы революции английский парламент выпускал целый ряд официальных периодических изданий. Уже в 1642 году их было целых пять. Среди них — *The Kingdom's weekly Intelligencer* («Еженедельный информатор Королевства»), который выходил с 1642 по 1655 год, *Perfect Diurnal* («Отличный журнал»), издававшийся с 1643 по 1649 год, *Perfect Diurnal of some Passages and Proceedings of Parliament and in Relation to the*

Army («Отличный журнал о некоторых событиях и происшествиях в парламенте и армии»), печатавшийся с 1649 по 1655 год. В официальной парламентской прессе, как правило, публиковались отчеты о заседаниях палат и выдержки из наиболее важных и ярких выступлений депутатов.

Сторонники короля, осознав пользу и влияние журналистики на массы, также стали выпускать свою прессу. Первой официальной королевской газетой стала *Mercurius Aulicus* («Дворцовый вестник»), выходившая в 1643–1646 годах. Издавали и редактировали этот еженедельник Джон Беркинхед и П. Хейлин.

Серьезным роялистским изданием была еженедельная газета *Mercurius Elencticus* («Милосердный вестник»). Ее выпускали с октября 1647 по ноябрь 1649 года Джордж Уортон и Самюэль Шеппард. Уортон большую часть времени существования своей газеты провел в тюрьме, куда был посажен за антипарламентские выступления в печати, но, тем не менее, и там продолжал заниматься журналистикой, тайно переправляя свои публикации остававшемуся на свободе Шеппарду.

Некоторые монархические газеты издавались некоторое время и после казни короля, которая произошла 30 января 1649 года. «Мое правительство ничего бы не стоило, если б не смогло выдержать бумажного выстрела», — говорил вождь Английской революции **Оливер Кромвель** (1599–1658 гг.) об оппозиционной прессе. Роялистские журналисты рисовали посмертный образ Карла исключительно в ярких красках, порой даже изображая короля святым мучеником. Так, например, сообщалось, что, как только Карлу отрубили голову, многие бросились к месту казни, чтобы омочить платки в королевской крови, и, прикасаясь потом этими платками к больным местам, получали полное исцеление.

В сентябре 1649 года парламент принял Акт о регулировании печати, после которого роялистская пресса прекратила свое существование.

Английская революция породила и много частных периодических изданий, выходивших, как правило, еженедельно. В их названиях почти всегда встречается латинское слово *Mercurius*, что можно перевести как «вестник».

Несмотря на преследования журналистов и их изданий — как со стороны короля, так и со стороны парламента — количество газет неизменно увеличивалось: в 1644 году их было 17, а в 1649 — уже 24.

Мэрчмонт Нидхэм. Одним из самых ярких и в то же время скандально известных журналистов Английской революции был Мэрчмонт Нидхэм (1620–1678 гг.). В 1640 году Нидхэм и его компаньон Оливер Уильямс открыли в Лондоне по примеру Теофраста Ренодо *Offices of Intelligence* — рекламно-информационное бюро. Они выпускали бесплатные рекламные листки с частными объявлениями, рекламой товаров и услуг, но при этом не публиковали адреса рекламодателей: заинтересовавшиеся клиенты должны были прийти в бюро и купить эту информацию.

В 1643 году Нидхэм основал свою первую газету — *Mercurius Britanicus* («Британский вестник»), в которой ярко и страстно выступал на стороне парламента против короля. Дерзость Нидхэма доходила до того, что на страницах газеты он публиковал пародии на речи Карла I в парламенте. Поэтому неудивительно, что в 1646 году издание запретили, а его издатель попал под королевский суд.

На суде Нидхэм признал свои ошибки, был помилован и, выйдя на свободу, приступил к изданию ультрароялистской газеты *Mercurius Pragmaticus* («Прагматический вестник»), где с прежней страстью стал обличать уже не короля, а парламент. Особенно жесткой и в то же время сатирически окрашенной критике подвергался Оливер Кромвель. Даже казнь Карла не изменила тональности газеты. Тем не менее вскоре Нидхэм был арестован. В тюрьме он заявил о своем искреннем раскаянии.

Руководство парламента, нуждавшееся в опытных и талантливых журналистах, предложило Нидхэму издавать официальную парламентскую газету, и он согласился. Еженедельник *Mercurius Politicus* («Политический вестник») стал выходить под руководством Нидхэма с июня 1650 года. На его страницах Нидхэм опубликовал ряд собственных антироялистских памфлетов (например, «Защита дела Английской республики»). Он очень гордился гибкостью своего пера.

В 1655 году Нидхэм основал второй официальный парламентский еженедельник — *Publick Intelligencer* («Общественный информатор»). Теперь издания английского парламента выходили в свет два раза в неделю.

В 1657 году Нидхэм начал выпускать еженедельную частную газету *The Publick Advicer* («Общественный консультант»), которая вскоре превратилась в первый английский рекламный журнал.

В 1660 году в Англии восстановилась монархия и на престол взошел сын казненного Карла I Карл II (1630–1685 гг.). Нидхэм не решился в очередной раз поменять убеждения. Он оставил журналистику и эмигрировал в Голландию, но в конце жизни вернулся в Англию.

Становление памфлетной публицистики

Зачатки памфлета как публицистического жанра можно видеть в творчестве древнегреческих ораторов, прежде всего Исократа, Демосфена. Уже тогда в их обличительных речах заметно выделялись такие присущие памфлету черты, как злободневность, тенденциозность, полемическая направленность. Само слово *памфлет* (англ. *pamphlet*) появилось в XIV веке. Памфлетом называлась в то время непереплетенная брошюра без обложки. Как жанр публицистики памфлет сложился спустя два столетия, в эпоху Реформации. Памфлеты были направлены как против политического строя в целом или его отдельных сторон, так и против противостоящих автору партий, союзов, правительства. Часто памфлетист, высмеивая того или иного политического деятеля, ставил,

таким образом, перед собой цель развенчать партию или правительство, которое представлял герой памфлета.

Памфлетная публицистика во все времена считалась высшей ступенью журналистского, публицистического мастерства, и далеко не каждый журналист умел писать памфлеты.

Расцвет памфлетной публицистики в Европе обычно приходился на годы революций, войн, политических нестроений — когда не только возрастал интерес населения к информации, но и усиливались попытки осмыслить происходящие события. Памфлеты публиковались как отдельными брошюрами, выходившими непериодично, как реакция на те или иные политические события, так и авторскими статьями в газетах и журналах, издававшихся регулярно. Впоследствии, уже к началу XIX века, памфлет как самостоятельное издание перестал быть основным видом публицистики, навсегда уступив это место политической газете.

Роль памфлетной публицистики резко возросла уже в первые месяцы Английской революции. За два революционных десятилетия в Англии было создано более трех тысяч памфлетов. Они представляли собой, как правило, отдельные брошюры. Памфлеты писали как монархисты, так и сторонники парламента. Но самые выдающиеся памфлетисты были противниками короля. Среди них — Джон Мильтон, Джон Лильберн и Джерард Уинстенли.

Джон Мильтон. Поэт, писатель и публицист Джон Мильтон (1608–1674 гг.) родился в Лондоне в семье нотариуса. Окончив известную в столице религиозную школу святого Павла, он в 1625 году поступил учиться в Кембриджский университет, где в 1632 году получил степень магистра искусств. Но и после этого Мильтон еще несколько лет занимался самообразованием.

Свои первые памфлеты Мильтон опубликовал в 1641–1642 годах. Это были длинные антиклерикальные трактаты (самый большой из них занимал около трехсот страниц). В 1642 году Мильтон женился, но через месяц жена от него сбежала. Уязвленный неудачей в семейной жизни, он в 1643 году написал и издал памфлет о разводе, который произвел на чопорных англичан ошеломляющее впечатление и сразу принес автору широкую и скандальную известность. Пятисотстраничная брошюра моментально разошлась по Англии небывалым доселе тиражом в 1200 экземпляров. Ее успех был таков, что спустя год Мильтон подготовил второе, дополненное издание, после чего его вызвали в парламентскую Палату лордов для объяснений. Вскоре жена Мильтона вернулась к нему и впоследствии родила троих детей.

С развитием революционных событий и гражданской войны публицистика Мильтона становилась все более идеологизированной. Во всех своих памфлетах, до самой смерти, он выступал как убежденный антимо-

нархист и республиканец. Во время революции он поддерживал **индепендентов** — радикально настроенных крупных промышленников и дворян.

В ноябре **1644 года** Мильтон опубликовал без разрешения цензуры памфлет *«О свободе печати. Речь к английскому парламенту (Ареопагитика)»*. Непосредственным поводом к написанию этой фиктивной речи послужил изданный летом 1643 года ордонанс о регулировании книгопечатания. За основу памфлета Мильтон взял форму античной речи и подражал, прежде всего, Исократу.

В первой, смысловой части «Ареопагитики» Мильтон дал широкий исторический обзор стеснений печати начиная с эпохи Древних Афин и подвел читателей к выводу, что все эти стеснения порождены инквизицией. Далее Мильтон остановился на современной ему эпохе. Он рассмотрел качества, необходимые цензору, и создал абстрактный и недостижимый, по его мнению, образ идеального цензора — всесторонне образованного, трудолюбивого и творческого человека. Но ни один профессионал такого уровня, считал Мильтон, никогда не захочет заниматься грязной, рутинной и монотонной работой цензора. И эту должность займут люди корыстные, невежественные и малообразованные. Именно в их руках будет судьба книг.

Предварительная цензура, считал Мильтон, — недоверие к народу и бесчестие для английского общества. По его мнению, всякое произведение печати должно появляться на свет так же свободно и беспрепятственно, как появляется на свет новорожденный ребенок. «...Кто уничтожает хорошую книгу, — писал Мильтон, — убивает самый разум, образ Бога, как если бы Он был перед глазами». Именно поэтому высокопоставленные чиновники, которые стремятся наложить на печать оковы, выступают, по мнению Мильтона, против дыхания разума и бессмертия.

Далее Мильтон пришел к умозаключению о бессилии цензуры помешать распространению правды: цензура бесполезна, вредна и унижает человеческое достоинство. Именно поэтому он решительно предлагает парламенту отменить принятый ордонанс о регулировании книгопечатания как ошибочный: «...как хорошие, так и дурные правители одинаково могут ошибаться; ибо какая власть не может быть ложно осведомлена, в особенности если свобода печати предоставлена немногим?».

В марте 1649 года, вскоре после казни короля и установления республики, Мильтон был назначен секретарем по иностранным языкам Государственного совета. Он участвовал в переговорах с иностранными делегациями, вел обширную официальную международную переписку, перевел на латинский язык Декларацию об установлении республики и разослал ее во все страны Европы (в том числе и в Россию, где она произвела взрыв негодования у царя Алексея Михайловича).

Главная обязанность Мильтона как государственного служащего заключалась в составлении памфлетов на злобу дня. Так, например, в двух

памфлетах «Защита английского народа» (1650, 1654 гг.), написанных по приказу республиканской власти, он страстно полемизировал с монархистами, выступил как активный поборник суверенитета английской республики и последовательный противник реакции и монархии.

В круг должностных полномочий Мильтона входили, помимо прочего, и обязанности цензора печати. И Мильтон, ярый и последовательный противник цензуры, вынужден был отныне просматривать перед выходом в свет материалы официального еженедельника *Mercurius Politicus* и других произведений печати. Он, по-видимому, считал, что за неимением идеального цензора лучше заниматься экспертизой книг и газет ему, нежели полуграмотному, невежественному и косному человеку, какими были тогда большинство цензоров.

Впрочем, идеи Мильтона, высказанные в «Ареопагитике», все же принесли свои плоды. 20 сентября 1649 года парламент утвердил Акт о печати, который, на первый взгляд, требовал строгого контроля над прессой. Но вместе с тем, как писал Мильтон одному из единомышленников, «цензоры согласно этому акту не назначаются, так что каждый может публиковать свою книгу без разрешения цензуры, при условии, что имя печатника или автора будет указано, если это понадобится».

Напряженная самоотверженная работа подорвала здоровье Мильтона. В 1652 году он окончательно потерял зрение, но, будучи совершенно слепым, тем не менее, продолжал работать секретарем по иностранным языкам, а также исполнять обязанности цензора. Мильтону выделили помощника, владевшего иностранными языками, который читал ему официальные письма и записывал ответы на них. Слепой Мильтон продолжал сочинять новые памфлеты и трактаты.

В 1660 году в Англии была восстановлена монархия. Сын казненного Карла I король Карл II начал репрессии против республиканцев. Мильтона как одного из активнейших деятелей революции, ярого защитника цареубийства, ждала смертная казнь. В июне 1660 года палата общин постановила публично сжечь памфлеты Мильтона «Иконоборец» и «Защита английского народа».

Но друзья Мильтона убедили новую власть, что слепота — достаточное наказание для гонимого публициста. С тех пор и до конца жизни он занимался литературным трудом, на который прежде у него не оставалось времени. Ему помогали друзья и его третья жена (первые две умерли от родов). Мильтон выпустил такие прославившие его на века книги, как эпос «Потерянный рай», поэму «Возвращенный рай», трагедию «Самсон-борец», «Историю Британии».

В то же время Мильтон продолжал внимательно следить за политической жизнью Англии. В 1673 году он опубликовал свой последний памфлет.

Идеи Мильтона легли в основу английской концепции свободы печати, разработанной в Билле о правах в 1689 году. Эта концепция так-

же называется мильтоновской, или либертарианской (от слова *liberty* — свобода).

Джон Лильберн. Один из самых известных памфлетистов эпохи революции Джон Лильберн (ок. 1614–1657 гг.) был идеологом и руководителем **левеллеров** (т.е. уравнителей) — радикальной политической партии, объединявшей мелких торговцев и собственников и выступавшей против ликвидации частной собственности, за республику, верховенство народа и ограничение парламентской власти основными законами страны.

Лильберн родился и вырос в семье сельского дворянина. В 16 лет он переехал в Лондон и поступил в ученики к торговцу сукном. В столице он сблизился с пуританской сектой и вскоре в свободное от работы время стал распространять запрещенные пуританские памфлеты, авторы которых — священник Генри Бертон, врач Джон Баствик, адвокат Уильям Принн — были критически настроены к религиозной и светской власти. В 1637 году памфлетисты были арестованы. Звездная палата приговорила их к позорному столбу и публичной порке, клеймению каленым железом, отрезанию ушей и пожизненному тюремному заключению. Лильберн в это время скрывался в Ирландии, но, едва вернувшись в Англию, также был арестован. В 1638 году его приговорили к публичной порке и позорному столбу. Стоя у позорного столба, Лильберн сумел произнести пламенную речь, обращенную к собравшимся на площади зевакам и сочувствующим. Затем он высвободил из колодок руку, сунул ее в карман и, достав оттуда несколько экземпляров запрещенного памфлета Бастбика, бросил их в толпу. За вызывающее поведение Лильберн был приговорен к трем годам тюрьмы.

Как только Звездная палата была упразднена, Лильберна выпустили на свободу, и он с головой ушел в политическую борьбу. Он, как и Мильтон, считал, что источником власти является народ, а парламент должен подчиняться его воле.

Во время гражданской войны Лильберн вступил в ряды парламентской армии, где дослужился до подполковника. В 1643 году он был взят в плен войсками короля, отказался от предложения сотрудничать с Карлом I и вышел на свободу только через год: по указанию Кромвеля Лильберна поменяли на высокопоставленного пленного — сторонника короля. Но в армии Лильберн прослужил недолго: в 1645 году он опубликовал памфлет «Защита прирожденного права Англии, направленная против всякого произвола, будь то короля, парламента или кого другого», который вызвал резкую критику Кромвеля. Лильберн ушел в отставку и продолжал публиковать антипарламентские памфлеты. За это его снова бросили в тюрьму — на этот раз по решению парламента.

В 1648 году Лильберна освободили и он продолжил политическую борьбу. Его резкая критика республиканской власти нашла отражение

в памфлетах *«Новые цепи Англии, или Серьезные опасения части народа относительно республики»* и *«Вторая часть "Новых цепей Англии"»*. Парламент объявил эти памфлеты мятежными и приказал схватить их автора. 28 марта 1649 года Лильберн вновь был арестован и, несмотря на многочисленные протесты сторонников, заключен в мрачную тюрьму Тауэр, но и там продолжал бороться. В камере он написал несколько памфлетов (например, «Манифест» и «Соглашение свободного народа Англии») с изложением программы левеллеров в новых условиях и сумел переправить их на волю. По сути, это был проект конституции Английской республики. Памфлеты тут же опубликовали, и они привлекли всеобщее внимание.

Суд присяжных оправдал Лильберна. Тогда парламент вынес решение о высылке мятежного памфлетиста из Англии. Два года он провел в изгнании, а летом 1653 года вернулся на родину. Лильберна тут же арестовали, но суд присяжных снова оправдал его. Однако Кромвель приказал оставить своего противника в заключении. Почти до самой смерти Лильберн содержался в тюрьме на острове Уайт, где несколькими годами раньше была резиденция свергнутого короля Карла I.

В своих памфлетах Лильберн апеллировал к Божьему слову, разуму и естественному праву. Он понимал естественное право как сумму гражданских свобод: слова, печати, торговли и др., равенство всех перед законом, неподкупность суда. Государственному строю Англии, считал Лильберн, необходима демократизация. Государство создано взаимным соглашением людей «для доброй пользы и блага каждого». Это согласие необходимо и в свободном совместном выборе руководителей страны. Король не может избираться, поэтому Лильберн требовал упразднения монархии, а также палаты лордов в парламенте, члены которой назначались пожизненно королем.

Памфлетная публицистика Лильберна пользовалась большим успехом не только в Англии. Она была популярна в годы войны за независимость в США (1776–1783), оказала значительное влияние на многих публицистов Великой французской революции (1789–1794) и, в частности, сформировала мировоззрение Оноре Мирабо.

Джерард Уинстенли (1609–1676 гг.) был социалистом-утопистом, идеологом **диггеров** (т.е. копателей) — самого левого движения, выражавшего интересы городской и деревенской бедноты.

Уинстенли родился и вырос в семье сектантов-пуритан в небольшом провинциальном городке. Окончив школу, он в 1630 году переехал в Лондон, где стал работать подмастерьем в магазине одежды. Со временем Уинстенли открыл собственную торговлю в центре города, но, будучи непрактичным человеком, в 1642 году разорился и уехал по приглашению друзей в графство Серри — в двух часах езды на коне от Лон-

дона. Там он вскоре стал одним из основателей колонии диггеров, которые вскапывали землю на холме святого Георгия.

В 38 лет Уинстенли впервые почувствовал в себе способность писать. Его первые трактаты носили религиозно-философский характер.

С развитием Английской революции публицистика Уинстенли все больше политизировалась, в ней все яснее звучали призывы к всеобщему равенству — не только политическому, но и экономическому. Свои умозаключения памфлетист подкреплял многочисленными библейскими цитатами, ветхозаветными и новозаветными образами и сравнениями. В своей публицистике он приближался к идеалам нового общества, где все равны, и был близок к идеалам утопического коммунизма. В то же время представления Уинстенли об этом обществе облечены в религиозные формы.

Памфлет *«Знамя, поднятое истинными левеллерами»* (1649) стал, по сути, манифестом диггеров. Критикуя установленные республиканской властью порядки, Уинстенли опровергал правомочность власти не только свергнутого короля, но и землевладельцев. Земля, считал он, сотворена Богом как общая сокровищница и потому должна принадлежать равно как зверям, так и людям, без различия званий и чинов. Причину всех бедствий Уинстенли видел в частной собственности на землю, которую, по его мнению, надо ликвидировать.

В памфлете-заявлении *«Декларация бедного угнетенного люда Англии»* (1649) Уинстенли с новой силой повторил свои принципы о несправедливости современного ему порядка вещей, когда существуют хозяева и рабы, богачи и бедняки, сытые и голодные. Он писал, что бедняки начали освобождаться от страха перед властью и стали обрабатывать общинные поля для своих собственных нужд, а не для лордов и господ.

В своем главном произведении *«Закон свободы»* (1651) Уинстенли предложил план полного переустройства общества. Для этого он считал необходимым ликвидировать частную собственность на землю, упразднить торговлю, деньги, частную собственность. В парламенте, по видению публициста, должны заседать лишь бедные граждане, избранные всеми совершеннолетними мужчинами-англичанами на основе всеобщего избирательного права.

Интересно, что этот новый общественный строй был для Уинстенли не абстрактным идеалом (как, например, для автора «Утопии» Томаса Мора), а делом недалекого будущего. Он искренне верил, что если власть осуществит высказанные в его трактатах и памфлетах замыслы, то люди в Англии сразу же заживут счастливой и справедливой жизнью.

После реставрации монархии Уинстенли уже не писал памфлеты. Он вернулся в Лондон, женился и занялся торговлей хлебом и кормами для скота — правда, и на этот раз удача не сопутствовала ему.

Идеи, высказанные Уинстенли, оказали влияние на публициста эпохи Великой французской революции Гракха Бабефа, английского со-

циалиста-утописта Роберта Оуэна, а также на русских революционеров начала XX века. Имя Уинстенли начертано на памятнике-стеле борцам за счастье человечества в Александровском саду, у самых стен Московского Кремля.

Английская журналистика эпохи Реставрации

После поражения революции английская журналистика пережила тяжелые времена. При короле Карле II был восстановлен прежний контроль над прессой. Согласно подписанному королем в 1662 году Акту о печати, давать разрешение на книгоиздание могли только несколько человек в стране: государственный секретарь, архиепископ Кентерберийский, епископ Лондонский, вице-канцлеры Оксфордского и Кембриджского университетов. Резко сократилось число типографий: на всю Англию их осталось двадцать, причем только в Лондоне, Оксфорде, Кембридже и Йорке.

Главным цензором Англии был назначен Роджер Л'Эстранж — убежденный монархист и последовательный противник свободы печати. Л'Эстранж стал вместо Нидхэма редактировать *Mercurius Politicus.* Теперь эта газета выходила дважды в неделю: по понедельникам она отныне называлась *Publick Intelligencer* («Общественный информатор»), по четвергам — *News* («Новости»). В редакционной статье первого же номера Л'Эстранж с присущим ему цинизмом написал, что он является противником издания газеты, поскольку, узнав из нее новости, читатели могут обсуждать действия власти. В то же время, по мнению Л'Эстранжа, газета может быть полезной, если будет публиковать нужную руководству страны информацию.

Монополия Л'Эстранжа на информацию была разрушена благодаря эпидемии чумы, охватившей Лондон осенью 1665 года. Королевский двор временно переехал в Оксфорд. Столичные газеты туда из-за опасности распространения чумы не доставляли, и Карл II распорядился издавать правительственный официоз — *The Oxford Gazette* («Оксфордская газета»). Ее первый номер вышел 15 ноября 1665 года. Редактором стал директор типографии Оксфордского университета Леонард Литчфельд. Газета выходила дважды в неделю. Это было первое периодическое издание, внешним видом напоминавшее современную газету: все газеты, выходившие прежде, оформлялись в виде брошюры. Текст в *Oxford Gazette* печатался в две колонки.

Когда королевский двор вернулся в столицу, редакция переехала вслед за ним в Лондон, и с 5 февраля 1666 года газета стала называться *The London Gazette* («Лондонская газета»). Ее новым редактором стал Томас Ньюком. Как официальный правительственный вестник она выходит до сих пор и является, таким образом, старейшим периодическим изданием Великобритании.

С закреплением за *London Gazette* статуса официального органа власти Л'Эстранж не смог составлять конкуренцию новому изданию и вынужден был закрыть свою газету, но сохранил свои цензорские полномочия.

Самым громким процессом, связанным с нарушением закона о цензуре, стало дело типографщика Твина. В 1664 году Твин, желая подработать, тайно напечатал в своей типографии не дозволенный цензором политический памфлет. По приказу Л'Эстранжа Твина, несмотря на его признание и раскаяние, присудили к публичной смертной казни через четвертование.

Казнь Твина была задумана и произведена как показательный образец для его коллег и потенциальных нарушителей цензурных установлений. Л'Эстранж практиковал и другие, более мягкие способы наказания: кнут, позорный столб, клеймение частей тела, каторжные работы.

В последние годы правления Карла II наступило некоторое послабление для печати. Действие закона о цензуре истекло в 1679 году, и преследования журналистов ослабли. Новый король Яков II (1633–1701 гг., правил с 1685 по 1688 г.), пытаясь восстановить абсолютизм, возобновил закон о цензуре на срок до 1694 года, и, таким образом, положение прессы снова серьезно ухудшилось.

Английская концепция печати

В 1688 году в Англии произошла **Славная революция**. Яков II был свергнут с престола и эмигрировал во Францию. Новым королем стал призванный из Нидерландов Вильгельм III Оранский (1650–1702 гг., правил с 1688 г.). В результате Славной революции в Англии утвердилась ныне существующая форма разделения властей, когда король — символ страны и арбитр в различных спорах, а реальная власть — в руках у парламента и премьер-министра. Отныне король уже не мог принимать никаких значимых решений без согласия парламента.

13 февраля 1689 года парламент принял **Билль о правах** — документ, который до сих пор играет роль английской конституции и закона о печати. В его основу легли многие идеи, высказанные в свое время Джоном Мильтоном в «Ареопагитике». Первый параграф Билля гласил, что, если парламент принял закон, король не вправе отменить его. Для журналистов был самым важным **девятый параграф**: *«Свобода слова, прений и всего, что происходит в парламенте, не может быть поводом для преследования, быть предметом рассмотрения в суде и нигде кроме парламента»*.

Билль о правах лег в основу **английской (мильтоновской, или либертарианской) концепции свободы печати —** первой в мире концепции журналистики, альтернативной авторитарной. Ее отличительные особенности таковы:

— только парламент может регулировать работу прессы;
— отвергается контроль со стороны государства и церкви;
— экономическая свобода, то есть газету могут издавать все, у кого есть идеи и деньги;
— решающий фактор — не политический, а экономический;
— впервые появляется термин **свобода слова**.

В 1694 году не был продлен принцип лицензирования прессы, парламент отказался возобновить закон о цензуре. Свобода печати привела к появлению новых газет и журналов. Так, с 1688 по 1692 год возникли 26 периодических изданий. Все политические партии стали основывать свои печатные органы.

Но, несмотря на рост числа новых периодических изданий, далеко не сразу английская печать смогла воспользоваться реальными плодами декларированной в Билле о правах свободы. Парламент еще более чем полтора века пытался сдерживать рост и влияние прессы экономическими методами, вводя различные налоги (например, **штемпельный налог**, **налог на бумагу, объявления**).

К концу XVII века все столичные газеты обосновались на улице Флит-стрит, недалеко от площади святого Павла в Лондоне, которая издавна была местом сбора новостей.

Развитие английской почты

Первые сведения о доставке корреспонденций из Англии в Шотландию относятся к концу XV века. Во второй половине XVI века, при короле Генрихе VIII, была учреждена должность почтмейстера. Более или менее регулярное почтовое сообщение началось в Англии только в начале XVII века.

Республиканское правительство Кромвеля активно использовало почту в государственных целях. Тогда же была установлен тариф для писем в один пенс — *penny-post*. С 1683 года на оплаченные письма стали ставить треугольный штемпель.

Но подлинное развитие почты началось в Англии только в XVIII веке.

Вопросы для повторения

1. Становление книгопечатания в Англии.
2. Предпосылки возникновения английской печати.
3. Зарождение и развитие цензуры в Англии.
4. Авторитарные законы о печати XV — XVII веков.
5. «Уикли ньюс» — первая английская газета.
6. Судьба первых английских газет.
7. Журналистика Английской революции 1640-х годов.
8. Журналистская деятельность Мэрчмонта Нидхэма.

9. Памфлетная публицистика Английской революции.
10. Джон Мильтон — публицист и памфлетист.
11. «Ареопагитика» Д. Мильтона.
12. Памфлеты Д. Лильберна.
13. Памфлеты и трактаты Дж. Уинстенли.
14. Английская журналистика в эпоху Реставрации монархии.
15. Зарождение лозунга «свобода печати» и английская концепция свободы печати.
16. Билль о правах и журналистика.
17. Развитие английской почты.

Рекомендуемая литература

Беглов С. И. Четвертая власть: Британская модель. М., 2002.

Львов-Рогачевский В. Печать и цензура // История печати. М., 2001. Т. 2.

Матвеев В. А. Империя Флит-стрит (современная пресса Англии). М., 1961.

Новомбергский Н. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати. М., 2001.

Пименова Э. Очерк развития английской журналистики. Периодическая печать на Западе // История печати. М., 2001. Т. 2.

Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.

Сиберт Фред С., Шрам Уилбур, Петерсон Теодор. Четыре теории прессы / Под ред. Я. Н. Засурского. М., 1998.

Трубицына И. В. Памфлетная публицистика английской буржуазной революции XVII века // Вестник МГУ. Серия «Журналистика». 1978. № 4.

Трубицына И. В. Зарождение и развитие английских периодических изданий в XVII веке. М., 1999.

Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. 2-е изд. СПб., 2002.

Шедлинг М. Очерки по истории мировой почты // История печати. М., 2008. Т. 3.

Первоисточники

Лильберн Д. Памфлеты. М., 1937.

Мильтон Д. О свободе печати: Речь к английскому парламенту (Ареопагитика) // История печати. М., 2001.

Уинстенли Дж. Избранные памфлеты. М.; Л., 1950.

Дополнительная литература

Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991.

Павлова Т. А. Милтон. М., 1997.

Павлова Т. А. Уинстэнли. М., 1987.

Самарин Р. М. Творчество Джона Мильтона. М., 1964.

АНГЛИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА XVIII ВЕКА

Развитие прессы в начале XVIII века (Даниель Дефо. Джонатан Свифт. Ричард Стил и Джозеф Аддисон. Генри Филдинг). — Противостояние прессы и парламента. — Становление типологии прессы (Газета «Таймс»). — Развитие английской почты в XVIII веке.

Развитие прессы в начале XVIII века

Вскоре после принятия Билля о правах (1689 г.) в Англии появляется большое количество новых периодических изданий, среди которых особенное место занимает политическая пресса. **11 марта 1702 года** под редакцией Элизабет Маллет начала выходить первая ежедневная газета ***The Daily Courant*** («Дэйли курант» — «Ежедневные вести»). Она печаталась лишь на одной стороне газетного листа, в два столбца. Новости о жизни внутри страны и переведенные из европейских газет материалы о событиях за рубежом публиковались без комментариев. Редакция рассылала газету подписчикам, свернув ее так, чтобы чистая сторона листа была снаружи. На ней писали адрес и фамилию подписчика. Так появился прообраз конверта. В 1835 году «Дэйли курант» слилась с другой ежедневной лондонской газетой — ***The Daily Gazetteer*** («Дэйли газетт»).

Королева Анна (1665–1714 гг., правила с 1702 г.), взойдя на престол, инициировала принятие законов, которые душили прессу не политическими, но экономическими методами. Так, например, был введен штемпельный налог. Сущность его состояла в том, что на каждую страницу газеты ставился штемпель, и сумма налога зависела от количества страниц издания. Поскольку подавляющее большинство газет в то время издавались форматом А-5 (современный тетрадный лист), штемпельный налог лег серьезным бременем на журналистику, едва освободившуюся от притеснений предварительной цензуры.

Впрочем, журналисты и издатели вскоре нашли способ обойти штемпельный налог: газеты значительно увеличили формат, и тем самым уменьшилось количество страниц, а значит, и сумма налога. Количество газет в Англии не уменьшилось, как планировала королева, но, даже наоборот, появились новые газеты.

В то же время парламент, стремясь ограничить сферу деятельности прессы, запрещал журналистам публиковать какую бы то ни было информацию о своей деятельности. Нарушение этого запрета каралось штрафом и даже тюремным заключением.

Тем не менее интерес англичан к политической информации возрастал. Этому способствовали как внутренняя ситуация в стране (политическая борьба вигов и тори), так и война за испанское наследство (1701–1714), которую вела Англия вместе с Голландией, Австрией и Пруссией против Франции и Испании.

К концу царствования Анны в Лондоне выходило 18 газет и журналов общим тиражом около 35 тысяч экземпляров. К середине столетия в стране издавалось уже пять ежедневных газет. Это было немало, но, тем не менее, из-за неграмотности подавляющего большинства англичан журналистика оставалась доступной лишь малому проценту населения.

Свежие экземпляры газет и журналов, а также подшивки старых номеров британских периодических изданий всегда можно было почитать в городских кофейнях, которые работали до глубокой ночи и отличались дешевизной услуг. Кофейни стали местами постоянных встреч интересовавшихся журналистикой завсегдатаев разных уровней дохода и центрами общественно-политических дискуссий.

С начала XVIII века стали различать газеты и журналы, то есть постепенно сложилась типология прессы. Наступил расцвет еженедельных **журналов**. В журналистском сообществе появились яркие, самобытные журналисты и публицисты — Даниель Дефо, Джонатан Свифт, Ричард Стил, Джозеф Аддисон, Генри Филдинг.

Даниель Дефо (1660–1731 гг.), по мнению некоторых историков английской печати, считается родоначальником современной журналистики. Дефо родился в Лондоне в семье торговца, выходца из Фламандии (нынешняя территория Бельгии). Он учился сначала в протестантском пансионе, а затем в духовной академии, которые готовили будущих проповедников. Завершив образование, молодой Дефо занялся проповеднической, торговой и литературной деятельностью. Несколько лет он провел в континентальной Европе.

В 1690 году Дефо начал сотрудничать в газете ***Athenian Mercury*** («Афинеан меркьюри» — «Афинский Меркурий»), которую основал и выпускал до 1697 года его друг Джон Дантон. В этом издании — пожалуй, впервые в мировой журналистике — появилась рубрика вопросов и ответов: любознательные читатели присылали в редакцию вопросы, на которые остроумно и увлекательно отвечал Дефо. Иногда он сам сочинял и письма, и ответы на них.

В 1692 году Дефо обанкротился: принадлежавшие ему торговые суда были потоплены или захвачены французами, с которыми англичане в то время воевали. Несколько лет он работал сборщиком налогов, организатором лотереи.

На рубеже веков Дефо стал широко известен благодаря памфлету *«Опыт о проектах»* (1697), где он предложил правительству проложить дороги, поощрять торговлю, дать возможность женщинам получить образование, выплачивать пенсии, создать систему социального страхования, лечить людей в больницах за счет государства. Таким образом, в «Опыте о проектах» Дефо далеко опередил свое время, предвосхитив многие аспекты социально-экономической политики страны.

Настоящая слава пришла к Дефо после анонимной публикации памфлета «Простейший способ разделаться с диссидентами» (декабрь 1702 г.). С напускной серьезностью и правдоподобным негодованием автор доказывал, что инакомыслящих, или диссидентов, — не согласных с религиозной политикой недавно вступившей на престол королевы Анны, — надо просто уничтожить. Комизм ситуации был в том, что Дефо сам был этим инакомыслящим и что враги Дефо, не поняв сатирического подтекста, сначала приветствовали появление этого памфлета. Когда обман раскрылся, разразился громкий скандал — английские историки считают его самым громким литературным событием XVIII века. Палач по указанию парламента публично сжег конфискованные в типографии экземпляры скандального памфлета.

Сам Дефо был объявлен в розыск. Будучи в подполье, он издал сборник своих произведений, в который включил и «Простейший способ разделаться с диссидентами». Разразился еще более громкий скандал. Дефо вскоре арестовали. Суд приговорил его к позорному столбу — «до тех пор, пока угодно будет королеве» (на самом деле Дефо простоял, зажатый колодками, у позорного столба три дня — с 29 по 31 июля 1703 г.). В эти дни его сторонники распространили по Лондону *«Гимн позорному столбу»*, который Дефо написал накануне в заключении и сумел переправить на волю.

За время полугодичного тюремного заключения Дефо разработал проект нового журнала ***Review*** («Ревью» — «Обозрение»), который выпускал, выйдя на волю, с 1704 по 1713 год. Журнал выходил сначала еженедельно, затем два раза в неделю, а вскоре и через день. Но к 1712 году из-за повышения штемпельного налога пришлось сократить выпуск «Ревью» до двух номеров в неделю. В своем журнале Дефо затрагивал политические вопросы, обсуждал государственные мероприятия, писал статьи против пороков (пьянства, дуэлей, распущенности общества), предлагал реформу нравов. Дефо был не просто издателем и редактором: все материалы в журнал — от корки до корки — он писал сам. Когда ему приходилось уезжать по делам в столицу Шотландии Эдинбург, журнал отправлялся вместе с редактором и, таким образом, на время становился эдинбургским.

Весной 1713 года Дефо в одном из номеров «Ревью» назвал российского царя Петра Первого сибирским медведем. Из-за этого разразился

дипломатический скандал. Дефо принес извинения русскому посольству в Лондоне. Вскоре он попал в тюрьму по обвинению в государственной измене. В июне 1713 года журнал прекратил существование.

«Ревью» выходил с единой нумерацией страниц. Дефо сумел получить государственную дотацию на издание журнала. Всего за девять лет вышло 1300 номеров. С журнала «Ревью» в Англии началась эпоха политической журналистики. Дефо стал зачинателем жанра репортажа. Он первый применил на практике один из основных журналистских принципов, сложившихся к тому времени: «Собака не пожирает собаку, газета не критикует другую газету».

В начале своего творческого пути Дефо был искренним борцом за правду, но впоследствии сделался продажным журналистом. Он неоднократно продавал свое перо партии, которая была у власти, причем не стеснялся этого. За полвека своей литературной и журналистской деятельности Дефо издавал газеты за короля и против него, за вигов против тори и за тори против вигов, против католиков за англикан и против англикан за диссидентов. Один из проектов Дефо положил начало английской разведке. Прославивший его на века роман «Приключения Робинзона Крузо» был написан за два месяца в 1719 году и стал 412-м в списке из более чем пятисот созданных им литературных и публицистических произведений.

Джонатан Свифт. Одним из самых страстных и непримиримых оппонентов Даниеля Дефо был **Джонатан Свифт** (1667–1745 гг.). Он родился в ирландском Дублине в небогатой семье мелкого чиновника, который умер незадолго до рождения сына. Свифт окончил школу и колледж при Дублинском университете, а в 25 лет получил степень магистра в Оксфорде. В 1694 году он принял духовный сан англиканской церкви и был назначен священником в Ирландию. Там Свифт опубликовал свои первые памфлеты, среди которых — «Сказка бочки» (1704), где в пародийном свете показал борьбу католической, англиканской и кальвинистской (пуританской) церквей.

Интересно, что почти все свои произведения Свифт выпускал анонимно или под различными псевдонимами. Тем не менее читатели непременно узнавали его неповторимый стиль. Публицистику Свифта отличали ярко выраженная сатирическая направленность, ироничность, аллегоричность, эзопов язык и в то же время жесткость и бескомпромиссность по отношению к политическим оппонентам. Свифт никогда не опускался в своей публицистике до прямой проповеди, предлагая читателям самим сделать выводы.

Политические симпатии Свифта были сначала на стороне вигов. Но со временем их политика разочаровала его, и он примкнул к тори. С но-

ября 1710 по июнь 1711 года Свифт был редактором партийного еженедельника ***The Examiner*** («Икземинер» — «Обозреватель»). Под непосредственным руководством Свифта вышел 31 номер, с большим количеством его статей, памфлетов и политических стихотворений.

В 1713 году, накануне поражения консерваторов, Свифт уехал в Ирландию, где получил должность настоятеля кафедрального собора святого Патрика в Дублине. До конца жизни с высокой духовной трибуны он вел политическую и публицистическую борьбу за права ирландского народа. Его памфлеты и статьи по актуальным политическим вопросам пользовались неизменной популярностью.

Памфлет Свифта «Письма суконщика» (1724), выпущенный без указания имени автора, призывал к бойкоту английских товаров. Он имел необыкновенный успех и произвел столь сильное возмущение в народе, что парламентский наместник в Ирландии назначил премию тому, кто укажет имя автора. Но никто не выдал Свифта, и Лондону пришлось пойти на серьезные экономические уступки.

После этого Свифт стал в Ирландии национальным героем. Но экономическое давление, тем не менее, продолжалось, ирландцы беднели, и Свифт учредил из личных средств фонд помощи особо нуждающимся, среди которых были как англикане, так и католики. В памфлете *«Скромное предложение»* (1729) Свифт издевательски посоветовал продавать обреченных на голод ирландских детей из бедных семей на мясо, а из их кожи делать перчатки.

Роман «Путешествия Гулливера» (1726), известный сейчас как детская сказка, был изначально злободневным памфлетом, высмеивавшим английскую политику и борьбу партий вигов и тори. Со временем роман, как и большинство других памфлетов Свифта, утратил политическую остроту, но превратился в образец иронической сатиры.

Последние несколько лет жизни Свифт страдал душевным расстройством, а после инсульта потерял речь и память и был признан недееспособным.

Ричард Стил и Джозеф Аддисон. Первая половина XVIII века подарила Англии целую плеяду блестящих публицистов. Кроме Дефо и Свифта, большой популярностью пользовались **Ричард Стил** (1672–1729 гг.) и **Джозеф Аддисон** (1672–1719 гг.).

Ричард Стил родился в обедневшей дворянской семье. В двенадцать лет он был зачислен в престижное учебное заведение — Чартерхаус-скул в Лондоне, где получил классическое образование. Там в 1686 году он познакомился с Джозефом Аддисоном, который происходил из семьи священника. В 1687 году друзья поступили учиться в Оксфорд. Проучившись там семь лет, Стил не достиг, тем не менее, больших успехов и свя-

зал свою дальнейшую карьеру с армией. Аддисон, напротив, успешно окончил университет и аспирантуру, преподавал в Оксфорде (там до сих пор сохранилась аллея его имени), а затем, получив королевский грант, четыре года путешествовал по Европе. С 1704 года он состоял на государственной службе, а в 1708 году был избран в британский парламент.

В апреле 1709 года Стил, ушедший к тому времени в отставку, стал от имени вымышленного редактора издавать сатирический журнал ***The Tatler*** («Тэтлер» — «Болтун»). Столь необычным для того времени названием Стил, по его собственному признанию, стремился привлечь к журналу женщин. «Тэтлер» выходил в свет три раза в неделю до начала 1711 года. От номера к номеру Стил оттачивал перо и нащупывал новые подходы к читателю. В разнообразных сатирических рассказах о лондонской жизни читатели угадывали намеки на реальные события и лица и узнавали скрывавшегося под различными псевдонимами Стила.

Стил создал жанр газетного эссе и предвосхитил жанры газетной передовицы и фельетона. За год и восемь месяцев издания он нажил себе немало врагов. Однажды некий знакомый, встретив Стила в кофейне, выразил приятное удивление оттого, что он еще жив.

Стилу активно помогал Аддисон, опубликовавший в журнале более сорока сатирических очерков. Участие в издании «Тэтлера» принимал и Джонатан Свифт, политические симпатии которого еще совпадали в то время со взглядами Стила и Аддисона.

Вскоре после закрытия «Тэтлера» Стил и Аддисон под псевдонимами стали издавать журнал ***The Spectator*** («Спектэйтор» — «Зритель»). Он выходил шесть раз в неделю и был первым в мире ежедневным журналом. С 1 марта 1711 по 6 декабря 1712 года вышло 555 его номеров. Тираж составлял три тысячи экземпляров, каждый номер читали, по подсчетам Аддисона, в общей сложности около шестидесяти тысяч человек. «Спектэйтор» затрагивал на своих страницах самые разнообразные темы: политические новости, общественные нравы, литературную критику, религию и мораль. В журнале регулярно появлялись и материалы, написанные специально для женщин: например, о воспитании девочек, танцах, моде. Некоторые статьи сопровождались карикатурами.

«Спектэйтор» распространялся не только в Англии, но и далеко за ее пределами. Его тираж достиг фантастической цифры — четырнадцати тысяч экземпляров.

В марте 1713 года Стил и Аддисон стали выпускать журнал ***The Guardian*** («Гардиан» — «Опекун»). Он также пользовался огромным успехом у читателей. Увлекшись политикой, Стил и Аддисон активно поддержали вигов и затеяли жесткую публицистическую полемику с партией тори. Но силы оказались неравны, и осенью того же 1713 года «Гардиан» пришлось закрыть.

В 1714 году творческий союз Стила и Аддисона распался. Аддисон без участия Стила, но при содействии двух помощников возобновил выпуск журнала «Спектэйтор», который теперь выходил дважды в неделю. С 18 июня по 20 декабря 1714 года вышло восемьдесят номеров. Но они уже не пользовались прежним успехом, и Аддисон принял решение окончательно закрыть «Спектэйтор».

Стил в 1713 году был избран в парламент и стал издавать журнал ***The Englishman*** («Инглишмэн» — «Англичанин»). Он выходил три раза в неделю и отличался исключительной смелостью публикаций. Стил, не стесняясь в выражениях, критиковал и царившие в стране политические порядки, и парламент (как журналист, он не имел права на парламентскую неприкосновенность), и даже саму королеву Анну.

Такая смелость не могла быть безнаказанной. В тронной речи 1714 года перед парламентом королева, намекая на журнал Стила, жаловалась на бесчинства печати и просила членов парламента принять меры. В парламенте состоялся суд над Стилом, причем в допросе участвовал Аддисон. Обвиняемый превратил судебное заседание в фарс и в результате был лишен депутатского мандата — единственное наказание, которому подвергся Стил. Этот факт говорит о значительных переменах в английской журналистике и обществе за два десятилетия, прошедшие после принятия Билля о правах и отмены цензуры.

Значение творчества Стила и Аддисона трудно переоценить. Их журналы имели не только непререкаемый авторитет, но и породили десятки новых периодических изданий. На протяжении всего XVIII века издания Стила и Аддисона оставались образцами общественно-публицистических и сатирических журналов. Они неоднократно переиздавались отдельными книгами и были переведены на основные европейские языки. Им подражали не только в Англии, но и в американских колониях, во Франции, Голландии, России. Издания журналов Стила и Аддисона были в домашней библиотеке А. С. Пушкина.

Генри Филдинг. Одним из наиболее удачливых подражателей Стила и Аддисона был выдающийся английский писатель и публицист **Генри Филдинг** (1707–1754 гг.). Он родился в семье генерала-дворянина и получил образование сначала в аристократической школе Итона, а затем в Лейденском университете в Голландии. Вернувшись в Лондон, Филдинг занялся драматургией. За едкую политическую сатиру, звучавшую в комедиях, его отлучили от театра. В 1737 году из-за Филдинга приняли даже специальный закон о театральной цензуре.

В поисках средств к существованию Филдинг стал изучать юриспруденцию и одновременно занялся журналистикой. 15 ноября 1739 года он выпустил первый номер журнала ***The Champion, or The British Mercury*** («Борец, или Британский вестник»). За образец Филдинг взял «Тэтлер»

и «Спектэйтор» Стила и Аддисона. Журнал был связан с парламентской оппозицией, но в то же время Филдинг избегал открытой политической конфронтации.

Внутриполитические конфликты 1745–1746 годов ужесточили политические взгляды Филдинга, которые он проповедовал в журнале ***True Patriot*** («Истинный патриот»), выходившем с 5 ноября 1745 по 17 июня 1746 года и направленном против партии тори, и в ***Jacobite's Journal*** («Журнал якобита»), издававшемся с 5 декабря 1747 по 5 ноября 1748 года[1].

Филдинг был также автором популярных памфлетов на социальные темы. Кроме того, его трудами была фактически создана лондонская полиция.

Противостояние прессы и парламента

Долгое время британский парламент стремился всячески препятствовать свободе прессы. Так, в дополнение к уже существовавшему закону о позорном столбе был принят закон о клевете; с каждого издания стал взиматься штемпельный сбор. Парламент запрещал журналистам писать о том, что происходит в его стенах. Журналист **Эдвард Кейв** (1691–1754 гг.) решил нарушить этот запрет. В январе 1731 года под псевдонимом Сильванус Урбан он начал издавать в Лондоне ежемесячный журнал ***The Gentleman's Magazine*** («Джентльменский журнал»). С 1733 года на его страницах стали в числе прочего регулярно появляться отчеты о парламентских заседаниях, которые готовил журналист Самюэль Джонсон. Чтобы избежать преследований со стороны закона, Кейв публиковал эту информацию лишь после закрытия парламентской сессии, притом под специально созданной в журнале рубрикой «Дебаты в сенате волшебной Лилипутии».

Несмотря на административные взыскания, журнал продолжал выходить (*The Gentleman's Magazine* издавался вплоть до 1922 г.), и его популярность в обществе росла с каждым новым номером. В то же время члены парламента, не желая больше быть объектами насмешек, вынуждены были отказаться от старинной традиции заседать при закрытых дверях.

В 1771 году парламент допустил в свои стены журналистов явочным порядком. Была построена специальная галерея прессы, возвышавшаяся над залом заседаний. Это дало повод философу и депутату Эдмунду Берку сказать с трибуны парламента о том, что в парламенте присутствуют три сословия, но возвышается над ними и правит всеми четвер-

[1] Якобиты, которых поддерживал Филдинг, были приверженцами свергнутого Славной революцией короля Якова II и его потомков Стюартов. В 1715 и 1745 годах якобиты устраивали восстания, но оба раза потерпели поражение.

тое сословие — пресса. С тех пор за прессой прочно закрепилось определение четвертое сословие, или **четвертая власть**.

Допуск журналистов в парламент и снятие старых запретов на публикацию в прессе прений депутатов привели к росту популярности журналистики и расцвету английской печати.

Таким образом, почти весь XVIII век прошел под знаком борьбы за реальное воплощение в жизнь английской концепции свободы печати. Эта борьба увенчалась победой прессы.

Становление типологии прессы

На протяжении всего XVIII века складывалась **типология** британской прессы. Газеты стали делиться на **лондонские**, **национальные**, которые писали о жизни в стране и за границей, и **провинциальные**, сообщавшие о местных событиях. Первые провинциальные газеты появились в городах **Лидс** (***Leads' Intelligent***) и **Йоркшир** (***Yorkshir Post***). В **1781 году** начала выходить первая **воскресная газета *British Gazette and Sunday Monitore*** («Британская газета и воскресное обозрение»). Таким образом, газеты стали разделяться на **ежедневные и воскресные**. В 1706 году с появлением первой столичной вечерней газеты ***The Evening Post*** («Ивнинг пост» — «Вечерняя почта») появилось деление на **утреннюю и вечернюю** прессу.

К концу XVIII столетия газета прочно вошла в жизнь образованной части британского общества. Английская журналистика стала образцом для всей континентальной европейской прессы и вышла по всем основным показателям на первое место в мире.

Газета «Таймс». 1 января 1785 года Джон Уолтер I (1738–1812 гг.) в Лондоне выпустил в свет первый номер ежедневной газеты *The Daily Universal Register*, которая с 1 января 1788 года была переименована в ***Times*** («Таймс» — «Времена»). В редакционной программе, напечатанной в одном из первых номеров, Уолтер сообщал, что его цель — сделать газету похожей на «уставленный яствами стол, на котором каждый мог бы найти то, чем удовлетворить требования своего вкуса».

Несмотря на выраженные симпатии к партии тори, «Таймс» — впервые в английской журналистике — стремилась оставаться независимой. В то время как подавляющее большинство газет представляли исключительно точку зрения своей партии, «Таймс» в первые десятилетия своего существования стремилась быть надпартийной газетой и на своих страницах нередко сравнивала позиции разных политических партий и течений. В ней можно было встретить критику и правительства, и партий.

Кроме того, Уолтер впервые передал прямое руководство газетой главному редактору, работавшему по найму. Его примеру вскоре пос-

ледовали издатели и владельцы подавляющего большинства ведущих британских газет.

Династия Уолтеров — отец, сын, внук, правнук — владела газетой до 1908 года. Сегодня, спустя два с лишним века, «Таймс» продолжает выходить. Она — одна из старейших и авторитетнейших британских газет.

Развитие английской почты в XVIII веке

В начале XVIII века в Англии появились почтовые кареты. 8 августа 1784 года было открыто регулярное почтовое сообщение между Лондоном и столицей Шотландии Эдинбургом. Путь в 560 километров почтовая карета проходила за семь дней. Кучер и кондуктор были вооружены, ибо нападения разбойников были в то время обычным явлением.

К концу столетия появились кареты, где почтовые грузы размещались как внутри, так и снаружи экипажа. В них предусматривались места для шести — десяти пассажиров. Такие кареты в хорошую погоду и на мощеной дороге могли порой развивать скорость до пятнадцати километров в час. Средняя же скорость движения почтовой кареты составляла семь-восемь километров в час.

Вопросы для повторения

1. Особенности развития английской журналистики в XVIII веке.
2. Возникновение политических партий и журналистика.
3. Даниель Дефо — журналист и публицист.
4. Джонатан Свифт — публицист и памфлетист.
5. Ричард Стил — журналист.
6. Джозеф Аддисон — журналист.
7. Сатирическая направленность английской журналистики.
8. Борьба журналистики с парламентом за реальную свободу печати.
9. Журналистика как «четвертое сословие».
10. Становление типологии английской прессы.
11. Газета «Таймс».
12. Развитие английской почты в XVIII веке.

Рекомендуемая литература

Беглов С. И. Четвертая власть: Британская модель. М., 2002.

Лазурский В. Ф. Сатирико-нравоучительные журналы Стила и Аддисона (Из истории английской журналистики XVIII века) // История печати. М., 2008. Т. 3.

Львов-Рогачевский В. Печать и цензура // История печати. М., 2001. Т. 2.

Матвеев В. А. Империя Флит-стрит (современная пресса Англии). М., 1961.

Новомбергский Н. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати. М., 2001.

Пименова Э. Очерк истории развития английской журналистики (Периодическая печать на Западе) // История печати. М., 2001. Т. 2.

Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.

Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. 2-е изд. СПб., 2002.
Шедлинг М. Очерки по истории мировой почты // История печати. М., 2008. Т. 3.

Первоисточники

Англия в памфлете // Английская публицистическая проза начала XVIII века. М., 1987.
Дефо Д. Избранное. М., 1971.
Свифт Дж. Памфлеты. М., 1955.

Дополнительная литература

Муравьев В. Джонатан Свифт. М., 1968.
Урнов М. Дефо. М., 1990.

АМЕРИКАНСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА XVIII ВЕКА

Зарождение книгопечатания. — Первые американские газеты (Бенджамин Франклин). — Первые американские журналы (Томас Пейн). — Декларация независимости. — Публицистика «Федералиста». — Американская концепция печати. — Развитие американской почты.

Зарождение книгопечатания

Долгое время территория, на которой впоследствии возникли Соединенные Штаты Америки, была колонией Англии. В XVII–XVIII веках она состояла из тринадцати будущих штатов и называлась Новая Англия. Соответственно, здесь действовали законы метрополии.

Книгопечатание появилось в Америке в 1638 году, когда в Кембридж (окрестность Бостона, где расположен Гарвардский колледж) из Голландии привезли печатный станок. На начальном этапе книгопечатание носило, в первую очередь, религиозный характер. Пуритане, составлявшие подавляющее большинство жителей Новой Англии, преследовались и в метрополии, и в Голландии.

Первопечатник священник Жозе Гловер умер во время морского путешествия из Европы в Новый свет, и печатные издания в Америке начал выпускать его помощник Стивен Дэй. В 1638 году он издал «Клятву свободного человека» (*The Oath of a Freeman*), которую подписывал каждый совершеннолетний мужчина — житель штата Массачусетс. До наших дней не дошло ни одного экземпляра этой «Клятвы».

Зато сохранилась первая книга, напечатанная в Америке, — «Псалтирь» (1640). Псалмы в ней были переведены американскими священниками с древнееврейского на английский язык. К концу XVII века книгопечатание в американских колониях сосредоточилось в Кембридже, Бостоне, Филадельфии и Нью-Йорке и получило такое распространение, что могло конкурировать с издательскими центрами Англии. Так, по количеству изданных книг в Британской империи Бостон занимал второе место после Лондона.

В XVIII веке американская журналистика в целом носила местный характер. В силу своей удаленности от центров цивилизации того времени и подражательного характера прессы она не оказывала практически никакого влияния на мировую журналистику. В то же время американская печать формировалась в условиях отсутствия предварительной цензуры.

Первые американские газеты

До появления на американской земле периодических изданий единственной формально разрешенной властями газетой была *The London Gazette* — консервативный официоз английского правительства. В то же время жители Новой Англии знали и другие британские газеты и журналы. Так, большой популярностью у американского читателя пользовался, в частности, журнал Ричарда Стила и Джозефа Аддисона *The Spectator* («Зритель»).

Старейшая американская газета ***Public Occurences Both Foreign and Domestick*** («Паблик окkаренсиз боус форин энд доместик» — «Общественные события — иностранные и домашние») вышла в свет в Бостоне **25 сентября 1690 года**. Редактор **Бенджамин Харрис** (1673–1728 гг.), прежде работавший в Англии типографом и журналистом, задумывал ее как ежемесячное новостное издание. Из четырех страниц только три были заполнены информацией. Харрис полагал, что читатели сами будут записывать на свободной странице известные им новости и передавать газеты родственникам и друзьям (один номер газеты читали несколько человек).

Однако колониальная администрация возмутилась, что журналист нарушил закон предварительного лицензирования, выпустив газету без предварительного разрешения, и закрыла ее. Таким образом, первый номер *Public Occurences* оказался и последним, а Харрис вскоре вернулся в Лондон, где стал издавать газету *The London Post* («Ландон пост» — «Лондонская почта»).

Первая же газета, ставшая регулярной, ***The Boston News-Letter*** («Бостон ньюслеттер» — «Бостонские новостные письма») появилась **24 апреля 1704 года**. Бывший британский почтмейстер **Джон Кэмпбелл** (1653–1728 гг.) был и редактором, и издателем, и печатником, и распространителем трех сотен экземпляров тиража этой двухстраничной еженедельной газеты. Он, в отличие от Харриса, купил соответствующую лицензию и перед публикацией каждого номера показывал материалы газеты губернатору. Надпись под названием неизменно сообщала: *Published by Authority* («Публикуется властями»).

Две трети объема *The Boston News-Letter* занимали новости метрополии, перепечатываемые из британских газет, одну треть составляла местная информация, причем Кэмпбелл всегда указывал источник информации. Новости часто приходили с большим опозданием: морской путь из Европы в Нью-Йорк занимал в зависимости от времени года несколько месяцев. Тем не менее газета стоила очень дорого и была доступной лишь городской элите (до жителей сельской местности периодические издания почти никогда не доходили). Считалось хорошим тоном, когда

галантные кавалеры преподносили свежий номер газеты в подарок дамам, за которыми ухаживали[1].

The Boston News-Letter продолжала выходить вплоть до 1776 года, когда с началом Войны за независимость закрылись многие периодические издания.

21 декабря 1719 года в американской журналистике появилась конкуренция: в этот день почтмейстер **Уильям Брукер**, пришедший на смену Кэмпбеллу, начал издание еженедельной газеты ***The Boston Gazette*** («Бостон Газетт» — «Бостонская газета»). Внешним видом и содержанием она была похожа на *The Boston News-Letter* Кэмпбелла, но содержала в себе больше новостей. Газета пользовалась успехом в течение всего XVIII века и закрылась в 1798 году.

В типографии, где издавалась *The Boston Gazette*, работал **Джеймс Франклин** (1697–1735 гг.) — старший брат одного из будущих отцов-основателей США **Бенджамина Франклина** (1706–1790 гг.). Поссорившись с Брукером, Франклин решил создать собственную газету. Так 7 августа 1721 года, меньше чем через два года после основания *The Boston Gazette*, увидел свет первый номер третьей американской газеты — еженедельника ***The New England Courant*** («Нью Ингланд курант» — «Вести Новой Англии»).

Джеймс Франклин, в отличие от Кэмпбелла и Брукера, не имел официальных должностей в колониальных структурах и потому был менее связан в высказывании собственных взглядов. Он находился под большим влиянием творчества Ричарда Стила и Джозефа Аддисона. Именно поэтому в *The New England Courant* прослеживалась четкая сатирическая традиция британских журналов *The Spectator* («Зритель») и *The Guardian* («Опекун»). За едкую критику губернатора штата Массачусетс Франклин летом 1722 года провел месяц в тюрьме. Власти запретили ему дальше издавать газету. Тогда Франклин пошел на хитрость: он изменил выходные данные, записав издателем своего брата Бенджамина. Хитрость удалась: *The New England Courant* выходила еще несколько лет, вплоть до 1727 года.

Вскоре после Бостона газеты стали появляться и в других американских городах. Так, 22 декабря 1719 года **Эндрю Брэдфорд** (1686–1742 гг.) выпустил в Филадельфии первый номер газеты ***The American Weekly Mercury*** («Американ уикли меркьюри» — «Американский еженедельный вестник»). В 1725 году вышла в свет первая газета Нью-Йорка ***The New York Gazette*** («Нью-Йорк Газетт» — «Нью-Йоркская газета»). Ее стал издавать **Уильям Брэдфорд** (1663–1752 гг.) — отец основателя филадельфийской прессы.

---

[1] Об этом см.: *Привалова Е. А.* История американской журналистики XVII–XVIII веков. М., 2009. С. 23.

Первая газета южных колоний — ***The Maryland Gazette*** («Мэриленд Газетт» — «Мэрилендская газета») — появилась в Аннаполисе в 1727 году. Ее основал **Уильям Паркс** (?–1750). Он широко использовал приобретенный в Англии опыт издания провинциальных газет.

Первая в истории Америки вечерняя газета появилась только в **1784 году**, в Филадельфии. Это была ***The Pennsylvanya Evening Post*** («Пенсильвания ивнинг пост» — «Пенсильванская вечерняя почта»).

В середине XVIII века типичная американская газета содержала новости, рекламу, политические статьи, публиковала нравственные очерки, письма читателей редактору, помещала отрывки из книг, памфлетов, стихи, а также обширные перепечатки из английских периодических изданий. Общей отличительной чертой американских газет был эклектизм.

Бенджамин Франклин (1706–1790 гг.) был одним из самых разносторонне образованных и одаренных людей своего века. Он родился в эмигрантской семье выходца из Англии, занимавшегося производством свечей и мыла, и был пятнадцатым ребенком у родителей. Из-за бедности родителей мальчик только два года посещал школу (где за первый год он окончил три класса), а остальные знания приобрел, занимаясь самообразованием.

Сначала Франклин работал подмастерьем у отца, а с тринадцати лет — у старшего брата Джеймса учеником в типографии. Когда Джеймс Франклин стал издавать *The New England Courant*, Бенджамин перешел к нему в газету и начал пробовать себя в журналистике. Эти опыты, несмотря на явное подражание Аддисону, вызвали ревность Джеймса. Тогда младший брат пошел на необычный шаг: в апреле 1722 года он под псевдонимом *Сайленс Дугуд*[1] (его можно перевести примерно как *Молчальница Добродеева*) написал нравоописательный очерк и подбросил его вечером под дверь редакции. Редактор-брат ни о чем не догадался. Опубликованный очерк привлек всеобщее внимание, и с тех пор Бенджамин стал дважды в месяц писать в *The New England Courant* — в течение полугода, до тех пор, пока Джеймс не узнал правду.

После ссоры с братом Бенджамин уехал в Филадельфию, а затем целый год провел в Лондоне. Вернувшись в Америку, Франклин в 1729 году купил в Филадельфии собственную типографию и спустя год, в 1730 году, начал издавать еженедельную ***The Pennsylvanya Gazette*** («Пенсильвания Газетт» — «Пенсильванская газета»). Вскоре она принесла редактору не только большую популярность, но и значительную коммерческую прибыль.

Уже через несколько лет газета стала не только самой читаемой в Америке, но и образцом для новых газет. «Теперь непременным условием успеха нового издания, — пишет Е. А. Привалова, — становилось

[1] По-английски: *Silence Dogood.*

умение сочетать подачу аналитических и развлекательных публикаций, доступный язык и интересный стиль изложения, грамотное расположение материалов на газетной полосе. Все это было новым словом в американской печати и журналистике»[1].

В первой половине XVIII века любой автор мог получить доступ на газетные страницы за определенную плату. Такая практика у многих вызывала протест. Однако Франклин в памфлете *«Апология печатника»*, опубликованном в *The Pennsylvanya Gazette* 10 июня 1731 года, отстаивал право своих коллег предоставлять место в газете всем авторам независимо от их взглядов: лишь бы они платили деньги. В то же время, отстаивая принципы свободы печати и выступая против предварительной цензуры, Франклин писал, что сам ни при каких условиях не публиковал безнравственные и клеветнические материалы.

Франклин оставался редактором *The Pennsylvanya Gazette* до 1748 года, но и при его преемниках газета продолжала пользоваться успехом. Она выходила вплоть до 1821 года.

В 1741 году Франклин, будучи почтмейстером Пенсильвании, основал первый в Новой Англии журнал — ***The General Magazine*** («Дженерал мэгезин, или Всеобщий журнал и историческая хроника событий в британских поселениях в Америке»). Но журнал Франклина не разделил успех его газеты: после шести месяцев выхода в свет он прекратил существование.

Бенджамин Франклин был не только журналистом и публицистом. Его по праву можно назвать одним из отцов-основателей США и первым американским просветителем. В 1731 году он создал первую в Америке публичную библиотеку, в 1743 году — Американское философское общество, в 1751 году — Филадельфийскую академию, на базе которой в том же году открылся Пенсильванский университет. Франклин был одним из авторов конституции США, принятой в 1787 году и существующей по сей день. Он также известен как ученый, изобретатель громоотвода. Знаменитый афоризм «Время — деньги» также принадлежит Франклину. Его портрет украшает стодолларовую купюру США.

Первые американские журналы

Первые американские журналы создавались в подражание английским, но, в отличие от Англии, из-за своей безликости и массового плагиата долгое время не имели успеха у читателей и быстро закрывались. Так, *The American Journal*, или «Ежемесячный обзор политического состояния Британских колоний», филадельфийских издателей Эндрю Брэдфорда и Джона Уэбба просуществовал в 1741 году лишь три месяца. Уже упоминавшийся *The General Magazine* Бенджамина Франклина закрылся через полгода издания.

---

[1] *Привалова Е. А.* Указ. соч. С. 33.

Томас Пейн. Выдающийся американский публицист Томас Пейн (1737–1809 гг.) родился в провинциальном английском городке в семье корсетного мастера — члена религиозной секты квакеров. В ранней юности он дважды сбегал из дома, работал матросом на пиратском корабле, а вернувшись в Англию, занимался самообразованием и зарабатывал на жизнь случайными приработками. К тридцати семи годам Пейн не имел ни академического образования, ни специальности, ни работы, ни семьи (его первая жена умерла, со второй он развелся).

В 1774 году Пейн случайно встретился с Бенджамином Франклином, который проникся сочувствием к новому знакомому и дал ему рекомендательное письмо в Филадельфию.

Пейн приехал в Америку накануне Войны за независимость (1776–1783) и, почувствовав общественный интерес к новостям, решил стать журналистом. Он устроился в журнал ***The Pennsylvanya Magazine*** («Пенсильвания мэгезин» — «Пенсильванский журнал») и в 1775 году стал его редактором. Всего за три месяца Пейн довел тираж с 600 до 1500 экземпляров, что было невероятным успехом. Он сам писал в журнал патриотические статьи, заметки, стихотворения, выступал по актуальным социально-политическим вопросам. Например, в одном из памфлетов Пейн предлагал отменить рабство и обеспечить освобожденных негров землей и достойной работой. Много внимания уделял *Pennsylvanya Magazine* и материалам неполитического характера, например вопросам брака. Так, Пейн опубликовал в рубрике «Старый холостяк» статью «Письмо о женском поле».

Особую известность Пейн получил в годы Войны за независимость. В памфлете *«Здравый смысл»* (1776), ясно и доступно внушая идею об абсолютной необходимости свободы, он впервые сформулировал призыв к независимости американских колоний и войне против Англии и в общих чертах обрисовал план создания нового государства. Памфлет Пейна разошелся по Америке огромным даже по сегодняшним меркам тиражом — около 500 тысяч экземпляров, вызвал большую полемику: многие, соглашаясь в целом с идеями Пейна, критиковали его за излишний радикализм.

С началом Войны за независимость Пейн стал адъютантом главнокомандующего американскими войсками Джорджа Вашингтона (1732–1799 гг.). В самый критический момент войны, когда американская армия оставила Нью-Йорк и была на грани поражения, Вашингтон попросил Пейна срочно написать памфлет, чтобы поднять дух деморализованных воинов и внушить им ненависть к врагу. Памфлет был написан у костра на барабане и зачитан солдатам перед атакой. Он стал первым из тринадцати созданных за годы войны памфлетов под общим названием *«Американский кризис»*. Все они публиковались в *The Pennsylvanya Journal*. По приказу Вашингтона их зачитывали солдатам

перед строем. Каждый из этих памфлетов Пейн подписывал псевдонимом *Здравый смысл*. Именно в «Американском кризисе» он впервые предложил название будущего независимого государства — Соединенные Штаты Америки.

Памфлеты Пейна имеют следующие особенности: черно-белые краски, резкие, безапелляционные выпады против оппонентов; декларативность; форма изложения подразумевает активного слушателя, собеседника, оппонента; обращение к «здравому смыслу»; простота, убедительность, искренность. В них использовались различные приемы эмоционального воздействия на читателей и слушателей, в частности элементы острой сатиры.

Популярности придавало памфлетам Пейна и то обстоятельство, что их автор, не будучи американцем по рождению и не принадлежа ни к каким группировкам, оставался над партийной борьбой. Памфлеты Пейна, отмечает Е. А. Привалова, «стали поистине образцами революционной публицистики и навсегда вошли в историю американской журналистики»[1].

После войны Пейн пытался заняться наукой и разработал проект железного моста. Не сумев внедрить свое изобретение в Америке, Пейн уехал в Англию, где мост по его проекту все же был построен. А оттуда, желая избежать уголовной ответственности за клевету, бежал в 1789 году в охваченную революцией Францию. Там он писал в газету «Республиканец», избирался в конвент (парламент), участвовал в написании Декларации прав человека и гражданина. Пейн считал, что революционные события в США и Франции — начало всемирного освобождения народов, и предлагал Наполеону возглавить военный поход на Англию с целью ускорения там революции.

В памфлете «Права человека» (1791–1792) Пейн встал на защиту революции и высказался по мировоззренческим проблемам. Когда конвент решал судьбу короля Людовика XVI, Пейн высказался против его казни и предложил отправить монарха в США, чтобы, увидев жизнь освобожденной молодой страны, он проникся республиканскими идеями. В 1793 году Пейн был арестован. Американский посол в Париже не заступился за своего знаменитого соотечественника, и Пейн лишь по счастливой случайности избежал смертной казни. Выйдя на свободу, он выступил в печати с циклом памфлетов против Джорджа Вашингтона, который стал первым президентом США. Пейн обвинял его в предательстве старого соратника и изображал национального героя Америки бездарным полководцем, лицемером, трусом и покровителем коррупции.

Разразившийся в Америке громкий скандал усилился после выхода в свет написанного во Франции трактата Пейна «Век разума» (1794), в котором автор касался вопросов религии, церкви, морали. Пейн резко

[1] *Привалова Е. А.* Указ. соч. С. 72.

критиковал институт церкви и призывал искать мудрости не в церкви, а у природы. «Мой собственный ум — моя церковь», — заявлял Пейн и, исполненный веры в познаваемость вселенной, обрушился с критикой на Священное Писание. Пейн с присущей ему безапелляционностью и богохульством силился доказать абсурдность, нелепость и безнравственность многих текстов Ветхого и особенно Нового Завета. Пейн отрицал богочеловечность Христа и считал Его лишь исторической личностью, революционером и реформатором. Христианство признавалось Пейном, главным образом, как полезный источник правил поведения.

«Век разума» настолько возмутил американских читателей, что Пейн, возвратившись в Америку в 1802 году, оказался в одиночестве и умер в бедности. Его как богоотступника запретили хоронить на церковном кладбище.

Декларация независимости

Первым документом, заложившим основы независимости США, стала *Декларация независимости*. Ее автор **Томас Джефферсон** (1743–1826 гг.) был известным в Америке философом, мыслителем и политическим деятелем. В 1801–1809 годах он был президентом США, третьим после Джорджа Вашингтона и Джона Адамса. В 1776 году Джефферсон за семнадцать дней написал «Декларацию представителей США, собравшихся на общий конгресс». 4 июля того же года Конгресс утвердил Декларацию. Этот день стал национальным праздником — Днем независимости США.

Декларация независимости представляет собой синтез яркого политического памфлета, философского трактата, исторического труда и манифеста. Она проникнута искренней верой в возможность создания разумного общества на принципиально новой, республиканской основе, где гарантировалось бы не только равенство, но и процветание каждого гражданина. Декларация ограничивала власть государства, выступала против любых форм насилия над личностью и тем самым была уникальным для XVIII века государственным документом.

Джефферсон искренне выступал за отмену рабства, чем отталкивал от себя многих сторонников. Освобожденных рабов он предлагал вывезти на историческую родину, чтобы они не смешивались с белым населением. Но, выступая против рабства, Джефферсон сам был плантатором-рабовладельцем, хозяином около двухсот чернокожих рабов (из которых он предоставил свободу только двоим). Пример Джефферсона показывает типичное для той эпохи расхождение идеалов с реальной жизнью.

Публицистика «Федералиста»

Проект конституции США, подготовленный в 1787 году, вызвал широкую общественную дискуссию. Полемика шла в основном по вопросу о государственном устройстве страны. Представители северных

штатов, федералисты, настаивали на федеративной системе, которая предусматривала сильное централизованное государство. Им оппонировали политики из южных штатов, антифедералисты: они выступали за конфедерацию: слабый центр и сильные окраины.

В начале октября 1787 года антифедералисты, вдохновляемые Томасом Джефферсоном, начали публикацию серии пропагандистских памфлетов в газетах Филадельфии и Нью-Йорка с призывом не принимать конституцию. Тогда соратники убежденного федералиста Джорджа Вашингтона **Александр Гамильтон** (1757–1804 гг.), **Джеймс Мэдисон** (1751–1836 гг.) и **Джон Джей** (1745–1829 гг.) решили дать отпор политическим противникам. **С 27 октября 1787 по 22 мая 1788 года** они опубликовали в нью-йоркских газетах ***The Independent Journal*** («Индепендент джорнэл» — «Независимая газета»), ***The New York Packet*** («Нью-Йорк пэкет» — «Нью-йоркский пакет») и ***The Daily Advertiser*** («Дейли эдвертайзер» — «Ежедневное объявление») под античным псевдонимом *Публий* 85 статей в защиту конституции. Эти статьи составили сборник **«Федералист»** (или «Записки федералиста»).

Идея выпуска «Федералиста» с целью убедить жителей штата Нью-Йорк принять новую конституцию родилась у Гамильтона — яркого публициста, одного из виднейших участников Войны за независимость и отцов-основателей США. Из-под его пера вышла 51 статья «Федералиста». К работе Гамильтон привлек публициста Мэдисона, написавшего 29 статей, и юриста Джея, который стал автором пяти статей. Авторы писали по четыре статьи в неделю.

Статьи Публия уже с первых номеров получили такую известность, что предприимчивые издатели начали составлять их в отдельные сборники, когда авторы «Федералиста» еще были в самой середине творческого пути. Эти публикации стали читать не только в штате Нью-Йорк, но практически по всей стране.

Напряженная работа Гамильтона, Мэдисона и Джея увенчалась успехом. 27 июля 1788 года конвент штата Нью-Йорк ратифицировал Конституцию США большинством в три голоса, а федералисты на выборах 1789 года получили большинство голосов в Конгрессе и заняли ключевые посты в американском правительстве.

Роль и значение «Федералиста» в американской журналистике не свелись лишь к ратификации Конституции США штатом Нью-Йорк. Статьи Публия стали, по сути, самым глубоким за всю историю комментарием к американской конституции.

Американская концепция печати

В первое послевоенное десятилетие сформировалась **американская концепция свободы печати**. В ее основание легла **Первая поправка к Конституции США 1787 года —** одна из десяти поправок, принятых **21 декабря 1791 года** и прозванных американским Биллем о правах. Идея

принятия поправок принадлежала Томасу Джефферсону, а написал их Джеймс Мэдисон, который к тому времени разошелся в политических взглядах с Александром Гамильтоном.

Первая поправка гласит: *«Конгресс не будет издавать законов, ограничивающих свободу слова, или печати, или права народа мирно собираться»*. Отличительные особенности американской концепции свободы печати следующие:

— полное отделение печати от государства, печать и государство независимы друг от друга;
— государство не может иметь свою прессу;
— впервые законодательно утверждается **свобода печати**;
— концепция рассчитана на индивидуальную свободу.

Защищенность от контроля со стороны федерального правительства, продекларированная в Первой поправке, означала на практике, что любой человек, вне зависимости от его финансового положения, политических и религиозных убеждений, мог публиковать что угодно. Журналистика, таким образом, становилась частным предприятием, никак не зависящим от государства.

Права и свободы, приобретенные американской печатью в конце XVIII века, начали воплощаться в жизнь без серьезных препятствий со стороны государства. Лишь однажды власть пыталась помешать распространению лишь недавно продекларированных принципов. Так, принятый в 1798 году федералистами закон о подстрекательстве к мятежу на самом деле был направлен против оппозиционной республиканской партии. Он ограничивал свободу слова и печати и тем самым вступал в противоречие с Первой поправкой. Избранный в 1800 году президентом США Томас Джефферсон отменил этот закон.

Развитие американской концепции печати привело к процветанию американской журналистики в последующие столетия.

Развитие американской почты

Вплоть до Войны за независимость почта в американских колониях состояла в подчинении генерального почтамта в Лондоне. Созданная в 1710 году английской королевой Анной новая организация почты предусматривала учреждение в Нью-Йорке почтовой конторы — первой на американском континенте.

Почтовое сообщение между Англией и Америкой осуществлялось через Атлантический океан парусными судами, на которых устанавливались пушки для защиты от пиратов. Если пираты все же захватывали корабль, экипаж должен был выбрасывать всю почту за борт, в океан. При самом благоприятном направлении ветра почтовые суда могли пересекать Атлантику за две недели. Впрочем, почтовые работники считали удачей, если им удавалось пройти путь из Европы в Америку за месяц.

В самих американских колониях, в каждом из тринадцати штатов, существовала должность почтмейстера. Кроме того, лондонский генеральный почтамт утверждал и главного почтмейстера Новой Англии. С 1753 по 1774 год эту должность занимал Бенджамин Франклин, который до этого в течение шестнадцати лет был почтмейстером Пенсильвании.

Вопросы для повторения

1. Зарождение и развитие журналистики в английских колониях Америки.
2. Первые американские газеты.
3. Первые американские журналы.
4. Публицистика основателей США.
5. Б. Франклин — публицист и журналист.
6. Особенности журналистики и публицистики США XVIII века.
7. Жизненный, творческий и духовный путь Т. Пейна.
8. Т. Пейн — публицист.
9. Т. Джефферсон и Декларация независимости.
10. Публицистика «Федералиста».
11. А. Гамильтон — публицист.
12. Дж. Мэдисон — публицист.
13. Зарождение и особенности американской концепции свободы печати.
14. Американская почта в XVII — XVIII веках.

Рекомендуемая литература

Живейнов Н. И. Капиталистическая пресса США. М., 1956.

Иванян Э. А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. Белый дом и пресса. М., 1993.

История литературы США / Под ред. проф. Я. Н. Засурского. М., 1997. Т. 1.

Привалова Е. А. История американской журналистики XVII–XVIII веков. М., 2009.

Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.

Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. 2-е изд. СПб., 2002.

Шедлинг М. Очерки по истории мировой почты // История печати. М., 2008. Т. 3.

Первоисточники

Пейн Т. Избр. соч. М., 1959.

«Федералист»: Политические эссе А. Гамильтона, Д. Мэдисона, Дж. Джея. М., 1993.

Франклин В. Автобиография. Памфлеты. М., 1987.

Дополнительная литература

Гиленсон Б. А. История литературы США. М., 2003.

Сборник документов по истории нового времени стран Европы и Америки (1640–1870 гг.). М., 1990.

ПЕЧАТЬ И ПУБЛИЦИСТЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1789–1794)

Французская журналистика в дореволюционный период. — Французские просветители. — Оноре Мирабо. — Зарождение французской концепции печати. — Свобода печати в годы революции. — Ведущие газеты и публицисты революции (Элизе Лустало. Жан Рене Эбер. Камиль Демулен. Жан Поль Марат). — Журналистика Директории (Гракх Бабеф). — Развитие почты в XVIII веке.

Французская журналистика в дореволюционный период

Рост периодической печати во Франции в XVIII веке совершался весьма медленно. Это объясняется не только малограмотностью населения, но и жестокими цензурными ограничениями. Первый цензурный кодекс 1723 года запрещал как печать, направленную против короля, государства и религии, так и вообще любую бесцензурную прессу.

Законодательно введенная еще в XVI веке смертная казнь подтверждалась королевской декларацией 1757 года. Высшая мера наказания распространялась в том числе и на тех, «кто будет изобличен в составлении и печатании сочинений, заключающих в себе нападки на религию или клонящихся к возбуждению умов, оскорблению королевской власти и колебанию порядка и спокойствия государства».

Правительственным официозом оставалась основанная Теофрастом Ренодо в 1631 году *La Gazette de France* («Ля Газетт де Франс» — «Газета Франции»). Ее тираж неизменно увеличивался: в 1750 году он составлял около 7800 экземпляров, а к 1780 году достиг 12 000. Правительство зорко следило за распространением газеты в регионах, куда отправлялось до 80 процентов тиража.

С 1 января 1777 года в Париже стала издаваться первая в истории страны ежедневная газета *Journal de Paris* («Журналь де Пари» — «Газета Парижа»). Редактор Антуан-Алексис Каде-де-Во (1743–1828 гг.) сознательно не публиковал на ее страницах собственные материалы политического характера: монополией на такую информацию обладала лишь *La Gazette de France*. Позднее, в апреле 1792 года, на ежедневный режим выпуска перешла и эта правительственная газета.

Накануне революции, в 1788 году, в стране издавалось всего шестьдесят газет. За печатью следили 119 цензоров; их число возросло за полвека в полтора раза.

Французские просветители

В XVIII веке большим авторитетом пользовались выдающиеся деятели французского Просвещения **Франсуа-Мари Аруэ Вольтер** (1694–1778 гг.), **Шарль Луи де Монтескье** (1698–1755 гг.), **Жан-Жак Руссо** (1712–1778 гг.), **Дени Дидро** (1713–1784 гг.). Просветители подвергали устной и письменной критике все исторически сложившиеся и много веков существовавшие формы и отношения с точки зрения разумных и естественных, на их взгляд, начал: религию, право, государство, экономику. Их политическим идеалом был просвещенный абсолютизм. Они искренне верили в торжество разума и считали, что знания освободят человечество от тирании власти и религиозных предрассудков. Свобода печати в представлении просветителей — естественное право человека, основа его личной свободы.

В течение тридцати лет, с 1751 по 1780 год, просветители работали над изданием **Энциклопедии**, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел. Этот фундаментальный труд выходил под общей редакцией Дидро, который собрал более шестидесяти штатных сотрудников. В тридцати пяти томах Энциклопедии содержалось 60 тысяч статей.

Деятельность просветителей и энциклопедистов предвосхитила Французскую революцию. Многие их идеи легли в основу Декларации прав человека и гражданина и оказали огромное влияние на революционную журналистику.

Оноре Мирабо. Свобода печати осуществилась во Франции без длительной борьбы, накануне назревавшей революции. Предварительная цензура была отменена, и 4 мая 1789 года, накануне открытия французского парламента — Генеральных штатов — граф **Оноре Габриель Мирабо** (1749–1791 гг.) в Версале начал выпускать газету ***Journal des Etats généraux*** («Газета Генеральных штатов»).

Мирабо родился в знатной семье. Физические недостатки (кривая от рождения нога, следы оспы на лице) не мешали ему в молодости проводить разгульную, беспорядочную жизнь. В 1776 году за похищение жены влиятельного маркиза он был арестован и приговорен к смерти, но через три года вышел на свободу и занялся публицистикой и риторикой. «Газета Генеральных штатов» — его первый опыт в журналистике. Цель Мирабо — убедить соотечественников принять для Франции английскую модель развития общества: ограничить власть короля, передать реальную власть министрам, назначая их из числа депутатов.

После скорого запрета газеты за нападки на министров Мирабо сразу же основал новую газету — ***Lettres a mes commettants*** («Письма к моим доверителям»), а когда запретили и ее, — газету ***Courrier de Provence*** («Курьер Прованса»). Фактически это была одна и та же газета с разными

названиями. И король Людовик XVI пошел на уступки: 19 мая 1789 года он подписал указ о политической свободе газет.

В первые месяцы и годы революции Мирабо публиковал страстные памфлеты в защиту нового порядка, выступал с яркими речами — его талант оратора имел исключительную силу. Мирабо написал **Декларацию прав человека и гражданина**, считая ее первой главой будущей конституции свободной Франции. Эта Декларация легла в основу французского конституционного права. В сегодняшней Французской республике она является юридически обязательным документом, нарушение которого приравнено к неконституционности.

С развитием революции взгляды Мирабо становились все более консервативными. Выступая с обличительными речами против Людовика XVI, он стремился отвести от себя подозрения в измене и поднять пошатнувшуюся популярность. И только спустя год после его неожиданной смерти выяснилось, что он был тайным агентом короля в стане революционеров.

Зарождение французской концепции печати

Фактическая свобода печати вскоре была оформлена законодательно. **24 августа 1789 года** Национальное учредительное собрание приняло **Декларацию прав человека и гражданина**. Ее **одиннадцатая статья** гласит: *«Свободное выражение мыслей и мнений является одним из драгоценнейших прав человека. Каждый гражданин вправе, следовательно, свободно говорить, писать и печатать, отвечая за злоупотребления этой свободой лишь в случаях, предусмотренных законами»*.

Так начала складываться **французская концепция свободы печати**. Ее становление проходило болезненно: почти целое столетие после принятия Декларации шла борьба за реальное воплощение в жизнь ее принципов. Свобода печати, провозглашенная в 1789 году и подтвержденная декретом законодательного собрания в 1791 году, была отменена в 1800 году Наполеоном. Впоследствии свобода печати вновь неоднократно декларировалась и отменялась и, наконец, 29 июля 1881 года окончательно утвердилась в Законе о печати — одном из наиболее ярких законов в истории мировой журналистики, который в целом действует и сегодня.

Особенности французской концепции свободы печати в следующем:

— бóльшая, в сравнении с английской и тем более американской концепцией, роль государства в журналистике;
— журналистика регламентируется (но не управляется!) законодательством;
— впервые появляется выражение **права человека**.

Французскую концепцию печати часто называют европейской концепцией, потому что большинство стран Европы пошли во взаимоот-

ношениях с прессой по французскому пути, приняв у себя соответствующие законы о печати.

Свобода печати в годы революции

В первые годы революции (1789–1791) свобода печати была безграничной. Часто журналисты — как ультрареволюционеры, так и сторонники монархии — открыто призывали в своих газетах к насилию, убийствам, погромам. В 1789 году возникло 250 периодических изданий, а к 1791 году выходило уже более пятисот газет разной направленности.

С наступлением якобинского террора свобода печати, несмотря на декларирование в конституции 1793 года, стала наказываться гильотиной. В марте 1793 года Конвент дал право казнить каждого, кто будет «изобличен в составлении и печатании сочинений, которые провозглашают восстановление во Франции королевской власти или роспуск Национального Конвента».

Закон от 17 сентября 1793 года «О подозрительных» предусматривал беспощадно истреблять всех, кто каким бы то ни было способом показывал себя «партизаном тирании или федерализма и врагом свободы». Эти акты давали широкую возможность расправляться с личными врагами. На эшафоте погибла масса журналистов, представлявших все политические течения. Господство кровавой революционной диктатуры кончилось 27 июля 1794 года, когда был арестован и казнен ее глава **Максимилиан Робеспьер** (1758–1794 гг.).

Ведущие газеты и публицисты революции

В годы революции наибольшей популярностью пользовались газеты, выходившие под редакцией или при непосредственном участии главных деятелей революции, таких как Жан Поль Марат, Камиль Демулен, Максимилиан Робеспьер и др.

Элизе Лустало. Одним из первых был **Элизе Лустало** (1762–1790 гг.). Он получил юридическое образование и работал адвокатом в Бордо. Революция застала его в Париже. В день взятия Бастилии, 14 июля 1789 года, Лустало выпустил первый номер еженедельника ***Les Revolutions de Paris*** («Парижские революции»). Эпиграф к нему гласил: «Сильные мира сего кажутся нам великими только потому, что мы стоим на коленях. Так поднимемся же!»

Журнал объемом от 40 до 60 страниц выходил по воскресеньям и пользовался неизменным успехом у читателей. Уже после смерти Лустало современники назвали его журнал энциклопедией французской революции.

Жан Рене Эбер (1757–1794 гг.) приехал в Париж в юности и сразу же оказался среди низших слоев общества и вскоре досконально изу-

чил жизнь столичной бедноты. Революция привела его в стан левых якобинцев — сторонников радикального хода событий.

1 сентября 1790 года Эбер стал выпускать газету ***Le Père Duchesne*** («Папаша Дюшен»), названную по имени фольклорного персонажа — торговца и любителя выяснять отношения. Газета выходила три раза в неделю и была адресована низшим слоям населения, о художественных предпочтениях которых Эбер знал не понаслышке: безработных, бедняков, маргиналов. Всего за три с половиной года увидело свет 385 номеров.

Эбер умел руководить толпой и считал необходимым опускаться в своей публицистике до уровня самого невзыскательного читателя. «Я понимаю по-латыни, но говорю с читателями на их языке», — говорил Эбер. Его газету называли наиболее самобытным изданием революции.

Редкий для XVIII века факт: в 1792 году революционное правительство выделило деньги на печатание части тиража «Папаши Дюшена» для распространения газеты среди солдат, сражавшихся в то время с врагами Франции.

За страстные выступления против произвола якобинской диктатуры Эбер был казнен. Последний номер «Папаши Дюшена» он издал 13 марта 1794 года, за одиннадцать дней до казни.

Популярность журналистского творчества Эбера была велика не только среди современников, но и потомков. Газеты под названием «Папаша Дюшен» возникали в ходе революций 1830 и 1848 годов, а также в дни Парижской коммуны (1871) и тоже пользовались успехом.

Камиль Демулен. Правый якобинец дантонист Люси Семплис **Камиль Бенуа Демулен** (1760–1794 гг.) получил образование в парижском коллеже, где учился вместе с Робеспьером, и несколько лет работал адвокатом.

12 июля 1789 года Демулен обратился с пламенной речью к толпе, призывая ее взять в руки оружие. Спустя два дня эта толпа штурмовала Бастилию.

Ораторское искусство Демулен удачно сочетал с письменной публицистикой. Сначала он работал в газетах графа Мирабо, а с сентября 1789 по июль 1791 года издавал собственный журнал ***Les Révolutions de France et de Brabant*** («Революции Франции и Брабанта»). По сути, журнал представлял собою цикл страстных, зажигательных памфлетов по злободневным вопросам. «Сегодня во Франции журналист сам себе и консул, и диктатор», — писал Демулен. Он не останавливался перед клеветой, если этого требовала революционная необходимость. Так, в памфлете «Фрагмент истории революции» Демулен оклеветал своих политических противников — жирондистов и тем самым способствовал их казни на гильотине.

В декабре 1793 года Демулен приступил к изданию журнала ***Le Vieux Cordelier*** («Старый кордельер»), в котором осмелился призывать к ос-

лаблению революционного террора и отмене системы принудительной таксации цен и зарплаты. За это его арестовали и казнили.

Жан Поль Марат. Самый известный журналист эпохи революции — Жан Поль Марат (1743–1793 гг.). Он родился в городке Будри на границе Швейцарии с Францией. Окончив школу, в 16 лет он ушел из родительского дома и много лет скитался по Европе, зарабатывая на жизнь преподаванием иностранных языков и медицинской практикой. Пытаясь найти себя, Марат добивался известности всеми возможными способами: писал сентиментальный роман, философский трактат, занимался естественными науками, стремился найти «электрическую жидкость» и доказать, что резина проводит электричество.

Однако популярность никак не приходила к Марату. Более того, Вольтер и Дидро, прочитав его трактат, назвали его философским курьезом, а его автора — чудаком и арлекином. При демонстрации опыта о проводимости резиной электричества было замечено, что Марат спрятал в резине металлическую иголку.

Но Марат не сдавался: он анонимно публиковал в прессе хвалебные отзывы о собственных «открытиях», публично пытался развенчать научные авторитеты: Декарта, Ньютона, Лапласа, Д'Аламбера, Лавуазье. Впрочем, некоторые исследования Марата о природе огня были замечены. Бенджамин Франклин, будучи в Париже на дипломатической работе, переписывался с Маратом и в 1782 году присутствовал при некоторых его опытах. Однако неизвестно, какое впечатление произвели они на Франклина.

В 1774 году Марат издал в Лондоне на английском языке трактат «Цепи рабства», где утверждал, что «спасением народов является революция», и призывал к свержению власти насильственным путем. В Париже «Цепи рабства» были выпущены только во время революции, в 1792 году.

От переутомления и нужды Марат заболел тяжелой нервной болезнью, и только начавшаяся революция вернула ему надежду и жизнь. Он принялся с неистовой энергией разрушать старый порядок. 12 сентября 1789 года Марат выпустил первый номер газеты *Publiciste parisien* («Парижский публицист»), которую вскоре переименовал в ***L'Ami du peuple ou Publiciste parisien*** («Друг народа, или Парижский публицист»). С сентября 1792 года название изменилось: «Газета Французской республики, издаваемая Маратом, другом народа». Слова «друг народа» из названия превратились в псевдоним ее автора. Газета стала основным делом жизни Марата. С первых номеров она не имела себе равных в яростных призывах к самым крутым мерам против «врагов свободы». В число этих врагов Марат постепенно включал не только короля и его окружение, но и большинство крупнейших деятелей революции.

Лейтмотив брошюр, статей и памфлетов Марата, написанных после начала революции, — призыв к насилию и террору. «...Пусть наши

враги восторжествуют на момент — и кровь польется ручьями, — писал он в июле 1790 года в статье "Мы погибли!". — Они будут безжалостно душить вас; они будут распарывать животы ваших жен и, чтобы навеки погасить в вас любовь к свободе, их кровавые руки будут искать сердца во внутренностях ваших детей».

Обвинения Марата носили исключительно политический характер, ходя иногда звучали чудовищно, поскольку изменниками назывались самые авторитетные политики революции. За это Марат неоднократно подвергался преследованиям. Несколько раз он переходил на нелегальное положение, даже убегал в Англию, и издание «Друга народа» прерывалось. Но, возвращаясь, Марат возобновлял газету и усиливал обличительный пафос публикаций.

«Друг народа» способствовал распространению среди французов крайнего революционного фанатизма. Но, резко и беспощадно критикуя врагов, Марат в то же время не позволял себе сквернословия и цинизма, как это делали некоторые его коллеги, например Эбер.

Публицистика Марата очень эмоциональна, однако по содержанию однообразна, большинство его статей написаны по одной и той же схеме.

Несомненен вклад Марата в разработку теории печати. В этом плане важны такие его работы, как «Цепи рабства», *«Дар Отечеству»* (1789). Дополнение к «Дару Отечеству» — «Основа уголовного законодательства» — представляет собою целую программу развития печати.

В сентябре 1792 года Марат был избран депутатом Конвента. Его пламенные речи с требованиями казни врагов народа не оставляли равнодушными никого. Один депутат, например, предложил даже мыть трибуну после того, как с нее выступал Марат, поливавший грязью своих политических противников.

Марат был убит террористкой Шарлоттой Кордэ во время приема лечебной ванны. Вскоре Конвент объявил Марата «мучеником свободы» и переименовал в его память город Гавр. В честь него воздвигались алтари, парижский район Монмартр переименовали в Монмарат.

Журналистика Директории

После поражения революции в годы правления Директории (1794–1799) свобода печати была закреплена в **конституции 1795 года**, но, как и прежде, осталась пустой декларацией. По ограничительному закону от **17 апреля 1796 года** ни одно издание не могло выйти без обозначения на нем имени и адреса типографщика и автора. За нарушение закона предусматривалась тюрьма и ссылка. В 1797 году был принят закон о смертной казни для всех, кто выступит за восстановление старых порядков.

Всего в годы Директории было закрыто 42 газеты, из Парижа в дальние провинции высланы 45 издателей и редакторов.

В 1799 году в Париже выходило 73 газеты. Окончательно свободу печати во Франции упразднил Наполеон Бонапарт указом от **27 нивоза VIII года (17 января 1800 года)**, когда были закрыты шестьдесят парижских газет.

Гракх Бабеф. Из публицистов эпохи Директории наиболее известен Франсуа-Ноэл Бабеф (1760–1797 гг.) — коммунист-утопист, взявший псевдоним **Гракх** в честь одного из деятелей Рима. В годы революции Бабеф решительно выступал против абсолютно всех правительств — как монархических, так и якобинских. В 1795 году он организовал тайную организацию «Во имя равенства», с помощью которой собирался совершить переворот, установить очередную революционную диктатуру и основать коммунистическое общество.

Для пропаганды своих идей Бабеф издавал две газеты: «Народная трибуна» и «Просветитель».

В мае 1796 года Бабеф и его сторонники были арестованы и через год казнены на гильотине.

Развитие почты в XVIII веке

В 1759 году в Париже была учреждена так называемая «маленькая почта» (*la Petite Poste*). Проект городской почты столицы Франции был создан по образцу почтовой службы Лондона.

События Французской революции привели к упадку почтовой системы страны. Лишь правительство Директории предприняло первые попытки восстановления прежних почтовых служб. Так, например, были установлены десятизонные тарифы на пересылку почтовой корреспонденции внутри страны. Стремясь получить контроль над почтовыми отправлениями, Директория в 1798 году издала указ о запрещении посылать письма любыми способами, кроме государственной почты.

Вопросы для повторения

1. Деятельность французских просветителей и энциклопедистов.
2. Становление и особенности французской концепции свободы печати.
3. Политическая борьба и пресса во Франции в 1789–1794 годах.
4. Публицистика Огюста Мирабо.
5. Элизе Лустало и его «Парижские революции».
6. Жан Рене Эбер и его «Папаша Дюшен».
7. Камиль Демулен и его газеты.
8. Публицисты Французской революции.
9. Ведущие газеты Французской революции: сходства и различия.
10. Жизненный, творческий и духовный путь Ж.-П. Марата.
11. «Друг народа» — газета Французской революции.
12. Ж.-П. Марат — теоретик журналистики.
13. Журналистика в годы Директории.

14. Публицистика Г. Бабефа.
15. Английская, американская и французская концепции печати: сходства и различия.
16. Развитие французской почты в XVIII веке.

Рекомендуемая литература

Новомбергский Н. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России // История печати. М., 2001.

Попов Ю. В. Публицисты Великой Французской революции. М., 1989.

Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати. М., 2001.

Смирнов Е. Периодическая печать во Франции. Периодическая печать на Западе) // История печати. М., 2001. Т. 2.

Тарле Е.В. Печать во Франции при Наполеоне I // История печати. М., 2001. Т. 2.

Шедлинг М. Очерки по истории мировой почты // История печати. М., 2008. Т. 3.

Первоисточники

Марат Ж.-П. Избр. произв.: В 3 т. М., 1956.

Дополнительная литература

Бабеф Г. Соч.: В 2 т. М., 1976.

Исторический лексикон. XVIII век. М., 1996.

Робеспьер М. Избр. произв.: В 3 т. М., 1965.

Основные даты и события

IV тысячелетие до Р.Х. — возникновение первых идеографических систем в Египте и Месопотамии.

Середина II тысячелетия до Р.Х. — создание финикийцами первого буквенного письма.

IX–VIII века до Р.Х. — создание древними греками первого алфавита.

V век до Р.Х. — зарождение ораторского искусства в Древней Греции.

IV век до Р.Х. — расцвет ораторского искусства в Древней Греции.

485–380 годы до Р.Х. — даты жизни Горгия.

459–380 годы до Р.Х. — даты жизни Лисия.

436–338 годы до Р.Х. — даты жизни Исократа.

384–322 годы до Р.Х. — даты жизни Демосфена.

389–314 годы до Р.Х. — даты жизни Эсхина.

I век до Р.Х. — расцвет ораторского искусства в Древнем Риме.

106–43 годы до Р.Х. — даты жизни Марка Туллия Цицерона.

59 год до Р.Х. — по указанию Цезаря стали выходить *Acta senatus* и *Acta diurna populi romani*.

15 год — император Тиберий запретил *Acta senatus*.

30–33 годы — общественное служение Иисуса Христа.

33 год — вторая половина I века — составление Евангелий, труды апостолов.

IV век — расцвет христианской риторики на Западе (Иероним Стридонский, Амвросий Медиоланский, Аврелий Августин) и Востоке (Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Златоуст).

863–869 годы — просветительские труды Кирилла и Мефодия. Создание славянской азбуки.

Конец XV — начало XVI века — расцвет инквизиции в Европе.

1420–1498 годы — даты жизни великого инквизитора Томаса Торквемады.

1399–1468 годы — даты жизни изобретателя книгопечатания Иоганна Гутенберга.

1422–1492 годы — даты жизни английского первопечатника Уильяма Кэкстона.

1445 год — изобретение И. Гутенбергом литеры.

1450 год — изобретение И. Гутенбергом печатного станка.

1455 год — И. Гутенберг выпустил первую печатную книгу — 42-строчную Библию.

1487–1641 годы — существование Звездной палаты в Англии.

1493 год — вышел старейший печатный информационный бюллетень.

XVI век — Реформация в Германии.

1483–1546 годы — даты жизни выдающегося деятеля Реформации Мартина Лютера.

1505 или 1509 год — основание в Страсбурге первой газеты — еженедельника *Aviso*.

1505 год — основание Францем фон Таксисом первой в Европе почтовой линии между Веной и Брюсселем.

1515 год — на Пятом Латеранском соборе вводится предварительная цензура.

1586–1653 годы — даты жизни главного редактора первой французской газеты Теофраста Ренодо.

30 мая 1631 год — вышел в свет первый номер *La Gazette* Т. Ренодо.

1622–1641 годы — издание Натаниэлем Бэттером первой английской газеты *Weekly News*.

1608–1674 годы — даты жизни английского публициста Джона Мильтона.

1609–1676 годы — даты жизни английского публициста Джерарда Уинстенли.

1614–1657 годы — даты жизни английского публициста Джона Лильберна.

1640–1660 годы — революция в Англии. Расцвет памфлетной публицистики.

1644 год — Дж. Мильтон опубликовал «Ареопагитику».

1665 год — начала выходить *The Oxford Gazette* — первая официальная английская газета (впоследствии переименована в *The London Gazette*).

1688 год — Славная революция в Англии.

13 февраля 1689 года — английский парламент принял Билль о правах.

1694 год — английский парламент не возобновил принцип лицензирования прессы.

1660–1731 годы — даты жизни английского журналиста, публициста и писателя Даниеля Дефо.

1667–1745 годы — даты жизни английского публициста, журналиста и писателя Джонатана Свифта.

1672–1729 годы — даты жизни английского публициста и журналиста Ричарда Стила.

1672–1719 годы — даты жизни английского журналиста Джозефа Аддисона.

1707–1754 годы — даты жизни английского журналиста и писателя Генри Филдинга.

1702 год — начала выходить первая ежедневная английская газета *The Daily Courant* («Ежедневные вести»).

Начало XVIII века — расцвет еженедельных журналов в Англии.

25 сентября 1690 года — вышел первый и последний номер старейшей американской газеты *Public Occurences*.

1704 год — под редакцией Джона Кэмпбелла начала выходить первая американская газета *The Boston News-Letter* («Бостонские новостные письма»).

1706–1790 годы — даты жизни американского публициста и политика Бенджамина Франклина.

1704–1713 годы — издание английского журнала *Review* («Обозрение») Д. Дефо.

1709–1711 годы — издание английского журнала *Tatler* («Болтун») Р. Стилом, Д. Аддисоном и Дж. Свифтом, газеты *Examiner* Дж. Свифтом.

1711–1712 годы — издание Р. Стилом и Дж. Аддисоном журнала *The Spectator* («Зритель»).

1712 год — парламентский закон о штемпельном сборе (налоге на бумагу) в Англии.

1713 год — издание Р. Стилом и Дж. Аддисоном журнала *The Guardian* («Опекун»).

1719 год — начала издаваться вторая американская газета *The Boston Gazette* («Бостонская газета»).

1730 год — под редакцией Б. Франклина в Филадельфии начала издаваться *The Pennsylvanya Gazette* («Пенсильванская газета»).

1737–1809 годы — даты жизни американского публициста Томаса Пейна.

1743–1826 годы — даты жизни автора Декларации независимости США Томаса Джефферсона.

1775–1776 годы — издание *The Pennsylvanya Magazine* («Пенсильванского журнала»).

4 июля 1776 года — принятие Декларации независимости США.

1784 год — начала издаваться первая ежедневная вечерняя газета США *The Pennsylvanya Evening Post.*

1776–1783 годы — Война за независимость США.

21 декабря 1791 года — принятие Первой поправки к Конституции США 1776 года.

XVIII век — складывается типология английской прессы.

1781 год — начала выходить первая английская воскресная газета *The British Gazette and Sunday Monitore* («Британская газета и воскресное обозрение»).

1785 год — англичанин Джон Уолтер начинает издавать газету *The Times* («Времена»).

1787–1788 годы — публицистика «Федералиста» (Александр Гамильтон, Джеймс Мэдисон, Джон Джей).

1789–1794 годы — Великая французская революция.

24 августа 1789 года — принятие Декларации прав человека и гражданина во Франции.

1743–1793 годы — даты жизни французского публициста Жана Поля Марата.

1757–1794 годы — даты жизни французского публициста Жана Рене Эбера.

1760–1794 годы — даты жизни французского публициста Камиля Демулена.

1760–1797 годы — даты жизни французского публициста Гракха Бабефа.

1789–1793 годы — издание Ж.-П. Маратом газеты «Парижский публицист», переименованной в *L'Ami du peuple* («Друг народа»).

1789–1791 годы — издание Э. Лустало газеты *Revolutions de Paris* («Парижские революции»).

1789–1794 годы — издание Ж.-Р. Эбером газеты *Le Pùre Duchesne* («Папаша Дюшен»).

1789–1794 годы — издание К. Демуленом газеты *Les Révolutions de France et de Brabant* («Революции Франции и Брабанта»).

1795 год — в новой конституции Франции лицемерно провозглашается свобода печати.

17 апреля 1796 года — французский закон о печати эпохи Директории.

27 нивоза VIII года (17 января 1800 года) — указ о печати Наполеона Бонапарта.

ХРЕСТОМАТИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

При подборе текстов для данной хрестоматии составитель исходил из требований программы курса «Введение в мировую журналистику», предназначенного для студентов факультетов и отделений журналистики университетов.

В хрестоматии многие тексты даются в виде отрывков, наиболее существенных и важных для понимания произведения. Материалы расположены по хронологическому принципу. Тексты хрестоматии предваряются краткими очерками о развитии журналистики, биографическими справками об авторах и сопровождаются комментариями.

Многие произведения, вошедшие в хрестоматию, давно не переиздавались, практически недоступны студентам и являются библиографической редкостью. Некоторые тексты публикуются на русском языке впервые.

Составитель

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

ГОРГИЙ

(485–380 гг. до Р.Х.)

ПОХВАЛА ЕЛЕНЕ[1]

(1) Славой служит городу смелость, телу — красота, духу — разумность, речи приводимой — правдивость; все обратное этому — лишь бесславие. Должно нам мужчину и женщину, слово и дело, город и поступок, ежели похвальны они — хвалою почтить, ежели непохвальны — насмешкой сразить. И напротив, равно неумно и неверно достохвальное — порицать, осмеяния же достойное — восхвалять. (2) Предстоит мне здесь в одно и то же время и правду открыть, и порочащих уличить — порочащих ту Елену, о которой единогласно и единодушно до нас сохранилось и верное слово поэтов, и слава имени ее, и память о бедах. Я и вознамерился, в речи своей приведя разумные доводы, снять обвинение с той, которой довольно дурного пришлось услыхать, порицателей ее лгущими вам показать, раскрыть правду и конец положить невежеству.

(3) Что по роду и породе первое место меж первейших жен и мужей занимает та, о ком наша речь, — нет никого, кто бы точно об этом не знал. Ведомо, что Леда была ее матерью, а отцом был бог, слыл же смертный, и были то Тиндарей и Зевс: один видом таков казался, другой молвою так назывался, один меж людей сильнейший, другой над мирозданием царь. (4) Рожденная ими, красотою была она равна богам, ее открыто являя, не скрыто тая. Многие во многих страсти она возбудила, вкруг единой себя многих мужей соединила, полных гордости гордою

[1] Речь «Похвала Елене» — образец школьного риторического упражнения. Многие греческие ораторы сочиняли вслед за Горгием речи — упражнения на тему мифа о Елене Прекрасной и Троянской войне.

Печатается по: Ораторы Греции / Сост. М. Л. Гаспаров; Пер. с древнегр. С. Кондратьева. М., 1985.

мощью: кто богатства огромностью, кто рода древностью, кто врожденною силою, кто приобретенною мудростью; все, однако же, покорены были победной любовью и непобедимым честолюбьем. (5) Кто из них и чем и как утолил любовь свою, овладевши Еленою, говорить я не буду: знаемое у знающих доверье получит, восхищенья же не заслужит. Посему, прежние времена в нынешней моей речи миновав, перейду я к началу предпринятого похвального слова и для этого изложу те причины, в силу которых справедливо и пристойно было Елене отправиться в Трою.

(6) Случая ли изволением, богов ли велением, неизбежности ли узаконением совершила она то, что совершила? Была она или силой похищена, или речами улещена, или любовью охвачена? — Если примем мы первое, то не может быть виновна обвиняемая: божьему промыслу людские помыслы не помеха — от природы не слабое сильному препона, а сильное слабому власть и вождь: сильный ведет, а слабый следом идет. Бог сильнее человека и мощью и мудростью, как и всем остальным: если богу или случаю мы вину должны приписать, то Елену свободной от бесчестья должны признавать. (7) Если же она силой похищена, беззаконно осилена, неправедно обижена, то ясно, что виновен похитчик и обидчик, а похищенная и обиженная невиновна в своем несчастии. Какой варвар так по-варварски поступил, тот за то пусть и наказан будет словом, правом и делом: слово ему — обвинение, право — бесчестие, дело — отмщение. А Елена, насилию подвергшись, родины лишившись, сирою оставшись, разве не заслуживает более сожаления, нежели поношения? Он свершил, она претерпела недостойное; право же, она достойна жалости, а он ненависти. (8) Если же это речь ее убедила и душу ее обманом захватила, то и здесь нетрудно ее защитить и от этой вины обелить. Ибо слово — величайший владыка: видом малое и незаметное, а дела творит чудесные — может страх прекратить и печаль отвратить, вызвать радость, усилить жалость. (9) А что это так, я докажу — ибо слушателю доказывать надобно всеми доказательствами.

Поэзию я считаю и называю речью, имеющей мерность; от нее исходит к слушателям и страх, полный трепета, и жалость, льющая слезы, и страсть, обильная печалью; на чужих делах и телах, на счастье их и несчастье собственным страданием страждет душа — по воле слов. (10) Но от этих речей перейду я к другим. Боговдохновенные заклинания напевом слов сильны и радость принести, и печаль отвести; сливаясь с души представленьем, мощь слов заклинаний своим волшебством ее чарует, убеждает, перерождает. Два есть средства у волшебства и волхвования: душевные заблуждения и ложные представления. (11) И сколько и скольких и в скольких делах убедили и будут всегда убеждать, в неправде используя речи искусство! Если б во всем все имели о прошедших делах воспоминанье, и о настоящих пониманье, и о будущих предвиденье, то одни и те же слова одним и тем же образом нас бы не обма-

нывали. Теперь же не так-то легко помнить прошедшее, разбирать настоящее, предвидеть грядущее, так что в очень многом очень многие берут руководителем души своей представление — то, что нам кажется. Но оно и обманчиво, и неустойчиво и своею обманностью и неустойчивостью навлекает на тех, кто им пользуется, всякие беды.

(12) Что же мешает и о Елене сказать, что ушла она, убежденная речью, ушла наподобие той, что не хочет идти, как незаконной если бы силе она подчинилась и была бы похищена силой. Убежденью она допустила собой овладеть; и убеждение, ей овладевшее, хотя не имеет вида насилия, принуждения, но силу имеет такую же. Ведь речь, убедившая душу, ее убедив, заставляет подчиниться сказанному, сочувствовать сделанному. Убедивший так же виновен, как и принудивший; она же, убежденная, как принужденная, напрасно в речах себе слышит поношение. (13) Что убежденье, использовав слово, может на душу такую печать наложить, какую ему будет угодно, — это можно узнать прежде всего из учения тех, кто учит о небе: они, мненьем мненье сменяя, одно уничтожив, другое придумав, все неясное и неподтвержденное в глазах общего мнения заставляют ясным явиться; затем — из неизбежных споров в судебных делах, где одна речь, искусно написанная, не по правде сказанная, может, очаровавши толпу, заставить послушаться; а в-третьих — из прений философов, где открываются и мысли быстрота, и языка острота: как быстро они заставляют менять доверие к мнению! (14) Одинаковую мощь имеют и сила слова для состоянья души, и состав лекарства для ощущения тела. Подобно тому как из лекарств разные разно уводят соки из тела и одни прекращают болезни, другие же жизнь, — так же и речи: одни огорчают, те восхищают, эти пугают, иным же, кто слушает их, они храбрость внушают. Бывает, недобрым своим убеждением душу они очаровывают и заколдовывают. (15) Итак, этим сказано, что, если она послушалась речи, она не преступница, а страдалица.

Теперь четвертою речью четвертое я разберу ее обвинение. Если это свершила любовь, то нетрудно избегнуть ей обвинения в том преступлении, какое она, говорят, совершила. Все то, что мы видим, имеет природу не такую, какую мы можем желать, а какую судьба решила им дать. При помощи зрения и характер души принимает иной себе облик. (16) Когда тело воина для войны прекрасно оденется военным оружием из железа и меди, одним чтоб себя защищать, другим чтоб врагов поражать, и узрит зрение зрелище это и само смутится и душу смутит, так что часто, когда никакой нет грозящей опасности, бегут от него люди, позорно испуганные: изгнана вера в законную правду страхом, проникшим в душу от зрелища: представ пред людьми, оно заставляет забыть о прекрасном, по закону так признаваемом, и о достоинстве, после победы часто бываемом. (17) Нередко, увидев ужасное, люди теряют сознание нужного в нужный момент: так страх разумные мысли и заглушает и

изгоняет. Многие от него напрасно страдали, ужасно хворали и безнадежно разум теряли: так образ того, что глаза увидали, четко отпечатлевался в сознании. И много того, что страх вызывает, мною опущено, но то, что опущено, подобно тому, о чем сказано. (18) А вот и художники: когда многими красками из многих тел тело одно, совершенное формой, они создают, то зрение наше чаруют. Творенье кумиров богов, созданье статуй людей — сколько они наслаждения нашим очам доставляют! Так через зренье обычно бывает: от одного мы страдаем, другого страстно желаем. Много у многих ко многим вещам и людям возгорается страсти, любви и желанья.

(19) Чего ж удивляться, ежели очи Елены, телом Париса плененные, страсти стремление, битвы любовной хотение в душу ее заронили! Если Эрос, будучи богом богов, божественной силой владеет, — как же может много слабейший от него и отбиться и защититься! А если любовь — болезней людских лишь страданье, чувств душевных затменье, то не как преступленье нужно ее порицать, но как несчастья явленье считать. Приходит она, как только придет, судьбы уловленьем — не мысли веленьем, гнету любви уступить принужденная — не воли сознательной силой рожденная.

(20) Как же можно считать справедливым, если поносят Елену? Совершила ль она, что она совершила, силой любви побежденная, ложью ль речей убежденная или явным насилием вдаль увлеченная, иль принужденьем богов принужденная, — во всех этих случаях нет на ней никакой вины.

(21) Речью своею я снял поношение с женщины. Закончу: что в речи сначала себе я поставил, тому верным остался; попытавшись разрушить поношения несправедливость, общего мнения необдуманность, эту я речь захотел написать Елене во славу, себе же в забаву.

ЛИСИЙ

(459–380 гг. до Р.Х.)

ОПРАВДАТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ ЭРАТОСФЕНА[1]

(1) Много дал бы я, судьи, за то, чтобы вы судили обо мне так же, как о себе, если бы нечто подобное произошло с вами; и если на мое дело вы посмотрите как на свое собственное, то, я уверен, каждого из вас случившееся возмутит настолько, что наказание, предусмотренное законом, вам покажется слишком мягким. (2) Да и не только у вас, но повсюду в Элладе с этим бы согласились, потому что это — единственное преступление, за которое в любом государстве, будь оно демократическим или олигархическим, даже последний бедняк может привлечь к ответу самых видных людей, так что самый ничтожный простолюдин в этом отношении имеет те же права, что и самый знатный человек: настолько тяжким всюду считается бесчестие, причиненное таким преступлением. (3) Поэтому приговор ваш, я полагаю, будет единодушным, и надеюсь, никто из вас не посмотрит на мое дело пренебрежительно, считая, что такого преступника можно было отпустить безнаказанным или наказать не слишком сурово. (4) А мне, судьи, остается только доказать, что Эратосфен соблазнил мою жену, развратил ее, опозорил моих детей и меня обесчестил тем, что пробрался в мой дом, что это было единственной причиной моей вражды к нему и что не ради денег, не ради обогащения или корысти я это сделал, а только затем, чтобы покарать его в соответствии с законом.

(5) Впрочем, расскажу обо всем по порядку, с самого начала, честно и правдиво, потому что сейчас для меня единственное спасение — описать все как было. (6) Когда я женился и привел жену в дом, поначалу я взял себе за правило не донимать ее чрезмерной строгостью, но и не да-

---

[1] «Оправдательная речь по делу об убийстве Эратосфена» — признанный шедевр судебного красноречия. Эратосфен, убитый Евфилетом, был давним врагом Лисия, виновником смерти его брата. Против Эратосфена Лисий выступал лично в своей самой первой речи. Оратор с особой тщательностью подошел к составлению оправдательной речи для Евфилета.

Печатается по: Ораторы Греции / Сост. М. Л. Гаспаров; Пер. с древнегр. Э. Юнца. М., 1985.

вать ей слишком много воли — словом, присматривал за ней как положено. А когда родился ребенок, я целиком ей доверился, считая, что ребенок — самый прочный залог супружеской верности. (7) Так вот, афиняне, первое время не было жены лучше ее: она была превосходной хозяйкой, рачительной, бережливой, старательной. А все беды мои начались со смертью моей матери. (8) Во время похорон моя жена сопровождала тело покойной, и тут ее увидел этот человек. А спустя некоторое время он и соблазнил ее: выследив служанку, ходившую на рынок за покупками, через нее он стал делать жене предложения и в конце концов погубил ее.

(9) А надо вам сказать, судьи, что домик у меня двухэтажный, причем наверху, в женской половине, и внизу, в мужской половине, комнаты расположены совершенно одинаково. Когда у нас появился ребенок, мать начала кормить его грудью, и, чтобы ей не подвергаться опасности, спускаясь вниз по крутой лестнице всякий раз, как нужно помыться, я переселился на верхний этаж, а женщины устроились внизу. (10) Так и повелось, что жена часто уходила вниз убаюкать ребенка или дать ему грудь, чтобы он не кричал. Так продолжалось долгое время, но мне и в голову не приходило заподозрить что-то неладное; я по-прежнему наивно считал свою жену самой честной женщиной в городе.

(11) Как-то раз я неожиданно вернулся домой из деревни. После ужина ребенок стал кричать и плакать: как выяснилось впоследствии, служанка нарочно дразнила его, потому что тот человек уже находился в доме. (12) Я велел жене спуститься вниз и дать ребенку грудь, чтобы он перестал плакать. Она сначала отказывалась, делая вид, что очень рада моему приезду и очень соскучилась по мне. Я уже начал сердиться и велел ей выполнять то, что приказано, а она говорит: «Это тебе для того нужно, чтобы с нашей служанкой побаловаться. Ты и раньше, подвыпив, к ней приставал». (13) Я засмеялся в ответ, а она встает и, уходя, запирает дверь; будто бы в шутку, а ключ вынимает и уносит с собой. Не придав этому значения и ничего не подозревая, я крепко заснул, потому что устал с дороги. (14) Утром жена вернулась и отперла дверь. Когда я спросил, почему ночью внизу скрипели двери, она ответила, что в комнате у ребенка погас светильник и ей пришлось попросить огня у соседей. Я промолчал, решив, что так оно и было. Однако мне показалось, что лицо у нее накрашено, хотя еще не прошло месяца после смерти ее брата. Но и на это я промолчал и ушел из дому.

(15) Спустя некоторое время, — а я все еще был в полном неведении о постигшей меня беде, — подходит ко мне незнакомая старуха. Уже потом до меня дошли слухи, что ее ко мне подослала другая женщина, соблазненная Эратосфеном: недовольная и даже оскорбленная тем, что он стал реже посещать ее, она устроила за ним слежку, пока не дозналась до причины. (16) Так вот, эта старуха, поджидавшая возле моего дома,

подходит ко мне и говорит: «Евфилет, я не хотела бы сплетничать, но человек, который позорит тебя и твою жену, вместе с тем враг мне и моей госпоже. Так вот, если ты хорошенько допросишь служанку, которая ходит за покупками на рынок и прислуживает вам за столом, то сам во всем убедишься. Я говорю об Эратосфене из Эй: это он соблазнил твою жену, а до нее еще и многих других. На эти дела он мастер». (17) Сказав это, она ушла, а меня, судьи, как громом поразило; я разом вспомнил все, что мне раньше казалось подозрительным, — и то, как меня заперли в спальне, и то, что в ту ночь скрипели обе двери, внутренняя и наружная, чего раньше никогда не случалось, и то, что лицо у жены было накрашено, — и чем больше я это припоминал, тем больше укреплялся в своих подозрениях.

(18) Вернувшись домой, я приказал служанке идти со мной на рынок, но вместо рынка повел ее к одному из моих приятелей и там ей напрямик объявил, что мне все известно о том, что творится у меня в доме. «Так вот, — сказал я, — выбирай одно из двух: или я тебя прикажу выпороть и отправлю на мельницу, где мучениям твоим не будет конца, или ты во всем честно признаешься и получишь прощение. Но берегись, если обманешь; лучше все расскажи по-честному». (19) Сперва она отпиралась: пусть, мол, с ней делают что угодно, только она ничего не знает, — но когда я назвал ей имя Эратосфена и сказал, что это он наведывается к моей жене, служанка насмерть перепугалась, решив, что я знаю не только это, но и все остальное. (20) Тут она мне бросилась в ноги и, получив от меня обещание, что с ней ничего не сделают, выложила все начистоту: как после похорон Эратосфен подошел к ней, как она в конце концов сообщила его просьбу госпоже, как та понемногу поддалась на его уговоры, как ухитрялась принимать его у себя, как на Фес-мофории, пока я был в деревне, ходила с его матерью в храм — словом, рассказала все как было. (21) Выслушав ее, я сказал: «Смотри, никому об этом ни слова, если хочешь, чтобы я сдержал обещание. Теперь ты должна мне помочь схватить его с поличным: мне не слова нужны, а доказательства, если дело обстоит, как ты описала». (22) И служанка на это дала согласие.

Прошло четыре или пять дней[1]... как я неопровержимо докажу вам. Но сперва хочу рассказать о том, что произошло в последний день. Вечером, уже после захода солнца, я встретил на улице своего друга и товарища Состратa — он возвращался из деревни. Зная, что у себя дома в такой поздний час он не найдет ничего съестного, я пригласил его отужинать со мной. Мы пришли ко мне домой, поднялись наверх и поужинали. (23) Потом он поблагодарил за угощение и ушел, а я лег спать. В это время Эратосфен и явился: служанка тут же разбудила меня и сказала,

[1] Полный текст этого отрывка не сохранился.

что он здесь. Приказав ей следить за дверью, чтобы не упустить его, я потихоньку спустился вниз и, выйдя на улицу, отправился созывать друзей и знакомых. Некоторых я дома не застал, некоторые вообще оказались в отъезде. (24) Ну, а всех, кого мог, я собрал и повел за собой. В лавочке близ моего дома мы запаслись факелами и вошли в дом всей толпой, благо наружная дверь была заранее отперта служанкой.

Вышибив дверь, ведущую в спальню, мы застигли его прямо в постели с моей женой: те, кто ворвался первым, его застали еще лежащим; подоспевшие чуть позже видели, как он голый стоял на кровати. (25) Ударом кулака я, судьи, сбил его с ног, скрутил и связал ему руки за спиной и стал допрашивать, как посмел он забраться ко мне в дом. Отрицать свою вину он даже не пытался и только слезно умолял не убивать его, а предлагал откупиться деньгами. (26) На это я отвечал: «Не я тебя убью, но закон, который ты преступил, поставив его ниже своих удовольствий. Ты сам предпочел совершить тяжкое преступление против моей жены, моих детей и меня самого, вместо того чтобы соблюдать законы и быть честным гражданином».

(27) Итак, судьи, он претерпел именно то, что велит делать с такими преступниками закон. Его не приволокли с улицы ко мне в дом, как утверждают мои обвинители, и он не просил защиты у моего очага. Да и как он мог это сделать, если в спальне я сбил его с ног и связал ему руки, если там было столько людей, что пробиться через них, не имея ни оружия, ни даже палки в руках, он не мог? (28) Вы и сами знаете, судьи: нарушители закона ни за что не признают, что их противники говорят правду, и лживые измышления такого рода им нужны для того, чтобы настроить слушателей против тех, кто действовал законно. Прочти же закон. *[Читается закон.]* (29) Он не отрицал, судьи, своей вины; он сам признал себя виновным и умолял не убивать его. Он даже предлагал откупиться деньгами, но на это я не согласился. Я считал, что закон важнее, и покарал его той карой, которую установили вы сами и которую вы сочли справедливой для такого рода преступников. Прошу свидетелей подняться сюда. *[Читаются показания свидетелей.]* (30) Прочти мне и тот закон, что вырезан на камне по указу Ареопага. *[Читается закон.]* Вы слышите, судьи, что сам Ареопаг, который исстари вершил суд по делам об убийстве, которому и в наши дни предоставлено это право, постановил в совершенно ясных и определенных выражениях, что неповинен в убийстве тот, кто покарает смертью прелюбодея, если застигнет его вместе с женой. (31) В справедливости этой кары законодатель был уверен настолько, что ее же назначил за совращение наложниц, хотя они не так уважаемы, как законная жена. Ясно, что если бы имелось большее наказание, он бы его назначил за совращение супруги, и только потому в том и другом случае он установил смерть, что за совращение супруги не сумел найти кары более суровой. Теперь прочти мне вот этот

закон. *[Читается закон.]* (32) Вы слышите, судьи: закон велит, чтобы всякий, кто совершит насилие над свободным — взрослым или ребенком, уплатил вдвое больше, чем за насилие над рабом, а ведь сюда относится и насилие над женщиной, в то время как ее соблазнение карается смертью. Вот, судьи, насколько снисходительнее законодатель к насильникам, нежели к соблазнителям! (33) Последних он приговорил к смерти, а первых — лишь к возмещению ущерба деньгами, исходя из того, что жертва насилия по крайней мере ненавидит насильника, а соблазнитель настолько развращает свою жертву, что жена к нему привязывается больше, чем к мужу, отдает ему в распоряжение весь дом, и даже на детей падает подозрение — то ли они от мужа, то ли от любовника. Вот почему таким людям законодатель назначил смерть.

(34) Меня же, судьи, законы не только оправдывают, но даже обязывают привести в исполнение положенный приговор, а уж от вас зависит, оставаться этим законам в силе или потерять всякое значение. (35) Я думаю, что для того государства и устанавливают законы, чтобы к ним обращаться в спорных случаях и выяснять, как следует поступить. Так вот, в моем случае закон велит потерпевшему наказывать виновных именно так. (36) Надеюсь, вы согласитесь со мной, иначе прелюбодеям вы обеспечите такую безнаказанность, что даже воры начнут себя выдавать за распутников, зная, что их не тронут, если они скажут, что проникли в чужой дом для встречи с любовницей: все будут знать, что с законами о распутстве можно не считаться, а бояться нужно только вашего приговора, потому что он все решает в этом государстве.

(37) Заметьте вот еще что, афиняне: меня обвиняют в том, что служанке я заранее велел пригласить в тот день Эратосфена. Вообще-то, судьи, я считаю, что вправе любым способом поймать соблазнителя своей жены. (38) Если бы я велел его пригласить, когда до дела еще не дошло, когда соблазнитель только начинал обхаживать мою жену, то был бы виноват. Но после того, как он добился своего, после того, как стал часто бывать в моем доме, поймать его с помощью какой-нибудь хитрости было бы с моей стороны только разумно. (39) Но и в этом, заметьте, они лгут. Посудите сами: как я уже сказал, мой друг и приятель Сострат, которого я повстречал после захода солнца, когда он возвращался из деревни, ужинал вместе со мной и задержался у меня допоздна. (40) Так вот, подумайте, судьи: если в ту ночь я готовил Эратосфену западню, что для меня было удобнее — ужинать в гостях или, наоборот, привести гостя к себе? Ведь это могло бы отпугнуть Эратосфена от попытки проникнуть ко мне в дом. Кроме того, неужели я бы отпустил своего гостя, чтобы остаться одному, без поддержки? Скорее наоборот, я бы его попросил остаться и помочь мне наказать соблазнителя. (41) И разве не мог я созвать своих друзей заранее, еще днем, и попросить их собраться у кого-нибудь из знакомых поближе к моему дому, вместо того чтобы ночью бегать по все-

му городу, не зная, кого я застану дома, а кого нет? А ведь я заходил и к Гармодию, и ко многим другим, понятия не имея о том, что они в отъезде. Некоторые же были в городе, но отлучились из дома, и я взял с собой только тех, кого смог застать. (42) Между тем, если бы я все знал заранее, неужели, по-вашему, я бы не вооружил слуг и не созвал бы друзей? Этим бы я и себя обезопасил, потому что преступник мог быть вооружен, и его покарал бы при наибольшем числе свидетелей. Но, повторяю, я ничего не знал о том, что произойдет в эту ночь, и созвал только тех, кого смог. Прошу свидетелей подняться сюда. *[Читаются показания свидетелей.]*

(43) Итак, судьи, вы слышали свидетелей. Теперь обратите внимание вот на что: была ли у меня хоть какая-нибудь другая причина враждовать с Эратосфеном? (44) Нет, такой причины вы не найдете. Он не пытался оклеветать меня, обвиняя в преступлении против государства, и не добивался моего изгнания из отечества. Он не судился со мной и по частному делу. Он не знал за мной никаких преступлений, и мне не было нужды убивать его, чтобы избежать разоблачения. И не потому я это сделал, что мне обещали за это заплатить, — а ведь некоторые берутся убить человека за деньги. (45) Не было между нами ни перебранки, ни пьяной драки, ни какой другой ссоры, потому что до той ночи я этого человека и в глаза не видал. Так чего ради я пошел бы на такой риск, если бы не претерпел от него самое тяжкое из оскорблений? (46) И неужели я бы совершил преступление при свидетелях, имея возможность убить его тайком?

(47) Я считаю, судьи, что покарал его не только за себя, но и за все государство. Если вы согласитесь со мной, подобные люди поостерегутся вредить своему ближнему, видя, какая награда их ждет за такого рода подвиги. (48) А если вы не согласны со мной, то отмените существующие законы и введите новые, которые будут карать тех, кто держит жен в строгости, а соблазнителей оправдывать. (49) Так, по крайней мере, будет честнее, чем теперь, когда законы гражданам ставят ловушку, глася, что поймавший прелюбодея может сделать с ним что угодно, а суд потом грозит приговором скорее потерпевшему, чем тому, кто, попирая законы, позорит чужих жен. (50) Именно в таком положении я теперь и оказался: под угрозу поставлены моя жизнь и имущество только за то, что я повиновался законам.

ИСОКРАТ
(436–338 гг. до Р.Х.)

ПАНЕГИРИК[1]

(1) Меня всегда удивляло, что на праздниках и состязаниях атлетов победителю в борьбе или в беге присуждают большие награды, а тем, кто трудится на общее благо, стремясь быть полезным не только себе, ни наград, ни почестей не воздают, (2) хотя они более достойны уважения, ибо атлеты, даже если они станут вдвое сильнее, пользы не принесут никому, а мыслящий человек полезен всем, кто желает приобщиться к плодам его мысли. (3) Но, решив с этим не считаться и полагая достаточной наградой славу, которую мне принесет эта речь, я пришел сюда, чтобы призвать Элладу к единству и к войне против варваров. Хотя многие, притязающие на звание ораторов, уже выступали на эту тему, (4) я твердо намерен их превзойти, ибо лучшими речами считаю такие, которые посвящены самым важным предметам, которые и оратору дают себя показать, и слушателям приносят наибольшую пользу, а моя речь, надеюсь, именно такова. (5) Да и время еще не настолько упущено, чтобы призывать к действиям было уже поздно. Только тогда должен молчать оратор, когда дело сделано и обсуждать его нет смысла или когда вопрос исчерпан и к нему нечего больше добавить. (6) Но если дело не сдвинулось с места, так как прежние выступления оказались неудачны, неужели не стоит потрудиться над речью, которая в случае своего успеха покончит с междоусобной войной и избавит нас от великих бедствий? (7) Если бы имелся только один способ высказаться по существу предмета, было бы излишне докучать слушателям, повторяя сказанное другим; (8) но так как в речи можно по-разному истолковать одно и то же — великое сделать ничтожным, малое великим, по-новому взглянуть на события прошлого, а недавние пересмотреть в свете прежних, — значит, нужно не избегать предмета, о котором уже говорилось, а постараться его выразить еще лучше. (9) Дела минувшие знакомы нам всем, но толь-

[1] Исократ написал «Панегирик» к Олимпийским играм 380 г. до Р.Х. и сознательно не произносил его, предпочтя разослать речь заинтересованным лицам. Письменный характер «Панегирика» подчеркивает и его стиль: здесь объединены торжественный и совещательный типы речей, чего в устной практике в эпоху Исократа не было.

Печатается в отрывках по: Ораторы Греции / Сост. М. Л. Гаспаров; Пер. Э. Юнца. М., 1985.

ко разумному человеку дано вовремя извлечь из них урок, правильно понять и ясно выразить их подлинный смысл. (10) Высокого совершенства достигнут искусства, и красноречие в их числе, если будет цениться не новизна, а мастерство и блеск исполнения, не своеобразие в выборе темы, а умение отличиться в ее разработке.

(11) Тем не менее некоторые порицают тонко отделанные речи, трудные для неискушенного слушателя, но они заблуждаются, так как речи, исключительные по своим задачам и потому требующие особой пышности, не отличают от судебных, которые не принято украшать, думают, что они одни знают надлежащую меру, а тот, кто говорит изобильно и пышно, не способен выражаться просто и точно. (12) Не стоит и доказывать, что эти люди хвалят только таких ораторов, которые недалеко ушли от них самих. Меня их мнение не заботит: я обращаюсь к знатокам, взыскательным, требовательным и суровым, которые будут искать в моей речи достоинства, каких не найти у другого, и для них я прибавлю еще несколько слов, прежде чем перейти непосредственно к делу. (13) Вначале выступающие обычно оправдываются, говоря, что не успели хорошо подготовиться или что трудно найти слова, соответствующие важности темы. (14) Так вот, если моя речь окажется недостойной своего предмета и моей славы, если она не оправдает потраченного на нее времени, и больше того — всей моей жизни, то пусть меня презирают и осыпают насмешками за то, что, не имея особых дарований, я взялся за такую задачу. Вот все, что я хотел сказать о себе.

(15) Теперь — о том, что касается всех. Ораторы, которые говорят, что пора нам прекратить взаимные распри и обратить оружие против варваров, перечисляя тяготы междоусобной войны и выгоды от будущего покорения Персии, совершенно правы, но забывают о главном. (16) Эллинские города большей частью подвластны либо Афинам, либо Спарте, и разобщенность эту усиливает разница в их государственном и общественном строе. Безрассудно поэтому думать, что удастся побудить эллинов к совместным действиям, не примирив два главенствующих над ними города. (17) Если оратор хочет не только блеснуть красноречием, но и добиться чего-то на деле, он должен убедить Афины и Спарту признать друг за другом равные права в Элладе, а выгод искать в войне против персов. (18) Наш город склонить к этому нетрудно: гораздо труднее убедить спартанцев, ибо они унаследовали от предков необоснованные притязания на господство в Элладе. Но если доказать, что эта честь подобает скорее нам, они откажутся от мелочных препирательств и займутся тем, что для них по-настоящему выгодно. (19) Вот с чего следовало начинать ораторам: сперва разрешить спорный вопрос, а уж потом излагать общепризнанные истины. Я буду стремиться прежде всего убедить Афины и Спарту покончить с соперничеством и объявить войну персам, (20) а если эта цель недостижима, то по крайней мере я назову

виновника нынешних бедствий Эллады и докажу, что Афины с полным правом добиваются в Элладе первого места.

(21) В любом деле почетное место принадлежит тем, у кого наибольший опыт и способности, и, несомненно, мы вправе вернуть себе былое могущество, ибо ни одно государство не имеет такого опыта сухопутных войн, каким Афины обладают в морских сражениях. (22) А если кто-то станет возражать и доказывать, что только древность происхождения или особые заслуги перед эллинами дают право на ведущее место в Элладе, он лишь подтвердит мою правоту, (23) ибо и в этом, как показывает история, мы не имеем себе равных. Все признают Афины самым древним, самым большим и знаменитым городом; уже одно это дает нам право гордиться, но у нас есть еще большие основания для гордости. (24) Мы не пришельцы в своей стране, прогнавшие местных жителей или заселившие пустошь, и свой род мы ведем не от разных племен. Нет происхождения благороднее нашего: мы всегда жили на земле, породившей нас, как древнейшие, исконные ее обитатели. (25) Из всех эллинов мы одни имеем право называть свою землю кормилицей, родиной, матерью. Вот каким должно быть родословие тех, кто законно гордится собою и по праву добивается, ссылаясь на своих предков, первого места среди городов Эллады. (26) Великие блага нам даровала судьба, а сколько благодеяний мы оказали другим, станет ясно, если дать самый краткий обзор древнейшей истории нашего города. Тогда мы увидим, что должны быть благодарны Афинам не только за их военные подвиги, но и за саму возможность существовать, имея свою землю и государственность. (27) Меньшие заслуги Афин, которых обычно не замечают и не помнят, я даже не стану упоминать и назову только самые важные, о которых говорят и знают всюду и везде.

(28) Прежде всего, наш город дал людям то, что составляет их первейшую потребность, и хотя это предание похоже на вымысел, напомнить его я считаю нелишним. Когда Деметра, странствуя в поисках Коры, пришла в Аттику, то, желая отблагодарить наших предков за услуги, о которых слышать можно только посвященным, она оставила им два величайших дара: хлебные злаки, благодаря которым мы перестали быть дикарями, и таинства, приобщение к которым дает надежду на вечную жизнь после смерти. (29) И город наш, оказалось, не только любим богами, но и человеколюбив: чудесными благами, дарованными ему одному, он щедро поделился со всеми. К таинствам мы и сейчас продолжаем ежегодно приобщать непосвященных, а сеять, выращивать и употреблять в пищу хлеб мы научили всех желающих сразу. (30) Чтобы никто в этом не сомневался, скажу только, что тот, кто отвергает это предание как слишком древнее, как раз в древности и должен видеть его лучшее подтверждение: если предание всюду знают и часто рассказывают, то оно — старинное и заслуживает доверия. Но у нас есть и более веские

доказательства. (31) Почти все города в память о давнишнем благодеянии ежегодно нам присылают начатки урожая, а тем, кто пытается от этого уклониться, Пифия не раз приказывала соблюдать исконный обычай и прислать нам от урожая положенную часть. Так можно ли сомневаться в том, что изрекает божество и соблюдают почти все эллины, в чем сходятся древнее предание и нынешний обычай, сегодняшние порядки и сказания предков? (32) Но даже если отбросить предание и обратиться к истории, то мы увидим, что не могли все люди сразу достичь благоустроенной жизни, а пришли к ней постепенно. Кто же мог первым изобрести или получить от богов эти усовершенствования, (33) как не древнейшие обитатели Земли, самые искусные в ремеслах и самые благочестивые? Нужно ли говорить о том, каких почестей достойны виновники стольких благ? Едва ли найдется награда, равная их заслугам.

(34) Вот что можно сказать о первом и величайшем благодеянии афинян всему человечеству. Тогда же, видя, что большую часть земли занимают варвары, а эллины теснятся на узком пространстве и гибнут от голода и взаимной резни, (35) афиняне, не желая с этим дольше мириться, разослали по городам предводителей, которые сплотили неимущих эллинов, повели их в бой против варваров и, разгромив врага, заселили все острова Эгейского моря, а частично и оба его побережья. Этим они спасли от гибели и тех, кого повели за собой, и тех, кто остался дома: (36) и у последних теперь было достаточно места, и переселенцы получили вдоволь земли, ибо захватили все то пространство, которое сейчас составляет Элладу. Больше того, Афины проложили дорогу всем последующим переселенцам: им уже не приходилось с оружием в руках отвоевывать новые земли, а оставалось лишь разместиться на земле, освоенной нами. (37) Так кто же имеет право на ведущее место в Элладе, как не Афины, которые в ней первенствовали еще до того, как возникла большая часть эллинских городов, и которые варваров изгнали, а эллинов спасли от голодной смерти?

(38) Обеспечив первейшую их потребность, наш город не остановился на этом; то, что он их избавил от голода — а именно с этого разумные люди принимаются налаживать жизнь, — было только началом благодеяний. Считая, что жизнь, ограниченная самым необходимым, мало чего стоит, наш город постарался сделать ее еще лучше, и можно с уверенностью сказать, что ни одно из благ, которых человечество добилось своими силами, не было достигнуто без участия Афин, а многими достижениями оно обязано только нам. (39) В то время как эллины, не зная законов и правопорядка, страдали либо от произвола правителя, либо, наоборот, от безвластия, наш город и в этом пришел им на помощь: одних он взял под свое покровительство, а другим дал образец в виде своих законов и государственного устройства. (40) Что именно в Афинах возникли законы, видно из того, что когда-то все эллины судили по ним

виновных в убийстве, если хотели решить дело судом, а не самовольной расправой. Искусства и ремесла, призванные украсить жизнь и обеспечить ее всем необходимым, наш город — изобрел ли он их сам или заимствовал у других — широко распространил и сделал общедоступными. (41) Гостеприимство и благожелательность афинян привлекают в Афины всех, кто желает разбогатеть или вволю пожить на свои деньги; бедняк, откуда бы он ни приехал, найдет здесь надежное пристанище, а богач — самые изысканные наслаждения. (42) Не всякая местность может себя обеспечить всем необходимым; нехватка в одном и избыток в другом принуждают эллинов к нелегкому делу сбывать излишки и ввозить то, чего им недостает. Но и здесь мы оказали неоценимую услугу: в сердце Эллады, а именно — в Пирее, афиняне устроили богатейший рынок, где можно легко приобрести любые самые редкостные товары.

(43) Заслуженно хвалят тех, кто учредил общеэллинские празднества, за установленный ими обычай заключать всеобщее перемирие и собираться вместе, чтобы, свершив обеты и жертвоприношения, мы могли вспомнить о связывающем нас кровном родстве, проникнуться друг к другу дружелюбными чувствами, возобновить старые и завязать новые договоры гостеприимства. (44) Собравшись вместе, эллины получают возможность приятно и с пользой провести время, одни — показывая свои дарования, другие — глядя на их соперничество, причем все остаются довольны: зрители могут гордиться тем, что атлеты ради них не жалеют сил, а участники состязаний рады, что столько людей пришло на них посмотреть. Вот сколько пользы приносят нам празднества, а Афины в их устройстве не уступят никому. (45) Великолепных зрелищ, дорогостоящих и утонченных, в Афинах можно увидеть так много, а число приезжающих к нам так велико, что можно с уверенностью сказать: в нашем городе люди всегда могут воспользоваться благами общения друг с другом. В Афинах легче, чем где бы то ни было, завязать прочную дружбу и разнообразные связи. Здесь можно увидеть не только состязания в силе и ловкости: с не меньшим пылом у нас соревнуются в красноречии и остроумии. А награды поистине велики: (46) наш город не только вручает их сам, но и побуждает к этому других, ибо награда, полученная в Афинах, приносит обладателю великую славу и всеобщее признание. Наконец, в других местах общеэллинские празднества справляются редко и длятся недолго, а в Афинах для приезжего всегда праздник, доступный каждому и в любое время.

(47) Философия, приохотившая нас к общественной жизни, сделавшая более дружелюбными друг к другу, научившая остерегаться зла невежества и стойко переносить неизбежное, в нашем городе укоренилась по-настоящему прочно. А красноречие у нас стало настолько почетным, что овладеть им стремится чуть ли не каждый, (48) понимая, что только дар речи возвышает человека над животными, что во всем остальном по

прихоти судьбы неудачу терпят и умные люди, а успеха добиваются часто глупцы, зато искусство речей глупцам недоступно, являясь уделом лишь одаренных, (49) что оно — важнейший признак образованности, что не по мужеству и богатству, но по речам познается истинное благородство и настоящее воспитание, что владеющий словом уважаем не только у себя в городе, но и повсюду. (50) В уме и красноречии Афины своих соперников опередили настолько, что стали подлинной школой всего человечества, и благодаря именно нашему городу слово «эллин» теперь означает не столько место рождения, сколько образ мысли и указывает скорее на воспитание и образованность, чем на общее с нами происхождение.

(51) Но чтобы не показалось, будто я задерживаюсь на мелочах, хотя обещал говорить только о важном, или что я восхваляю свой город за мудрость и красноречие лишь потому, что мне нечего сказать о его доблести на войне, позволю себе высказаться и об этом для тех, кто чересчур кичится боевой славой, тем более что за военную доблесть наши предки достойны не меньших похвал, чем за прочие свои заслуги. (52) Много испытаний, суровых и тяжких, выпало на их долю, ибо они сражались не только за свою землю, но и за чужую свободу, так как наш город для угнетенных и притесняемых эллинов всегда был прибежищем и оплотом. (53) Некоторые осуждают нас за безрассудное стремление помогать беззащитным, не понимая, что такие упреки лучше похвал: не потому становились мы на сторону слабых, что не знали, насколько выгоднее союз с сильным, а сознательно предпочитали вступаться за них даже вопреки собственной пользе. <...>

(61) Многими благодеяниями нам обязаны спартанцы, но уже за одно это они перед нами в неоплатном долгу, ибо только афинская помощь дала возможность Гераклидам, предкам правящих ныне в Спарте царей, вернуться с победой в Пелопоннес, захватить Аргос, Лакедемон и Мессену, основать Спарту и заложить основы ее нынешнего могущества. (62) Вот о чем следовало помнить спартанцам, когда своими набегами они разоряли страну, положившую начало их процветанию, и угрожали городу, рискнувшему всем для Гераклидов. Справедливо ли потомков Геракла делать своими царями, а город, который спас весь их род, пытаться поработить? <...>

(66) Теперь — об афинских победах над варварами, тем более что главная цель моей речи — указать путь к господству над ними. Все войны и битвы перечислять было бы долго, поэтому я скажу лишь о главном. (67) Самые воинственные и могущественные варварские племена — это скифы, фракийцы и персы. Каждое из них на нас нападало, и каждому из них мы давали отпор. Что еще могут сказать наши недоброжелатели, если эллины в поисках справедливости обращаются за помощью именно к нам, а варвары, желая поработить эллинов, нападают прежде всего на нас? (68) Наиболее знаменита война против персов, но для тех, кто утвержда-

ет, что у него исконное право на первенство, не менее важны ссылки на древность. Когда Эллада была еще слаба, в наши владения вторглись фракийцы во главе с Евмолпом, сыном Посейдона, а позднее скифы во главе с амазонками, дочерьми Ареса. Стремясь установить свою власть над Европой и ненавидя эллинское племя, они бросили вызов именно Афинам, считая, что если справятся с этим городом, то разом покончат со всей Элладой. (69) Но цели своей они не достигли: имея противником лишь афинян, они потерпели такое поражение, словно воевали против целого человечества. Что разгром был сокрушительным, видно из того, что предание об этом живо до сих пор, чего не случилось бы, если б это была мелкая неудача. (70) Амазонки, которые участвовали во вторжении, погибли, согласно преданию, все до одной, а те, что остались дома, лишились большей части своих владений и окончательно утратили былое могущество; фракийцы же, искони обитавшие в непосредственной близости от нас, после того поражения ушли с насиженных мест так далеко, что на пространстве, которое нас теперь разделяет, расселились десятки племен и народов и возникло множество городов.

(71) Это был поистине славный подвиг, подобающий тому, кто хочет быть первым в Элладе, но не меньший подвиг, достойный предков, совершили те, кто отразил нашествия Дария и Ксеркса. В величайшей из войн, в тяжелейших опасностях, в борьбе с противником, который считал себя непобедимым, чьей доблести страшились даже наши союзники, (72) афиняне выстояли и разбили врага, получив в награду не только славу, но и безраздельное господство на море, с полного согласия всей Эллады, в том числе и тех, кто пытается его теперь отобрать. (73) Пусть не думают, что я не знаю о заслугах в этой войне спартанцев, но тем большей похвалы достойны Афины, что сумели превзойти такого соперника. <...>

(83) Какие слова будут достойны мужей, которые превзошли покорителей Трои? Те десять лет осаждали один-единственный город, а эти разом сокрушили мощь целой Азии и не только защитили свои города, но и спасли от порабощения всю Элладу. Перед какими же подвигами и трудами отступили бы они ради славы при жизни, если с готовностью шли на смерть, обещавшую им лишь посмертную славу? (84) Я думаю даже, что это испытание послали им боги ради них же самих, чтобы отвага их получила известность, чтоб не прожили они свою жизнь незаметно, а удостоились участи полубогов, которые не избежали смерти, но память о которых бессмертна вовек.

(85) Наши предки и спартанцы всегда соперничали, но тогда они состязались на поприще славы и не считали себя врагами. Свою доблесть они показали сначала на войске, которое против них выслал Дарий. (86) Как только это войско высадилось в Аттике, афиняне, не дожидаясь подхода спартанцев и взяв на себя тяжесть общей войны, в одиночку встретили надменного врага, с немногими силами против

бесчисленных полчищ, словно рисковали не своей жизнью, а чужой; спартанцы же, едва узнали об этом, бросились к ним на помощь так поспешно, словно враг разорял их собственную страну. (87) О быстроте их и рвении свидетельствует то, что афиняне в тот же день, как узнали о высадке персов, уже были на границе своей страны и, разбив врага, воздвигли трофей; спартанцы же за трое суток проделали путь в тысячу двести стадиев, — настолько одни спешили помочь, а другие — дать бой раньше, чем подоспеет помощь. (88) Следующее, второе нашествие персов возглавил уже лично Ксеркс: покинув царский дворец, он сам повел в поход свое войско, собрав в него людей со всей Азии. Даже при всем желании трудно преувеличить опасность этой войны. <...>

(98) <...> Военное преобладание нашего города еще в мирное время было так велико, что даже после его разорения афиняне выставили для битвы, в которой решалась судьба Эллады, больше кораблей, чем все их союзники, и даже самые злобные наши недоброжелатели признают, что Саламинская битва решила исход войны, а победили в ней эллины только благодаря Афинам. (99) Кто же достоин возглавить Элладу накануне похода против варваров? Разве не те, кто больше всех отличился в последней войне, кто не раз бился с персами один на один, а если и пользовался поддержкой союзников, то далеко превзошел их в доблести и отваге? Разве не те, кто обрек на разорение свою землю ради спасения остальных, кто основал еще в древности множество городов, а теперь их избавил от верной гибели? Справедливо ли будет лишить награды того, кто выстрадал больше всех, и оттеснить с почетного места того, кто сражался в передних рядах?

(100) В событиях, которые я назвал, всякий признает заслуги Афин и согласится, что первенство принадлежит им. <...>

(103) Я думаю, все согласятся с тем, что лучшими покровителями для Эллады будут те, чьи подданные в свое время достигли процветания. Так вот, наше владычество приведет к благоденствию и отдельные семьи, и целые государства, (104) ибо мы не завидовали растущим городам, не пытались ниспровержением существующего строя вызвать в них распри, чтобы враждующие стороны искали помощи и поддержки у нас. Полагая, что согласие на пользу всем, мы управляли союзниками на основе общих законов, обращались с ними не иначе как с равными, взяв в свои руки лишь руководство союзом, но не ущемляя свободы его участников. (105) Сочувствуя народовластию и будучи противниками владычества немногих, мы считали несправедливым, чтобы большинство подчинялось меньшинству, чтобы людей бедных, но в остальном ничуть не худших, отстраняли от государственных дел, чтобы в отечестве, общем для всех, одни себя чувствовали хозяевами, а другие — бесправными чужаками, чтобы те, кто по праву рождения является гражданином, по закону были лишены гражданских прав, (106) и потому мы установи-

ли во многих государствах тот же строй, что у нас самих. Его достоинства очевидны, и долго расписывать их нет нужды. Пользуясь благами этого строя, семьдесят лет наши союзники жили, не зная тирании, свободные от варваров, без внутренних распрей и в мире со всеми. <...>

(133) Если бы нашелся сторонний наблюдатель и взглянул на нынешнее положение вещей, он решил бы, что и мы, и спартанцы безумны, потому что враждуем из-за ничтожных выгод, хотя под рукой огромные богатства, и разоряем друг у друга наши собственные земли, хотя в Азии нас ждет обильная жатва. (134) Персидскому царю только и остается заботы — постоянно разжигать между нами распрю, не давая затихнуть междоусобной войне, а нам настолько не приходит в голову сеять смуту в его державе, что мы сами помогаем ему усмирять восстания, как это сейчас происходит на Кипре, где с помощью одного эллинского войска мы позволяем ему расправляться с другим. <...>

(138) Многие опасаются могущества царя и утверждают, что он очень грозный противник, напоминая о его большом влиянии на эллинские дела. Но этим, я полагаю, они лишь убеждают, что войну надо начинать как можно скорей: если даже при полном нашем единстве и при раздорах в стане врага война с ним будет трудна и опасна, тем опаснее, что может настать время, когда варвары будут выступать сплоченно, а мы все еще будем враждовать, как сейчас. (139) К тому же они совершенно неправы в том, как оценивают силы царя. Если б они назвали хоть один случай в прошлом, когда бы царь оказался сильнее Афин и Спарты, то нам было бы чего бояться, но такого ни разу еще не случалось. А что царь, поддерживая то афинян, то спартанцев, враждующих между собой, приносил то тем, то этим успех, еще не говорит о его могуществе. <...>

(150) Ничего удивительного в этом нет; то, что случилось, вполне естественно. Не могут люди, выросшие в рабстве и никогда не знавшие свободы, доблестно сражаться и побеждать. Откуда взяться хорошему полководцу или храброму воину из нестройной толпы, непривычной к опасностям, неспособной к войне, зато к рабству приученной как нельзя лучше. (151) Даже знатнейшие их вельможи не имеют понятия о достоинстве и чести: унижая одних и пресмыкаясь перед другими, они губят природные свои задатки; изнеженные телом и трусливые душой, каждый день во дворце они соревнуются в раболепии, валяются у смертного человека в ногах, называют его не иначе как богом и отбивают ему земные поклоны, оскорбляя тем самым бессмертных богов. (152) Не удивительно, что те из них, кто отправляется к морю в качестве так называемых сатрапов, оказываются достойны своего воспитания и полностью сохраняют усвоенные привычки: они вероломны с друзьями и трусливы с врагами, раболепны с одними и высокомерны с другими, пренебрегают союзниками и угождают противникам. <...>

(160) Даже слишком многое, я считаю, нас побуждает к войне против персов, а сейчас для этого самое время. Позор упускать удобный случай и потом о нем с горечью вспоминать. А ведь лучших условий для войны с царем, чем теперешние, и пожелать нельзя. (161) Египет и Кипр против него восстали; Финикия и Сирия разорены войной; Тир, который для царя столь важен, захвачен его врагами; большая часть городов Киликии уже в руках наших союзников, остальные же будет легко покорить; а Ликия персам вообще неподвластна. (162) Наместник Карий Гекатомн, по сути, давно отложился от персов и открыто станет на нашу сторону, как только мы этого захотим. Побережье Малой Азии от Книда до Синопы населяют наши соплеменники, эллины, а их не нужно настраивать против персов, они сами горят желанием воевать. Имея в запасе стольких союзников, окруживших Азию со всех сторон, нужно ли гадать об исходе войны? Если даже воюя с каждым в отдельности, персы не могут его одолеть, нетрудно представить, что с ними будет, когда мы пойдем на них все вместе. (163) Сейчас положение дел таково: если варвары укрепят приморские города, усилив размещенные там войска, не исключено, что соседние острова, такие как Родос, Самос и Хиос, перейдут на сторону персов; но если мы первые их захватим, то наверняка лидийцы, фригийцы и жители более отдаленных областей не выдержат нападения с моря. (164) Значит, надо спешить, не терять времени даром, чтобы избежать ошибки наших предков: они дали варварам опередить себя и, потеряв из-за этого многих союзников, были вынуждены сражаться против превосходящих сил врага, хотя могли первыми высадиться в Азии и объединенными силами всей Эллады покорять местные племена одно за другим. (165) Опыт учит, что в случае войны с разноплеменным противником следует не ждать, пока он соберет свои силы, а нападать, пока они разбросаны по разным местам. Наши предки допустили явный промах, но исправили его в тяжелых боях; а мы, если будем действовать умнее, подобной оплошности не повторим и постараемся внезапным ударом занять Лидию и Ионию, (166) зная, что жители этих областей давно тяготятся господством персов и лишь потому терпят их власть, что поодиночке не справятся с царским войском. И если мы туда переправим большие силы — а это нетрудно, стоит лишь захотеть, — то без риска станем владыками Азии. Куда лучше отвоевывать у царя его державу, чем оспаривать друг у друга первенство в Элладе.

(167) Хорошо бы начать этот поход еще при нынешнем поколении, чтобы оно, перенесшее столько бед, смогло наконец насладиться счастьем. Слишком много ему пришлось выстрадать: хотя жизнь вообще неотделима от горя, к естественным страданиям, неизбежным от природы, мы сами прибавили войны и смуты, (168) из-за которых одни беззаконно гибнут, другие скитаются с семьей по чужбине, многие ради заработка уходят в наемники и, сражаясь с друзьями, умирают за врагов.

Никого это не трогает; люди плачут над вымыслами поэтов, а на подлинные страдания, порожденные войной, взирают спокойно и равнодушно. (169) Впрочем, смешно с моей стороны сокрушаться об отдельных людях, между тем как Италия опустошена, Сицилия в рабстве, ионийские города отданы персам, а судьба остальной Эллады на волоске.

(170) Как могут власти наших городов гордиться собой, когда они бездействуют, видя все это? Будь они достойны своего положения, им следовало давно отложить все дела и настойчиво предлагать войну против персов. Они могли бы хоть что-нибудь сделать, (171) а если бы даже и не достигли успеха, то по крайней мере оставили бы в назидание потомкам свои вдохновенные речи. А сейчас они заняты пустяками и оставили это важнейшее дело нам, далеким от государственных дел. (172) Но чем мелочнее заботы, в которых они погрязли, тем усерднее мы должны искать путей к единству Эллады. Сейчас наши мирные договоры бессмысленны: мы не прекращаем, а лишь откладываем войны, выжидая случая нанести друг другу смертельный удар. (173) Пора покончить с этим коварством и сделать так, чтобы мы могли жить спокойно и с доверием относиться друг к другу. А как это сделать, объяснить очень просто: не будет у нас прочного мира, пока варварам мы не объявим войну; не будет между нами согласия до тех пор, пока мы не найдем себе общего врага и общий источник обогащения. (174) А когда это осуществится и исчезнет у нас бедность, которая разрушает дружбу, родных делает врагами, вовлекает людей в мятежи и войны, тогда воцарится всеобщее согласие и мы станем по-настоящему доброжелательны друг к другу. Значит, надо как можно скорее перенести войну из Европы в Азию и извлечь из наших распрей хотя бы ту пользу, что опыт, накопленный в междоусобной войне, мы сможем применить в походе на персов.

(175) Мне могут возразить, что от объявления войны нас обязывает воздержаться мирный договор с Персией. Но из-за него города, получившие независимость, признательны царю как своему освободителю, а города, отданные под власть варварам, клянут как виновников своего рабства спартанцев и других подписавших мир. Неужели не следует порвать договор, создающий впечатление, будто варвар заботится об Элладе и потому охраняет мир, а некоторые из нас нарушают мир и тем причиняют Элладе зло? (176) Нелепее всего то, что мы соблюдаем самые ненавистные положения договора: тот его раздел, где говорится о свободе островам и городам европейской части Эллады, уже давно и прочно забыт, а самая позорная для нас статья, отдавшая ионийцев в рабство персам, по-прежнему остается в полной силе. Мы признаем законным то, чего не должны были терпеть ни дня, считая это не договором, а основанным на грубой силе приказом.

<...> (181) Поэтому мы должны во что бы то ни стало отомстить за прошлое и обеспечить свое будущее. Позор, что у себя дома мы держим

варваров на положении рабов, а в делах Эллады миримся с тем, что наши союзники в рабстве у них. Когда-то, во времена Троянской войны, из-за похищения одной женщины наши предки вознегодовали настолько, что родной город преступника сровняли с землей. (182) А сейчас, когда жертва насилия — вся Эллада, мы не желаем отомстить за нее, хотя могли бы осуществить свои лучшие мечты. Это единственная война, которая лучше, чем мир. Похожая больше на легкую прогулку, чем на поход, она выгодна и тем, кто хочет мира, и тем, кто горит желанием воевать: те смогут открыто пользоваться своим богатством, а эти разбогатеют за чужой счет. (183) Во всех отношениях эта война необходима. Если нам дорога не пожива, а справедливость, мы должны сокрушить наших злейших врагов, которые всегда вредили Элладе. (184) Если есть в нас хоть капля мужества, мы должны отобрать у персов державу, владеть которой они недостойны. И честь и выгода требуют от нас отомстить нашим кровным врагам и отнять у варваров богатства, защищать которые они не способны. (185) Нам даже не придется обременять города воинскими наборами, столь тягостными сейчас, при междоусобных войнах: желающих отправиться в этот поход, несомненно, будет гораздо больше, чем тех, кто предпочтет остаться дома. Найдется ли кто-нибудь столь равнодушный, будь то юноша или старик, кто не захочет попасть в это войско с афинянами и спартанцами во главе, снаряженное от имени всей Эллады, чтобы союзников избавить от рабства, а персов заслуженно покарать? (186) А какую славу стяжают при жизни, какую посмертную память оставят те, кто отличится в этой войне! Если воевавших когда-то против Париса и взявших осадой один только город продолжают восхвалять до сих пор, то какая же слава ждет храбрецов, которые завоюют Азию целиком? Любой поэт и любой оратор не пожалеет ни сил, ни труда, чтобы навеки запечатлеть их доблесть.

(187) Я уже не чувствую той уверенности, с которой начинал свою речь: я думал, что речь будет достойна своего предмета, но вижу, что не сумел его охватить и многое не сказал из того, что хотел. Значит, вам остается самим подумать, какое нас ждет великое счастье, если войну, губящую нас, мы перенесем из Европы в Азию, а сокровища Азии доставим к себе. (188) Я хочу, чтобы вы ушли отсюда не просто слушателями. Пусть те из вас, кто сведущ в делах государства, добиваются примирения Афин и Спарты, а те, кто опытен в красноречии, пусть перестанут рассуждать о денежных залогах и прочих безделках, пусть лучше попробуют превзойти эту речь и поищут способа на эту же тему высказаться красноречивей, чем я, (189) помня, что настоящему мастеру слова следует не с пустяками возиться и не то внушать слушателям, что для них бесполезно, а то, что и их избавит от бедности, и другим принесет великие блага.

ЭСХИН
(389–314 гг. до Р.Х.)

ПРОТИВ КТЕСИФОНТА О ВЕНКЕ[1]

(1) Вы видите, афиняне, как иные здесь ведут происки, как смыкают ряды, как затевают уговоры по всей площади, чтобы все у нас в городе пошло не по заведенному порядку и обычаю, — и все-таки я иду к вам с верою прежде всего в богов, а потом в законы и в вас, ибо знаю: перед вашим лицом никакие происки не осилят законности и справедливости. (2) Как бы мне хотелось, афиняне, чтобы и Совет пятисот, и Народные собрания направлялись очередными председателями по верному пути, чтобы в силе были Солоновы законы о благочинии ораторов, чтобы первым мог по их велению чинно выступить на помост старейший из граждан и без шума и смуты подать гражданам лучшие советы своей опытности, а за ним чтобы и другие граждане по желанию высказывались обо всяком деле по очереди и в порядке возраста! Думаю, что тогда и город управлялся бы лучше, и судебных дел стало бы меньше. (3) Но с тех пор, как перевелось все, что прежде единодушно признавалось лучшим, и одни стали с легким сердцем вносить противозаконные предложения, а другие ставить их на голосование, сами получив председательство не справедливейшим жребием, но посредством происков, а если кто из других членов совета, честно председательствуя по жребию, правильно объявляет итоги вашего голосования, то все считающие государство не общим, а своим достоянием, грозят им чрезвычайными обвинениями и тем порабощают рядовых граждан, а себе присваивают деспотическую власть, (4) и когда суды по закону перевелись, а судить стали по злобе и по особым постановлениям, — с тех самых пор умолк в городе столь прекрасный и разумный клич глашатая: «Кто желает высказаться

[1] Процесс по делу о присуждении Демосфену золотого венка состоялся в 330 г. до Р.Х. Эсхин оспаривает законность присуждения этой награды. Подавляющее большинство судей (более $^4/_5$) поддержало Демосфена. Такое соотношение голосов означало конец политической карьеры Эсхина. Отказавшись уплатить штраф в 1000 драхм, он отправился в изгнание на далекий остров Родос.

Печатается в отрывках по: Ораторы Греции / Сост. М. Л. Гаспаров; Пер. с древнегр. С. Ошерова и М. Гаспарова. М., 1985.

из достигших пятидесяти лет, а затем по очереди из прочих афинян?», и с тех пор уже ораторская разнузданность не подвластна ни законам, ни председателям, ни первоприсутствующим, ни председательствующей филе, хоть это и десятая часть нашего города.

(5) При таком-то положении государственных дел, при таких обстоятельствах, смысл которых вы сами понимаете, один лишь осколок, по разумению моему, остался от нашего государственного устройства, и этот осколок — обвинения в противозаконии. Ежели и их вы отмените или будете потворствовать стремящимся к отмене, то предрекаю вам, что, сами того не заметив, вы и все наше государство уступите кое-каким господам. (6) Вы ведь знаете, афиняне, что у всех людей есть только три способа государственного устройства: власть единоличная, власть немногих и власть народная; при единоличной власти и власти немногих государство управляется по произволу начальствующих, и лишь при народной власти — по незыблемо установленным законам. Пусть же ясно знает и твердо помнит каждый из вас: всякий раз, как он входит в судилище судить дело о противозаконии, ему предстоит голосовать за собственную свободу слова. Потому ведь и законодатель поставил на первое место в судейской присяге такие слова: «я буду голосовать по закону...» — он понимал, что пока неприкосновенны в государстве законы, крепка в нем и народная власть. (7) Памятуя об этом, вы должны ненавистью встречать подателей противозаконных предложений, вы должны ни единое из них не считать незначительным, но каждое — чудовищным, вы должны никого не допускать отбить у вас это право, не поддаваясь ни ходатайствам военачальников, которые давно уже заодно с кое-какими краснобаями подтачивают наше государство, ни прошениям чужестранцев, которых иные из противозаконных заправил нашего правления приводят к нам, чтобы самим ускользнуть от суда, — нет: как на войне каждый из вас постыдился бы покинуть место в строю, куда его поставили, так и ныне да будет вам стыдно покинуть строй, куда сегодня законы поставили вас охранять народовластие. (8) А еще должны вы помнить о том, что сейчас все граждане — и те, что здесь и слушают суд, и те, что в отлучке по своим делам, — вверили вам наш город и его государственное устройство; и вы, афиняне, стыдясь этих граждан и памятуя о принесенной вами присяге и о наших законах, в ответ на мое изобличение Ктесифонта в подаче предложения противозаконного, неверного и пагубного государству пресеките это противозаконие, укрепите в городе народовластие, покарайте заправил, правящих наперекор законам и вашей пользе. И если вы с такими чувствами выслушаете предстоящую мою речь, то я уверен, что проголосуете вы так, как требуют законы, присяга и польза — ваша собственная и всего нашего города.

(9) Я надеюсь, что о смысле моего обвинения в целом предуведомил я вас достаточно; а теперь я хочу коротко рассказать о тех законах от-

носительно подотчетных лиц, которые нарушил Ктесифонт своим предложением.

В прежние времена бывало так, что некоторые люди, когда занимали высшие должности или распоряжались доходами и на этом наживались, заранее заручались для себя краснобаями в совете и в Народном собрании и задолго предвосхищали свой отчет всенародно возглашаемыми себе хвалами, так что потом при отчете оказывались в затруднении и обвинители, и особенно судьи. (10) Очень многие подотчетные лица, схваченные с поличным на краже государственных средств, ускользали от суда, и недаром: судьям, видимо, было стыдно, что один и тот же человек в одном и том же городе и даже в одном и том же году оказывался сперва провозглашен на играх достойным венка и получал от народа золотой венок за доблесть и справедливость, а спустя немного времени выходил из судилища после отчета осужденный за казнокрадство, — и судьи поневоле голосовали не о наказании за преступление, а о том, чтоб оградить народ от стыда. (11) И вот, заметив это, некий законодатель установил закон, и отличный закон, прямо запрещающий награждать венками подотчетных лиц.

Правда, несмотря даже на столь мудрую предусмотрительность законодателя, нашлись слова сильнее законов, и если не сказать о них заранее, то вас обманут незаметно. Ведь среди тех, кто противозаконно награждает венками подотчетных лиц, есть и люди более умеренные по природе (если в нарушении закона можно остаться умеренным); во всяком случае, они прикрывают стыд, к своему предложению увенчать подотчетного добавляя слова «когда он даст ответ и отчет в исполнении должности». (12) Государству от этого вред не меньший, потому что отчет все равно предваряется похвалами и венками, но предлагающий хотя бы показывает слушателям, что предложение его противозаконно и он стыдится своего проступка. Однако Ктесифонт, афиняне, преступив закон о подотчетных лицах, не прибегнул даже к вышесказанной оговорке: он предложил наградить Демосфена венком до ответа, до отчета, когда тот еще исполняет должность.

<...>

(17) Далее я хочу наперед вкратце сказать вам еще об одном доводе, который Демосфен считает неоспоримым. Он вам скажет: «Я распорядитель при постройке стен, это так; но я от себя прибавил городу сто мин и сделал сооружение еще больше, — в чем же мне давать отчет? разве что в благотворительности!» Так вот, послушайте, что я отвечу на такую отговорку и во имя правды, и во имя пользы.

Во всем нашем городе, столь древнем и столь великом, ни единого нет человека, который, имея хоть какое-то отношение к общественным средствам, не был бы обязан отчетом. (18) Это я вам докажу сперва на самых неожиданных примерах. Так, закон велит отчитываться даже жре-

цам и жрицам, вместе и порознь, и не только поодиночке, но и целыми родами: Евмолпидам, Керикам и прочим, — а ведь они получают лишь почетные дары и молятся за вас богам! (19) Далее, закон велит отчитываться тем, кто строит на свои средства корабли, — а ведь они не распоряжаются общественными средствами, не присваивают из вашего добра помногу, уделяя вам из своего понемногу, не хвастаются щедротами, на самом деле лишь возвращая вам ваше; нет, они и вправду тратят свои наследственные состояния, чтобы только быть за это у вас в чести. Но не только строители кораблей, но и заседатели самых важных в городе собраний предстают в судилище для проверки голосованием! (20) Прежде всего, закон велит самому совету Ареопага давать проверщикам ответ и отчет, так что и он, столь суровый у себя и ведающий столь важными делами, подчиняется вашим голосам. Стало быть, никто в нем не получит венка? Никто: таков отеческий обычай. Что же, в них нет и честолюбия? Конечно, есть: ведь им мало избегать беззаконий, они подвергают себя наказаниям даже за малейшую ошибку, — не то, что ваши краснобаи, которые так избаловались. Равным образом законодатель подчинил отчетности и самый Совет пятисот. (21) Да и к подотчетным лицам у него так мало доверия, что сразу же, в начале закона он говорит: «подотчетному должностному лицу из города не отлучаться!» Великий Геракл! — скажет кто-нибудь. — Если я занимал должность, значит, мне и отлучаться нельзя? Да, нельзя, чтобы ты не сбежал, взяв государственные деньги или не доделав дела. Кроме того, подотчетное лицо не имеет права ни жертвовать свое состояние богам, ни делать приношения в храмы, ни быть усыновленным, ни завещать свое имущество, ни многое другое — одним словом, законодатель смотрит на достояние подотчетного как на залог, пока тот не сдаст отчета государству. (22) А разве не бывает так, что человек ничего из государственных средств не брал и не тратил, а все-таки имел к ним доступ? Так нет же: закон и ему велит держать ответ перед проверщиками! Как же он будет держать ответ, ничего не взяв и не истратив? А это ему подсказывает и учит сам закон: так, мол, и напиши, что-де из государственных средств я ничего не взял и не истратил. Одним словом, в городе нет ничего, что не подлежало бы отчету, проверке и расследованию! А что я правду говорю, о том послушайте сами законы. *[Читаются законы.]*

(23) Вот; и если Демосфен еще осмелится говорить, будто благодаря своему пожертвованию свободен от отчета, то скажите ему так: «А не лучше ли тебе, Демосфен, не препятствовать глашатаю проверщиков возгласить по закону и обычаю: “кто желает выйти обвинителем?” И не препятствуй же любому, кто захочет возразить тебе, что вовсе ты ничего не жертвовал, а лишь отдал немногое из многого, что получил ты на постройку стен, взял же ты на это у города целых десять талантов. Не захватывай же почести силой, не вырывай у судей из рук судейские камеш-

ки, в государственных делах не подчиняй себе законы, а подчиняйся им сам: только этим укрепляется народовластие».

(24) Сказанного довольно против тех пустых отговорок, которыми будут отговариваться эти господа. А что в то время, когда Ктесифонт выступил со своим предложением, Демосфен доподлинно был лицом подотчетным, заведуя зрелищными деньгами и заведуя постройкой стен, но ни по той, ни по другой должности не давши ответа и отчета, — это я постараюсь доказать вам по государственным ведомостям. Прочитайка, в какой год, месяц и день и на каком народном собрании избран был Демосфен, чтобы ведать зрелищными деньгами! *[Читается постановление.]* Вот видите: если даже я больше ничего не докажу, все равно Ктесифонт попался, уличенный даже не моим обвинением, а государственною ведомостью. <...>

(32) А теперь я вам докажу, что и объявлять-то о награждении венком так, как это сказано в его предложении, — тоже дело противозаконное. Закон указывает ясно: если кого-нибудь награждает совет, то об этом провозглашается в совете, если народ — то в Народном собрании, а больше нигде. Прочти-ка закон. *[Читается закон.]* (33) Вот каков закон, афиняне, и это отличный закон: видимо, законодатель полагал, что незачем оратору красоваться перед посторонними, а надобно довольствоваться почетом от народа в своем городе и не искать поживы в огласках. Так полагал законодатель; а Ктесифонт? Прочитай теперь, что он нам предлагает! *[Читается предложение.]* (34) Вы слышите, афиняне? Законодатель велит объявлять о награждении венком от народа пред самим народом в собрании на Пниксе и больше нигде; Ктесифонт же, в обход закона меняя место, велит сделать это в театре, и не во время Народного собрания, а на представлении новых трагедий, и не пред лицом народа, а пред лицом всех эллинов, чтобы и они вместе с нами знали, какого мужа мы чтим.

<...> (49) А теперь мне остается та часть обвинения, на которой я настаиваю больше всего: это повод, по которому Ктесифонт считает Демосфена достойным венка. <...>

(51) Дело обстоит так. Разбирать всю Демосфенову жизнь было бы, думается мне, непомерно долго. Для чего нам нынче рассказывать, как он жаловался Ареопагу на Демомела Пеанийского, двоюродного своего брата, за то, что тот проломил ему голову? Или о том, как при полководце Кефисодоте, когда наши корабли отплывали в Геллеспонт, Демосфен был начальником над одним из судов, (52) вез на нем полководца и делил с ним стол и жертвы и возлияния, удостоенный этого ради наследственной с ним дружбы, а потом не посовестился выступить против него по чрезвычайному обвинению, когда дело шло о жизни и смерти? Или о том, как Мидий избил его, начальника хора, прямо на орхестре, а он потом за тридцать мин продал и свою обиду, и волю народа, проголосовавшего против Мидия в театре Диониса? (53) Все это и многое подоб-

ное можно, я полагаю, пропустить, не обманывая вас и не смягчая спора, а лишь избегая от вас упрека в том, что хоть все это и правда, но слишком уж старо и общеизвестно. Однако, Ктесифонт, ежели чей-нибудь великий позор столь заведомо достоверен слушателям, что слова обвинителя кажутся хоть и правдою, но слишком уж старой и общеизвестной, — что приличнее, разбранить его или увенчать золотым венком? А тебе с твоим лживым и противозаконным предложением что приличнее — насмехаться над судом или понести от народа наказание?

(54) Но о преступлениях Демосфена против государства я попробую сказать поподробнее. Как я слышал, Демосфен намерен, дождавшись своей очереди говорить, насчитать вам четыре срока времени с тех пор, как он служит государству. <...>

(56) Так вот, чтобы он так не разнуздывался и чтобы вы обо всем знали заранее, я сейчас перед лицом судей, перед лицом всех граждан, собравшихся вокруг, перед лицом всех эллинов, которым приспела охота услышать этот суд, — а их здесь, я вижу, немало; никто не упомнит, чтобы столько народу пришло на спор по государственному делу, — отвечаю тебе, Демосфен: я обвиняю тебя за все твои четыре срока времени, (57) и ежели боги будут благосклонны, а судьи выслушают меня беспристрастно, а сам я смогу припомнить все, что за тобою знаю, то я уверен, что докажу: спасением своим город наш обязан богам и тем людям, которые явили ему милость и кротость, а во всех его бедах виноват был Демосфен. И я буду следовать тому самому порядку речи, которого, как слышно, намерен держаться он сам: во-первых, скажу о первом сроке, во-вторых — о втором, в-третьих — о следующем и, в-четвертых — о нынешнем положении дел.

Итак, я возвращаюсь к тому мирному договору, который предложили ты и Филократ. (58) Тогда, афиняне, была у вас возможность заключить тот первый мир заодно с союзным советом эллинов, если бы некоторые господа не помешали вам дождаться посольств, отправленных вами в ту пору по всей Греции с призывом против Филиппа. Тогда со временем эллины бы сами по доброй воле вернули вам первенство; но вы это упустили, а все из-за Демосфена с Филостратом и той мзды, которую получили эти мздоимцы, соединясь на погибель вам и государству!

(59) Ежели кому из вас от неожиданности такая речь покажется невероятной, то давайте все остальное слушать так, как будто мы заседаем по делу о растрате и разбираем давнишние счета: иногда ведь мы садимся за это с предвзятыми мнениями, но когда счета сверены, то никто не бывает столь упрям, чтобы уйти, не согласившись с истинностью того, что доказано счетом. (60) Вот так и вы слушайте меня сейчас. Если кто из вас пришел сюда, сохранивши с прежнего времени мнение, что уж Демосфен-то никогда ничего не говорил в пользу Филиппа по сговору с

Филократом, то пусть такие ничего не решают ни за, ни против, пока не выслушают меня, ибо это не по справедливости. <...> (64) При этом обратите особое внимание вот на что: Филипп вел свои переговоры, понятным образом, не с остальными послами — теми, которых потом так оклеветал переметнувшийся Демосфен, — а с самими Филократом и Демосфеном, вместе державшимися в посольстве и вместе потом внесшими три предложения: во-первых — не ждать возвращения послов, разосланных вами с призывом против Филиппа, то есть заключить мир не заодно с эллинами, а отдельно; (65) во-вторых — заключить с Филиппом не только мир, но и союз, чтобы державшие вашу сторону совсем пали духом, видя, что вы их призываете к войне, а сами постановляете заключить не только мир, но и союз; в-третьих — фракийского царя Керсоблепта в клятвенный договор не включать и от мира и союза отлучить; против него даже был объявлен поход. (66) Тот, кто покупал у них все эти выгоды, ни в чем не виноват: пока не было клятв и договоров, он вправе был без упрека добиваться своей пользы; а вот те, кто предал и продал силу нашего города, заслужили величайшего вашего гнева. Посмотрите: вот Демосфен, величающий себя теперь врагом Александра, а тогда врагом Филиппа, попрекающий меня моей дружбою с Александром, этот самый Демосфен лишает нас выгоднейшего для нас времени и вносит предложение, (67) чтобы очередные председатели назначили Народное собрание на восьмое число месяца элафеболиона, то есть — слыханное ли дело? — на священный день жертвоприношений и начала игр в честь Асклепия! А под каким предлогом? Для того-де, чтобы если к тому времени прибудут послы Филиппа, то, как можно скорее, обсудить свои с ним дела! То есть он заранее назначает Народное собрание для еще не прибывших послов, оставляя вам времени в обрез и торопя решения, а все затем, чтобы вы заключили мир не по возвращении разосланных посольств, не заодно с остальными эллинами, а отдельно. (68) После этого, афиняне, послы от Филиппа и впрямь явились, а ваши посольства все еще по чужим городам поднимали эллинов против Филиппа. И тогда Демосфен проводит второе постановление: обсудить условия не только мира, но и союза восемнадцатого и девятнадцатого числа элафеболиона, тотчас после городских Дионисий, не дожидаясь возвращения ваших посольств. Что так оно и было, о том послушайте сами эти постановления. [*Читаются постановления.*]

(69) И вот, афиняне, миновали Дионисии и состоялись назначенные собрания. В первый же день нам было оглашено общее решение наших союзников. Главные его требования я коротко перечислю. Прежде всего, они писали, чтобы мы совещались только о мире; слово «союз» не упоминалось, и не по недосмотру, а потому что и мир-то они считали скорее вынужденным, чем почетным. (70) А затем они сделали добавление, отлично противостоявшее Демосфенову мздоимству и поправляв-

шее его последствия: дать три месяца на то, чтобы все желающие эллинские государства могли записать себя на том же камне, что и афиняне, и принять участие в клятвах и договорах. Этим достигались две большие выгоды: во-первых, выгадывались три месяца времени, достаточные для того, чтобы прибыли посольства от эллинов, а во-вторых, приобреталось благорасположение всех эллинов и общего их совета, чтобы в случае нарушения договоров не пришлось нам воевать в одиночку и без подготовки (а теперь из-за Демосфена так оно и вышло!). Что так это и было, вы убедитесь, выслушав это самое решение. [*Читается решение союзников.*] (71) Такое решение поддерживал и я, и все выступавшие в тот первый день, и народ тогда разошелся в уверенности, что будет заключен мир, и притом при участии всех эллинов, а о союзе нам лучше и не поминать после всех наших обращений к эллинам.

Но прошла ночь, на другой день мы опять явились в собрание, — и тут-то Демосфен, захвативши возвышение и никому не давая сказать слова, начал твердить, что все сказанное вчера бесполезно без согласия Филипповых послов и что никакого мира без союза быть не может. (72) Незачем, говорил он, «отрывать» мир от союза (я запомнил точно это выражение — так отвратительны были и слово и оратор), незачем ждать, пока соберутся остальные эллины, а нужно самим или воевать, или заключать отдельный мир. А потом он подозвал к возвышению Антипатра и стал задавать ему вопросы, о которых предупредил его заранее и на которые подсказал ответы на погибель нашему городу. И, в конце концов, так оно и сделалось: речью приневолил вас Демосфен, а предложение написал Филократ.

<...> (76) Еще мне надобно рассказать и о его раболепстве. Ведь Демосфен, афиняне, год заседая в совете, ни разу ни для одного посольства не предлагал почетных мест в театре, а на этот раз впервые и места им назначил, и подушки им подкладывал, и ковры расстилал, и ни свет ни заря провожал послов в театр, так что даже был освистан за непристойную лесть. А когда послы отъезжали, он им нанял три запряжки мулов и провожал до самых Фив, выставляя наш город на посмешище. Но чтобы мне не отклоняться от предмета, возьми-ка постановление о почетных местах! [*Читается постановление.*]

(77) И при таком-то раболепном угодничестве, господа афиняне, этот самый Демосфен, первым узнав от Харидемовых лазутчиков о кончине Филиппа, сочинил себе вещее сновидение, будто бы узнал о случившемся не от Харидема, а прямо от Зевса и Афины, ими же днем поклявшись в том, что ночью они с ним разговаривают и предрекают ему будущее. То был седьмой день после смерти его дочери, — а он, не оплакав ее, не совершив всего, что положено, вопреки всем законам, в венке и белом одеянии заклал в праздничную жертву быка, хоть и потерял, несчастный человек, первое и единственное существо, назвавшее его отцом!

(78) Я не попрекаю его несчастием, а только думаю о его характере: ведь дурной отец, враг собственных детей вряд ли годен в народные вожди — кто не любит самых родных и близких, тот и вас, чужих, не станет уважать, кто в своих делах нехорош, тот не будет хорош и в государственных, кто дома низок, от того и в Македонии благородства не жди: он меняет лишь место, а не Душу!

<...> (81) А как раз в это самое время между ними двумя случилась ссора, из-за чего — вы и сами догадываетесь; и тогда-то в том нежданном общем смятении Демосфен со всеми его пороками, врожденными и приобретенными, с трусостью и завистью к Филократовым взяткам задумался и рассудил вот как: ежели он открыто выступит против и Филиппа, и своих товарищей по посольству к нему, то Филократ заведомо погибнет, остальные послы окажутся в большой опасности, а он сам, вероломный предатель своих товарищей, возвеличится как верный друг народа.

(82) Когда увидели это враги нашего общественного спокойствия, они с радостью стали науськивать его к выступлениям, именуя неподкупнейшим человеком в городе; и он выступил, и с того пошла вся война и смута. <...>

<...> (99) Даже здесь этот Демосфен ведет себя не по-людски, а по-особенному! Ведь когда другие хвастуны принимаются лгать, то стараются говорить неопределенно и неясно, опасаясь изобличения; а Демосфен когда хвастается, то прежде всего ложь свою подкрепляет клятвою, призывая погибель на свою голову, а потом в глаза говорит, когда будет то, чему заведомо не быть, поименно называет людей, которых отродясь не видывал, и так вкрадывается в ваш слух, притворяясь говорящим правду. И поэтому он ненавистен еще сильней: из-за него, негодяя, теперь не опознать и людей порядочных.

(100) Кончив этакий рассказ, Демосфен дает письмоводителю прочесть постановление — длинней «Илиады», пустопорожней собственных его речей и собственной его жизни, и все про надежды, которым не сбыться, и про войска, которым не собраться. <...>

(103) Остается только сказать, что за предложение свое Демосфен получил мзду в три таланта: талант из Халкиды от Каллия, талант из Эретрии от тирана Клитарха и талант из Орея. Через Орей-то это все и раскрылось, потому что власть в этом городе народная и дела решаются народными постановлениями. Орейцы, издержавшись на войну и оказавшись в бедственном положении, посылают к Демосфену послом Гносидема, сына бывшего орейского тирана Харигена, умоляя простить им этот талант и обещая ему за это поставить медную статую; (104) но Демосфен ему ответил, что медь ему нимало не надобна, и стал взыскивать свой талант через Каллия. И орейцы на своем безденежье были вынуждены заложить ему за этот талант государственные доходы и выплачивали Демосфену по драхме с мины каждый месяц, пока не погасили всего

капитала. Все это было сделано по народному постановлению; прочти нам это орейское постановление в знак того, что я не лгу! *[Читается постановление.]* (105) Такое постановление, афиняне, для города нашего — позор, для Демосфена — разоблачение его пронырства в государственных делах, а для Ктесифонта — прямое обвинение: ведь такой подлый взяточник никак не может быть тем достойным мужем, какого изображает нам Ктесифонт в предложении о венке!

<...> (130) И разве боги не давали вещаний, не давали знамений, не остерегали нас чуть ли не человечьим языком? Ввек я не видывал другого государства, которое боги бы так спасали, а иные собственные болтуны так губили! Разве мало было нам знаменья при таинствах, когда погибали посвященные? Разве не советовал тогда Аминиад остеречься и спросить в Дельфах, что нужно делать, и разве Демосфен не возражал ему, что-де пифия держит сторону Филиппа, — Демосфен, этот неуч, которому вы дали и отведать и пресытиться властью! (131) А когда после всего этого и жертвы оказались недобрыми и неблагоприятными, разве не послал он воинов на верную смерть? И еще он смел недавно напоминать, что-де Филипп оттого не пошел на нашу землю, что жертвы вещали ему недоброе! Какой же казни после этого достоин ты сам, пагуба всей Эллады? Да ведь ежели Филипп, уже победив, не пошел на землю побежденных оттого лишь, что недобрыми были жертвы, а ты, еще не зная будущего, отправляешь войско, сам не дождавшись добрых жертв, то венчать тебя следует или изгнать за все несчастья нашего города?

(132) Ах, есть ли что нежданное и негаданное, что миновало бы нас! Не обычную мы прожили людскую жизнь, а словно родились затем, чтобы потомки о нас рассказывали невероятности! Разве персидский царь, прокопавший Афон, замостивший Геллеспонт, требовавший от эллинов земли и воды, в посланиях дерзавший величать себя владыкою всех народов от востока до заката, разве он теперь не бьется не за власть, а за собственную жизнь? А ведь славы предводительства в войне против персов удостоились те самые [македоняне], которые освободили Дельфийский храм! (133) А Фивы, Фивы, соседний нам город, в единый день исторгнутый из самой сердцевины Эллады, — пусть поделом, пусть все их решения были неправильны, но безумие их и одержимость все же были не от людей, а от божества! А несчастные лакедемоняне, лишь в самом начале, при захвате храма прикоснувшиеся к этому худому делу, — они, некогда притязавшие первенствовать над всеми эллинами, теперь посылают к Александру заложников во свидетельство своих бедствий и должны будут вверить себя и отечество любому его решению, уповая лишь на сдержанность оскорбленного ими победителя! (134) А наш собственный город, общее прибежище эллинов, куда прежде сходились посольства со всей Эллады, где каждый город надеялся найти у вас спасение? Теперь он борется уже не за первенство среди эллинов, а за род-

ные свои очаги. И все это постигло нас с тех пор, как к государственным нашим делам пробрался Демосфен! <...>

(152) Как мне здесь не вспомнить о тех наших доблестных мужах, которых этот Демосфен вопреки недобрым и неблагоприятным жертвам сам отправил на верную смерть, а теперь еще смеет, взойдя на их курган теми же стопами, какими бежал с поля боя и с места в строю, прославлять хвалою их мужество! Ты, который на деле не способен ни к чему великому и хорошему, на словах же удивительно смел, — неужели ты посмеешь, глядя этим гражданам в глаза, объявить, что за все бедствия нашего отечества тебе причитается венок? А ежели он и посмеет, то неужели вы, граждане, это потерпите, неужели ваша память впрямь умерла вместе с этими павшими? (153) Представьте на мгновение, что вы не в судилище, а в театре, и подумайте, что вот к вам выходит глашатай и возглашает то, о чем речь в Ктесифонтовом постановлении, и потом скажите, о чем больше прольют слез родственники павших: о страданиях героев в последующих трагедиях или о несправедливости отечества? (154) Какой эллин, воспитанный как свободный человек, не загрустит, припомнив хотя бы о том, как когда-то, когда в городе законы были лучше и вожди достойнее, в этот самый день, перед началом таких же трагических представлений, как нынче, глашатай выводил к народу во всеоружии достигших совершеннолетия сыновей тех, кто пал на поле боя, и возглашал прекраснейшие и вдохновляющие к доблести слова: этих-де юношей, чьи отцы пали в битве смертью доблестных, сам народ вскормил до зрелой младости, а теперь наделяет их всеоружием и предоставляет в добрый час самим избирать себе дело и приглашает на лучшие в театре места. (155) Так бывало прежде, но не теперь: ибо что сказать, что крикнуть глашатаю, выведя к народу виновника их сиротства? Да ведь если он и повторит, что сказано в Ктесифонтовом предложении, то сам голос истины не смолчит о позоре, и послышатся нам слова, противозначные глашатаевым: этого-де мужа, коли он — муж, награждает венком афинский народ: порочнейшего — за добродетель, малодушнейшего беглеца — за доблесть! (156) Нет, афиняне, во имя Зевса и всех богов, не воздвигайте в Дионисовом театре трофея в честь собственного поражения, не уличайте афинский народ в безумстве пред всеми эллинами, не напоминайте о непоправимых и неисцелимых бедствиях несчастным этим фиванцам, которых Демосфен обрек на изгнание, а вы дали им убежище, чьи погублены святыни, гробницы, отпрыски Демосфеновым мздоимством и золотом персидского царя! (157) Вас там не было, но представьте их бедствия хоть мысленно: вообразите воочию, как гибнет город, рушатся стены, горят дома, влачатся в рабство женщины и дети, а те старцы и старухи, которым поздно уж отвыкать от свободы, плачутся, взывают к вам, негодуют не на тех, кто казнит, а на тех, кто виновник такой казни, и наказывают вам не венчать венком этого

губителя всей Эллады, а беречься того злого божества и злого рока, которые всюду спешат за ним вслед! (158) Ведь и впрямь ни городу, ни частным лицам никогда не случалось добра от советов Демосфена. Не стыдно ли вам, афиняне? <...>

(164) Далее — когда Дарий со всеми силами вышел к морю, и Александр оказался заперт в Киликии и терпел-де крайнюю нужду, и вот-вот-де был бы растоптан персидскими копытами, — тогда наш город не мог вместить твоей заносчивости, ты расхаживал, держа напоказ по письму под каждым пальцем, говорил, что в лице у меня страх и отчаянье, издевался, что мне уже вызолотили рога и надели жертвенный венок на случай Александрова поражения, — но и тут ничего ты не предпринял, а все откладывал до лучших времен. (165) <...> И что же, Демосфен, что ты тогда сделал, что ты хотя бы сказал? Если хочешь — вот тебе помост, скажи сам.

(166) Молчишь? не знаешь? Так и быть, повторю твои слова вместо тебя. Неужели вы не помните, каковы были мерзкие и непонятные его словечки, которые и выслушать-то нужно было иметь железные силы? Он еще говорил: «Иные обирают наш град, как вертоград, обрезают молодые лозы народа, подрубают жилы наших сил, нас сшивают, как плетенки, нас втыкают, как иголки, в самые стесненные обстоятельства!» (167) Что это такое? словоблудие? слова или чудовища? А в другой раз ты кричал, вертясь волчком на помосте, будто борешься с Александром: «Да, это я поднял лаконян, это я заставил отложиться фессалийцев и перребов!» Это ты-то заставил отложиться фессалийцев? Да как будто ты можешь хоть деревушку заставить отложиться, как будто ты на шаг подойдешь не то что к городу, а к дому, где есть хоть малая опасность! Вот где деньги раздают, там ты неотлучен; но мужское дело никакое не по тебе. Случись что само собою, ты присвоишь это и припишешь себя к событию; случись страшное, ты удерешь; а случись народу вздохнуть свободно, ты требуешь наград и золотых венков.

(168) «Пусть так; но он друг народа!» На этот счет коли будете вы слушать лишь его красивые слова, то останетесь обмануты, как и прежде, но коли посмотрите на истинный характер его, то сумеете не даться в обман. Потребуйте же с него отчета вот каким образом. Я вместе с вами буду перечислять, какие черты характера должны быть у человека здравомыслящего и преданного народу, а какие, наоборот, у человека злонамеренного и приверженного к власти немногих. Вы же, сопоставляя то и другое, сами посмотрите, каков этот Демосфен не на словах, а в жизни.

(169) Все вы, наверное, согласитесь, что у друга народа должны быть вот какие качества. Во-первых, он должен быть свободнорожденным как по отцу, так и по матери, чтобы вследствие неблагополучного происхождения не встала в нем обида на законы, которыми держится народная власть. Во-вторых, предки его должны иметь заслуги перед народом или

по крайней мере никакой вражды с народом, чтобы месть за невзгоды предков не толкнула его против нашего государства. (170) В-третьих, он должен быть умерен и здравомыслен в повседневном образе жизни, чтобы из-за разнузданного расточительства не поддаться подкупу во вред народу. В-четвертых, он должен быть благомыслящим и красноречивым: хорошо, когда силою ума человек может выбрать наилучшее решение, а силою образования и красноречия убедить в нем слушателей; если же этого не дано, то благомыслие в любом случае важнее красноречия. В-пятых, наконец, он должен быть мужествен духом, чтобы не покинуть народ в час беды и опасности. А у человека, приверженного к власти немногих, все свойства должны быть противоположны этим, так что их не надобно и перечислять. Рассмотрите же теперь, какими из этих качеств обладает Демосфен, и ведите вашу проверку по всей справедливости.

(171) Отец этого Демосфена, Демосфен Пеанийский, был человек свободнорожденный, тут ничего не скажешь. Зато о матери, о ее отце и прочей родне я кое-что скажу. Был у нас такой Гилон Керамейский; он когда-то предал врагам Нимфей на Понте, принадлежавший в то время нашему городу, и бежал из-под чрезвычайного обвинения, грозившего смертью, не дожидаясь суда; он является в Боспор, получает в подарок от боспорских тиранов так называемые Сады, (172) и тут-то он женится на женщине, которая была богата (еще бы!) и много принесла ему золота в приданое, но роду-то она была скифского. От нее у него были две дочери, которых он прислал в Афины с богатым приданым: за кого он выдал первую, не скажу, чтобы не завести лишних врагов, а вторую взял за себя, не считаясь с афинскими законами, тот самый Демосфен Пеанийский, и от нее-то родился вот этот хлопотун и сутяга Демосфен. Стало быть, по деду он — враг народа, так как предка его вы приговорили к смертной казни; по матери же он — скиф, то есть варвар, лишь говорящий эллинским языком. От этого чуждого происхождения и пороки его.

(173) А каков его повседневный образ жизни? Он был снарядителем кораблей — а оказался наемным сочинителем судебных речей, потому что смехотворно расточил все отцовское имущество. Лишась доверия и здесь — за то, что он выдавал противникам доводы защиты, — выскочил он на помост Народного собрания. Заправляя государственными делами, брал он вдоволь, но осталась при нем самая малость. Нынче он покрыл свои расходы царским золотом, но и это ненадолго: дурному нраву никакого золота недостанет. Самое же главное, что живет он за счет не своих доходов, а ваших, афиняне, бедствий.

(174) А благомыслие и красноречие? Говорит красно, живет гнусно: с кем он сходится сам и от кого рождает детей, я и говорить не хочу, — кто слишком ясно говорит о чужом позоре, тому не миновать чужой злобы. Что же остается государству? Пышные слова и скверные дела.

(175) Наконец, о мужестве его мне довольно немногих слов. Если бы он сам не признавал, что он — трус, или если бы вы сами о том не знали, то я бы многое должен был сказать; но так как и вам это небезведомо и он не раз соглашался с этим при всем народе, то я лишь напомню, какие на этот случай есть законы. Древний наш законодатель Солон почел нужным назначить равные наказания за уклонение от воинской службы, за оставление места в строю и за трусость: в самом деле, ведь привлечь к суду можно и за трусость! Иные удивятся, что к суду привлекают за свойство характера. Но для чего это делается? Для того чтобы каждый из вас пуще врагов боялся кары собственных законов и поэтому отважней сражался за отечество. (176) Стало быть, и уклоняющегося, и беглеца, и труса наш законодатель отлучает от площади, окропляемой жертвенною кровью, от венчания венком, от участия во всенародных жертвоприношениях; ты же, Ктесифонт, велишь нам увенчать того, кого отлучают законы, призываешь на трагические зрелища того, кто к ним не допущен, вводишь в святилище Диониса того, кто предал своею трусостью все святыни.

Я не стану долго отвлекаться от предмета; но когда Демосфен начнет твердить, что он друг народа, то припомните все, что я сказал, и судите его не по словам, а по делам, и не по тому, каким он представляет себя, а по тому, каков он есть.

(177) Но коли уж зашла речь о наградах и венках, то, пока я не забыл, позвольте предостеречь вас, афиняне: если вы не перестанете так щедро дарить награды и так бездумно жаловать венки, то ни от награждаемых не ждите благодарности, ни для государства — поправления дел: потому что подлецов вы не переделаете к лучшему, а хороших людей только вгоните в крайнюю тоску. Что я правду говорю, тому можно привести убедительные примеры. (178) Так, если бы вас спросили, когда была больше слава нашего города, нынче или в прежние времена, все бы, конечно, ответили, что в прежние. А люди когда были лучше, тогда или теперь? Тогда — отличные, теперь — гораздо хуже. А наград, венков, провозглашений, пританейских угощений когда было больше, тогда или теперь? Тогда все это было редкостью, и само имя добродетели уже было почетно; ныне же все это обесценилось, и венки вы назначаете по привычке, а не подумавши. (179) Не странно ли это, по-вашему: наград было меньше, а город был крепче, и люди тогда были лучше, а теперь хуже? Я попробую вам это объяснить. Как по-вашему, афиняне, захотел бы кто-нибудь упражнять себя в разноборье или ином тяжелом состязании ради олимпийского или другого подобного венка, если бы венки эти давались не самому сильному, а самому сговорчивому? Конечно, никто бы не захотел. (180) Если люди отваживаются на великие лишения, чтобы только укрепить и закалить себя, то это оттого, что награды эти — редкие, добываются в бою и остаются прекрасны и приснопамятны благо-

даря победе. Вообразите же себя самих распорядителями состязаний в гражданской доблести и рассудите: ежели награды вы будете раздавать лишь немногим, лишь достойным и лишь по правилам, то состязателей в доблести у вас окажется множество, если же вы станете их жаловать каждому желающему и по договоренности с ним, то и у честных людей развратится нрав.

<...> (203) Я не начал вам рассказывать ни о частной жизни Демосфена, ни об отдельных его выходках против государства, хотя примеров и тут у меня было вдоволь, иначе куда же бы я годился? Вместо этого я, во-первых, указал вам на законы, запрещающие награждать венками подотчетных лиц; потом уличил Ктесифонта в том, что он предложил наградить Демосфена венком, пока тот был подотчетным лицом, и даже не добавил «когда он представит отчеты», а лишь отмахнулся свысока и от вас, и от ваших законов; я предупредил и о том, какие отговорки начнут они на это выставлять, не забудьте о них. (204) Во-вторых, я рассказал вам, каковы наши законы об оглашениях, прямо запрещающие объявлять о награде народным венком где-нибудь, кроме как в Народном собрании; а обвиняемый в противозаконии Ктесифонт нарушил не только закон, но и место и время, предложив сделать оглашение не в Народном собрании, а в театре, и не во время заседания, а перед представлением трагедий. И лишь после этого я сказал вам кое-что и о частной жизни Демосфена, и особенно о его проступках против государства. (205) Вот так потребуйте, чтобы и Демосфен вел свою защиту: сперва о законах относительно подотчетных лиц, во-вторых, о законах относительно провозглашений, а в-третьих и в-главных, о том, заслужена ли им награда. Если же он начнет проситься нарушить этот порядок, обещая, что уже в конце он ответет все обвинения в противозаконии, то не позволяйте ему этого и помните, что это лишь крючкотворская уловка: вовсе он не собирается оправдываться в противозаконии, потому что и нечего ему сказать по существу, а хочет лишь посторонними вопросами заставить вас забыть о главном обвинении. (206) Как борцы во время состязаний стараются друг друга столкнуть, а сами устоять, так и вы в борьбе за государственное дело не давайте ему себя сбить и отойти от вопроса о противозаконии: будьте наготове, прислушивайтесь настороже, пресекайте его вылазки и загоняйте его вновь и вновь в вопрос о противозаконии.

(207) Если же вы не так будете его слушать, то я заранее вам скажу, что из этого получится. Ктесифонт к вам выведет этого мошенника, хищника, смутьяна, которому легче прослезиться, чем иному рассмеяться, а нарушить клятву и вовсе пустяк; и я не удивлюсь, если он, переменив голос, сам пойдет бранить стоящих вокруг, восклицая, что вот-де сама правда развела поборников власти немногих к помосту обвинителя, а поборников власти народа — к помосту обвиняемого. (208) Но на такие

поджигательные речи отвечайте ему вот как: «Послушай, Демосфен, если бы те, кто из Филы восстановили у нас народную власть, вели себя потвоему, то не бывать бы в Афинах народовластию! Они произнесли прекраснейшее слово, плод благородного воспитания, “не поминать худого”, и этим спасли отечество от великих бед; а ты лишь бередишь нам раны и больше думаешь о мгновенном своем успехе, чем о спасении государства». Если же он опять начнет втираться в доверие лживыми клятвами, то вы лишь напомните ему: кто часто клятвопреступничает, а все же хочет, чтобы ему верили, тот должен или клясться все новыми богами, или слушателей иметь перед собою всякий раз иных; у него же, Демосфена, нет ни того, ни другого.

(209) Когда же он дойдет и до слез, и до дрожи в голосе и начнет вопрошать: «Куда же мне бежать, афиняне? куда лететь? я зажат со всех сторон!» — то вы отвечайте ему так: «А народу афинскому куда бежать, Демосфен? где найти союзников? откуда взять средства? что ты сделал для народа, заправляя государством? Что ты сделал для себя самого, это мы видим: из города ты скрылся, в Пирее тоже не живешь, а готов бежать куда глаза глядят, прихватив от трусости на дорогу царское золото да взятки от граждан». (210) Да с какой, собственно, стати все эти слезы, и крики, и дрожь в голосе? Обвиняется ведь сейчас Ктесифонт; наказание даже ему заранее не назначено; ничто не грозит ни твоей жизни, ни имуществу, ни гражданским правам; о чем же ты так стараешься? Да о золотом венке и о провозглашении в театре, вопреки всем законам! <...>

(215) Наконец, я хочу коротко предупредить и те упреки, которые будут высказаны мне самому. Слышал я, будто Демосфен собирается говорить, что городу нашему от него была одна польза, а от меня один вред, и взваливать на меня все, что идет от Филиппа и Александра. Он так ловок на словах, что ему мало обвинять меня за то, что я говорил перед народом или делал для государства: (216) нет, он напускается и на то, как я жил спокойно и молчал вдали от дел, чтобы ничего уж не оставить необолганным.

Он меня попрекнет и за то, что в гимнасиях я занимаюсь вместе с молодыми, и еще того первее — за то, что не затем-де я затеял весь этот суд, чтобы заступиться за государство, а затем-де, чтобы угодить Александру, который Демосфена терпеть не может. (217) Клянусь Зевсом, я даже слышал, что он хочет меня спросить: почему это я осуждаю общее направление его государственных дел, а порознь не выступал ни против какого, а лишь теперь, хоть и редко занимаюсь делами города, взял да и привлек его к суду?

Я на это скажу, что ни Демосфенову образу жизни я не завидую, ни своего не стыжусь; я не жалею, что сказал те речи, которые сказал, а вот если бы мне пришлось говорить такое, как Демосфен, то лучше было бы и не жить. (218) Если я молчалив, то этому, Демосфен, причиною мой

умеренный образ жизни: я довольствуюсь немногим, не гоняюсь, потерявши стыд, за большим и потому говорю и молчу по своему усмотрению, а не под давлением природной расточительности. Ты же, взяв деньги, молчишь, а истратив их, кричишь, говоришь не когда хочешь и не что хочешь, а по приказанию твоих наемщиков; и тебе не стыдно похваляться ложью, которая вот-вот будет изобличена.

(219) Это самое мое обвинение против Ктесифонтова предложения, затеянное будто бы не для блага нашего города, а в угоду царю Александру, представлено было еще при жизни Филиппа, когда Александр еще не стоял у власти, и тебе еще не снился сон о Павсании, и ни о чем тебе ночью не говорили Афина и Гера. Как же я мог тут угодничать перед Александром? разве что увидев тот же сон, что и ты?

(220) Ты упрекаешь меня за то, что я выступаю перед народом не почасту, а изредка, и думаешь, что мы не видим: сам упрек этот — в духе не народной власти, а совсем другой. Ведь это при власти немногих выступать может не тот, кто хочет, а тот, кто в силе; при народной же власти — всякий, кто хочет, и тогда, когда он сочтет нужным. Поэтому выступать изредка свойственно человеку, занимающемуся государственными делами по обстоятельствам и для народной пользы, выступать же каждодневно — это дело наемника и ремесленника.

<...> (236) Я бы с радостью, афиняне, у вас на глазах сверил с этим Ктесифонтом весь тот счет благодеяний, за которые Демосфену предлагается венок! Ежели ты скажешь, как сказал в начале постановления, что Демосфен отлично вырыл рвы вокруг городских стен, то я изумляюсь тебе: хоть бы ты отлично их вырыл, разве не важней, что ты — виновник того, что пришлось их рыть? Не за то должен требовать наград хороший государственный деятель, что обнес город стенами и поснимал для них плиты с народных могил, а за то, что от него государству вышла польза. (237) Если же ты посмеешь продолжать, как во второй части твоего постановления, будто Демосфен — достойный человек, словом и делом труждающийся на вящее благо афинского народа, то отбрось, прошу, похвальбу и пустословие, приступи к делу, докажи нам, что это так! Я уж и не говорю о мздоимстве его от евбейцев и от амфиссейцев; но когда ты и союз с фиванцами ставишь в заслугу Демосфену, то этим ты несведущих обманываешь, а знающих и понимающих оскорбляешь, — ведь причиною союза были обстоятельства фиванцев и слава вот этих афинян, ты же об этом умалчиваешь и тем самым отнимаешь честь у города, чтобы придать Демосфену.

<...> (245) Самое же главное: от вас ждет ответа молодое поколение: по какому образцу строить ему жизнь? (246) Вы ведь знаете, что воспитывают молодых людей не столько палестры, и школы, и мусическое образование, сколько то, что слышат они от народа. Возглашается ли в театре, что за добродетель, доблесть и благонамеренность награждается

венком такой-то человек, гнусный и бесстыдный, — юноша видит и развращается. Подвергается ли наказанию человек дурной и распутный, как, например, Ктесифонт, — остальные смотрят и поучаются. А вот кто-то подал голос против прекрасного и справедливого, а потом приходит домой и принимается воспитывать сына, — понятно, что тот его не слушает и бранится, что отцовы поучения — одна докука.

(247) Поэтому помните, что вы не только судьи, но люди, на которых все смотрят, и голосуйте так, чтобы оправдаться потом перед теми, кого здесь нет, но которые еще спросят вас, каково же было ваше решение. Вы ведь знаете, афиняне, что кого в городе славят, такова и о городе слава; так не стыдно ли, что о вас будут судить не по вашим предкам, а по этому трусу Демосфену? Как же избежать такого позора? (248) Прежде всего, остерегайтесь тех, кто легок на слова о добре и общей пользе, а душою этого не подтверждает. Ведь и «благонамеренность», и «народная воля» — слова общедоступные, и в речах за них первыми хватаются те, кто на деле от них куда как далек. (249) Так вот, ежели встретится вам краснобай, охочий до венков и до провозглашений своего имени пред всеми эллинами, то как в делах об имуществе закон требует представления поручителей, так и здесь потребуйте от него залогом слов достойную жизнь и целомудренный нрав. А кто не представит такого залога, тому не доверяйте своих похвал и лучше позаботьтесь о народной власти: ведь она уже уходит у вас из рук! <...>

(254) И не забывайте, в какое время вы призваны голосовать: через несколько дней наступят Пифийские празднества, соберется всеэллинский собор; государство наше из-за Демосфенова хозяйничанья и без того нынче не в чести; так вот, если вы дадите ему венок, то прослывете пособниками нарушителей общего спокойствия, если же откажете, избавите народ от таких попреков. (255) Помните же, что вы решаете судьбу не чужого, а собственного города; честолюбцев не вскармливайте, а рассуживайте; награды присуждайте тем, кто лучше и достойнее; полагайтесь не на слух, а и на глаза свои. Осмотритесь, например, кто из вас встанет в помощь Демосфену? может быть, его товарищи юных лет по охоте или по палестре? да нет, видит Зевс, не на кабанов он тогда охотился и не тело закалял, а упражнялся в кознях против тех, кто побогаче.

<...> (260) Пусть же будут свидетелями земля, солнце, добродетель, разум и людская просвещенность, дающая нам различать прекрасное и постыдное: вот я высказался, чтобы вам это было в помощь. Если я обличил несправедливость хорошо и достойно — значит, я сказал, как хотел; если недостаточно — значит, сказал, как мог. Вы же, приняв к сведению все сказанное и не сказанное, теперь сами произнесите приговор, справедливый и полезный для государства.

ДЕМОСФЕН
(384–322 гг. до Р.Х.)

ЗА КТЕСИФОНТА О ВЕНКЕ[1]

(1) Во первых словах, мужи афинские, молю я всех богов и богинь, да будет ваша ко мне благосклонность в этом прении не меньшею, чем неизменная моя благонамеренность к государству и ко всем вам; а во вторых словах молю я наипаче ради вас, ради благочестия вашего и славы, да внушат вам боги не внимать советам обвинителя о том, как надобно вам меня слушать — воистину сие возмутительно! — (2) но следовать законам и присяге; а в присяге рядом с прочими справедливыми уставами записано, чтобы в слушании дела не оказывать предпочтения ни одной стороне. А это значит, что должны вы не только без всякой предвзятости оказывать сторонам равную благосклонность, но еще и должны позволять каждому говорить в таком порядке, в каком ему желательнее и удобнее.

(3) Что до меня, господа афиняне, то в этом прении многие у меня невыгоды перед Эсхином, а из них две великие. Во-первых, судимся мы с ним не о равном, ибо не равный будет урон, если я лишусь нынешней вашей благосклонности или если он не выиграет дела. Я-то — нет, не хочу начинать речь свою с неуместных слов! — но вот он обвиняет меня корысти ради. Да притом такова уж природа человеческая, что брань и ругань людям слушать сладко, а если кто сам себя примется хвалить, так это им досадно, (4) и вот ему досталось именно услаждать, а мне остается то, что всем, как я сказал, не по нраву. Если я, избегая вашего неудовольствия, не стану говорить о своих делах, покажется, будто я не могу опровергнуть обвинения и назвать заслуги, за которые желаю себе награды, — ну а если все-таки возьмусь я говорить о своих делах и государственных предприятиях, то непременно придется часто поминать и себя

---

[1] Речь «За Ктесифонта о венке», произнесенная в 330 г. до Р.Х., — ответ Демосфена на высказанные против него обвинения Эсхина в незаконности присуждения венка. Отступая от традиции отвечать на обвинения последовательно, по всем пунктам, Демосфен начинает с последнего пункта обвинения и превращает речь в похвалу своей деятельности. В итоге более $^4/_5$ судей проголосовало за Демосфена.

Речь о венке стала образцом античного ораторского мастерства и служила примером для подражания многим ораторам.

Печатается в отрывках по: Ораторы Греции / Сост. М. Л. Гаспаров; Пер. с древнегр. Е. Рабинович. М., 1985.

самого. Итак, я постараюсь говорить о себе поменьше, но если буду вынужден к тому обстоятельствами, тогда по справедливости пусть винят за это обвинителя, ибо именно он затеял такое вот разбирательство.

(5) Наверно, все вы, господа афиняне, согласитесь, что в деле этом мы с Ктесифонтом заодно и от меня тут требуется ничуть не меньшее усердие, ибо всякое лишение для человека печально и тягостно, а особенно если виною тому зложелатель, но горше всего лишиться вашей благосклонности и приязни, добиться которых есть превеликая удача. (6) А поскольку об этом-то и ведется прение, я настоятельно прошу вас всех и каждого по отдельности: выслушайте мой ответ обвинителю вполне беспристрастно, точно так, как велят законы, установленные еще Солоном, который в преданности своей народу и ради вашего блага от начала положил, что законам для могущества их мало быть записанными, а надобно еще и обязать судей присягою. (7) Решил он так, конечно же, не из недоверия к вам, а потому, что, по всей очевидности, у обвинителя больше силы, ибо говорит он первый, и подсудимому никак не оправдаться от обвинений его и наветов, если каждый из вас, судей, не соблюдет обета своего богам — не станет благосклонно внимать справедливым возражениям, не выслушает с равным вниманием обе стороны и таким образом не вникнет во все обстоятельства дела.

(8) Похоже, что сегодня мне предстоит отчитаться во всей своей частной жизни и во всех своих государственных предприятиях, а потому хочу я снова призвать богов и снова пред лицом вашим молю их, да будет ваша ко мне благосклонность в этом деле не меньшею, чем неизменная моя благонамеренность к государству, и еще молю богов, да помогут они вам вынести в этом деле такой приговор, чтобы был он на пользу общей вашей славе и благочестию.

(9) Если бы Эсхин обвинял меня тут только по статьям своей же жалобы, тогда бы и я теперь в оправдание себя говорил только о самом законопредложении. Однако же больше половины речи он потратил на посторонние рассуждения и столько взвел на меня всяческой напраслины, что я полагаю непременным и справедливым своим делом сначала кратко возразить на эту его клевету, чтобы никто из вас, господа афиняне, не поддался этим сторонним разговорам и не был заранее предубежден, слушая честный мой ответ по существу обвинения.

(10) Вот и касательно личных моих обстоятельств уж сколько набрехал он тут на меня дурного, а глядите, как просто и прямо я отвечаю. Если знаете вы меня таким, каким изобразил обвинитель, — право, я же не на чужбине жил и живу, но среди вас! — тогда и рта мне открыть не давайте, и как бы отлично ни исполнял я государственные должности, а вы хоть сейчас поднимайтесь с мест и выносите против меня приговор! Но если вы знаете и помните, что я сам и род мой куда как честнее его и его рода и что я — никому не в обиду будь сказано — ничуть не хуже

любого скромного гражданина, то не верьте и прочим его наветам, ибо самоочевидно, что как эту клевету он измыслил, точно так же измыслил и все остальное; а мне теперь явите ту же благосклонность, какую неизменно выказывали во многих прежних тяжбах.

(11) Уж до чего ты, Эсхин, в злонравии своем хитер, но тут попал впросак, решивши, что соглашусь я смолчать о должностных и частных моих делах и стану разбираться во вздорной твоей брани! Нет, не будет такого — не настолько я ополоумел! О государственных своих предприятиях, которые ты облыжно оклеветал, я расскажу подробно, а после — если только судьям угодно будет слушать — припомню тебе эту твою наглую болтовню.

(12) Итак, обвинений много, и даже обвинений в таких деяниях, за которые по закону положены строгие и наистрожайшие кары. Поэтому, хотя причиною нынешнего прения явились враждебная поперечность, да еще и дерзость, и обида, и злоречие, и прочее тому подобное, однако если бы все обвинения и наветы, высказанные обвинителем, оказались и правдивы, то все-таки по заслугам покарать виновного город не может — то есть не может покарать сразу, ибо (13) всякому дано неотъемлемое право обратиться к народу и высказаться. Нельзя, чтобы зависть и злоба отняли это право — клянусь богами, господа афиняне, это было бы нечестно и несправедливо и вопреки гражданскому нашему устроению! Уж если обвинитель замечал, что я совершаю государственные преступления, да еще столь тяжкие — а именно о таких говорил он сейчас пространно и выспренно, словно с подмостков, — уж если он сам видел такое, то пусть бы сразу и требовал наказать меня по закону за эти преступления; если он видел, что содеянное мною заслуживает чрезвычайного обвинения, то пусть бы сразу и доложил вам обо всем и так призвал бы меня на ваш суд, а если он видел, что я предлагаю совету противозаконные постановления, то пусть бы сразу и объявлял их противозаконными. Право, если он может из-за меня преследовать Ктесифонта, то никак невозможно, чтобы нельзя ему было изобличить и привлечь к суду меня самого! (14) Притом, если замечал он, что я совершал преступления против вас — те, о которых говорил он сейчас столь лживо и многословно, или иные какие, — так ведь на все есть закон, на все есть наказание, затевай тяжбу, обвиняй, а у суда есть средства взыскать и наказать по всей строгости. Все это он мог сделать, и если бы взаправду сделал все, что мог, то нынешнее обвинение согласовалось бы с прежними его предприятиями. (15) Но это не так! Свернув с прямого и честного пути, уклонившись от немедленных изобличений, он лишь теперь — по прошествии столь долгого времени — собрал в кучу все обвинения, наветы и ругательства и принялся скоморошествовать. Да к тому же, хотя обвиняет он меня, но к ответу привлекает Ктесифонта; и хотя главным основанием для возбуждения дела явилась ненависть ко мне, однако же про-

тив меня он так и не выступил, но открыто хлопочет лишь о том, как бы обесчестить совсем другого человека. (16) Помимо всего прочего, что можно сказать в защиту Ктесифонта, сам я, о мужи афинские, полагаю необходимым оговорить нижеследующее: в нашей с Эсхином вражде по чести пристало нам самим друг с другом разбираться, а не избегать прямого спора и не стараться вместо этого повредить никакому третьему лицу, ибо ничего нет несправедливее подобной несправедливости.

(17) Уже из сказанного видно, что и все прочие его обвинения окажутся столь же бесчестными и лживыми, однако же я намерен разобрать их все по отдельности, а особенно клевету о мирном договоре и посольстве — тут он свалил на меня то, что сам же и сделал вместе с Филократом. Поэтому, господа афиняне, необходимо и, пожалуй, своевременно припомнить, как обстояли дела в те годы, — тогда, имея в виду прежнее положение вещей, вы вполне уясните себе и нынешнее.

(18) Итак, едва началась Фокидская война — и началась не из-за меня, ибо я в то время в государственных делах не участвовал, — то первое наше намерение было таково, чтобы фокидяне, хотя вина их была для вас очевидна, остались целы, а вот фиванцам вы желали иного, заранее радуясь любому их несчастью, ибо справедливо и верно гневались вы на них за то, что после удачи своей при Левктрах забыли они всякую меру. Да притом и повсюду в Пелопоннесе начался разброд: у тех, кто ненавидел лакедемонян, недоставало силы их одолеть, а у тех, кто прежде с помощью лакедемонян заполучил власть над городами, недоставало силы удерживаться у власти, и потому между всеми — и теми и этими — настали распри и раздоры, которым не было никакого разрешения. (19) Видя такое — а такого не скрыть! — Филипп еще пуще стравливал противников и сеял смуту, расточая деньги на предателей, которых везде хватало: вот так-то, благодаря чужим ошибкам и глупостям, сумел он загодя набрать силы и взрасти на всеобщей слабости. А поскольку фиванцы, некогда гордые, но ныне несчастные, устали от нескончаемой войны, и всем было ясно, что придется им просить вас о помощи, то он, желая воспрепятствовать этому или иному союзу вашему с фиванцами, предложил вам мир, а им помощь. (20) Что же споспешествовало ему в этом? Как же вышло, что вы едва ли не добровольно позволили себя обмануть? Называть ли причиною трусость всех прочих эллинов или их безрассудство, или то и другое сразу? Вы без отдыха бились в ту пору в великой войне, и бились, как стало ясно, ради общего блага, а остальные эллины не помогали вам ни деньгами, ни людьми, вообще ничем. За это вы справедливо и верно на них осердились и с охотою вняли зову Филиппа — именно по этой причине и был тогда заключен мир, а вовсе не из-за меня, как клевещет теперь обвинитель, ибо происходящее ныне произошло от тогдашней подлости и продажности моих противников, в чем может убедиться всякий, кто без предвзятости вникнет в дело.

(21) Обо всем этом я говорю столь пространно и подробно единственно истины ради, ибо если и можно усмотреть в описанных событиях чье-то преступление, то, уж конечно, преступление это не мое: первым помянул и заговорил о мире актер Аристодем, а вторым был тот, кто поддержал его, представил вопрос к обсуждению и вместе с Аристодемом был подкуплен — и это был Филократ Гагнунтский, который с тобою в дружбе, Эсхин; с тобою, а не со мною, хотя бы ты тут лопнул от своего вранья! Заодно с Филократом были — почему, об этом я пока умолчу — Евбул и Кефисофонт, а я тут был совершенно ни при чем. (22) Но хотя все это точно так и было и хотя по правде иначе и быть не могло, однако же Эсхин до того бесстыден, что дерзает объявлять, будто именно из-за меня оказался заключен мир и будто я еще и помешал согражданам прежде обсудить это предприятие на всеэллинском съезде. Ну а ты — уж и не знаю, как тебя именовать! — ну а ты-то при всем этом присутствовал, ты видел, как я не позволял согражданам ни устроить съезд, ни обрести союзников, и ты столько сейчас об этом наговорил — но почему же ты не излил своего негодования тогда? Почему ты вовремя не явился, чтобы толково и подробно рассказать о том, в чем лишь ныне обвиняешь меня? (23) Уж если я и вправду продался Филиппу и сделался помехой эллинскому единению, то непременно надобно было тебе не молчать, но кричать и свидетельствовать и объяснять вот им, как обстоят дела! Однако ты ничего подобного не сделал, и никто не слыхал от тебя ни слова, ибо и никакого посольства ни к каким эллинам никто не посылал — все эллины давным-давно успели сказать, что думали по сему поводу, а ты и вовсе ничего разумного сказать не сумел. (24) Мало того, своею клеветой он тут позорит еще и государство, ибо если бы вы подстрекали эллинов к войне, а сами в это время посылали бы к Филиппу послов для заключения мира, то такое дело было бы достойно Еврибата, а граждане и честные люди так не поступают. Однако же такого не было и не бывало! Да и зачем бы вам при тогдашних обстоятельствах созывать эллинов? Ради мира? Но повсюду и без того наступил мир! Ради войны? Но вы-то сговаривались о мире! Из всего сказанного ясно, что вовсе не я затеял этот мирный договор и вовсе не я в нем виноват; да и в прочей клевете, которую возводит на меня обвинитель, не обнаруживается ни слова правды.

(25) Итак, город наш заключил мир — ну а теперь поглядите, чем в ту пору предпочитал заниматься я, а чем вот он, и, право же, из этого вам станет ясно, который из нас тогда споспешествовал Филиппу, а который старался ради вас и радел о благе государства. Итак, я, быв в то время членом совета, предложил поскорее отправить послов в те края, где предположительно обретался Филипп, чтобы на месте принять от него присягу. Предложение мое было письменным, и все-таки вот они последовать ему не пожелали. (26) Что же это значило, господа афиняне? Сейчас объясню. Филиппу было выгодно сколь возможно долго медлить

с присягою, а вам, напротив, выгодно было поспешить. Почему? А вот почему. Еще не успев присягнуть, вы с того самого дня, когда явилась у вас надежда заключить мир, совершенно перестали заботиться о военных делах, а Филипп, напротив, все время только ими и был занят, понимая — да так взаправду и вышло! — что сколько успеет захватить у города прежде присяги, столько ему и достанется в вечное владение, ибо по такому поводу никто мира нарушать не станет. (27) А я, господа афиняне, все это предвидел и в рассуждении сказанного предложил постановление, чтобы плыть к Филиппу, где бы он ни обретался, и как можно скорее принимать от него присягу. Надобно было успеть с присягой, пока союзные нам фракияне еще держали местности, которые сейчас без толку поминал обвинитель — я разумею Серрий, Миртен и Эргиску, — и пока Филипп еще не овладел этими важными крепостями и не сделался таким образом хозяином всей Фракии, не запасся там великою казною и великим войском и после — уже без труда — не прибрал к рукам и всего остального.

(28) Так вот, об этом постановлении обвинитель ничего не говорит и не оглашает его, а корит меня тем, что я, заседая в совете, стоял за то, что пришедших послов надобно допустить. Но что же мне оставалось? Уж не предложить ли не пускать к вам послов, которые явились договариваться с вами же? Или приказать театральному откупщику, чтобы он не давал им даровых мест на представлении? Но если бы их даже и не пригласили, то они так и сяк могли посмотреть все за два обола! Уж не должен ли я был сберечь для города такую малость, а великое продать — как сделали вот они? Нет, ни за что! Итак, письмоводитель, бери и читай постановление, о котором обвинитель умолчал, хотя знает его наизусть.

[*Читается постановление Демосфена.*] <...>

(34) Я вправе просить вас, господа афиняне, чтобы вы до самого конца прений помнили: если бы Эсхин в своей речи не отступил от сути обвинения, то и я ни слова бы не сказал не по делу; однако же он говорил, постоянно уклоняясь в брань и клевету, а потому и мне надобно хотя бы кратко ответить на все его наветы. (35) Каковы же были эти его речи, от которых вышла всем погибель? А вот каковы. Он твердил, что хотя Филипп и прошел уже внутрь страны через Фермопилы, но тревожиться-де не надо, ибо все-де будет по-вашему, только бы вы сидели тихо, а уже дня через три-четыре вы узнаете, что Филипп — истинный друг тем самым людям, на которых идет войной, а прежним-де своим друзьям он, напротив, вскорости будет враг. И еще он говорил — да притом с превеликою выспренностью! — что не словами-де крепнет дружественность, но общею пользою, а польза-де хоть Филиппу, хоть фокидянам, хоть вам сейчас в одном — избавиться от жестокого фиванского утеснения. (36) Кое-кто слушал эти речи с удовольствием, ибо много накопилось тогда злобы против фиванцев, но каковы же были последствия? Очень скоро оказалось, что фокидяне разбиты и города их лежат

во прахе, а чуть позже и вам — из-за того, что послушались и сидели тихо, — пришлось вывозить свое имущество из деревень. Итак, ему досталось золото, вам — ненависть, прежде обращавшаяся на фиванцев и фессалийцев, а Филиппу — успех от содеянного. (37) Чтобы показать, что точно так и обстояли дела, огласи, письмоводитель, постановление Каллисфена и послание Филиппа — из того и другого вам все станет ясно. Читай.

[*Постановление.*] <...>

Разве на такое вы надеялись, когда заключали мир? Разве такое сулил вам этот вот продажный лихоимец? (39) А теперь читай письмо, присланное Филиппом после всего, что случилось.

[*Послание Филиппа.*] <...>

(50) Многое еще мог бы я порассказать о тогдашних делах, однако полагаю, что и сказанного более чем достаточно. А говорить об этом пришлось из-за него, потому что он окатил меня тут своими лживыми гнусными помоями — вот и надобно было отмыться перед вами, ибо вы моложе и тех времен не застали. Наверно, иным из вас, еще прежде знавшим о его продажности, рассказ мой надоел, (51) но он-то называет свою торговлю дружбой и гостеприимством, так что даже и в сегодняшней своей речи помянул «человека, попрекавшего меня гостеприимством Александра». Это я-то тебя попрекал Александровым гостеприимством? Да где же ты это гостеприимство добыл и чем заслужил? Никак не мог я назвать тебя ни гостем Филиппа, ни другом Александра — не настолько я ополоумел! — разве что станем мы именовать жнецов и прочих подобных поденщиков друзьями и гостями тех, кто платит им за поденщину. (52) Однако это не так, да и с чего бы? Совсем наоборот: прежде я говорил, что ты продался Филиппу, теперь говорю, что ты продался Александру, и это же самое говорят все, а если не веришь, так спроси. Нет, лучше я сам за тебя спрошу. Как по-вашему, господа афиняне, кем приходится Александр Эсхину — наемным слугою или гостем? Ну как, слышишь, что они отвечают?

(53) А теперь пора мне оправдаться во взводимом на меня обвинении и отчитаться в своих делах, чтобы Эсхин, хотя он и так это знает, все же услыхал, почему я утверждаю, что и взаправду заслужил не только предложенную в постановлении награду, но еще и куда большие почести. Возьми-ка, письмоводитель, жалобу и читай.

(54) [*Жалоба.*] <...>

(56) Вы видите, господа афиняне, на какие главы постановления нападает обвинитель, а что до меня, то я намерен как раз на основании этих самых глав показать вам со всею очевидностью, сколь честно оправдываюсь. Отвечать я стану в таком же порядке, в каком он обвиняет, и скажу обо всем по очереди, ничего не пропуская, разве что по нечаянности. <...>

(83) Итак, в ту пору вы почтили меня венком за перечисленные мои дела, постановив это по представлению Аристоника в точно таких же словах, в каких составлено нынешнее постановление Ктесифонта. О том увенчании было объявлено в театре, а значит, нынешнее объявление будет уже вторичным, однако в первый раз Эсхин, хотя все это было при нем, никак не возражал и не писал жалоб на Аристоника. Возьми и прочитай тогдашнее постановление.

(84) [*Особое постановление. Дано при архонте Херонде, сыне Гегемоновом, в 24-й день гамелиона, в очередное председательство Леонтийской филы, по представлению Аристоника Фреаррийского. Поелику Демосфен Пеанийский, сын Демосфенов, оказал многие и великие услуги афинскому народу и помогал многим союзникам, как прежде, так и теперь, гласно заступаясь за них в особых постановлениях и освободив иные из Евбейских городов, и поелику он неизменно являет афинскому народу свою благонамеренность в словах и делах, радея в меру сил о благе афинян и прочих эллинов, Совет и народ Афинский постановили: почтить Демосфена Пеанийского, сына Демосфенова, увенчав его золотым венком, и объявить об увенчании в театре во время Дионисий, когда играются новые трагедии. Объявление об увенчании поручить очередным председателям и устроителю состязаний. Дано по представлению Аристоника Фреаррийского.*]

(85) Неужто хоть кто-нибудь из вас слыхал, чтобы из-за этого постановления государству пришлось стыдиться или терпеть брань и насмешки, которые предсказывает вам обвинитель в случае, если меня теперь увенчают снова? Ясно, что недавно совершенные и всем еще памятные дела если сделаны хорошо, то достойны награждения, а если плохо — наказания, но тогда ясно, что я в тот раз заслужил именно награду, а не взыскания и попреки.

(86) Стало быть, вплоть до того времени, когда случились обсуждаемые события, я, по общему мнению, приносил городу только пользу: мои устные и письменные советы оказывались для вас убедительны, предлагавшиеся мною постановления принимались, да еще за них и городу, и мне, и другим доставались венки, так что вы, почитая все это для себя благом, на радостях сообща приносили богам праздничные жертвы. <...>

(92) Теперь читай о венке от херсонесцев.

[*Постановление херсонесцев. Граждане херсонесские, обитающие в Сеете, и в Элеунте, и в Мадите, и на Лисьем острове венчают Совет и народ Афинский золотым венком в шестьдесят талантов и благодарно водружают алтарь народу Афинскому, ибо явил он гражданам херсонесским величайшую милость, избавив их от Филиппа и воротив им отечество, и законы, и свободу, и святилища, а потому во веки вечные не иссякнет благодарность граждан херсонесских, и все, что могут, готовы они сделать ради афинян. Дано в общем заседании Совета.*]

(93) Итак, с помощью моей государственной дальновидности мы тогда не только спасли Херсонес и Византий, не только помешали Геллеспонту отложиться к Филиппу и не только стяжали славу отечеству, но еще и доказали всему человечеству собственную честность и Филиппову подлость. Действительно, все видели, как он осаждал византийцев, которые ему же были союзниками, — неужто возможно совершить мерзость гнуснее этой? (94) А вы, напротив, хотя могли и имели право припомнить, сколько плохого сделали вам византийцы в прежние времена, однако же не только не отплатили злом за зло и не стали усугублять их беды, но еще и явились к ним спасителями, тем приобретя всеобщую приязнь и уважение. И снова скажу: все знают, что вам и раньше случалось награждать венками многих государственных людей, но чтобы стараниями одного человека, то есть благодаря советам его и речам, целому народу доставались венки — другого такого человека никто назвать не может, таков лишь я! <...>

(102) Однако хочу вернуться к рассказу о моих государственных предприятиях, а вы снова сами судите, что именно было тогда для города наипервейшим благом. Итак, я видел, господа афиняне, что кораблестроение у нас в упадке: богачи увиливают от повинностей, отделываясь мелочами, а между тем люди среднего или вовсе малого достатка вконец разоряются, и оттого город упускает многие благоприятные для себя возможности, — поэтому я провел закон, посредством которого принудил богачей честно исполнять свои обязанности, бедняков освободил от несправедливых утеснений, а больше всего пользы принес городу, добившись, чтобы суда снаряжались к положенному сроку.

(103) За это я был притянут в суд, явился к вам, и вы меня оправдали, а обвинитель и камешков-то не собрал сколько нужно. А как по-вашему, сколько давали мне старшины податных отделений и их товарищи и сотоварищи, лишь бы я вовсе не предлагал этого закона, но уж если он пройдет, то хотя бы не настаивал на этом после присяги? Столько они мне давали, господа афиняне, что и сказать страшно! (104) С их стороны это было вполне естественно, потому что по прежним законам они несли повинность, объединяясь в общества по шестнадцать человек, и так сами тратили мало или ничего, но все тяготы взваливали на неимущих, а по моему закону каждый взнос назначался в соответствии с имением — вот и вышло, что тот, кто прежде вместе с еще пятнадцатью другими пайщиками строил один корабль, теперь в одиночку должен был строить два. Они-то уже привыкли называть себя не судостроителями, а просто пайщиками! Конечно, ради того, чтобы так и осталось и чтобы не пришлось им честно исполнять свои обязанности, они были готовы дать какую угодно взятку. <...>

(108) Между тем при прежних законах все это случалось, и случалось потому, что повинность возлагалась на бедняков, которым такое бремя

было не по силам. А вот я перенес судовую повинность с неимущих граждан на зажиточных — и тут же все пошло как положено. Впрочем, я заслуживаю похвалы еще и за то, что всегда стоял за такие предприятия, от которых государству нашему доставались сразу и честь, и слава, и сила, — никогда не совершал я ничего унизительного и постыдного для города. (109) Из дальнейшего будет ясно, что в делах городских и общеэллинских я держался одних и тех же правил: ни в городских делах я не предпочитал приязнь богачей правам большинства граждан, ни в делах эллинских не променивал блага Эллады на Филипповы подарки и гостеприимство.

(110) Теперь, как я понимаю, мне осталось сказать об оглашении в театре и об отчете, потому что честность моих дел, моя неизменная благонамеренность и готовность стараться ради вас, как умею, — все это, по-моему, ясно из уже изложенного. Правда, я не стал пока говорить о самых главных своих государственных предприятиях в рассуждении того, что, во-первых, я должен без отлагательств ответить на обвинение в беззаконии, а во-вторых, если я ничего больше и не скажу о своих делах, то все равно каждый из вас довольно о них осведомлен.

(111) Итак, сначала о нарушении законов. Обвинитель в своей речи вертел и крутил этими законами во все стороны, однако — клянусь богами! — мне кажется, что вы так и не уразумели его рассуждений, да и я сам почти ничего не сумел понять. Скажу, однако же, прямо и попросту, как по справедливости обстоит дело.

Я не только не отрицаю своей подотчетности, хотя он тут и взводит на меня эту клевету, но всю свою жизнь признавал и признаю, что подотчетен вам во всех государственных и прочих должностных делах. (112) Но когда речь идет о моих собственных деньгах, которые я по своей же воле отдал народу, — тут я не признаю себя подотчетным ни на единый день! Слышишь, Эсхин! Да и никто в таком деле не подотчетен, будь то хотя бы и кто-нибудь из девяти архонтов! Неужто бывает закон, столь несправедливый и жестокий, чтобы человека, отдавшего свое и сделавшего человеколюбивое и щедрое дело, не только никак не поблагодарить, но еще и предать доносчикам, чтобы они надзирали за его отчетом о собственных его дарах? Нет и не бывало такого закона! Если обвинитель на него ссылается, то пусть предъявит, а я тогда соглашусь и словом не возражу. (113) Но такого закона не существует, господа афиняне, хотя этот продажный лжец и твердит, будто я отдал свои деньги в то время, когда заведовал театральной казною, и будто Ктесифонт поэтому расхваливает меня прежде отчета. Однако пойми, наемный клеветник, что Ктесифонт хвалит меня не за исполнение подотчетной должности, а за неподотчетную щедрость! Ты скажешь, что я заведовал также строительством стен. Заведовал, но потому-то и заслужил похвалу, что тратил собственные деньги и не ставил их в счет казне. Да, подотчетного положено проверять, и для того назначаются особые проверщики, но

дарителя по справедливости положено благодарить и хвалить — именно потому подсудимый и представил меня к награде. (114) Представление его не только законно, но и подкреплено вашими обычаями, что я с легкостью докажу во многих примерах. Вот Навсикл — в бытность свою полководцем не раз награждался венками за расходование на общие нужды собственных средств. То же с Диотимом и с Харидемом — оба увенчаны за подаренные ими щиты. Неоптолем — вот он сидит! — заведовал многими работами, тратил на них свои деньги и за это награжден. Право же, выйдет сущая нелепость, если никаким должностным лицам по чину не будет дозволено тратить на общее дело собственные средства или если дарителей, вместо того чтобы поблагодарить, заставят отчитываться в расходах! <...>

(117) Все эти награжденные, Эсхин, были обязаны отчетом об исполнении должности, однако не отчитывались в том, за что их венчали — почему же я должен отчитываться? Очевидно, что тут права у меня такие же, как и у прочих: если я подарил, то за это меня награждают, но в подарках своих я не подотчетен, а если я занимал должность, то и отчитываюсь в исполнении должности, но опять же не в подарках. Ладно, свидетель Зевс! предположим даже, что я совершил должностное преступление! Почему же ты, быв тому свидетелем, не уличил меня, когда я сдавал дела проверщикам? <...>

(120) Теперь касательно оглашения в театре. Уж и не стану говорить, что таких оглашений было без счета и что о бессчетном множестве людей да и обо мне самом уже не раз вот так объявляли, но — ради богов! — неужто ты, Эсхин, настолько туп и глуп, чтобы не уметь догадаться, что венчаемому венок всегда в радость, где бы о том ни объявляли, и что оглашение в театре устраивается ради венчающих? Действительно, услыхав такое, всякий постарается услужить отечеству, да и сама благодарность еще достохвальнее заслуг венчаемого, так что не зря у нас имеется соответственный закон! Ну-ка, письмоводитель, возьми и прочитай этот закон.

[*Закон. Если кого венчает округ, то объявлять о венчании только в том округе, к коему принадлежит венчаемый. Исключение составляют те, кого венчают Совет и народ Афинский, а о таковых дозволяется объявлять в театре во время Дионисий...*]

(121) Слыхал, Эсхин? В законе ясно сказано: «Кроме тех, кого венчают по постановлению Совета и народа, а этим положено оглашение». Зачем же ты, горемыка, сочиняешь облыжные доносы? Зачем измышляешь, чего не бывало? Почему не лечишься чемерицею? Неужто не стыдно тебе тащить человека в суд не за преступление, но единственно из зависти, да притом еще вывертывать наизнанку и дергать по клочкам законы, которые по чести следовало оглашать полностью хотя бы перед теми, кто присягнул судить в согласии с этими законами? (122) Мало

того, что ты так поступаешь, но ты еще твердишь, каков должен быть истинный друг народа, — будто ты сговорился о его портрете и теперь принимаешь работу, а работа исполнена не по заказу. Или, по-твоему, друг народа узнается по речам, а не по делам и государственным предприятиям? Ты тут орешь всякие слова, какие надо и не надо, словно бродячий лицедей, — тебе и твоим сородичам такое позволительно, но мне не пристало. Впрочем, господа афиняне, скажу и об этом. (123) По-моему, обвинения отличны от ругательств тем, что обвинитель говорит о наказуемых по закону преступлениях, а ругатель бранится соответственно собственному своему нраву — потому-то врагам случается взводить друг на друга какую угодно клевету. Однако я полагаю, что предки наши воздвигли эти судилища отнюдь не для того, чтобы мы собирали вас сюда слушать, как мы непотребно бранимся из-за частных наших дел, но для того, чтобы уличали мы здесь тех, кто провинится перед городом, — (124) а вот Эсхин, хотя и знает все это не хуже меня, предпочел не обвинять, но скоморошничать. Если так, то неправильно будет, если он уйдет отсюда, не получив и на этот предмет достойной отповеди, — и он сейчас ее получит, но прежде я хочу задать ему вопрос. Скажи, Эсхин, чьим врагом надобно тебя почитать, врагом государства или только моим? У тебя выходит, что только моим. Но тогда почему же обо всех моих делах, за которые — будь они преступны — меня можно было покарать по закону и ради общей пользы, ты никогда и слова не сказал? Сколько я ни отчитывался, ни обвинял, ни судился — ты молчал. (125) Теперь, напротив, никаким законам управы на меня нет; время прошло, сроки истекли, по всем делам многократно вынесены приговоры, никто никогда не уличил меня в государственном преступлении, а городу за всякое мое дело ради общего блага почти непременно доставалась слава — и вот тут-то ты встал на дыбы. Уж не прикидываешься ли ты только моим врагом, а на деле враждебен вот им!

(126) Итак, хотя всем уже очевиден справедливый и благочестивый приговор, однако, по обычаю, мне надобно ответить на всю ту ложь и клевету, которую он обо мне наговорил. Я-то ругани не люблю, а потому скажу лишь самое необходимое, чтобы объяснить, кто таков обвинитель, и какого он рода, и почему с такой легкостью начинает ругаться и цепляться к словам, хотя сам успел употребить выражения, каких скромный человек и вымолвить не осмелится. <...>

(129) Я отлично знаю, что надобно сказать о тебе и твоих родичах, хотя затрудняюсь, с чего начать. Начать ли с того, что отец твой Тромет был в рабстве у Елпия, державшего начальную школу при Тесеевом храме, и что ходил он в тяжелых кандалах, да еще и в ошейнике? Или с того, что мать твоя среди бела дня торговала собою в притоне близ Каламитова капища и что ее попечением вырос ты хорошенький-прехорошенький и вознесся до третьеразрядного лицедея? Нет, это все знают, даже

и говорить не стоит. Или рассказать, как корабельный флейтист Формион, раб Диона Феррарийского, помог твоей матушке подняться с ее благородной подстилки? Нет, клянусь Зевсом и всеми богами, как бы не показалось, что для подобающего рассказа о тебе выбираю я слова, мне самому отнюдь не подобающие. (130) Итак, обо всех этих обстоятельствах я умолчу, а начну прямо с рассказа о его собственной жизни. Человек он не простой, но произошел из наипроклятущего рода и, наконец, долгое время спустя — да куда там, прямо-таки вчера! — вдруг явился афинским гражданином и государственным мужем, добавив слог к имени отца своего и сделав его из Тромета Атрометом, а мать с превеликою пышностью назвавши Главкофеей, хотя все знают, что прозвание ей было Эмпуса — наверно, за то, что она все делала и все позволяла, а иначе с чего бы?

(131) Однако ты по самой природе своей столь низок и подл, что, сделавшись с помощью этих вот людей из раба свободным и из голодранца богатым, отнюдь не питаешь к ним благодарности, но, напротив, сам себя запродавши, все делаешь во вред согражданам. Умолчу о тех случаях, когда возможно спорить, насколько злонамеренны были его речи, а напомню лишь о тех, когда со всею очевидностью обнаруживалось, что старается он ради наших врагов. <...>

(141) Я призываю здесь перед вами, господа афиняне, всех богов и всех богинь, владеющих аттическою землею, и призываю Аполлона Пифийского, исстари родного нашему городу, — да сделают по молитве моей! Если я теперь говорю вам правду и если уже тогда сказал я правду народу сразу, едва увидел, какое дело затевает этот вот мерзавец, — а распознал я затею его сразу! — если так, да ниспошлют мне боги счастье и спасение, а если я по злобе или зависти взвожу на него облыжный навет, да отлучат меня боги от всякого блага! <...>

(256) Впрочем, раз уж ты, Эсхин, непременно хочешь поговорить о моей судьбе, то сравнивай ее со своею, и если моя окажется лучше, то перестань ее хаять. Итак, гляди с самого начала, но только — ради Зевса! — пусть никто не попрекнет меня злоречивостью. Право же, я не нахожу большого ума в людях, которые бранят бедность или хвастаются тем, что воспитаны в достатке, однако из-за облыжных обвинений этого клеветника поневоле обращаюсь именно к таким речам, хотя и постараюсь соблюсти приличия, сообразные с нынешними обстоятельствами.

(257) Так вот, Эсхин, у меня хватало достатка, чтобы измлада ходить к хорошим учителям и иметь все, что положено иметь тому, кого нужда не заставляет опускаться до позорных занятий, а затем, возмужав, я по-прежнему во всем соблюдал пристойность: нес хороустроительную повинность и судостроительную повинность, исправно платил подати и никому не уступал в делах чести, будь то дела частные или общие, но старался о пользе города и о пользе друзей. Наконец, когда я решил вступить на государственное поприще, то и тут вел все дела таким образом,

что часто получал в награду венки от сограждан и от многих других эллинов, и даже вы, мои враги, не смели в ту пору говорить, будто не прекрасен избранный мною путь. (258) Вот такова моя судьба и такова моя жизнь — я мог бы еще многое о ней порассказать, однако остерегусь, как бы не досадить кому-нибудь хвастовством. Ну, а ты, хвастун, оплевывающий всех кругом, погляди теперь на свою судьбу и сравни ее с моею. Судьба твоя была такая, что рос ты в превеликой нужде и сидел вместе с отцом при школе, а там и чернила готовил, и скамейки отмывал, и подметал за дядьками — одним словом, содержался не как свободнорожденный отрок, но как дворовый раб. (259) Возмужав, ты был на побегушках у матери и, пока она исправляла таинства, служил чтецом, а по ночам состоял при шкурах и кубках, и мыл посвящаемых, и обмазывал их грязью и отрубями, и напоминал сказать после очищения «бежал зла, нашел благо», да еще похвалялся, что никто-де не умеет завывать звончее. Этому последнему я вполне верю, и вы тоже не думайте, что если он теперь так орет, то не умеет еще и визжать лучше всех! (260) Ну, а днем водил он по улицам эти распрекрасные сонмища, и подопечные его были в укропных и тополевых венках, а сам он, зажав в кулаках толстошеих полозов, потрясал ими над головой, то вопя свои «эвоэ-сабоэ», то пускаясь в пляс под всякие «гиэс-аттес-ат-тес-гиэс». У старых бабок он звался и запевалой, и вожатым, и плющеносцем, и кошниценосцем, и прочими подобными именами, а в уплату за эти свои должности получал то сладкое печенье, то калач, то пирог — неужто не счастливец? Воистину всякий был бы счастлив такою удачей! (261) Наконец тебя внесли в окружной список. Как и когда это вышло, лучше не говорить, но в список ты попал и избрал себе благороднейшее занятие — пристроился писарем и был на посылках у чиновников поплоше, да только тебя прогнали даже и оттуда за те самые дела, в которых ты теперь обвиняешь других. Однако дальнейшей своей жизнью ты не посрамил — клянусь Зевсом, отнюдь не посрамил! — этих первых подвигов. (262) Ты нанялся к многослезным Симилу и Сократу, именовавшим себя трагическими актерами, и получал у них третьи роли, да еще и батрачил, собирая чужие смоквы, чужой виноград и чужие маслины. От поденщины прибыли выходило больше, чем от театральных схваток, в коих сражались вы до последнего вздоха, ибо война ваша со зрителями была хоть и необъявленной, но непримиримой, — вполне понятно, что тебе, столько раз в этой войне раненному, трусом кажется всякий, кто не познал подобных опасностей. (263) Но не стану более говорить о том, чему причиною могла быть бедность, и обращусь к собственным твоим порокам. Когда ты решился все-таки вступить на государственное поприще, то, пока отечество было благополучно, предпочитал жить по-заячьи, в страхе, и в трепете, и в вечном ожидании, что будешь бит за преступления, о которых и сам отлично знаешь, но едва сограждане твои оказа-

лись в беде, ты сразу приободрился — уж это всем видно. (264) Тысячи граждан погибли, а этот бодр и весел — так чего же по справедливости заслужил он от тех, кто остался в живых? И еще многое мог бы я порассказать о нем, однако воздержусь, ибо не нахожу возможным пристойно поведать вам обо всех его мерзостях и гнусностях, о которых у меня имеются свидетельства, так что говорю только о том, о чем мне самому говорить не стыдно.

(265) Итак, Эсхин, попробуй-ка теперь без злобы и пристрастия сравнить твою жизнь с моею, а потом спроси любого присутствующего, которую из двух этих судеб избрал бы он для себя. Ты служил при школе — я учился в школе, ты посвящал в таинства — я приобщался таинству, ты записывал за другими — я заседал и решал, ты играл третьи роли — я смотрел представление, ты проваливался — я освистывал, ты помогал врагам — я трудился ради отечества. (266) О прочем умолчу, но вот сегодня утверждается постановление о венке для меня, однако и тут все согласны, что нет за мною никаких преступлений, а тебя общее мнение искони числит среди наемных доносчиков, так что беспокоиться ты можешь лишь о том, позволят ли тебе клеветать и дальше или придется с этим покончить, если вдруг не соберешь ты пятой части камешков. Благая у тебя судьба, неужто не видишь? И после такой-то жизни ты еще бранишь мою! <...>

(283) Неужто после всего, что было, ты еще смеешь тут разглагольствовать, глядя в глаза судьям? Неужто ты воображаешь, будто им неведомо, каков ты есть? Или, по-твоему, все тут крепко спят и до того обеспамятели, что позабыли, какие слова говорил ты им во время войны, когда клялся и божился, будто нет у тебя с Филиппом ничего общего и будто я взвожу на тебя это облыжное обвинение единственно по личной злобе? (284) Однако, едва пришли известия о битве, ты сам же сразу и безо всякого смущения во всем признался, да еще объявил, что связан-де с Филиппом дружбою и гостеприимством — так ты именовал свою наемную службу. Чтобы Эсхин, рожденный бубенщицей Главкофеей, доводился другом, гостеприимцем или хотя бы знакомцем Филиппу Македонскому — возможно ли найти для подобного дива пристойное и честное объяснение? Я такого объяснения не вижу, а вижу, что ты нанят, и нанят нарочно — вредить всякому полезному делу. И все-таки, хотя предательство твое и раньше было очевидно и несомненно, а потом в уже упомянутых обстоятельствах ты сам себя уличил, ты теперь попрекаешь и укоряешь меня тем, в чем вернее было бы винить всех остальных. <...>

(297) <...> И ты еще спрашиваешь меня, за какие такие подвиги заслужил я награду? (298) Ну, так я тебе отвечу: за то, что, пока все эллинские государственные люди — начиная с тебя! — продавались сначала Филиппу, а потом Александру, я ни в каких обстоятельствах не поддавался ни ласковым речам, ни щедрым посулам, ни надеждам, ни страху

и ничему другому, никогда не соблазняясь изменить благу отечества и делу, которое почитал правым; а когда подавал я советы согражданам, то ни разу не уподобился вам и никакая взятка мнения моего не перевесила, но осталась речь моя прямой, честной и неподкупной; а когда возглавил я величайшее государственное дело своего времени, то и на этом поприще всегда действовал честно и здравомысленно, — (299) вот за это я и заслужил награду. Что же до осмеянного тут тобою устройства стен и рвов, то, по-моему, и за это я заслужил благодарность и похвалу, да почему бы и нет? Но, конечно же, это было не главным из моих государственных дел, и я сам вовсе не почитаю его величайшим, ибо не камнями и кирпичами оборонил я наш город. Уж если тебе угодно знать, что сделал я для обороны, то гляди: вот оружие, и города, и крепости, и гавани, и корабли, и кони, и воины, готовые сражаться за нас! (300) Столько сделал я для обороны Аттики, сколько посильно человеческому разумению, и укрепил всю страну, а не только поставил стены вокруг города и Пирея. Нет, не одолел меня Филипп ни расчетами, ни приготовлениями, но вышло так, что сама судьба одолела бойцов и союзных полководцев. Есть ли тому доказательства? Да, есть, ясные и неопровержимые.

Вот поглядите. (301) Что требовалось тогда от благонамеренного гражданина, усердно старающегося о благе отечества со всею возможною предусмотрительностью и добросовестностью? Разве не следовало загородить Аттику с моря Евбеей, с суши — Беотией, со стороны Пелопоннеса — пограничными его областями? (302) Разве не следовало озаботиться подвозом хлеба, чтобы вплоть до Пирея хлебный путь проходил только через дружественные страны? Разве не следовало одни из подчиненных нам городов спасти, послав им военную помощь и объявив о том в особых постановлениях, как было с Проконнесом, и Херсонесом, и Тенедом, а другие привлечь к себе и сделать союзниками, как было с Византией, и Абидом, и Евбеей? Разве не следовало переманить на свою сторону могущественнейших вражеских союзников, добавив отечеству силы, которой ему недоставало? Всего этого я и достигнул своими постановлениями и другими государственными предприятиями, (303) а стало быть, господа афиняне, если разобраться в делах моих беспристрастно, то сразу обнаружится, что все было сделано верно и честно и что ни единой благоприятной возможности я не упустил, но каждую заметил и использовал, да и вообще успел все, что доступно силе и разумению одного человека. Ну, а если противление некоего демона, или злосчастье, или никчемность военачальников, или подлость изменников, предавших ваши города, или все это сразу было помехою делу, пока не сгубило его совершенно, то чем тут виноват Демосфен? (304) Найдись в ту пору в каждом из эллинских городов человек, подобный мне и занимающий такое же место, как я у вас, или, по крайности, если бы только в Фессалии и в Аркадии нашлось хотя бы по одному человеку,

согласному с моими мнениями, то ни по какую сторону Фермопил эллины не оказались бы в нынешнем своем положении, но (305) остались бы свободны и независимы и благоденствовали бы без страха и тревог каждый в своем отечестве, почитая себя обязанными за таковое счастье вам и прочим афинянам, — а сделал бы все это я. Да притом знайте, что я во избежание чьей-нибудь зависти весьма приуменьшаю в своем рассказе величие содеянного, — в доказательство моих слов возьми-ка, письмоводитель, перечень подкреплений, добытых по моим постановлениям, и прочитай его погромче. [*Читается перечень подкреплений.*] (306) Вот, Эсхин, как подобало действовать честному и благородному гражданину, и если бы все исполнялось должным образом, то мы, безо всяких сомнений, достигли бы небывалого величия, да притом еще и послужили бы правому делу, но если уж вышло по-другому, то все-таки при нас осталась добрая слава, ибо никто не станет попрекать нас нашими намерениями, но можно лишь сетовать на судьбу, назначившую событиям такой исход. (307) Однако же — клянусь Зевсом! — честный гражданин ни за что не изменит благу отечества, чтобы, продавшись врагам, служить чужой выгоде в ущерб родному своему городу, и не станет он взводить клевету на человека, с неотступным постоянством устно и письменно утверждающего честь родного города, и не станет таить и лелеять обиду, если кто не угодит ему в каком-нибудь частном деле, но и не станет отмалчиваться вопреки закону и общей пользе, как это частенько делаешь ты. (308) Конечно, молчание бывает согласно и с законом, и с общею пользой — вот так, то есть безо всякого коварства молчите вы, а вы составляете большинство. Однако он-то отмалчивается не так, совсем не так! Когда ему это бывает удобно — а такое бывает часто, — он отстраняется от государственных дел и выжидает, пока вам не надоест многословный советчик, или пока судьба не окажется к вам неблагосклонна, или пока не случится еще какая-нибудь неприятность — а у людей чего не случается? — и вот тогда-то он вдруг объявляется со своими речами, точно как ветер, вырвавшись из бездейственного покоя, и уж тут надрывает глотку, витийствует, плетет словеса, кричит все подряд безо всякой передышки, а толку от этого не выходит, и нет никому от речей его никакого проку, но каждому гражданину по отдельности они приносят горе, а всем вместе — общий позор.

(309) Конечно, Эсхин, будь это твое многоупражненное витийство непритворным и предназначенным на благо отечества, от него произошли бы прекрасные и славные и для всех прибыльные плоды — союзы между городами, прибавление достатка, устроение торговли, полезное законодательство, разоблачение и одоление врагов.

(310) Всеми этими делами и в прежние времена испытывали граждан, а недавнее наше прошлое предоставляло честным и благородным людям множество возможностей отличиться, но ты-то тогда со всею

откровенностью не стремился ни к первому, ни ко второму, ни к третьему, ни к четвертому, ни к пятому, ни к шестому месту и вообще ни к какому месту — ни на каком месте не хотел ты служить величию отечества. (311) Да и правда, каких союзников приобрел город твоими стараниями? Кому помог? У кого снискал уважение и приязнь? Отправлялось ли куда-нибудь хоть единое посольство? Оказана ли была кому-нибудь хоть единая услуга, добавившая городу нашему доброй славы? Устроилось ли благодаря тебе хоть что-нибудь тут у нас, или вообще у эллинов, или в чужих странах? Где твои боевые корабли? Где верфи? Где конница? Где заново отстроенные стены? Принес ли ты хоть какую-нибудь пользу? Помогал ли ты богатым или бедным из собственных или казенных средств? Ты вообще ничего не делал! (312) Ты мне ответишь, что и без того-де выказывал благонамеренность и усердие, а я тебя снова спрошу: где и когда? Нет, подлец из подлецов, ты даже тогда, когда все, хоть раз говорившие с помоста, давали деньги на спасение города и когда Аристоник отдал последнее, скопленное им для восстановления в правах, — так вот, даже тогда ты увильнул и ничего не дал, и вовсе не по бедности. Какая же бедность? Ты как раз унаследовал состояние свойственника твоего Филона, а это больше пяти талантов, да еще два таланта тебе собрали в подарок старосты податных обществ за то, что ты мешал провести Закон о судостроителях. (313) Впрочем, об этом я не стану распространяться, не то — слово за слово — отвлекусь от нынешнего своего предмета. Итак, из сказанного ясно, что денег ты не дал отнюдь не по бедности, но из осторожности — опасаясь не угодить тем, ради кого затевал ты все свои дела. Так когда же ты ведешь себя молодцом и являешься во всем блеске? А вот когда надо навредить согражданам, тогда у тебя и голос самый зычный, и память самая крепкая, и притворства хоть отбавляй, ну точно трагический Феокрин!

(314) Еще ты тут поминал доблестных мужей старого времени, и это выходило у тебя отменно. Однако же, господа афиняне, вряд ли справедливо злоупотреблять вашим почтением к памяти усопших, чтобы судить обо мне, вашем современнике, в сравнении с ними! (315) Всякому известно, что живым непременно, хотя бы исподтишка, завидуют — иногда больше, иногда меньше, — а к усопшим не питают ненависти даже их былые враги. Так ведется от природы, тогда возможно ли судить обо мне тут и теперь на основании подобных примеров? Никак невозможно! Нет, Эсхин, твои примеры неуместны и недобросовестны, а лучше сравни-ка ты меня с самим собой или с любым из твоих товарищей, но только с живым. (316) Да еще поразмысли, что же будет лучше и полезнее для города: возносить былые подвиги — пусть великие, пусть несказанно великие — на такую высоту, чтобы нынешние дела остались в забвении и пренебрежении, или все-таки позволить всякому, кто делает дело свое усердно и честно, стяжать от сограждан почет и приязнь?

(317) Впрочем, раз уж надобно мне говорить обо всем этом, то скажу, что государственные мои дела и предприятия явно сходствуют с подвигами древле прославленных мужей, да и намерения у меня с ними были одинаковые, а вот ты столь же очевидно похож на платных доносчиков тех давних времен. Яснее ясного, что уже и тогда находились люди, которые ради унижения своих соперников восхваляли подвиги минувших дней, то есть пользовались для брани и клеветы именно твоими приемами, Эсхин. (318) И ты еще говоришь, будто я-де совсем не похож на великих пращуров! Уж не ты ли на них похож? Или твой братец? Или кто другой из нынешних говорунов? Вот я решительно утверждаю, что на них не похож вообще никто, однако ты, любезный, — уж не стану называть тебя иначе, — ты в своих рассуждениях сравнивай живых с живыми и современников с современниками, о ком бы ни шла речь, хотя бы даже о стихотворцах, или об актерах, или об атлетах.

(319) Разве Филаммон, который, конечно же, был слабее Главка Каристийского и других древних силачей, ушел из Олимпии без венка? Нет, он был объявлен победителем и получил венок, потому что бился лучше всех своих действительных соперников! Так и ты сравнивай меня с нынешними государственными людьми, сравнивай с самим собой и с кем тебе угодно из живых — вот тут я и слова поперек не скажу.

(320) Однако пока у города оставалась возможность избирать наилучшее и пока для всех было равно доступно состязаться в преданности отечеству, то самыми убедительными оказывались мои речи, и все устраивалось при помощи моих постановлений, моих законов и моих посольств, а из твоей братии никого и видно не было — ну разве что изредка, когда вам становилось невтерпеж кому-нибудь напакостить. Но едва случилось то самое, чему лучше бы не случаться, и выбирать пришлось уже не советников, но холуев на посылки, которые всегда готовы за деньги услужать врагам отечества и с охотою пресмыкаются перед теми, перед кем велено пресмыкаться, вот тогда-то ты и все твои товарищи сразу оказались при деле и стали богаты табунами, а я оказался слаб. Да, слаб, с этим я согласен, но зато куда как более предан согражданам!

(321) Две обязанности, господа афиняне, есть у гражданина, по самому естеству своему добропорядочного — я именую себя так, чтобы уж вовсе никому не было завидно, — и первая обязанность в том, чтобы в пору благоденствия оберегать у сограждан рвение к подвигам и к первенству, а вторая в том, чтобы всегда и при всех обстоятельствах оставаться им верным, ибо верность врождена, а власть и сила приходят извне. Однако вы можете убедиться, что как раз верен-то я вам оставался и остаюсь всегда и во всем.

(322) Глядите сами. Чего только со мною не бывало: меня требовали выдать головой, меня стращали возмездием амфиктионов, мне угрожали, меня пытались подкупить, на меня натравливали этих вот гнусных

тварей — но несмотря ни на что преданность моя вам пребывала неизменной. А почему? А потому, что, едва вступив на государственное поприще, сразу избрал я для себя прямой и честный путь — блюсти и неустанно приумножать силу и славу и преуспеяние отечества. Такова моя служба. (323) Да, я не только не слоняюсь по площади, сияя от радости за чужие удачи и кидаясь с поздравлениями и рукопожатиями к тем, кто авось да оповестит обо мне кого следует, но я к тому же не щетинюсь от страха и не потупляю долу скорбных очей, слыша хорошие для города нашего новости, — да, я не похож на этих вот мерзавцев. Это они позорят наш город — можно подумать, будто тем самым они не позорят себя! — это они глядят на сторону, восхваляя злосчастье эллинов и счастье чужаков, это они уговаривают всех сохранить нынешний порядок на веки вечные. (324) Но нет, не бывать такому! Я взываю ко всем богам вместе и к каждому особо: не дозволяйте подобного! Лучше внушите этим нечестивцам здравый смысл и честное разумение, если же окажутся они неисправимы, то сделайте так, чтобы сгинули они без следа в безднах земных и в безднах морских, а нам, оставшимся, даруйте наискорейшее избавление от подступившей беды и мирную жизнь.

ПЕРВАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ФИЛИППА[1]

(1) Если бы сейчас нам представлялось говорить, граждане афинские, о каком-нибудь новом деле, я выждал бы, пока не изложит своего мнения большинство обычно выступающих ораторов; тогда в случае своего согласия с каким-нибудь из сделанных ими предложений, я не стал бы вовсе брать слова и только в противном случае сам попробовал бы высказать свой взгляд. Но так как сейчас приходится рассматривать все тот же вопрос, по которому уже много раз и прежде высказывались эти ораторы, то я думаю, что, даже выступив первым, я вправе рассчитывать на снисходительное отношение. Ведь, если бы в прошлое время их советы оказались удачными, тогда вовсе не было бы надобности вам совещаться теперь.

(2) Итак, прежде всего не следует, граждане афинские, падать духом, глядя на теперешнее положение, как бы плохо оно ни представлялось. Ведь то, что в этих делах особенно плохо у нас в прошлом, для будущего оказывается весьма благоприятным. Что же это именно? Это то, что вы сами, граждане афинские, довели свои дела до такого плохого состоя-

[1] Эта речь — первая из «филиппик» — цикла выступлений Демосфена против македонского царя Филиппа. Она была произнесена в 351 г. до Р.Х. Оратор объясняет афинянам, как лучше вести войну.

Печатается по: *Демосфен*. Речи: В 3 т. / Пер. С. И. Радцига. М., 1996. Т. 3.

ния, так как не исполняли ничего, что было нужно. Вот, если бы вы делали все, что следовало, и, несмотря на это, дела были бы в таком положении, тогда и надежды не могло бы быть на их улучшение. (3) Затем, стоит вам только представить себе — слыхали ли вы это от других, или знаете по собственным воспоминаниям, — какие силы были у лакедемонян и даже еще не так давно и как вы, несмотря на это, славно и благородно ни в чем не уронили достоинства своего государства, но во имя справедливости выдержали войну с ними. К чему я это говорю? — Для того, чтобы вы, граждане афинские, увидели и разубедились, что, если вы будете держаться настороже, нет для вас ничего страшного и что, наоборот, едва вы проявите беспечность, тогда уж ничего не выйдет по вашему желанию: возьмите в пример хотя бы то, как тогдашнее могущество лакедемонян вы одолели благодаря тому, что отнеслись с полным вниманием к делам, и как теперешняя наглость этого человека приводит нас в замешательство вследствие того, что мы вовсе не принимали нужных мер. (4) Если же кто-нибудь из вас, граждане афинские, думает, что с Филиппом трудно вести войну, и судит об этом по тому, как велики имеющиеся у него силы, и еще потому, что наше государство потеряло все укрепленные места, тот человек судит, конечно, правильно, но все-таки пусть он примет в расчет то, что мы, граждане афинские, когда-то владели, как своими, Пидной, Потидеей и Мефоной и всей той областью с окрестностями, и многие из племен, действующих теперь заодно с ним, были самостоятельны и свободны и предпочитали поддерживать дружественные отношения с нами, а не с ним. (5) Если бы Филипп тогда стал на такую точку зрения, что, раз афиняне занимают столько укрепленных мест, угрожающих его стране, с ними трудно воевать, не имея союзников, тогда он ничего не сделал бы из того, что достигнуто им теперь, и не приобрел бы такой силы. Нет, он прекрасно увидел, граждане афинские, что все эти места — военные награды, выставленные перед всеми одинаково, но по естественному порядку присутствующим достаются владения отсутствующих и готовым трудиться и подвергать себя опасности владения беспечных. (6) Держась вот такого взгляда, он все покорил себе и всем владеет: одними местами — точно военной добычей, другими — на правах союзника и друга. Действительно, все хотят быть в союзе и дело иметь лишь с такими людьми, которых видят в полной боевой готовности и которые имеют решимость исполнять то, чего требуют обстоятельства. (7) Так вот, граждане афинские, если и вы пожелаете усвоить такой взгляд хоть теперь, раз не сделали этого прежде, и если каждый из вас, находясь на том месте, где должен и где может оказать пользу своему отечеству, будет готов без всяких отговорок исполнять свое дело — человек состоятельный будет делать взносы, человек призывного возраста — идти в поход,— коротко говоря, если вы захотите положиться всецело на самих себя и перестанете каждый в отдельности думать

о том, чтобы не делать ничего самому, рассчитывая, что другие за вас все сделают, тогда вы и свое собственное получите, если богу будет угодно, и потерянное по легкомыслию вернете обратно, и ему отомстите. (8) Не думайте же, в самом деле, что у него, как у бога, все теперешнее положение упрочено навеки. Напротив, кое-кто и ненавидит его, и боится, граждане афинские, да еще завидует и притом из числа таких людей, которые сейчас по виду как будто расположены к нему особенно хорошо. И вообще все, что бывает и с некоторыми другими людьми, надо предполагать и у его сторонников. Правда, сейчас все это притаилось, не имея себе прибежища из-за вашей вялости и легкомыслия; от этого вам теперь, я думаю, пора уже отказаться. (9) Вы ведь, граждане афинские, видите положение дела, — до какой дерзости дошел этот человек: он не дает вам даже выбора — хотите ли действовать, или оставаться спокойными, но угрожает и произносит, как говорят, кичливые речи; притом он не таков, чтобы, раз завладев чем-нибудь, довольствоваться этим, но то и дело захватывает что-нибудь новое и кругом отовсюду расставляет против нас сети в то время, как мы медлим и сидим, сложа руки. (10) Так когда же, когда, наконец, граждане афинские, вы будете делать, что нужно? Чего вы дожидаетесь? — «Такого времени, клянусь Зевсом, когда настанет какая-нибудь необходимость». — Ну, а как, по-вашему, нужно рассматривать вот эти теперешние события? Я, по крайней мере, думаю, что для свободных людей высшей необходимостью бывает стыд за случившееся. Или вы хотите, скажите, пожалуйста, прохаживаясь взад и вперед, осведомляться друг у друга: «Не слышно ли чего-нибудь новенького?» Да разве может быть что-нибудь более новое, чем то, что македонянин побеждает на войне афинян и распоряжается делами греков? — «А что, не умер ли Филипп?» — «Нет, он болен». (11) Да какая же для вас разница? Ведь если даже его и постигнет что-нибудь, вы вскоре же создадите себе нового Филиппа, раз будете все так же относиться к делам. Ведь и он не столько силе своей обязан тем, что приобрел такое могущество, сколько нашей беспечности. (12) Впрочем, допустим и это: ну, если бы он умер и судьба, которая всегда заботится о нас больше, чем мы сами о себе, сделала для нас и это; тогда вам, будьте уверены, если бы вы стояли к этим делам близко, можно было бы взять руководство всеми делами при наступившем в них замешательстве и распорядиться по своему усмотрению; но при том положении, какое у вас сейчас, хотя бы вам и представлялся благоприятный случай, вы все равно не были бы в состоянии взять Амфиполь, так как не имеете ни подготовленных средств, ни нужного настроения.

(13) Итак насчет того, что все должны проникнуться желанием и готовностью исполнять свой долг, это вы, я думаю, уже признали и в этом убедились, и потому об этом я не стану больше говорить. Что же касается того, какого рода нужны приготовления, которые по моему расчету могли бы избавить вас от подобных трудностей, какова долж-

на быть численность войска, какие денежные средства, и вообще каким образом, на мой взгляд, лучше всего и быстрее всего может быть проведена эта подготовка,— вот об этом я и постараюсь сейчас сказать. Попрошу только вас, граждане афинские, об одном. (14) Сначала выслушайте все до конца и тогда судите, а наперед не предрешайте. И если кому-нибудь с самого начала будет казаться, будто я говорю о каких-то новых приготовлениях, пусть он не думает, что этим я оттягиваю дела. Ведь отнюдь не те, которые скажут «скоро» или «сегодня», говорят как раз то, что нужно (тому, что уже свершилось, мы все равно не могли бы помешать посылкой помощи вот сейчас); (15) но хорошо скажет лишь тот, кто объяснит, что за силы надо подготовить, как велики они должны быть и откуда их надо взять, чтобы они могли продержаться до тех пор, пока мы или не кончим войну путем договора, или же не одолеем своих врагов. При этом условии нам уже не придется в дальнейшем терпеть неудачи. Так вот я лично, мне думается, могу так говорить, не мешая другим предлагать еще что-нибудь иное. Вот как значительно мое обещание; дело само уже позволит судить о его правильности, а судьями будете вы.

(16) Прежде всего, по-моему, граждане афинские, надо снарядить пятьдесят триер; затем, вы сами должны быть готовы к тому, чтобы в случае надобности самим сесть на них и отправиться в плавание. Кроме того, для половины состава всадников я предлагаю снарядить конноперевозочные триеры и грузовые суда в достаточном количестве. (17) Это, по моему мнению, должно быть у вас наготове на случай таких непредвиденных выступлений его от пределов его собственной страны — под Пилы, в Херсонес, в Олинф и вообще, куда хочет: надо дать ему ясно понять, что вы можете иной раз очнуться от этой чрезмерной беспечности и двинуться в поход подобно тому, как выступали на Эвбею и еще раньше, как рассказывают, к Галиарту и, наконец, недавно под Пилы. (18) Это дело, если бы даже вы и не исполнили его сейчас же, как я настаиваю, все-таки отнюдь не таково, чтобы можно было им совершенно пренебрегать: ведь пусть тогда он будет или бояться, зная, что вы хорошо подготовлены (он будет, конечно, знать это точно, потому что есть — да, есть — такие люди, которые обо всех наших делах осведомляют его, и их у нас больше, чем надо бы), и будет держаться спокойно, или же, если не придаст этому значения, будет захвачен врасплох, так как тогда ничто не помешает вам плыть к его стране, раз он предоставит к этому удобный случай. (19) Такое решение, по-моему, всеми вами должно быть принято, и все это вы должны, мне кажется, иметь наготове. А еще прежде этого, по-моему, вам нужно, граждане афинские, составить у себя некоторое войско для того, чтобы оно постоянно вело военные действия и причиняло вред ему. Не нужно нам для этого ни десяти, ни двадцати тысяч наемников, ни этих существующих только в донесениях войск,

а такое войско, которое состояло бы из граждан нашего государства и которое подчинялось бы и шло за любым начальником — одним или несколькими, этим или другим, кого бы вы ни выбрали. Кроме того, я предлагаю снабдить это войско и продовольствием. (20) А что это будет за войско? как велика его численность? откуда оно будет получать продовольствие? и каким образом оно будет готово исполнять эти требования? Я объясню это, разбирая каждый вопрос в отдельности. Наемников я предлагаю взять... Однако смотрите, не сделайте того, что часто вам вредило: всякое число вам кажется недостаточным, и вот в своих псефисмах вы намечаете очень большие составы, но на деле у вас не получается даже и малых. Нет, составьте сначала небольшие отряды и снабдите их необходимым, а тогда добавляйте еще, если этого будет казаться слишком мало. (21) Итак, я предлагаю всего взять две тысячи пеших воинов. В этом числе афинян, по моему мнению, должно быть пятьсот из того возраста, какой вы признаете нужным — с тем, чтобы они несли военные обязанности в течение определенного срока, не столь продолжительного, как теперь, а такого, какой признаете нужным, и чтобы сменялись друг с другом по очереди. Остальной состав я предлагаю взять из наемников. Еще к ним надо присоединить двести всадников, в их числе, по меньшей мере, пятьдесят из афинян, с тем, чтобы они несли службу таким же порядком, как пехота, и дать им суда для перевозки конницы. (22) Хорошо! Что еще, кроме этого?— Быстроходных триер — десять. Разумеется, раз у него есть флот, то и нам нужно иметь быстроходные триеры, чтобы войско могло плавать безопасно. Откуда же взять для него продовольствие? Я и это изложу вам и расскажу, но сначала надо объяснить, почему такое войско я считаю достаточным и почему я настаиваю, чтобы в походе участвовали граждане.

(23) Такую именно численность, граждане афинские, я вам предлагаю на том основании, что сейчас мы не можем снарядить такого войска, которое было бы способно противостать ему, но приходится в данное время действовать разбойничьими налетами и на первых порах вести войну таким способом. Следовательно, войско не должно быть слишком большим (иначе ведь на хватит жалованья и продовольствия), но не должно быть и совершенно незначительным. (24) А если я предлагаю, чтобы в составе его были граждане и чтобы они участвовали в плавании, то я руководствуюсь примером из прежних времен, когда, как я слыхал, наше государство содержало под Коринфом наемное войско под начальством Полистрата, Ификрата, Хабрия и некоторых других, причем вы и сами участвовали в походе. И я знаю по рассказам, что эти наемники, выступая вместе с вами, побеждали даже лакедемонян, равно как и вы вместе с ними. А вот с той поры, как наемные отряды отправляются у вас в походы сами по себе, они побеждают друзей и союзников, враги же сделались сильнее, чем следовало бы. И эти войска, заглянув ми-

моходом туда, где ведется война нашим государством, предпочитают плыть к Артабазу и еще куда-нибудь в другое место, военачальнику же остается идти за ними — и естественно: нельзя же начальствовать, не платя жалованья. (25) Так в чем же состоит мое предложение? Возможность таких отговорок надо отнять и у предводителя, и у воинов, удовлетворив их жалованьем и приставив своих собственных воинов в качестве наблюдателей за действиями начальников, так как просто смешно, как мы сейчас ведем дела. Если бы кто-нибудь спросил вас: «Мир что ли у вас, граждане афинские?» Вы ответили бы: «О нет, клянемся Зевсом, мы воюем с Филиппом».

(26) А между тем разве не выбирали вы из вашей же среды десятерых таксиархов, стратегов, филархов и двоих гиппархов? Что же они делают? — За исключением одного, которого вы отправили на войну, остальные у вас занимаются устройством праздничных шествий вместе с гиеропеями. Точно лепщики выносят глиняные куклы, так и вы избираете своих таксиархов и филархов для выступлений на площади, а вовсе не для войны.

(27) Разве не для того нужны были, граждане афинские, таксиархи из вашей среды, гиппарх из вашей среды, начальствующие лица ваши собственные, чтобы войско действительно было нашим гражданским? Но если на Лемнос должен плыть гиппарх из вашей среды, неужели во главе всадников, сражающихся за владения нашего государства, должен стоять в качестве гиппарха Менелай? И я это говорю вовсе не в укор ему, но на этом месте надо бы стоять человеку, кто бы это ни был, избранному вами.

(28) Однако хоть, может быть, эти соображения вы признаете и правильными, но вы особенно желаете послушать на счет денег, — сколько нужно и откуда их взять. Вот этим я и займусь сейчас. Так о деньгах. Содержание, — одно лишь продовольствие для такого войска, составляет девяносто талантов с небольшим; именно, для десяти быстроходных кораблей сорок талантов, по двадцать мин на корабль в месяц, для двух тысяч воинов еще столько же, так чтобы каждый воин получал на продовольствие по десяти драхм в месяц, а для всадников в числе двухсот, если каждый будет получать по тридцать драхм в месяц, двенадцать талантов.

(29) Если же кто-нибудь считает, что слишком мало иметь для начала лишь продовольствие для воинов, ушедших в поход, то он неправильно судит. Я убежден, что если это будет обеспечено, остальное получит само войско от войны, не обижая никого ни из греков, ни из союзников, и этого хватит на полную оплату жалованья. Я со своей стороны готов в качестве добровольца отправиться в плавание вместе и подвергнуться какому угодно взысканию, если это будет не так. А вот насчет того, откуда взять эти деньги, которые, как я предлагаю, должны быть у вас в распоряжении, об этом я сейчас скажу.

(Расчет дохода)

(30) Вот те средства, граждане афинские, какие мы могли изыскать. Но, когда приступите к голосованию, вы подадите голоса так, как будете находить нужным, чтобы не только в псефисмах и письмах воевать с Филиппом, но и на деле.

(31) Мне кажется, что гораздо лучше вы могли бы разрешить вопрос относительно войны и всех вообще военных приготовлений, если бы представили себе, граждане афинские, условия местности в той стране, с которой вы ведете войну, и приняли в расчет, что Филипп часто опережает нас и добивается успеха благодаря ветрам и особенностям времен года, что он может дождаться летних ветров или зимы и начинает свои действия как раз в такую пору, когда мы не можем туда прибыть. (32) Так вот, имея все это в виду, надо вести войну не посылкой вспомогательных отрядов (тогда мы ни за кем не будем поспевать), но постоянно держась наготове и имея войско. Вам можно зимние стоянки для своих войск устраивать на Лемносе, Фасосе, Скиафе и островах в этой стране, в которых есть и гавани, и продовольствие, и вообще все, что требуется для войска. А в ту пору года, когда и к берегу подойти легко и нет опасности от ветров, нетрудно будет действовать вблизи самой страны и у входов в гавани.

(33) Как и когда нужно будет воспользоваться этими войсками, это в надлежащее время решит то лицо, которое вы на это уполномочите. А что требуется с вашей стороны, это изложено в написанном мною предложении. Если вы, граждане афинские, доставите все это — я, прежде всего, имею в виду деньги; затем, если подготовите и все остальное — пехоту, триеры, конницу,— и все это войско в полном его снаряжении законом обяжете все время оставаться на месте военных действий, причем в денежных делах сами будете казначеями и поставщиками, а в действиях будете требовать отчета у военачальника, тогда вы уже не будете вечно обсуждать одних и тех же вопросов, не достигая в делах никакого успеха. (34) И кроме этого, вы, граждане афинские, прежде всего, отнимете у него самый важный из источников его доходов. Что это за источник? А дело в том, что Филипп воюет с вами за счет ваших же союзников, уводя в плен и грабя проезжих мореплавателей. Что еще помимо этого? Сами вы будете ограждены от несчастий и не повторится того, что бывало в прежнее время, когда, например, он при одном налете на Лемнос и Имброс в качестве пленников увез ваших сограждан, в другой раз близ Гереста захватил торговые суда и забрал на них без счету много денег, наконец, сделал высадку у Марафона и от берегов нашей страны увел священную триеру, а вы не можете ни препятствовать этому, ни поспевать на помощь к тому сроку, какой назначите. (35) Но как вы думаете, граждане афинские, почему это так происходит: праздники Панафиней и Дионисий всегда справляются в надлежащее время независимо от того, каким людям — сведущим или неопытным — выпадет жребий устраивать те и другие, и на эти празднества затрачиваются такие

деньги, сколько не идет ни на один из морских походов, и, вдобавок, это требует столько хлопот и приготовлений, сколько вряд ли идет вообще на что-либо другое; между тем военные походы все у вас запаздывают, не попадая вовремя — в Мефону, в Пагасы, в Потидею? (36) Это потому, что это все установлено законом и каждый из вас наперед еще задолго знает, кто назначен хорегом, кто гимнасиархом от данной филы, когда у кого и что надо получить и что потом надо делать; ничего в этих делах не забыто, не оставлено невыясненным и непредусмотренным; наоборот, в том, что касается войны и военных приготовлений, — не установлено, не налажено, не предусмотрено ничего. Поэтому, едва мы услышим что-нибудь, как мы начинаем назначать триерархов и устраивать между ними обмен имущества, разбирать вопрос об изыскании денег, после этого вдруг решим посадить на корабли метеков и живущих самостоятельно, потом вдруг опять решим идти сами, потом вдруг допустим заместительство, потом... словом, пока это дело все тянется, уже оказывается потерянным то, ради чего нужно было плыть. (37) Так время, когда нужно было бы действовать, мы тратим на приготовления. А между тем благоприятные для нас условия не ждут вашей медлительности и отговорок. С другой стороны, войска, на которые мы все это время рассчитываем, как раз в нужное время оказываются в состоянии совершенной непригодности. А он дошел до такой наглости, что уже присылает эвбейцам письма вот такого рода.

(Чтение письма)

(38) В том, граждане афинские, что сейчас было прочитано, большая часть, к сожалению, справедлива, хотя, может быть, такие вещи и нет удовольствия слушать. Но, конечно, если достаточно будет, чтобы не доставлять вам неприятности, только обойти молчанием в своей речи некоторые вещи, и если благодаря этому минуют нас и эти неудачи, тогда нужно говорить народу приятные вещи. Если же удовольствие от речей оказывается неуместным и на деле обращается во вред, тогда позорно обманывать самих себя и, откладывая все, что представляет неприятность, запаздывать во всех делах; (39) позорно также, если не умеете даже понять, что тому, кто хочет правильно вести войну, необходимо не следовать за событиями, а надо самому предупреждать их, и что, как войсками должен руководить полководец, так же точно и государственными делами должны руководить люди, участвующие в их обсуждении: только тогда и будут исполняться их решения, им не придется по необходимости гоняться за совершившимися событиями. (40) А вы, граждане афинские, имея в своем распоряжении из всех людей наибольшие силы — триеры, гоплитов, всадников, денежные доходы, из всего этого до сегодняшнего дня никогда еще ничем не пользовались надлежащим образом, но воюете с Филиппом ничуть не лучше того, как варвары бьются в кулачном бою: у них, кто получил удар, тот всякий раз хватается за

пораженное место, и, если его ударят в другое место, туда же обращаются и его руки; прикрывать же себя или смотреть прямо в глаза противнику он и не умеет, и не хочет. (41) Вот и вы, если узнаете, что Филипп в Херсонесе, туда постановляете отправить помощь; если узнаете, что он в Пилах, и вы туда; куда бы он ни пошел, вы бегаете вслед за ним туда и сюда и даете ему начальствовать над вами, но сами не нашли никакого полезного решения относительно войны и до событий вы не предвидите ничего, пока не узнаете, что дело или уже совершилось, или совершается. Такие случаи, может быть, бывали и прежде, теперь же это дошло до крайней степени, так что уже стало более недопустимым. (42) Но мне, граждане афинские, представляется, точно кто-то из богов, чувствуя стыд за наше государство оттого, что у нас делается, заразил Филиппа этой страстью к такой неугомонной деятельности. Действительно, если бы он, владея тем, что уже подчинил себе и взял раньше, на этом хотел успокоиться и более не предпринимал ничего, тогда некоторые из вас, я думаю, вполне удовлетворились бы этим, хотя этим самым мы на весь народ навлекали бы стыд, обвинение в трусости и вообще величайший позор. Но при теперешних условиях, когда он все время что-нибудь затевает и стремится к новым захватам, этим самым он, может быть, вызовет вас к деятельности, если только вы не потеряли окончательно веру в себя. (43) Я лично удивляюсь, как никто из вас не представляет себе этого и не возмущается, когда видит, граждане афинские, что начинали мы войну с расчетом отомстить Филиппу, а кончаем ее уже с мыслью, не пришлось бы потерпеть беды от Филиппа. Во всяком случае, то, что сам он так не остановится, если кто-нибудь не даст ему отпор, — это очевидно. Так неужели мы будем дожидаться этого? И неужели вы думаете, что, стоит вам послать пустые триеры, сопровождая их надеждами, высказанными кем-нибудь из ораторов, и все у вас благополучно? (44) Разве не сядем на корабли? Не выступим сами в поход, хотя бы с какой-нибудь частью наших собственных воинов, теперь же, раз не сделали этого раньше? Не направимся с флотом против его страны? «Где же мы в таком случае там причалим?» — спросил кто-то. — Да сама война найдет, граждане афинские, слабые места в его владениях, стоит нам только взяться за дело. Если же мы будем сидеть дома, слушая перебранки и взаимные обвинения ораторов, тогда, конечно, у нас ничего не выйдет, как нужно. (45) Ведь куда бы, думается мне, ни послали вы в составе своего войска хоть некоторую часть наших граждан, даже неполный состав их, там за вас борется благоволение и богов, и счастья; а куда пошлете военачальника с голой псефисмой да с надеждами, высказанными с трибуны, там у вас ничего не выходит, как нужно; зато враги смеются над вами, а союзники смертельно боятся таких походов. (46) Немыслимо, в самом деле — прямо немыслимо, чтобы один человек был в силах испол-

нить вам все, чего вы хотите; надавать обещаний и заверений, обвинить того-другого — это, конечно, возможно, но дела государства приходят от этого в полный упадок. Когда, например, военачальник ведет за собой несчастных, не получающих жалованья наемников, когда здесь у вас находятся люди, готовые обо всех его действиях с легкостью высказывать перед вами всякую ложь, и когда вы, послушав такие речи, выносите постановления, какие придется, — чего же тогда и ждать?

(47) Итак, чем же это должно кончиться? — Тогда только, когда вы, граждане афинские, одних и тех же людей сделаете и воинами, и свидетелями действий военачальника, и по возвращении на родину — судьями при проверке отчетов и когда, следовательно, вы будете не по рассказам только слышать о состоянии ваших собственных дел, но и видеть их лично. А сейчас у вас дела дошли до такого позорного состояния, что из военачальников каждый по два, по три раза судится у вас по делам, которые караются смертной казнью, с врагами же ни один из них не имеет решимости хоть раз сразиться с опасностью быть убитым; смерть охотников за рабами и смерть грабителей они предпочитают почетной смерти: злодею ведь подобает смерть по приговору суда, а полководцу смерть в бою с врагами. (48) А из нас некоторые, прохаживаясь по городу, рассказывают о том, будто совместно с лакедемонянами Филипп готовит низложение фиванцев и расстраивает их союз государств, другие — будто он уже отправил послов к царю, третьи — будто он укрепляет города в Иллирии, четвертые — будто... Одним словом, мы, все и каждый, только сочиняем разные сказки и ходим с ними туда и сюда. (49) Я со своей стороны думаю, граждане афинские, клянусь богами, что он опьянен величиною своих успехов. Что он мысленно гадает даже во сне еще о многих подобных же успехах, так как не видит никого, кто бы мог его остановить, и притом еще увлечен своими удачами; но, конечно, он, клянусь Зевсом, предпочитает действовать вовсе не так, чтобы самые недальновидные между нами знали, что собирается он делать: ведь, конечно, очень недальновидны те люди, которые сочиняют эти басни. (50) Но лучше оставим эти разговоры и будем знать одно: этот человек — наш враг, он стремится отнять у нас наше достояние и с давних пор наносит вред всегда, когда мы в каком-нибудь деле рассчитывали на чью-то помощь со стороны. Все это оказывается направленным против нас; все дальнейшее зависит от нас самих, и если теперь мы не захотим воевать с ним там, то, пожалуй, будем вынуждены воевать с ним здесь; так вот, если мы будем знать это, тогда мы и примем надлежащее решение и избавимся от пустых словопрений: не будущее нам нужно предугадывать, надо знать хорошенько, что вам будет плохо, если вы не будете относиться к делу с вниманием и не пожелаете выполнять необходимых мероприятий.

(51) Так вот, что касается меня лично, то, как прежде, я никогда не задавался целью говорить приятные вещи, если не был в то же время сам убежден в их пользе, так и теперь я высказал свое мнение с полной откровенностью, ничего не утаив. Но, как я знаю, что вам полезно слушать наилучшие предложения, вот точно так же я хотел бы знать, что это послужит на пользу и тому, кто предложил самое лучшее. Тогда я чувствовал бы гораздо больше удовольствия. Но хотя я еще не знаю, какие последствия ожидают меня в дальнейшем, все-таки я твердо убежден, что, если вы исполните мое предложение, это должно послужить вам на пользу, и потому беру на себя говорить об этом. Победит же пусть то, что всем должно принести пользу.

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО РИМА

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН
(106–43 гг. до Р.Х.)

ПЕРВАЯ РЕЧЬ ПРОТИВ ЛУЦИЯ СЕРГИЯ КАТИЛИНЫ[1]

[В сенате, в храме Юпитера Статора,
8 ноября 63 года до Р. Х.]

(I, 1) Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды? Неужели тебя не встревожили ни ночные караулы на Палатине, ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей, ни выбор этого столь надежно защищенного места для заседания сената, ни лица и взоры всех присутствующих? Неужели ты не понимаешь, что твои намерения открыты? Не видишь, что твой заговор уже известен всем присутствующим и раскрыт? Кто из нас, по твоему мнению, не знает, что делал ты последней, что предыдущей ночью, где ты был, кого сзывал, какое решение принял? (2) О времена! О нравы! Сенат все это понимает, консул видит, а этот человек все

[1] Речи против Луция Сергия Катилины — образец красноречия Цицерона. Не имея реальных улик против Катилины, Цицерон, тем не менее, добился отъезда своего политического противника из Рима. Когда были схвачены сторонники Катилины, у них обнаружили письма, свидетельствовавшие о заговоре. По инициативе Цицерона заговорщики были казнены. Сам Катилина погиб вместе с отрядом верных ему людей 5 января 62 г. до Р. Х. во время сражения с правительственными войсками.

Печатается по: *Цицерон Марк Туллий.* Речи: В 2 т. / Пер. В. Горенштейна. М., 1993. Т. 1.

еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы, храбрые мужи, воображаем, что выполняем свой долг перед государством, уклоняясь от его бешенства и увертываясь от его оружия. Казнить тебя, Катилина, уже давно следовало бы, по приказанию консула, против тебя самого обратить губительный удар, который ты против всех нас уже давно подготовляешь. (3) Ведь высокочтимый муж, верховный понтифик Публий Сципион, будучи частным лицом, убил Тиберия Гракха, пытавшегося произвести лишь незначительные изменения в государственном строе, а Катилину, страстно стремящегося резней и поджогами весь мир превратить в пустыню, мы, консулы, будем терпеть? О событиях далекого прошлого я, пожалуй, говорить не буду — например, о том, что Гай Сервилий Агала своей рукой убил Спурия Мелия, стремившегося произвести государственный переворот. Была, была некогда в нашем государстве доблесть, когда храбрые мужи были готовы подвергнуть гражданина, несущего погибель, более жестокой казни, чем та, какая предназначена для злейшего врага. Мы располагаем против тебя, Катилина, решительным и веским постановлением сената. Не изменяют государству ни мудрость, ни авторитет этого сословия; мы — говорю открыто — мы, консулы, изменяем ему. (II, 4) Сенат своим постановлением некогда обязал консула Луция Опимия принять меры, дабы государство не понесло ущерба. Не прошло и ночи — и был убит, вследствие одного лишь подозрения в подготовке мятежа, Гай Гракх, сын, внук и потомок знаменитых людей; был предан смерти, вместе со своими сыновьями, консуляр Марк Фульвий. На основании такого же постановления сената защита государства была вверена консулам Гаю Марию и Луцию Валерию. Заставила ли себя ждать хотя бы один день смерть народного трибуна Луция Сатурнина и претора Гая Сервилия, вернее, кара, назначенная для них государством? А мы вот уже двадцатый день спокойно смотрим, как притупляется острие полномочий сената. Правда, и мы располагаем таким постановлением сената, но оно таится в записях и подобно мечу, вложенному в ножны; на основании этого постановления сената тебя, Катилина, следовало немедленно предать смерти, а между тем ты все еще живешь и живешь не для того, чтобы отречься от своей преступной отваги; нет, — чтобы укрепиться в ней. Хочу я, отцы-сенаторы, быть милосердным; не хочу, при таких великих испытаниях для государства, показаться безвольным; но я сам уже осуждаю себя за бездеятельность и трусость. (5) В самой Италии, на путях в Этрурию, устроен лагерь на погибель римскому народу; с каждым днем растет число врагов, а самого начальника этого лагеря, императора и предводителя врагов, мы видим в своих стенах, более того — в сенате; изо дня в день готовит он изнутри гибель государству. Если я тотчас же велю тебя схватить, Катилина, если я велю тебя

казнить, то мне, несомненно, придется бояться, что все честные люди признают мой поступок запоздалым, а не опасаться, что кто-нибудь назовет его слишком жестоким.

Но, что уже давно должно было быть сделано, я, имея на это веские основания, все еще не могу заставить себя привести в исполнение. Ты будешь казнен только тогда, когда уже не найдется ни одного столь бесчестного, столь низко падшего, столь подобного тебе человека, который не признал бы, что это совершенно законно. (6) Но пока есть хотя бы один человек, который осмелится тебя защищать, ты будешь жить, но так, как живешь ныне, — окруженный моей многочисленной и надежной стражей, дабы у тебя не было ни малейшей возможности даже пальцем шевельнуть во вред государству. Более того, множество глаз и ушей будет — незаметно для тебя, как это было также и до сего времени, — за тобой наблюдать и следить.

(III) И в самом деле, чего еще ждешь ты, Катилина, когда ни ночь не может скрыть в своем мраке сборище нечестивцев, ни частный дом — удержать в своих стенах голоса участников твоего заговора, если все становится явным, все прорывается наружу? Поверь мне, уже пора тебе изменить свой образ мыслей; забудь о резне и поджогах. Ты окружен со всех сторон; света яснее нам все твои замыслы, которые ты можешь теперь обсудить вместе со мной. (7) Разве ты не помнишь, как за одиннадцать дней до ноябрьских календ я говорил в сенате, что в определенный день, а именно за пять дней до ноябрьских календ, возьмется за оружие Гай Манлий, твой приверженец и орудие твоей преступной отваги? Разве я ошибся, Катилина, не говорю уже — в том, что произойдет такое ужасное и невероятное событие, но также — и это должно вызывать гораздо большее изумление, — в определении его срока? И я же сказал в сенате, что ты назначил резню оптиматов на день за четыре дня до ноябрьских календ — тогда, когда многие из первых наших граждан бежали из Рима не столько ради того, чтобы избегнуть опасности, сколько для того, чтобы не дать исполниться твоим замыслам. Можешь ли ты отрицать, что в тот самый день ты, окруженный со всех сторон моими отрядами, благодаря моей бдительности не смог ни шагу сделать против государства, но, по твоим словам, ввиду отъезда всех остальных ты был бы вполне удовлетворен, если бы тебе удалось убить одного меня, коль скоро я остался в Риме? (8) А потом? Когда ты был уверен, что тебе в самые ноябрьские календы удастся ночью, одним натиском, захватить Пренесту, не понял ли ты тогда, что колония эта, именно по моему приказанию, была обеспечена войсками, охраной, ночными дозорами? Ты ничего не можешь ни сделать, ни затеять, ни задумать без того, чтобы я об этом не услыхал, более того — этого не увидел и ясно не ощутил.

(IV) Припомни же, наконец, вместе со мной события достопамятной позапрошлой ночи и ты сразу поймешь, что я с гораздо большим

усердием неусыпно охраняю благополучие государства, чем ты готовишь ему гибель. Я утверждаю, что ты в эту ночь пришел на улицу Серповщиков — буду говорить напрямик — в дом Марка Леки; там же собралось множество соучастников этого безрассудного преступления. Смеешь ли ты отпираться? Что ж ты молчишь? Докажу, если вздумаешь отрицать. Ведь я вижу, что здесь, в сенате, присутствует кое-кто из тех, которые были вместе с тобой. (9) О бессмертные боги! В какой стране мы находимся? Что за государство у нас? В каком городе мы живем? Здесь, здесь, среди нас, отцы-сенаторы, в этом священнейшем и достойнейшем собрании, равного которому в мире нет, находятся люди, помышляющие о нашей всеобщей гибели, об уничтожении этого вот города, более того, об уничтожении всего мира! И я, консул, вижу их здесь, даже предлагаю им высказать свое мнение о положении государства и все еще не решаюсь уязвить словами людей, которых следовало бы истребить мечом.

Итак, ты был у Леки в эту ночь, Катилина! Ты разделил на части Италию, ты указал, кому куда следовало выехать; ты выбрал тех, кого следовало оставить в Риме, и тех, кого следовало взять с собой; ты распределил между своими сообщниками кварталы Рима, предназначенные для поджога, подтвердил, что ты сам в ближайшее время выедешь из города, но сказал, что ты все же еще не надолго задержишься, так как я еще жив. Нашлись двое римских всадников, выразивших желание избавить тебя от этой заботы и обещавших тебе в ту же ночь, перед рассветом, убить меня в моей постели. (10) Обо всем этом я узнал, как только было распущено ваше собрание. Дом свой я надежно защитил, усилив стражу; не допустил к себе тех, кого ты ранним утром прислал ко мне с приветствиями; впрочем, ведь пришли как раз те люди, чей приход — и притом именно в это время — я уже заранее предсказал многим виднейшим мужам.

(V) Теперь, Катилина, продолжай идти тем путем, каким ты пошел; покинь, наконец, Рим; ворота открыты настежь, уезжай. Слишком уж долго ждет тебя, императора, твой славный Манлиев лагерь. Возьми с собой и всех своих сторонников; хотя бы не от всех, но от возможно большего числа их очисти Рим. Ты избавишь меня от сильного страха, как только мы будем отделены друг от друга городской стеной. Находиться среди нас ты уже больше не можешь; я этого не потерплю, не позволю, не допущу. (11) Великую благодарность следует воздать бессмертным богам и, в частности, этому вот Юпитеру Статору, древнейшему стражу нашего города, за то, что мы уже столько раз были избавлены от столь отвратительной язвы, столь ужасной и столь пагубной для государства. Отныне благополучию государства не должна уже угрожать опасность от одного человека. Пока ты, Катилина, строил козни мне, избранному консулу, я защищался от тебя не с помощью официально предоставленной мне охраны, а принимая свои меры предосторожности. Но когда

ты, во время последних комиций по выбору консулов, хотел меня, консула, и своих соискателей убить на поле, я пресек твою нечестивую попытку, найдя защиту в лице многочисленных друзей, не объявляя, однако, чрезвычайного положения официально. Словом, сколько раз ни пытался ты нанести мне удар, я отражал его сам, хотя и понимал, что моя гибель была бы большим несчастьем для государства. (12) Но теперь ты уже открыто хочешь нанести удар государству в целом; уже и храмы бессмертных богов, городские дома, всех граждан, всю Италию обрекаешь ты на уничтожение и гибель. Поэтому, коль скоро я все еще не решаюсь совершить то, что является моей первой обязанностью и на что дает мне право предоставленный мне империй и заветы наших предков, я прибегну к каре более мягкой, но более полезной для всеобщего спасения. Если я прикажу тебя казнить, то остальные люди из шайки заговорщиков в государстве уцелеют; но если ты, к чему я уже давно тебя склоняю, уедешь, то из Рима будут удалены обильные и зловредные подонки государства в лице твоих приверженцев. (13) Что же, Катилина? Неужели же ты колеблешься сделать по моему приказанию то, что ты был готов сделать добровольно? Консул велит врагу удалиться из Рима. Ты спрашиваешь меня — неужели в изгнание? Я тебе не велю, но, раз ты меня спрашиваешь, советую так поступить.

(VI) И в самом деле, Катилина, что еще может радовать тебя в этом городе, где, кроме твоих заговорщиков, пропащих людей, не найдется никого, кто бы тебя не боялся, кто бы не чувствовал к тебе ненависти? Есть ли позорное клеймо, которым твоя семейная жизнь не была бы отмечена? Каким только бесстыдством не ославил ты себя в своей частной жизни? Каким только непристойным зрелищем не осквернил ты своих глаз, каким деянием — своих рук, какой гнусностью — всего своего тела? Найдется ли юнец, перед которым бы ты, чтобы заманить его в сети и совратить, не нес кинжала на пути к преступлению или же факела на пути к разврату? (14) Разве недавно, когда ты, смертью своей первой жены, приготовил свой опустевший дом для нового брака, ты не добавил к этому злодеянию еще другого, невообразимого? Не стану о нем говорить — пусть лучше о нем молчат, — дабы не казалось, что в нашем государстве такое чудовищное преступление могло произойти или же остаться безнаказанным. Не буду говорить о твоем полном разорении, всю тяжесть которого ты почувствуешь в ближайшие дни. Перехожу к тому, что относится не к твоей позорной и порочной частной жизни, не к твоим семейным бедствиям и бесчестию, а к высшим интересам государства, к нашему существованию и всеобщему благополучию.

(15) Неужели тебе, Катилина, может быть мил этот вот свет солнца или воздух под этим небом, когда каждому из присутствующих, как ты знаешь, известно, что ты в консульство Лепида и Тулла, в канун январских календ стоял на комиций с оружием в руках; что ты, с целью убий-

ства консулов и первых граждан, собрал большую шайку и что твое безумное злодеяние было предотвращено не твоими собственными соображениями и не страхом, а Фортуной римского народа? Я и об этом не стану распространяться; ибо это ни для кого не тайна, а ты и впоследствии совершил немало преступлений. Сколько раз покушался ты на мою жизнь, пока я был избранным консулом, сколько раз — во время моего консульства! От скольких твоих нападений, рассчитанных так, что, казалось, не было возможности их избежать, я спасся, как говорится, лишь чуть-чуть отклонившись в сторону! Ничего тебе не удается, ничего ты не достигаешь, но все-таки не отказываешься от своих попыток и стремлений. (16) Сколько раз уже вырывали кинжал у тебя из рук! Сколько раз он случайно выскальзывал у тебя из рук и падал на землю! Не знаю, во время каких таинств, каким обетом ты посвятил его богам, раз ты считаешь необходимым вонзить его именно в грудь консула.

(VII) А теперь какова твоя жизнь? Ведь я теперь буду говорить с тобой так, словно мной движет не ненависть, что было бы моим долгом, а сострадание, на которое ты не имеешь никакого права. Ты только что явился в сенат. Кто среди этого многочисленного собрания, среди стольких твоих друзей и близких приветствовал тебя? Ведь этого — с незапамятных времен — не случалось ни с кем; и ты еще ждешь оскорбительных слов, когда само это молчание — уничтожающий приговор! А то, что после твоего прихода твоя скамья опустела, что все консуляры, которых ты в прошлом не раз обрекал на убийство, пересели, оставив незанятыми скамьи той стороны, где сел ты? Как ты можешь это терпеть?

(17) Если бы мои рабы боялись меня так, как тебя боятся все твои сограждане, то я, клянусь Геркулесом, предпочел бы покинуть свой дом. А ты не считаешь нужным покинуть Рим? И если бы я видел, что я — пусть даже незаслуженно — навлек на себя такое тяжкое подозрение и неприязнь сограждан, то я отказался бы от общения с ними, только бы не чувствовать ненависти в их взглядах. Ты же, зная за собой свои злодеяния и признавая всеобщую ненависть справедливой и давно уже заслуженной, еще колеблешься, бежать ли тебе от взоров и от общества тех людей, чьи умы и чувства страдают от твоего присутствия? Если бы твои родители боялись и ненавидели тебя и если бы тебе никак не удавалось смягчить их, ты, мне думается, скрылся бы куда-нибудь с их глаз. Но теперь отчизна, наша общая мать, тебя ненавидит, боится и уверена, что ты уже давно не помышляешь ни о чем другом, кроме отцеубийства. И ты не склонишься перед ее решением, не подчинишься ее приговору, не испугаешься ее могущества? (18) Она так обращается к тебе, Катилина, и своим молчанием словно говорит: «Не было в течение ряда лет ни одного преступления, которого не совершил ты; не было гнусности, учиненной без твоего участия; ты один безнаказанно и беспрепятственно убивал многих граждан, притеснял и разорял наших союзников; ты ока-

зался в силах не только пренебрегать законами и правосудием, но также уничтожать их и попирать. Прежние твои преступления, хотя они и были невыносимы, я все же терпела, как могла; но теперь то, что я вся охвачена страхом из-за тебя одного, что при малейшем лязге оружия я испытываю страх перед Катилиной, что каждый замысел, направленный против меня, кажется мне порожденным твоей преступностью, — все это нестерпимо. Поэтому удались и избавь меня от этого страха; если он справедлив — чтобы мне не погибнуть; если он ложен — чтобы мне, наконец, перестать бояться». (VIII, 19) Если бы отчизна говорила с тобой так, неужели ты не должен был бы повиноваться ей, даже если бы она не могла применить силу?

А то, что ты сам предложил взять тебя под стражу, что ты, дабы избегнуть подозрения, заявил о своем желании жить в доме у Мания Лепида? Не принятый им, ты даже ко мне осмелился явиться и меня попросил держать тебя в моем доме. Получив и от меня ответ, что я никак не могу чувствовать себя в безопасности, находясь с тобой под одним кровом, потому что подвергаюсь большой опасности, уже находясь с тобой в одних и тех же городских стенах, ты пришел к претору Квинту Метеллу; отвергнутый им, ты переселился к своему сотоварищу, отличнейшему человеку, Марку Метеллу, которого ты, очевидно, считал крайне исполнительным в деле охраны, в высшей степени проницательным в его подозрениях и непоколебимым при наказании. Итак, долго ли до тюрьмы и оков тому, кто уже сам признал себя заслуживающим заключения под стражу? (20) И при таких обстоятельствах, Катилина, ты, если у тебя нет сил спокойно покончить с жизнью, еще не знаешь, стоит ли тебе уехать в какую-либо страну и жизнь свою, которую ты спасешь от множества мучений, вполне тобой заслуженных, влачить в изгнании и одиночестве?

«Доложи, — говоришь ты, — об этом сенату». Ведь ты этого требуешь и выражаешь готовность, если это сословие осудит тебя на изгнание, ему повиноваться. Нет, я докладывать не буду — это против моих правил — и все-таки заставлю тебя понять, что думают о тебе присутствующие. Уезжай из Рима, Катилина; избавь государство от страха; в изгнание — если ты именно этого слова ждешь от меня — отправляйся. Что же теперь? Ты еще чего-то ждешь? Разве ты не замечаешь молчания присутствующих? Они терпят, молчат. К чему ждать тебе их приговора, если их воля ясно выражена их молчанием? (21) Ведь если бы я сказал это же самое присутствующему здесь достойнейшему молодому человеку, Публию Сестию, или же храбрейшему мужу, Марку Марцеллу, то сенат в этом же храме, с полным правом, на меня, консула, поднял бы руку. Но когда дело идет о тебе, Катилина, то сенаторы, оставаясь безучастными, одобряют; слушая, выносят решение; храня молчание, громко говорят; и так поступают не только эти вот люди, чей авторитет ты,

по-видимому, высоко ценишь, но чью жизнь не ставишь ни во что, но также и вон те римские всадники, глубоко почитаемые и честнейшие мужи, и другие храбрейшие граждане, стоящие вокруг этого храма; ведь ты мог видеть, сколь они многочисленны, почувствовать их рвение, а недавно и услышать их возгласы. Мне уже давно едва удается удержать их от вооруженной расправы с тобой, но я с легкостью подвигну их на то, чтобы они — в случае, если ты будешь оставлять Рим, который ты уже давно стремишься уничтожить, — проводили тебя до самых ворот.

(IX, 22) Впрочем, к чему я это говорю? Разве возможно, чтобы тебя что-либо сломило? Чтобы ты когда-либо исправился, помыслил о бегстве, подумал об изгнании? О, если бы бессмертные боги внушили тебе это намерение! Впрочем, я понимаю, какая страшная буря ненависти — в случае, если ты, устрашенный моими словами, решишь удалиться в изгнание — угрожает мне если не в настоящее время, когда память о твоих злодействах еще свежа, то, во всяком случае, в будущем. Но пусть будет так, только бы это несчастье обрушилось на меня одного и не грозило опасностью государству! Однако требовать от тебя, чтобы тебя привели в ужас твои собственные пороки, чтобы ты побоялся законной кары, чтобы ты подумал об опасном положении государства, не приходится. Не таков ты, Катилина, чтобы совесть удержала тебя от подлости, страх — от опасных действий или же здравый смысл — от безумия. (23) Итак — говорю это уже не в первый раз, — уезжай, причем, если ты, как ты заявляешь, хочешь разжечь ненависть ко мне, своему недругу, то уезжай прямо в изгнание. Тяжко будет мне терпеть людскую молву, если ты так поступишь; тяжко будет мне выдерживать лавину этой ненависти, если ты уедешь в изгнание по повелению консула. Но если ты, напротив, предпочитаешь меня возвеличить и прославить, то покинь Рим вместе с наглой шайкой преступников, отправляйся к Манлию и призови пропащих граждан к мятежу, порви с честными людьми, объяви войну отчизне, предайся нечестивому разбою, дабы казалось, что ты выехал из Рима не изгнанный мною к чужим, но приглашенный к своим.

(24) А впрочем, зачем мне тебе это предлагать, когда ты — как я знаю — уже послал вперед людей, чтобы они с оружием в руках встретили тебя вблизи Аврелиева Форума; когда ты — как я знаю — назначил определенный день для встречи с Манлием; более того, когда ты даже того серебряного орла, который, я уверен, губительным и роковым окажется именно для тебя самого и для всех твоих сторонников и для которого у тебя в доме была устроена нечестивая божница, когда ты этого самого орла, как я знаю, уже послал вперед? Как ты сможешь и долее обходиться без него, когда ты не раз возносил к нему моления, отправляясь на резню, и после прикосновения к его алтарю твоя нечестивая рука так часто переходила к убийству граждан?

(X, 25) И вот ты наконец отправишься туда, куда твоя необузданная и бешеная страсть уже давно тебя увлекает. Ведь это не только не удручает тебя, но даже доставляет тебе какое-то невыразимое наслаждение. Для этого безрассудства тебя природа породила, твоя воля воспитала, судьба сохранила. Никогда не желал ты, не говорю уже — мира, нет, даже войны, если только эта война не была преступной. Ты набрал себе отряд из бесчестного сброда пропащих людей, потерявших не только все свое достояние, но также и всякую надежду. (26) Какую радость будешь ты испытывать, находясь среди них, какому ликованию предаваться! Какое наслаждение опьянит тебя, когда ты среди своих столь многочисленных сторонников не услышишь и не увидишь ни одного честного человека! Ведь именно для такого образа жизни ты и придумал свои знаменитые лишения — лежать на голой земле не только, чтобы насладиться беззаконной страстью, но и чтобы совершить злодеяние; бодрствовать, злоумышляя не только против спящих мужей, но и против мирных богатых людей. У тебя есть возможность блеснуть своей хваленой способностью переносить голод, холод, всяческие лишения, которыми ты вскоре будешь сломлен. (27) Отняв у тебя возможность быть избранным в консулы, я, во всяком случае, достиг одного: как изгнанник ты можешь покушаться на государственный строй, но как консул ниспровергнуть его не можешь — твои злодейские действия будут названы разбоем, а не войной.

(XI) Теперь, отцы-сенаторы, дабы я мог решительно отвести от себя почти справедливую, надо сказать, жалобу отчизны, прошу вас внимательно выслушать меня с тем, чтобы мои слова глубоко запали вам в душу и в сознание. В самом деле, если отчизна, которая мне гораздо дороже жизни, если вся Италия, все государство мне скажут: «Марк Туллий, что ты делаешь? Неужели тому, кого ты разоблачил как врага, в ком ты видишь будущего предводителя мятежа, кого, как ты знаешь, как императора ожидают во вражеском лагере — зачинщику злодейства, главарю заговора, вербовщику рабов и граждан губителю, ты позволишь удалиться, так что он будет казаться не выпущенным тобой из Рима, а впущенным тобой в Рим? Неужели ты не повелишь заключить его в тюрьму, повлечь на смерть, предать мучительной казни? (28) Что, скажи, останавливает тебя? Уж не заветы ли предков? Но ведь в нашем государстве далеко не редко даже частные лица карали смертью граждан, несших ему погибель.

Или существующие законы о казни, касающиеся римских граждан? Но ведь в нашем городе люди, изменившие государству, никогда не сохраняли своих гражданских прав. Или ты боишься ненависти потомков? Поистине прекрасно воздашь ты благодарность римскому народу, который тебя, человека, известного только личными заслугами и не по-

рученного ему предками, так рано вознес по ступеням всех почетных должностей к высшей власти, если ты, боясь ненависти и страшась какой-то опасности, пренебрежешь благополучием своих сограждан. (29) Но если в какой-то мере и следует опасаться ненависти, то разве ненависть за проявленную суровость и мужество страшнее, чем ненависть за слабость и трусость? Когда война начнет опустошать Италию, когда будут рушиться города, пылать дома, что же, тогда, по-твоему, не сожжет тебя пламя ненависти?» (XII) Отвечу коротко на эти священные слова государства и на мысли людей, разделяющих эти взгляды. Да, отцы-сенаторы, если бы я считал наилучшим решением покарать Катилину смертью, я этому гладиатору и часа не дал бы прожить. И в самом деле, если выдающиеся мужи и самые известные граждане не только не запятнали себя, но даже прославились, пролив кровь Сатурнина, Гракхов и Флакка, а также многих предшественников их, то мне, конечно, нечего было бояться, что казнь этого братоубийцы, истребляющего граждан, навлечет на меня ненависть грядущих поколений. Как бы ни была сильна эта угроза, я все же всегда буду убежден в том, что ненависть, порожденную доблестью, следует считать не ненавистью, а славой.

(30) Впрочем, кое-кто в этом сословии либо не видит того, что угрожает нам, либо закрывает глаза на то, что видит. Люди эти снисходительностью своей обнадеживали Катилину, а своим недоверчивым отношением благоприятствовали росту заговора при его зарождении. Опираясь на их авторитет, многие не только бесчестные, но просто неискушенные люди — в случае, если бы я Катилину покарал, — назвали бы мой поступок жестоким и свойственным разве только царю. Но теперь я полагаю, что если Катилина доберется до лагеря Манлия, в который он стремится, то никто не будет столь глуп, чтобы не увидеть ясно, что заговор действительно существует, и никто — столь бесчестен, чтобы это отрицать. Я понимаю, что, казнив одного только Катилину, можно на некоторое время ослабить эту моровую болезнь в государстве, но навсегда уничтожить ее нельзя. Если же он сам удалится в изгнание, уведет с собой своих приверженцев и захватит с собой также и прочие подонки, им отовсюду собранные, то будут окончательно уничтожены не только эта, уже застарелая болезнь государства, но также и корень и зародыш всяческих зол. (XIII, 31) И в самом деле, отцы-сенаторы, ведь мы уже давно живем среди опасностей и козней, связанных с этим заговором, но почему-то все злодейства, давнишнее бешенство и преступная отвага созрели и вырвались наружу именно во время моего консульства. Если из такого множества разбойников будет устранен один только Катилина, то нам, пожалуй, на какое-то короткое время может показаться, что мы избавлены от тревоги и страха; но опасность останется и будет скрыта глубоко в жилах и теле государства. Часто люди, страдающие тяжелой болезнью и мечущиеся в бреду, если выпьют ледя-

ной воды, вначале чувствуют облегчение, но затем им становится гораздо хуже; так и эта болезнь, которой страдает государство, ослабевшая после наказания Катилины, усилится еще более, если остальные преступники уцелеют.

(32) Поэтому пусть удалятся бесчестные; пусть они отделятся от честных, соберутся в одно место; наконец, пусть их, как я уже не раз говорил, от нас отделит городская стена. Пусть они перестанут покушаться на жизнь консула у него в доме, стоять вокруг трибунала городского претора, осаждать с мечами в руках курию, готовить зажигательные стрелы и факелы для поджога Рима; пусть, наконец, на лице у каждого будет написано, что он думает о положении государства. Заверяю вас, отцы-сенаторы, мы, консулы, проявим такую бдительность, вы — такой авторитет, римские всадники — такое мужество, все честные люди — такую сплоченность, что после отъезда Катилины все замыслы его вы увидите раскрытыми, разоблаченными, подавленными и понесшими должную кару.

(33) При этих предзнаменованиях, Катилина, на благо государству, на беду и на несчастье себе, на погибель тем, кого с тобой соединили всяческие братоубийственные преступления, отправляйся на нечестивую и преступную войну. А ты, Юпитер, чью статую Ромул воздвиг при тех же авспициях, при каких основал этот вот город, ты, которого мы справедливо называем оплотом нашего города и державы, отразишь удар Катилины и его сообщников от своих и от других храмов, от домов и стен Рима, от жизни и достояния всех граждан; а недругов всех честных людей, врагов отчизны, опустошителей Италии, объединившихся в злодейском союзе и нечестивом сообществе, ты обречешь — живых и мертвых — на вечные муки.

ПЕРВАЯ «ФИЛИППИКА» ПРОТИВ МАРКА АНТОНИЯ[1]

[В сенате, 2 сентября 44 г. до Р.Х.]

(I, 1) Прежде чем говорить перед вами, отцы-сенаторы, о положении государства так, как, по моему мнению, требуют нынешние обстоятельства, я вкратце изложу вам причины, побудившие меня сначала уехать, а потом возвратиться обратно. Да, пока я надеялся, что государство, наконец, снова поручено вашей мудрости и авторитету, я как консуляр и сенатор считал нужным оставаться как бы стражем его. И я дей-

---

[1] Цикл речей против консула Марка Антония Цицерон сам назвал филиппиками — в подражание Демосфену.

Печатается по: *Цицерон Марк Туллий.* Речи: В 2 т. / Пер. В. Горенштейна. М., 1962. Т. 2.

ствительно не отходил от государства, не спускал с него глаз, начиная с того дня, когда нас созвали в храм Земли. В этом храме я, насколько это было в моих силах, заложил основы мира и обновил древний пример афинян; я даже воспользовался греческим словом, каким некогда при прекращении раздоров воспользовалось их государство, и предложил уничтожить всякое воспоминание о раздорах, навеки предав их забвению. (2) Прекрасной была тогда речь Марка Антония, превосходны были и его намерения; словом, благодаря ему и его детям заключение мира с виднейшими гражданами было подтверждено.

Этому началу соответствовало и все дальнейшее. К происходившему у него в доме обсуждению вопроса о положении государства он привлекал наших первых граждан; этим людям он поручал наилучшие начинания; в то время в записях Цезаря находили только то, что было известно всем; на все вопросы Марк Антоний отвечал вполне твердо. (3) Был ли возвращен кто-либо из изгнанников? «Только один, — сказал он, — а кроме него, никто». Были ли кому-либо предоставлены какие-нибудь льготы? «Никаких», — отвечал он. Он даже хотел, чтобы мы одобрили предложение Сервия Сульпиция, прославленного мужа, о полном запрещении после мартовских ид водружать доски с каким бы то ни было указом Цезаря или с сообщением о какой-либо его милости. Обхожу молчанием многие достойные поступки Марка Антония; ибо речь моя спешит к его исключительному деянию: диктатуру, уже превратившуюся в царскую власть, он с корнем вырвал из государства. Этого вопроса мы даже не обсуждали. Он принес с собой уже написанное постановление сената, какого он хотел; после прочтения его мы в едином порыве приняли его предложение и в самых лестных выражениях в постановлении сената выразили ему благодарность.

(II, 4) Казалось, какой-то луч света засиял перед нами после уничтожения, уже не говорю — царской власти, которую мы претерпели, нет, даже страха перед царской властью; казалось, Марк Антоний дал государству великий залог того, что он хочет свободы для граждан, коль скоро само звание диктатора, не раз в прежние времена бывавшее законным, он, ввиду свежих воспоминаний о диктатуре постоянной, полностью упразднил в государстве. (5) Через несколько дней сенат был избавлен от угрозы резни; крюк вонзился в тело беглого раба, присвоившего себе имя Мария. И все это Антоний совершил сообща со своим коллегой; другие действия Долабелла совершил уже один; но если бы его коллега находился в Риме, то действия эти они, наверное, предприняли бы вместе. Когда же по Риму стало расползаться зло, не знавшее границ, и изо дня в день распространяться все шире и шире, а памятник на форуме воздвигли те же люди, которые некогда совершили то пресловутое погребение без погребения, и когда пропащие люди вместе с такими же рабами с каждым днем все сильнее и сильнее стали угрожать

домам и храмам Рима, Долабелла покарал дерзких и преступных рабов, а также негодяев и нечестивцев из числа свободных людей так строго, а ту проклятую колонну разрушил так быстро, что мне непонятно, почему же его дальнейшие действия так сильно отличались от его поведения в тот единственный день.

(6) Но вот в июньские календы, когда нам велели присутствовать в сенате, все изменилось; ни одной меры, принятой при посредстве сената; многие и притом важные — при посредстве народа, а порой даже в отсутствие народа или вопреки его воле. Избранные консулы утверждали, что не решаются явиться в сенат; освободители отечества не могли находиться в том городе, с чьей выи они сбросили ярмо рабства; однако сами консулы в своих речах на народных сходках и во всех своих высказываниях их прославляли. Ветеранов — тех, которых так называли и которым наше сословие торжественно дало заверения, — подстрекали не беречь то, чем они уже владели, а рассчитывать на новую военную добычу. Предпочитая слышать об этом, а не видеть это и как легат будучи свободен в своих поступках, я и уехал с тем, чтобы вернуться к январским календам, когда, как мне казалось, должны были начаться собрания сената.

(III, 7) Я изложил вам, отцы-сенаторы, причины, побудившие меня уехать; теперь причины своего возвращения, которому так удивляются, я вкратце вам изложу.

Отказавшись — и не без оснований — от поездки через Брундисий, по обычному пути в Грецию, в секстильские календы приехал я в Сиракузы, так как путь в Грецию через этот город мне хвалили; но город этот, связанный со мной теснейшим образом, несмотря на все желание его жителей, не смог задержать меня у себя больше, чем на одну ночь. Я боялся, что мой неожиданный приезд к друзьям вызовет некоторое подозрение, если я промедлю. Но после того как ветры отнесли меня от Сицилии к Левкопетре, мысу в Регийской области, я сел там на корабль, чтобы пересечь море, но, отплыв недалеко, был отброшен австром назад к тому месту, где я сел на корабль. (8) Когда я, ввиду позднего времени, остановился в усадьбе Публия Валерия, своего спутника и друга, и находился там и на другой день в ожидании попутного ветра, ко мне явилось множество жителей муниципия Регия; кое-кто из них недавно побывал в Риме. От них я, прежде всего, узнал о речи, произнесенной Марком Антонием на народной сходке; она так понравилась мне, что я, прочитав ее, впервые стал подумывать о возвращении. А немного спустя мне принесли эдикт Брута и Кассия; вот он и показался, по крайней мере, мне — пожалуй, оттого, что моя приязнь к ним вызвана скорее заботами о благе государства, чем личной дружбой, — преисполненным справедливости. Кроме того, приходившие ко мне говорили, — а ведь те, кто желает принести добрую весть, в большинстве случаев прибавля-

ют какую-нибудь выдумку, чтобы сделать принесенные ими вести более радостными, — что будет достигнуто соглашение, что в календы сенат соберется в полном составе, что Антоний, отвергнув дурных советчиков, отказавшись от провинций Галлий, снова признает над собой авторитет сената.

(IV, 9) Тогда я поистине загорелся таким сильным стремлением возвратиться, что мне было мало всех весел и всех ветров — не потому, что я думал, что не примчусь вовремя, но потому, что я боялся выразить государству свою радость позже, чем желал это сделать. И вот я, быстро доехав до Велии, увиделся с Брутом; сколь печально было это свидание для меня, говорить не стану. Мне самому казалось позорным, что я решаюсь возвратиться в тот город, из которого Брут уезжал, и хочу в безопасности находиться там, где он оставаться не может. Однако я вовсе не видел, чтобы он был взволнован так же сильно, как я; ибо он, гордый в сознании своего величайшего и прекраснейшего поступка, ничуть не сетовал на свою судьбу, но сокрушался о вашей. (10) От него я впервые узнал, какую речь в секстильские календы произнес в сенате Луций Писон. Хотя те, кто должен был его поддержать, его поддержали слабо (именно это я узнал от Брута), все же — и по свидетельству Брута (а что может быть более важным, чем его слова?) и по утверждению всех тех, с кем я встретился впоследствии, — Писон, как мне показалось, снискал большую славу. И вот, желая оказать ему содействие, — ведь присутствовавшие ему содействия не оказали — я и поспешил сюда не с тем, чтобы принести пользу (на это я не надеялся и поручиться за это не мог), но дабы я, если со мной как с человеком что-нибудь случится (ведь мне, по-видимому, грозит многое, помимо естественного хода вещей и даже помимо ниспосылаемого роком), выступив ныне с этой речью, все же оставил государству доказательство своей неизменной преданности ему.

(11) Так как вы, отцы-сенаторы, несомненно, признали справедливыми основания для обоих моих решений, то я, прежде чем говорить о положении государства, в немногих словах посетую на вчерашний несправедливый поступок Марка Антония; ведь я ему друг и всегда открыто заявлял, что я ввиду известной услуги, оказанной им мне, таковым и должен быть.

(V) По какой же причине вчера в таких грубых выражениях требовали моего прихода в сенат? Разве я один отсутствовал? Или вы не бывали часто в неполном сборе? Или обсуждалось такое важное дело, что даже заболевших надо было нести в сенат? Ганнибал, видимо, стоял у ворот или же о мире с Пирром шло дело? Для решения этого вопроса, по преданию, принесли в сенат даже знаменитого Аппия, слепого старца. (12) Докладывали о молебствиях; в этих случаях сенаторы, правда, обычно присутствуют; ибо их к этому принуждает не данный ими залог, а благодарность тем, о чьих почестях идет речь; то же самое бывает, когда док-

ладывают о триумфе. Поэтому консулов это не слишком беспокоит, так что сенатор, можно сказать, волен не являться. Так как этот обычай был мне известен и так как я был утомлен после поездки и мне нездоровилось, то я, ввиду дружеских отношений с Антонием, известил его об этом. А он заявил в вашем присутствии, что он сам явится ко мне в дом с рабочими. Это было сказано поистине чересчур гневно и весьма несдержанно. Действительно, за какое преступление положено такое большое наказание, чтобы он осмелился сказать в присутствии представителей нашего сословия, что он велит государственным рабочим разрушить дом, построенный по решению сената на государственный счет? И кто когда-либо принуждал сенатора к явке, угрожая ему таким разорением; другими словами, разве есть какие-нибудь меры воздействия, кроме залога или пени? Но если бы Антоний знал, какое предложение я собирался внести, он, уж, наверное, несколько смягчил бы суровость своих принудительных мер.

(VI, 13) Или вы, отцы-сенаторы, думаете, что я стал бы голосовать за то, с чем нехотя согласились вы, — чтобы паренталии превратились в молебствия, чтобы в государстве были введены не поддающиеся искуплению кощунственные обряды — молебствия умершему? Кому именно, не говорю. Допустим, дело шло бы о Бруте, который и сам избавил государство от царской власти и свой род продолжил чуть ли не на пятьсот лет, чтобы в нем было проявлено такое же мужество и было совершено подобное же деяние; даже и тогда меня не могли бы заставить причислить какого бы то ни было человека, после его смерти, к бессмертным богам — с тем, чтобы тому, кто где-то похоронен и на чьей могиле справляются паренталии, совершались молебствия от имени государства. Я, безусловно, высказал бы такое мнение, чтобы в случае, если бы в государстве произошло какое-нибудь тяжкое событие — война, мор, голод (а это отчасти уже налицо, отчасти, боюсь я, нам угрожает), я мог с легкостью оправдаться перед римским народом. Но да простят это бессмертные боги и римскому народу, который этого не одобряет, и нашему сословию, которое постановило это нехотя.

(14) Далее, дозволено ли мне говорить об остальных бедствиях государства? Мне поистине дозволено и всегда будет дозволено хранить достоинство и презирать смерть. Только бы у меня была возможность приходить сюда, а от опасности, связанной с произнесением речи, я не уклоняюсь. О, если бы я, отцы-сенаторы, мог присутствовать здесь в секстильские календы — не потому, что это могло принести хотя бы какую-нибудь пользу, но для того, чтобы нашелся не один-единственный консуляр, — как тогда произошло, — достойный этого почетного звания, достойный государства! Именно это обстоятельство причиняет мне сильнейшую скорбь: люди, которые от римского народа стяжали величайшие милости, не поддержали Луция Писона, внесшего наилучшее

предложение. Для того ли римский народ избирал нас в консулы, чтобы мы, достигнув наивысшей степени достоинства, благо государства не ставили ни во что? Не говорю уже — своей речью, даже выражением лица ни один консуляр не поддержал Луция Писона. (15) О, горе! Что означает это добровольное рабство? Допустим, что в некоторой степени оно было неизбежным; лично я не требую, чтобы поддержку Писону оказали все те, кто имеет право голосовать как консуляр. В одном положении находятся те, кому я их молчание прощаю, в другом — те, чей голос я хочу слышать. Меня огорчает, что именно они и вызывают у римского народа подозрение не только в трусости, которая позорна сама по себе, но также и в том, что один по одной, другой по иной причине изменяют своему достоинству.

(VII) И прежде всего я выражаю Писону благодарность и глубоко чувствую ее: он подумал не о том, что его выступление принесет государству, а о том, как сам он должен поступить. Затем я прошу вас, отцы-сенаторы, даже если вы не решитесь принять мое предложение и совет, все же, подобно тому, как вы поступали доныне, благосклонно меня выслушать.

(16) Итак, я предлагаю сохранить в силе распоряжения Цезаря не потому, чтобы я одобрял их (в самом деле, кто может их одобрить?), но так как выше всего ставлю мир и спокойствие. Я хотел бы, чтобы Марк Антоний присутствовал здесь, но только без своих заступников. Впрочем, ему, конечно, разрешается и заболеть, чего он вчера не позволил мне. Он объяснил бы мне или, лучше, вам, отцы-сенаторы, каким способом сам он отстаивает распоряжения Цезаря. Или распоряжения Цезаря, содержащиеся в заметочках, в собственноручных письмах и в личных записях, предъявленных при одном поручителе в лице Марка Антония и даже не предъявленных, а только упомянутых, будут незыблемы? А то, что Цезарь вырезал на меди, на которой он хотел закрепить постановления народа и постоянно действующие законы, никакого значения иметь не будет? (17) Я полагаю, что распоряжения Цезаря — это не что иное, как законы Цезаря. А если он что-нибудь кому-либо и обещал, то неужели будет незыблемо то, чего он сам выполнить не мог? Правда, Цезарь многим многое обещал и многих своих обещаний не выполнил, а после его смерти этих обещаний оказалось даже гораздо больше, чем тех милостей, которые он предоставил и даровал за всю свою жизнь.

Но даже этого я не изменяю, не оспариваю. С величайшей настойчивостью защищаю я его великолепные распоряжения. Только бы уцелели в храме Опс деньги, правда, обагренные кровью, но при нынешних обстоятельствах — коль скоро их не возвращают тем, кому они принадлежат, — необходимые. Впрочем, пусть будут растрачены и они, если так гласили распоряжения. (18) Однако, в прямом смысле слова, что, кроме закона, можно назвать распоряжением человека, облеченного в

тогу и обладавшего в государстве властью и империем? Осведомись о распоряжениях Гракха — тебе представят Семпрониевы законы, о распоряжениях Суллы — Корнелиевы. А в чем выразились распоряжения Помпея во время его третьего консульства? Разумеется, в его законах. И если бы ты спросил самого Цезаря, что именно совершил он в Риме, нося тогу, он ответил бы, что законов он провел много и притом прекрасных; что же до его собственноручных писем, то он либо изменил бы их содержание, либо не стал бы их выпускать, либо, даже если бы и выпустил, не отнес бы их к числу своих распоряжений. Но и в этом вопросе я готов уступить; кое на что я даже закрываю глаза; что же касается важнейших вопросов, то есть законов, то отмену этих распоряжений Цезаря я считаю недопустимой.

(VIII, 19) Есть ли лучший и более полезный закон, чем тот, который ограничивает управление преторскими провинциями годичным сроком, а управление консульскими — двухгодичным? Ведь его издания — даже при самом благополучном положении государства — требовали чаще, чем любого другого. Неужели после отмены этого закона распоряжения Цезаря, по вашему мнению, могут быть сохранены в силе? Далее, разве законом, который объявлен насчет третьей декурии, не отменяются все законы Цезаря о судоустройстве? И вы распоряжения Цезаря отстаиваете, а законы его уничтожаете? Это возможно разве только в том случае, если все то, что он для памяти внес в свои личные записи, будет отнесено к его распоряжениям и — хотя бы это и было несправедливо, и бесполезно — найдет защиту, а то, что он внес на рассмотрение народа во время центуриатских комиций, к распоряжениям Цезаря отнесено не будет. (20) Но какую это третью декурию имеют в виду? «Декурию центурионов», — говорят нам. Как? Разве участие в суде не было доступно этому сословию в силу Юлиева, а ранее также и в силу Помпеева и Авреliева законов? «Устанавливался ценз», — говорят нам. Да, устанавливался и притом не только для центуриона, но и для римского всадника. Именно поэтому судом и ведают и ведали наиболее храбрые и наиболее уважаемые мужи из тех, кто начальствовал в войсках. «Я не стану разыскивать, — говорит Антоний, — тех, кого подразумеваешь ты; всякий, кто начальствовал в войсках, пусть и будет судьей». Но если бы вы предложили, чтобы судьей был всякий, кто служил в коннице, — а это более почетно, — то вы не встретили бы одобрения ни у кого; ибо при выборе судьи надо принимать во внимание и его достаток, и его почетное положение. «Ничего этого мне не нужно, — говорит он, — я включу в число судей также и рядовых солдат из легиона “жаворонков”, ведь наши сторонники утверждают, что иначе им не уцелеть». Какой оскорбительный почет для тех, кого вы неожиданно для них самих привлекаете к участию в суде! Ведь смысл закона именно в том, чтобы в третьей декурии судьями были люди, которые бы не осмеливались выносить приговор

независимо. Бессмертные боги! Как велико заблуждение тех, кто придумал этот закон! Ибо, чем более приниженным будет казаться человек, тем охотнее будет он смывать свое унижение суровостью своих приговоров и он будет напрягать все силы, чтобы показаться достойным декурий, пользующихся почетом, а не быть по справедливости зачисленным в презираемую.

(IX, 21) Второй из объявленных законов предоставляет людям, осужденным за насильственные действия и за оскорбление величества, право провокации к народу, если они этого захотят. Что же это, наконец: закон или отмена всех законов? И право, для кого ныне важно, чтобы этот твой закон был в силе? Нет человека, который бы обвинялся на основании этих законов; нет человека, который, по нашему мнению, будет обвинен. Ведь за вооруженные выступления, конечно, никогда не станут привлекать к суду. «Но предложение угодно народу». О, если бы вы действительно хотели чего-либо, поистине угодного народу! Ибо все граждане, и в своих мыслях и в своих высказываниях о благе государства, теперь согласны между собой. Так что же это за стремление провести закон, чрезвычайно позорный и ни для кого не желанный? В самом деле, что более позорно, чем положение, когда человек, своими насильственными действиями оскорбивший величество римского народа, снова, будучи осужден по суду, обращается к таким же насильственным действиям, за какие он по закону был осужден? (22) Но зачем я все еще обсуждаю этот закон? Как будто действительно имеется в виду, что кто-нибудь совершит провокацию к народу! Нет, все это задумано и предложено для того, чтобы вообще никого никогда на основании этих законов нельзя было привлечь к суду. Найдется ли столь безумный обвинитель, чтобы согласиться уже после осуждения обвиняемого предстать перед подкупленной толпой? Какой судья осмелится осудить обвиняемого, зная, что его самого сейчас же поволокут на суд шайки наймитов?

Итак, права провокации этот закон не дает, но два необычайно полезных закона и два вида постоянного суда уничтожает. Разве он не призывает молодежь в ряды мятежных граждан, губителей государства? До каких только разрушительных действий не дойдет бешенство трибунов после упразднения этих двух видов постоянного суда — за насильственные действия и за оскорбление величества? (23) А разве тем самым не отменяются частично законы Цезаря, которые велят отказывать в воде и огне людям, осужденным как за насильственные действия, так и за оскорбление величества? Если им предоставляют право провокации, то разве не уничтожаются этим распоряжения Цезаря? Именно эти законы лично я, хотя никогда их не одобрял, отцы-сенаторы, все же признал нужным ради всеобщего согласия сохранить в силе, не находя в те времена возможным отменять не только законы, проведенные Цезарем при

его жизни, но даже те, которые, как видите, предъявлены нам после смерти Цезаря и выставлены для ознакомления.

(X, 24) Изгнанников возвратил умерший; не только отдельным лицам, но и народам и целым провинциям гражданские права даровал умерший; предоставлением неограниченных льгот нанес ущерб государственным доходам умерший. И все это, исходящее из его дома, при единственном — ну, конечно, честнейшем — поручителе мы отстаиваем, а те законы, что сам Цезарь в нашем присутствии прочитал, огласил, провел, законы, изданием которых он гордился, которыми он, по его мнению, укреплял наш государственный строй, — о провинциях, о судоустройстве — повторяю, эти Цезаревы законы мы, отстаивающие распоряжения Цезаря, считаем нужным уничтожить? (25) Но все же этими законами, что были объявлены, мы можем, по крайней мере, быть недовольны; а по отношению к законам, как нам говорят, уже изданным, мы лишены даже этой возможности; ибо они без какой бы то ни было промульгации были изданы еще до того, как были составлены.

А впрочем, я все же спрашиваю, почему и я сам, и любой из вас, отцы-сенаторы, при честных народных трибунах боится внесения дурных законов. У нас есть люди, готовые совершить интерцессию, готовые защитить государство указаниями на религиозные запреты; страшиться мы как будто не должны. «О каких толкуешь ты мне интерцессиях, — спрашивает Антоний, — о каких запретах?» Разумеется, о тех, на которых зиждется благополучие государства. — «Мы презираем их и считаем устаревшими и нелепыми. Форум будет перегорожен; заперты будут все входы; повсюду будет расставлена вооруженная стража». — (26) А дальше? То, что будет принято таким образом, будет считаться законом? И вы, пожалуй, прикажете вырезать на меди те установленные законом слова: «Консулы в законном порядке предложили народу (такое ли право рогации мы получили от предков?), и народ законным порядком постановил». Какой народ? Не тот ли, который не был допущен на форум? Каким законным порядком? Не тем ли, который полностью уничтожен вооруженной силой? Я теперь говорю о будущем, так как долг друзей — заблаговременно говорить о том, чего возможно избежать; если же ничего этого не случится, то мои возражения отпадут сами собой. Я говорю о законах объявленных, по отношению к которым вы еще свободны в своих решениях; я указываю вам на их недостатки — исправьте их; я сообщаю вам о насильственных действиях, о применении оружия — устраните все это.

(XI, 27) Во всяком случае, Долабелла, негодовать на меня, когда я говорю в защиту государства, вы не должны. Впрочем, о тебе я этого не думаю, твою обходительность я знаю; но твой коллега, говорят, при своей нынешней судьбе, которая кажется ему очень удачной (мне лично он казался бы более удачливым, — не стану выражаться более резко — если

бы взял себе за образец своих дедов и своего дядю, бывших консулами), итак, он, слыхал я, стал очень уж гневлив. Я хорошо вижу, насколько опасно иметь против себя человека раздраженного и вооруженного, особенно при полной безнаказанности для тех, кто берется за меч; но я предложу справедливые условия, которых Марк Антоний, мне думается, не отвергнет: если я скажу что-либо оскорбительное о его образе жизни или о его нравах, то пусть он станет моим жесточайшим недругом; но если я останусь верен своей привычке, [какая у меня всегда была в моей государственной деятельности,] то есть если я буду свободно высказывать все, что думаю о положении государства, то я, во-первых, прошу его не раздражаться против меня; во-вторых, если моя просьба будет безуспешной, то прошу его выражать свое недовольство мной как гражданином; пусть он прибегает к вооруженной охране, если это, по его мнению, необходимо для самозащиты; но если кто-нибудь выскажет в защиту государства то, что найдет нужным, пусть эти вооруженные люди не причиняют ему вреда. Может ли быть более справедливое требование? (28) Но если, как мне сказал кое-кто из приятелей Марка Антония, все сказанное наперекор ему глубоко оскорбляет его, даже когда ничего обидного о нем не говорилось, то мне придется примириться и с таким характером своего приятеля. Но те же люди говорят мне еще вот что: «Тебе, противнику Цезаря, не будет разрешено то же, что Писону, его тестю». В то же время они меня предостерегают, я приму это во внимание: «Отныне болезнь не будут признавать более законной причиной неявки в сенат, чем смерть».

(XII, 29) Но — во имя бессмертных богов! — я, глядя на тебя, Долабелла (а ведь ты мне очень дорог), не могу умолчать о том заблуждении, в какое впали мы оба: я уверен, что вы, знатные мужи, стремясь к великим деяниям, жаждали не денег, как это подозревают некоторые чересчур легковерные люди, не денег, к которым виднейшие и славнейшие мужи всегда относились с презрением, не богатств, достающихся путем насилия, и не владычества, нестерпимого для римского народа, а любви сограждан и славы. Но слава — это хвала за справедливые деяния и великие заслуги перед государством; она утверждается свидетельством как любого честного человека, так и большинства. (30) Я сказал бы тебе, Долабелла, каковы бывают плоды справедливых деяний, если бы не видел, что ты недавно постиг это на своем опыте лучше, чем кто бы то ни было другой.

Можешь ли ты вспомнить какой-нибудь день в твоей жизни, озаренный более светлой радостью, чем тот, когда ты, очистив форум от кощунства, рассеяв сборище нечестивцев, покарав зачинщиков преступления, [избавив Рим от поджога и от страха перед резней,] вернулся в свой дом? Разве тогда представители разных сословий, люди разного происхождения, словом, разного положения не высказывали тебе по-

хвал и благодарности? Более того, даже меня, чьими советами ты, как говорили, руководствуешься, честные мужи благодарили за тебя и поздравляли. Вспомни, прошу тебя, Долабелла, о тех единодушных возгласах в театре, когда все присутствующие, забыв о причинах своего прежнего недовольства тобой, дали понять, что они после твоего неожиданного благодеяния забыли свою былую обиду. (31) И от этой ты, Публий Долабелла, — говорю это с большим огорчением — от этой, повторяю, огромной чести ты смог равнодушно отказаться?

(XIII) А ты, Марк Антоний, — обращаюсь к тебе, хотя тебя здесь и нет, — не ценишь ли ты один тот день, когда сенат собрался в храме Земли, больше, чем все последние месяцы, на протяжении которых некоторые люди, во многом расходящиеся со мной во взглядах, именно тебя считали счастливым? Какую речь произнес ты о согласии! От каких больших опасений избавил ты тогда сенат, от какой сильной тревоги — граждан, когда ты, отбросив вражду, забыв об авспициях, о которых ты, как авгур римского народа, сам возвестил, коллегу своего в тот день впервые признал коллегой, а своего маленького сына прислал в Капитолий как заложника мира! (32) В какой день сенат, в какой день римский народ ликовали больше? Ведь более многолюдной сходки не бывало никогда. Только тогда казались мы подлинно освобожденными благодаря храбрейшим мужам, так как, в соответствии с их волей, за освобождением последовал мир. На ближайший, на следующий, на третий день, наконец, на протяжении нескольких последующих дней ты не переставал каждый день приносить государству какой-нибудь, я сказал бы, дар; но величайшим твоим даром было то, что ты уничтожил самое имя диктатуры. Это было клеймо, которое ты, повторяю, ты выжег на теле Цезаря, после его смерти, на вечный позор ему. Подобно тому, как из-за преступления одного-единственного Марка Манлия ни одному из патрициев Манлиев, в силу решения Манлиева рода, нельзя носить имя «Марк», так и ты из-за ненависти к одному диктатору совершенно уничтожил звание диктатора. (33) Неужели ты, совершив во имя блага государства такие великие деяния, был недоволен своей счастливой судьбой, высоким положением, известностью, славой? Так откуда вдруг такая перемена? Не могу подумать, что тебя соблазнили деньгами. Пусть говорят, что угодно; верить этому необходимости нет; ибо я никогда не видел в тебе никакой подлости, никакой низости. Впрочем, порой домочадцы оказывают дурное влияние, но твою стойкость я знаю. О, если бы ты, избегнув вины, смог избегнуть даже и подозрения в виновности!

(XIV) Но вот чего я опасаюсь сильнее: как бы ты не ошибся в выборе истинного пути к славе, не счел, что быть могущественнее всех, внушать согражданам страх, а не любовь, — это слава. Если ты так думаешь, путь славы тебе совершенно неведом. Пользоваться любовью у граждан, иметь заслуги перед государством, быть восхваляемым, уважаемым,

почитаемым — все это и есть слава; но внушать к себе страх и ненависть тяжко, отвратительно; это признак слабости и неуверенности в себе. (34) Как мы видим также и в трагедии, это принесло гибель тому, кто сказал: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!»

О, если бы ты, Марк Антоний, помнил о своем деде! О нем ты слыхал от меня многое и притом не раз. Уж не думаешь ли ты, что он хотел заслужить бессмертную славу, внушая страх своим правом на вооруженную охрану? У него была настоящая жизнь, у него была счастливая судьба: он был свободен, как все, но был первым по достоинству. Итак, — уж не буду говорить о счастливых временах в жизни твоего деда — даже самый тяжкий для него последний день я предпочел бы владычеству Луция Цинны, от чьей жестокости он погиб.

(35) Но стоит ли мне пытаться воздействовать на тебя своей речью? Ведь если конец Гая Цезаря не может заставить тебя предпочесть внушать людям любовь, а не страх, то ничья речь не принесет тебе пользы и не произведет на тебя впечатления. Ведь те, которые думают, что он был счастлив, сами несчастны. Не может быть счастлив человек, который находится в таком положении, что его могут убить, уже не говорю — безнаказанно, нет, даже с величайшей славой для убийцы. Итак, сверни с этого пути, прошу тебя, взгляни на своих предков и правь государственным кораблем так, чтобы сограждане радовались тому, что ты рожден на свет, без чего вообще никто не может быть ни счастлив, ни славен, ни невредим.

(XV, 36) А римский народ? Я приведу вам обоим многие суждения его; они, правда, вас мало трогают, что меня очень огорчает. В самом деле, о чем свидетельствуют возгласы бесчисленного множества граждан, раздававшиеся во время боев гладиаторов? А стишки, которые распевал народ? А нескончаемые рукоплескания статуе Помпея и двоим народным трибунам, вашим противникам? Разве все это не достаточно ясно свидетельствует о необычайно единодушной воле всего римского народа? И неужели вам показались малозначительными рукоплескания во время игр в честь Аполлона, вернее, суждения и приговор римского народа? О, сколь счастливы те, которые, не имея возможности присутствовать из-за применения вооруженной силы, все же присутствовали, так как память о них вошла в плоть и в кровь римского народа! Или, может быть, вы полагали тогда, что рукоплещут Акцию и по прошествии шестидесяти лет венчают пальмовой ветвью его, а не Брута, которому, хотя он и был лишен возможности присутствовать на им же устроенных играх, все же во время этого великолепного зрелища римский народ воздавал должное в его отсутствие и тоску по своему освободителю смягчал непрекращавшимися рукоплесканиями и возгласами?

(37) Я всегда относился к таким рукоплесканиям с презрением, когда ими встречали граждан, заискивающих перед народом, и в то же вре-

мя, если они исходят от людей, занимающих и наивысшее, и среднее, и низшее положение, словом, от всех граждан, и если те, кто ранее обычно пользовался успехом у народа, от него бегут, я считаю эти рукоплескания приговором. Но если вы не придаете этому большого значения (хотя все это очень важно), то неужели вы относитесь с пренебрежением также и к тому, что вы почувствовали, а именно — что жизнь Авла Гирция была так дорога римскому народу? Ведь было достаточно и того, что он пользуется расположением римского народа, — а это действительно так — приязнью друзей, которая совершенно исключительна, любовью родных, глубоко любящих его. Но за кого, на памяти нашей, все честные люди так сильно тревожились, так сильно боялись? Конечно, ни за кого другого. (38) И что же? И вы — во имя бессмертных богов! — не понимаете, что это значит? Как? Неужели, по вашему мнению, о вашей жизни не думают те, кому жизнь людей, от которых они ожидают забот о благе государства, так дорога?

(39) Я не напрасно возвратился сюда, отцы-сенаторы, ибо и я высказался так, что — будь, что будет! — свидетельство моей непоколебимости останется навсегда, вы выслушали меня благосклонно и внимательно. Если подобная возможность представится мне и впредь и не будет грозить опасностью ни мне, ни вам, то я воспользуюсь ею. Не то — буду оберегать свою жизнь, как смогу, не столько ради себя, сколько ради государства. Для меня вполне достаточно того, что я дожил и до преклонного возраста, и до славы. Если к тому и другому что-либо прибавится, то это пойдет на пользу уже не столько мне, сколько вам и государству.

ПУБЛИЦИСТИКА НОВОГО ЗАВЕТА

АПОСТОЛ И ЕВАНГЕЛИСТ МАТФЕЙ

(?–60)

ОТ МАТФЕЯ СВЯТОЕ БЛАГОВЕСТВОВАНИЕ[1]

<...> Глава 5

Увидев народ, Он взошел на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его.
2 И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:
3 Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.
4 Блаженны плачущие, ибо они утешатся.
5 Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.
6 Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.
7 Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.
8 Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.
9 Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.
10 Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.
11 Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески несправедливо злословить за Меня;

---

[1] Представленная часть Евангелия от Матфея называется Нагорной проповедью. Здесь Иисус Христос выступает как преобразователь ветхозаветных законов и устанавливает правила жизни благочестивого человека Нового Завета. Нагорная проповедь — блестящий образец ораторского искусства Христа.

Печатается по: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Пер. под ред. Митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова). Издание Московской патриархии.

12 Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.
13 Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям.
14 Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы.
15 И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме.
16 Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.
17 Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить.
18 Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все.
19 Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном.
20 Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то не войдете в Царство Небесное.
21 Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду».
22 А Я говорю вам, что всякий гневающийся на брата своего напрасно подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака́», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной.
23 Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя,
24 Оставь там дар твой пред жертвенником и пойди, прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой.
25 Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу;
26 Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.
27 Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй».
28 А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.
29 Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.
30 И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

31 Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную.
32 А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.
33 Еще слышали вы, что сказано древним: «не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои».
34 А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий;
35 Ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя;
36 Ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.
37 Но да будет слово ваше: «да — да», «нет — нет»; а что сверх этого, то от лукавого.
38 Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб».
39 А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;
40 И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду;
41 И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.
42 Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.
43 Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего».
44 А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,
45 Да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.
46 Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?
47 И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?
48 Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

Глава 6

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного.
2 Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою.

3 У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая,
4 Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.
5 И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.
6 Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.
7 А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны;
8 Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.
9 Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое;
10 Да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе;
11 Хлеб наш насущный дай нам на сей день;
12 И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;
13 И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь.
14 Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный;
15 А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.
16 Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры; ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.
17 А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое,
18 Чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцем твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.
19 Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкопывают и крадут;
20 Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкопывают и не крадут;
21 Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.
22 Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло;
23 Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?
24 Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.

25 Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело — одежды?
26 Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?
27 Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?
28 И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут;
29 Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них;
30 Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!
31 Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или: «во что одеться?»
32 Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом.
33 Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам.
34 Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.

Глава 7

Не судите, да не судимы будете;
2 Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить.
3 И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?
4 Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего»; а вот в твоем глазе бревно?
5 Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.
6 Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас.
7 Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам;
8 Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.
9 Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?
10 И когда попросит рыбы, подал бы ему змею?

11 Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный дает блага просящим у Него.
12 Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки.
13 Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими;
14 Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.
15 Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные:
16 По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?
17 Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые:
18 Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые.
19 Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь.
20 Итак, по плодам их узнаете их.
21 Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного.
22 Многие скажут Мне в тот день: «Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?»
23 И тогда объявлю им: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие».
24 Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне;
25 И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне.
26 А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке;
27 И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое.
28 И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его,
29 Ибо Он учил их как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи.

АПОСТОЛ И ЕВАНГЕЛИСТ МАРК

(?–63)

ОТ МАРКА СВЯТОЕ БЛАГОВЕСТВОВАНИЕ[1]

<...> Глава 4

И опять начал учить при море; и собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сидел на море, а весь народ был на земле у моря.

2 И учил их притчами много и в учении Своем говорил им:

3 Слушайте: вот, вышел сеятель сеять;

4 И когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то;

5 Иное упало на каменистое место, где не много было земли, и скоро взошло, потому что земля была не глубока;

6 Когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло;

7 Иное упало в терние, и терние выросло и заглушило семя, и оно не дало плода;

8 И иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят и иное сто.

9 И сказал им: кто имеет уши слышать, да слышит!

10 Когда же остался без народа, окружающие Его вместе с двенадцатью спросили Его о притче.

11 И сказал им: вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах,

12 Так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не разумеют, да не обратятся, и прощены будут им грехи.

---

[1] Евангелие от Марка обращено к язычникам и написано простым и доступным для них языком. Речи и проповеди Иисуса Христа, приводимые здесь, представляют собой образец проповеднического мастерства и наглядно показывают отличие христианского ораторского искусства от языческого.

Проповеди и поучения Христа приводятся по: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Пер. под ред. Митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова). Издание Московской патриархии.

13 И говорит им: не понимаете этой притчи? как же вам уразуметь все притчи?
14 Сеятель слово сеет.
15 Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется слово, но к которым, когда услышат, тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в сердцах их.
16 Подобным образом и посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его,
17 Но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются.
18 Посеянное в тернии означает слышащих слово,
19 Но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода.
20 А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат.
21 И сказал им: для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике?
22 Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу.
23 Если кто имеет уши слышать, да слышит!
24 И сказал им: замечайте, что слышите: какою мерою мерите, такою отмерено будет вам и прибавлено будет вам слушающим.
25 Ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет.
26 И сказал: Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю,
27 И спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он;
28 Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе;
29 Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва.
30 И сказал: чему уподобим Царствие Божие? или какою притчею изобразим его?
31 Оно — как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле;
32 А когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные.
33 И таковыми многими притчами проповедывал им слово, сколько они могли слышать;
34 Без притчи же не говорил им, а ученикам наедине изъяснял все.
35 Вечером того дня сказал им: переправимся на ту сторону.

36 И они, отпустивши народ, взяли Его с собою, как Он был в лодке; с Ним были и другие лодки.
37 И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою,
38 А Он спал на корме на возглавии. Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?
39 И встав Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина.
40 И сказал им: что вы так боязливы? как у вас нет веры?
41 И убоялись страхом великим и говорили между собою: кто же это, что и ветер и море повинуются Ему?
<...>

Глава 12

И начал говорить им притчами: некоторый человек насадил виноградник и обнес оградою, и выкопал точило, и построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился.
2 И послал в свое время к виноградарям слугу — принять от виноградарей плодов из виноградника.
3 Они же, схватив его, били и отослали ни с чем.
4 Опять послал к ним другого слугу; и тому камнями разбили голову и отпустили его с бесчестьем.
5 И опять иного послал: и того убили; и многих других то били, то убивали.
6 Имея же еще одного сына, любезного ему, напоследок послал и его к ним, говоря: постыдятся сына моего.
7 Но виноградари сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его, и наследство будет наше.
8 И, схватив его, убили и выбросили вон из виноградника.
9 Что же сделает хозяин виноградника? — Придет и предаст смерти виноградарей, и отдаст виноградник другим.
10 Неужели вы не читали сего в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла;
11 Это от Господа, и есть дивно в очах наших.
12 И старались схватить Его, но побоялись народа, ибо поняли, что о них сказал притчу; и, оставив Его, отошли.
13 И посылают к Нему некоторых из фарисеев и иродиан, чтобы уловить Его в слове.
14 Они же, придя, говорят Ему: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице, но истинно пути Божию учишь. Позволительно ли давать подать кесарю или нет? давать ли нам или не давать?

15 Но Он, зная их лицемерие, сказал им: что искушаете Меня? принесите Мне динарий, чтобы Мне видеть его.
16 Они принесли. Тогда говорит им: чье это изображение и надпись? Они сказали Ему: кесаревы.
17 Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. И дивились Ему.
18 Потом пришли к Нему саддукеи, которые говорят, что нет воскресения, и спросили Его, говоря:
19 Учитель! Моисей написал нам: если у кого умрет брат и оставит жену, а детей не оставит, то брат его пусть возьмет жену его и восстановит семя брату своему.
20 Было семь братьев: первый взял жену и, умирая, не оставил детей.
21 Взял ее второй и умер, и он не оставил детей; также и третий.
22 Брали ее за себя семеро и не оставили детей. После всех умерла и жена.
23 Итак, в воскресении, когда воскреснут, которого из них будет она женою? Ибо семеро имели ее женою?
24 Иисус сказал им в ответ: этим ли приводитесь вы в заблуждение, не зная Писаний, ни силы Божией?
25 Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах.
26 А о мертвых, что они воскреснут, разве не читали вы в книге Моисея, как Бог при купине сказал ему: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова?
27 Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых. Итак, вы весьма заблуждаетесь.
28 Один из книжников, слыша их прения и видя, что Иисус хорошо им отвечал, подошел и спросил Его: какая первая из всех заповедей?
29 Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый;
30 И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею — вот первая заповедь!
31 Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет.
32 Книжник сказал Ему: хорошо, Учитель! истину сказал Ты, что один есть Бог и нет иного, кроме Его;
33 И любить Его всем сердцем и всем умом, и всею душею, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв.
34 Иисус, видя, что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия. После того никто уже не смел спрашивать Его.

35 Продолжая учить в храме, Иисус говорил: как говорят книжники, что Христос есть Сын Давидов?
36 Ибо сам Давид сказал Духом Святым: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих.
37 Итак, сам Давид называет Его Господом: как же Он Сын ему? И множество народа слушало Его с услаждением.
38 И говорил им в учении Своем: остерегайтесь книжников, любящих ходить в длинных одеждах и принимать приветствия в народных собраниях,
39 Сидеть впереди в синагогах и возлежать на первом месте на пиршествах,
40 Сии, поядающие домы вдов и напоказ долго молящиеся, примут тягчайшее осуждение.
41 И сел Иисус против сокровищницы и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. Многие богатые клали много.
42 Придя же, одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант.
43 Подозвав учеников Своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу,
44 Ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое.

АПОСТОЛ И ЕВАНГЕЛИСТ ЛУКА

(ок 5 — ок 90)

ДЕЯНИЯ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ[1]

<...> Глава 17

Пройдя через Амфиполь и Аполлонию, они пришли в Фессалонику, где была Иудейская синагога.

2 Павел, по своему обыкновению, вошел к ним и три субботы говорил с ними из Писаний,

3 Открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус, Которого я проповедую вам.

4 И некоторые из них уверовали и присоединились к Павлу и Силе, как из Еллинов, чтущих Бога, великое множество, так и из знатных женщин немало.

5 Но неуверовавшие Иудеи, возревновав и взяв с площади некоторых негодных людей, собрались толпою и возмущали город и, приступив к дому Иасона, домогались вывести их к народу.

6 Не найдя же их, повлекли Иасона и некоторых братьев к городским начальникам, крича, что эти всесветные возмутители пришли и сюда,

7 А Иасон принял их, и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса.

8 И встревожили народ и городских начальников, слушавших это.

9 Но сии, получив удостоверение от Иасона и прочих, отпустили их.

10 Братия же немедленно ночью отправили Павла и Силу в Верию, куда они прибыв, пошли в синагогу Иудейскую.

11 Здешние были благомысленнее Фессалоникских: они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так.

---

[1] «Деяния святых Апостолов» — единственный письменный памятник I века, где приводятся речи и проповеди апостолов Петра, Филиппа и особенно Павла, архидиакона Стефана, законоучителя Гамалиила.

Образцы ораторского мастерства апостолов приводятся по: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Пер. под ред. Митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова). Издание Московской патриархии.

12 И многие из них уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин немало.
13 Но когда Фессалоникские Иудеи узнали, что и в Верии проповедано Павлом слово Божие, то пришли и туда, возбуждая и возмущая народ.
14 Тогда братия тотчас отпустили Павла, как будто идущего к морю; а Сила и Тимофей остались там.
15 Сопровождавшие Павла проводили его до Афин и, получив приказание к Силе и Тимофею, чтобы они скорее пришли к нему, отправились.
16 В ожидании их в Афинах Павел возмутился духом при виде этого города, полного идолов.
17 Итак он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чтущими Бога, и ежедневно на площади со встречающимися.
18 Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: «что хочет сказать этот суеслов?», а другие: «кажется, он проповедует о чужих божествах», потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение.
19 И, взяв его, привели в ареопаг и говорили: можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою?
20 Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Посему хотим знать, что это такое?
21 Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое.
22 И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны.
23 Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам.
24 Бог, сотворивший мир и всё, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет
25 И не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам дая всему жизнь и дыхание и всё.
26 От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию,
27 Дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас:
28 Ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род».
29 Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого.

30 Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться,
31 Ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых.
32 Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время.
33 Итак, Павел вышел из среды их.
34 Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними. <...>

Глава 19

Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел, пройдя верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников,
2 Сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святый.
3 Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение.
4 Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса.
5 Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса,
6 И, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святый, и они стали говорить иными языками и пророчествовать.
7 Всех их было человек около двенадцати.
8 Придя в синагогу, он небоязненно проповедывал три месяца, беседуя и удостоверяя о Царствии Божием.
9 Но как некоторые ожесточились и не верили, злословя путь Господень перед народом, то он, оставив их, отделил учеников, и ежедневно проповедывал в училище некоего Тиранна.
10 Это продолжалось до двух лет, так что все жители Асии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Еллины.
11 Бог же творил немало чудес руками Павла,
12 Так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них.
13 Даже некоторые из скитающихся Иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует.
14 Это делали какие-то семь сынов Иудейского первосвященника Скевы.
15 Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?

16 И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома.
17 Это сделалось известно всем живущим в Ефесе Иудеям и Еллинам, и напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса.
18 Многие же из уверовавших приходили, исповедуя и открывая дела свои.
19 А из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли перед всеми, и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм.
20 С такою силою возрастало и возмогало слово Господне.
21 Когда же это совершилось, Павел положил в духе, пройдя Македонию и Ахаию, идти в Иерусалим, сказав: побывав там, я должен видеть и Рим.
22 И, послав в Македонию двоих из служивших ему, Тимофея и Ераста, сам остался на время в Асии.
23 В то время произошел немалый мятеж против пути Господня,
24 Ибо некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам немалую прибыль,
25 Собрав их и других подобных ремесленников, сказал: друзья! вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше;
26 Между тем вы видите и слышите, что не только в Ефесе, но почти во всей Асии этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги.
27 А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и испровергнется величие той, которую почитает вся Асия и вселенная.
28 Выслушав это, они исполнились ярости и стали кричать, говоря: велика Артемида Ефесская!
29 И весь город наполнился смятением. Схватив Македонян Гаия и Аристарха, спутников Павловых, они единодушно устремились на зрелище.
30 Когда же Павел хотел войти в народ, ученики не допустили его.
31 Также и некоторые из Асийских начальников, будучи друзьями его, послав к нему, просили не показываться на зрелище.
32 Между тем одни кричали одно, а другие другое, ибо собрание было беспорядочное, и большая часть собравшихся не знали, зачем собрались.
33 По предложению Иудеев, из народа вызван был Александр. Дав знак рукою, Александр хотел говорить к народу.
34 Когда же узнали, что он Иудей, то закричали все в один голос, и около двух часов кричали: велика Артемида Ефесская!

35 Блюститель же порядка, утишив народ, сказал: мужи Ефесские! какой человек не знает, что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Диопета?
36 Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными и не поступать опрометчиво.
37 А вы привели этих мужей, которые ни храма Артемидина не обокрали, ни богини вашей не хулили.
38 Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть судебные собрания и есть проконсулы: пусть жалуются друг на друга.
39 А если вы ищете чего-нибудь другого, то это будет решено в законном собрании.
40 Ибо мы находимся в опасности — за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении, так как нет никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое сборище.
41 Сказав это, он распустил собрание.
<...>

Глава 25

Фест, прибыв в область, через три дня отправился из Кесарии в Иерусалим.
2 Тогда первосвященник и знатнейшие из Иудеев явились к нему с жалобою на Павла и убеждали его,
3 Прося, чтобы он сделал милость, вызвал его в Иерусалим; и злоумышляли убить его на дороге.
4 Но Фест отвечал, что Павел содержится в Кесарии под стражею и что он сам скоро отправится туда.
5 Итак, сказал он, которые из вас могут, пусть пойдут со мною, и если есть что-нибудь за этим человеком, пусть обвиняют его.
6 Пробыв же у них не больше восьми или десяти дней, возвратился в Кесарию, и на другой день, сев на судейское место, повелел привести Павла.
7 Когда он явился, стали кругом пришедшие из Иерусалима Иудеи, принося на Павла многие и тяжкие обвинения, которых не могли доказать.
8 Он же в оправдание свое сказал: я не сделал никакого преступления ни против закона Иудейского, ни против храма, ни против кесаря.
9 Фест, желая сделать угождение Иудеям, сказал в ответ Павлу: хочешь ли идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом?
10 Павел сказал: я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму. Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь.

11 Ибо, если я не прав и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им. Требую суда кесарева.
12 Тогда Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься.
13 Через несколько дней царь Агриппа и Вереника прибыли в Кесарию поздравить Феста.
14 И как они провели там много дней, то Фест предложил царю дело Павлово, говоря: здесь есть человек, оставленный Феликсом в узах,
15 На которого, в бытность мою в Иерусалиме, с жалобою явились первосвященники и старейшины Иудейские, требуя осуждения его.
16 Я отвечал им, что у Римлян нет обыкновения выдавать какого-нибудь человека на смерть, прежде нежели обвиняемый будет иметь обвинителей налицо и получит свободу защищаться против обвинения.
17 Когда же они пришли сюда, то, без всякого отлагательства, на другой же день сел я на судейское место и повелел привести того человека.
18 Обступивши его, обвинители не представили ни одного из обвинений, какие я предполагал;
19 Но они имели некоторые споры с ним об их Богопочитании и о каком-то Иисусе умершем, о Котором Павел утверждал, что Он жив.
20 Затрудняясь в решении этого вопроса, я сказал: хочет ли он идти в Иерусалим и там быть судимым в этом?
21 Но как Павел потребовал, чтобы он оставлен был на рассмотрение Августово, то я велел содержать его под стражею до тех пор, как пошлю его к кесарю.
22 Агриппа же сказал Фесту: хотел бы и я послушать этого человека. Завтра же, отвечал тот, услышишь его.
23 На другой день, когда Агриппа и Вереника пришли с великою пышностью и вошли в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами, по приказанию Феста приведен был Павел.
24 И сказал Фест: царь Агриппа и все присутствующие с нами мужи! вы видите того, против которого все множество Иудеев приступали ко мне в Иерусалиме и здесь и кричали, что ему не должно более жить.
25 Но я нашел, что он не сделал ничего, достойного смерти; и как он сам потребовал суда у Августа, то я решился послать его к нему.
26 Я не имею ничего верного написать о нем государю; посему привел его пред вас, и особенно пред тебя, царь Агриппа, дабы, по рассмотрении, было мне что написать.
27 Ибо, мне кажется, нерассудительно послать узника и не показать обвинений на него.

Глава 26

Агриппа сказал Павлу: позволяется тебе говорить за себя. Тогда Павел, простерши руку, стал говорить в свою защиту:

2 Царь Агриппа! почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи,

3 Тем более, что ты знаешь все обычаи и спорные мнения Иудеев. Посему прошу тебя выслушать меня великодушно.

4 Жизнь мою от юности моей, которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все Иудеи;

5 Они издавна знают обо мне, если захотят свидетельствовать, что я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению.

6 И ныне я стою перед судом за надежду на обетование, данное от Бога нашим отцам,

7 Которого исполнение надеются увидеть наши двенадцать колен, усердно служа Богу день и ночь. За сию-то надежду, царь Агриппа, обвиняют меня Иудеи.

8 Что же? Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?

9 Правда, и я думал, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея.

10 Это я и делал в Иерусалиме: получив власть от первосвященников, я многих святых заключал в темницы, и, когда убивали их, я подавал на то голос;

11 И по всем синагогам я многократно мучил их и принуждал хулить Иисуса и, в чрезмерной против них ярости, преследовал даже и в чужих городах.

12 Для сего, идя в Дамаск со властью и поручением от первосвященников,

13 Среди дня на дороге я увидел, государь, с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною.

14 Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском языке: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна.

15 Я сказал: кто Ты, Господи? Он сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь.

16 Но встань и стань на ноги твои; ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе,

17 Избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя,

18 Открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными.

19 Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному видению,
20 Но сперва жителям Дамаска и Иерусалима, потом всей земле Иудейской и язычникам проповедывал, чтобы они покаялись и обратились к Богу, делая дела, достойные покаяния.
21 За это схватили меня Иудеи в храме и покушались растерзать.
22 Но, получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет,
23 То есть что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам.
24 Когда он так защищался, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия.
25 Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла.
26 Ибо знает об этом царь, перед которым и говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего скрыто; ибо это не в углу происходило.
27 Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь.
28 Агриппа сказал Павлу: ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином.
29 Павел сказал: молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз.
30 Когда он сказал это, царь и правитель, Вереника и сидевшие с ними встали;
31 И, отойдя в сторону, говорили между собою, что этот человек ничего, достойного смерти или уз, не делает.
32 И сказал Агриппа Фесту: можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря. Посему и решился правитель послать его к кесарю.

АПОСТОЛ ПАВЕЛ

(?—67)

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К КОРИНФЯНАМ[1]

Глава 1

Павел, волею Божиею призванный Апостол Иисуса Христа, и Сосфен брат,

2 Церкви Божией, находящейся в Коринфе, освященным во Христе Иисусе, призванным святым, со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, во всяком месте, у них и у нас:

3 Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

4 Непрестанно благодарю Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе.

5 Потому что в Нем вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием, –

6 Ибо свидетельство Христово утвердилось в вас, –

7 Так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании, ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа,

8 Который и утвердит вас до конца, чтобы вам быть неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа.

9 Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего.

10 Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях.

11 Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры.

12 Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов».

---

[1] Первое послание жителям греческого города Коринфа было написано апостолом Павлом в Ефесе во время своего третьего путешествия. Очевидно, между Павлом и коринфянами шла регулярная переписка; до нас же дошли только два письма-послания апостола.

Фрагменты послания приводятся по: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Пер. под ред. Митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова). Издание Московской патриархии.

13 Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?
14 Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия,
15 Дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя.
16 Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю.
17 Ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова.
18 Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых — сила Божия.
19 Ибо написано: «погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну».
20 Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?
21 Ибо, когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих.
22 Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости;
23 А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие,
24 Для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость;
25 Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков.
26 Посмотрите, братия, кто вы призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных;
27 Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное;
28 И незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, —
29 Для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом.
30 От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением,
31 Чтоб было, как написано: «хвалящийся хвались Господом».
<...>

Глава 6

Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?
2 Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?
3 Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские?

4 А вы, когда имеете житейские тяжбы, поставляете своими судьями ничего не значущих в церкви.
5 К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими?
6 Но брат с братом судится, и притом пред неверными.
7 И то уже весьма унизительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения?
8 Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев.
9 Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники,
10 Ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют.
11 И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего.
12 Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною.
13 Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела.
14 Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею.
15 Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет!
16 Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: «два будут одна плоть».
17 А соединяющийся с Господом есть один дух (с Господом).
18 Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела.
19 Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?
20 Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии.

Глава 7

А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины.
2 Но, в избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа.
3 Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу.
4 Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена.

5 Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим.
6 Впрочем это сказано мною как позволение, а не как повеление.
7 Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе.
8 Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я;
9 Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.
10 А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, —
11 Если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, — и мужу не оставлять жены своей.
12 Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее;
13 И жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его;
14 Ибо неверующий муж освящается женою (верующею), и жена неверующая освящается мужем (верующим); иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы.
15 Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь.
16 Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?
17 Только каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал; так я повелеваю по всем церквам.
18 Призван ли кто обрезанным, не скрывайся; призван ли кто необрезанным, не обрезывайся.
19 Обрезание ничто и необрезание ничто, но все — в соблюдении заповедей Божиих.
20 Каждый оставайся в том звании, в котором призван.
21 Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся.
22 Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов.
23 Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков.
24 В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом.
25 Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным.
26 По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так.

27 Соединен ли ты с женою? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены.
28 Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль.
29 Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие;
30 И плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие;
31 И пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего.
32 А я хочу, чтоб вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу;
33 А женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею:
34 Незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтоб быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу.
35 Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения.
36 Если же кто почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет, — не согрешит; пусть таковые выходят замуж.
37 Но кто непоколебимо тверд в сердце своем и, не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем соблюдать свою деву, — тот хорошо поступает.
38 Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше.
39 Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе.
40 Но она блаженнее, если останется так, по моему совету; а думаю, и я имею Духа Божия.
<...>

Глава 12

Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных.
2 Знаете, что, когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам — так, как бы вели вас.
3 Потому сказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым.

4 Дары различны, но Дух один и тот же;
5 И служения различны, а Господь один и тот же;
6 И действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех.
7 Но каждому дается проявление Духа на пользу:
8 Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом;
9 Иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом;
10 Иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков.
11 Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно.
12 Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос.
13 Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело. Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом.
14 Тело же не из одного члена, но из многих.
15 Если нога скажет: «я не принадлежу к телу, потому что я не рука», то неужели она потому не принадлежит к телу?
16 И если ухо скажет: «я не принадлежу к телу, потому что я не глаз», то неужели оно потому не принадлежит к телу?
17 Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние?
18 Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно.
19 А если бы все были один член, то где было бы тело?
20 Но теперь членов много, а тело одно.
21 Не может глаз сказать руке: «ты мне не надобна»; или также голова ногам: «вы мне не нужны».
22 Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее,
23 И которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения;
24 И неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том нужды. Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение,
25 Дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге.
26 Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены.
27 И вы — тело Христово, а порознь — члены.
28 И иных Бог поставил в Церкви во-первых Апостолами, во-вторых пророками, в-третьих учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки.
29 Все ли Апостолы? все ли пророки? все ли учители? все ли чудотворцы?

30 Все ли имеют дары исцелений? все ли говорят языками? все ли истолкователи?
31 Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший.

Глава 13

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий.
2 Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.
3 И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы.
4 Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,
5 Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,
6 Не радуется неправде, а сорадуется истине;
7 Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.
8 Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.
9 Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем;
10 Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.
11 Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое.
12 Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.
13 А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ[1]

<...> Глава 5

Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные,
2 И живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное.

---

[1] Послание жителям Ефеса — одно из четырех посланий, написанных апостолом Павлом в узах, скорее всего, в ожидании суда кесаря в Риме. В приводимом отрывке Павел касается вопросов взаимоотношений между мужем и женой, родителями и детьми.

Фрагменты послания приводятся по: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Пер. под ред. Митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова). Издание Московской патриархии.

3 А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым.
4 Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарение;
5 Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога.
6 Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления;
7 Итак, не будьте сообщниками их.
8 Вы были некогда тьма, а теперь — свет в Господе: поступайте, как чада света,
9 Потому что плод Духа состоит во всякой благости, праведности и истине.
10 Испытывайте, что благоугодно Богу,
11 И не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте.
12 Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить.
13 Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть.
14 Посему сказано: «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос».
15 Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые,
16 Дорожа временем, потому что дни лукавы.
17 Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия.
18 И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом,
19 Назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу,
20 Благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа,
21 Повинуясь друг другу в страхе Божием.
22 Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу,
23 Потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела.
24 Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем.
25 Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее,
26 Чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова;
27 Чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна.
28 Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя.

29 Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь,
30 Потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его.
31 Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть.
32 Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви.
33 Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа.

Глава 6

Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость.
2 «Почитай отца твоего и мать», это первая заповедь с обетованием:
3 «Да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле».
4 И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем.
5 Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу,
6 Не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души,
7 Служа с усердием, как Господу, а не как человекам,
8 Зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный.
9 И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь, у Которого нет лицеприятия.
10 Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его.
11 Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских,
12 Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной.
13 Для сего приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять.
14 Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности,
15 И обув ноги в готовность благовествовать мир;
16 А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого;
17 И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие.
18 Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых

19 И о мне, дабы мне дано было слово — устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования,
20 Для которого я исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедывал, как мне должно.
21 А дабы и вы знали о моих обстоятельствах и делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель,
22 Которого я и послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца ваши.
23 Мир братиям и любовь с верою от Бога Отца и Господа Иисуса Христа.
24 Благодать со всеми, неизменно любящими Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ[1]

<...> Глава 3

Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога;
2 О горнем помышляйте, а не о земном.
3 Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге.
4 Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе.
5 Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение,
6 За которые гнев Божий грядет на сынов противления,
7 В которых и вы некогда обращались, когда жили между ними.
8 А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших;
9 Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его
10 И облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его,
11 Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос.
12 Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение,
13 Снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы.

---

[1] Послание жителям малоазиатского города Колоссы также написано апостолом Павлом в узах. Приводимый отрывок посвящен практическому учению. Павел подходит к разным формам взаимоотношений людей с точки зрения послушания в Боге.

Фрагменты послания приводятся по: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Пер. под ред. Митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова). Издание Московской патриархии.

14 Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства.
15 И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны.
16 Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу.
17 И всё, что вы делаете, словом или делом, всё делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца.
18 Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе.
19 Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы.
20 Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу.
21 Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали.
22 Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога.
23 И всё, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков,
24 Зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу.
25 А кто неправо поступит, тот получит по своей неправде, у Него нет лицеприятия.
<...>

ЛАТИНСКАЯ РАННЕХРИСТИАНСКАЯ РИТОРИКА

АМВРОСИЙ МЕДИОЛАНСКИЙ
(340–397)

ПИСЬМО ОБ АЛТАРЕ ПОБЕДЫ[1]

Письмо XVIII

Епископ Амвросий благочестивейшему принцепсу и всемилостивейшему императору Валентиниану Августу.

1. Когда славнейший Симмах, префект города, обратился к твоей милости с просьбой вернуть на прежнее место алтарь, удаленный из курии сената города Рима, ты, император, ветеран веры, несмотря на свою молодость и неопытность, не одобрил просьбы язычников. Как только я узнал об этом, я послал тебе письмо, в котором, хотя и высказал все, что мне казалось необходимым, однако просил дать мне экземпляр реляции Симмаха.

2. Поэтому, не подвергая сомнению твою веру, но проявляя предусмотрительность и уверенный в доброжелательном внимании, я отвечаю в этом документе на доводы реляции, обращаясь к тебе с единственной просьбой не искать здесь изящества выражений, а принимать во внима-

[1] Представленное 18-е письмо — одно из цикла писем, направленных Амвросием Медиоланским против восстановления в курии римского сената золотой статуи языческой богини Победы. Глава партии язычников Симмах, к которому обращено настоящее письмо, предлагал восстановить убранный императором Грацианом языческий идол как символ и реликвию прошедших эпох. Амвросий приводит в ответ на доводы Симмаха контраргументы и доказывает, что христианство — более высокая ступень развития цивилизации по сравнению с язычеством.

Печатается по: Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков / Под ред. С. С. Аверинцева и М. Л. Гаспарова; Пер. И. П. Стрельниковой. М., 1998.

ние лишь силу фактов. Ибо, как учит Священное Писание, язык мудрых и ученых людей — золото; он сверкает красивыми, звонкими фразами, как бы отражая его драгоценный блеск, пленяя глаза видимостью красоты и ослепляя их этим внешним сиянием. Но золото это на поверку оказывается ценностью только снаружи, внутри же оно — простой металл. Прошу тебя, взвесь и исследуй высказывания язычников; они говорят весомо и возвышенно, но защищают то, что далеко от истины. Они говорят о Боге, а поклоняются идолам.

3. Итак, славнейший префект города в своей реляции выдвинул три положения, которые он считает неоспоримыми: он говорит, что Рим требует исполнения своих старых обрядов, что весталкам и жрецам нужно платить жалованье и что отказ платить жрецам повлечет за собой всеобщий голод.

4. Рим, как говорит Симмах в первой части своей реляции, истекает слезами, жалобно моля восстановить старые обряды. По его словам, языческие святыни отогнали Ганнибала от стен города и не допустили галлов в Капитолий. В действительности же, пока проявилась сила святынь, слабость предала их. Ганнибал долго оскорблял римские святыни и, хотя боги боролись с ним, дошел завоевателем до самых стен города. Почему боги допускали, чтобы Рим подвергался осаде? За кого они сражались?

5. В самом деле, что мне сказать о галлах, которым римские реликвии не помешали бы проникнуть в святая святых Капитолия, если бы их не выдал испуганный крик гусей? Какие великолепные защитники у римских храмов! А где тогда был Юпитер? Или это его голос слышался в гусином крике?

6. Но зачем мне отрицать, что их святыни сражались за римлян? Ведь и Ганнибал поклонялся тем же самым богам! Стало быть, боги могут выбрать, кого хотят. И если святыни победили у римлян, то, следовательно, у карфагенян они были побеждены, и если они торжествовали победу у карфагенян, то, значит, они не принесли удачи римлянам.

7. Итак, эта отвратительная жалоба римского народа исчерпана. Рим не поручал язычникам ее произносить. Напротив, он обращается к ним с совсем иными словами. Для чего, — говорит он, — вы ежедневно обагряете меня кровью, принося в жертву целые стада невинных животных? Не в гаданиях по внутренностям, а в доблести воинов залог вашей победы. Иным искусством я покорил мир. Моим солдатом был Камилл, который оттеснил победителей — галлов с Тарпейской скалы и сорвал их знамена, уже вознесенные над Капитолием: тех, кого не одолели языческие боги, победила воинская доблесть. А что мне сказать об Аттилии, самая смерть которого была исполнением воинского долга? Африканец добыл свой триумф не среди алтарей Капитолия, а в боевом строю, сражаясь с Ганнибалом. Зачем вы так настаиваете на религиозных обрядах наших предков? Я ненавижу веру, которую исповедовал Нерон. А что

я могу сказать об императорах на два месяца и о конце их правления, столь близком к началу? И разве для варваров это ново — выйти за пределы своих границ? Ведь не христианами были те двое, с которыми произошел беспримерно несчастный случай, когда один из них, попавший в плен император, и другой, получивший власть над миром, заявили, что обряды, обещавшие победу, оказались ложными. Разве тогда не было алтаря Победы? Я сожалею о своих заблуждениях: на моей седой голове красный отблеск позорного кровопролития. Но я, старик, не стыжусь переродиться вместе со всем миром. Учиться истине никогда не поздно. Пусть стыдится тот, кто не в состоянии исправиться на старости лет. В преклонном возрасте похвалы достойна не седина, а характер. Не стыдно меняться к лучшему.

В одном только я был подобен варварам — что до сих пор не знал Бога. Ваше жертвоприношение есть обряд окропления кровью животных. Почему вы ищете глас Божий в мертвых животных? Придите и присоединитесь к небесному воинству на земле. Здесь мы живем, а там будем сражаться. Тайнам небесным пусть учит меня сам Бог, который меня создал, а не человек, не сумевший познать самого себя. Чьим словам о Боге я могу верить больше, чем Самому Богу? И как я могу поверить вам, которые признаются сами, что не знают, кому поклоняются?

8. К познанию великой тайны, утверждает Симмах, можно прийти не одним путем. Я же говорю: всему, что вы знаете, научил нас Сам Бог. То, что вы силитесь разгадать, нам открыла Сама воплотившаяся Божественная Премудрость. Ваши пути отличаются от наших. Вы просите у императора мира для своих богов, мы же испрашиваем у Христа мира для самих императоров. Вы поклоняетесь деянию рук своих, мы же считаем оскорблением видеть Бога в том, что может быть сделано человеческими руками. Бог не хочет, чтобы его почитали в камне. В конце концов, даже ваши философы смеялись над этим.

9. Поэтому, если вы отрицаете, что Христос есть Бог, поскольку вы не верите в Его смерть (ведь вам неведомо, что умерла лишь плоть, а не божество, и что теперь уже никто из верующих не умрет совсем), то кто может быть неразумней вас, чье почитание содержит оскорбление, а оскорбление — почитание? О, это почитание, полное оскорбления! Вы не верите, что Христос мог умереть. О, это полное почитания упрямство!

10. Нужно вернуть, говорит Симмах, идолам — алтари, а храмам — их древние украшения. Пусть они требуют этого, но лишь от тех, кто разделяет их суеверия: христианский император привык почитать алтарь одного Христа. Зачем они принуждают благочестивые руки и верные уста пособничать им в их святотатстве? Пусть голос нашего императора произносит имя одного Христа и говорит только о Нем, Которого он чувствует, ибо «сердце царя в руке Господа». Разве какой-нибудь

языческий император воздвигал алтарь Христу? И, пока язычники требуют восстановить то, что было, их пример напоминает нам, с каким уважением христианские императоры должны относиться к религии, которой они следуют; ведь некогда языческие императоры все приносили в жертву своим суевериям.

11. Мы начали свое дело давно, а они уже давно хватаются за то, чего нет. Мы гордимся пролитой кровью, их волнуют расходы. Никогда язычники не принесли нам большей пользы, чем в то время, когда по их приказу мучили, изгоняли и убивали христиан. Религия сделала наградой то, что неверие считало наказанием. Какое величие души! Мы выросли благодаря потерям, благодаря нужде, благодаря жертвам, они же не верят, что их обычаи сохранятся без денежной помощи...

ИЕРОНИМ СТРИДОНСКИЙ
(340–420)

ПИСЬМО К МАГНУ, ВЕЛИКОМУ ОРАТОРУ ГОРОДА РИМА[1]

О том, что наш Себезий исправился, мы узнали не столько из твоего письма, сколько из его раскаяния. И, удивительно, насколько приятней стал исправившийся, чем был неприятен заблуждающийся. Снисходительность отца и благонравие сына соревновались между собою: в то время как один не помнил прошлого, другой давал добрые обещания на будущее. Потому и мне, и тебе нужно радоваться вместе: я снова получил сына, ты — ученика.

В конце письма ты спрашиваешь, зачем я в своих сочинениях иногда привожу примеры из светских наук и белизну Церкви оскверняю нечистотами язычников. Вот тебе на это краткий ответ. Ты никогда бы не спрашивал об этом, если бы тобою всецело не владел Цицерон, если бы ты читал Священное Писание и, оставив Волкация, просматривал его толкователей. В самом деле, кому неизвестно, что и у Моисея, и в писаниях Пророков есть заимствования из языческих книг и что Соломон предлагал вопросы и отвечал философам из Тира? Поэтому в начале книги Притчей он увещевает, чтобы мы понимали премудрость, лукавство слов, притчи и темные речи, изречения мудрецов и загадки — что преимущественно свойственно диалектикам и философам. Но и апостол Павел в послании к Титу употребил стих из поэта Эпименида: «Критяне всегда лживы, злые звери, утробы праздные» (Тит. 1, 12), полустишие, впоследствии употребленное Каллимахом. На латинском языке буквальный перевод не сохраняет ритма, но это и неудивительно: даже Гомер бессвязен в переводе на прозу того же самого языка. В другом послании он приводит также шестистопный стих Менандра: «Злые беседы растлевают добрые нравы». И, выступая перед афинянами в Ареопаге, приводит свидетельство Арата: «его же и род есмы», что и составляет полустишие гекзаметра. И, кроме этого, вождь христианского воинства

[1] Письмо к Магну написано в 397 г. в Вифлееме, где Иероним провел более двадцати лет жизни.

Печатается по: Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков / Под ред. С. С. Аверинцева и М. Л. Гаспарова; Пер. И. П. Стрельниковой. М., 1998.

и непобедимый оратор, защищая перед судом дело Христа, даже случайную надпись употребляет в доказательство веры.

У верного Давида научился он исторгать меч из рук врагов и голову надменнейшего Голиафа отсекать его собственным мечом. Во Второзаконии (гл. 21) он читал повеление Господа, что у пленной жены нужно обрить голову и брови, обрезать все волосы и ногти на теле и тогда вступать с нею в брак. Что же удивительного, если и я за прелесть выражения и красоту членов хочу сделать светскую мудрость из рабыни и пленницы израильтянкою, отсекаю или отрезаю все мертвое у ней — идолопоклонство, сластолюбие, заблуждение, разврат — и, соединившись с ее чистейшим телом, рождаю от нее детей Господу Саваофу?..

Против нас писали Цельс и Порфирий; весьма мужественно противостояли им: первому — Ориген, второму — Мефодий, Евсевий и Аполлинарий... Почитай их — и ты увидишь, что я, в сравнении с ними, очень мало знаю и, проведя столько времени в праздности, как сквозь сон припоминаю только то, чему учился в детстве. Юлиан Август во время парфянского похода изблевал семь книг против Христа и, по басням поэтов, умертвил себя своим мечом. Если я попытаюсь писать против него, неужели ты запретишь мне бить эту бешеную собаку палкой Геркулеса — учением философов и стоиков?.. Иосиф, доказывая древность иудейского народа, написал две книги против Апиона, александрийского грамматика; в них представляет он столько свидетельств из светских писателей, что мне кажется чудом, каким образом еврей, с детства воспитанный на Священном Писании, перечитал всю библиотеку греков. Что же сказать о Филоне, которого критики называют вторым, или иудейским, Платоном?..

Перехожу к писателям латинским. Кто его образованнее, кто остроумнее Тертуллиана? Его «Апологетик» и книги «Против язычников» включают в себя всю языческую ученость. Минуций Феликс, адвокат с римского форума, в книге под заглавием «Октавий» и в другой, «Против математиков» (если только надпись не ошибается, называя автора), что оставил нетронутым из сочинений язычников? Арнобий издал семь книг против язычников и столько же опубликовал его ученик Лактанций, написавший еще две книги: «О гневе» и «О деянии Господа». Если ты захочешь прочитать эти книги, ты найдешь в них не что иное, как сокращение диалогов Цицерона...

Иларий, исповедник и епископ моего времени, и в слоге и в числе сочинений подражал двенадцати книгам Квинтилиана, и в коротенькой книжке против врача Диоскора показал, что он силен в светских науках. Пресвитер Ювенк при Константине в стихах изобразил историю Господа Спасителя: не побоялся он величие Евангелия подчинить законам метра. Умалчиванию о других, как живых, так и умерших, в сочинениях которых очевидны как их познания, так и их стремления.

И не обманывайся ложной мыслью, что это позволительно только в сочинениях против язычников и что в других рассуждениях нужно избегать светской учености — потому что книги всех их, кроме тех, которые, как Эпикур, не изучали наук, изобилуют сведениями из светских наук и философии. Я привожу здесь только то, что приходит на ум при диктовке, и уверен, что ты сам знаешь, что всегда было в употреблении у людей ученых.

Однако я думаю, что через тебя этот вопрос предлагает мне другой, который, может быть, — припоминаю любимые рассказы Саллюстия — носит имя Кальпурний, по прозванию Шерстобой. Пожалуйста, скажи ему, чтобы он, беззубый, не завидовал зубам тех, кто ест, и, сам будучи слеп, как крот, не унижал бы зрения диких коз. На этот счет, как видишь, можно рассуждать долго, но, по недостатку места для письма, пора кончать.

ВИЗАНТИЙСКАЯ РАННЕХРИСТИАНСКАЯ И ЯЗЫЧЕСКАЯ РИТОРИКА

ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ

(329–379)

О ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ[1]

Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую. Этим показано тебе, что плавающие животные имеют естественное сродство с водою: поэтому рыбы, надолго разлученные с водою, умирают, ибо не имеют дыхания, чтобы втягивать в себя воздух. Что для земных животных воздух, то для породы плавающих — вода. Причина тому очевидна. У нас есть легкие, наполненные пустотами, и грудная клетка, которая, через расширение груди, принимая в себя воздух, проветривает и прохлаждает внутренний жар, у них же расширение и сжатие жабр, принимающих и выпускающих воду, служит дыханием.

У рыб собственное свое назначение, собственная своя природа, отдельная пища, своеобразная жизнь. Поэтому ни одно из плавающих животных не может сделаться ручным и вообще терпеть прикосновения человеческой руки. Много несходства в образе жизни, много различий в расположении каждой породы. Большая часть рыб не насиживают яиц, как птицы, не вьют гнезд, не вскармливают с трудом детенышей, но вода, приняв икру, производит из нее животное. У каждой породы способ размножения неизменен и бывает без смешения с другою природою. Невозможно такое же размножение рыб, как размножаются лошади на суше, невозможны такие же совокупления, какие бывают у некоторых

---

[1] «О пресмыкающихся» — седьмая беседа из книги «Беседы на Шестоднев», представляющей собой цикл бесед о сотворении мира. «Беседы на Шестоднев» были произнесены Василием в период между 364 и 370 гг. без предварительной подготовки. В образе жизни, привычках пресмыкающихся оратор преподал нравственные уроки для человека.

Печатается по: Святоотеческая хрестоматия / Сост. Н. Благоразумов; Автор перевода неизвестен. М., 2001.

птиц, производящих от себя смешанные породы. Между рыбами нет вооруженных зубами, как у нас вол и овца. Но все рыбы снабжены весьма частыми и острыми зубами, чтобы пища при продолжительном жевании не растекалась; ибо если бы не была быстро раздробляема и передаваема чреву, то во время самого измельчения могла бы быть уносима водою. Пища же различным рыбам определена различная, по роду каждой. Одни питаются илом, иные довольствуются травами, растущими в воде, большая же часть пожирают друг друга, и меньшая из них служит пищею большей. Иногда случается, что овладевшая меньшею себя делается добычею другой, и обе переходят в одно чрево последней.

Не иное ли делаем и мы — люди, угнетая низших? Чем различается от сей последней рыбы тот, кто по ненасытному богатолюбию во всепоглощающие недра своего лихоимства поглощает бессильных? Он овладел достоянием нищего, а ты, уловив его самого, сделал частью своего стяжания. Ты оказался несправедливее несправедливого и любостяжательнее любостяжательного. Смотри, чтобы и тебя не постиг одинаковый конец с рыбами — уда, верша или сеть. Без сомнения, и мы, совершив много неправд, не избежим последнего наказания.

Примечая даже в слабом животном много хитрости и лукавства, желаю, чтобы ты избегал подражания делающим зло. Рак жаден до мяса устрицы; но ему трудно поймать эту добычу, у которой оболочка — раковина. Сама природа несокрушимым оплотом обезопасила нежную плоть устрицы: две вогнутые раковины, плотно прилаженные одна к другой, совершенно закрывают устрицу, и клещи рака, по необходимости, остаются недействительными. Что же он делает? Как только видит, что устрица в безветренном месте с наслаждением греется и открывает половинки своей раковины солнечным лучам, — неприметно вбросив в них камень, препятствует им закрыться и овладевает добычею, тем самым заменив недостаток силы выдумкою. Такова злоумышленность в животных, не одаренных ни разумом, ни словом!

А я хочу, чтобы ты, подражающий умению и ловкости раков отыскивать пищу, удерживался от вреда ближним. Таков тот, кто с коварством приходит к брату, содействует невзгодам ближнего, увеселяется чужими бедами. Бегай того, чтобы подражать людям предосудительным, и довольствуйся собственным. Нищета, при истинном самодовольстве, для целомудренных предпочтительнее всякого наслаждения.

Не могу умолчать о лукавстве и вороватости полипа, который всякий раз принимает цвет камня, к которому легко пристает, поэтому многие рыбы, плавая без опасения, приближаются к полипу, точно к камню, и делаются добычею хитреца. Таковы нравом те, которые угождают всякой преобладающей власти, каждый раз сообразуются с обстоятельствами, не держатся постоянно одного и того же намерения, удобно делаются то тем, то другим: с целомудренными уважают целомудрие, с

невоздержными невоздержны, в угодность всякому меняют расположения. От таких людей нелегко уклониться и спастись от наносимого ими вреда, потому что задуманное ими лукавство глубоко закрыто личиною дружбы. Людей такого нрава Господь называет волками хищными, которые являются в одеждах овечьих (Мф. 7, 15).

Бегай от изворотливого и многоличинного нрава, домогайся истины, искренности и простоты. Змея пестровидна, за то и осуждена пресмыкаться. Праведник не лукав, как и Иаков (Быт. 25, 27). Посему Бог вселяет единомышленных в дом (Пс. 67, 7). Это — море великое и пространное: там гады, коим нет числа, животные малые с великими (Пс. 103, 25). Однако же у них есть мудрый и благоустроенный порядок. Мы не только осуждать должны рыб: у них есть нечто и достойное подражания. Каким образом каждая порода рыб, получив в удел удобную для себя страну, не делает нашествий на другие породы, но живет в собственных своих пределах? Ни один землемер не отводил им жилищ, они не ограждены стенами, не отделены рубежами, но бесспорно каждой породе уступлено полезное. Один залив прокармливает такие породы рыб, а другой — другие; во множестве водящиеся здесь рыбы — редки в других местах. Не разделяет гора, возносящая острые вершины, не пересекает перехода река; но есть какой-то закон природы, который равно и правдиво, сообразно с потребностями каждой породы, распределяет им места жительства. Но мы не таковы. Из чего это видно? Из того, что пренебрегаем словом Писания: не передвигай межи давней, которую провели отцы твои (Притч. 22, 28). Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места (Ис. 5, 8). Есть и перемещающиеся рыбы. Они как бы по общему совещанию, собравшись на переселение, все отправляются под одним знаменем. Ибо как только наступит определенное для них время чадородия, поднявшись из разных заливов и побуждаемые общим законом природы, поспешают в северное море. Во время этого восхождения увидишь рыб, соединенных как бы в один поток и текущих через Пропонтиду (Мраморное море) в Евксинский Понт (Черное море). Кто же их движет? Какое царское повеление, какие указы, прибитые на площади, извещают о наступившем сроке? Кто у них проводники? Видишь, как Божие распоряжение все заменяет собою и доходит до самых малых тварей! Рыба не прекословит Божию закону; а мы, люди, не соблюдаем спасительных наставлений. Не презирай рыб потому, что они совершенно безгласны и неразумны; но бойся, чтобы не сделаться тебе неразумнее и рыб чрез противление постановлению Творца.

Видел я это — и дивился во всем Божией премудрости. Если неразумные твари догадливы и искусны в попечении о собственном своем спасении и если рыба знает, что ей избрать и чего ей избегать, что скажем мы, отличенные разумом, наставленные законом, побужденные обетованиями, умудренные Духом и при всем том распоряжающиеся

своими делами неразумнее рыб? Ибо они умеют промышлять некоторым образом о будущем, а мы, отринув надежду на будущее, губим жизнь в скотском сластолюбии.

Рыба меняет столько морей, чтобы найти какое-нибудь удобство; что же скажешь ты, препровождающий жизнь в праздности? Праздность — начало злых дел. Никто да не извиняется неведением. В нас вложен природный разум, который учит присваивать себе доброе, а вредное от себя удалять.

Не перестану представлять в пример морских обитателей, потому что они подлежат нашему рассмотрению. Слышал я от одного приморского жителя, что морской еж, животное, конечно, малое и презренное, часто дает знать пловцам о тишине и буре. Когда он предчувствует волнение от ветров, то, взойдя на какой-нибудь значительный камень, на нем, как на якоре, с твердостью выносит бурю, потому что тяжесть камня препятствует увлечь его волнам. И как только мореходцы усматривают этот признак, то знают, что надо ожидать сильного движения ветров. Никакой звездочет, никакой халдей, предугадывающий по восхождению звезд волнения в воздухе, не учил этому ежа, но Господь моря и ветров и на малом животном положил ясные следы великой Своей премудрости. У Бога ничто не оставлено без промышления и попечения; все назирает Сие недремленное Око, всему Оно присуще, предустрояя спасение каждой твари. Если и ежа не исключил Бог из Своего надзора, то как не надзирать Ему за твоею жизнью?

Мужья, любите своих жен (Еф. 5, 25), хотя бы вы были чужды друг другу, когда вступали в брачное общение! Сей узел естества, сие иго, возложенное с благословением, да будут единением для вас, бывших далекими! Ехидна, самая лютая из пресмыкающихся, для брака сходится с морскою муреною и, свистом извещая о своем приближении, вызывает ее из глубин для супружеского объятия. И та слушается, и вступает в соединение с ядовитою ехидной. К чему клонится сия речь? К тому, что если даже суров, даже дик нравом сожитель, супруга должна переносить это и ни под каким предлогом не соглашаться на расторжение союза. Он буен? Но муж. Он — пьяница? Но соединен по естеству. Он груб и своенравен? Но твой уже член и даже — драгоценнейший из членов. Да выслушает и муж приличное ему наставление! Ехидна, уважая брак, предварительно извергает свой яд; неужели же ты, из уважения к союзу, не отложишь жестокосердия и бесчеловечия?

Но пример ехидны, может быть, и иначе послужит нам на пользу; потому что соединение ехидны с муреною есть некоторое прелюбодеяние в природе. Да вразумятся же те, которые посягают на чужое брачное ложе — какому из пресмыкающихся уподобляются они? У меня одна цель: все обращать в назидание Церкви. Да укротятся страсти невоздержных, обуздываемые примерами, взятыми с суши и моря!

ИОАНН ЗЛАТОУСТ
(344–407)

СЛОВО ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ НА СВЯТУЮ ПАСХУ[1]

Кто благочестив и боголюбив — насладись ныне сим прекрасным и радостным торжеством! Кто слуга благоразумный — войди, радуясь, в радость Господа своего! Кто потрудился, постясь, — прими ныне динарий! Кто работал с первого часа — получи ныне заслуженную плату! Кто пришел после третьего часа — с благодарностью празднуй! Кто достиг только после шестого часа — нисколько не сомневайся, ибо и ничего не теряешь! Кто замедлил и до девятого часа — приступи без всякого сомнения и боязни! Кто же подоспел прийти лишь к одиннадцатому часу — и тот не страшися своего промедления! Ибо щедр Домовладыка: принимает последнего, как и первого; ублажает пришедшего в одиннадцатый час так же, как и трудившегося с первого часа; и последнего одаряет, и первому воздает достойное; и тому дает, и этому дарует; и деяние принимает, и намерение приветствует; и труд ценит, и расположение хвалит.

Итак, все-все войдите в радость Господа своего! И первые, и последние, примите награду; богатые и бедные, друг с другом ликуйте; воздержные и беспечные, равно почтите этот день; постившиеся и непостившиеся, возвеселитесь ныне! Трапеза обильна, насладитесь все! Телец упитанный, никто не уходи голодным! Все насладитесь пиром веры, все воспримите богатство благости!

Никто не рыдай о своем убожестве, ибо для всех настало Царство! Никто не плачь о своих грехах, потому что из гроба воссияло прощение! Никто не бойся смерти, ибо освободила нас Спасова смерть! Объятый смертью, Он угасил смерть. Сошед во ад, Он пленил ад и огорчил того, кто коснулся Его плоти.

Предвосхищая сие, Исаия воскликнул: «Ад огорчился, встретив Тебя в преисподних своих». Огорчился ад, ибо упразднен! Огорчился, ибо

---

[1] «Слово огласительное на Святую Пасху» — одно из известнейших слов Иоанна Златоуста. Популярность «Слова» была столь велика, что оно со временем вошло в богослужебное употребление и до сих пор читается священником с амвона на каждой Пасхальной утрене.

Печатается по: <www.paskha.ru/holies/izlat.html>; автор перевода неизвестен.

осмеян! Огорчился, ибо умерщвлен! Огорчился, ибо низложен! Огорчился, ибо связан! Взял тело, а прикоснулся Бога; принял землю, а нашел в нем небо; взял то, что видел, а подвергся тому, чего не ожидал!

Смерть! где твое жало?! Ад! где твоя победа?!

Воскрес Христос, и ты низвержен! Воскрес Христос, и пали демоны! Воскрес Христос, и радуются ангелы! Воскрес Христос, и торжествует жизнь! Воскрес Христос, и никто не мертв во гробе! Ибо Христос, восстав из гроба, — первенец из умерших. Ему слава и держава во веки веков! Аминь.

ПИСЬМА К ОЛИМПИАДЕ[1]

Госпоже моей достопочтеннейшей и боголюбезнейшей диакониссе Олимпиаде, епископ Иоанн, о Господе радоваться

Письмо I

1 Хочу излечить рану твоего уныния и рассеять мысли, сбирающие это облако скорби. Что, в самом деле, смущает твой дух, почему ты печалишься и скорбишь? Потому, что сурова и мрачна эта буря, которой подверглись церкви? Потому, что все превратила она в безлунную ночь и день ото дня все более усиливается, причиняя тяжкие кораблекрушения? Потому, что растет гибель вселенной? Знаю это и я, да и никто не будет прекословить этому. Если желаешь, я изображу даже тебе картину того, что теперь происходит, чтобы сделать для тебя более ясными настоящие печальные события. Мы видим, что море бурно вздымается от самого дна; одни корабельщики плавают по поверхности вод мертвые, другие ушли на дно; корабельные доски развязываются, паруса разрываются, мачты разламываются, весла повыпадали из рук гребцов, кормчие сидят, вместо рулей, на палубах, обнимают руками колена и только рыдают, громко кричат, плачут и сетуют о своем безысходном положении; они не видят ни неба, ни моря, а повсюду лишь такую глубокую, беспросветную и мрачную тьму, что она не дозволяет им замечать даже и находящихся вблизи, слышится шумное рокотание волн, и морские животные отовсюду устремляются на пловцов. Но до коих пор, впрочем, гнаться нам за недостижимым? Какое бы подобие ни нашел я для настоящих бедствий, слово слабеет пред ними и умолкает. Впрочем, хотя я и вижу все это, я все-таки не отчаиваюсь в надежде на лучшие обстоя-

---

[1] Олимпиада — духовная дочь Иоанна Златоуста, его помощница в церковных делах. Ко времени написания «Писем» (начало V в.) Олимпиада пребывала в ссылке. Златоуст, сам будучи в изгнании, призывает свою духовную дочь к терпению и вере.

Печатается по: *Святой Иоанн Златоуст.* Письма к Олимпиаде / Автор перевода неизвестен. М., 1997.

тельства, памятуя о Том Кормчем всего этого, Который не искусством одерживает верх над бурей, но одним мановением прекращает волнение моря. Если же Он делает это не с самого начала и не тотчас, то потому, что таков у Него обычай: не прекращать опасностей вначале, а тогда уже, когда они усилятся и дойдут до последних пределов, и когда потеряет уже надежду; тогда-то Он, наконец, совершает чудесное и неожиданное, проявляя и собственное Свое могущество и приучая к терпению подвергающихся опасностям. Итак, не падай духом.

Ведь одно только, Олимпиада, страшно, одно искушение, именно только грех, — и я не перестаю до сих пор напоминать тебе это слово, — все же остальное — басня, — укажешь ли ты на козни или на ненависть, или на коварство, на ложные допросы или бранные речи и обвинения, на лишение имуществ или изгнания, или заостренные мечи, или морскую бездну, или войну всей вселенной. Каково бы все это ни было, оно и временно и скоропреходяще, и имеет место в отношении к смертному телу и нисколько не вредит трезвой душе. Поэтому и блаженный Павел, желая показать ничтожество радостей и печалей, приключающихся в настоящей жизни, разъяснил все одним изречением: видимая бо временна (2 Кор. IV, 18). Итак, зачем тебе бояться временного, протекающего подобно речным потокам? — потому что таково настоящее, все равно — будет ли оно радостно или печально. Другой же пророк все человеческое счастие сравнил не с травою даже, а с другим, более ничтожным веществом, назвавши все вместе цветом травы, и счел (этим цветом) не часть только счастья, например — только богатство, или только роскошь, или обладание властью, или почести; но все, что у людей считается славным, обняв одним именем «славы», уподобил затем траве, сказав: всяко слава человека, яко цвет травный (Ис. XL, 6).

2 Однако ужасно и тяжело, скажешь, несчастие. Но смотри, как и оно, в свою очередь, приравнивается пророком к другому образу, — и относись с презрением и к нему. Именно, уподобляя бранные речи, оскорбления, укоризны, насмешки со стороны врагов и злые замыслы изветшавшей одежде и изъеденной молью шерсти, пророк говорил: не бойтеся укорения человека и похулению их не покоряйтеся, потому что состареются, как риза, и будут изъедены, как шерсть молью (Ис. LI, 7–8). Итак, пусть не смущает тебя ничто из того, что происходит. Перестань звать на помощь то того, то другого, и гнаться за тенями (а такова человеческая помощь), но призывай непрестанно Иисуса, Которому ты служишь, чтобы Он только благоизволил: и все бедствия прекратятся в один миг. Если же ты призывала, а бедствие не устранено, то таков у Бога обычай: не сначала (я повторю то, что сказал выше) удалять бедствия, но когда они достигнут наибольшей высоты, когда усилятся, когда враждующие изольют почти всю свою злость, — тогда, наконец, все сразу изменять в состояние тишины и производить неожиданные перемены.

Он может произвести не только те блага, каких мы ожидаем и надеемся (получить), но гораздо большие и бесконечно ценнейшие. Поэтому и Павел говорил: Могущему же паче вся творити то преизбыточествию, ихже просим или разумеем (Еф. III, 20). Разве Он не мог, в самом деле, сначала же не допустить трем отрокам подвергнуться искушению (Дан. III)? Мог, но не пожелал, чтобы доставить им чрез это большую выгоду. С этой целью Он допустил и то, чтобы они были преданы в руки иноплеменников, и — чтобы печь была разожжена до несказанной степени, и — чтобы гнев царский пылал сильнее печи, и — чтобы крепко связаны были их руки и ноги, и — чтобы, наконец, ввергнуты они были в огонь: и когда все, созерцавшие их, отчаялись в их спасении, тогда-то нежданно и вопреки всякой надежде проявилось чудное дело превосходнейшего Художника — Бога, и просияло с превосходною силою. Именно, — огонь связывался, а узники разрешались; печь сделалась храмом молитвы, источником и росою, и стала почетнее царских дворцов, — и над огнем, этой всепожирающей силой, которая преодолевает и железо, и камни, и побеждает всякое вещество, одержала верх природа волос. И здесь стоял согласный хор святых, призывавших всю тварь, и небесную и земную, к дивному песнопению: они пели, воссылая благодарственные гимны за то, что были связаны, за то, что — насколько это зависело от врагов — были сожигаемы, за то, что были изгнаны из отечества, за то, что стали пленниками, за то, что были лишены свободы, за то, что сделались не имеющими городов, бесприютными и переселенцами, за то, что жили в чужой и иноплеменной земле, — таково свойство благодарной души. И вот, когда и злодеяния врагов были кончены (что еще могли бы они предпринять после смерти?), и добродетель борцов проявилась во всей своей полноте, когда сплетен был для них венец, собраны были награды, и ничего уже не осталось больше для их прославления, — тогда-то именно бедствия устраняются, и тот, кто возжег печь и предал отроков столь великой муке, начинает дивно прославлять этих святых борцов и делается вестником необычайного чуда Божия, посылает во все стороны вселенной письма, полные благохваления, повествуя в них о случившемся, и делается таким образом достоверным вестником чудес дивнотворца Бога, потому что если он сам (прежде) был врагом и неприятелем, то писанное им не возбуждало уже в себе подозрения и у врагов.

3 Видишь искусство Бога? Видишь Его мудрость? Видишь, что Он совершает не то, что согласно с обычными мнениями и ожиданиями? Видишь Его человеколюбие и попечительность? Поэтому не смущайся и не тревожься, но пребывай постоянно, благодаря Бога за все, славословь Его, призывай, проси, умоляй, и хотя бы наступили бесчисленные смятения и волнения или происходили пред глазами твоими бури, пусть ничто это не смущает тебя. Господь ведь у нас не сообразуется с затруднительностью обстоятельств, даже если все впадает в состояние

крайней гибели, так как Ему возможно поднять упавших, вывести на дорогу заблудших, исправить подпавших соблазну, исполненных бесчисленных грехов освободить от них и сделать праведными, оживотворить лишенных жизни, восстановить еще с большим блеском то, что разрушено до основания и обветшало. В самом деле, если Он делает, что рождается то, чего не было, и дарует бытие тому, что нигде вовсе не проявлялось, то гораздо скорее Он исправит существующее уже и происшедшее. Но, скажешь, много погибающих, много соблазняющихся? Много и подобного часто уже случалось; но впоследствии все, однако, получало соответствующее исправление, исключая тех, кто упорно пребывал в неисцелимой болезни и после перемены обстоятельств. Зачем ты смущаешься и грустишь, если тот изгнан, а тот, напротив, возвращен? Христа распинали и требовали освобождения разбойника Вараввы, развращенный народ кричал, что лучше должен быть спасен человекоубийца, чем Спаситель и Благодетель. Скольких людей, ты думаешь, это тогда соблазнило? Скольких это тогда погубило? Но лучше следует повести речь с более ранних событий. Этот Распятый не тотчас ли по Своем рождении сделался переселенцем и беглецом, и со всем Своим домом, находясь еще в колыбели, переселялся в чужую землю, отводимый в страну иноплеменников, отделенную (от Его родины) столь большим пространством пути? И вот по этой причине явились потоки крови, беззаконные убийства и заклание; все только что явившееся на свет поколение убивалось, как бы в бою на войне; дети, отрываемые от сосцов, предавались закланию, и когда еще было молоко в гортани, вонзался меч чрез горло и шею. Что тяжелее этого печального события? И это делал искавший убить Христа; и долготерпеливый Бог терпел, когда дерзко измышлялось такое ужасное злодеяние, когда лилось столько крови, — терпел, хотя мог бы воспрепятствовать, показывая столь великое долготерпение вследствие тайных и мудрых Своих планов. Когда, затем (Христос) возвратился из страны иноплеменников и вырос, против Него начала возбуждаться вражда отовсюду. Сначала недоброжелательствовали и завидовали ученики Иоанна, хотя сам Иоанн относился с почтением к делу Его, и говорили, что Иже бе с тобою обон пол-Иордана, се Сей крещает и вси грядут к Нему (Ин. III, 26); это были слова людей, находившихся в состоянии раздражения, одержимых завистью и изнуряемых этою болезнию. Потому-то один из учеников, сказавших эти слова, даже спорил с некоторым иудеянином и состязался об очищении, крещение сравнивая с крещением, крещение Иоанново — с крещением учеников Христа. Бысть, говорится, стязание от учеников Иоанновых с некоторым иудеянином о очищении (Ин. III, 25). Когда опять Христос начал творить знамения, сколько было злословия? Одни называли Его самарянином и беснующимся, говоря, что самарянин еси Ты, и беса имаши (Ин. VIII, 48), другие — обманщиком, говоря: несть Сей

от Бога, но льстит народ (Ин. VII, 12), иные — волшебником, говоря, что о князе бесовстем Веельзевуле изгонит бесы (Мф. IX, 34), и это повторяли постоянно; называли врагом Богу и любящим есть и служить чреву, любящим пить вино и другом людей порочных и развращенных: прииде, говорится, сын человеческий ядый и пия, и говорят: вот сей человек ядца и винопийца, друг мытарем и грешником (Лк. VII, 34). Когда же беседовал с блудницею, называли Его лжепророком; аще бы, был пророк, говорится, то знал бы, кто эта женщина, говорящая с Ним (Лк. VII, 39); и ежедневно изощряли зубы против Него. И не иудеи только так враждовали против Него, но и те сами, которые, казалось, были братьями его, не относились к Нему искренно, и из среды домашних была возбуждаема против Него вражда. Как растленны были и они, это усматривай из слов, какие сказал евангелист: ни братия бо Его вероваху в Него (Ин. VII, 5).

4 Если затем, ты вспоминаешь, что многие соблазняются и вводятся в заблуждение теперь, то (спрошу тебя): сколько, думаешь ты, из учеников Его соблазнилось во время креста? Один предал, другие убежали, третий отрекся, и когда все отстали — был ведом только один связанный. Сколько, ты думаешь, соблазнилось в то время из тех, которые недавно зрели Его творящим знамения, воскрешающим мертвых, очищающим прокаженных, изгоняющим бесов, источающим хлебы и совершающим другие чудеса (соблазнилось при виде того), как Его только вели связанным, когда Его окружали ничтожные воины, и священники иудейские следовали за Ним, производя шум и смятение, при виде того, что все враги только, захватив Его, держат в своей среде, и что предатель присутствует при этом и торжествует? А что, когда Его бичевали? И вероятно, при этом присутствовало бесчисленное множество людей, потому что был славный праздник, который собирал всех, а городом, приявшим это зрелище беззакония, была столица, и происходило это в самый полдень. Итак, сколько людей, думаешь, присутствовало тогда и соблазнялось, видя, как Он был связан, подвергнут бичеванию, обливался кровью, испытывался судилищем игемона, и при этом не было никого из Его учеников? А что, когда совершались над Ним разнообразные издевательства, следовавшие непрерывно одно за другим, когда то увенчивали Его тернием, то облекали в хламиду, то давали в руки трость, то, падая, поклонялись Ему, проявляя все виды издевательства и осмеяния? Сколько людей, ты думаешь, соблазнялось, сколько приходило в смущение, сколько приводилось в замешательство, когда били Его по ланите и говорили: прорцы нам, Христе, кто есть ударей Тя? (Мф. XXVI, 68). Когда водили Его туда и сюда, истратили весь день на остроты и ругательства, на издевательство и осмеяние, и это — в средине иудейского зрелища? А что, когда раб архиерея ударял Его? А что, когда воины разделяли Его одежды? А когда Он, обнаженный, был вознесен на крест со

следами бичей на спине, и был распинаем? Ведь даже и тогда эти дикие звери не смягчались, но делались еще более бешеными, и злодеяния усугублялись, и издевательства усиливались. Одни говорили: разоряй церковь, и треми денми созидаяй ю (Мф. XXVII, 40). Другие говорили: иные спасе, Себе ли не может спасти (ст. 42)? Иные говорили: аще Сын еси Божий, сниди со креста и уверуем в Тебя (ст. 40, 42). А что, когда напитавши губу желчию и уксусом, оскорбляли Его? А что, когда разбойники поносили Его? А что (о чем я и прежде говорил: о том страшном и беззаконнейшем деле), когда говорили, что более достойно требовать освобождения не Его, а того разбойника, вора и виновника бесчисленных убийств, и, получивши от судьи право выбора, предпочли Варавву, желая не только распять Христа, но и запятнать Его худою славою? Думали, что отсюда можно сделать вывод, что Он был хуже разбойника, и так беззаконен, что Его не могли спасти ни человеколюбие, ни достоинство праздника. Ведь все они делали ради того, чтобы переменить мнение о Нем в худую сторону; потому-то распяли вместе с Ним и двух разбойников. Но истина не осталась скрытою, а просияла даже сильнее. И в присвоении царской власти обвиняли Его, говоря: всяк, иже царя себе творит, не друг Кесарю (Ин. XIX, 12), — на Того, Кто не имел, где приклонить главу, возводя обвинение в желании царской власти. И в богохульстве делали ему ложное обвинение: первосвященник разодрал свои одежды, говоря: хулу глагола: что еще требуем свидетелей? (Мф. XXVI, 65). А смерть какова? Разве не насильственная? Разве не смерть осужденных? Не смерть проклятых? Разве не самая постыдная? Разве не смерть самых последних беззаконников, недостойных даже испустить и дыхание на земле? А устройство погребения не совершается ли в качестве милости? Некто, придя, испрашивал себе Его тело. Таким образом, даже и погребающий Его не был из числа близких, облагодетельствованных Им, из числа учеников, насладившихся столь полной близостью к Нему и вкусивших спасения, так как все они сделались беглецами, все убежали. А та худая молва, которую распустили по воскресении, сказавши, что пришли ученики Его и украдоша Его (Мф. XXVIII, 13), сколь многих соблазнила, сколь многих ввела в обман? Эта молва тогда находила доверие, и хотя она была ложна и куплена за деньги, все же возымела силу в сознании некоторых, после печатей, после столь великой очевидности истины. Народ же и не знал учения о воскресении. Это и неудивительно, когда и сами ученики не верили: тогда они и не знали, говорится, яко подобает Ему из мертвых воскреснути (Ин. XX, 9). Итак, сколько, думаешь, соблазнилось в те дни? Но долготерпеливый Бог переносил, все устрояя по Своей неизглаголанной мудрости.

5 Потом, после трех дней, ученики опять скрываются, прячутся, становятся изгнанниками, пребывают в трепете и постоянно меняют место за местом, чтобы укрыться, и после пятидесяти дней начав показы-

ваться и творить знамения, даже и тогда не пользовались безопасностью. Но и среди более слабых происходило множество соблазнов, когда ученики были подвергаемы плетям, когда Церковь была потрясаема, когда ученики изгонялись, когда враги во многих местах делались сильными и производили смятения. Так, когда, благодаря знамениям, ученики приобрели большее дерзновение, тогда опять смерть Стефана причинила тяжелое преследование, рассеяла всех и ввергла Церковь в смятение; ученики опять в страхе, опять в бегстве, опять в тревоге. И все же дела Церкви постоянно росли, процветали чрез знамения, светлели вследствие (положенных в их основание) начал. Один был спущен чрез окно, и таким образом избежал рук начальника; других вывел Ангел, и таким образом освободил от уз; иных, изгоняемых теми, которые обладали могуществом, принимали и услуживали всяким образом торговцы и ремесленники, торгующие пурпуром женщины, приготовляющие палатки и кожевники, живущие на самых окраинах городов, подле самого берега моря. А часто ученики Христовы даже не осмеливались и показываться в средине городов; если же они сами и осмеливались, то не дерзали оказавшие им гостеприимство. Так-то текли дела посреди искушений, посреди успокоений, и раньше соблазненные, впоследствии поправлялись, заблудшие приводились опять на путь и разрушенное до основания устраивалось еще лучше. Поэтому когда св. Павел просил, чтобы проповедь распространялась только среди тишины, всемудрый и все прекрасно устрояющий Бог не сделал по воле ученика, не внял ему, несмотря и на частые его просьбы, но сказал: довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается (2 Кор. XII, 9). Если желаешь и теперь поразмыслить наряду с печальными событиями и о радостных, то увидишь много если не знамений и чудес, то во всяком случае похожего на знамения и неизреченное множество доказательств великого Промышления Божия и помощи. Но, чтобы ты не все услышала от нас без всякого труда, эту часть я оставляю тебе, дабы ты тщательно собрала все (радостное) и сопоставила с печальным, и, занявшись прекрасным делом, отклонила себя таким образом от уныния, потому что и отсюда ты получишь большое утешение. Утешь весь твой благословенный дом, передав от нас великое приветствие. Пребывай сильною и радостною, достопочтеннейшая и боголюбезнейшая моя госпожа!

Если желаешь писать мне пространно, то извести меня об этом, не обманывая меня однако, что ты оставила всякое уныние и проводишь жизнь в спокойствии. В том ведь и заключается лекарство моих писем, чтобы доставить тебе большую радость: и ты будешь получать от меня письма постоянно. Но не пиши мне опять: «я получаю большое утешение от твоих писем», потому что знаю и я; (пиши) — что получаешь такое (утешение), какое я хочу, что не смущаешься, не плачешь, а проводишь жизнь в спокойствии и радости.

ЛИБАНИЙ
(314–393)

НАДГРОБНАЯ РЕЧЬ ЮЛИАНУ[1]

...Ведь это особенно удручало его сердце, когда он видел повергнутые храмы, прекращение обрядов, опрокинутые жертвенники, упразднение жертв, гонение на жрецов, раздел богатства жрецов между самыми распущенными людьми; так что, если бы кто-либо из богов обещал ему, что восстановление всего перечисленного будет выполнено другими, он, я убежден, настойчиво уклонялся бы от власти. Так стремился он не к господству, а к благоденствию народов.

121. Когда же тот был почтен подобающими почестями, он начал с обрядов богам города, совершая возлияния на глазах всех, радуясь тем, кто следовал его примеру, осмеивая тех, кто не следовал, и, пробуя убеждать, принуждать же не желая. А между тем страх одолевал тех, кто были совращены, и у них явилось опасение, что им выколют глаза, отрубят головы, что потоки крови польются от казней, что новый владыка придумает новые средства понуждения и малым перед ними покажутся огонь и железо, потопление в море, зарывание живым в землю, изувечение и четвертование. Это применялось прежними владыками, ожидали мер, гораздо более тяжких.

123. Итак, осуждая эти меры и видя, что от казней успех другой веры увеличивается, он отказался от тех мер, которые порицал; людей, которые могли исправиться, он вводил в познание истины, а тех, кто довольствовался худшими убеждениями, не понуждал силой. Однако он не переставал взывать: «Куда стремитесь вы, люди? Вам не стыдно признавать мрак более ясным, чем свет, и не замечать, что болеете недугом нечестивых гигантов?»

178. Когда же зима сделала ночи долгими, он помимо многих других прекрасных произведений слова, занявшись изучением тех книг, кото-

---

[1] Юлиан — римский император, восстановивший на время культ языческих богов. Либаний, будучи убежденным язычником, приветствовал реформу Юлиана. «Надгробная речь» составлена в 365 г., через два года после смерти Юлиана.

Печатается в отрывках по: *Ранович А. Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1989.

рые выставляют человека родом из Палестины богом и сыном божьим, в пространной полемике силой аргументации доказал, что такое почитание — смех и пустословие; он проявил себя в этом труде мудрее тирийского старца. Да будет милостив этот тириец и да примет благосклонно сказанное, как бы побеждаемый сыном.

274. Кто же был его убийцей? — стремится услышать иной. Имени его я не знаю, но что убил не враг, явствует из того, что ни один из врагов не получил отличия за нанесение ему раны.

275. ...И великая благодарность врагам, что не присвоили себе славы подвига, которого не совершили, но предоставили нам у себя самих искать убийцу. Те, кому жизнь его была невыгодной, — а такими были люди, живущие не по законам, — и прежде давно уже злоумышляли против него, а в ту пору, когда представилась возможность, сделали свое дело, так как их толкали к тому и прочая их неправда, коей не было дано воли в его царствование, и в особенности почитание богов, противоположное коему верование было предметом их домогательства.

286. ...Что опять последовало за убийством императора? Те, которые говорят речи против богов, — в почете, а жрецы подвергаются беззаконной ответственности. За те жертвы, коими умилостивлялось божество и которые поглотил огонь, взыскивается плата, вернее, состоятельный человек вносил из своих средств, а бедняк умирал, заключенный в тюрьму.

287. Из храмов же одни срыты, другие стоят недостроенные на посмешище нечестивцам, философы же подвергаются истязаниям...

К ИМПЕРАТОРУ ФЕОДОСИЮ В ЗАЩИТУ ХРАМОВ[1]

1. После того, государь, как ты прежде неоднократно признавал, что в своих советах я метко определял потребные мероприятия, и я превосходством своего мнения одерживал верх над теми, кто желал и внушал противное, я и теперь являюсь с тем же, одушевляемый тою же надеждой. Ты же послушайся моего совета, и теперь в особенности...

2. Многим, конечно, покажется, что я пускаюсь в нечто очень рискованное, намереваясь вести с тобой беседу в защиту храмов и того убеждения, что не следует их подвергать той участи, какой они теперь подвергаются; но, мне кажется, те, кто этого боятся, жестоко ошибаются в твоем характере...

---

[1] Речь «В защиту храмов» была написана в 384 г. и представляет собою обращение к императору Феодосию с просьбой защитить оставшиеся языческие храмы от разрушения их христианами.

Печатается в отрывках по: *Ранович А. Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1989.

3. Итак, прошу тебя, государь, обратить на меня, держащего речь, свой взор и не оглядываться на тех, кто захотят разными средствами сбить с толку и тебя и меня...

4. Первые люди, явившиеся на землю, государь, заняв возвышенные места, укрываясь в пещерах и хижинах, тотчас усвоили себе мысль о богах и, проникшись сознанием, как много значит для людей их благоволение, воздвигли храмы — такие, понятно, какие могли воздвигать первобытные люди, и статуи...

5. Если даже ты пройдешь по всей земле, какую населяют римляне, всюду встретишь ты эти святыни, ведь даже в первом после величайшего городе остаются еще некоторые храмы, хоть и лишенные почитания; осталось их не много из очень многих, тем не менее, не все, по крайней мере, памятники этого рода пропали. С помощью этих богов римляне, нападая на противников и сражаясь, побеждали, а победив, создавали для побежденных после поражения лучшие времена, чем до поражения...

8. Ты не отдавал приказа о закрытии храмов, не воспрещал доступа в них, не устранил из храмов и с жертвенников ни огня, ни ладана, ни обрядов почитания другими воскурениями. Но эти черноризники, которые прожорливее слонов и нескончаемой чередой кубков изводят тех, которые сопровождают их попойку песнями, а между тем стараются скрыть эту свою невоздержность путем искусственно наводимой бледности, — несмотря на то, что закон остается в силе, спешат к храмам, вооружившись камнями и ломами, иные за неимением орудий действуют руками и ногами...

9. Дерзают на это и в городах, но большей частью по деревням. И много есть и без того врагов в каждой, но это разбросанное население собирается, чтоб причинить неисчислимые беды, требуют друг с друга отчета в своих подвигах, и стыдом считается не причинить как можно больше насилий. И вот они проносятся по деревням, подобно бурным потокам, унося с храмами и селения...

11. Так на предмет первой важности направлены дерзкие покушения, на какие отваживаются в своей наглости против деревень эти люди, которые утверждают, что борются с храмами, а между тем война эта служит источником дохода, так как, пока одни нападают на храмы, другие похищают у бедняг их имущество — как сбережения с дохода с земли, так и насущный хлеб. Так, напавшие уходят с добром, награбленным у взятых ими приступом. А им этого недостаточно, но и землю они присваивают себе, заявляя, что она посвящена, и многие лишаются отцовских поместий из-за ложного наименования. Между тем на счет чужих бедствий роскошествуют те, которые, как они утверждают, угождают своему Богу бедностью. Если же разоренные, явившись в город к пастырю, — так они называют человека, далеко не безупречного, — станут плакаться, сообщая о насилиях, каким подверглись, пастырь этот обидчи-

ков похваляет, а обиженных прогоняет, считая их в выигрыше уже тем, что они не пострадали еще больше.

12. Между тем и они — твои подданные, государь, и люди, настолько более полезные, чем их обидчики, насколько работящие люди полезнее тунеядцев. Первые напоминают пчел, вторые трутней. Только прослышат они, что в деревне есть, чем поживиться, тотчас она у них, оказывается, и жертвы приносит, и говорит непозволительные вещи, и нужен против них поход, и «исправители» тут как тут — это название прилагают они к своему, мягко выражаясь, грабительству. Одни, правда, пытаются скрыть свою работу и отпираются от своих дерзких поступков — если назовешь его разбойником, обидится, но другие тщеславятся и гордятся ими, рассказывают о них тем, кто не знает, и объявляют себя достойными почестей.

13. А между тем, что это иное, как не война с земледельцами в мирное время?..

15. «Мы, говорят, наказывали нарушителей закона, не дозволяющего приносить жертвы, и тех, кто их приносит». Лгут они, государь, когда так говорят...

21. Если они ссылаются мне на писания в тех книгах, которых, по их словам, они придерживаются, я противопоставлю им те действия, какие они дозволяли себе легче легкого. Ведь если б это не было так, они не стали бы вести роскошной жизни. На самом деле мы знаем, как они проводят дни, как проводят ночи. Правдоподобно ли, чтобы люди, не останавливающиеся перед этим, стали бы остерегаться и тех поступков? Но столько святилищ в стольких деревнях уничтожено жертвою издевательства, наглости, корыстолюбия, нежелания совладать с собою...

22. Вот тому свидетельство: в городе Берос была медная статуя — Асклепий в образе красивого сына Клиния, где искусство воспроизводило природу. В ней было столько красоты, что даже те, кому представлялась возможность видеть ее ежедневно, не могли насытиться ее созерцанием. Нет столь бессовестного человека, который дерзнул бы сказать, что ей приносили жертвы. И вот такое произведение, отделанное с такой затратой труда, с такой талантливостью, разрублено в куски и пропало, и руки Фидия поделило между собой множество рук...

ГЕРМАНСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА РЕФОРМАЦИИ (XVI ВЕК)

МАРТИН ЛЮТЕР
(1483–1546)

95 ТЕЗИСОВ. ДИСПУТ О ПРОЯСНЕНИИ ДЕЙСТВЕННОСТИ ИНДУЛЬГЕНЦИЙ[1]

Во имя любви к истине и стремления разъяснить ее, нижеследующее будет предложено на обсуждение в Виттенберге под председательством достопочтенного отца Мартина Лютера, магистра свободных искусств и святого богословия, а также ординарного профессора в этом городе. Посему он просит, дабы те, которые не могут присутствовать и лично вступить с нами в дискуссию, сделали это ввиду отсутствия письменно. Во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

1. Господь и Учитель наш Иисус Христос, говоря: «Покайтесь...», заповедовал, чтобы вся жизнь верующих была покаянием.

2. Это слово [«покайтесь»] не может быть понято как относящееся к таинству покаяния (то есть к исповеди и отпущению грехов, что совершается служением священника).

3. Однако относится оно не только к внутреннему покаянию; напротив, внутреннее покаяние — ничто, если во внешней жизни не влечет всецелого умерщвления плоти.

---

[1] «95 тезисов» были написаны Лютером в ноябре 1517 г. и направлены архиепископу Майнцскому. Лютер выступил против распространившейся практики продажи католической церковью индульгенций. Впоследствии Лютер был отлучен Римским Папой от церкви и стал у истоков протестантизма, точнее — одной из ее ветвей, лютеранства, названного в честь автора «95 тезисов».

Печатается по: *Лютер Мартин*. Диспут о прояснении действенности индульгенций (95 тезисов) / Пер. с лат. А. И. Рубана; Под ред. Ю. А. Голубца. СПб., 1996.

4. Поэтому наказание остается до тех пор, пока остается ненависть человека к нему (это и есть истинное внутреннее покаяние), иными словами — вплоть до вхождения в Царствие Небесное.

5. Папа не хочет и не может прощать какие-либо наказания, кроме тех, что он наложил либо своей властью, либо по церковному праву.

6. Папа не имеет власти отпустить ни одного греха, не объявляя и не подтверждая отпущение именем Господа; кроме того, он дает отпущение только в определенных ему случаях. Если он пренебрегает этим, то грех пребывает и далее.

7. Никому Бог не прощает греха, не заставив в то же время покориться во всем священнику, Своему наместнику.

8. Церковные правила покаяния налагались только на живых и, в соответствии с ними, не должны налагаться на умерших.

9. Посему во благо нам Святой Дух, действующий в папе, в декретах коего всегда исключен пункт о смерти и крайних обстоятельствах .

10. Невежественно и нечестиво поступают те священники, которые и в Чистилище оставляют на умерших церковные наказания.

11. Плевелы этого учения — об изменении наказания церковного в наказание Чистилищем — определенно посеяны тогда, когда спали епископы.

12. Прежде церковные наказания налагались не после, но перед отпущением грехов, как испытания истинного покаяния.

13. Умершие все искупают смертью, и они, будучи уже мертвы согласно церковным канонам, по закону имеют от них освобождение.

14. Несовершенное сознание, или благодать умершего, неизбежно несет с собой большой страх; и он тем больше, чем меньше сама благодать.

15. Этот страх и ужас уже сами по себе достаточны (ибо о других вещах я умолчу), чтобы приуготовить к страданию в Чистилище, ведь они — ближайшие к ужасу отчаяния.

16. Представляется, что Ад, Чистилище и Небеса — различны меж собой, как различны отчаяние, близость отчаяния и безмятежность.

17. Представляется, что как неизбежно в душах умаляется страх в Чистилище, так прирастает благодать.

18. Представляется, что не доказано ни разумными основаниями, ни Священным Писанием, что они пребывают вне состояния [приобретения] заслуг или причащения благодати.

19. Представляется также недоказанным и то, что все они уверенны и спокойны о своем блаженстве, хотя мы в этом совершенно убеждены.

20. Итак, папа, давая «полное прощение всех наказаний», не подразумевает исключительно все, но единственно им самим наложенные.

21. Поэтому ошибаются те проповедники индульгенций, которые объявляют, что посредством папских индульгенций человек избавляется от всякого наказания и спасается.

22. И даже души, пребывающие в Чистилище, он не освобождает от того наказания, которое им надлежало, согласно церковному праву, искупить в земной жизни.

23. Если кому-либо может быть дано полное прощение всех наказаний, несомненно, что оно дается наиправеднейшим, то есть немногим.

24. Следовательно, большую часть народа обманывают этим равным для всех и напыщенным обещанием освобождения от наказания.

25. Какую власть папа имеет над Чистилищем вообще, такую всякий епископ или священник имеет в своем диоцезе или приходе в частности.

26. Папа очень хорошо поступает, что не властью ключей (каковой он вовсе не имеет), но заступничеством дает душам [в Чистилище] прощение.

27. Человеческие мысли проповедуют те, которые учат, что тотчас, как только монета зазвенит в ящике, душа вылетает из Чистилища.

28. Воистину звон золота в ящике способен увеличить лишь прибыль и корыстолюбие, церковное же заступничество — единственно в Божьем произволении.

29. Кто знает, все ли души, пребывающие в Чистилище, желают быть выкупленными, как случилось, рассказывают, со свв. Северином и Пасхалием.

30. Никто не может быть уверен в истинности своего раскаяния и — много меньше — в получении полного прощения.

31. Сколь редок истинно раскаявшийся, столь же редок по правилам покупающий индульгенции, иными словами — в высшей степени редок.

32. Навеки будут осуждены со своими учителями те, которые уверовали, что посредством отпустительных грамот они обрели спасение.

33. Особенно следует остерегаться тех, которые учат, что папские индульгенции — это бесценное Божие сокровище, посредством которого человек примиряется с Богом.

34. Ибо их простительная благодать обращена только на наказания церковного покаяния, установленные по-человечески.

35. Не по христиански проповедуют те, которые учат, что для выкупа душ из Чистилища или для получения исповедальной грамоты не требуется раскаяния.

36. Всякий истинно раскаявшийся христианин получает полное освобождение от наказания и вины, уготованное ему даже без индульгенций.

37. Всякий истинный христианин, и живой, и мертвый, принимает участие во всех благах Христа и Церкви, дарованное ему Богом, даже без отпустительных грамот.

38. Папским прощением и участием не следует ни в коем случае пренебрегать, ибо оно (как я уже сказал) есть объявление Божьего прощения.

39. Непосильным трудом стало даже для наиболее ученых богословов одновременно восхвалять перед народом и щедрость индульгенций и истинность раскаяния.

40. Истинное раскаяние ищет и любит наказания, щедрость же индульгенций ослабляет это стремление и внушает ненависть к ним или, по крайней мере, дает повод к этому.

41. Осмотрительно надлежит проповедовать папские отпущения, чтобы народ не понял ложно, будто они предпочтительнее всех прочих дел благодеяния.

42. Должно учить христиан: папа не считает покупку индульгенций даже в малой степени сопоставимой с делами милосердия.

43. Должно учить христиан: подающий нищему или одалживающий нуждающемуся поступает лучше, нежели покупающий индульгенции.

44. Ибо благодеяниями приумножается благодать, и человек становится лучше; посредством же индульгенций он не становится лучше, но лишь свободнее от наказания.

45. Должно учить христиан: тот, кто, видя нищего и пренебрегая им, покупает индульгенции, не папское получит прощение, но гнев Божий навлечет на себя.

46. Должно учить христиан: если они не обладают достатком, им вменяется в обязанность оставлять необходимое в своем доме и ни в коем случае не тратить достояние на индульгенции.

47. Должно учить христиан: покупка индульгенций — дело добровольное, а не принудительное.

48. Должно учить христиан: папе как более нужна, так и более желанна — при продаже отпущений — благочестивая за него молитва, нежели вырученные деньги.

49. Должно учить христиан: папские отпущения полезны, если они не возлагают на них упования, но весьма вредоносны, если через них они теряют страх перед Богом.

50. Должно учить христиан: если бы папа узнал о злоупотреблениях проповедников отпущений, он счел бы за лучшее сжечь дотла храм св. Петра, чем возводить его из кожи, мяса и костей своих овец.

51. Должно учить христиан: папа, как к тому обязывает его долг, так и на самом деле хочет — даже если необходимо продать храм св. Петра, отдать из своих денег многим из тех, у кого деньги выманили некоторые проповедники отпущений.

52. Тщетно упование спасения посредством отпустительных грамот, даже если комиссар, мало того — сам папа отдаст за них в заклад собственную душу.

53. Враги Христа и папы суть те, кто ради проповедования отпущений приказывают, чтобы слово Божие совершенно умолкло в других церквах.

54. Вред наносится слову Божию, если в одной проповеди одинаково или долее времени тратится на отпущение, нежели на него.

55. Мнение папы, безусловно, состоит в том, что если индульгенции — ничтожнейшее благо — славят с одним колоколом, одной процессией и молебствием, то Евангелие — высшее благо — надлежит проповедовать с сотней колоколов, сотней процессий и сотней молебствий.

56. Сокровища Церкви, откуда папа раздает индульгенции, и не названы достаточно, и неизвестны христианам.

57. Несомненно, что ценность их — и это очевидно — непреходяща, ибо многие проповедники не так щедро их раздают, сколь охотно собирают.

58. Также не являются они заслугами Христа и святых, ибо они постоянно — без содействия папы — даруют благодать внутреннему человеку и крест, смерть и Ад — внешнему человеку.

59. «Сокровища Церкви, — сказал св. Лаврентий, — это бедняки Церкви», но он употребил это слово по обыкновению своего времени.

60. Мы по опрометчивости заявляем, что ключи Церкви, дарованные служением Христа, — вот то сокровище.

61. Ибо явствует, что для освобождения от наказаний и для прощения в определенных ему случаях достаточно власти папы.

62. Истинное сокровище Церкви — это пресвятое Евангелие (Благовестие) о славе и благодати Бога.

63. Но оно заслуженно очень ненавистно, ибо первых делает последними.

64. Сокровище же индульгенций заслуженно очень любимо, ибо последних делает первыми.

65. Итак, сокровища Евангелия — это сети, коими прежде улавливались люди от богатств.

66. Сокровища же индульгенций — это сети, коими ныне улавливаются богатства людей.

67. Индульгенции, которые, как возглашают проповедники, имеют «высшую благодать», истинно таковы, поскольку приносят прибыль.

68. В действительности же они в наименьшей степени могут быть сравнимы с Божией благодатью и милосердием Креста.

69. Епископам и священникам вменяется в обязанность принимать комиссаров папских отпущений со всяческим благоговением.

70. Но еще более им вменяется в обязанность смотреть во все глаза, слушать во все уши, дабы вместо папского поручения они не проповедовали собственные выдумки.

71. Кто говорит против истины папских отпущений — да будет тот предан анафеме и проклят.

72. Но кто стоит на страже против разнузданной и наглой речи проповедника — да будет тот благословен.

73. Как по справедливости папа поражает отлучением тех, кто во вред торговле отпущениями замышляет всяческие уловки.

74. Так гораздо страшнее он намерен поразить отлучением тех, кто под предлогом отпущений замышляет нанести урон святой благодати и истине.

75. Надеяться, что папские отпущения таковы, что могут простить грех человеку, даже если он — предполагая невозможное — обесчестит Матерь Божию, — значит лишиться разума.

76. Мы говорим против этого, что папские отпущения не могут устранить ни малейшего простительного греха, что касается вины.

77. Утверждать, что св. Петр, если бы был папой, не мог бы даровать больше благодеяний — есть хула на св. Петра и папу.

78. Мы говорим против этого, что этот и вообще всякий папа дарует больше благодеяний, а именно: Евангелие, силы чудодейственные, дары исцелений и прочее — как сказано в Первом послании к Коринфянам, 12-я глава.

79. Утверждать, что пышно водруженный крест с папским гербом равномочен кресту Христову, значит богохульствовать.

80. Епископы, священники и богословы, дозволяющие вести такие речи перед народом, ответят за это.

81. Это дерзкое проповедование отпущений приводит к тому, что почтение к папе даже ученым людям нелегко защищать от клевет и, более того, коварных вопросов мирян.

82. Например: почему папа не освободит Чистилище ради пресвятой любви к ближнему и крайне бедственного положения душ, то есть по причине наиглавнейшей, если он в то же время неисчислимое количество душ спасает ради презренных денег на постройку храма — то есть по причине наиничтожнейшей?

83. Или: почему панихиды и ежегодные поминовения умерших продолжают совершаться и почему папа не возвращает или не позволяет изъять пожертвованные на них средства, в то время как грешно молиться за уже искупленных из Чистилища?

84. Или: в чем состоит эта новая благодать Бога и папы, что за деньги безбожнику и врагу Божию они позволяют приобрести душу благочестивую и Богу любезную, однако за страдание такую же благочестивую и любимую душу они не спасают бескорыстно, из милосердия?

85. Или: почему церковные правила покаяния, на самом деле уже давно от неупотребления себя отменившие и мертвые, до сих пор еще оплачиваются деньгами за предоставленные индульгенции, словно они еще в силе и живы?

86. Или: почему папа, который ныне богаче, чем богатейший Крез, возводит этот единственный храм св. Петра охотнее не на свои деньги, но на деньги нищих верующих?

87. Или: что папа прощает или отпускает тем, кто посредством истинного покаяния имеет право на полное прощение и отпущение?

88. Или: что могло добавить Церкви больше блага, если папа то, что он делает теперь единожды, совершал сто раз в день, наделяя всякого верующего этим прощением и отпущением?

89. Если папа стремится спасти души скорее отпущениями, нежели деньгами, почему он отменяет дарованные прежде буллы и отпущения, меж тем как они одинаково действенны?

90. Подавлять только силой эти весьма лукавые доводы мирян, а не разрешать на разумном основании — значит выставлять Церковь и папу на осмеяние врагам и делать несчастными христиан.

91. Итак, если индульгенции проповедуются в духе и по мысли папы, все эти доводы легко уничтожаются, более того — просто не существуют.

92. Посему да рассеются все пророки, проповедующие народу Христову: «Мир, мир!», — а мира нет.

93. Благо несут все пророки, проповедующие народу Христову: «Крест, крест!», — а креста нет.

94. Надлежит призывать христиан, чтобы они с радостью стремились следовать за своим главой Христом через наказания, смерть и ад.

95. И более уповали многими скорбями войти на небо, нежели безмятежным спокойствием.

ДЖОН МИЛЬТОН
(1608–1674)

АРЕОПАГИТИКА[1]
(Речь к английскому парламенту о свободе печати)

Высокий парламент! Те, кто обращают свою речь к сословиям и правителям государства или, не имея такой возможности, как частные люди письменно высказываются о том, что, по их мнению, может содействовать общему благу, приступая к столь важному делу, испытывают, мне думается, в глубине души своей немало колебаний и волнений, одни — сомневаясь в успехе, другие — боясь осуждения; одни — надеясь, другие — веря в то, что они хотят сказать. И мною, быть может, в другое время могло бы овладеть каждое из этих настроений, смотря по предмету, которого я касался; да и теперь, вероятно, с первых же слов моих обнаружилось бы, какое настроение владеет мною всего сильнее, если бы самая попытка этой речи, начатой при таких условиях, и мысль о тех, к кому она обращена, не возбудили сил души моей для чувства, которое гораздо более желанно, чем обычно в предисловии.

Хотя я и поведал об этом, не дожидаясь ничьих вопросов, но я не заслужу упрека, ибо это чувство есть не что иное, как восторженный привет всем желающим споспешествовать свободе своей родины — свободе, которой верным свидетельством, если не трофеем, явится вся эта речь.

Без сомнения, свобода, на которую мы можем надеяться, состоит не в том, чтобы в государстве не было никаких обид — в нашем мире ждать этого нельзя, — но когда жалобы с готовностью выслушиваются, тщательно разбираются и быстро удовлетворяются, тогда достигнут высший предел гражданской свободы, какого только могут желать рассудительные люди. Если же я в настоящее время самой речью своей свидетельствую о том, что мы уже в значительной степени приблизились к такому

---

[1] «Ареопагитика (Речь к английскому парламенту о свободе печати)» была написана и опубликована в 1644 г. и направлена против закона о цензуре и системы предварительной цензуры. Мильтон стал фактически родоначальником либертарианской (мильтоновской) концепции прессы.

Печатается в отрывках по: *Мильтон Дж.* Ареопагитика (Речь к английскому парламенту о свободе печати) / Пер. с англ.; Под ред. А. Когана. СПб., 1907.

положению, если мы избавились от бедствий тирании и суеверия, заложенного в наших принципах, превзойдя мужеством эпоху римского возрождения, то приписать это следует прежде всего, как и подобает, могучей помощи Господа, нашего избавителя, а затем — вашему верному руководительству и вашей неустрашимой мудрости, лорды и общины Англии! Хвалебные речи в честь хороших людей и доблестных правителей не служат пред лицом Господа умалением Его славы; но если бы я только теперь стал хвалить вас, после такого блестящего успеха ваших славных деяний и после того, как государство так долго было обязано вашей неустанной доблести, то меня по справедливости следовало бы причислить к тем, кто слишком поздно и нерадиво воздает вам хвалу.

Существуют, однако, три главных условия, без которых всякую похвалу следует считать только вежливостью и лестью: во-первых, если хвалят только то, что действительно достойно похвалы; во-вторых, если приводятся самые правдоподобные доказательства, что тем, кого хвалят, действительно присущи приписываемые им качества; наконец, если тот, кто хвалит, может доказать, что он не льстит, а действительно убежден в своих словах. Два первых условия я уже выполнил ранее, противодействуя человеку, который своей пошлой и зловредной похвалой пытался уменьшить ваши заслуги; последнее же, касающееся моего личного оправдания в том, что я не льстил тем, кого превозносил, осталось как раз для настоящего случая. Ибо тот, кто открыто возвеличивает деяния, совершенные столь славно, и не боится так же открыто заявлять, что можно совершить еще лучшие дела, дает вам лучшее доказательство своей правдивости и искреннейшей готовности с надеждой положиться на вашу деятельность. Его высшая похвала — не лесть, и его чистосердечнейшее мнение — своего рода похвала; вот почему хотя я и стану утверждать и доказывать, что для истины, науки и государства было бы лучше, если бы один изданный вами закон, который я назову, был отменен, однако это только еще более будет способствовать блеску вашего мягкого и справедливого управления, так как благодаря этому частные люди проникнутся уверенностью, что вам гораздо приятнее открыто выраженное мнение, чем, бывало, другим государственным людям открытая лесть. И люди поймут тогда, какова разница между великодушием трехлетнего парламента и ревнивым высокомерием прелатов и государственных сановников, недавних узурпаторов власти, так как убедятся, что вы, среди ваших побед и успехов, гораздо милостивее принимаете возражения против вотированного вами закона, чем другие правительства, оставившие по себе лишь память постыдного тщеславия роскоши, терпели малейшее выражение недовольства каким-нибудь поспешным их указом.

Если я, лорды и общины, до такой степени полагаюсь на вашу доброту, гражданское величие и благородство, что решаюсь прямо проти-

воречить изданному вами закону, то от упреков в неопытности или дерзости я легко могу защитить себя, раз все поймут, насколько, по моему мнению, вам более подходит подражать старой элегантной гуманности Греции, чем варварской гордости гуннского и норвежского тщеславия. Именно из тех времен, тонкой мудрости и знаниям которых мы обязаны тем, что мы уже не готы и не ютландцы, я могу указать человека, обратившегося из своего частного жилища с письменным посланием к афинскому ареопагу с целью убедить его изменить существовавшую тогда демократическую форму правления. В те дни людям, занимавшимся наукой мудрости и красноречия, оказывалась не только в их собственной стране, но и в других землях такая честь, что города и села слушали их охотно и с большим уважением, если они публично обращались с каким-либо увещанием к государству. Так, Дион из Прусы — иностранный оратор и частный человек — давал совет родосцам по поводу одного ранее изданного ими закона; я мог бы привести множество и других примеров, но в этом нет надобности. Однако если их жизнь, посвященная всецело научным занятиям, а также их естественные дарования — которые, к счастью, далеко не из худших при 52° с.ш. — препятствуют мне считать себя равным кому-либо из обладателей подобных преимуществ, то я хотел бы все же, чтобы меня считали не настолько ниже их, насколько вы превосходите большинство тех, кто выслушивал их советы. Величайшее же доказательство вашего действительного превосходства над ними, лорды и общины, верьте, будет налицо, если ваше благоразумие услышит и последует голосу разума — откуда бы он ни исходил, — и вы под влиянием его отмените изданный вами закон столь же охотно, как любой из законов, изданных вашими предшественниками.

Если вы решите таким образом — а сомневаться в этом было бы оскорблением для вас, — то я не вижу причин, которые бы воспрепятствовали мне прямо указать вам подходящий случай для проявления как свойственной вам в высокой степени любви к истине, так и прямоты вашего суждения, беспристрастного и к вам самим; для этого вам нужно только пересмотреть изданный вами закон о печати, согласно которому «ни одна книга, памфлет или газета отныне не могут быть напечатаны иначе, как после предварительного просмотра и одобрения лиц или, по крайней мере, одного из лиц, для того назначенных». Той части закона, которая справедливо сохраняет за каждым право на его рукопись, а также заботится о бедных, я не касаюсь; желаю только, чтобы эта часть не послужила предлогом к обиде и преследованию честных и трудолюбивых людей, не нарушивших ни одной из этих статей. Что же касается статей о книжной цензуре, которую мы считали умершей вместе с прелатами и ее братьями, великопостным и брачным разрешениями, то по поводу этой части закона я постараюсь вам показать, при помощи своих рассуждений, следующее: во-первых, что изобретателями этого закона

были люди, которых вы бы неохотно приняли в свою среду; во-вторых, как вообще следует относиться к чтению, каковы бы ни были книги; и, в-третьих, что этот закон ничуть не поможет уничтожению соблазнительных, революционных и клеветнических книг, для чего он главным образом и был издан. Наконец, этот закон прежде всего отнимет энергию у всех ученых и послужит тормозом истины, не только потому, что лишит упражнения и притупит наши способности по отношению к имеющимся уже знаниям, но и потому, что он задержит и урежет возможность дальнейших открытий, как в духовной, так и в светской областях.

Я не отрицаю того, что для церкви и государства в высшей степени важно бдительным оком следить за поведением книг, так же как и за поведением людей, и в случае надобности задерживать их, заключать в темницу и подвергать строжайшему суду как преступников; ибо книги — не мертвые совершенно вещи, а существа, содержащие в себе семена жизни, столь же деятельные, как та душа, порождением которой они являются; мало того, они сохраняют в себе, как в фиале, чистейшую энергию и экстракт того живого разума, который их произвел. Я знаю, что они столь же живучи и плодовиты, как баснословные зубы дракона, и что, будучи рассеяны повсюду, они могут воспрянуть в виде вооруженных людей. Тем не менее если не соблюдать здесь осторожности, то убить хорошую книгу значит почти то же самое, что убить человека: кто убивает человека, убивает разумное существо, подобие Божие; тот же, кто уничтожает хорошую книгу, убивает самый разум, убивает образ Божий как бы в зародыше. Многие люди своей жизнью только обременяют землю; хорошая же книга — драгоценный жизненный сок творческого духа, набальзамированный и сохраненный как сокровище для грядущих поколений. Поистине никакое время не может восстановить жизни — да в этом, быть может, и нет большой потери — и длинный ряд веков часто не в состоянии пополнить потери отвергнутой истины, утрата которой приносит ущерб целым народам. Поэтому мы должны быть осторожны, преследуя живые труды общественных деятелей, уничтожая созревшую жизнь человека, накопленную и сбереженную в книгах; в противном случае мы можем совершить своего рода убийство, иногда подвергнуть мученичеству; если же дело идет о всей печати, — то своего рода поголовному избиению, которое не ограничивается просто умерщвлением жизни, но поражает самую квинтэссенцию, самое дыхание разума, поражает бессмертие раньше жизни. Однако чтобы меня не обвинили в том, что я, нападая на цензуру, оправдываю излишнюю вольность, то я не отказываюсь сослаться на историю, поскольку это будет нужно для выяснения мер, принимавшихся в славных древних государствах против литературных непорядков до того времени, пока проект о цензуре не выполз из инквизиции, не был подхвачен нашими прелатами и не захватил некоторых из наших пресвитеров.

В Афинах, всегда изобиловавших книгами и талантами более, чем остальная Греция, я нахожу только два рода сочинений, за которыми власти считали нужным иметь наблюдение: это — во-первых, сочинения богохульные и безбожные, а во-вторых, клеветнические. Так, по постановлению ареопага, были сожжены книги Протагора и сам он изгнан из пределов государства за сочинение, которое начиналось с заявления, что он не знает, «существуют боги или нет». В предупреждение же клеветы было запрещено прямо называть кого-либо по имени, как это обыкновенно делалось в старой комедии, откуда и можно догадываться, как афиняне относились к клеветническим сочинениям. По свидетельству Цицерона, этого, как показали результаты, было вполне достаточно, чтобы укротить безумные головы атеистов и положить конец открытым оскорблениям. За другими сектами и мнениями, хотя они и вели к чувственным излишествам и отрицанию Божественного Промысла, греки совершенно не следили. Поэтому мы нигде не читаем, чтобы эпикурейцы, или распущенная школа киренцев, или бесстыдство циников когда-либо преследовались законом. Равным образом нигде не упоминается, чтобы не разрешалось чтение комедий старых авторов, хотя представления их и были запрещены. Хорошо также известно, что Платон рекомендовал чтение Аристофана, самого несдержанного из них, своему царственному ученику Дионисию, — и это тем более извинительно, что св. Златоуст, как говорят, весьма внимательно изучал по ночам этого автора и обладал искусством очищать его грубое вдохновение в пламенном стиле своей проповеди.

Что касается другого главного государства Греции — Лакедемона, то замечательно, как глубоко Ликург, его законодатель, был предан изящной литературе: он первый вывез из Ионии рассеянные по разным местам сочинения Гомера и послал критского поэта Талета своими сладкозвучными песнями и одами подготовить спартанцев и смягчить их грубость, дабы лучше насадить между ними закон и гражданственность. Изумительно поэтому, как мало спартанцы любили муз и книги, думая только о войне. Они совсем не нуждались в цензуре книг, так как не ценили ничего, кроме своих собственных лаконических изречений, и малейшего повода было достаточно, чтобы они изгнали из своего государства Архилоха, — быть может, за то, что его стихотворения были написаны в гораздо более возвышенном тоне, чем их собственные солдатские баллады и круговые песни; если же они поступили так вследствие непристойности его стихотворений, — то ведь в этом отношении сами они не отличались особенной осторожностью; напротив, они были крайне распущены в своих взаимных отношениях, почему Еврипид и утверждает в «Андромахе», что ни одна из их женщин не была целомудренной.

Из сказанного в достаточной степени ясно, какой род книг был запрещен у греков. Римляне, которые также в течение многих веков воспи-

тывались исключительно для суровой военной жизни, во многом походя в данном отношении на лакедемонян, мало что знали из наук, кроме того, чему их учили в области религии и права двенадцать таблиц и коллегия жрецов, вместе с авгурами и фламинами. Они были до того несведущи в других науках, что когда Карнеад и Критолай со стоиком Диогеном, явившись в Рим в качестве послов, воспользовались случаем и попробовали познакомить римлян со своей философией, то были заподозрены в желании развратить народ даже таким человеком, как Катон-цензор, который убеждал сенат отпустить их немедленно обратно и на будущее время изгонять из Италии всех подобных им аттических болтунов. Однако Сципион и другие благороднейшие сенаторы воспротивились его древней сабинской нетерпимости и отдали им должную дань почета и изумления; да и сам цензор под старость отдался изучению того, что ранее возбуждало в нем подозрение. В это же время Невий и Плавт, первые латинские комические поэты, наполнили город сценами, заимствованными у Менандра и Филимона. Тогда возникла мысль о том, какие следует принимать меры против клеветнических книг и их авторов; так, Невий за свое необузданное перо скоро был заключен в темницу, откуда освобожден трибунами лишь после отречения от своих слов; мы читаем также, что при Августе пасквили сжигались, а их авторы подвергались наказанию.

Такая же строгость применялась, без сомнения, в тех случаях, когда сочинения заключали в себе что-либо нечестивое по отношению к богам, чтимым городом. Исключая этих двух случаев, власти совершенно не заботились о том, что творилось в мире книг. Вот почему Лукреций безнаказанно проповедовал свой эпикуреизм в стихах к Меммию и даже удостоился чести быть вторично изданным Цицероном, этим великим отцом отечества, хотя последний и оспаривал его взгляды в своих собственных сочинениях. Равным образом не встречали никакого препятствия ни сатирическая едкость, ни грубая откровенность Луцилия, Катулла или Флакка. А что касается политических взглядов, то история Тита Ливия, хотя в ней и превозносилась партия Помпея, не была запрещена Октавием-цезарем, принадлежавшим к другой партии. Если же он изгнал старика Назона за легкомысленные поэмы его юности, то здесь была какая-то тайная причина, лишь прикрытая государственными соображениями; во всяком случае его сочинения не были ни изъяты из обращения, ни запрещены. В дальнейшем мы встречаемся в Римской империи почти исключительно с тиранией; не следует поэтому изумляться, если подвергались запрещению не столько дурные, сколько хорошие книги. Мне думается, однако, что я уже достаточно останавливался на том, сочинение каких книг считалось у древних наказуемым; во всем же остальном была полная свобода слова.

Около этого времени императоры стали христианами, но я не нахожу, чтобы они поступали в данном отношении строже, чем было ранее.

Книги тех, которых считали великими еретиками, рассматривались, опровергались и осуждались Вселенскими соборами и лишь тогда, по повелению императора, запрещались или сжигались. Что же касается сочинений языческих авторов, то, если они не были направлены явно против христианства — как, например, сочинения Порфирия и Прокла, — против них нельзя указать ни одного запрещения, вплоть до 400 г., когда на Карфагенском соборе было запрещено самим епископам читать книги язычников, еретические же сочинения читать было дозволено, между тем как ранее, наоборот, более подозрительными казались книги еретиков, а не язычников. А что первые соборы и епископы до 800 г. ограничивались только указанием книг, которых они не рекомендовали, не идя далее и предоставляя совести каждого читать их или нет, об этом свидетельствует уже падре Паоло, великий обличитель Тридентского собора. После этого времени римские папы, захватив в свои руки сколько хотели политической власти, стали простирать свое владычество не только на человеческие суждения, как это было раньше, но и на человеческое зрение, сжигая и запрещая неугодные им книги. Однако первоначально они были умеренны в цензуре, и число запрещенных книг было не велико, пока Мартин V своей буллой не только запретил чтение еретических книг, но и первый стал подвергать за это отлучению от церкви; а так как Уиклиф и Гусе именно около того времени становились опасными для пап, то они первые и побудили папский двор к более строгой политике запрещений. По тому же пути шли Лев X и его преемники до той поры, когда Тридентский собор и испанская инквизиция, родившиеся вместе, создали или усовершенствовали каталоги и индексы запрещенных книг, роясь в мыслях добрых старых авторов и совершая тем над их могилами самое худшее поругание, какое только можно было совершить.

При этом они не остановились на одних только еретических книгах, а стали запрещать или тащить в новое чистилище индекса все, что им было не по вкусу. В довершение же насилия они издали предписание, чтобы ни одна книга, памфлет или газета — как будто св. Петр доверил им не только ключи от рая, но и от печати — не могли быть напечатаны без одобрения и разрешения двух или трех обжор-монахов. <...>

Таким образом, изобретатели цензуры и оригиналы цензурных разрешений налицо, и вы можете по прямой линии проследить их родословную. Как видно, установлением цензуры мы обязаны не какому-либо древнему государству, правительству или церкви, не какому-либо закону, изданному некогда нашими предками, и не новейшей практике какого-либо из реформированных государств или церквей, а самому антихристианскому из соборов и самому тираническому из судилищ — судилищу инквизиции. До этого времени книги так же свободно вступали в мир, как и все, что рождалось; порождения духа появлялись не с большими затруднениями, чем порождения плоти, и ревнивая Юнона,

скрестив ноги, не следила завистливо за появлением на свет духовных детей человека; если же при этом рождалось чудовище, то кто станет отрицать, что его по справедливости предавали огню или бросали в море? Но чтобы книга, находясь в худшем положении, чем грешная душа, должна была являться перед судилищем до своего рождения в мир и подвергаться во тьме, прежде своего появления на свет, приговору Радаманта со товарищи, — об этом никогда не было слыхано ранее, пока чудище несправедливости, вызванное наступлением реформации и смущенное ее успехами, не стало изыскивать новых преддверий ада и адских бездн, куда бы можно было вместе с осужденными заключать и наши книги. Это и был тот лакомый кусок, который столь услужливо подхватили и которым столь дурно воспользовались наши инквизиторствующие епископы и их приспешники, капелланы из францисканцев. Что же касается вас самих, то всякий, знающий чистоту ваших действий и ваше уважение к истине, не усомнится в вашем нерасположении к этим, хорошо известным вам авторам цензурного закона и в отсутствии с вашей стороны всякого злого намерения при издании его. <...>

Не буду долго останавливаться на примерах Моисея, Даниила и Павла, хорошо знавших науки египтян, халдеев и греков, что едва ли было бы возможно без чтения книг этих народов; апостол Павел не счел осквернением для Священного Писания включить в него изречения трех греческих поэтов, в том числе одного трагика. И хотя между первыми церковными учителями данный вопрос вызывал иногда споры, но большинство из них признавали законность и пользу чтения книг; это с очевидностью обнаружилось, когда Юлиан Отступник, самый тонкий противник нашей веры, издал декрет, запрещавший христианам изучение языческих наук, — ибо, говорил он, они поражают нас нашим собственным оружием и побеждают при помощи наших наук и искусств. Так как этой хитрой мерой христиане были поставлены в безвыходное положение и им грозила опасность впасть в полное невежество, то оба Аполлинария взялись, так сказать, вычеканить все семь свободных наук из Библии, придавая последней различные формы речей, поэм и диалогов и даже помышляя о новой христианской грамматике.

Однако, говорит историк Сократ, Промысел Божий позаботился об этом лучше, нежели Аполлинарий и его сын, уничтожив упомянутый варварский закон вместе с жизнью того, кто его издал. Изъятие греческой науки казалось тогда великим ущербом; все думали, что это гонение гораздо более подрывает и тайно разрушает церковь, чем открытая жестокость Деция или Деоклетиана. И быть может, дьявол потому именно и высек однажды св. Иеронима во сне, во время Великого поста, за чтение Цицерона, если только тут не было просто лихорадочного бреда. Ибо если бы злой дух вздумал поучать его за слишком большое рвение к Цицерону и наказывать не за его суетность, а за самое чтение, то он посту-

пил бы явно пристрастно; во-первых, наказывая его за чтение здравомыслящего Цицерона, а нелегкомысленного Плавта, которого св. Иероним, по его собственному сознанию, читал незадолго перед тем, а во-вторых, подвергая наказанию только его одного, тогда как столь много святых отцов ранее дожили до старости, посвящая свой досуг таким приятным и изящным занятиям и совершенно не нуждаясь в биче подобных поучительных видений. Василий Великий даже указывает, как много пользы можно извлечь из чтения *Маргита,* не существующей в настоящее время шутливой поэмы Гомера. Почему бы тогда не мог послужить для той же цели и итальянский роман о Моргайте!

Но если допустить, что мы можем доверяться видениям, то вот видение, упоминаемое Евсевием и случившееся, при совершенно нормальных обстоятельствах, значительно раньше того, о котором св. Иероним рассказал монахине Евстохии. Дионисий Александрийский около 240 г. пользовался большим почетом в церкви за свое благочестие и ученость и как человек очень полезный в борьбе с еретиками, вследствие знакомства с их книгами. Но один пресвитер заронил в его совесть сомнение, указав ему, что Он слишком смело вращается среди таких оскверняющих сочинений. Достойный муж, не желая вызывать соблазна, стал раздумывать о том, как ему поступать. В это время внезапное видение, ниспосланное от Бога (в чем удостоверяет его собственное послание), подкрепило его следующими словами:

«Читай всякие книги, какие только попадут в твои руки, ибо ты можешь сам все правильно обсудить и исследовать». По его собственному свидетельству, он тем охотнее согласился с этим откровением, что оно совпадало со словами апостола к фессалоникийцам: «Испытуйте все, но запоминайте только доброе».

Он мог бы присоединить сюда другое замечательное изречение того же автора: «Для чистого — все чисто», не только пища и питье, но и всякого рода знания, хорошие или дурные: знание не может развращать, а следовательно — и книги, если воля и совесть не развращены. Ибо книги, как и пища, одни бывают хорошего, другие — плохого качества; поэтому Господь, уже не в апокрифическом видении, сказал без всякого ограничения: «Встань, Петр, заколи и ешь», предоставляя выбор разумению каждого. Здоровая пища для больного желудка мало чем отличается от нездоровой; равным образом, и самые лучшие книги для развращенного ума могут послужить поводом ко злу. Дурная пища едва ли может составить хорошее питание для самого здорового желудка; напротив того, дурные книги — и в этом их отличие — могут послужить для осторожного, рассудительного читателя во многих отношениях поводом к открытиям, опровержениям, предостережениям и объяснениям. <...>

Я думаю поэтому, что если Бог предоставил человеку свободу в выборе пищи для своего тела, установив лишь правила умеренности, то Он

предоставил ему и полную свободу в заботе о своей умственной пище; вследствие этого каждый взрослый человек может сам заботиться об упражнении своей главной способности. Какая великая добродетель умеренность, какую великую роль играет она в жизни человека! И тем не менее Бог с величайшим доверием предоставляет пользование этим благом каждому взрослому человеку, без какого-либо особого закона или повеления. Вот почему, посылая евреям пищу с неба, Он давал на каждого ежедневно такое количество манны, которого было более чем достаточно для трех хороших едоков. Ибо по отношению к тому, что входит в человека, а не исходит из него и потому не оскверняет, Бог не считает нужным держать его в положении постоянного детства, под постоянным наблюдением, а предоставляет ему, пользуясь даром разума, быть своим собственным судьей; и не много осталось бы на долю проповедников, если бы закон и принуждение должны были так властно касаться того, что до сих пор достигалось простым увещанием. Соломон наставляет нас, что излишнее чтение изнуряет тело; но ни он, ни кто-либо из других боговдохновенных авторов не говорит нам, чтобы какое-либо чтение было недозволительно; и наверное, Бог, если бы только счел за благо наложить на нас в данном случае ограничение, указал бы нам не на то, что изнурительно, а на то, что не дозволено.

Что касается того, что обращенные св. Павлом сожгли ефесские книги, то, судя по сирийскому объяснению, эти книги служили для волшебства. Сожжение их было поэтому частным и добровольным делом и может служить лишь для добровольного подражания: движимые раскаянием, люди сожгли свои собственные книги, власть же была тут ни при чем; одни так поступили с этими книгами, другие, быть может, прочли бы их с известною пользой. Добро и зло, как мы знаем, растут в этом мире вместе и почти неразлучно; познание добра тесно связано и переплетено с познанием зла, и, вследствие обманчивого сходства, различить их друг от друга бывает так же трудно, как те смешанные семена, которые должна была, в непрерывном труде, разбирать и разделять по сортам Психея. От вкушения одного яблока познание добра и зла, как двух связанных между собою близнецов, проникло в мир; и, быть может, осуждение Адама за познание добра и зла в том и состоит, чтобы познавать добро через зло. <...>

Таким образом, если познание и зрелище порока в этом мире столь необходимы для человеческой добродетели, а раскрытие заблуждений — для утверждения истины, то каким другим способом можно вернее и безопаснее проникнуть в область греха и лжи, как не при помощи чтения всякого рода трактатов и выслушивания всевозможных доводов? В этом и состоит польза чтения разнообразных книг. Обыкновенно указывают, однако, на проистекающий отсюда троякого рода вред. Во-первых, боятся распространения заразы. Но в таком случае следует устра-

нить из мира всю человеческую науку и споры по религиозным вопросам, более того — самую Библию, так как она часто рассказывает о богохульстве недостаточно пристойно, описывает плотские похоти нечестивых людей не без привлекательности, повествует, как самые благочестивые люди страстно ропщут на Провидение, прибегая к доводам Эпикура; по поводу же других большой важности спорных мест дает для обыкновенного читателя сомнительные и темные ответы; спросите также талмудиста, чем страдает пристойность, почему Моисей и все пророки не могут убедить его изречь написанное в тексте «Хетив» и чем это повредило бы пристойности его «Кери», стоящего на полях. Именно эти причины, как мы все знаем, и побудили папистов поставить Библию на первое место среди запрещенных книг. Но в таком случае нужно уничтожить все сочинения древних отцов церкви, как, например, сочинения Климента Александрийского или книгу Евсевия о приготовлении к Евангелию, которая при помощи целого ряда языческих непристойностей подготавливает наш слух к восприятию Евангелия. Кому неизвестно также, что Иреней, Епифаний, Иероним и другие не столько категорически опровергают ереси, сколько делают их известными, часто принимая при этом за ересь истинное мнение!

Нельзя также по поводу этих и вообще всех наиболее зловредных — если только их следует считать таковыми — языческих писателей, с которыми связана жизнь человеческого знания, успокаивать себя тем, что они писали на неизвестном языке, раз, как мы знаем, язык этот хорошо известен худшим из людей, в высшей степени искусно и усердно прививавшим высосанный ими яд при дворах государей, знакомя последних с утонченнейшими наслаждениями и возбуждениями чувственности. Так, быть может, поступал Петроний, которого Перон называл своим «арбитром», начальником своих пиршеств, а равным образом известный развратник из Ареццо, столь грозный и вместе с тем столь приятный для итальянских царедворцев. Ради потомства я уже не называю имени человека, которого Генрих VIII в веселую минуту величал своим адским викарием. Таким сокращенным путем зараза от иностранных книг проникнет к народу гораздо скорее и легче, чем можно совершить путешествие в Индию — поедем ли мы туда с севера Китая на восток или из Канады на запад, — хотя бы наша испанская цензура давила английскую печать всеми силами.

С другой стороны, зараза от книг, посвященных религиозным спорам, более рискованна и опасна для людей ученых, чем невежественных, — и тем не менее, эти книги должно выпускать не тронутыми рукой цензора. Трудно привести пример, когда бы невежественный человек был совращен хоть одной папистской книгой на английском языке, без восхваления ее и разъяснения со стороны кого-либо из духовных лиц католической церкви; и действительно, все такие сочинения, истинны

они или ложны, «непонятны без руководителя», как были не понятны пророчества Исайи для евнуха. А сколько наших священников были совращены, благодаря изучению толкований иезуитов и сорбонистов, и как быстро они должны были совратить народ, это мы знаем из своего собственного недавнего и печального опыта. Сказанного не следует забывать, так как остроумный и ясно мыслящий Арминий был совращен исключительно чтением одного написанного в Дельфте анонимного рассуждения, взятого им в руки сначала для опровержения. Таким образом, принимая во внимание, что эти книги и весьма многие из тех, которые всего более способны заразить жизнь и науку, нельзя запрещать без вреда для знания и основательности диспутов; что подобные книги всего более и всего скорее уловляют людей ученых, через которых всякая ересь и безнравственность могут быстро проникнуть и в народ; что дурное можно узнать тысячью других способов, с которыми нельзя бороться, и что дурные учения не могут распространяться посредством книг без помощи учителей, имеющих возможность делать это и помимо книг, а следовательно беспрепятственно, — я совершенно не в состоянии понять, каким образом такое лукавое установление, как цензура, может быть исключено из числа пустых и бесплодных предприятий. Человек веселый не удержится, чтобы не сравнить ее с подвигом того доблестного мужа, который хотел поймать ворон, закрыв ворота своего парка. Кроме того, существует другое затруднение: раз ученые люди первые почерпают из книг и распространяют порок и заблуждения, то каким образом можно полагаться на самих цензоров, если только не приписывать им или если они сами не присваивают себе качеств непогрешимости и несовратимости, сравнительно с другими людьми в государстве? Вместе с тем если верно, что мудрый человек, подобно хорошему металлургу, может извлечь золото из самой дрянной книги как из шлаков, глупец же останется глупцом с самой лучшей книгой, как и без нее, то нет никакого основания лишать мудрого человека выгод его мудрости, стараясь отстранить от глупца то, что все равно не убавит его глупости. Ибо если стараться со всей точностью удалять от него всякое вредное чтение, то мы не будем в состоянии извлечь для него добрых правил не только из суждений Аристотеля, но и Соломона и нашего Спасителя, а следовательно, должны будем неохотно допускать его до хороших книг, так как известно, что умный человек сделает из пустого памфлета лучшее употребление, чем глупец — из Священного Писания.

Далее, могут указать, что мы не должны подвергать себя искушениям без нужды, а также не тратить своего времени по-пустому. Опираясь на сказанное выше, на оба эти возражения можно дать тот ответ, что подобного рода книги служат для всех людей не искушением и пустой тратой времени, а являются полезным лекарственным материалом, из которого можно извлечь и приготовить сильнодействующие средства,

необходимые для жизни человека. Что же касается детей и людей с детским разумом, не обладающих искусством определять и пользоваться этими полезными минералами, то им можно советовать не трогать их; но насильно удерживать их от этого нельзя никакими цензурными запрещениями, сколько бы их ни изобретала святая инквизиция. Своей ближайшей задачей я именно и поставил себе доказать, что цензурный порядок совершенно не ведет к той цели, ради которой он был установлен, — что, впрочем, ясно уже и из предшествующих столь обильных разъяснений. Такова прямота истины, что она раскрывается скорее, действуя свободно и без принуждения, чем при помощи методических рассуждений. <...>

Многие сетуют на Божественное Провидение за то, что оно попустило Адама согрешить. Безумные уста! Если Бог дал ему разум, то Он дал ему и свободу выбора, ибо разум есть способность выбора; иначе он был бы просто автоматом, наподобие Адама в кукольных комедиях. Мы сами не уважаем такой покорности, такой любви или щедрости, которые совершаются по принуждению; поэтому Бог и оставил ему свободу, поместив предмет соблазна почти перед глазами; в этом и состояла его заслуга, его право на награду, на похвалу за воздержание. Ради чего Бог создал внутри нас страсти и удовольствия вокруг нас, как не для того, чтобы они, подчинившись правильной умеренности, стали настоящими составными частями добродетели? Плохим наблюдателем человеческих дел является тот, кто думает удалить грех, удалив предмет греха; ибо, не говоря уже о том, что грех — огромная масса, растущая во время самого процесса своего уничтожения, если даже допустить, что часть его на время может быть удалена от некоторых людей, то все же не от всех, когда дело идет о такой универсальной вещи, как книги; если же это и будет сделано, то сам грех тем не менее останется невредимым. Отнимите у скупца все его сокровища и оставьте ему один драгоценный камень, вы все же не избавите его от алчности. Уничтожьте все предметы наслаждения, заприте юношей при строжайшей дисциплине в какой-нибудь монастырь, вы все же не сделаете чистым того, кто не пришел туда таким: столь велики должны быть осторожность и мудрость, необходимые для правильного решения этого вопроса.

Но предположим, что мы изгоним таким способом грех; тогда, изгоняя его, мы изгоним и добродетель, ибо предмет у них один и тот же: с уничтожением последнего уничтожаются и они оба. Это доказывает высокий промысел Господа, который, хотя и повелевает нам умеренность, справедливость и воздержанность, тем не менее ставит перед нами в избытке предметы для наших желаний и дает нам склонности, могущие выйти из границ всякого удовлетворения. Зачем же нам в таком случае стремиться к строгости, противной порядку, установленному Богом и природой, сокращая и ограничивая те средства, которые, при свобод-

ном допущении книг, послужат не только к испытанию добродетели, но и к торжеству истины?

Закон, стремящийся наложить ограничение на то, что, не поддаваясь точному учету, тем не менее может способствовать как добру, так и злу, было бы справедливее признать дурным законом. И если бы мне предстояло сделать выбор, то я предпочел бы самое незначительное доброе дело во много раз большему насильственному стеснению зла. Ибо Бог, без сомнения, гораздо более ценит преуспеяние и совершенствование одного добродетельного человека, чем обуздание десяти порочных. И если все то, что мы слышим или видим, сидя, гуляя, путешествуя или разговаривая, может быть по справедливости названо нашими книгами и оказывает такое же действие, как и книги, то, очевидно, запрещая лишь одни книги, закон не достигает цели, поставленной им себе. Разве мы не видим, как печатается — и притом не раз или два, а каждую неделю, о чем свидетельствуют влажные листы бумаги, — и распространяется между нами, несмотря на существование цензуры, непрерывный придворный пасквиль на парламент и наш город? А между тем именно здесь закон о цензуре и должен был бы, по-видимому, оправдать себя. Если бы он тут применялся, скажете вы. Но поистине, если применение закона оказывается невозможным или неверным теперь, в этом частном случае, то почему оно будет успешнее потом, по отношению к другим книгам?

Таким образом, если закон о цензуре не должен быть ничтожным и бесплодным, вам предстоит новый труд, лорды и общины, — вы должны запретить и уничтожить все безнравственные и не цензурованные книги, которые уже были напечатаны и опубликованы; вы должны составить их список, чтобы каждый мог знать, какие из них дозволены и какие нет, а также должны отдать приказ, чтобы ни одна иностранная книга не могла поступать в обращение, не пройдя через цензуру. Такое занятие возьмет все время у немалого числа надсмотрщиков и притом людей необычных. Существуют также книги, которые отчасти полезны и хороши, отчасти вредны и пагубны; опять потребуется немалое число чиновников для очищения книг и исключения из них вредных мест, чтобы не пострадало царство знания. Наконец, если число подобных книг будет все увеличиваться, то вы должны будете составить список всех тех типографов, которые часто нарушают закон, и запретить ввоз книг, не читаемых подозрительными типографиями. Словом, чтобы закон о цензуре был точен и без недостатков, вы должны его совершенно изменить по образцу Тридента и Севильи, что, я уверен, вы погнушаетесь сделать.

Но даже и допустив, что вы дошли бы до этого — от чего сохрани вас Бог, — то все же закон о цензуре был бы бесполезен и не пригоден для цели, к которой вы его предназначаете. Если дело идет о том, чтобы предотвратить возникновение сект и ересей, то кто же настолько несведущ

в истории, чтобы не знать о многих сектах, избегавших книг как соблазна и тем не менее на много веков сохранивших свое учение в неприкосновенности, исключительно путем устного предания? Небезызвестно также, что христианская вера (ведь и она была некогда ересью!) распространилась по всей Азии прежде, чем какое-либо из Евангелий и посланий были написаны. Если же дело идет об улучшении нравов, то обратите внимание на Италию и Испанию: сделались ли эти страны сколько-нибудь лучше, честнее, мудрее, целомудреннее с тех пор, как инквизиция стала немилосердно преследовать книги? Другое соображение, делающее ясным непригодность закона о цензуре для предположенной цели, касается тех способностей, которыми должен обладать каждый цензор. Не может подлежать сомнению, что тот, кто поставлен судьей над жизнью и смертью книг, над тем, следует ли допускать их в мир или нет, обязательно должен быть человеком выше общего уровня по своему трудолюбию, учености и практической опытности; в противном случае в его суждениях о том, что допустимо к чтению, а что нет, будет немало ошибок, а потому и немалый вред. Если же он будет обладать нужными для цензора качествами, то такая работа может быть скучнее и неприятнее, где может быть больше потеряно времени, чем при беспрерывном чтении негодных книг и памфлетов, часто представляющих собой огромные тома? Ни одну книгу нельзя читать иначе как в свою пору; но быть принужденным во всякое время, в неразборчивых рукописях читать сочинения, из которых и в прекрасной печати не всегда захочешь прочесть три страницы, такое положение, по моему мнению, должно быть решительно невыносимо для человека, ценящего свое время и свой труд или просто обладающего тонким вкусом. Я прошу нынешних цензоров извинить меня за подобный образ мыслей, так как, без сомнения, они приняли на себя цензорскую должность из желания повиноваться парламенту, приказание которого, быть может, заставило их смотреть на свои обязанности как легкие и не многотрудные; но что и это короткое испытание было для них уже утомительно, — о том в достаточной степени свидетельствуют их собственные слова и извинения перед людьми, которые должны были столько дней добиваться от них разрешения. Таким образом, видя, что принявшие на себя обязанности цензоров несомненно желали бы под благовидным предлогом избавиться от них, что ни один достойный человек, никто, кроме явного расточителя своего досуга, не захочет заместить их, — если только он прямо не рассчитывает на цензорское жалованье, — то легко себе представить, какого рода цензоров мы должны ожидать впоследствии: то будут люди невежественные, властные и нерадивые или низко корыстолюбивые. Это именно я и имел в виду, говоря, что закон о цензуре не поведет к той цели, которую преследует. <...>

Если бы кто-нибудь написал и обнародовал что-либо ложное и соблазнительное для частной жизни, обманывая тем доверие и злоупотребляя уважением, которое люди питали к его уму; если бы по обвинении его было принято решение, что отныне он может писать только после предварительного просмотра специального чиновника, дабы последний удостоверил, что после цензуры его сочинение можно читать безвредно, то на это нельзя было бы смотреть иначе, как на позорящее наказание. Отсюда ясно, как унизительно подвергать всю нацию и тех, кто никогда не совершал подобных проступков, столь недоверчивому и подозрительному надзору. Должники и преступники могут разгуливать на свободе, без надзирателя, безобидные же книги не могут появиться в свет, если не видно тюремщика на их заглавном листе. Даже для простого народа это — прямое оскорбление, так как простирать свои заботы о нем до того, чтобы не сметь доверить ему какого-нибудь английского памфлета, не значит ли считать его за народ безрассудный, порочный и легкомысленный, — народ, который находится в болезненном и слабом состоянии веры и разума и может лишь плясать под дудку цензора? Мы не можем утверждать, что в этом проявляется любовь или попечение о народе, так как и в странах папизма, где мирян всего более ненавидят и презирают, по отношению к последним применяется та же строгость. Мудростью мы также не можем назвать это, так как подобная мера препятствует лишь злоупотреблению свободой, да и то плохо: испорченность, которую она старается предотвратить, через другие двери, которых запереть нельзя, проникает скорее.

В конце концов, это бесчестит и наше духовенство, так как от его трудов и знаний, пожинаемых паствой, мы могли бы ожидать большего, чем получается при цензуре: выходит, что, несмотря на просвещение светом Евангелия, которое есть и пребудет, и постоянные проповеди, его паства представляет собой такую беспринципную, неподготовленную и чисто мирскую толпу, которую дуновение каждого нового памфлета может отвратить от катехизиса и христианского пути. <...>

Ибо, если мы уверены в своей правоте и не считаем истину преступной, чего не подобает делать, раз мы сами не судим наше собственное учение как слабое и легкомысленное, а народ как толпу, бродящую во тьме невежества и неверия, то что может быть прекраснее, когда человек рассудительный и ученый, обладающий, насколько мы знаем, столь же чуткой совестью, как совесть людей, давших нам все наши познания, будет выражать свое мнение, приводить доводы и утверждать неправильность существующих взглядов не тайным образом, переходя из дома в дом, что гораздо опаснее, а открыто, путем обнародования своих сочинений? Христос ссылался в свое оправдание на то, что Он проповедовал публично; но письменное слово еще более публично, чем проповедь, а опровергать его, в случае нужды, гораздо легче, так как существует мно-

го людей, единственным занятием и призванием которых является борьба за истину; если же они отказываются от этого, то в том виноваты исключительно их леность или неспособность.

Так, цензура препятствует истинному знанию того, что мы знаем лишь по-видимому, и отучает нас от него. Насколько она препятствует и вредит самим цензорам, при исполнении ими своих обязанностей — и притом больше, чем любое светское занятие, если только они будут отправлять свою цензорскую должность как следует, по необходимости делая упущение либо в том, либо в другом занятии, — на этом останавливаться я не буду, так как это их частное дело, решение которого предоставляется их собственной совести.

Кроме всего сказанного выше, следует указать еще на невероятные потерю и вред, какие цензурные ковы причиняют нам в большей степени, чем если бы враг обложил с моря все наши гавани, порты и бухты: эти ковы останавливают и замедляют ввоз самого драгоценного товара — истины. Ведь цензура была впервые установлена и введена в практику противохристианской злобой и стремлением к тайне или же ставила себе задачей по возможности затушить свет реформации и водворить неправду, мало чем отличаясь в данном случае от той политики, при помощи которой турки охраняют Алкоран, запрещая книгопечатание. Мы должны не отрицать, а радостно сознаваться, что громче других народов воссылали к Небу наши молитвы и благодарения за ту высокую меру истины, которой наслаждаемся, особенно в важных пунктах столкновения между нами и папой, с его приспешниками-прелатами. Однако тот, кто думает, что мы можем на этом месте разбить свои палатки для отдыха, что мы достигли крайних пределов реформации, какие только может показать нам тленное зеркало, в которое мы смотрим, пока не получили способности блаженного созерцания, — тот обнаруживает этим, как он далек еще от истины.

Ведь истина снизошла однажды в мир вместе со своим Божественным Учителем, являя свою совершенную форму, прекраснейшую для взоров. Но когда Он вознесся на небо и упокоились вслед за Ним и Его апостолы, тогда сейчас же появилось нечестивое поколение людей, которые схватили девственную истину, разрубили ее прекрасное тело на тысячу частей и разбросали их на все четыре ветра, подобно тому как, по рассказам, египетский Тифон и заговорщики поступили с добрым Осирисом. С тех пор печальные друзья истины, те, которые осмеливаются выступать открыто, ходят повсюду и собирают воедино ее члены, где бы ни нашли их, подобно Изиде, заботливо отыскивавшей разбросанные члены Осириса. Мы еще далеко не все отыскали их, лорды и общины, и не отыщем до второго пришествия ее Учителя; Он соберет воедино все ее суставы и члены и создаст из них бессмертный образ красоты и совершенства. Не позволяйте же цензурным запрещениям ста-

новиться на всяком удобном месте, чтобы задерживать и тревожить тех, кто продолжает искать, продолжает совершать погребальные обряды над раздробленным телом нашего святого мученика.

Мы гордимся своим светом; но если мы неблагоразумно взглянем на солнце, то оно ослепит нас. Кто может рассмотреть те часто сгорающие планеты и те сияющие величием звезды, которые выходят и заходят вместе с солнцем, прежде чем противоположное движение их орбит не приведет их на такое место небесного свода, где их можно видеть утром или вечером? Свет, полученный нами, был дан нам не для того, чтобы непрерывно приковывать наш взор, а затем, чтобы при его помощи открывать вещи, более отдаленные для нашего познания. Не лишение священников сана, епископов митры, не снятие епископского достоинства с плеч пресвитериан сделает нас счастливым народом; нет, если не будет обращено внимание на другие вещи, столь же важные как для церкви, так и для экономической и политической жизни, если здесь не будут произведены надлежащие реформы, то мы, очевидно, так долго смотрели на путеводный огонь, зажженный перед нами Цвингли и Кальвином, что стали совершенно слепыми. <...>

Теперь как раз именно время писать и говорить по преимуществу о том, что может помочь дальнейшему выяснению вопросов, волнующих нас. Храм двуликого Януса было бы далеко не лишним открыть именно теперь. И пусть все ветры разносят беспрепятственно всякие учения по земле: раз истина выступила на борьбу, было бы несправедливо путем цензуры и запрещений ставить преграды ее силе. Пусть она борется с ложью: кто знает хотя один случай, когда бы истина была побеждена в свободной и открытой борьбе? Ее правое слово — лучший и вернейший способ победы над ложью. Тот, кто слышит, как у нас молятся о ниспослании нам света и ясного знания, может подумать, что женевского учения, переданного в наши руки уже в готовом и стройном виде, недостаточно и что оно должно быть чем-нибудь восполнено.

Однако когда новый свет, о котором мы просим, светит нам, появляются люди, завистливо противящиеся тому, чтобы свет этот попадал прежде всего не в их окна. Мудрые люди учат нас усердно, днем и ночью «искать мудрости, как сокрытого сокровища», а между тем другое распоряжение запрещает нам знать что-нибудь не по статуту; как же согласить это? Если кто-нибудь после тяжелого труда в глубоких рудниках знания выходит оттуда во всеоружии добытых им результатов, выставляет свои доводы, так сказать, в боевом порядке, рассеивает и уничтожает все стоящие на его пути возражения, зовет своего врага в открытый бой, предоставляя ему, по желанию, выгоды положения относительно солнца и ветра, лишь бы он мог разбираться в вопросе при помощи аргументации, то подстерегать в таком случае своего противника, устраивать ему засады, занимать узкие мосты цензуры, через которые должен

пройти противник, — все это, служа достаточным доказательством храбрости военного люда, в борьбе за истину было бы лишь слабостью и трусостью. Ибо, кто же не знает, что истина сильна почти как Всемогущий? Для своих побед она не нуждается ни в политической ловкости, ни в военных хитростях, ни в цензуре; все это — уловки и оборонительные средства, употребляемые против нее заблуждением: дайте ей только простор и не заковывайте ее, когда она спит, ибо она не говорит тогда правды, как то делал старый Протей, который изрекал оракулы лишь в том случае, если его схватывали и связывали; она принимает тогда всевозможные образы, кроме своего собственного, а иногда голос ее звучит, применяясь ко времени, как голос Михея перед Ахавом, пока ее не вызовут в ее собственном образе.

Но ведь возможно, что у нее может быть не один образ. В противном случае, как смотреть на все эти безразличные вещи, в которых истина может находиться на любом месте, не переставая быть сама собой? В противном случае, что такое, как не пустой призрак, уничтожение «тех приказов, которые пригвождали рукописи ко кресту»? В чем особое преимущество христианской свободы, которую так часто хвалил апостол Павел? По его учению, человек, постится он или нет, соблюдает субботу или не соблюдает — и то и другое может делать в Боге. Сколь многое еще можно было бы переносить с мирной терпимостью, предоставляя все совести каждого, если бы только мы обладали любовью к ближнему и если бы главной твердыней нашего лицемерия не было стремление судить друг друга! Я боюсь, что железное иго внешнего однообразия наложило рабскую печать на наши плечи, что дух бесцветной благопристойности еще пребывает в нас. Нас смущает и беспокоит малейшее разногласие между конгрегациями даже по второстепенным вопросам; а в то же время, вследствие своей ревности в притеснениях и медлительности в освобождении порабощенной части истины из тисков традиции, мы нерадиво держим истину раздельно от истины, что является самым жестоким из всех разделений и разъединений. Мы не замечаем, что, стремясь всеми силами к строгому внешнему формализму, опять возвращаемся в состояние грубости и невежества, в неподвижную, мертвую, скованную и застывшую массу из «дров, сена и соломы», которая гораздо более будет способствовать внезапному вырождению церкви, чем множество незначительных ересей.

Я говорю это не потому, чтобы считал хорошим каждый легкомысленный раскол или чтобы смотрел на все в церкви как на «золото, серебро и драгоценные каменья»: для человека невозможно отделить пшеницу от плевел, хорошую рыбу от прочего улова; это должно быть делом ангела при конце света. Но если все не могут держаться одинаковых убеждений, то кто досмотрит, чтобы они таковых держались? В таком случае, без сомнения, гораздо целесообразнее, благоразумнее и согласс-

нее с христианским учением относиться с терпимостью ко многим, чем подвергать притеснениям всех. Я не считаю возможным терпеть папизм, как явное суеверие, которое, искореняя все религии и гражданские власти, само должно поэтому подлежать искоренению, однако не иначе, как испытав предварительно все средства любви и сострадания для убеждения и возвращения слабых и заблудших. Равным образом, ни один закон, который не стремится прямо к беззаконию, не может допустить того, что нечестиво или безусловно преступно по отношению к вере или добрым нравам. Но я имею в виду не это, я говорю о тех соседских разногласиях или, лучше сказать, о том равнодушии к некоторым пунктам учения и дисциплины, которые хотя и могут быть многочисленны, но не должны необходимо вести к уничтожению в нас единого духа, если только мы будем в состоянии соединиться друг с другом узами мира. <...>

Что же касается вопроса о регулировании печати, то пусть никто не думает, будто ему может достаться честь посоветовать вам в этом отношении что-нибудь лучшее, чем вы сами сделали в своем недавнем постановлении, согласно которому «ни одна книга не может быть напечатана иначе, как если будут зарегистрированы имена автора и издателя или, по крайней мере, одного издателя». А для сочинений, появляющихся иным путем, если они будут найдены зловредными или клеветническими, огонь и палач будут наиболее своевременным и действительным средством человеческого предупреждения. Ибо эта чисто испанская политика цензурования книг, если только я что-либо доказал предыдущими рассуждениями, в самом скором времени обнаружит себя хуже самой недозволенной книги. Она является прямым подобием постановления Звездной палаты, изданного в то время, когда это судилище совершало свои благочестивые деяния, за которые оно вместе с Люцифером изгнано теперь из сонма звезд. Отсюда вы можете понять, сколько государственной мудрости, сколько любви к народу, сколько заботливости о религии и добрых нравах было проявлено в этом постановлении, хотя оно и утверждало с крайним лицемерием, что запрещает книги ради доброго поведения. И когда оно взяло верх над приведенным мною выше столь целесообразным вашим законом о печати, то, если верить наиболее сведущим в силу своей профессии людям, в данном случае можно подозревать обман со стороны некоторых прежних обладателей привилегий и монополий в книжной торговле, которые под видом охраны интересов бедных в своем цехе и аккуратного сохранения многочисленных рукописей (протестовать против чего Боже сохрани!) приводили парламенту разные благовидные предлоги, но именно только предлоги, служившие исключительно цели получения преимущества перед сотоварищами, — людьми, вкладывающими свой труд в почетную профессию, которой обязана вся ученость, не для того, чтобы быть данниками других.

Некоторые же из подававших петицию об издании цензурного закона задавались, по-видимому, другой целью: они рассчитывали, что, имея власть в руках, будут в состоянии легче распространять зловредные книги, как то показывает успешный опыт. Однако в подобного рода софизмах и хитросплетениях торгового дела я не осведомлен; я знаю только, что как хорошие, так и дурные правители одинаково могут ошибаться; ибо какая власть не может быть ложно осведомлена, в особенности если свобода печати предоставлена немногим? Но исправлять охотно и быстро свои ошибки и, находясь на вершине власти, чистосердечные указания ценить дороже, чем иные ценят пышную невесту, это, высокочтимые лорды и общины, — добродетель, соответствующая вашим доблестным деяниям и доступная лишь для людей самых великих и мудрых!

ДЖОН ЛИЛЬБЕРН
(1614–1657)

НОВЫЕ ЦЕПИ АНГЛИИ, ИЛИ СЕРЬЕЗНЫЕ ОПАСЕНИЯ ЧАСТИ НАРОДА ОТНОСИТЕЛЬНО РЕСПУБЛИКИ[1]

Представлено высшей власти Англии —
народным представителям, собранным в парламенте, —
подполковником Джоном Лильберном и разными гражданами
города Лондона и предместья Соутворк 26 февраля 1649 г.

До сих пор вы сделали нации много справедливого; вам принадлежит честь объявить, что Божий народ есть источник всякой справедливой власти; тем самым вы дали нам прямые основания надеяться, что вы действительно стремитесь к свободе и счастью народа. Однако, так как путь к этому был часто ошибочен вследствие поспешности и неправильности в суждениях, те, которые желали лучшего, уклонились в сторону, к явному ущербу ваших избирателей и, в конце концов, привели народ в положение, близкое к рабству, в то самое время, когда народ думал, что его ведут к свободе. Так как печальный опыт открыл эту истину, то, кажется, есть основание полагать, что вы серьезно выслушаете то, что мы собираемся теперь представить вам для раскрытия и предупреждения этой великой опасности.

Мы были первыми инициаторами в составлении и борьбе за Народное соглашение, которое содержит верное и справедливое средство для устранения продолжительных и утомительных страданий этой нации, вызванных не чем иным, как незнанием наших правителей. Но Народное соглашение, разработанное и представленное офицерами армии вашей почтенной палате, подвергнуто ими столь значительным изменениям, что мы должны высказать по поводу его наши серьезные опасения.

Мы очень радуемся тому, что Соглашение оказалось приемлемым для вашей почтенной палаты, его превосходительства и офицеров ар-

[1] Памфлет «Новые цепи Англии...» написан 26 февраля 1649 г. в форме петиции, обращенной от лица «благомыслящих жителей» Лондона и его окрестностей к Долгому парламенту. Лильберн предупреждает об опасности военной диктатуры и требует упразднить Государственный совет, видя в нем угрозу тирании.

Печатается по: *Лильберн Дж.* Памфлеты / Пер. В. Семенова. М., 1937.

мии. Мы считаем его в принципе хорошим и полезным для республики и не сомневаемся в том, что вы намереваетесь защитить тех из народа, которые еще не потеряли своего прирожденного права и относятся критически к этому, как и всякому другому, проекту так, как им укажет Бог или их разум.

То же, что мы хотим сказать, касается, скорее, ряда отдельных пунктов этого Соглашения, которые являются неудовлетворительными с точек зрения тех, кто серьезно желает Народного соглашения; кроме того, многие важные требования совсем отсутствуют в проекте и их необходимо включить, а именно:

1. Ваши просители очень обеспокоены тем, что должны быть промежутки между окончанием работ настоящего парламента и началом сессии будущего. Они желают, чтобы настоящий парламент, который недавно, в такое короткое время, совершил столь великие дела в целях освобождения народа, не расходился до тех пор, пока он не сможет с полной безопасностью передать эти свободы в руки другого народного представительства, и не отдавал (хотя бы на короткое время) народ во власть Государственного совета, учреждения совершенно нового и не имеющего прецедента. Ваши просители опасаются, как бы Государственный совет не превратил свою власть в постоянную и не упразднил навсегда самый парламент.

2. Наименьшую опасность они видят в том, что Соглашением, предложенным офицерами, деятельность будущего парламента определяется в 6 месяцев, а Государственного совета — в 18 месяцев. В это время они (члены Государственного совета), если даже будет доказана их коррупция, имея командование на суше и на море, будут иметь полную возможность сделать себя абсолютными и безответственными. Ваши просители высказываются за годичный парламент, ограниченный, как того требует разум, не распускаемый, заседающий по его собственному благоусмотрению в течение года и не более, чтобы после этого немедленно на его место заступали вновь избранные представители, чтобы между сессиями власть поручалась комитету также из членов парламента, ограниченному и связанному, как обычно, специальными инструкциями и ответственному перед ближайшей сессией со стороны Государственного совета, какие имеют место в настоящее время.

3. Ваши просители не удовлетворены фразой, где сказано, что «власть народных представителей будет простираться на учреждение и упразднение судов», так как это может быть истолковано в отношении суда 12 присяжных. Ваши просители находят, что этот суд, такой равный и справедливый, не должен подвергаться никаким изменениям. Неясно также, что понимается под словами «народные представители имеют высшую конечную власть». Ваши просители полагают, что власть депутатов состоит лишь в издании законов, правил и инструкций для судов

и лиц, назначенных по закону для исполнения их, которым должны подчиняться одинаково как члены республики, так и парламента. Неразумно, несправедливо и губительно для народа, чтобы законодатели были одновременно и исполнителями законов.

4. Хотя в Народном соглашении предусматривается, что последующими законами будет установлено, что никакое лицо в силу держания, пожалования, хартии, патента, степени или по рождению не будет поставлено в привилегированное положение в отношении подчинения закону или в силу других привилегий и не уничтожает и не отменяет этого покровительства по закону и в силу других привилегий и не делает всех таких лиц, как лордов и других, такими же ответственными лично и имущественно перед законом, как и всех прочих людей, как это должно бы быть согласно разуму и совести.

5. Ваши просители весьма не удовлетворены тем, что в Соглашение внесены оговорки относительно власти народного представительства в делах религии, ибо это приведет лишь к крайней запутанности и неясности в вопросе, где требуется особенная ясность и точность. Ничто еще не причиняло нации в прошлом таких бедствий, как это вмешательство парламента в религиозные дела.

6. Ваши просители считают абсолютно необходимым, чтобы в Соглашении было оговорено об уничтожении навсегда королевской власти и установлении гарантии против восстановления палаты лордов. И того и другого нет в представленном вам Соглашении.

7. Ваши просители считают необходимым уничтожить общеизвестные и тягостные нужды, как-то: десятины, угнетающие промышленность страны и препятствующие улучшению земледелия, акцизы и пошлины, этих тайных воров и разбойников, иссушающих состояние людей бедного и среднего сорта и наиболее разрушающих торговлю, превосходящие своим вредом корабельные деньги, патенты и проекты, существовавшие до настоящего парламента; необходимо уничтожить также все существующие монопольные компании, тормозящие и разрушающие производство и окраску суконных изделий и другие полезные профессии, благодаря которым тысячи бедных людей, готовых теперь умереть с голоду, могли бы найти работу, если бы торговля восстановила свою собственную свободу.

Ваши просители находят равным образом, что три вышеупомянутых бедствия — монопольные компании, акцизы и пошлины — наносят чрезмерный ущерб мореплаванию и судоходству и поэтому обездоливают моряков и прибрежных жителей; именно они имели немалое влияние на последние несчастные мятежи, которые так сильно подвергли опасности нацию и так много способствовали нашим врагам. Они (просители) также желают, чтобы были установлены на будущее время равные и менее тягостные способы взимания налогов, так как существую-

щие способы обложения весьма обременительны, а связанные с ними большое вознаграждение и жалованье для чиновников отнимают большую часть денег, предназначенных на армию, и порождают самую бесчестную коррупцию.

Ваши просители желают уничтожить всякое заключение в тюрьму несостоятельных должников и обеспечить некоторые действительные меры, чтобы принудить к быстрому платежу всех тех, которые могут платить, и не позволять им укрываться в тюрьмах, где они живут в изобилии, в то время как их кредиторы разоряются.

Ваши просители также требуют обеспечения работой и хорошим содержанием всякого рода бедняков, престарелых и больных и установить более скорые и менее тягостные и обременительные способы для решения судебных тяжб, так как теперь целые семьи разоряются, отстаивая свои права. Все это, хотя составляет предмет самого большого и живого беспокойства народа, опущено в Соглашении, которое находится пред вами.

Эти и подобные требования, составляющие содержание Народного соглашения, по мнению ваших просителей, сделали бы невозможным для народных представителей безнаказанно причинять сколько-нибудь значительный вред республике. Ваши просители считают чрезмерно утомительным и вредным, чтобы народ постоянно обращался к своим представителям с петициями для исправления таких зол, которые могут быть уничтожены ими сразу, или бы зависел в своих делах, столь важных для его счастья и свободы, от неверных суждений некоторых членов парламента, готовых возобновлять то, что другие уничтожили.

Что касается пользования правами и свободами, заключающимися в настоящем Народном соглашении и принадлежащими народу, от которого исходит всякая справедливая власть, — ваши просители надеются и ожидают, что вы и армия поможете народу осуществить их. Мы желаем лишь, чтобы вы публично заявили о том, что вы намерены защитить тех, кто еще не потерял своих вольностей, чтобы предоставленное вам Народное соглашение было опубликовано для всеобщего сведения и была назначена комиссия для его рассмотрения и удаления из проекта всего того, что абсолютно противоречит природе свободного Народного соглашения, чтобы мы таким образом были уверены, что вы не намереваетесь допустить насилие во всем этом.

Но хотя мы и представили наши соображения и пожелания, касающиеся этого великого дела Народного соглашения, и готовы убедить самих себя, что ничто не обманет наших надежд, которые мы на нем строили, — все же за последнее время мы видели и слышали немало такого, что не только оправдывает наши опасения по поводу принятия Народного соглашения в такой форме, но и прямо угрожает нам рабством и полною гибелью.

Мы крайне удивлены тем, что, несмотря на величайшие идеи свободы, каких до сих пор не создавал ни этот народ и никакой другой народ в мире; несмотря на огромные потери крови и средств, которые потребовались, чтобы приобрести эти свободы; несмотря на многие замечательные и даже чудесные победы, которыми Богу угодно было ознаменовать это справедливое дело; несмотря на чрезвычайные тягости и мучения народа; несмотря на все это, ваша палата неоднократно оказывалась в руках ваших слуг, лицемерно показывающих вид, будто они намерены защищать эти ваши прирожденные свободы.

В самом деле, когда мы посмотрим, какие мучения и страдания народ испытал от расстройства торговли, дороговизны продуктов и многих других бедствий, например, военных постоев, насилий и прочих тягостей, связанных с войной, то мы найдем, что его поддерживала во всем этом только надежда на свободу и на то, что государство будет в конце концов благоустроено.

Когда народу был указан путь Народного соглашения и это Народное соглашение обсуждалось, в том числе и вами самими, все ждали и надеялись, что скоро получат это дорогое приобретение — и вдруг, о ужас! Мы слышим и видим, что в действительности дело идет к совершенно противоположному, что все эти замечательные свободы направляются теперь и осуществляются некими тайными могущественными влияниями, стремящимися ни к чему другому, как установлению абсолютного господства над республикой. Не имея возможности достичь этого господства другим путем, лишь принятием наших, получивших всеобщее одобрение принципов, они скрывают под их внешней прекрасной формой совсем иные, свои планы, чтобы иметь влияние на возможно большее число добрых и благочестивых людей (действительно стремящихся к добрым целям) и делать их невольным орудием порабощения, их собственного и всей страны.

Ибо, где то благо, где та свобода, о которых так много говорили и за которые так дорого заплачено?

Если мы посмотрим на то, что сделала ваша палата с того времени, как она провозгласила себя верховной властью и освободилась от власти лордов, то мы найдем прежде всего установление высшей судебной палаты. Вследствие этого величайший оплот нашей безопасности — суд 12 присяжных — обесценен; всякая свобода отвода судей заменена судом случайных лиц, выбранных необычным путем. Мы не можем допустить этого, хотя бы в данном случае имелся в виду суд против наших политических врагов, ибо хорошо известно, что это обычная политика всех узурпаторов: сначала вводить определенные меры против врагов, чтобы таким образом легче их можно было провести, а потом, когда они будут допущены, использовать их против всех. Это — первый случай нарушения свободы.

Следующим нарушением является ваш приговор над одним членом палаты за высказанное им суждение в отношении религии. Это прямо противоположно пункту Народного соглашения, где говорится о религии.

Далее, акт о принудительной службе матросов противоречит даже офицерскому Народному соглашению.

Новым нарушением свободы было преследование печати. Тщательно выполняются самые суровые и неразумные указы парламентариев, изданные еще при господстве Голлиса и Степльтона, запрещающие нам говорить правду и разоблачать тиранию; исполнение этих указов, розыск, наложение штрафов, заключение в тюрьму и прочие наказания по делам печати поручены главнокомандующему армией и его военному суду. Таким образом, с нами поступают так, как в старые времена поступали с честными пуританами епископы, которые формально издавали законы против папистов, а в действительности применяли их против пуритан, заставляя их на себе чувствовать всю строгость этих законов. Это осуществлялось ежедневно с величайшей жестокостью, так что никогда еще, начиная со времени созыва настоящего парламента, свободы не подвергались большим нарушениям, к великому раздражению солдат армии, как об этом ясно свидетельствует их последняя петиция.

Далее, народ ожидал, что Канцлерский и Вестминстерский суды, их судьи и чиновники будут реформированы, что будет установлен лучший и более справедливый способ разрешения тяжб и будут уничтожены разорительные расходы народа по ведению судебных дел. Вместо этого постарому взимаются высокие служебные пошлины и, кроме того, отпущены новые тысячи фунтов стерлингов в качестве дополнительного жалованья судьям. Из всей той судебной волокиты и бессмыслицы, которая считалась и во времена злейшей коррупции величайшим и несносным бременем, в настоящее время ничего не уничтожено.

А как принимали тех петиционеров, которые вносили предложения от имени народа? Иногда им выражали ничего не значащую благодарность, в то время как их пожелания совсем не рассматривались; а иногда их встречали упреками и угрозами за их настойчивость и упорство в отношении государственных интересов и даже жестокими постановлениями вплоть до того, что петиции присуждались к сожжению рукою палача; иногда же петиционеров совсем не допускали в палату. Так мало считаются с народом даже тогда, когда льстят ему, что он — источник всякой справедливой власти.

Наконец, в завершение этого нового вида свободы, спешно учреждается Государственный совет в качестве опекуна над парламентом, который наделяется властью собирать и располагать всеми военными силами Англии как на суше, так и на море, правом распоряжения государственным казначейством, правом принуждать к присяге любого человека

и заключать в тюрьму тех, кто не подчинится его приказаниям или проявит, по его мнению, непокорность.

Что теперь осталось от того права, в силу которого ни один человек не может быть арестован или заключен в тюрьму или каким-либо другим образом лишен свободы и своего владения иначе, как по постановлению суда равных?

Мы умоляем вас позволить нам открыто изложить все это пред вами и обсудить беспристрастно наше, так же как и ваше настоящее положение, которое благодаря суровому и властному влиянию некоторых лиц дошло до такого состояния, что скоро мы будем вынуждены подчиниться им, если не обратим на это должного внимания.

Далее, у нас есть основание жаловаться в отношении отдельных лиц: во-первых, относительно генералов армии, положение которых прямо противоречит тому, что ваши просители подразумевают в своем Народном соглашении; во-вторых, относительно судей и казначеев; далее, относительно пяти бывших членов палаты лордов, которые отказывались одобрить ваши постановления и мероприятия относительно короля и лордов; двое из них были судьями Звездной палаты, принимавшими участие в ее кровавых и тиранических приговорах; наконец, относительно некоторых членов вашей собственной палаты, игравших руководящую роль в переговорах с королем и являющихся виновниками последних событий. Все эти лица, как мы видим, чувствуют себя за последнее время настолько безопасными благодаря могуществу армии и их ежедневным действиям и замыслам, клонящимся к тому, чтобы пленить вашу палату, что они теперь, не опасаясь, могут снять личину со своих планов.

Благодаря Государственному совету вся власть перешла в руки этих немногих лиц — план, который давно и старательно подготовлялся ими; когда им удастся полностью осуществить его, следующим их шагом, под предлогом облегчения положения народа, будет роспуск вашего парламента, итак уже наполовину поглощенного названным советом.

Теперь уже нет более никакого препятствия для полного осуществления их конечных целей, кроме еще не забывших своих старых обязательств и обещаний народу солдат, которых нельзя отвлечь от этого ни угрозами, ни приманками. Вместе с этой частью армии препятствием для проведения офицерских замыслов является сам народ, который также остается стойким в своих требованиях общественного блага, благодаря чему все планы дурных людей до сих пор и находят еще преграду и разоблачение.

Вот почему вышеупомянутые великие конспираторы, которых мы можем перечислить по имени, так злобствуют и обнаруживают такую все более неистовую ненависть против солдат и народа. На собрании офицеров в Уайтхолле от 22 февраля против сознательной части солдат и других были сделаны резкие выпады и, как это мы знаем из достовер-

ных источников, раздавались настойчивые голоса за то, чтобы побудить вашу палату издать закон о наказании смертью всех тех, которые петициями или каким другим способом думают вносить смуту в настоящие события. А когда на это возражали, что это подлежит ведению гражданских судов, на это был дан ответ, что военные власти повесят 20 человек прежде, чем гражданский судья — одного. На этом же собрании настаивали на издании приказов об аресте петиционеров, солдат и других. Эти выступления были явным нарушением ваших верховных прав, хотя офицеры заверяли неоднократно о своей преданности парламенту. Далее, командованием армии было издано постановление о запрещении солдатам подавать петиции вам или кому-нибудь другому иначе, как через своих офицеров, и вести с кем-либо корреспонденцию; кроме того, были выданы отдельные приказы на аресты гражданских лиц и солдат во время митингов. Итак, после столь прекрасных многообещающих цветов свободы обнаружился горький плод самого низкого и самого подлого рабства, под тяжестью которого когда-либо стонали англичане.

Тем не менее вследствие этого удалось ясно и, как думаем, своевременно раскрыть источник, откуда получили свое происхождение все бедствия, затеи и планы, которые свыше 18 месяцев внушали подозрение, начиная с первых нарушений обязательств, заключенных офицерами совместно с агитаторами и народом в Нью-Маркете и Трипло-Хизсе. Преследуя свои цели, они (высшие офицеры) нагло выступали против всех тех, кто проявлял ревность к общему праву и уважение к армии, присуждая одних к смерти, других к позорным наказаниям, назначая и смещая офицеров в зависимости от того, насколько те были согласны или не согласны с их планами, вербуя в армию многих таких, кого они считали хорошими и которые на деле выступали с оружием против парламента. Далее, под предлогом облегчения бремени народа они принялись распускать сверхкомплектных солдат, причем выбрасывали таких, которые наиболее искренни и активны в борьбе за общее благо. Переформировывая таким образом армию в своих собственных планах и целях, они применяли с величайшей жестокостью военные законы, чтобы сломить дух солдат и подчинить их своему произволу, а также распространяли свою власть во многих случаях на лиц, не принадлежащих к армии. Потом, во время наступления врага, среди трудных обстоятельств, они чрез своих ставленников пожелали примирения с теми, которых в другое время упрекали, позорили и всячески унижали; при помощи разных хороших обещаний и путем притворных раскаяний им удалось заключить союз и получить помощь к великой выгоде для их дела. Когда же трудности были преодолены и враг был разбит, они забыли свои прежние обещания и возобновили свою ненависть и озлобление против тех, кто им помогал, пороча их такими прозвищами, которые, как они знали, наиболее ненавистны народу, как-то: левеллерами, иезуитами, анар-

хистами и роялистами; все эти клички, противоречивые сами по себе, прилагаются ими без всякого основания к людям, пользующимся доброй репутацией, с явным расчетом на легковерие и доверчивость народа.

Чтобы им было удобнее инсинуировать против нас и чтобы вкрасться в доверие народа и преодолеть внешние трудности, они сумели использовать принципы и идеи, выдвинутые теми людьми, которых они так сильно чернили. Поэтому они особенно порочат этих людей теперь больше, чем когда-либо, так как знают, что те догадались об их планах и могут лучше всего разоблачить их обман. И вот теперь, наконец, будучи совершенно уверены в своем положении, после того как король смещен, палата лордов уничтожена, давно замышлявшийся ими Государственный совет установлен, а ваша палата одобрила их планы, они все острие своей злобы обратили против тех, у которых осталось еще настолько мужества, чтобы выступать за устроение свободной жизни.

Но так как Бог сохранил большую часть армии от развращения их коварными замыслами и офицеры не могут без риска для себя применять репрессии по отношению к солдатам, то они решили понудить вашу палату начать набор новых войск, несмотря на то обстоятельство, что, хотя положение республики и опасно и враг еще продолжает действовать, все же эти опасности уравновешиваются решимостью лучших людей армии отстаивать истинную свободу. Если офицерам удастся осуществить этот план, ваши просители вправе поставить вопрос: не станут ли тогда офицеры абсолютными владыками, господами и хозяевами как парламента, так и народа? Не постигнут ли тогда нас крайние бедствия и не будут ли окончательно погублены вольности нашей родины? На что тогда может рассчитывать еще добрый гражданин?

Но до сих пор Бог хранил нас, и справедливость наших желаний, равно как искренность наших намерений, с каждым днем все более обнаруживается пред беспристрастными и непредубежденными людьми. Во всяком случае для нас является немалым утешением, что, несмотря на все невыгоды нашего положения (когда у нас нет ни власти, ни влияния — этих идолов мира), наше дело и принципы начинают становиться понятными людям, так что там, где год назад был один, усвоивший наши принципы, теперь мы уверены, там их сотни; другими словами, хотя мы терпим неудачи, наша правда торжествует.

Мы не сомневаемся, что потомство пожнет благие результаты наших трудов. Хотя мы бессильны и знаем, что можем за это подвергнуться преследованию, мы все же облегчили нашу совесть и раскрыли пред вами наши сердца, так как хорошо знаем, что если вы используете вашу власть и вооружитесь мужеством, приличествующим людям вашего положения, вы, конечно, сможете, по милости Божией, предотвратить опасность и вред, угрожающие этой порабощенной и обманутой нации, и приведете ее в счастливое состояние.

С этой целью мы прежде всего серьезно желаем и предлагаем:

1. Чтобы вы не распускали палату и не расходились до тех пор, пока не убедитесь, что новые представители готовы на следующий же день занять ваше место; на этом вы можете смело настаивать, так как ни в армии, ни где-либо в другом месте нет сколько-нибудь значительного количества людей, которые были бы настолько низки, чтобы смели помешать вам в этом.

2. Чтобы вы осуществили на деле акт о самоотречении, самый справедливый и полезный акт, который когда-либо был издан и которого постоянно требовал народ; таким образом будет уничтожен повод для худой молвы о влиянии на вас со стороны могущественных лиц и их опасные планы будут лишены тех средств и возможностей, которыми они располагают в настоящее время.

3. Чтобы вы приняли во внимание, как опасно для одного и того же лица быть долго облеченным высшей военной властью, быть наделенным такими долгими и исключительными полномочиями и в столь чрезвычайных условиях, как это было у нас до сих пор и что в истории часто служило источником возникновения королевской или тиранической власти.

4. Чтобы вы назначили комитет из ваших собственных членов, из тех, которые особенно тверды в правилах свободы (которыми вы теперь руководствуетесь); этот комитет должен выслушивать, исследовать и решать всякие споры, возникающие среди офицеров, а также между офицерами и солдатами, рассмотреть и смягчить военные законы и позаботиться о том, чтобы они не распространялись на гражданских лиц; комитет должен также отпустить и освободить тех, которые несправедливо пострадали, рассмотрев их дело; необходимо отдельно рассмотреть положение простых солдат как в коннице, так и в пехоте в настоящих условиях дороговизны и увеличить им плату, чтобы они могли жить прилично и честно расплачиваться за свои квартиры. Этому комитету должна быть предоставлена и деморализация армии, причем в первую очередь должны быть уволены из армии те, которые служили королю.

5. Чтобы была свободна печать, при помощи которой могут быть всего удобней разоблачены изменнические и тиранические планы; эта свобода имеет наиважнейшее значение для республики, и должно запрещать только то, что касается установления тирании: уста врагов всего лучше будут закрыты, если народ получит ощутительные блага от действий своих правителей.

6. Чтобы вы, насколько у вас есть возможность к этому, уменьшили судебные расходы и понизили жалованье судьям и другим властям и чиновникам в республике до минимума, но до приличного размера, об-

ращая излишки в общественную казну, вследствие чего налоги с народа могут быть значительно снижены.

7. Чтобы был распущен постоянный Государственный совет, который по вышеупомянутым причинам угрожает так явно тиранией, текущая работа впредь должна производиться чрез комитеты, назначаемые на короткий срок и таким образом, чтобы они часто и подробно могли отчитываться пред парламентом в своих поручениях.

8. Чтобы вы опубликовали строгое запрещение и назначили суровое наказание против всех, будь то комитеты, высшие административные власти или офицеры, если они перейдут границы своей должности, правил и инструкций, и ободрили бы всех людей в их жалобах против этих чиновников.

9. Чтобы вы как можно скорее удовлетворили солдат относительно невыплаченного им жалованья и народ в отношении публичного отчета, причем этот отчет не должен быть, как раньше, ловушкой для добросовестных людей и защитой для испорченных людей при исполнении ими общественных обязанностей.

10. Чтобы был издан так много раз требуемый народом указ об отмене десятин вследствие крайнего вреда, причиняемого ими.

Все это вместе с должным уважением, которое вы должны иметь к петиционерам, безотносительно к их числу и силе, укрепит любовь к вам народа, честных офицеров и солдат, так что вам совершенно нечего будет бояться какой бы то ни было враждебной силы. Но вам для этого необходимо самим постоянно пользоваться своей верховной властью, которой вы обладаете лишь по имени, будучи не в состоянии осуществить ваши собственные справедливые мероприятия. Мы же, с своей стороны, не только будем рады показать свою готовность отдать за вас свою жизнь, но и направим все свои усилия и старания на то, чтобы сделать вашу палату славной для будущих поколений.

ДЖЕРАРД УИНСТЕНЛИ
(1609–1653)

ЗНАМЯ, ПОДНЯТОЕ ИСТИННЫМИ ЛЕВЕЛЛЕРАМИ[1],

или Строй общности, открытый и предлагаемый Сыном Человеческим, Вильямом Эверардом, Джерардом Уинстенли, Джоном Полмером, Ричардом Гудгрумом, Джоном Саутом, Томасом Старром, Джоном Куртоном, Вильямом Хогриллом, Вильямом Тэйлором, Робертом Сойером, Кристофером Клиффордом, Генри Биккерстаффом, Джоном Баркером, Джоном Тэйлором и др., начавшими засеивать и удобрять пустошь на холме св. Георгия в приходе Уолтон в графстве Сёррей.

Лондон
Напечатано в году MDCXLIX

Ко всем моим собратьям по творению, которые узрят нижеследующие строки

Бог сего мира, ослепив очи мирских людей, получил власть над ними и их жизнями, правлениями и царствами и всеми мерами противится вечному духу, царю справедливости, напрягая всю свою хитрость и силу, чтобы уничтожить этот дух во всем творении и погубить тех людей, в коих он обитает, коих он направляет и коими правит, — создавая законы, а также изобретая кары, преследующие ту цель, чтобы все народы, языки и наречия пали ниц и поклонялись этому богу, стали подданными и даже рабами его и тех людей, в коих он пребывает. Но бог мира сего есть гордыня и алчность, корни всякого зла, от которых проистекает все зло, свершающееся под солнцем, как коварство, тирания и любоначалие, презрение к своим собратьям, убийство и уничтожение тех, кто не хочет, либо не может подчиняться их тирании и поддерживать их господскую власть, гордыню и алчность.

---

[1] Памфлет был написан в 1649 г., когда диггеры начали коллективные сельскохозяйственные работы на холме святого Георгия в графстве Сёррей, недалеко от Лондона. Вместе с Уинстенли памфлет подписали его единомышленники диггеры, что, по замыслу автора, должно было свидетельствовать о коллективном характере их действий и общности взглядов.

Печатается по: *Уинстенли Джерард.* Избранные памфлеты / Пер. с англ. Е. Г. Денисовой. М.; Л., 1950.

Я провел несколько бесед с автором нижеследующей декларации и лицами, подписавшими ее, и из опыта общения с ними увидел, что они мягкосердечно поступают и что ими руководит вечный дух, князь мира на путях справедливости, дабы они не осмелились посягнуть на несправедливый поступок, но желали бы поступать по отношению ко всем так, как они хотели бы, чтобы поступали по отношению к ним, и чтобы в них царили мир и радость, сопряженные и соединенные в одном духе славы, истины и любви ко всем собратьям, довольство пищей и одеждой и проявление смирения и кротости духа. Такие люди будут участниками обетованного царства: «Блаженни кротции, яко тии наследят землю».

Во-вторых, этот их поступок, пахота земли при разработке пустошей, есть поступок, исполненный правоты и справедливости, свидетельство любви и милосердия к своим собратьям; в нем нет ничего от бога мира сего, ни от гордыни, ни от алчности, ни от себялюбия, ни от прославления плоти.

Удостойте прочесть или хотя бы просмотреть нижеследующие строки, вы, властители земли. О, если бы разум царил в сердцах ваших, как судия. Я заверяю вас, что ничто здесь не написано по злобе или ненависти к вашим лицам, но из любви к вам, собратьям по творению, но против того, что принудило ваш собственный дух к рабству; если бы вы могли говорить беспристрастно, то ваша совесть могла бы быть моим свидетелем, а она только вносит колебание в ваше самопринуждение осуществлять тиранию, бичуя и попирая ногами ваших собратьев, особенно тех, чьи глаза открыты и могут ясно видеть великого диавола, тиранию, гордыню и алчность, владеющих вашим духом и царящих в вас; они приведут вас к гибели: ангелы, не сохранившие своего первоначального состояния, пребывают в цепях тьмы до великого судного дня.

Все творение проникают ангелы вечного духа справедливости, все они — духи наставляющие, внушающие каждому созданию на его языке волю отца. «Сонмы Господни составляют 20 тысяч ангелов».

Но великие люди земли, властители мира сего, вы — ангелы, не сохранившие своего первоначального состояния и пребывающие ныне в цепях тьмы: вашим первоначальным состоянием были невинность и равенство с вашими собратьями по творению, но ваша господская власть над ними, над их личностями и совестью, ваше гордое плотское самообольщение, ваше преувеличенное мнение о себе, все это — плоды тьмы, в которую вы впали. Все творения стонут в рабстве и поныне, ожидая освобождения и должно ждать до тех пор, пока не будет отстранен тот, кто препятствует ему, этот человек греха, этот Антихрист, восседающий на троне в сердцах людей мира сего, властителей земли, надо всем, что носит имя Божие.

Я знаю, вы высокого мнения о себе, думаете, что вы много знаете и многое видите, но свет, который вы носите в себе, есть тьма. И как велика эта тьма! Те, кто живет в свете духа, различают, что она — мрак, принимаемый вами за свет.

Поистине великий свет, яркая утренняя звезда, просияет и осветит все, светя во мраке, и тьма не сможет объять ее, хотя вы и будете отвергать ее с большим презрением, чем когда-либо.

Я не жду ничего, кроме сопротивления, насилия и глумления от плотского человека, лорда Исава: я знаю, что в глазах плоти это будет принято за глупую попытку и станет предметом гнева и посмешища, но для них утешением и поощрением будет то, что силы жизни и света, дух, повелевающий ими, будет руководить ими, давать им силы и поддерживать их, спасая их от когтей льва и лап медведя.

Ибо велика работа, которая вскоре будет проделана на земле. Не презирайте видений, голосов и откровений; читайте Писание, пророчества ныне исполняются; не уподобляйтесь братьям Иосифа и не говорите дурно о вещах, которых вы не знаете. Ибо то, что идет от Бога, устоит; делайте, что можете, и хотя бы вы и потерпели неудачу в течение некоторого времени, времена скоро исполнятся; ваше дело снова даст ростки и процветет подобно зеленому лавру: все, что исходит не от Отца, падает, хотя бы вы напрягали весь ваш ум, силу и ловкость для поддержания его, но восстановления этого не последует. Да просветит вас вечный дух, дабы разум пребывал в вас и вы поступали в согласии с ним, — это желание вашего любящего друга и собрата

Джона Тэйлора
24 апреля 1649 г.

Декларация властям Англии и всем властям в мире,

обнаруживающая причины, по которым простой народ Англии начал и дает согласие копать и обрабатывать землю, сеять хлеб на холме св. Георгия в Сёррее; от тех, кто подписался, и от многих тысяч, дающих свое согласие.

В начале времен великий Творец — разум создал землю, чтобы она была общей сокровищницей, чтобы хранила зверей, птиц, рыб и человека, господина, предназначенного править этими созданиями; ибо человек обладал властью, дарованной ему над зверями, птицами и рыбами; но вначале не было произнесено ни единого слова о том, что одна ветвь человечества будет править другою.

И причина этому та, что каждый отдельный человек, мужчина или женщина, есть сам по себе совершенное создание. И тот же самый дух, который создал земной шар, пребывает в человеке, чтобы он управлял землею. Так как плоть человеческая подчинена разуму, Создатель дал его

человеку, чтобы быть учителем и наставником для самого себя, поэтому Он и не нуждается в поисках вовне наставника или правителя, помимо себя, и не нуждается ни в каком человеке для поучения себя, ибо тот же самый, помазанник, который обитал в Сыне Человеческом, научил и Его всем вещам.

Но с тех пор плоть человеческая (этот царь зверей) начала наслаждаться предметами творения больше, чем духом разума и справедливости, который проявляет себя в пяти чувствах — слухе, зрении, вкусе, обонянии и осязании; с течением времени он впал в умственную слепоту и слабость сердца и обращается вовне в поисках наставника и правителя. И таким образом эгоистическое воображение, овладев пятью чувствами и управляя ими, как царь, вместо разума, и работая об руку с алчностью, подстрекнуло одного человека наставлять и управлять другими; и тем самым дух был убит, и человек был ввергнут в рабство и стал большим рабом себе подобных, чем полевые звери были рабами ему. Вслед за тем земля (сотворенная, чтобы быть общей сокровищницей для помощи всем — как зверям, так и людям) была обнесена изгородями и поделена на огороженные участки наставниками и правителями, а остальные люди были превращены в слуг и рабов. И земля, которая по творению была создана как общий фонд для всех, теперь покупается и продается и находится в руках немногих, чем наносится ужасное бесчестие великому Творцу, как будто Он — почитатель отдельных личностей, будто Он радовался обеспеченной жизни немногих и веселился нищенским существованием и нуждою других. Вначале было не так.

Это наступление рабства называется Адам, потому что эта внешняя управляющая и наставляющая власть образует препятствие для духа мира и свободы; сначала в сердцах, наполняя их рабским страхом перед другими, затем отдавая внешней власти одних людей, тела других — для заключения в тюрьму, применения наказаний и притеснений. И это зло обрушилось на нас из-за его собственной алчности, которая ослепляет его и делает слабым и он уже не видит закона справедливости в своем сердце, являющегося чистым светом разума, но ищет его вовне, и тем самым навлекает на творение рабство и проклятие, а Творец оказывается обманутым: во-первых, наставниками и правителями, которые самовольно вторгаются в область духа, чтобы поучать и править там, где Он один является царем; во-вторых, другими, которые отвергают дух, чтобы быть наставляемыми и управляемыми своими товарищами, и это получило имя «греха Израиля», который отверг Господа и избрал на царство Саула, подобного себе, тогда как они обладали тем же духом разума и правления в самих себе, каким обладал и он, они были только его подданными. А когда Израиль отбросит посторонних учителей и правителей и вернется к Господу, чтобы быть наставляемым и руководимым тем

справедливым царем, который по пророчеству Иеремии воцарится на новом небе и новой земле в последние дни, тогда настанет и освобождение от рабства (Книга Иеремии, гл. 23, ст. 5, 6).

Но в теперешнем состоянии старого мира, который коробится, как пергамент в огне, и изнашивается, мы видим, как гордая плоть воображения — мудрая змея, подымается во плоти и приобретает власть над некоторыми, чтобы управлять другими и принуждать одну часть творения быть рабами другой. И это убивает дух в обоих. Один смотрит на себя как на наставника и правителя и возносится в гордости над своим собратом; другой рассматривает себя как несовершенного и унижает сам себя в своем духе, а на своего собрата, подобного ему в образе своем, смотрит, как на господина над собою.

И таким образом Исав, человек плотский, олицетворение алчности и гордыни, убил Иакова, духа кротости и справедливого правления в свете разума, и правит им: так земля, сотворенная как общая сокровищница, чтобы все жили в достатке на ней, вследствие несправедливых поступков одних людей по отношению к другим, превратилась в место мучительства одних другими.

Но великий Творец, дух разума, терпел лишь некоторое ограниченное время такое пренебрежение к Нему и попирание Его ногами со стороны алчной и гордой плоти. Поэтому Он изрек: «Семя, от которого произошло творение, в коем обитаю Я, отрубит голову этой змее и снимет с Моего творения снова проклятие и рабство; и когда Я, царь справедливости, воцарюсь снова в каждом человеке, Я стану благословением земли и веселием всех народов».

Со времени же появления препятствия, или Адама, землю стали огораживать и отдали старшему брату Исаву, плотскому человеку, и ее стали покупать и продавать один другому; а младший брат Иаков, который должен был наследовать или выступить вслед за ним, всемирная произрастающая сила справедливости, несущая свободу всему творению, был превращен в слугу.

А этот старший сын, человек рабства, держал и землю в рабстве себе не кротким законом справедливости, а ловкими эгоистическими советами и открытым грубым насилием. Ибо откуда же взялись подобные войны и слухи о войнах среди народов земли? И откуда взялись такие безумные люди, что уничтожают друг друга? Все это только для того, чтобы поддерживать гражданскую собственность на честь, господство и богатства одних по отношению к другим, а это есть проклятие, под которым стонет творение, ожидая освобождения.

Но когда земля снова станет общей сокровищницей, как ей и подобает, ибо все пророчества Писания и разума сходятся на этой общности, и человечество опять восстановит начертанный в сердце его закон справедливости, и все будет сделано единым сердцем и единые умом, тогда

прекратится эта враждебность во всех странах, ибо никто не осмелится домогаться господства над другими и никто не посмеет ни убить другого, ни пожелать себе земли больше, чем у другого. Ибо тот, кто будет господствовать, заключать в тюрьму, угнетать и убивать своих собратьев по творению под любым предлогом, есть «убитель» творения и орудие проклятия и он идет не по пути справедливости («Поступайте так, как вы хотели бы, чтобы другие поступали с вами, и любите ваших врагов не на словах, а на деле»).

Поэтому вы, властители земли, или старший брат — лорд Исав, вы, которые, по-видимому, правите творением, заметьте себе сначала, что сила, выдвинувшая вас, есть эгоистическая алчность и гордыня, вожделение жить во славе и богатстве, выше Иакова, кроткого духом; а он есть семя, лежащее скрытым среди бедного простого люда или младших братьев, от которых должно произойти благословение, распространяющее освобождение на все народы.

И живой царь справедливости, разум, только взирает на тебя и предоставляет тебя самому себе; в то время как ты сам считаешь себя ангелом света, ты окажешься при свете солнца диаволом, Адамом и проклятием, под которым стонет творение. Теперь же настало время твоего падения, Иаков должен восстать, а он — всемирный дух любви и справедливости, который наполняет и наполнит всю землю.

Ты, поучающая и правящая сила плоти, у тебя было три периода хвастовства перед братом твоим. Первый был от времени твоего появления, именуемый Адамом или препятствием, до прихода Моисея, и тогда ты, будучи себялюбцем в Каине, убил твоего брата Авеля, простосердечного человека, любившего справедливость. И ты своей мудростью и звериным правлением отравил всю землю, пока не пришел Ной; и это было время для мира, подобное зарождению жидкого семени в матке для появления на свет человека-ребенка.

И от Ноя до прихода Моисея ты правил при помощи издевательства, гордыни и жестокого гнета; Измаил против Исаака, Исав против Иакова, ибо ты всегда был плотским человеком, преследующим человека справедливости, дух разума.

И затем, во-вторых, от Моисея до прихода Сына Человеческого, когда было такое время на свете, когда человек-дитя не мог говорить, как мужчина, но только лепетал, употребляя знаки для пояснения значения своих речей; так делают многие люди, как мы видим, не умеющие говорить. Ибо закон Моисея был выражен языком символов, жертвоприношений, обрядов и обычаев, и это были времена слабости. А в это время также, о ты, поучающая и правящая сила, ты была угнетательницей; ибо загляни в Писание и скажи, не был ли Аарон и священники первыми, кто стал обманывать народ. Правители, цари и судьи были постоянно главой океана, из власти которого изливались на землю

тяготы, гнет и нищета; и обе эти власти с тех пор были проклятием, которое привело землю и человечество в смущение и к смерти своим лицемерным и эгоистическим поучением и правлением, и иначе и не могло быть; ибо пока человек смотрит на себя, как на несовершенное создание, и ищет вовне наставника и правителя, он остается все это время чуждым духу, пребывающему в нем самом.

Но хотя земля находилась во тьме со времени появления Адама, и люди руководствовались светом и законом, вне их находящимися, все же были как бы стражами: их поучал дух, обитавший в них, а не плоть, находившаяся вне их; это были Авраам, Исаак, Иаков и пророки; и эти люди и подобные им были с тех пор мишенью, на которую обрушивалась вся ярость властителей земли во все времена мира, с помощью их эгоистических законов.

И затем, в-третьих, со времени Сына Человеческого, когда человекдитя начал говорить, как подросток, вырастающий до зрелого возраста, и нашего времени, когда дух подымается в силе своей. О ты, поучающая и правящая власть земного человека, ты угнетала путем заключения в тюрьмы, обнищания и мучений; и вся твоя сила и ум были направлены на то, чтобы издавать законы и направлять их против тех, кто стоит за всеобщую свободу, — это и является восстанием Иакова; и свобода не была совсем уничтожена этими древними порабощающими законами, но сохранилась как оружие против человека-ребенка.

О ты, власть Англии, хотя ты и давала обещание превратить ее народ в свободный народ, но ты так ставила этот вопрос по своей себялюбивой природе, что ввергла нас в еще большее рабство и гнет тяготеет над нами еще тяжелее. Ты не только ограничивала твоих собратьев по творению, простых людей, коркой хлеба, но смущала всех людей через посредство своего правительства, делающего что-либо и тут же упраздняющего сделанное.

Во-первых, ты заставила народ принять Ковенант и поклясться добиться Реформации и дать свободу каждому человеку на его месте; однако когда человек действует в соответствии с этим Ковенантом, его заключают в тюрьму, угнетают чиновники, суды и так называемые судьи.

Ты издала указы об отмене угнетающих, папистских, епископальных, деспотических законов и законов о прерогативах, но мы видим, что власть деспотизма и прерогатив есть великий постоянный закон, правящий на деле, тогда как другие правят только на словах. Ты дала много обещаний и заверений сделать страну свободной. Однако и по сей день тот самый народ, которому ты давала заверения дать свободу, угнетен судами, описями, сессиями, мировыми судьями и секретарями, так называемыми бейлифами, комитетами, подвергается тюремному заключению и бывает вынужден растрачивать тот хлеб, который мог бы спасти их жизни от голода.

И все это за то, что они хотят сохранить всеобщую вольность и свободу, которая является не только нашим прирожденным правом, дарованным нам нашим Создателем, но которую вы обещали нам восстановить, освободив от прежних угнетающих властей, которые теперь уже устранены; ту свободу, которую мы купили нашими деньгами, уплаченными налогами, постоями и пролитой нами кровью. Все это ты получила из наших рук, но ты до сих пор не выполнила своего обязательства по нашему соглашению.

О ты, Адам, ты, Исав, ты, Каин, ты, лицемерный плотский человек, когда перестанешь ты убивать младшего брата своего. Разумеется, не тебе исполнить это великое дело освобождения творения от рабства; ибо ты погиб совсем и утонул в море алчности, гордости и жестокосердия. Благословение придет от праха, который ты попираешь ногами, а именно — бедный, презираемый народ принесет спасение этой стране и всем странам, а ты будешь посрамлен.

Пока еще наши тела находятся в твоей власти, наш дух ожидает в спокойствии в мире нашего Отца для освобождения; и если Он предает нашу кровь в твои руки, чтобы ты проливал ее, знай, что Он — наш всемогущий руководитель. И если некоторые из вас не осмелятся пролить свою кровь ради сохранения тирании и гнета над творением, знай, что мы охотно отдадим нашу кровь и жизнь, чтобы кротостью укрепить всеобщую свободу, так, чтобы проклятие, падающее на нас, могло быть снято с творения.

Мы достигаем этого не силою оружия, мы ненавидим его, ибо пристало только мадианитянам убивать друг друга, но повинуясь Господу воинства, открывшегося в нас и нам, обрабатывая землю совместно согласно справедливости, чтобы есть наш хлеб в поте нашего лица, не платя наемной платы и не получая ее, но работая совместно, питаясь совместно, как один человек, или как дом Израиля, освобожденный от рабства. Итак, силою разума и закона справедливости в нас мы стремимся восстановить творение из рабства гражданской собственности, под которым оно стенает.

Мы должны предъявить эту декларацию вам, великий совет, и тебе, великая армия страны Англии, чтобы вы знали, что мы хотим иметь и что вы обязаны дать нам по вашим договорам и обещаниям, а также, чтобы вы могли присоединиться к нам в этом деле и обрести мир. Иначе, если вы будете противиться нам, мы обретем мир в нашем труде и в том, что провозгласим эту декларацию: вы же останетесь без оправдания. Работа, к которой мы намерены приступить, заключается в следующем: вскопать холм Георгия и пустоши, прилегающие к нему, посеять хлеб и добывать наш хлеб совместно в поте лица.

Первое основание таково: мы должны работать по справедливости и заложить основание превращению земли в общую сокровищницу для

всех, для богатого, как и для бедного, чтобы каждый, родившийся в стране, мог бы кормиться от своей матери-земли, которая взрастила его, согласно с разумом, правящим во творении, не вкладывая какую-нибудь часть в чью-либо одну руку, но все, как один, работая вместе и питаясь совместно, как сыновья одного отца, как члены одной семьи, и ни один не будет господствовать над другим, но все будут смотреть друг на друга как равные во творении, так, чтобы наш Создатель был прославлен в деле рук своих и чтобы каждый мог видеть, что Творец не почитает отдельных лиц, но равно любит все свое создание и ненавидит только змия, т.е. алчность, разрастающуюся в эгоистические самомнения, высокомерие, лицемерие, нечистые помыслы, т.е. во все, что ищет богатства и плотских почестей и борется против духа разума, создавшего все творение; ибо это есть разложение и проклятие, диавол, отец лжи, смерть и рабство, тот змий и дракон, от которого должно быть освобождено творение. И нас движет эта причина, а также другие, открытые нам в видении, гласе и откровении.

Ибо нам было открыто, что пока мы или кто-либо другой признаем землю предметом особых интересов лордов и лэндлордов, а не такой же общей собственностью других, как и их самих, мы заслуживаем проклятия и держим творение в рабстве. И до тех пор, пока мы или кто-либо другой признает за лэндлордами и держателями право для одних называть землю своею, а для других — арендовать у них, или для одних — сдавать в аренду, а для других — работать за аренду, это значит бесчестить дело творения; как будто справедливый Творец взирал на лица и поэтому сотворил землю для немногих, а не для всех. И пока мы или кто-либо другой будем сохранять частную собственность, мы тем самым соглашаемся держать творение в том рабстве, под которым оно стонет, препятствуем делу восстановления и грешим против света, который дан нам, и утрачиваем наш мир из страха перед плотским человеком.

А что эта частная собственность есть проклятие, ясно из того, что те, кто покупает и продает землю и является лендлордами, получили ее либо путем угнетения, либо убийства, либо воровства; и все лендлорды живут нарушением седьмой и восьмой заповедей: «Не убий» и «Не укради».

Прежде всего путем угнетения, своими хитрыми вымыслами и алчным умом они обошли простосердечных бедняков или младших братьев и заставили их работать на себя за малую плату, и от их работы получили большую прибыль; ибо бедняки своей работой возвысили тиранов, чтобы они правили ими. Либо же своим алчным хитроумием они вовлекали простых сердцем людей в сделки купли и продажи и тем самым обогатились сами, но разорили других; либо же вследствие своей пронырливости они заняли места, требующие доверия, принудили народ платить деньги на общественные нужды, но большую часть отложи-

ли в собственные кошельки, и таким образом они получили ее путем угнетения.

Затем, во-вторых, через убийства. Пользуясь своим изворотливым умом, они стали претендовать на охрану народной безопасности силою меча; от высокого жалованья, многочисленных постоев и других видов добычи, которую они называют своей собственностью, они набирают много денег, покупают на них землю и становятся лендлордами. А раз став лендлордами, они возвышаются на должности судей, правителей и государственных чиновников, как показывает опыт: но все это только кровавое и хитрое воровство, поощряемое созданным алчностью законом, и является нарушением седьмой заповеди: «Не убий».

Также и, в-третьих, — нарушением восьмой заповеди: «Не укради». А эти лендлорды таким образом украли землю у своих собратьев, которые в силу закона разума и творения имеют равную долю с ними.

Подобные этим люди возвышаются к обогащению предметами земли; затем путем своих льстивых слов, внушающих доверие простосердечным людям, которых они обманывают и которые пребывают в смущении и ослеплении, они возвышаются до положения наставников, правителей и законодателей над теми, кто возвысил их; как будто бы земля была сотворена специально для них, а не для благосостояния других. Если вы обратите ваш взгляд несколько назад, вы увидите, что эта внешняя поучающая и направляющая власть есть вавилонское иго, наложенное на древний Израиль при Навуходоносоре, и с того времени последовательно победоносный враг налагал иго на Израиль, чтобы принижать Иакова. Последней порабощающей победой, которую враг одержал над Израилем, было завоевание нормандцами Англии, и с тех пор короли, лорды, судьи, трибуналы, бейлифы и озлобленные насильники — фригольдеры непрерывно существуют и существовали. Сам нормандский ублюдок Вильгельм, его полковники, капитаны, низшие офицеры и простые солдаты, с того времени и по сей день продолжая пользоваться своей победой, заключают в тюрьму, грабят, убивают бедных порабощенных английских израильтян.

И это совершенно ясно: когда надо избрать доверенное лицо или государственного чиновника, избирателями являются фригольдеры и лендлорды, а это — простые нормандские солдаты, широко расселившиеся по стране. А кто должен быть избран? Конечно, какой-нибудь очень богатый человек, являющийся преемником нормандских полковников или высших офицеров. А для какой цели они избираются таким образом? Только для того, чтобы еще сильнее укрепить эту нормандскую власть над порабощенной Англией и снова придавить ее в то время, как она собирается с духом, чтобы добиваться свободы.

Ибо что такое все эти связывающие и ограничительные законы, издававшиеся во все века после завоевания и теперь поддерживаемые яро-

тью над народом? Я спрашиваю, что они такое? Лишь веревки, узы, кандалы и ярмо, которые порабощенные англичане, подобно Ньюгэтским узникам, влачат на руках и ногах, ходя по улицам; которыми угнетатели норманны и их преемники из века в век порабощали бедных людей, убивали своих младших братьев и не давали Иакову подняться.

О, в каком ужасном заблуждении живете вы, властители Англии. В то время, когда вы претендуете, что сбросили нормандское иго и вавилонскую власть и обещаете сделать стенающий народ Англии свободным народом, вы все еще влачите это нормандское иго и рабскую тиранию и держите народ в таком же рабстве, как и ублюдок-завоеватель с его военным советом.

Заметьте, что в Англии не будет свободного народа до тех пор, пока бедняки, не имеющие земли, не получат разрешения вскапывать и обрабатывать общинные земли и жить в таком же достатке, как и лендлорды, живущие в своих огороженных поместьях. Ибо народ не для того выкладывал свои деньги и проливал свою кровь, чтобы их лендлорды, нормандская власть, по-прежнему пользовались вольностью и свободой править тиранически через своих лордов, лендлордов, судей, трибуналов, бейлифов и государственных слуг; но для того, чтобы угнетенные были освобождены, двери тюрем открыты и сердца народа успокоены всеобщим согласием превратить землю в общую сокровищницу, чтобы он мог жить, как единый дом Израиля, объединенный братской любовью в едином духе, пользуясь единой матерью — землей, обеспечивающей жизнь в общине.

Если вы присмотритесь к тому, что творится по всей земле, вы увидите, что лендлорды, наставники и правители являются угнетателями, убийцами и грабителями. Но не так было вначале. И это одна из причин того, что мы совместно вскапываем и обрабатываем землю, дабы мы могли трудиться в справедливости и поднять творение из рабства. Ибо пока мы признаем лендлордов в этом безнравственном устройстве, мы не можем работать в справедливости, ибо мы по-прежнему поддерживали бы проклятие и попирали бы творение, обесчестили бы дух всеобщей свободы и препятствовали бы делу восстановления.

Во-вторых, мы начали вскапывать землю на холме св. Георгия, чтобы есть наш хлеб совместно — плод нашей справедливой работы в поте нашего лица, потому что было указано нам видениями во сне и не во сне, что на этом месте мы должны положить начало. И хотя эта земля, с точки зрения плоти, очень бесплодна, но мы должны доверять благословению духа. И не только эта общинная земля или пустошь будет взята и обработана народом, но все общинные земли и пустоши в Англии и во всем мире будут взяты по справедливости людьми, не имеющими собственности. Земля будет взята, как общая сокровищница, чем она и была создана вначале для всех.

В-третьих, нам стало ясно, что все пророчества, видения и откровения Писания, пророков и апостолов относительно призвания евреев и восстановления Израиля и превращения этого народа в наследника всей земли, все они относятся к этой задаче превращения земли в общую сокровищницу, как вы можете прочесть об этом у Иезекииля, гл. 24, ст. 26, 27, у Иеремии, гл. 33 и т.д.

И после того, как Сын Человеческий покинул апостолов, Его дух сошел на апостолов и братьев, когда они ожидали Его в Иерусалиме; и богатые люди продали свои владения и отдали часть бедным, и ни один человек не сказал, что то, чем он владел, должно принадлежать ему, ибо у них все было общее («Деяния апостолов», гл. 4, ст. 32).

Ныне эта община подавлена алчной гордой плотью, которая была властью, правившей миром; и справедливый Отец Сам терпел временно подавление, времена и разделение времен, в течение ли 42 месяцев или трех с половиной дней, все это одно и то же, тот же срок времен; а теперь мир пришел к половине дня; и восстал дух Христов, являющийся духом всемирной общины и вольности, он восстает и будет восставать все выше и выше, пока чистые воды Силоама, источники жизни и свободы для всего творения, перельются через Адама и затопят берега зависимости, проклятия и рабства.

В-четвертых, это дело обращения земли в общую сокровищницу было указано нам гласом во время вдохновения и вне его следующими словами: «Работайте вместе, питайтесь хлебом вместе, возвестите это повсеместно».

Этот глас был слышан трижды. И, повинуясь духу, мы возвестили это словами уст наших, когда представился случай. Во-вторых, мы провозгласили это письменно, что могут прочитать другие. В-третьих, мы начали осуществлять это теперь действиями, вскапывая общинную землю и засеивая ее, чтобы мы могли есть наш хлеб совместно, по справедливости. И всякий, кто придет работать, будет питаться плодами трудов своих, причем каждый будет иметь в плодах равную долю с другими. Другой глас, который слышался, говорил: «Израиль не должен ни получать, ни давать платы за труд».

А если так, то никто не скажет: это моя земля, работай на меня, и я дам тебе заработную плату. Ибо земля Господня, т.е. человека, который является господином творения в каждой ветви человечества; ибо, подобно тому, как разные члены наших человеческих тел дают одно совершенное тело, так каждый отдельный человек есть только член, или ветвь, человечества, а человечество, живущее в свете и повиновении разуму, царю справедливости, тем самым есть полный и совершенный господин творения, и вся земля принадлежит этому господину — человеку, подданному духа, а не является наследием алчной, гордой плоти, себялюбивой и враждебной духу.

И если земля не принадлежит отдельно одной ветви или ветвям человечества, но есть наследие всех, то она свободная и общая для всех, чтобы работать вместе и вместе питаться.

И поистине вы, советники и властители земли, знаете это. И где бы ни находился народ, объединенный общностью общинного владения жизненными припасами, это будет сильнейшая страна в мире, ибо они все, как один человек, будут защищать свое наследие. Блаженство — а оно есть мир и свобода — вот стены и укрепления той страны или города.

В то время как в противоположных условиях тяжбы из-за собственности и личные интересы делят народ и страны и весь мир на партии и являются причиной войн и кровопролития, повсюду царит раздор.

Другой голос, слышавшийся в трансе, гласил: «Кто обрабатывал землю для одного лица или для многих, возвысившихся до управления другими, и не смотрит на себя, как равного другим в творении, — рука Господня настигнет этого трудящегося. Я, Господь, сказал это и Я сделаю это».

Этим объявляется всем трудящимся и тем, кого называют бедными людьми, что они не смеют работать за плату ни на какого лендлорда, ни на тех, кто возвысился над другими, ибо своими трудами они создали тиранов и тиранию; отказываясь же работать на них за аренду, они снова низринут их. Тот, кто трудится на другого, будь то за заработную плату или вместо ренты, работает несправедливо и продолжает поддерживать проклятие; те же, кто решил трудиться и питаться совместно, превращая землю в общую сокровищницу, соединяют руки свои с Христом, чтобы поднять творение от рабства и освобождают все от проклятия.

В-пятых, то, что побуждает нас продолжать это дело, заключается в следующем: мы ощущаем в сердцах наших источник любви ко всем, к врагам так же, как и к друзьям; мы хотели бы, чтобы никто не жил в нищете, бедности или скорби, но чтобы каждый мог пользоваться всеми благами своего творения. В сердцах наших царит мир и спокойное счастье от нашего труда, они наполнены сладким чувством удовлетворения, хотя пищей нам служит блюдо из кореньев и хлеб.

И мы уверены, что, будучи крепкими силою того духа, который сам проявился в нас, мы не будем поражены ни тюремным заключением, ни смертью, пока мы находимся на его работе. Мы сели и подсчитали, сколько может нам стоить предпринимаемая нами работа, теперь нам известна вся сумма, и мы решили отдать все, что мы имеем, чтобы купить ту жемчужину, которую мы видим в поле.

Ибо этот труд дает нам уверенность, и разум сделает это ясным и для других, что рабство будет устранено, слезы осушены и все бедные люди получат облегчение от своей справедливой работы и избавление от бедности и нужды, так как при этой работе восстановления в Израиле не будет нищих, ибо, конечно, если нищих не было в подлинном Израиле, то и в его подобии, духовном Израиле, их будет не больше.

В-шестых, у нас есть и другое указание, что работа будет преуспевать, ибо мы видим, что исполняется время. Ибо, как Сын Человеческий, Агнец, пришел, когда исполнилось время, т.е. когда властители мира заставили землю гноиться повсюду, угнетая других под предлогом правильного поклонения духу жертвоприношениями по букве закона Моисеева; священники же стали так ужасающе алчны и высокомерны, что заставили народ отвернуться от жертвоприношений и стонать под тяжестью их угнетающей гордыни.

Так же и теперь, в сей век мира, когда дух приближается к воскресению, подобным же образом исполняется время еще в большей мере. Как раньше, в прежние времена, люди обычно удовлетворялись соблюдением жертвоприношений и буквы закона, но преследовали даже имя духа, так и теперь профессоры успокаиваются на голом исполнении форм и обычаев и претендуют на дух и, однако, преследуют, завидуют и ненавидят силу духа; как было раньше, так и теперь: все наполнено смрадом от ужаснейшего себялюбия учителей и правителей. Разве я не вижу, что каждый проповедует ради денег, советует за деньги и за деньги сражается, чтобы поддерживать личные интересы. И ни один из этих троих, претендующих на то, чтобы дать свободу творению, не даст ее на самом деле. Они и не могут дать ее, так как они враги всеобщей свободы. Земля стала смрадной от их лицемерия, алчности, зависти, глупого невежества и высокомерия.

Простой народ накачивается добрыми словами с кафедр и у столов советов, но не добрыми делами. Люди ждут — ждут добра, ждут освобождения, но ни то, ни другое не приходит. В то время как они ожидают свободы, смотри, вместо нее является еще большее рабство — и тяготы, гнет, сборщики податей, сессий, юристы, бейлифы сотен, комитеты, владельцы десятины, секретари мировых судей, так называемые суды правосудия — все это бичует народ при помощи старых папистских вылинявших законов, которые уже давно были отменены договорами, клятвами и приказами и, однако, до сих пор не выброшены, а скорее снова восстановлены, чтобы служить острой занозой в нашем глазу или шипом в нашем теле. Кроме того, военные постои, грабительство некоторых грубых солдат и изобилие налогов, которые вызывали бы меньше жалоб, если бы поровну распределялись между солдатами, а не слишком прибирались к рукам отдельными офицерами и доверенными лицами. Помимо того, ужасный обман при купле и продаже и жестокий гнет лендлордов, лордов маноров и квартальных сессий. Многие, бывшие добрыми хозяевами (как говорится), не могут жить и вынуждены идти в солдаты и таким образом сражаться за поддержание проклятия или, иначе, жить в страшной нужде и нищенстве. А вы, Адамы земли, у вас есть богатая одежда и сытое брюхо, почести и достаток, и вы плюете на это. Но знай, жестокосердый фараон, что день суда уже настал и ско-

ро дело дойдет и до тебя. Иаков был очень унижен, но он поднимается и поднимается, хотя бы ты и делал самое худшее, на что способен. И бедный люд, который ты угнетаешь, будет спасителем страны, ибо благословение почиет на нем, а ты будешь посрамлен.

Таким образом, вам, властители Англии и всего мира, мы объявили о причинах, по которым начали копать землю на холме св. Георгия в Сёррее. Я должен вам сказать еще одно в заключение — то, что было мне открыто также гласом в другое время; и когда я услышал это откровение, мой взор был устремлен на вас. Слова были следующие: «Дай Израилю свободу».

Конечно, подобно тому, как Израиль находился в течение 430 лет в рабстве у фараона, пока не был послан Моисей освободить его, так же и Израиль, его подобие (избранный дух, распространившийся на сынов и дочерей), находится уже трижды такое время под рабством вашим и жестоких сборщиков налогов. Но теперь настало время освобождения, и ты, гордый Исав, и жестокосердая алчность должны повергнуться и больше не быть господами творения: ибо теперь царь справедливости поднимается править на земле и над нею.

А потому, если ты хочешь пощады, дай свободу Израилю, разбей немедленно оковы частной собственности, отрекись от убийства ради угнетения, от гнета и грабежа, от купли и продажи земли, от прав собственности лендлордов, от взимания ренты и дай твое свободное согласие на превращение земли в общую сокровищницу без ропота; чтобы младшие братья могли жить в обеспеченности на земле так же, как и старший; чтобы все могли наслаждаться благами собственного творения.

И этим ты почтишь отца твоего и мать твою. Твой отец — дух общины, который создал все и пребывает во всем. Твоя мать — земля — вырастила нас всех и, как истинная мать, любит всех своих детей. Поэтому не препятствуй матери-земле кормить грудью всех ее детей твоими огораживаниями, отдачей их в руки отдельных лиц, поддерживая своей властью это проклятое рабство огораживаний.

А затем ты покаешься в своем грабительстве, в том, что упорно нарушал восьмую заповедь, воруя землю, как я уже говорил, у своих собратьев по творению или младших братьев, ты и все твои лендлорды, вы жили и живете в нарушении этой заповеди.

Затем да не будет у тебя иного бога или правящей власти, кроме единого царя справедливости, царящей и обитающей в каждом человеке и во всех. А теперь у тебя много богов, ибо твои боги — алчность, гордыня и завистливый, убивающий нрав (убиваешь людей, которые мешают тебе, тюрьмою и виселицами, хотя бы дело их было чисто, здраво и право). Твой бог — себялюбие и рабский страх, чтобы другие не служили тебе, как ты служил им, твой бог — лицемерие, плотское вожделение, которое не соблюдает ни обещаний, ни договоров, ни запретов. Твой

бог — любовь к деньгам, почестям и достатку. И все это, как и твоя власть правителя, делает тебя слепым и жестокосердым, так что ты не можешь и не хочешь допускать к сердцу своему огорчения других, хотя бы они умирали из-за недостатка хлеба в этом богатом городе, погибая на твоих глазах.

Поэтому, еще раз: дай Израилю свободу, чтобы бедные могли обрабатывать пустоши и питаться грудью своей матери-земли, дабы они не умирали с голода. И, поступая так, ты будешь соблюдать субботний день, который называется днем покоя, сладко вкушая мир духа справедливости, и обретешь мир, обитая среди народа, живущего в мире. Это будет такой день покоя, которого ты до сих пор никогда не знал.

Я не угрожаю тебе, ибо тебе нельзя угрожать, но я говорю во имя Господа, Который подвиг меня на то, чтобы я говорил тебе: я, да, я говорю, я приказываю тебе дать Израилю свободу мирно собраться всем вместе там, где я укажу вам, и не держать его больше в рабстве.

А ты, Адам, держащий землю в рабстве, под проклятием, если ты не дашь Израилю свободы, ибо ты будешь более упорен и силен, чем древний фараон, подобием которого ты являешься, то знай, раз я поразил его десятью казнями, я умножу эти казни и поражу ими тебя, пока я не сделаю тебя бессильным и посрамленным жалким образом. И я выведу мой народ могучей десницей и с распростертыми дланями.

Таким образом мы облегчили наши души, объяснив причины наших земельных работ на холме св. Георгия в Сёррее, чтобы великий совет и армия страны могли принять во внимание, что здесь нет никаких намерений вызывать шум и столкновение, а только желание получить хлеб для пропитания в поте лица, работая совместно в справедливости и мирно питаясь благословением земли. И если кто из вас, великих мира сего, был нежно воспитан и не может работать, пусть внесет свой вклад в эту общую сокровищницу, как дар на дело справедливости, и мы будем работать на вас и вы будете получать, как мы получаем. Но если вы не захотите, если возопите, подобно фараону: Кто этот Господь, чтобы мы повиновались Ему? — и попытаетесь противиться, знайте: Тот, Кто в древности освободил Израиль от фараона и до сих пор обладает тем же могуществом, Ему мы доверяем и Ему мы служим, и победа над тобою будет одержана «не мечом или оружием, но духом моим, как изрек Господь воинств».

Вильям Эверард, Джерард Уинстенли, Джон Полмер,
Ричард Гудгрум, Джон Саут, Томас Старр, Джон Куртон,
Вильям Хогрилл, Вильям Тэйлор, Роберт Сойер,
Кристофер Клиффорд, Томас Эдир, Джон Баркер,
Генри Биккерстафф, Джон Тэйлор и т.д.

АНГЛИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА НАЧАЛА XVIII ВЕКА

ДАНИЕЛЬ ДЕФО
(1660–1731)

ОПЫТ О ПРОЕКТАХ[1]
Об академиях

Оных у нас в Англии меньше, нежели в других странах, — в тех, по крайней мере, где ученость ставится столь же высоко. Недостаток сей восполняют, однако, два наших великих питомника знаний, кои, бесспорно, являются крупнейшими, правда, не скажу, лучшими, в Европе. И хотя здесь многое можно было бы сказать об университетах вообще и об иноземных академиях в особенности, я удовольствуюсь тем, что коснусь лишь предмета, оставшегося у нас без внимания. Гордость французов — знаменитейшая Академия в Европе, блеском своим во многом обязана покровительству, которое оказывали ей французские короли. Произнося речь при избрании в сию Академию, один из членов ее сказал, что «одно из славнейших деяний, совершенных непобедимым монархом Франции, — учреждение сего высокого собрания — средоточия всей сущей в мире учености».

Первейшей целью Парижской Академии является совершенствование и исправление родного языка, в чем добилась она такого успеха, что ныне по-французски говорят при дворе любого христианского монарха, ибо язык сей признан универсальным.

---

[1] «Опыт о проектах» (1698) — одно из первых знаменитых выступлений Дефо как публициста. Памфлет написан на злободневную тему: о судьбе английского языка. Дефо предлагает приспособить язык к нуждам современников и сделать его не менее популярным в Европе, чем французский.

Печатается по: Англия в памфлете / Пер. Н. Лебедевой. М., 1987.

Некогда выпала мне честь быть членом небольшого кружка, поставившего себе, по-видимому, ту же благородную цель относительно английского языка. Однако величие задачи и скромность тех джентльменов, кои взялись за ее исполнение, послужили к тому, что от начинания сего пришлось им отказаться как от непосильного для частных лиц. Поистине для подобного предприятия надобен нам свой Ришелье, ибо нет сомнений, будь в нашем королевстве такой гений, который возглавил бы эти усилия, то последователи у него непременно нашлись бы, сумев стяжать себе славу, достойную предшественников. Язык наш наравне с французским заслуживает, чтобы на благо его трудилось подобное общество, и способен достичь много большего совершенства. Просвещенные французы не могут не признать, что по части глубины, ясности и выразительности английский язык не только не уступает своим соседям, но даже их превосходит. Сие признавали и Рапэн, и Сент-Эвремон, и другие известнейшие французские писатели. А лорд Роскоммон, почитавшийся знатоком английского языка, писавший на нем с наибольшей точностью, выразил ту же мысль в следующих строках:

Как легкость авторов французских далека
От силы нашего родного языка!
Ведь в слитке строчки нашей серебрится
Французской проволоки целая страница.

И если соседи наши вслед за своим величайшим критиком признают наше превосходство в возвышенности и благородстве слога, мы охотно уступим им первенство по части их легковесной живости.

Приходится только сожалеть, что дело столь благородное не нашло у нас столь же благородных приверженцев. Разве не указует нам путь пример Парижской Академии, которая — воздадим должное французам! — стоит первой среди величайших начинаний просвещенного человечества?

Ныне здравствующий король Англии, коему со всех сторон света доносятся хвалы и панегирики и чьи достоинства враги, если только их интересы не зажимают им рта, готовы превозносить даже больше, чем сторонники, — король наш, показавший столь удивительные примеры величия духа на войне, не найдет лучшего случая, осмелюсь заметить, в мирное время увековечить свою память, нежели учредив такую Академию. Сим деянием он имел бы случай затмить славу французского короля на мирном поприще, как затмил он ее своими подвигами на поле брани.

Одна лишь гордыня находит упоение в лести, и не что иное, как порок, закрывает нам глаза на наши несовершенства. Государям, по моему разумению, в этой части выпал жребий особенно несчастливый, ибо добрые их поступки всегда преувеличиваются, меж тем как дурные за-

малчиваются. Со всем тем королю Вильгельму, уже снискавшему себе хвалу на стезе воинской доблести, видимо, уготовано деяние, похвальное в самой сути своей и стоящее выше лести.

А посему — коль скоро речь идет о деле, каковое, надо полагать, по плечу лишь государю, — я, против обыкновения, не дерзаю в этой части моих опытов, как делал в других, указать на пример разрешения сего вопроса, а просто приведу свои соображения.

Мне представляется ученое Общество, учрежденное самим государем, будь на то его высочайшая воля, состоящее из просвещеннейших людей наших дней; притом надобно, чтобы дворяне сии, будучи страстными приверженцами учености, соединяли в себе благородство рождения с выдающимися природными способностями.

Целью сего Общества должно стать распространение изящной словесности, очищение и совершенствование английского языка, развитие столь пренебрегаемых нами навыков правильного его употребления, забота о чистоте и строгости слога, избавление языка от всяческих искажений, порождаемых невежеством или жеманством, а также от тех, с позволения сказать, нововведений, кои иные чересчур самонадеянные сочинители осмеливаются навязывать нашему языку, словно их авторитет настолько непререкаем, что дает им право на любые причуды.

Такое Общество, смею утверждать, принесло бы подлинную славу английскому языку, и тогда среди просвещенных народов он по праву получил бы признание как наиблагороднейший и наиточнейший из всех новых языков.

Членами сего Общества стали бы только лица, известные своей просвещенностью, но отнюдь не те — или очень немногие из тех, — кто посвятил себя ученым занятиям, ибо, позволю себе заметить, встречается немало больших ученых или просто образованных людей и выпускников университетов, чей язык вовсе не безупречен, поскольку страдает неуклюжестью, искусственностью и тяжеловесностью, изобилует чрезмерно длинными и плохо сочетающимися словами и предложениями, каковые звучат грубо и непривычно, а для читателей трудно произносимы и непонятны.

Словом, среди членов сего Общества я не хотел бы видеть ни священников, ни лекарей, ни стряпчих. Не то что бы я не уважал учености тех, кто упражняется в сих почтенных занятиях, или с пренебрежением относился к ним самим. Но, думаю, я не нанесу этим людям бесчестья, если замечу, что их род занятий неизбежно исподволь накладывает свой отпечаток на речь, чего не терпят интересы дела, о коем я радею. Вполне допускаю, что и в этой среде может встретиться человек, в совершенстве владеющий языком и стилем, истинный знаток английского языка, чью речь мало кто осмелится исправлять. И если найдутся таковые люди, их выдающиеся достоинства должны открыть им двери в помянутое уче-

ное Общество, однако подобные случаи, конечно же, будут редки и должны составлять исключение.

Будущее Общество представляется мне состоящим из истинных джентльменов. В него вошли бы двенадцать пэров, двенадцать джентльменов, не занимающих государственных должностей, и еще следовало бы учредить, хотя бы ради поощрения, двенадцать мест для людей разных званий, кои своим трудом и заслугами приобрели бы право удостоиться подобной чести. Общество было бы достаточным авторитетом для определения правильности употребления слов, изобличало бы нововведения, возникающие по чьей-то прихоти, и тем самым наша словесность обрела бы блюстителя законности, обладающего полномочиями поправлять сочинителей и в особенности переводчиков, запрещая им излишние вольности. Благодаря своему высокому авторитету Общество стало бы признанным законодателем в языке и стиле, и тогда никто из пишущих не дерзал бы изобретать слова без его одобрения. Обычаи языка, которые суть для нас закон в употреблении слов, должны строго оберегаться и неукоснительно соблюдаться. Учреждение Общества положило бы конец изобретению слов и выражений, каковое следует считать таким же преступлением, как печатание фальшивых денег.

Круг занятий Общества охватывал бы чтение трактатов об английском языке, издание трудов о происхождении, природе, употреблении, значениях и различиях слов, о правильности, чистоте и благозвучии слога, а также воспитание у пишущих хорошего вкуса, порицание и исправление распространенных ошибок в языке, словом, все необходимое для того, чтобы привести английский язык к должному совершенству, а наших джентльменов научить писать как подобает их званию, изгнав чванство и педантизм, преградив путь неуместной дерзости и наглости молодых авторов, кои в погоне за известностью готовы жертвовать здравым смыслом.

Позвольте теперь высказать некоторые соображения касательно того потока бранных слов и выражений, который ныне захлестнул нашу речь. Я не могу не остановиться здесь на сем предмете, ибо бессмысленный порок сей настолько среди нас укоренился, что мужчины в беседе между собой почти не обходятся без крепкого словца, а иные даже сетуют — жаль, дескать, что брань почитается неприличной, ибо украшает речь и придает ей выразительность.

Говоря о сквернословии, я имею в виду все те проклятия, божбу, бранные слова, ругательства и как там оные еще именуются, кои в пылу беседы беспрестанно слетают с уст едва ли не всякого мужчины, какого бы звания он ни был.

Привычка сия бессмысленна, безрассудна и нелепа; это глупость ради глупости, чего даже сам дьявол себе не позволяет: дьявол, как известно, творит зло, но всегда с некой целью — либо из стремления вверг-

нуть нас в соблазн, либо, как говорят богословы, из враждебности к Создателю нашему. Человек крадет из корысти, убивает, дабы удовольствовать свою алчность или мстительность; распутство и поругание женщины, прелюбодеяние и содомский грех служат к утолению порочных вожделений, всегда имеющих свою корыстную цель, как вообще любой порок имеет какую-то причину и какую-то видимую цель, и лишь дурной обычай, о котором я пишу, представляется совершенно бессмысленным и нелепым: он не дает ни удовольствия, ни выгоды, не преследует никакой цели, не удовлетворяет никакую страсть, это просто бешенство языка, рвота мозга, являющая собой насилие над естеством.

Далее. Для других пороков всегда находятся оправдания или извинения: вор ссылается на нужду, убийца — на ослепление неистовством, немало неуклюжих доводов приводится в извинение распутства; отвратительную же привычку к сквернословию все, включая тех, кому она свойственна, не могут не признать преступлением, и единственное, что можно услышать в оправдание бранного слова, это то, что оно само срывается с языка.

Сверх того, оглушать своих собеседников потоками брани есть непростительная дерзость и нарушение правил приличия, а коль скоро кому-то из присутствующих сие не по душе, то, следственно, попираются и законы вежливости. Все равно что испустить утробный звук на судебном заседании или произносить непристойные речи в присутствии королевы.

В борьбе с таким злом любые законы, постановления парламента и предписания суть не что иное, как игра в бирюльки. Меры сии курам на смех, и, сколько могу судить, они всегда оставались без последствий, тем паче что наши судьи ни разу не пытались требовать их исполнения.

Не наказание, а хороший пример искоренит порок, и, если большинство наших джентльменов откажется от этой дурной привычки, нелепой и бессмысленной, она, став предосудительной, выйдет из моды.

Вот начинание, достойное Академии. Полагаю, ничто не может возыметь большего действия, нежели открытое порицание со стороны столь авторитетного Общества, призванного охранять чистоту языка и нравов. Академии принадлежало бы право решать, сообразуется ли с духом разумности изображение обычаев, нравов и обхождения на театре. Прежде чем ту или иную пьесу увидят зрители, а критики начнут судить о ней и вовсю ругать, она должна быть оценена членами Академии. Тогда на сцене будет процветать подлинное искусство, и два наших театра перестанут ссориться за обладание первенством, признав разум, вкус и истинные достоинства непогрешимыми судьями в сем споре.

ГИМН ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ[1]

I. Ну, здравствуй, Величайшая Громада!
Ты вроде шрама на груди страны,
Ты ранишь все позорные услады,
Вселяя чувство страха и вины.
Вот только тех, кто горд быть Человеком,
Кто видит выше злобной суеты,
Кто наблюдает мудро век за веком,
Того никак не опозоришь ты.

И вот я здесь, стою на табурете,
Гляжу на мир, озера площадей,
Дивлюсь, с сей высоты приметив
Переплетенья Бога и Царей.
Мне явственно видны веселья
Всех городских злодеев, шулеров.
И словно пополам поделен
Мир зла — на хамов и воров.
И рады улицы польстить невеждам,
И рады кинуть камни мне в лицо,
Закон давно сменил одежды,
И вертится преступности кольцо.

Подлее те, кто здесь стояли?
Иль те, кто сам одной рукой
Сидели и закон писали,
Другой же руки первым жали?
Суди, закон для дураков!
Найдите тех, кто знает точно,
Как словом закрутить умы,
Как сделать истину порочной,
Как откупиться от вины.
Найдите пауков закона,
Сменивших честь на плутовство.
Кишат они неугомонно,
Пятная совесть и добро.

---

[1] «Гимн позорному столбу» Дефо написал в 1703 г., находясь в тюрьме за памфлет «Простейший способ расправиться с диссидентами». Дефо обличает истинные преступления, совершаемые в английском обществе, и призывает наказать настоящий порок.

Печатается с сокращениями. Перевод А. Озар.

Желаю знать, скажи, как здесь стояли
Изгнанники Великого Дворца?
Вчера, сегодня, завтра занимали
Места позора, края и конца.
О, расскажи, какими из пороков
Так щедро ты их славу наградил?
Идущих впереди пустых уроков
Каким из прав сюда ты усадил?
Борцов за честь, идущих вне столетий
Заставишь ли принять все без прикрас,
Без возражений мнить себя позором
Ты призываешь уж в который раз?

Тебе уже не расплатиться
С Селденом мудрым, чьих почетных дум
Так много было, что, поверь, безумно
Так низко придираться к ним.
Ты мастер нагонять туман
На то, что можно посчитать позором,
Пока твой важный и ненужный стан
Не захлестнется солнечным узором.
И вот тогда стоящий подле власти
Сам опозорится в своей пиковой масти
Заместо мучеников неуместных,
Людей великих, страстных, честных.

Грех со стыдом смешать предельно сложно,
На лицах и в сердцах сквозит мечта,
Тогда же все же будет можно
Нам тех узреть, чья красота
Души так лицемерна,
Что впору ей стоять с тобой, наверно.

Глава крестовых всех походов,
О, Сачеверелл, что же ты не здесь?
Неужто мало гнать умов свободу?
Неужто мало, чтобы здесь засесть?

А где же вице-канцлер мудрый,
Указывающий всем рукой
На правила своей фигуры,
Честнейшей, видимо, такой.
Он рассудительно задумал,
Что разрешенье на войну

Совсем не глупая затея.
За это честь, хвала ему. <...>

Честь и хвала за профессуру,
Так обедненную тобой.
Украсть идею — это мудро.
Ведь легче толк придумать свой.
Ты, доказать всегда умевший,
Умевший сливки облизать
С того, что выдумал поспешно.
Не сделать. Но зато сказать.
Украсть идею? Как прелестно,
Что Англии достойный сын
Все мысли так ворует честно.
Мы все гордимся очень им.

Скажи, тебя не беспокоят
Те, кто дрожат в родном строю,
Те, кто себя за деньги строят,
Те, кто в тылу сидят в бою?
В тылу их прячут генералы,
Воруя славу королей,
Дрожат и капитаны флота,
Глаза зажмурив у рулей.
Что ж, если всех поставить рядом
К позору нашего столба,
Легко заметить беглым взглядом,
Какая будет там толпа!

Пусть даже боги Карфагена
Восславят доблесть их за то,
Что Поинти бежал из плена,
Что предан был наш флот потом.
И что эскадры из Тулона
Стал незамеченным побег –
Заслуга, в общем, их огромна.
Их слава длится целый век.

Неужто были те герои
Столь недостойны места здесь?
Ты не нашел для них простоя?
Не захотел удвоить месть?

А что сегодня происходит?
Богатства возят корабли,
Не возвращаясь, лишь пытаясь
Скорей убраться от земли. <...>
А те суда, что защищают
Нас так достойно от врагов,
Свои ошибки понимают,
Когда пора нырять за борт.

Пусть нарисует их художник,
Запечатлеет в стих поэт –
Ведь слава Англии пижонов
Достойна славой быть сто лет.
Пусть нарисуют разоренье
И воспоют утерю дней –
Так и непризнанных героев,
Забытых памятью людей.

На сцене доблести пусть песни
Тем воспоем, о мудрый столб,
Кто на восьмидесяти лодках
На двадцать две напасть готов.
Те, кто награбил денег вдоволь,
Должны за дело здесь стоять.
Но если всех воров построить,
Придется сцену укреплять. <...>

Пусть молят у тебя прощенья
Те, кто смотрел сквозь тьму и дым
На ограбленья, злоключенья
В войну. Стоять бы здесь и им.

Ты будешь рад тем спекулянтам,
Что разоряют наш народ.
Те, что гребут себе из банков,
Все, что вложить возможно в рот.
Они владеют сотней акций.
Огромен весь их капитал.
Любое их движенье пальцем –
Компаний крах или обвал.
Они считают все исправно
И составляют списки цен,
Когда товар переведется,
Когда торговый флот вернется.
А мы рабы монетных стен. <...>

Задай вопрос парламентерам,
Как долг ирландский им вернуть
И как благодаря бумагам
Все деньги потеряли суть.
Подделывать счета способны
Они на благо всей страны.
Сам видишь, лица их кривые
Лишь близ тебя стоять должны.

Забывшая свой долг Фемида
Присядет у твоей скамьи.
Рой преступлений незакрытых –
Плод судей горестной вины.
Продажным судьям впору будет
Стоять у ног, вдыхать позор,
А не давать в угаре пьяном
Блуднице праведный укор.
В угоду своему успеху
Привыкли не смотреть на грех.
Им по заслугам будет кара
Заместо глупых их утех.

Плетется уж викарий пьяный,
К тебе взбирается, о столб.
Он, видно, поздно или рано,
Позоря Бога, влезет в гроб.
Он над ликующей толпою
Вещает проповедь свою.
Его учение пустое
У веры где-то на краю.

Асгил научит новой правде
Религиозной. Лицемер!
Какого только провинциала
Не ставят в божеский пример!
Покойник погребен в безмолвье,
И, что осталось от него,
Несите мне! У изголовья
Я помолюсь тогда его...
Пора отправить духовенство
Повыше. Бог им уточнит,
Куда девать от кражи средства
Под звуки ангельских молитв. <...>

И приведут сюда юристов,
Их дьявол делу научил.
Своею правдою ребристой
Неправду ткать из ловких сил.
Закон им верен остается,
То прогибаясь под вранье,
То под другое прогибаясь.
Кто платит, честно и живет. <...>

А тот, кто подмечал когда-то
Всю гадость, что вокруг гниет, —
Теперь в законе видит брата,
Судьей он свой закон плетет.
Теперь он вышел на дорогу,
Ведущую его к пороку.
Пусть постыдится, если сам
Он замечает этот срам.

Присяга, верность королевству —
О эти гулкие слова!
Они не заменяют чести,
Ведь честь уже едва жива.
Тот, кто дает всем обещанья,
Наутро помнит их с трудом.
И извращенное коварство
Под звуки пьянства льется в дом.
Трем королям он клялся в вере
И умудрился трех предать.
И продолжает понемногу
Он государство разграблять.
<...>
Есть что-то в хитростном уменье
Так не уметь любить народ.
И аккуратно об измене
Шептать, открыв зловонный рот.
<...>
И карнавалом самым ярким
Откроется нам всем Сафо,
Которой щедро на подарки
Раскошели́лся кое-кто.

Она стоит опустошенна,
Прикрыв шелками грязь души,
И не стыдится тысяч взглядов.
Ее глаза всегда пусты.

За ней Урания прибудет
В повозке верных слуг своих.
Почтенье города заслужит
За красоту деяний злых.

И куртизанка Диадора —
В ее лице блудницы все
Пусть убегают от позора,
Как будто крысы в колесе.
<...>
Бывает и в семье разгулье.
Развратник муж, известный нам,
Других развратниц держит улей.
Жена все знает. Жизнь, как хлам!
<...>
Мы все забыли о законе.
И не о том, что здесь творит.
А о законе настоящем,
Что в чистоте сердец горит.

О столб, твоя судьба печальна!
Ты должен был творить свой суд
По чистой правде изначально.
По чистой правде здесь плюют.

Так в чем, скажи, в чем крылся смысл
Всех тех, кого ты наказал?
Весь город в страх давно зарылся
И совесть глупости отдал.
Ты расскажи о близ тебя стоящем,
Скажи: был верен он себе.
И вот за это все святое плачет,
Скорбя о святости судьбе.

Пусть с гордостью несет свой крест,
Тот, кто попал под твой арест.
Не изменить нам ничего.
О, Боже, сохрани его!

Раскрыта автором вся правда
О тех, кто вправду согрешил.
За это столб — его награда.
Ее он честно заслужил.

ИЗ ЖУРНАЛА «РЕВЬЮ» («ОБОЗРЕНИЕ»)

№ 35 (153), вторник, 4 июля 1704 года[1]

Мне неприятно, что нетерпеливая общественность не может попридержать и обуздать свои суждения, пока я не приду к своим.

Я думаю, это эффект того, что история у нас пишется по дюймам; люди ожидают, что каждый кусочек будет целостным. Если это и вправду так, то я признаю себя неспособным. Схема заложена, и половина газетной полосы не может сделать этого.

Мой план в этой истории дел Франции грандиозен как по масштабу, так и по изобретательности; и поскольку он требует времени на завершение, нужно рассмотреть его полностью, пока его не забраковали.

Я поставлю себя на место Кристофера Рена (прошу у него прощения за упоминание), построившего Собор Святого Павла.

Люди смотрят на величественное строение, не беря во внимание его фронтальную часть, и обнаруживают в нем тысячи ошибок, которых, возможно, на самом деле и не существует. Одни говорят, что его окна слишком малы, другие, что окна слишком крупны, некоторые утверждают, что колонны слишком велики, другие — что это огромное, неуклюжее, бесформенное творение, еще одни скажут, что оно больше напоминает замок, чем церковь. Короче говоря, никому он не нравится. И дело не в том, что здание на самом деле симметрично, точно и, может, пропорционально в каждом сантиметре. А в том, что их тугое воображение ни на что не способно; они судят по наружности вещей, а не по тому, какую цель они в себе несут.

Если бы мое «Обозрение дел Франции» было завершено и готово к прочтению от корки до корки, я бы разделил участь этого издания и взял бы риск на свою голову за утверждение, что никто больше не посмеет заявить, что я действую в интересах Франции или же восхваляю врага слишком явно.

Я обязательно сделаю выводы из их действительного величия, намекну на их предполагаемое величие, напишу сатиру на их воображаемое величие и составлю планы по предотвращению их возрастающей мощи — все это эффективно очистит меня от подозрений в предательстве своей Родины и одобрения врага.

Но, поскольку все осведомлены в разной степени, я рискну еще раз положиться на терпеливость читателя и немного помучить его отступлением от рассказа, чтобы он признал, что я без личной выгоды действую ради тех, кто неверно трактует мои намерения, подозревает в не-

---

[1] Печатается по: Ревью («Обозрение»). 1704. № 35 (153) / Пер. О. Кулаговой.

честивости мои принципы и т.д., чтобы я смог объясниться в этой статье о причинах восхваления французской мощи.

Я всегда придерживался мнения, что наша неверная оценка и пренебрежительное отношение к величию, силе, политике, управлению и организации наших врагов было одной из самых роковых ошибок этой эпохи.

Я думаю, никто не находится под угрозой такой опасности, как тот, который вступает в бой с врагом, не зная, насколько тот силен. Наш Спаситель Сам предостерегает нас: прежде чем выйти на поле боя со своими собственными десятью тысячами воинов, мы должны брать в расчет и двадцать тысяч своих врагов.

Если от меня потребуют примеры в подтверждение правдивости сказанного, я направлю читателя к нескольким предпринятым попыткам наследования в Камаре, Кадисе и Барселоне. Какие упреки, какую клевету, какую сатиру и памфлеты терпело Правительство от пера и уст недовольных военными ошибками, совершенными в этих местах! Как яро мы обвиняли нанятых людей и приклеивали им ярлыки с громогласными прозвищами трусов, предателей веры и Национального Совета. С каким презрением теперь поэтому обращаются к нашей стране некоторые великие люди! Хотя в некоторых случаях и имело место мошенничество, но истинная причина неудач в том, что силы врагов были неверно оценены. В Бресте и Камаре мы не ожидали встретить на поле сражения кого-то еще, кроме ополчения и неорганизованных отрядов; малочисленное войско мы ожидали и в Кадисе, и рассчитывали, что город будет легко взять. Не большое сопротивление мы ожидали и в Испании, и еще меньшее — в Барселоне, но мы сильно разочаровались, обнаружив силу, которой не предвидели, а планы наши потерпели неудачу. В итоге — мы побиты нашими врагами, а наши генералы терпят за это упреки.

Это лишь некоторые причины, которые, на мой взгляд, вызвали необходимость осветить величие наших врагов в подлинном свете и изобразить их в реальных размерах — не для того, чтобы нагнать ужас на наших соотечественников, а для верной оценки ситуации.

В доказательство того, что это — основательная и оправдывающая причина, за которую меня не должны порицать, я обращусь к древнему примеру.

Когда Филипп все-таки пошел войной на афинян, которых Демосфен предостерегал и которые проигнорировали его замечание о македонской мощи, они были вынуждены принять условия постыдного мира.

Пока эти невежественные афиняне обвиняли Демосфена в союзничестве с их врагами, оказалось, что Филипп был другого мнения. Он был в бешенстве от того, что Демосфен старался пробудить афинян осознанием мощи Филиппа, поэтому, когда он подписал мир с Афинами, он заставил их, помимо прочих гнусностей, изгнать Демосфена или доста-

вить Филиппу как величайшего врага, потому что он боролся за то, чтобы сообщить своим согражданам правду.

Тот, кто пытается обвинить меня в преследовании интересов Франции и том, что я подкуплен и получил взятку французскими деньгами, правильно сделает, если поедет во Францию и представит себя французскому королю автором «Обозрения». Я с легкостью предоставлю им право использовать мое имя ради такого дела, и посмотрим, чем их вознаградит Его величество: каретой или петлей.

Я уже сказал, что французы сильны, и это действительно так, но я никогда не говорил, что они непобедимы. Я желаю, надеюсь и молюсь, чтобы они склонились к миру. И, говоря вам правду о них, я думаю, что вкладываю в это так много, сколько вообще под силу человеку.

Как я уже сказал, они не являются непобедимыми, и со временем я докажу это: хочу представить общественности некоторые планы, которые еще не видели света. Но, джентльмены, вы не должны терять терпение, пока я не подойду к этому в должном порядке.

Короче, французы сильны, велики, могущественны... но это довольно спорно; ведь позволь нам оказаться последними, и вскоре мы станем первыми. <...> Лучший способ нарисовать портрет врага, который я могу предложить, — это поставить нам его в пример.

Эту цель я и преследовал. Зависть всегда приходит с открытым ртом, и правда редко может заткнуть его, но я оставляю ее для рассудительной части человечества, чтобы разобраться и понять, наконец, кто является лучшим другом своего народа: тот ли, который говорит ему о реальной силе врагов, чтобы армия могла подготовиться соответствовать им, или тот, который, игнорируя вражеские силу и величие, позволяет своим людям в малочисленном составе вступать с ними в бой — подобно Соломоновым дуракам они ломятся вперед и оказываются наказанными.

Меня можно сравнить с гусями в Капитолии. Если бы римские солдаты убили их за то, что они напугали их во время сна, они вскоре бы нашли наступающих им на пятки галлов и корили бы себя за ошибку. Я оставляю на суд людей следующий вопрос: гоготали ли гуси за галлов или же за римлян? И были ли бы галлы рады перерезать им глотки за то, что они так же оповестили бы их о наступлении римлян?

Если я, как честный протестантский гусь гоготал бы слишком громко о французской силе и разбудил бы всю страну, французы действительно могли иметь основание перерезать мне горло, если они могли бы; но едва ли моим соотечественникам, которым я указал на опасность и которых попытался пробудить ото сна, следует обижаться на это своевременное открытие.

Однако не впервые я пишу то, что люди, во благо которых я это пишу, не понимают. Сейчас я объяснился здесь и надеюсь, что мудрые люди,

надеюсь теперь меня поймут, а что до дураков — пусть остаются таковыми, не мое дело отмывать эфиопов, горбатого могила исправит.

Автор этого издания попытался писать не ради собственной выгоды, а ради общественного блага, он думал, что лучшее, что он может сделать, с тех пор как мы все были приняты на борт корабля государства, это исследовать, описывать, разоблачать планы, потенциал, силу, рост и развитие наших врагов.

В своем служении обществу он видит лишь выгоду правящей королевы и народа, которым она правит; и даже если его посмеют обвинить в том, что это издание оскорбительно или неприятно и тем, и другим, он все равно будет демонстративно обнажать ту правду, какую захочет, несмотря ни на что.

Он наказал себе говорить положительную правду и удовлетворен тем, что его не обвинили ни в одной фактической ошибке; общая сила может сделать мудрого человека мудрее, но для дурака, как завещал нам Соломон, она бесполезна.

Это издание — предписание для людей искренних и добродетельных, так и для тех, в которых ни того, ни другого.

Меня радует, что королева понимает, что от ее сил всецело зависит возможность объединения армии, выявления нечестности некоторых людей за границей и предпринять эту попытку с более рациональной перспективой.

Я полагаю, никто не мог упрекнуть меня, пока я писал сатиру на парижскую «Gazette» и французского адмирала, воображая, что я был на их стороне, в противном случае я советую им надеть очки на свои умы и прочесть это снова; и если после второго прочтения они позволят мне узнать причины такого мнения обо мне и причины эти не будут поверхностными, я увижу смысл писать дальше.

А пока я надеюсь, что это может послужить доказательством причины, по которой я сказал все это, и принципа, из которого я это сказал, и даст всем беспристрастным суждениям полное удовлетворение.

Советы скандального общества

На несколько писем, которые были отправлены нам с возражениями по поводу нашего заголовка, общество решило больше не отвечать, пока несогласные джентльмены не отзовутся на аргументы, приведенные нашим клубом в защиту заголовка. Но искренность следующих несогласных заставила нас утрудить общественность чтением этих аргументов.

«Джентльмены,

я подумал, что у меня есть основание для того, чтобы не любить заголовок “Скандальный клуб”, потому что это выражение накладывает скандальный отпечаток на вас самих; никогда не встречаясь со словом “скандальный” в пределах своего узкого круга чтения, а только с его пассивной формой,

я заглянул в номер, к которому вы меня отослали в попытке оправдать справедливость заголовка. Там я обнаружил весь размах остроумия, которого требует дурной заголовок, но далеко не всю силу аргументации, которую хороший заголовок должен иметь. Для чего я бы все-таки посоветовал вам поменять заголовок, который настолько сомнителен и необоснован, что способен навлечь на вас неприятности, на тот, который менее запутан и не терпит возражений.

Ваш покорный слуга, Дж.Дж. 28 июня, 1704 г.»

Общество думает, что это все же не ответ на их доводы. Хотя слово «скандальный» действительно не так часто можно встретить в положительном смысле, оно приживется в лексике, войдет в широкое употребление и станет именем собственным, как это доказывает пример Мильтона и Драйдена. Мы не можем считать ответом то, что какому-то джентльмену не нравится заголовок, пока он не предъявит четкое доказательство его неуместности.

Ни один из протестующих не подумал дать нам вариант заголовка лучше; но, наконец, мы получили попытку такого рода от женщины (как мы догадались по почерку); мы всегда думали, что женщины умеют делать самые быстрые и справедливые замечания о вещах с первого взгляда.

Автор имеет поручение передать благодарность от общества этой леди (если только мы не ошибаемся) и довести до ее сведения, что общество провело голосование по двум предложениям, данным ею в одном письме. Джентльмены просят передать ей, что обоим вариантам будет оказано должное внимание, если только они согласуются с правилами чести и справедливости.

В итоге общество решило отправить посла к сеньору Пасквину[1], их другу и покровителю в Риме, чтобы спросить его мнения насчет заголовка или попросить его прислать его новый вариант. И послание должно быть доставлено с большим блеском такой же скоростью. Они решили одолжить ему одну из чудесных галер, которую Маркиз де Минас взял у испанцев в последней битве на границе Кастилии в ста милях от моря.

Реклама

◆ Продаются книги Джефри Уэйла, возле Ангела во дворе Собора Святого Павла.

◆ Доктор физических наук лечит все стадии заболевания у зараженных венерическими болезнями людей самым простым, безопасным и быстрым способом; любой человек может получить у него консультацию и абсолютное излечение, даже если его или ее болезнь самая продолжительная. Он даст консультацию по всем заболеваниям и выпишет

[1] *Пасквин* — выдуманный персонаж, которому приписывались пасквили. — *Прим. пер.*

курс лечения. Доктор Харборуф (физических наук) в Большой Найт-Ридерс-стрит, возле «Сообщества докторов».

№ 50 (213), суббота, 26 августа 1704 года[1]

Мне сообщили весьма странную новость, касающуюся моего «Обозрения», — вроде того, что оно не всех устраивает; я никогда не доходил до высокой степени понимания других людей, но, могу заявить без лишней скромности, что ничем не заслужил, чтобы меня считали таким уж самодовольным хлыщом, каким, надо полагать, считают.

Если я пишу назидательную правду, разумеется, я смогу доставить удовольствие лишь разумным людям, а к мнению остальных я всегда был равнодушен; но раз уж людям нравится так запросто выдавать себя, мне следует дать ему знать, для какой аудитории я пишу и для кого мое творчество НЕ предназначается.

Прежде всего, НЕ для тех, которые ничему не верят, кроме того, что они сами хотят принимать за правду. Во-вторых, НЕ для тех, кто был за шведов, сражающихся в Польше за насаждение протестантизма. В-третьих, НЕ для тех, которые не верят в то, на что они не могут дать ответ; которые не верят, что шведы — это лишь временная пешка, выдвинутая на игровое поле в интересах конфедерации, и даже не могут опровергнуть аргументы, приведенные в доказательство этого. В-четвертых, НЕ для тех, которые придираются к аргументам единственно лишь для того, чтобы придраться к автору.

Советы скандального клуба

У общества было столько дел на этой неделе, что сейчас оно вынуждено с головой погрузиться в наиболее серьезную часть работы, чтобы дать читателям отчет о ней.

И первое, что оказалось у них пред глазами, — письмо от некоего пьянствующего общества, чьи пороки они не могли не выставить напоказ в качестве образца для других людей — письмо несет в себе так много морали, что общество не могло не опубликовать его, пусть оно послужит наставлением всему человечеству.

Письмо адресовано молодым людям скандального клуба, заседающего у Мистера Мэттью, типографу Малой Британии:

«Юноши, перед вами — три молодых человека, которые великолепно провели три вечера подряд, и что касается последствий, никто из нас еще не пьян, хотя мы и поменяли наш ликер, и употребили все средства, чтобы попасть под волшебное воздействие зеленого змия. Хотим знать ваше мнение, какой таин-

[1] Печатается по: Ревью («Обозрение»). 1704. № 50 (213) / Пер. О. Кулаговой.

ственный напиток под номером три я выпил с моей проституткой за одну четверть этого времени?»

Общество приняло в расчет обстоятельства, сжалилось над джентльменами и решило ответить словами Ювенала: «В любом месте — свой гений». Оно также пришло к выводу, что для того, чтобы быть грешником до такой уж крайней степени, требуется немало усердия. А что до других оригиналов, отсылаем читателей к автору следующей замечательной бумаги, названной «Гераклитовы скачки».

Следующее письмо было получено нами от другой персоны, которая уже направляла в наш адрес много любопытных и изобретательных вещей.

«Джентльмены,

Луна была полной в пятницу 4 августа 1704 года, в 8 часов 55 минут утра. Прошу джентльменов дать ответ, возможно ли, чтобы затмение луны было видно в Дублине, в Ирландии, в понедельник 31 июля 1704 года. Почтальон, 8 августа».

Общество проигнорировало это наблюдение и отметило, что его автору далеко до составления календарей.

Еще один изобретательный молодой человек отправил нам следующее письмо, датированное 17 августа:

«Джентльмены,

Вчерашняя лондонская почта сообщает нам, что французы и баварцы располагают 160 дивизионами, а союзники — 52, так что они уступают на 8 дивизионов. Сегодня нам сообщают, что французы имели 160 дивизионов, тогда как союзники — 152, так что они превосходят их на 80. Прошу джентльменов подсказать, кто же из этих авторов прав? Я, ваш скромный слуга. 17 августа, 1704 г.»

Общество это даже не позабавило, оно лишь постановило, что с арифметикой у этого человека должно быть так же хорошо, как и с астрономией у автора предыдущего письма.

Другое письмо пришло нам из кофейни «Якобс», оно подписано инициалами «Н.Х.»:

«Джентльмены,

Мое почтение автору “Обозрения”, но не ошибается ли он, когда говорит, что Аугсбург расположен в сердце Баварии? Он расположен на реке Лех, что является лишь частью Баварии, областью Швабии; или автор считает все завоеванные территории частью Баварии? Ваш покорный слуга, Н.Х., кофейня “Якобс”, 23 августа, 1704 год».

Автор следующего письма, оказавшегося в руках членов общества, потребовал немедленного ответа, словно он был под каким-то сильным притеснением:

«Джентльмены,

Ваши благородные сочинения, обнажающие все изъяны нашего общества и выставляющие их в скандальном свете, воодушевили меня обратиться собственной персоной в ваш почтенный клуб за ответом.

Я одинокий христианин, работаю торговцем шоколадом; недавно я побывал в Ирландии, где соблазнился прекрасной женщиной, женой другого человека. Но муж ее развелся с ней после этого, и она приехала в Англию искать покровительства у меня, требуя самого необходимого. Имея при себе небольшое количество наличных, я обратился к своему старому богатому другу, внушающему доверие джентльмену, занимающемуся биржевой игрой, проживающему со своей женой и детьми менее чем за милю от театра Royal Exchange. Я объяснил ему ситуацию, и он пообещал помощь при условии, что увидит ее; но этот проклятый разговор погубил меня; он предоставил ей одежду и жилье и сейчас великолепно содержит ее, ревностно оберегая для удовлетворения своей собственной похоти.

Джентльмены, я считаю себя почти использованным и надеюсь, что вы внесете свой вклад в удовлетворение нанесенного мне оскорбления, что возымеет колоссальное воздействие на старого охотника за молодыми задницами. Я буду предельно признателен вам. 24 августа, 1704 год. Ваш смиренный слуга, Рубен Бен Бумаф».

Общество решило, что действительно с этим джентльменом-христианином не совсем правильно обошлись; однако, если уж вершить правосудие, то все — и он, и старый развратник, и молодая прелюбодейка, нарушившая супружескую верность, должны быть заключены в Ньюгейтскую тюрьму до тех пор, пока закон не позаботится о них.

Некоторые джентльмены обращались к обществу со скромной просьбой ответить на какие-нибудь вопросы, например, чтобы разрешить спор между ними.

Общество пыталось втолковать им, что в их профессиональные обязательства не входит отвечать на вопросы; но если они найдут вопрос интересным и лишенным злого умысла, то приложат все усилия угодить их авторам. Итак, приступим к ответам на некоторые из них:

«Является ли человек, исключенный из палаты общин за коррупцию и со скамьи членов суда за предвзятость, подходящей кандидатурой для Комиссии общественного порядка в церковном приходе Святого Доминика?»

У общества была серьезная дискуссия по этому поводу, но, обнаружив, что в ответе можно допустить некоторую долю субъективности, в качестве ответа они привели следующее: «Столь же пригоден, сколько и в других комиссиях».

Они могли не отвечать, а лишь сказать джентльменам, что существует недавно организованное общество, о котором, должно быть, уже слышали, не так далеко от некоей таверны Патер-Ностер-Роу. Его члены взялись отвечать на подобного рода вопросы. (Мастер Меркьюри, № 6.)

И если кто-либо посмеет подшучивать над правительством, выставляя адмиралов, флот, армию, судей и кого бы то ни было, то вам туда.

Некоему Мистеру Вискеру, написавшему письмо от кофейни «Вилл», который добавляет, что с нетерпением ожидает ответа, рекомендуем заглянуть в 43-й номер «Обозрения», в два последних параграфа — там он найдет ответ на свое письмо, данный еще за месяц до его написания.

Рекомендуем джентльмену, отправившему обществу копию письма из армии Принца Рагокши в Венгрии, по возможности отправить последующее подтверждение того, что он был любезен пообещать в его второй бумаге.

Просим джентльмена, отправившего автору копию латинских стихов, сочиненных на последнюю победу при Хокстете, удвоить их количество — в этом случае, если они не будут опубликованы в «Обозрении», у него появится шанс увидеть их где-нибудь еще.

Джентльмен, который дал нам указание на ошибку в напечатании одного латинского письма, направленного обществу, («*Habere potes fidem Mihi in Saxonia Nato*»), обнаружит, что ошибка — его собственная, и что в письме было напечатано так: «*Habere potes fidem secure mihi*».

Просим читателей поправить ошибку в нашем последнем номере, с. 209, кол. 2, строка 2, после «о. Рюген» следует читать «и был бы далек от нападения на острова...».

Реклама

◆ Королевский экстракт для натуральных волос и париков, являясь самым нежным и чарующим запахом в природе, сильнейшим защитником волос от потускнения, блеклости и выгорания, помогает натуральным волосам расти более густыми, сильными и укрепляет их корни, эффективно оберегая от выпадения и сечения, позволяет пудре держаться на волосах дольше, чем это возможно при использовании какого-либо другого средства. Его несравненные благоухание и аромат делают ваш ум более сильным, пробуждают дух, стимулируют память и улучшают работу сердца, не вызывают потливости у женщин и т.п. Изготовленный без добавления мускуса и цибетина, он намного сладостнее и приятнее этих веществ. Это действительно несравненный аромат для ваших карманов, также бесподобно ароматизирующий и носовые платки. Имеется в наличии только у Мистера Олкрафта, магазин игрушек возле «Мальчика в голубом плаще» напротив театра Royal Exchange в Корнхилл. Герметично упакован, 2,6 шиллинга, к бутылочке прилагается инструкция.

◆ Возле Белого лебедя на Сноу-хилл, напротив таверны «Зеленый дракон», изготавливаются и продаются цветочные горшки для садов по последней моде: в форме урн, орлов и ананасов для размещения на стол-

бах больших ворот; также большие и маленькие фигуры, сделанные из твердого металла, намного более прочного, чем камень, и более дешевого; также свечные формы, пригодные для изготовления восковых или жировых свеч — от 1 до 20 фунтов. Также изготовляются искусственные фонтаны, которые играют водой от 1, 2 или 3 футов до 20 или 30 футов в высоту, на протяжении 1, 2, 3 или 6 часов, без повторного использования одной и той же воды, фонтаны могут быть использованы для тушения пожара высотой в 40 или 50 футов, с длительной струей, которая выше, чем у обычных пожарных насосов.

Недавно вышли в свет

◆ «Адмирал о Кастильском манифесте». Содержит: 1. Причины своего отсоединения от Испании. 2. Интриги и правление кардинала Портокарреро и дона Мануэля дэ Ариаса. 3. Правительство кардинала Портокарреро и прочих после смерти короля. 4. Планы Франции против Испании 5. Способ, с помощью которого адмирал совершил побег в Португалию. 6. Его деятельность в Лиссабоне после прихода туда короля Чарльза III. Лондон, печатается и продается Джоном Наттом, около Стэйшенерз-Холла, 1704 год.

◆ Маска сдержанности сорвана, грязное лицо конформизма обнажено как результат нового ядовитого памфлета под названием «Сдержанность все еще добродетель». Его автор выставил напоказ и опроверг все доводы и аргументы в пользу этого утверждения. Цена — 1 шиллинг.

◆ Второй номер «Кассандры» опубликован, цена 1,6 шиллинга.

◆ Ежемесячный журнал о делах Европы, содержащий различные важные и очень занимательные события, которых вы не найдете в других отчетах; первый номер — июль, 1704 год. Ежемесячное продолжение следует. Напечатано для Дж. Саубридж в Малой Британии; продается Джоном Наттом возле Стэйшенерз-холл.

Доктор физических наук лечит все стадии заболевания у зараженных венерическими болезнями людей самым простым, безопасным и быстрым способом; любой человек может получить у него консультацию и абсолютное излечение, даже если его или ее болезнь самая продолжительная. Он даст консультацию по всем заболеваниям и выпишет курс лечения. Доктор Харборуф (физических наук) в Большой Найт-Ридерс-стрит, возле «Сообщества докторов».

ДЖОНАТАН СВИФТ
(1667–1745)

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОБ ИСПРАВЛЕНИИ, УЛУЧШЕНИИ И ЗАКРЕПЛЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПИСЬМЕ К ВЫСОКОЧТИМОМУ РОБЕРТУ ОКСФОРДУ И МОРТИМЕРУ, ЛОРДУ-КАЗНАЧЕЮ ВЕЛИКОБРИТАНИИ[1]

Милорд! То, что я имел честь высказать Вашей светлости в недавней нашей беседе, не было для меня мыслью новой, возникшей случайно и произвольно, но плодом долгих размышлений, и с тех пор суждения некоторых весьма сведущих лиц, к которым я обратился за советом, еще более утвердили меня в справедливости моих соображений. По их общему мнению, ничто не будет столь полезным для развития науки и улучшения нравов, как действенные меры, рассчитанные на исправление, улучшение и закрепление нашего языка, и они полагают вполне возможным осуществить такого рода предприятие при покровительстве государя, поддержке и поощрении его министров и стараниях надлежащих лиц, для сего избранных. Я с радостью услышал, что ответ Вашей светлости отличается от того, что в последние годы принято говорить в подобных случаях, а именно: что дела такого рода следует отложить до мирного времени — общее место, настаивая на котором иные зашли так далеко, что из-за войны, которую мы ведем за рубежом, рады любыми средствами заставить нас не думать о соблюдении гражданских и религиозных обязанностей.

Милорд, от имени всех ученых и просвещенных лиц нашего государства я жалуюсь Вашей светлости, как главе министерства, что наш язык крайне несовершенен, что повседневное его улучшение ни в коей

[1] В 1710 г. в своем журнале «Тэтлер» («Болтун») Свифт осмеял многочисленные искажения английского языка английскими аристократами. «Предложение...» (1712) — более глубокое осмысление высказываний Свифта о родном языке. Памфлет написан в форме проекта, предложенного на рассмотрение одному из влиятельнейших английских чиновников — лорду-казначею графу Роберту Оксфорду.

Печатается по: *Свифт Джонатан.* Памфлеты / Пер. М. Шерешевской. М., 1955.

мере не соответствует повседневной его порче; что те, кто полагает, будто они делают наш язык более отточенным и изысканным, только умножили его неправильности и нелепости и что во многих случаях попираются все законы грамматики. Но дабы Ваша светлость не сочла мой приговор слишком суровым, я позволю себе высказаться подробнее.

Ваша светлость, полагаю, согласится с моим объяснением причин меньшей утонченности нашего языка по сравнению с итальянским, испанским или французским. Совершенно очевидно, что чистый латинский язык никогда не был распространен на этом острове, поскольку не предпринималось, или почти не предпринималось, никаких попыток завоевать его вплоть до времени Клавдия. И в Британии среди народа латинский язык не был в столь общем употреблении, как в Галлии и Испании. Далее мы видим, что римские легионы были отсюда отозваны, чтобы помочь своей стране против нашествия готов и других варваров. Между тем предоставленные сами себе бритты подверглись жестоким набегам пиктов и были вынуждены призвать на помощь саксов. В результате саксы установили свою власть почти над всем островом, оттеснив бриттов в самые отдаленные и горные области, меж тем как остальные части страны приняли обычаи, религию и язык саксов. Это, я полагаю, и послужило причиной того, что в языке бриттов сохранилось больше латинских слов, нежели в древнесаксонском, который, исключая незначительные изменения в правописании, сходен в большинстве своих исконных слов с современным английским, а также немецким и другими северными языками.

Эдуард Исповедник, долго живший во Франции, первый, по-видимому, внес некоторую примесь французского в саксонский язык. Двор стремился угодить своему королю, а все остальные сочли это модным, что происходит у нас и ныне. Вильгельм Завоеватель пошел значительно дальше. Он привез с собой великое множество французов, рассеял их по всем монастырям, раздал им большие земельные наделы, приказал все прошения писать по-французски и попытался ввести этот язык в общее употребление по всему королевству. Так, во всяком случае, принято думать. Однако Ваша светлость вполне убедили меня в том, что французский язык сделал еще более значительные успехи в нашей стране при Генрихе II, который, получив большие владения на континенте во французской земле как от отца, так и от супруги, совершал туда частые поездки в сопровождении большого числа соотечественников, состоявших при его дворе. В течение нескольких следующих веков продолжались постоянные сношения между Францией и Англией как ради принадлежащих нам во Франции владений, так и ради новых завоеваний. Таким образом, два или три столетия назад в нашем языке было, по-видимому, больше французских слов, нежели сейчас. Многие слова были впоследствии отвергнуты, некоторые уже во времена Спенсера, хотя у нас со-

хранилось еще немало слов, давно вышедших из употребления во Франции. Я мог бы привести несколько примеров как того, так и другого рода, будь они хоть сколько-нибудь полезны или занимательны.

Исследование различных обстоятельств, в силу которых может изменяться язык страны, увлекло бы меня в весьма пространную область. Отмечу только, что у латинского, французского и английского языков была, по-видимому, сходная судьба. Первый со времен Ромула до Юлия Цезаря подвергался непрерывным изменениям. Из того, что мы читаем у писателей, случайно затронувших сей вопрос, так же как из отдельных отрывков древних законов, ясно, что латинский язык, на котором говорили за три столетия до Туллия, был столь же непонятен в его время, как английский или французский языки трехсотлетней давности непонятны нам сейчас. А со времени Вильгельма Завоевателя (то есть немногим менее чем за семьсот лет) оба эти языка изменились не меньше, чем латинский за такой же период времени. Будет ли наш язык или французский разрушаться с той же быстротой, что и латинский, — вопрос, который может вызвать больше споров, нежели того заслуживает. Порча латинского языка объясняется многими причинами: например, переходом к тираническому образу правления, погубившему красноречие, ибо отпала нужда поощрять народных ораторов; предоставлением жителям многих городов Галлии, Испании и Германии, а также других далеких стран, вплоть до Азии, не только гражданства города Рима, но и права занимать различные должности, что привело в Рим множество чужеземных искателей удачи; раболепством сената и народа, вследствие чего остроумие и красноречие превратились в славословие — пустейшее из всех занятий; величайшей испорченностью нравов и проникновением чужеземных предметов роскоши вместе с чужеземными словами для их обозначения. Можно было бы указать еще на несколько причин, не говоря уже о вторжениях готов и вандалов, значение коих слишком очевидно, чтобы нужно было на них останавливаться особо.

Язык римлян достиг высокого совершенства прежде, чем начал приходить в упадок. А французский язык за последние пятьдесят лет подвергся такой тщательной отделке, какую только был в состоянии выдержать; тем не менее и он, по-видимому, приходит в упадок вследствие природной непоследовательности французов и из-за особого пристрастия некоторых их авторов, особенно недавнего времени, злоупотреблять жаргонными словами — наипагубнейшее средство исказить язык. Покойный Лабрюйер, прославленный среди французов писатель, пользовался многими новыми словами, коих нет ни в одном из ранее составленных общих словарей. Английский язык, однако, не достиг еще такой степени совершенства, когда следует опасаться его упадка. Если же он достигнет определенного предела утонченности, то, возможно, найдутся способы закрепить его навечно или по крайней мере до той поры,

пока мы не подвергнемся вторжению или не окажемся порабощенными другим государством. Но даже в последнем случае лучшие наши творения, вероятно, тщательно хранились бы, их приучились бы ценить, а сочинители их приобрели бы бессмертие.

Однако даже и без подобных переворотов (коим, мне думается, мы менее подвержены, нежели континентальные королевства) я не вижу необходимости в том, чтобы язык постоянно менялся, ибо можно привести множество примеров обратного. От Гомера до Плутарха прошло свыше тысячи лет, и можно признать, что по крайней мере в течение этого времени чистота греческого языка сохранялась. Колонии греков располагались по всему побережью Малой Азии вплоть до северных ее областей, расположенных у Черного моря, на всех островах Эгейского и на некоторых — Средиземного, где на протяжении многих веков, даже после того как они стали римскими колониями, греческий язык сохранялся неизменным, пока после падения империи греки не были покорены варварскими народами.

У китайцев есть книги на языке двухтысячелетней давности, и даже частые нашествия татар не смогли его изменить. Немецкий, испанский и итальянский языки за последние несколько веков подверглись незначительным изменениям или не изменились вовсе. Мне ничего не известно о других европейских языках, да и нет особых причин их рассматривать.

Завершив сей обзор, я возвращаюсь к рассуждениям о нашем собственном языке и желал бы смиренно предложить оные вниманию Вашей светлости. По моему мнению, период, в который английский язык достиг своего наибольшего совершенства, начинается с первых лет правления Елизаветы и кончается великим мятежом сорок второго года. Правда, слог и мысли были тогда очень дурного вкуса, в особенности при короле Якове I, но, кажется, обрели пристойность в первые годы правления его преемника, который, помимо многих других качеств превосходного монарха, был великим покровителем просвещения. Я имею основания сомневаться в том, что со времени междоусобной войны порча нашего языка не уравновесила по меньшей мере те улучшения, которые мы в него внесли. Лишь немногие из лучших авторов нашего века полностью избежали этой порчи. В период узурпации жаргон фанатиков настолько проник во все сочинения, что от него невозможно было избавиться в течение многих лет. Затем последовала пришедшая с Реставрацией распущенность, которая, пагубно отразившись на нашей религии и нравственности, сказалась и на нашем языке. Едва ли улучшению языка мог содействовать двор Карла II, состоявший из людей, которые последовали за ним в изгнание, либо из тех, кто слишком наслушался жаргона времен фанатиков, либо молодежи, воспитанной во Франции. Так что двор, который обычно был образцом пристойной и правильной речи, стал, и продолжает с тех пор оставаться, худшей в Англии школой язы-

ка. Таковым он пребудет и впредь, если воспитанию дворянской молодежи не будет отдано больше заботы, дабы она могла выходить в свет, владея некоторыми основами словесных наук, и стать образцом просвещенности. В какой мере сей недостаток отразился на нашем языке, можно судить по пьесам и другим развлекательным сочинениям, написанным за последние пятьдесят лет. Они в избытке наполнены жеманными речами, недавно выдуманными словами, заимствованными либо из придворного языка, либо у тех, кто, слывя остроумцами и весельчаками, считает себя вправе во всем предписывать законы. Многие из сих утонченностей давно уже устарели и едва ли понятны теперь, что неудивительно, поскольку они были созданы единственно невежеством и прихотью.

Насколько мне известно, еще не бывало, чтобы в этом городе не нашелся один, а то и больше высокопоставленных олухов, пользующихся достаточным весом, чтобы пустить в ход какое-нибудь новое словечко и распространять его при каждом разговоре, хотя оно не содержит в себе ни остроты, ни смысла. Если словечко сие приходилось по вкусу, его тотчас вставляли в пьесы да журнальную писанину, и оно входило в наш язык; а умные и ученые люди, вместо того чтобы сразу же устранять такие нововведения, слишком часто поддавались соблазну подражать им и соглашаться с ними.

Есть другой разряд людей, также немало способствовавших порче английского языка: я имею в виду поэтов времен Реставрации. Эти джентльмены не могли не сознавать, сколь наш язык уже обременен односложными словами, тем не менее, чтобы сберечь себе время и труд, они ввели варварский обычай сокращать слова, чтобы приспособить их к размеру своих стихов. И занимались этим так часто и безрассудно, что создали резкие, нестройные созвучия, какие способно вынести лишь северное ухо. Они соединяли самые жесткие согласные без единой гласной между ними только ради того, чтобы сократить слово на один слог. Со временем их вкус настолько извратился, что они оказывали предпочтение тому, что прежде считалось неоправданной поэтической вольностью, утверждая, что полное слово звучит слабо и вяло. Под этим предлогом такой же обычай был усвоен и в прозе, так что большинство книг, которые мы видим ныне, полны обрубками слов и сокращениями. Примеры таких злоупотреблений бесчисленны. И вот, опуская гласную, чтобы избавиться от лишнего слога, мы образуем созвучия столь дребезжащие, столь трудно произносимые, что я часто недоумевал, можно ли их вообще выговорить.

Уродованию нашего языка немало способствовала и другая причина (вероятно, связанная с указанной выше); она заключается в странном мнении, сложившемся за последние годы, будто мы должны писать в точности так, как произносим. Не говоря уже об очевидном неудобстве — полном разрушении этимологии нашего языка, изменениям тут не предвиделось бы конца. Не только в отдельных городах и графствах

Англии произносят по-разному, но даже и в Лондоне: при дворе комкают слова на один лад, в Сити — на другой, а в предместьях — на третий. И через несколько лет, вполне возможно, все эти выговоры опять переменятся, подчинившись причудам и моде. Перенесенное в письменность, все это окончательно запутает наше правописание. Тем не менее многим эта выдумка настолько нравится, что иногда становится нелегким делом читать современные книги и памфлеты, в которых слова так обрублены и столь отличны от своего исконного написания, что всякий, привыкший к обыкновенному английскому языку, едва ли узнает их по виду.

В университетах некоторые молодые люди, охваченные паническим страхом прослыть педантами, впадают в еще худшую крайность, полагая, что просвещенность состоит в том, чтобы читать каждодневный вздор, который им присылают из Лондона; они называют это знанием света и изучением людей и нравов. С такими познаниями прибывают они в город, считают совершенством свои ошибки, усваивают набор новейших выражений, и когда берут в руки перо, то выдают за украшение стиля все необычайные словечки, подобранные в кофейнях и игорных домах, причем в правописании они изощряются до крайних пределов. Вот откуда взялись те чудовищные изделия, которые под именем «Прогулок», «Наблюдений», «Развлечений» и других надуманных заглавий обрушились на нас в последние годы. Вот откуда взялось то странное племя умников, которые уверяют нас, будто пишут в соответствии со склонностями нынешнего века. Я был бы рад, если бы мог сказать, что эти причуды и кривлянья не затронули более серьезных предметов. Словом, я мог бы показать Вашей светлости несколько сочинений, где красоты такого рода столь обильны, что даже Вы, при ваших способностях к языкам, не смогли бы их прочесть или понять.

Но я убежден, что многие из этих мнимых совершенств выросли из принципа, который, если его должным образом осознать и продумать, полностью бы их развенчал. Ибо опасаюсь, милорд, при всех наших хороших качествах просвещенность нам по природе не слишком свойственна. Наше беспрестанное стремление укорачивать слова, отбрасывая гласные, есть не что иное, как склонность вернуться к варварству тех северных народов, от которых мы произошли и языки которых страдают тем же недостатком. Нельзя не обратить внимания на то, что испанцы, французы и итальянцы, хотя и ведут свое происхождение от одних с нами северных предков, с величайшим трудом приучаются произносить наши слова, меж тем как шведы и датчане, а также немцы и голландцы достигают этого с легкостью, потому что наши слова и их сходны по грубости и обилию согласных. Мы боремся с суровым климатом, чтобы вырастить более благородные сорта плодов, и, построив стены, которые задерживают и собирают слабые лучи солнца и защищают от северных ветров, иногда с помощью хорошей почвы получаем

такие же плоды, какие выращивают в более теплых странах, где нет нужды в стольких затратах и усилиях. То же относится и к изящным искусствам. Возможно, что недостаток тепла, который делает нас по природе суровыми, способствует и грубости нашего языка, несколько напоминающего терпкие плоды холодных стран. Ибо я не думаю, что мы менее даровиты, чем наши соседи. Ваша светлость, я надеюсь, согласится с тем, что мы должны всеми силами бороться с нашими природными недостатками и быть осмотрительными в выборе тех, кому поручаем их исправление, меж тем как доныне это выполняли люди, наименее к тому пригодные. Если бы выбор был предоставлен мне, я скорее вверил бы исправление нашего языка (там, где дело касается звуков) усмотрению женщин, нежели безграмотным придворным хлыщам, полоумным поэтам и университетским юнцам. Ибо ясно, что женщины, по свойственной им манере коверкать слова, естественно, отбрасывают согласные, как мы — гласные. То, что я сейчас поведаю Вашей светлости, может показаться сущими пустяками. Находясь однажды в смешанном обществе мужчин и женщин, попросил я двух или трех лиц каждого пола взять перо и написать подряд несколько букв, какие придут им в голову. Прочитав сей набор звуков, нашли мы, что написанное мужчинами, из-за частых сочетаний резких согласных, звучит подобно немецкому языку, а написанное женщинами — подобно итальянскому, изобилуя гласными и плавными звуками. И хотя я ни в коем случае не намереваюсь затруднять наших дам, испрашивая у них совета в деле преобразования английского языка, мне думается, что нашей речи нанесен большой вред с тех пор, как они исключены из всех мест, где собирается общество, а появляются лишь на балах и в театрах, да в других местах, где происходит многое еще худшее.

Для того чтобы внести преобразования в наш язык, думается мне, милорд, надобно по здравом размышлении произвести свободный выбор среди лиц, которые всеми признаны наилучшим образом пригодными для такого дела, невзирая на их звания, занятия и принадлежность к той или иной партии. Они, по крайней мере некоторые из их числа, должны собраться в назначенное время и в назначенном месте и установить правила, которыми намереваются руководствоваться. Какими методами они воспользуются — решать не мне.

Лица, взявшие на себя сию задачу, будут иметь перед собой пример французов. Они смогут подражать им в их удачах и попытаются избежать их ошибок. Помимо грамматики, где мы допускаем очень большие погрешности, они обратят внимание на многие грубые нарушения, которые, хотя и вошли в употребление и стали привычными, должны быть изъяты. Они найдут множество слов, которые заслуживают, чтобы их совершенно выбросили из языка, еще больше — слов, подлежащих исправлению, и, возможно, несколько давно устаревших, которые следует восстановить ради их силы и звучности.

Но более всего я желаю, чтобы обдумали способ, как установить и закрепить наш язык навечно, после того как будут внесены в него те изменения, какие сочтут необходимыми. Ибо, по моему мнению, лучше языку не достичь полного совершенства, нежели постоянно подвергаться изменениям. И мы должны остановиться, в противном случае наш язык в конце концов неизбежно изменится к худшему. Так случилось с римлянами, когда они отказались от простоты стиля ради изощренных тонкостей, какие мы встречаем у Тацита и других авторов, что постепенно привело к употреблению многих варваризмов еще до вторжения готов в Италию.

Слава наших писателей обыкновенно не выходит за пределы этих двух островов, и плохо, если из-за непрестанного изменения нашей речи она окажется ограниченной не только местом, но и временем. Именно Ваша светлость заметили, что, не будь у нас Библии и молитвенника на языке народном, мы вряд ли могли бы понимать что-либо из того, что писалось у нас каких-нибудь сто лет назад. Ибо постоянное чтение этих двух книг в церквах сделало их образцом для языка, особенно простого народа. И я сомневаюсь, чтобы внесенные с той поры изменения способствовали красоте и силе английской речи, хотя они во многом уничтожили ту простоту, которая является одним из величайших совершенств любого языка. Вы, милорд, — лицо, столь сведущее в Священном Писании, и такой знаток его оригинала — согласитесь, что ни один перевод, когда-либо выполненный в нашей стране, не может сравниться с переводом Ветхого и Нового Завета. И многие прекрасные отрывки, которые я часто удостаивался слышать от Вашей милости, убедили меня в том, что переводчики Священного Писания в совершенстве владели английской речью и справились со своей задачей лучше, нежели писатели наших дней, что я приписываю той простоте, которой эта книга целиком проникнута.

Далее, что касается большей части нашей литургии, составленной задолго до перевода Библии, которым мы ныне пользуемся и мало с тех пор измененным, то, по-видимому, мы вряд ли сможем найти в нашем языке более величественные примеры подлинного и возвышенного красноречия; каждый человек с хорошим вкусом найдет их в молитвах причастия, в заупокойной и других церковных службах.

Но когда я говорю, что желал бы сохранить наш язык навеки, я вовсе не хочу сказать, что не следует обогащать его. При условии, что ни одно слово, одобренное вновь созданным Обществом, впоследствии не будет исключено и не исчезнет, можно разрешить вводить в язык любые новые слова, какие сочтут нужными. В таком случае старые книги всегда будут ценить по их истинным достоинствам и не будут пренебрегать ими из-за непонятных слов и выражений, которые кажутся грубыми и неуклюжими единственно потому, что вышли из моды.

Если бы до нашего времени народ в Риме продолжал говорить на латинском языке, внести в него новые слова стало бы совершенно необходимым в силу великих изменений в законах, ремеслах и воинском деле,

в силу многих новых открытий, сделанных во всех частях света, широкого распространения мореходства и торговли и множества других обстоятельств; и все же древних авторов читали бы с удовольствием и понимали с легкостью. Греческий язык значительно обогатился со времени Гомера до Плутарха, но, вероятно, в дни Траяна первого из них понимали так же хорошо, как и последнего. Когда Гораций говорит, что слова увядают и гибнут, подобно листьям, и новые занимают их места, он, скорее, сетует по этому поводу, нежели сие одобряет. Но я не вижу, почему это должно быть неизбежным, а если и так, то что сталось бы с его Monumentum aere perennius?

Так как сейчас я пишу единственно по памяти, то предпочту ограничиться тем, что твердо знаю, а посему не буду входить в дальнейшие подробности. К тому же я хочу только доказать полезность моего проекта и высказать несколько общих соображений, предоставив все прочее тому Обществу, которое, надеюсь, будет учреждено и получит благодаря Вашей светлости поддержку. Кроме того, мне хотелось бы избежать повторений, ибо многое из того, что я имел сказать по данному поводу, уже сообщалось мною читателям при посредничестве некоего остроумного джентльмена, который долгое время трижды на неделе развлекал и поучал сие королевство своими статьями и ныне, как полагают, продолжает свое дело под именем «Зрителя». Сей автор, столь успешно испробовавший силы и возможности нашего языка, полностью согласен с большинством моих суждений, так же как и большая часть тех мудрых и ученых людей, с коими я имел счастье беседовать по этому поводу. А посему, полагаю, такое Общество выскажется весьма единодушно по основным вопросам.

СКРОМНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ[1],

имеющее целью не допустить, чтобы дети бедняков в Ирландии были в тягость своим родителям или своей родине, и, напротив, сделать их полезными для общества

Печальное зрелище предстает перед теми, кто прогуливается по этому большому городу или путешествует по стране, когда они видят на улицах, на дорогах и у дверей хижин толпы нищих женщин с тремя, четырь-

[1] Памфлет «Скромное предложение...» (1729) написан в год одного из крупнейших за всю историю Ирландии неурожаев. Несмотря на массовый голод, приведший к вымиранию целых районов, английское правительство не предприняло никаких мер, чтобы помочь голодающим. «Скромное предложение...», полное гнева и трагической иронии, скрытых за внешне беспристрастным тоном памфлета, стало тягчайшим обвинением английскому правительству.

Печатается по: *Свифт Джонатан*. Памфлеты / Пер. Б. Томашевского. М., 1955.

мя или шестью детьми в лохмотьях, пристающих к каждому прохожему за милостыней. Эти матери, не имея возможности честным трудом заработать себе на пропитание, вынуждены все время блуждать по улицам, вымаливая подаяния для своих беспомощных младенцев; а те, когда вырастают, или становятся ворами, за отсутствием работы, или покидают свою любимую родину для того, чтобы сражаться за претендента на трон в Испании, или же продают себя на Барбадос.

Я думаю, что все партии согласны с тем, что такое громадное количество детей на руках, на спине или под ногами у матерей, а часто и у отцов, представляет собою лишнюю обузу для нашего королевства в его настоящем плачевном положении. Поэтому всякий, кто мог бы изыскать хорошее, дешевое и легкое средство превратить этих людей в полезных членов общества, вполне заслужил бы, чтобы ему воздвигли памятник как спасителю отечества.

Но моя задача отнюдь не ограничивается заботой о детях одних только профессиональных нищих; она гораздо шире и распространяется вообще на всех детей определенного возраста, родители которых по существу так же мало способны содержать их, как и те, кто просит милостыню на улицах.

Со своей стороны, обдумывая в течение многих лет этот важный вопрос и зрело взвешивая некоторые предложения наших прожектеров, я всегда находил, что они грубо ошибаются в своих расчетах.

Правда, только что родившийся младенец может прожить целый год, питаясь молоком матери, с незначительным прибавлением другой пищи, которая обойдется не больше, чем два шиллинга. Эту сумму мать, конечно, может добыть или деньгами, или в виде остатков пищи, пользуясь своим законным правом просить милостыню. А по отношению к детям, достигшим года, я именно и предлагаю применить такие меры, благодаря которым они не будут в дальнейшем нуждаться в пище и одежде и не только не станут бременем для своих родителей или для своего прихода, но, напротив, сами будут способствовать тому, чтобы многие тысячи людей получали пищу и отчасти одежду.

Другая важная выгода моего проекта заключается еще и в том, что он положит конец добровольным абортам и ужасному обычаю женщин убивать своих незаконных детей (обычай, увы, очень распространенный у нас!). При этом бедные невинные младенцы несомненно приносятся в жертву с целью избежать не столько позора, сколько расходов, и это обстоятельство способно исторгнуть слезы из глаз и возбудить сострадание в самом жестоком и бесчеловечном сердце.

Поскольку население нашего королевства насчитывает сейчас полтора миллиона, то, по моим расчетам, среди них может оказаться около двухсот тысяч женщин, способных иметь детей. Из этого числа я вычитаю тридцать тысяч супружеских пар, которые в состоянии прокормить своих де-

тей (хотя я не думаю, чтобы их было так много, учитывая нынешнее трудное положение в королевстве). Но если и допустить, что это так, то все же останется еще сто семьдесят тысяч женщин, способных иметь детей. Я вычитаю еще пятьдесят тысяч женщин, в число которых входят женщины с выкидышами или те женщины, чьи дети умерли от несчастных случаев или болезней на первом году жизни. Остается, таким образом, сто двадцать тысяч детей, рождающихся ежегодно от бедных родителей.

Возникает вопрос: как вырастить и обеспечить это количество детей? Как я уже сказал, при настоящем положении вещей это совершенно не представляется возможным с помощью тех способов, которые до сих пор предлагались. Ибо мы не можем найти для них применения ни в ремеслах, ни в сельском хозяйстве.

Мы не строим домов (я имею в виду в деревне) и не возделываем землю. Эти дети очень редко могут добыть себе пропитание воровством, раньше чем они достигнут шестилетнего возраста, если только они не одарены выдающимися способностями. Впрочем, я должен признать, что они усваивают основы этого занятия гораздо раньше, однако в это время их можно считать только учениками. Как мне сообщило одно ответственное административное лицо из графства Кэйвен, ему не приходилось встречать больше одного-двух случаев воровства в возрасте до шести лет, даже в части королевства, широко известной своими быстрыми успехами в этом искусстве.

Наши купцы убеждали меня в том, что мальчик или девочка в возрасте до двенадцати лет — не ходкий товар; и даже достигнув этого возраста, они оцениваются не свыше трех фунтов или самое большее в три фунта, два шиллинга и шесть пенсов. Это не может возместить затраты родителей или государства, так как пища и лохмотья ребенка стоят по крайней мере в четыре раза дороже.

Поэтому я скромно предлагаю на всеобщее рассмотрение свои мысли по этому поводу, которые, как я надеюсь, не вызовут никаких возражений.

Один очень образованный американец, с которым я познакомился в Лондоне, уверял меня, что маленький здоровый годовалый младенец, за которым был надлежащий уход, представляет собою в высшей степени восхитительное, питательное и полезное для здоровья кушанье, независимо от того, приготовлено оно в тушеном, жареном, печеном или вареном виде. Я не сомневаюсь, что он так же превосходно подойдет и для фрикасе или рагу.

Я беру на себя смелость просить всех обратить внимание и на то обстоятельство, что из учтенных нами ста двадцати тысяч детей двадцать тысяч можно сохранить для дальнейшего воспроизведения потомства, причем только четвертая часть этих младенцев должна быть мужского пола. Это больше, чем обычно оставляется баранов, быков или боровов; я принимаю здесь во внимание, что эти дети редко бывают плодом за-

конного брака, обстоятельство, на которое дикари не обращают особого внимания, и поэтому одного самца будет вполне достаточно, чтобы обслужить четырех самок. Остальные же сто тысяч, достигнув одного года, могут продаваться знатным и богатым лицам по всей стране. Следует только рекомендовать матерям обильно кормить их грудью в течение последнего месяца, с тем чтобы младенцы сделались упитанными и жирными и хорошо годились бы в кушанье для изысканного стола. Из одного ребенка можно приготовить два блюда на обед, если приглашены гости; если же семья обедает одна, то передняя или задняя часть младенца будет вполне приемлемым блюдом, а если еще приправить его немного перцем или солью, то можно с успехом употреблять его в пищу даже на четвертый день, особенно зимою.

Я рассчитал, что только что родившийся ребенок весит в среднем двенадцать фунтов, а в течение года, при хорошем уходе, достигнет двадцати восьми фунтов.

Я согласен, что это будут несколько дорогие блюда и потому подходящие для помещиков, которые, пожрав уже большую часть родителей, по-видимому, имеют полное право и на их потомство.

Детское мясо будет продаваться в течение всего года, но особенно много его будет в марте, а также несколько раньше и немного позже. Ибо один серьезный писатель, знаменитый французский врач, сообщил нам, что так как рыба — пища весьма возбуждающая, то в романских католических странах примерно через девять месяцев после поста рождается гораздо больше детей, чем в любое другое время года. Поэтому приблизительно через год после поста рынки будут завалены детским мясом, так как в нашем королевстве приходится трое детей-католиков на одного протестантского младенца.

Косвенной выгодой всего этого явится уменьшение среди нас числа сторонников папы.

Я уже вычислил, что стоимость содержания ребенка из бедной семьи (в этот список я включаю всех поселян, владеющих хижиной, чернорабочих и четыре пятых фермеров-арендаторов) равняется примерно двум шиллингам в год, включая сюда и лохмотья. И я думаю, что ни один джентльмен не пожалеет дать десять шиллингов за тельце хорошего, жирного младенца, из которого, как я уже сказал, можно приготовить четыре блюда превосходного питательного мяса и угостить за обедом приятеля или просто подать на стол, когда семья обедает без гостей. Таким образом, помещик научится быть хорошим хозяином и завоюет себе популярность среди своих арендаторов. А мать ребенка получит восемь шиллингов чистой прибыли и будет в состоянии работать, пока не произведет на свет другого младенца.

Люди более бережливые (я должен заметить, что время требует бережливости) могут еще вдобавок содрать и кожу; из надлежащим об-

разом обработанной кожи младенца могут быть изготовлены превосходные дамские перчатки, а также летняя обувь для изящных джентльменов.

Что же касается нашего города Дублина, то бойни могут быть устроены в самых удобных местах, причем можно быть уверенным, что в мясниках недостатка не будет. Я бы все же рекомендовал покупать детей живыми, а не приготовлять их еще теплыми из-под ножа, как мы жарим поросят.

Один искренне любящий свою родину и весьма почтенный человек, добродетели которого я высоко ценю, недавно, разговаривая со мною на эту тему, соизволил внести в мой проект небольшое дополнение. Он сказал, что многие джентльмены нашего королевства за последнее время уничтожили во время охоты почти всех своих оленей, и он полагает, что недостаток оленины можно было бы прекрасно возместить мясом подростков, мальчиков и девочек, не старше четырнадцати и не моложе двенадцати лет. Ведь в настоящее время огромному числу людей обоего пола во всех странах грозит голодная смерть из-за отсутствия работы, и родители, если они еще живы, а за неимением их — ближайшие родственники будут рады избавиться от детей. Но, отдавая должное мнению моего достойнейшего друга и столь славного патриота, я все же должен заметить, что не могу с ним полностью согласиться. Ибо что касается мальчиков, то мой знакомый американец на основании своего собственного богатого опыта уверял меня, что их мясо обычно бывает жестким и тощим, как у наших школьников от их большой подвижности, и имеет неприятный привкус, а откармливать их было бы слишком невыгодно, так как не оправдало бы расходов. Что же касается девочек, то здесь я осмелюсь высказать свое скромное соображение в том смысле, что это будет все же некоторая утрата для общества, так как они сами вскоре должны будут стать матерями. К тому же весьма вероятно, что некоторые щепетильные люди станут осуждать это мероприятие (хотя, конечно, совершенно несправедливо), как граничащее с жестокостью, что, по моему мнению, всегда является самым серьезным возражением против любого проекта, как бы хороши ни были его конечные цели.

В оправдание моего друга скажу только, что идею этого мероприятия, по его собственному признанию, ему внушил знаменитый Салманазар, уроженец острова Формоза, который приехал оттуда в Лондон около двадцати лет тому назад. Беседуя с моим другом, он рассказал ему, что на его родине, когда случается казнить людей еще молодых, палач обычно продает тело казненного знатным людям, как самое высшее лакомство, и что в то время, когда он еще жил там, тело одной полненькой пятнадцатилетней девушки, распятой за покушение отравить императора, было прямо с креста продано по частям первому министру его величества и другим знатным придворным мандаринам за четыреста крон.

Действительно, я не могу отрицать, что если бы то же самое сделать с некоторыми полненькими молодыми девушками в нашем городе, которые, не имея за душой ни гроша, не показываются в обществе иначе как в паланкине и появляются в театрах и на вечерах в изысканных заграничных туалетах, за которые они никогда не заплатят, — то наше королевство ничего бы от этого не потеряло.

Некоторых лиц с мрачным складом характера весьма беспокоит огромное количество старых, больных или искалеченных бедняков, и меня просили подумать о таком средстве, которое могло бы помочь нации освободиться от столь тяжелого бремени. Но меня это совершенно не волнует, так как хорошо известно, что они ежедневно умирают и гниют заживо от холода, голода, грязи и насекомых, и притом с такой быстротой, которая превосходит все возможные ожидания.

Что же касается молодых поденщиков, то они находятся теперь в положении, дающем надежду на такой же исход; они не могут получить работу и вследствие этого постепенно истощаются от недостатка питания до такой степени, что если их и нанимают на какую-нибудь случайную работу, у них нет сил ее выполнить, и таким образом страна и они сами весьма удачно избавляются от дальнейших зол.

Я сделал слишком длинное отступление и поэтому возвращаюсь к своей основной теме.

Я полагаю, что выгоды моего предложения столь очевидны и многочисленны, что, несомненно, будут признаны в высшей степени важными.

Во-первых, как я уже заметил, проведение его в жизнь значительно уменьшит число католиков, которые из года в год наводняют нашу страну, так как они являются основными производителями детей для нации, а вместе с тем — и нашими самыми опасными врагами. Они нарочно не покидают пределов страны, чтобы отдать королевство во власть претендента, надеясь воспользоваться отсутствием большого количества добрых протестантов, которые предпочли лучше покинуть свое отечество, чем остаться дома и платить против своей совести десятину епископальному священнику.

Во-вторых, у самых бедных арендаторов найдется теперь хоть какая-нибудь ценная собственность, которую можно будет, согласно закону, описать и тем помочь уплатить ренту помещику, так как хлеб и скот у них уже отняты, а деньги — вещь в наших краях совершенно неизвестная.

В-третьих, так как содержание ста тысяч детей от двух лет и старше не может быть оценено менее, чем в десять шиллингов ежегодно за душу, то национальный доход тем самым увеличится на пятьдесят тысяч фунтов в год, не говоря уже о стоимости нового блюда, которое появится на столах наших богатых джентльменов с утонченным гастрономическим вкусом. А деньги будут обращаться только среди нас, так как товар полностью выращивается и производится в нашей стране.

В-четвертых, постоянные производители детей, помимо ежегодного заработка в восемь шиллингов за проданного ребенка, по прошествии первого года будут избавлены от забот по его содержанию.

В-пятых, это новое кушанье привлечет много посетителей в таверны, владельцы которых, конечно, постараются достать наилучшие рецепты для приготовления этого блюда самым тонким образом, и в результате их заведения будут посещаться всеми богатыми джентльменами, которые справедливо гордятся своим знанием хорошей кухни, а искусный повар, знающий как угодить гостям, ухитрится сделать это кушанье таким дорогим, что оно им непременно понравится.

В-шестых, это в значительной степени увеличило бы число браков, к заключению которых все разумные государства или поощряют путем денежных наград, или понуждают насильственно, с помощью законов и карательных мер. Забота и нежность матерей к своим детям значительно возрастут, когда они будут уверены, что общество тем или иным путем обеспечит судьбу бедных младенцев, одновременно давая и самим матерям ежегодную прибыль. Мы были бы свидетелями честного соревнования между замужними женщинами: кто из них доставит на рынок самого жирного ребенка. Мужья стали бы проявлять такую же заботливость к своим женам во время их беременности, как сейчас к своим кобылам, готовым ожеребиться, коровам, готовым отелиться, и свиньям, готовым опороситься; и из боязни выкидыша они не станут колотить своих жен кулаками или пинать ногами (как это часто бывает).

Можно было бы перечислить еще ряд выгод. Например, увеличение экспорта говядины на несколько тысяч туш, прирост свиного поголовья и усовершенствование в искусстве приготовления хорошей свиной грудинки, которой нам так не хватает из-за массового истребления поросят, слишком часто красующихся на наших столах, но ни в коем случае не идущих в сравнение ни по вкусу, ни по нарядному виду со здоровым, толстым годовалым младенцем, который, изжаренный целиком, будет замечательным блюдом на банкете лорд-мэра или на любом ином общественном празднестве. Но, стремясь быть кратким, я опускаю это и многое другое.

Предположив, что тысяча семейств в этом городе явятся постоянными потребителями детского мяса, не считая другие семейства, которые смогут приобретать его лишь для особо торжественных случаев, в частности, для свадеб и крестин, я рассчитал, что Дублин будет потреблять ежегодно около двадцати тысяч детских туш, а остальная часть королевства (где они, вероятно, будут продаваться несколько дешевле) — восемьдесят тысяч.

Я не предвижу никаких возражений, которые, возможно, будут выдвинуты против моего предложения, разве только станут утверждать, что тем самым значительно уменьшится население нашего королевства.

Я откровенно признаю это, и действительно, именно это обстоятельство и было одной из основных целей моего предложения.

Я хотел бы, чтобы читатель обратил внимание на то, что я предназначаю мое средство исключительно для королевства Ирландии, а не для какого-либо иного государства, которое когда-нибудь существовало, существует и сможет существовать на земле. Поэтому пусть мне не говорят о других средствах, как, например, наложить на проживающих за границей налог в пять шиллингов на каждый заработанный фунт стерлингов, покупать одежду и мебель, сделанные только из отечественных материалов и на отечественных мануфактурах, полностью отказаться от всего, на чем основано развитие у нас иностранной роскоши или что ему способствует, излечить наших женщин от расточительности, связанной с гордостью, тщеславием, праздностью и игрой в карты, развить стремление к бережливости, благоразумию и умеренности, научить граждан любви к своей родине, ибо ее у нас не хватает, и этим мы отличаемся даже от лапландцев и обитателей Топинамбу, прекратить нашу вражду и внутрипартийные раздоры и впредь не поступать как евреи, которые убивали друг друга даже в тот самый момент, когда враги ворвались в их город; быть несколько более осторожными и не продавать своей страны и своей совести за чечевичную похлебку, возбудить в помещиках хотя бы в малейшей степени чувство милосердия по отношению к своим арендаторам и, наконец, внушить нашим торговцам дух честности, трудолюбия и предприимчивости; ведь если бы теперь было принято решение покупать только наши отечественные товары, все торговцы немедленно объединились бы для того, чтобы как можно лучше обманывать нас в цене, мере, весе и качестве товаров. И ведь никогда еще они не принимали ни одного разумного предложения, чтобы укрепить честную торговлю, хотя подобные серьезные предложения им делались довольно часто.

Поэтому, повторяю, пусть никто не говорит мне об этих и подобных им мерах, пока ему не блеснет по крайней мере луч надежды на то, что когда-нибудь будет сделана честная и искренняя попытка претворить эти меры в жизнь.

Что касается меня самого, то я в течение ряда лет совершенно измучился, предлагая разные пустые, праздные и иллюзорные идеи. Наконец, совершенно отчаявшись в успехе, я, к счастью, внезапно натолкнулся на мысль об этом предложении, которое, будучи совершенно новым, заключает в себе нечто основательное и реальное, не требует ни особых расходов, ни больших хлопот, находится полностью в пределах наших возможностей и не таит в себе опасности навлечь на нас гнев Англии, поскольку этот сорт товара не может быть использован для экспорта, так как детское мясо слишком нежно по своей природе, чтобы сохраняться долгое время в засоленном виде, хотя я, может быть, и мог

бы назвать страну, которая охотно сожрала бы всю нашу нацию даже и без соли.

В конце концов, я не так уж неистово увлечен своей собственной идеей, чтобы отвергнуть всякое другое предложение, сделанное умными людьми, если оно будет в равной степени безвредным, дешевым, удобным и эффективным.

Но прежде чем будет предложено что-либо лучшее в противовес моему проекту, я бы хотел, чтобы автор или авторы этого лучшего предложения согласились здраво обсудить два вопроса. Во-первых, каким образом при настоящем положении вещей они будут в состоянии обеспечить пищу и одежду для ста тысяч бесполезных ртов и тел; во-вторых, — поскольку в нашем королевстве имеется круглым счетом миллион человеческих существ, чьи средства к существованию, взятые вместе, все же оставят за ними долг в два миллиона фунтов стерлингов, — принимая во внимание профессиональных нищих вместе с огромной массой фермеров, крестьян, владеющих лишь хижиной, и чернорабочих с их женами и детьми, которые тоже фактически являются нищими, — я бы хотел, чтобы те политические деятели, которым не понравится мое предложение и которые, может быть, возьмут на себя смелость попытаться ответить мне, сперва спросили бы родителей этих детей, не считают ли они теперь, что для них было бы великим счастьем, если бы в свое время их продали и съели в возрасте одного года, как я сейчас предлагаю. Ведь тем самым они избежали бы целого ряда бесконечных несчастий и бедствий, которым они подвергались все это время благодаря гнету помещиков, невозможности уплатить арендную плату без денег и без сбыта для своих продуктов, недостатку элементарного питания, отсутствию жилища и одежды для защиты от непогоды и совершенно неизбежной перспективе навсегда оставить в наследство подобные же или еще большие бедствия своему потомству.

Я с полнейшей искренностью заявляю, что в попытке содействовать этому необходимому начинанию я не преследую ни малейшей личной выгоды, ибо у меня нет иных целей, кроме общественного блага моей родины, развития торговли, обеспечения детей, облегчения участи бедняков и желания доставить удовольствие богатым. У меня нет детей, с продажи которых я мог бы надеяться заработать хоть один пенни, так как моему младшему ребенку уже девять лет, а жена у меня пожилая и детей у нее больше не будет.

РИЧАРД СТИЛ
(1672–1729)

ИСТОРИЯ УДИВИТЕЛЬНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ АЛЕКСАНДРА СЕЛЬКИРКА, ПОТЕРПЕВШЕГО КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ МОРЯКА[1]

Мне кажется, что позволительно будет рассказать на страницах журнала с таким названием о человеке, рожденном во владениях Ее величества, и поведать одно приключение из его жизни, столь необычное, что, наверное, ничего подобного не случилось с кем-либо другим. Человек, о котором я намерен рассказать, зовется Александр Селькирк; имя его знакомо людям любопытствующим, ибо он приобрел известность тем, что прожил в одиночестве четыре года и четыре месяца на острове Хуан Фернандес. Я имел удовольствие часто беседовать с ним тотчас по его приезде в Англию в 1711 году. Так как был он человеком разумным, весьма любопытно было слушать его рассказ о переменах, происходивших в душе его за время его длительного одиночества. Вспомнив, как тягостно нам оставаться вдали от людей хотя бы на протяжении одного вечера, мы сможем составить понятие о том, каким мучительным казалось столь неизбежное и постоянное одиночество человеку, с юных лет ставшему моряком и привыкшему наслаждаться и страдать, пить, есть, спать — словом, проводить всю жизнь в обществе товарищей. Он был высажен на берег с корабля, давшего течь, с капитаном коего у него произошла ссора, и он предпочел довериться своей судьбе на пустынном острове, чем оставаться на ветхом корабле под началом враждебного ему командира. Из вещей его дали ему сундучок, носильное платье и постель, кремневое ружье, фунт пороху, достаточно пуль, кремень и огниво, несколько фунтов табака, топор, нож, котел, Библию и другие книги духовного содержания, а также сочинения о навигации и математические прибо-

[1] «История Александра Селькирка» была опубликована в № 26 журнала «Englishman» в 1713 г. В основу очерка легли действительно имевшие место факты из жизни реального человека. «История...» стала источником для сюжета знаменитого романа Даниеля Дефо «Робинзон Крузо». Выше приводятся отрывки из этого очерка.

Печатается по: Зарубежная литература XVIII века. Хрестоматия: В 2 т. / Под ред. Б. И. Пуришева; Пер. Л. Никитиной. М., 1988. Т. 1.

ры. Обида на командира, который столь дурно обошелся с ним, заставляла его желать такой перемены участи как блага до того самого мгновения, как он увидел, что корабль его отчаливает; в эту минуту сердце его сжалось и заныло, ибо расставался он не с одними лишь товарищами, но и со всем человечеством. Запасов для поддержания жизни своей имел он на один только день; остров же изобиловал лишь дикими козами, кошками и крысами. Он полагал, что сможет быстрее и легче удовлетворить свои нужды, подбирая на берегу моллюсков, нежели охотясь с ружьем за дичью. И на самом деле, он нашел великое множество черепах, чье мясо показалась ему весьма вкусным и которых он первое время часто и в изобилии ел, пока не стали они ему противны, и позже он мог переносить их только приготовленными в виде студня. Потребность в еде и питье служила ему великим отвлечением от размышлений о своем одиночестве. Когда же он сумел удовлетворить эти потребности, тоска по обществу людей охватила его с такой силой, что он стал думать, что был менее несчастлив в то время, когда нуждался в самом необходимом; ибо легко поддержать тело, но желание увидеть вновь лицо человеческое, овладевшее им, когда он на время забывал о телесных нуждах, казалось ему непереносимым. Им овладели уныние, томление и меланхолия, и лишь с трудом удерживался он от того, чтобы не наложить на себя руки, пока мало-помалу, усилиями рассудка и благодаря усердному чтению Священного Писания и прилежному изучению навигации, по прошествии восемнадцати месяцев он вполне примирился со своей участью. Когда добился он своей победы, то цветущее его здоровье, уединение от мира, всегда безоблачное, приветливое небо и мягкий воздух превратили жизнь его в непрерывное празднество, и жизнь стала для него столь же радостной, сколь раньше была печальной. Находя теперь удовольствие во всех повседневных занятиях, превратил он хижину, где спал, ветвями, срубленными в обширном лесу, на опушке которого хижина эта была расположена, в восхитительную беседку, постоянно обвеваемую ветерком и легким дуновением воздуха; и это сделало его отдых после охоты равным чувственным удовольствиям.

Я забыл упомянуть, что, пока пребывал он в унынии, чудовища морских глубин, которые нередко выплывали на берег, увеличивали ужас одиночества; страшные их завывания и звуки их голосов, казалось, были слишком ужасны для человеческого уха; но когда к нему вернулась прежняя его бодрость, он мог не только с приятностью слушать их голоса, но даже приближаться к самим чудовищам с большой отвагою. Он рассказал потом о морских львах, которые своими челюстями и хвостами могли схватить и сокрушить человека, если бы человек к ним приблизился; но в то время духовные и телесные силы его были столь велики, что он часто бестрепетно приближался к ним; лишь потому, что дух его

был спокоен, мог он с величайшей легкостью убивать их, ибо заметил, что, хотя челюсти и хвосты их были столь устрашающи, животные эти поворачивали свое туловище с необычайной медлительностью, и стоило ему как раз стать против середины их тела и так близко, как только возможно, и ему удавалось с необычайной легкостью умерщвлять их топором.

Дабы не погибнуть от голода в случае болезни, он перерезал сухожилия у молодых козлят; после чего, не потеряв здоровья, они навсегда утратили быстроту ног. Множество таких козлят паслось вокруг его хижины; когда же бывал он в добром здоровье, мог он догнать самую быстроногую козу, и ему всегда удавалось поймать ее, если только она не бежала под гору.

В жилище его чрезвычайно докучали ему крысы, которые грызли его платье и даже ноги его, когда он спал. Чтобы защитить себя от них, он вскормил и приручил множество котят, которые лежали на его постели и защищали его от врагов. Когда платье его совсем обветшало, он высушил и сшил козьи шкуры, в которые и оделся, и вскоре научился пробираться сквозь леса, кустарники и заросли столь же свободно и стремительно, как если бы сам был диким животным. Случилось ему однажды, когда он взбегал на вершину холма и сделал прыжок, чтобы схватить козу, свалиться вместе с нею в пропасть; он пролежал там без чувств в течение трех дней, измеряя продолжительность времени по приросту месяца с момента своего последнего наблюдения.

Подобная жизнь стала для него столь восхитительно приятной, что ни одной минуты не тяготился он ею; ночи его были безмятежны, дни радостны благодаря умеренности и упражнениям. Он взял за правило предаваться молитвенным упражнениям в определенные часы и в определенных местах, и он творил свои молитвы вслух, дабы сохранить способность речи и дабы изливать свои чувства с большей силой.

Когда я впервые встретил этого человека, я подумал, что, даже не знай я заранее о нраве его и о приключениях, я все равно распознал бы по облику и по манерам, что он надолго был отлучен от людского общества: во взоре его изображались важность глубокая, но бодрая, и какое-то пренебрежение к окружающим его обыденным предметам, как если бы он был погружен в задумчивость. Когда корабль, на котором он вернулся в Англию, подошел к его острову, он встретил с величайшим равнодушием возможность уехать на этом корабле, но с большой радостью оказал помощь морякам и пополнил их запасы. Он часто оплакивал свое возвращение в свет, который, как он говорил, со всеми своими наслаждениями не заменит ему утраченного спокойствия его уединения. Я много раз беседовал с ним, но, повстречав его на улице по прошествии нескольких месяцев, не мог его узнать, хотя он сам ко мне обратился; об-

щение с жителями нашего города стерло следы уединенной жизни с его облика и совсем переменило выражение его лица.

Рассказ этого бесхитростного человека служит назидательным примером того, что счастливее всех тот, кто ограничивает свои желания одними естественными потребностями; у того же, кто поощряет свои прихоти, нужды возрастают наравне с богатством; или, как он сам говорил, «у меня есть теперь 800 фунтов, но никогда не буду я столь счастлив, сколь был тогда, когда не имел за душою ни фартинга».

ДЖОЗЕФ АДДИСОН
(1672–1719)

ИЗ ЖУРНАЛА «СПЕКТЭЙТОР» («ЗРИТЕЛЬ»)[1]

№ 1, четверг, 1 марта 1711 г.[2]

Я заметил, что читатель редко станет читать книгу с удовольствием, пока не узнает о писателе, брюнет он или блондин, мягкого или раздражительного характера, женат или холост, а также о других частностях подобного рода, которые весьма способствуют истинному пониманию автора. Чтобы удовлетворить такому любопытству, столь естественному в читателе, я намерен посвятить этот и следующий листки вступительным очеркам к моим будущим сочинениям и расскажу здесь о некоторых лицах, привлеченных к этой работе. Так как главный труд составления, приведения в порядок и исправления выпадет на мою долю, то я должен, по справедливости, позволить себе начать работу собственной историей.

Я родился в небольшом наследственном имении, которое, по местным, деревенским преданиям, со времени Вильгельма Завоевателя огораживалось теми же изгородями и канавами и передавалось от отца к сыну целиком, без потери или прибавки хотя бы одного поля или луга, в течение шестисот лет. В семействе нашем рассказывают, что когда моя мать была тяжела мною на третьем месяце, ей приснилось, будто она разрешилась судьею. Произошло ли это оттого, что наша семья в то время вела процесс, или оттого что мой отец был мировым судьею, не могу решить; ибо я не настолько тщеславен, чтобы считать это предсказанием о каком-то высоком положении, которого я должен бы достигнуть в будущей моей жизни, хотя таково было толкование наших соседей. Солидность моего поведения при первом появлении на свет и во все время, пока я сосал грудь, казалось, была в соответствии со сном моей матери. Ибо, как она часто рассказывала мне, я бросил погремушку, преж-

---

[1] Журнал «The Spectator» («Зритель») выходил под редакцией Аддисона и Стила с 1 марта 1711 по 6 декабря 1612 г. Журнал представлял собой один лист формата А2.

Печатается по: Зарубежная литература XVIII века. Хрестоматия: В 2 т. / Под ред. Б. И. Пуришева; Пер. В. Лазурского и А. Аникста. М., 1988. Т. 1.

[2] В приводимой статье первого номера Аддисон рассказывает от имени вымышленного издателя о новом журнале и его планах.

де чем мне исполнилось два месяца, и я не хотел браться за коралл, пока не сняли с него бубенчиков.

Так как в моем детстве не произошло больше ничего замечательного, то я пройду его молчанием. Оказывается, что во время несовершеннолетия у меня была репутация очень угрюмого малого; но я был всегда любимцем школьного учителя, который обыкновенно говорил, что способности у меня основательные и хорошо вынесут труды. Вскоре после поступления в университет я прославился своим глубочайшим молчанием. В течение восьми лет, если не считать публичных упражнений в коллегии, я едва ли произнес сотню слов и, поистине, не помню, чтобы во всю свою жизнь сказал три фразы подряд. Принадлежа к ученой корпорации, я с таким великим прилежанием отдавался занятиям, что есть очень мало прославленных книг на классических или современных языках, с которыми я не был бы знаком.

После смерти отца решено было отправить меня путешествовать в чужие страны. Таким образом, я покинул университет странным, непонятным малым, с большим запасом учености, если бы захотел ее показать. Ненасытная жажда знаний повлекла меня во все европейские страны, где было что-нибудь новое или интересное для обозрения. Мало того. Мое любопытство было возбуждено до такой степени, что, прочитавши полемику между некими великими мужами касательно египетских древностей, я совершил путешествие в Великий Каир с целью измерить пирамиду; и как только я составил себе определенное мнение об этом отношении, то вернулся на родину с большим удовольствием.

Последние годы я живу в Лондоне, где меня часто можно видеть в местах, посещаемых публикой, хотя меня знают не больше полдюжины моих избранных друзей, о которых будет рассказано более подробно в следующем листе. Нет места общественных собраний, куда бы я часто не появлялся своей персоной. Иногда в кофейне Виля можно видеть, как я, просунувши голову в кружок политиков, с большим вниманием прислушиваюсь к тому, что рассказывают среди маленьких групп слушателей. Иногда я курю табак в кофейне Младенца и, углубившись будто бы всецело в «Почтальона», прислушиваюсь к разговору за каждым сбором в комнате. По субботам я появляюсь в кофейне Сент-Джеймс и присоединяюсь иногда к маленькому комитету политиков в задней комнате как человек, который приходит слушать и поучаться. Равным образом мое лицо хорошо известно в Греческой кофейне и в кондитерской «Кокосовое дерево», а также в обоих театрах, что на Друри-Лейн и Гэймаркете. Более десяти лет меня принимали за купца на бирже; иногда я схожу за еврея на собрании маклеров в кофейне Ионафана. Короче говоря, где бы я ни увидел толпу людей, я всегда смешиваюсь с ними, хотя никогда не открываю рта, разве только в нашем клубе.

Итак, я живу на этом свете скорее как Зритель человечества, чем как человеческое существо. Я выработал из себя созерцательного политика, солдата, купца и ремесленника, никогда не вмешиваясь в практическую сторону жизни. Я очень хорошо знаком с теорией супружества или отцовства и могу лучше различать ошибки в хозяйстве, делах и развлечениях других, чем люди, которые этим занимаются, подобно тому, как сторонние наблюдатели открывают промахи, которые могут ускользнуть от играющих. Я никогда страстно не связывался ни с какой партией и решил сохранять строгий нейтралитет между вигами и тори, если враждебное отношение какой-нибудь из сторон не заставит меня высказаться. Словом, всегда в моей жизни я действовал как наблюдатель и такой же характер намерен сохранить в этом журнале.

Я познакомил читателя со своей историей и своим характером как раз настолько, чтобы он видел, что я не совсем неспособен для того дела, которое предпринял. Что касается других подробностей моей жизни и приключений, то я вставлю их в следующие листки, когда представится случай. Между тем, размышляя о том, как много я видел, читал и слышал, я начинаю бранить себя за молчаливость. Но так как я не имею ни времени, ни склонности рассказывать устно то, чем полна моя душа, то я решил сделать это письменно и напечататься, если возможно, прежде чем умру. Друзья мои очень часто высказывали сожаление, что обладателем стольких полезных открытий, сделанных мною, окажется такой молчаливый человек. Поэтому-то я буду публиковать каждое утро листок с размышлениями на благо современников, и если я могу сколько-нибудь способствовать развлечению или преуспеванию страны, в которой живу, то я оставлю ее, когда буду призван из нее, с тайным чувством удовлетворения, что жил недаром.

Есть три очень существенных пункта, о которых я не говорил в этом листке и которые по многим важным причинам я должен держать про себя, по крайней мере некоторое время: я разумею сведения о моем имени, моем возрасте и моем жилище. Должен сознаться, что готов удовлетворить читателя во всем, что благоразумно; но что касается этих трех частностей, я не могу еще решиться сообщить их публике, хотя мне и понятно, что они могли бы очень много способствовать украшению моего журнала. Это, наверное, вывело бы меня из той неизвестности, которой я наслаждался в течение многих лет, и сделало бы меня в общественных местах предметом множества приветствий и учтивости, которые были всегда очень неприятны мне; ибо я испытываю больше всего муки, когда обо мне говорят и таращат на меня глаза. По этой же самой причине я держу под величайшим секретом свою наружность и костюм, хотя нет ничего невозможного в том, что я стану рассказывать и то и другое, по мере того как будет подвигаться предпринятая мною работа.

Остановившись так тщательно на самом себе, я в завтрашнем листке расскажу о тех джентльменах, которые участвуют вместе со мной в этом сочинении. Ибо, как я намекнул раньше, план его составлялся и обсуждался (как это бывает со всеми другими важными материями) в клубе. Однако так как мои друзья уполномочили меня стоять во главе, то те, которые намерены посылать мне корреспонденции, могут направлять свои письма на имя Зрителя к мистеру Бокли, улица Малая Британия. Ибо я должен еще сообщить читателю, что хотя наш клуб собирается лишь по вторникам и четвергам, однако мы избрали комитет, чтобы он заседал каждый вечер и рассматривал все такие бумаги, которые могут содействовать развитию общественного блага.

№ 261, суббота, 29 декабря 1711 г.

Мой отец, которого я упомянул в моем первом очерке и о котором я всегда вспоминаю с гордостью и благодарностью, очень часто беседовал со мной по вопросу о браке. В молодые годы я, отчасти по его совету, а отчасти по собственной склонности, ухаживал за одной особой, обладавшей большой красотой, которая в начале моего ухаживания отнюдь не питала ко мне отвращения; но так как в силу своей природной молчаливости я не сумел показать себя с наивыгоднейшей стороны, она постепенно стала смотреть на меня как на очень глупого человека и, отдавая предпочтение внешним качествам перед любыми другими достоинствами, вышла за драгунского капитана, который как раз в это время занимался набором рекрутов в тех краях. Это злосчастное происшествие породило во мне навсегда отвращение к красивым молодым людям и заставило меня отказаться от попыток искать успеха у прекрасного пола. Наблюдения, которые я вывел в связи с этим, и неоднократные советы упомянутого мною выше отца и явились причиной возникновения нижеследующего рассуждения о любви и браке.

Наиболее приятный период в жизни мужчины в большинстве случаев тот, который проходит в ухаживании, при том, конечно, условии, что его чувство искренне, а предмет ухаживания относится к нему с благосклонностью. Его искание возбуждает все красивые движения души — любовь, желание, надежду.

Искусный человек, который не влюблен, гораздо легче убедит в своей страсти особу, за которой он ухаживает, чем тот, кто любит с величайшим неистовством, ибо подлинная любовь приносит тысячи горестей, обид и нетерпение, которые делают человека неприятным в глазах той, чьего расположения он добивается; не говоря уж о том, что любовь заставляет худеть, рождает страхи, опасения, слабость духа и часто заставляет человека казаться смешным как раз тогда, когда он намеревается показать себя с наилучшей стороны.

В браках, которым предшествует долгое ухаживание, обычно царят наибольшие любовь и постоянство. Чувство должно окрепнуть и приобрести силу еще до брака. Долгий путь надежд и ожидания закрепляет чувство в наших сердцах и приучает быть нежными по отношению к любимому человеку. Ничто не может сравниться по своему значению с положительными качествами особы, с которой мы соединяемся на всю жизнь; эти качества не только приносят нам удовлетворение в настоящем, но часто предопределяют наше счастье в вечности. Когда друзья делают выбор за нас, то их прежде всего интересует вопрос имущественный; когда же мы сами определяем свой выбор, то решающими являются личные качества особы. И те и другие по-своему правы. Первые заботятся о достижении удобств и удовольствий жизни для лица, интересы которого им близки, надеясь в то же время, что состояние, приобретенное их другом, послужит также и к их собственной выгоде. Другие же готовят себе непрерывное празднество. Приятная особа не только возбуждает, но и продлевает любовь, она приносит тайные наслаждения и удовлетворения и тогда, когда пламя первого желания уже потушено. Это вызывает к жене или мужу уважение как друзей, так и незнакомых, и приводит к тому, что семья обретает здоровое и красивое потомство. Я предпочитаю женщину приятную в моих глазах и не уродливую в глазах света, чем самую известную красавицу. Если вы женитесь на замечательной красавице, то должны любить ее с неистовой страстностью, иначе вы не будете отдавать должного ее прелестям; а если вы питаете такую страсть, то почти обязательно она будет отравлена страхами и ревностью.

ПУБЛИЦИСТИКА США КОНЦА XVIII ВЕКА

ТОМАС ПЕЙН
(1737–1809)

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ[1]

О происхождении и назначении правительственной власти, с краткими замечаниями по поводу английской конституции

Некоторые авторы настолько смешали [понятия] «общество» и «правительство», что между ними не осталось никакого или почти никакого различия; между тем это вещи не только разные, но и разного происхождения. Общество создается нашими потребностями, а правительство — нашими пороками; первое способствует нашему счастью положительно, объединяя наши благие порывы, второе же — отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое порождает рознь. Первое — это защитник, второе — каратель.

Общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае — зло нестерпимое; ибо, когда мы страдаем или сносим от правительства те же невзгоды, какие можно было бы ожидать в стране без правительства, несчастья наши усугубляются сознанием того, что причины наших страданий созданы нами. Правительство, подобно одеждам, означает утраченное целомудрие: царские дворцы воздвигнуты на развалинах райских беседок. Ведь если бы веления совести были ясны, определенны и беспрекословно исполнялись, то человек не нуждался бы ни в каком ином законодателе; но раз это не так, человек вынужден отказаться от части

[1] Памфлет «Здравый смысл» был опубликован в январе 1776 г. В нем Пейн призывает к независимости американских колоний от Англии и провозглашению республики.

Печатается в отрывках по: *Пейн Томас*. Избранные сочинения / Пер. Ф. Ф. Вермель. М., 1959.

своей собственности, чтобы обеспечить средства защиты остального, и сделать это он вынужден из того же благоразумия, которое во всех других случаях подсказывает ему выбирать из двух зол наименьшее. И так как безопасность является подлинным назначением и целью правительственной власти, то отсюда неопровержимо следует, что какой бы ни была его форма, предпочтительнее всех та, которая всего вернее обеспечит нам эту безопасность, с наименьшими затратами и с наибольшей пользой.

Чтобы получить ясное и правильное представление о назначении и цели правительства, предположим, что небольшое число людей поселилось бы в каком-то уединенном уголке земли, не связанном с остальным миром; тогда эти люди будут представлять собой первых жителей какой-либо страны или мира. В этом состоянии естественной свободы они прежде всего помыслят об обществе. К этому их будут побуждать тысячи причин. Сила одного человека настолько не соответствует его потребностям и его сознание настолько не приспособлено к вечному одиночеству, что он вскоре будет вынужден искать помощи и облегчения у другого, который в свою очередь нуждается в том же. Вчетвером или впятером можно соорудить сносное жилище в диких местах, в одиночку же можно трудиться всю свою жизнь, так ничего и не добившись. Срубив дерево, он не смог бы один сдвинуть его или, сдвинув, поднять; голод тем временем погнал бы его от этой работы и каждая другая потребность звала бы в другую сторону; болезнь и просто неудача означали бы для него смерть. Хотя и та, и другая может сама по себе не быть смертельной, он все-таки лишится средств к существованию и впадет в такое состояние, когда о нем скорее можно будет сказать, что он гибнет, нежели просто умирает.

Итак, нужда подобно силе притяжения скоро сплотила бы наших новоприбывших поселенцев в общество, взаимные благодеяния которого заменили бы и сделали излишними обязательства, налагаемые законом и государством, до тех пор, пока эти люди сохраняли бы полную справедливость по отношению друг к другу; но поскольку лишь небо недоступно пороку, то неизбежно по мере преодоления первых трудностей переселения, которые сплачивают их для общего дела, чувства долга и взаимной привязанности начнут ослабевать, и это ослабление укажет на необходимость установить какую-либо форму правления, дабы возместить недостаток добродетели.

Правительственным зданием послужит им какое-нибудь подходящее дерево, под ветвями которого сможет собраться для обсуждения общественных дел вся колония. Более чем вероятно, что их первые законы будут именоваться лишь правилами и выполняться единственно под страхом общественного порицания. В этом первом парламенте каждый займет место в силу естественного права.

Но по мере роста колонии будет расти и число общественных дел; дальность расстояния между ее членами сделает слишком неудобными их общие встречи по всякому поводу, как это было вначале, когда их числен-

ность была невелика, поселения близки друг к другу, а общественные дела малочисленны и маловажны. Это наведет людей на мысль о том, что удобнее поручить законодательство избранным лицам, которые, как предполагается, живут теми же интересами, что и те, кто их назначил, и будут действовать так же, *как* действовало бы все общество, если бы оно присутствовало в полном составе. Если колония продолжает расти, возникнет необходимость увеличить число представителей, а чтобы интерес каждой части колонии был соблюден, сочтут за лучшее разделить целое на соответствующие части, каждая из которых будет посылать нужное число своих представителей; а чтобы у выборных никогда не могли сложиться интересы иные, чем у их избирателей, предусмотрительность укажет на необходимость частых перевыборов. Ввиду того, что выборные таким образом спустя несколько месяцев вернутся и сольются со всей совокупностью избирателей, их верность воле общества будет обеспечена разумной осторожностью, которая подскажет им, что не стоит самим себе готовить розги. И так как это частое чередование установит общность интересов у всех частей общества, люди будут взаимно и естественно поддерживать друг друга; и от этого (а не от бессмысленного имени короля) зависит сила государственного управления и счастье управляемых.

Таким-то образом возникает и вырастает правительство, то есть установление, вызванное к жизни неспособностью добродетели управлять миром. В этом и состоит назначение и цель правительства, то есть свобода и безопасность. И какое бы зрелище ни ослепляло наше зрение, какие бы звуки ни обманывали наш слух и как бы предрассудок ни совращал нашу волю, а своекорыстие ни затуманивало сознание, — простой голос природы и разума подскажет нам — да, это верно.

Мои идеи о форме правления основаны на законе природы, который никакая изощренность не способна поколебать, а именно — чем проще вещь, тем труднее ее испортить и тем легче ее исправить, когда она испорчена; исходя из этого положения, я хотел бы сделать несколько замечаний насчет столь хваленой Конституции Англии. Бесспорно, она являла собой нечто благородное в те мрачные времена рабства, когда была создана. Когда тирания правила миром, малейшее отступление от нее было уже замечательным освобождением. Легко, однако, показать, что конституция эта несовершенна, подвержена потрясениям и неспособна дать то, что как будто бы обещает.

Абсолютные монархии (хотя они и являются позором для человеческой природы) имеют то преимущество, что они просты. Если люди страдают, они знают, кто источник их страданий, знают и лекарство и не теряются в разнообразии причин и целебных средств. Но Конституция Англии настолько сложна, что нация может страдать годами, не будучи в состоянии раскрыть источник своих бед. Одни найдут его в одном, другие — в другом, и каждый политический лекарь будет советовать иное снадобье.

Я знаю, как трудно преодолеть местные или старинные предрассудки; и тем не менее, если мы решимся исследовать составные части английской конституции, то найдем, что они являются порочными остатками двух древних тираний, к которым примешаны кое-какие новые республиканские элементы.

<...>

Мысли о нынешнем состоянии американских дел

На следующих страницах я привожу лишь простые факты, ясные доводы и отстаиваю здравый смысл. Мне нечего заранее доказывать читателю, я хочу лишь, чтобы он освободился от предубеждений и предрассудков и дозволил своему разуму и чувству решать самим за себя, чтобы он опирался или по крайней мере не отрекался от своей подлинной человеческой природы и великодушно поднялся в своих взглядах много выше пределов сегодняшнего дня. На тему о борьбе между Англией и Америкой написаны целые фолианты. По различным мотивам и с разными намерениями люди всех званий вступали в полемику, но все было бесплодно и период дебатов закончился. Оружие как последнее средство решает сейчас спор. На него пал выбор короля, и [американский] континент принял этот вызов.

О покойном г-не Пэлхэме (который хотя и был способным министром, однако не без недостатков) рассказывали, что, будучи подвергнут нападкам в Палате общин за временный характер своих мер, он заметил: «На мой век их хватит». Если бы столь пагубная и недостойная мысль овладела колониями в настоящем споре, грядущее поколение с ненавистью вспоминало бы имена предков.

Никогда еще солнце не светило более достойному делу. Это вопрос не какого-нибудь города, графства, провинции или королевства, это вопрос целого континента, составляющего по крайней мере одну восьмую часть обитаемого мира. Это не вопрос дня, года или эпохи; в борьбу фактически вовлечено потомство, и оно до скончания века будет в той или иной степени подвергаться влиянию настоящих событий. Теперь настало время заложить семя континентального союза, семя веры и чести. Сейчас малейшая трещина будет подобна имени, выгравированному булавкой на нежной коре молодого дуба; нанесенное повреждение росло бы вместе с деревом и потомство читало бы уже надпись из громадных букв.

Когда дело перешло от споров к оружию, наступила новая эра в политике и возник новый ход мысли. Все планы, предложения и т.п. до девятнадцатого апреля, т.е. до начала военных действий, подобны прошлогоднему календарю, отслужившему свое и теперь устаревшему и ненужному. Что бы в то время ни выдвигалось защитниками разных сторон в споре, все заканчивалось одним и тем же, т.е. союзом с Великобританией.

Единственное разногласие между партиями заключалось в методе осуществления этого решения. Одни предлагали насилье, другие — дружбу; кончилось же тем, что первое предложение потерпело крах, а второе утратило свое влияние.

Поскольку много говорилось о преимуществах примирения, которое подобно сладостной мечте ушло и оставило нас в прежнем положении, вполне уместно проверить доводы другой стороны и исследовать хотя бы часть того многообразного материального ущерба, который терпят колонии и всегда будут терпеть до тех пор, пока существует их связь с Великобританией и зависимость от нее. Необходимо изучить эту связь и зависимость в свете законов природы и здравого смысла, чтобы понять, на что нам рассчитывать при отделении и что нас ожидает, если мы останемся зависимыми. Я слышал утверждения некоторых о том, что поскольку Америка процветала при своей прежней связи с Великобританией, то такая связь необходима для ее счастья в будущем и всегда будет приносить те же плоды. Ничто не может быть ошибочнее доводов подобного рода. Таким же образом можно утверждать, что коль скоро дитя поправлялось от молока, то ему вообще не нужно мяса, или что первые двадцать лет нашей жизни должны стать примером и для последующего двадцатилетия. Но даже такое допущение заходит дальше, чем нужно, ибо я положительно утверждаю, что Америка процветала бы в такой же степени и по всей вероятности даже гораздо больше, если бы никакое европейское государство не обращало на нее внимания. Америка обогатила себя, продавая Европе предметы первой необходимости, и сбыт им всегда будет обеспечен, пока Европа не оставит привычку к еде.

Но ведь она [Англия] защищала нас, говорят некоторые. Допустим, что она владела нами полностью, это верно, что она защищала континент за наш счет так же, как и за свой собственный, но она защищала бы и Турцию из тех же соображений, т.е. ради коммерции и власти.

Увы! Мы долгое время находились во власти старых предрассудков и приносили большие жертвы своим суевериям. Мы гордились покровительством Великобритании, не учитывая того, что к этому ее побуждал интерес, но не привязанность, и что она защищала нас от наших врагов, не ради нас самих, но от своих врагов и ради самой себя, от тех, кто не был с нами в ссоре ни по каким другим причинам, но кто всегда будет нашим врагом по той же причине. Пусть бы только Великобритания отказалась от своих притязаний на континент или пусть бы континент сбросил с себя зависимость, и мы бы жили в мире с Францией и с Испанией, даже если бы эти страны и находились в войне с Британией. Бедствия последней Ганноверской войны должны были предостеречь нас от союзов.

Недавно в парламенте утверждалось, что колонии не связаны друг с другом, иначе как через метрополию, т.е. что Пенсильвания и Джерси и все остальные являются колониями-сестрами по линии Англии; это,

конечно, весьма окольный путь доказательства родства, но зато ближайший и единственно верный путь доказательства неприязни (или враждебного состояния, если можно так выразиться). Франция и Испания никогда не были и, возможно, никогда не будут врагами нам как американцам, но лишь как подданным Великобритании.

Но Британия — наша мать, говорят некоторые. Тогда тем более позорно ее поведение. Даже звери не пожирают своих детенышей, даже дикари не нападают на своих родных; вот почему такое утверждение, если оно верно, оборачивается по отношению к ней упреком; но, оказывается, оно не верно или верно лишь отчасти: слова «родина» или «родина-мать» иезуитски использовались королем и его тунеядцами с низким папистским умыслом повлиять на наши легковерные и слабые умы. Отечество Америки — это Европа, а не Англия. Новый Свет стал убежищем для гонимых приверженцев гражданской и религиозной свободы из всех частей Европы. Сюда бежали они не от нежных материнских объятий, но от жестокости чудовища, и в отношении Англии это настолько верно, что та тирания, которая выгнала из дому первых эмигрантов, все еще преследует их потомков.

Мы здесь, на своей обширной части земного шара, забываем узкие пределы трехсот шестидесяти миль (протяженность Англии) и даем куда больший простор нашим симпатиям; мы считаем своим братом каждого христианина Европы и гордимся благородством чувств.

Отрадно наблюдать, как по мере расширения нашего знакомства с миром мы постепенно преодолеваем силу местных предрассудков. Человек, родившийся в любом городе Англии, разделенном на церковные приходы, естественно, больше всего станет обращаться со своими собратьями — прихожанами (у них во многих случаях будут общие интересы) и величать их соседями; встретив же одного из них в нескольких милях от дома, человек этот составит узкое понятие, возникшее от проживания на одной улице, и приветствует его как своего «городского»; если человек выезжает за пределы своего графства и встречает своего соседа в другом [графстве], он забывает мелкие деления на улицы и города и называет его земляком; но если в своих заграничных поездках люди эти сойдутся вместе во Франции или в любой другой части Европы, то их объединит уже более широкое понятие англичан. И в силу того же справедливого рассуждения все европейцы встречаются в Америке или в любой другой части земного шара как земляки; ведь Англия, Голландия, Германия или Швеция по отношению к целому миру занимают то же место, но лишь в большем масштабе, что улица, город и графство — в более мелком; эти понятия слишком узки для умов с континентальным кругозором. Лишь менее одной трети населения, даже в этой провинции [Пенсильвания], — английского происхождения. Вот почему я отвергаю приложение слов «отчизна» или «родина-мать» к одной только Англии как ложное, себялюбивое, узкое и неблагородное.

Но допустим, что мы все английского происхождения, что из этого следует? Ничего. Британия, сделавшись теперь открытым врагом, уничтожила тем самым всякое иное имя и название; сказать, что примирение является нашим долгом, поистине смехотворно. Первый король Англии, из ныне царствующего рода [Вильгельм Завоеватель], был француз и половина пэров Англии происходят из той же страны, следовательно, рассуждая таким образом, Франция должна управлять Англией.

Много говорилось об объединенной мощи Британии и колоний; о том, что, будучи в союзе, они могут бросить вызов всему миру. Но это простая самонадеянность; военное счастье переменчиво, а фразы эти ничего не значат, ибо мы никогда не допустим, чтобы континент наш обезлюдел ради оказания помощи британскому оружию в Азии, Африке или Европе.

Кроме того, с какой стати нам меряться силами со всем светом? Наша задача — торговля, а если ее вести как следует, то это обеспечит нам мир и дружбу со всей Европой, потому что вся Европа заинтересована в беспрепятственной торговле с Америкой. Ее торговля всегда будет служить ей защитой, а бедность недр золотом и серебром предохранит от захватчиков.

Я призываю самых горячих защитников политики примирения показать хотя бы одно преимущество, какое континент может получить от связи с Великобританией. Я повторяю этот вызов; таких преимуществ нет. Хлеб наш найдет свой сбыт на любом европейском рынке, а за привозные товары нужно платить, где бы мы их ни покупали.

Неудобства же и убытки, какие мы терпим от этой связи, неисчислимы; и долг наш перед всем человечеством, как и перед самими собой, велит нам расторгнуть союз: ибо всякое подчинение Великобритании или зависимость от нее грозят непосредственно втянуть наш континент в европейские войны и распри и ссорят нас с нациями, которые иначе искали бы нашей дружбы и на которых у нас нет ни зла, ни жалоб. Поскольку Европа является нашим рынком, нам не следует вступать в предпочтительную связь с какой-либо ее частью. Истинный интерес Америки — избегать европейских раздоров, но этого она никогда не сможет сделать, пока, в силу своей зависимости от Британии, она служит довеском на весах британской политики.

Европа слишком густо засажена королевствами, чтобы долго жить в мире, и всякий раз, когда между Англией и любой иностранной державой возникает война, торговля Америки гибнет по причине ее связи с Британией. Очередная война может обернуться не так, как последняя, и тогда нынешние адвокаты примирения будут ратовать за отделение, так как нейтралитет в этом случае послужит более надежным конвоем, чем военный корабль. Все, что есть верного и разумного, молит об отделении. Кровь убитых, рыдающий голос природы вопиют: «Пора расстаться». Даже то расстояние, на какое Всемогущий удалил Англию от Америки, есть сильное и естественное доказательство того, что власть одной над другой ни-

когда не была Божиим умыслом. И время, в которое был открыт континент, и обстоятельства его заселения подкрепляют вес нашего довода. Реформации предшествовало открытие Америки: словно Всемогущий милостиво вознамерился открыть убежище гонимым грядущих времен, когда дома у них не станет ни друзей, ни безопасности.

Власть Великобритании над этим континентом — это форма правления, которая рано или поздно должна иметь конец. И, заглядывая в будущее, проницательный ум не найдет для себя радости, ибо он питает тягостное и твердое убеждение, что то, что он называет «существующей конституцией», есть всего лишь временное [состояние]. Как родителей нас не может радовать мысль о том, что это правление недостаточно долговечно и не способно обеспечить чего бы то ни было из того, что мы хотим завещать потомству. Простое рассуждение убеждает нас, что раз мы вводим в долги будущее поколение, то мы обязаны и трудиться для него, иначе наше отношение к нему подло и жалко. Чтобы найти верный путь к выполнению своего долга, нам следует взять на себя заботу о наших детях и укрепить свое положение на несколько лет вперед. С этой возвышенной позиции нам откроется перспектива, которую скрывают от нашего взора некоторые имеющиеся страхи и предрассудки.

Хотя мне бы хотелось избежать лишних оскорблений, однако я склонен полагать, что всех сторонников доктрины примирения можно распределить по следующим категориям: заинтересованные лица, которым нельзя доверять, слабые, которые не могут видеть, предубежденные, которые не хотят видеть, и особый род умеренных людей, думающих о Европе лучше, нежели она этого заслуживает; эта последняя категория людей в результате своего необоснованного суждения станет причиной больших бедствий для континента, чем первые три.

Многие имеют счастье жить далеко от места сегодняшних невзгод; зло еще не настолько близко к их порогу, чтобы почувствовать, насколько непрочно обладание собственностью в Америке. Но вообразим на несколько мгновений, что мы в Бостоне; это место страданий и скорби образумит нас и научит раз и навсегда порвать с державой, которой мы не можем доверять. Жители этого несчастного города, лишь несколько месяцев тому назад пребывавшие в спокойствии и изобилии, теперь не имеют другого выбора, как сидеть по домам и умирать с голоду или идти просить милостыню. Попадая под огонь своих друзей, если они остаются в городе, и подвергаясь грабежу солдатни, если они его покидают, в их нынешнем положении эти люди суть пленники без надежды на избавление, а при генеральном штурме, предпринятом для их освобождения, на них обрушилась бы ярость обеих армий.

Люди пассивные сносят обиды Великобритании и, все еще уповая на лучшее, способны взывать — приди, приди, мы вновь будем друзьями, несмотря ни на что. Но вникните в страсти и чувства человечества; проверьте доктрину примирения на пробном камне природы и тогда скажите

мне, сможете ли вы после этого любить, почитать и верно служить державе, пришедшей с огнем и мечом в вашу страну? Если вы не способны на все это, тогда вы только обманываете себя и своей медлительностью несете гибель потомству. В будущем ваша связь с Британией, которую вы не можете ни любить, ни уважать, окажется вынужденной и противоестественной; созданная лишь ради текущих выгод, она в скором времени выльется в повторное бедствие, более ужасное, чем первое. Но если вы скажете, что все же способны забыть обиды, тогда я спрашиваю — сожжен ли ваш дом? Уничтожено ли на ваших глазах ваше достояние? Лишены ли ваша жена и дети хлеба и угла, чтобы преклонить голову? Потеряли ли вы родственника или ребенка, остались ли вы сами одиноко доживать свою разбитую жизнь? Если нет, то вы и не судья тем, кто перенес это. Но если да и вы все еще способны пожать руки убийцам, тогда вы недостойны носить имя мужа, отца, друга или возлюбленного, и какие бы у вас ни были чин или звание в жизни, в вас сердце труса и дух сикофанта.

Это вовсе не подстрекательство или преувеличение, но лишь оценка [происходящего] посредством тех чувств и привязанностей, которые оправданы самой природой и без коих мы были бы неспособны ни выполнять свой гражданский долг, ни наслаждаться радостями жизни. Я не стремлюсь рисовать ужасы для возбуждения мести, но хочу пробудить нас от пагубной и малодушной спячки, с тем чтобы мы могли решительно добиваться твердо намеченной цели. Не под силу Британии или Европе завоевать Америку, если Америка сама не даст себя завоевать медлительностью и робостью. Нынешняя зима стоит целой эпохи, если ее правильно использовать, но если мы упустим это время или пренебрежем им, несчастье падет на весь континент; человек, по вине которого будет потеряно это столь драгоценное и полезное время, кто бы, кем бы и где бы он ни был, заслуживает любого наказания.

Предположение, что континент сможет долго оставаться в подчинении какой-либо внешней власти, противоречит рассудку, общему порядку вещей и всем примерам предшествующих веков. В Британии даже самые крайние оптимисты не думают этого. Даже величайшее напряжение человеческой мудрости не может в настоящее время придумать план, который бы мог без отделения обещать континенту хотя бы год безопасности. Примирение — это теперь обманчивая мечта. Сама природа определила теперь разрыв, и никакое искусство не может больше помочь, ибо, как мудро сказал Мильтон, «истинное примирение невозможно там, где столь глубоки раны смертельной ненависти».

Все бескровные способы достижения мира оказались бесплодными. Наши мольбы отвергались с презрением, и это убедило нас в том, что ничто так не льстит тщеславию королей, не потакает их упрямству, как повторные петиции, — мероприятие это, как ни одно другое, помогло установлению в Европе королевского абсолютизма. Свидетельство тому — Дания и Швеция. Поэтому, раз ничто кроме драки не поможет,

ради Бога отделимся и окончательно помешаем грядущим поколениям резать друг другу горло, прикрываясь осквернеными и бессмысленными словами о сынах одной отчизны.

Сказать, что они никогда вновь не пойдут на это, — пустая фантазия; так мы полагали при отмене закона о гербовом сборе, однако год или два образумили нас; можно с таким же успехом предположить, что народы, однажды потерпевшие поражение, никогда не возобновят ссору.

Что касается дел управления, то не в силах Британии явить справедливость нашему континенту; дело это для власти, которая столь удалена от нас и столь плохо нас знает, скоро окажется слишком тяжким и сложным; ибо если она не может нас покорить, она не может и управлять нами. Постоянные поездки за три или четыре тысячи миль с докладом или петицией, ожидание по четыре или пять месяцев ответа, который в свою очередь потребует еще пяти-шести месяцев разъяснений, — все это через несколько лет будет выглядеть безрассудным ребячеством. Было время, когда такой порядок годился, но сейчас пора покончить с ним.

Мелкие, неспособные к самозащите острова — подходящий объект для взятия их правительствами под свою защиту; но есть нечто абсурдное в предположении, что континент будет вечно находиться под управлением острова. Никогда природа не создавала спутника большего, чем сама планета; и поскольку Англия и Америка в их отношении друг к другу отрицают всеобщий закон природы, ясно, что они принадлежат разным системам. Англия — Европе, Америка — самой себе.

Не гордость, не принадлежность к партии, не перенесенная обида побуждают меня отстаивать доктрину отделения и независимости; я глубоко и искренно убежден, что это отвечает подлинным интересам континента, что все, кроме этого, есть просто кое-как положенная заплата, не способная обеспечить благоденствия, что все иное означает лишь передачу меча нашим детям и отступление в такое время, когда не хватает лишь самой малости, чтобы доставить нашему континенту мировую славу.

Так как Британия не обнаружила ни малейшей склонности к компромиссу, то мы можем быть уверены, что невозможно [мирным путем] достичь условий, достойных быть принятыми континентом, или чего-либо, что могло бы возместить уже понесенные нами жертвы людьми и деньгами.

Предмет борьбы всегда должен находиться в надлежащей пропорции к затраченным усилиям. Удаление Норса или всей ненавистной клики есть дело, не стоящее израсходованных нами миллионов. Временная приостановка торговли сопровождалась для нас жертвами более чем достаточными, чтобы оправдать отмену всех парламентских актов, на которые мы жалуемся, если бы мы добились такой отмены; но если всему континенту приходится взяться за оружие, если каждый должен стать солдатом, то едва ли стоит нам терять время на борьбу против одного лишь презренного министерства. Да, дорого, дорого платим мы за отмену актов, если это все, за что мы боремся; ибо, честно говоря, большое

безумство платить ценой Банкер-Хилла за закон, [а не] за страну. Я всегда считал независимость этого континента событием, которое рано или поздно должно наступить, и судя по быстрому прогрессу континента в последнее время, событие это не заставит себя долго ждать. Вот почему, когда [уж] начались военные действия, спорить о деле, которое со временем само бы уладилось, не стоило, если только мы не решили взяться всерьез: поступить иначе было бы все равно, что разоряться на ведение процесса о злоупотреблениях арендатора, срок аренды которого уже кончается. Никто не был более горячим сторонником примирения, нежели я сам, до рокового 19 апреля 1775 года, но с тех пор, как события этого дня стали известны, я навсегда отверг жестокого и мрачного фараона Англии и презираю негодяя, который, притязая на звание отца своего народа, может безучастно слушать, как этот народ режут, и спокойно спать, имея на совести его кровь.

Но допустим, что мы помирились, к чему бы это привело? Я отвечаю — к гибели континента. И по следующим причинам.

Во-первых. Так как верховная власть останется все-таки в руках короля, ему будет принадлежать право вето на все законодательные акты континента. А так как он показал себя закоренелым врагом свободы и обнаружил жажду неограниченной власти, то подобает ли ему [право] говорить нашим колониям: вы не издадите законов, иначе как с моего одобрения?! И найдется ли американец, столь невежественный, чтобы не знать, что согласно так называемой нынешней конституции этот континент не может издавать законов, кроме тех, на которые последовало согласие короля; и сыщется ли человек, столь недалекий, чтобы не видеть того, что (учитывая то, что случилось) король не потерпит здесь никаких законов кроме тех, какие отвечают его целям? Нас можно столь же крепко поработить отсутствием законов, [принятых] в Америке, сколь и подчинением законам, изданным для нас в Англии. После так называемого примирения можно ли сомневаться, что вся власть короны будет направлена на то, чтобы держать этот континент в возможно более приниженном, жалком положении? Вместо того чтобы идти вперед, мы пойдем назад, будь то с вечными распрями или с дурацкими петициями. Мы и так уже [выросли] больше, чем того желал бы король, не постарается ли он впредь нас укоротить? Если свести все дело к одному вопросу, то я спрашиваю — способна ли власть, враждебная нашему процветанию, управлять нами?

Кто бы ни ответил [на этот вопрос] отрицательно, тот сторонник независимости, ибо независимость сводится к тому, будем ли мы сами издавать свои законы или король — наизлейший враг, какого только имеет или может иметь наш континент, будет говорить нам — никаких других законов кроме тех, что угодны мне.

Но ведь [и] в Англии, скажете вы, король имеет право вето, и народ там не может издавать законов без его согласия. С точки зрения права и

порядка есть нечто смехотворное в том, что молодой человек двадцати одного года (как бывало не раз) заявляет нескольким миллионам людей старше и мудрее его: «Я запрещаю вам иметь тот или иной закон». Однако в данном случае я воздерживаюсь от такого хода возражений, хотя никогда не перестану разоблачать абсурдность этого [порядка]; отвечу только, что Англия — местожительство короля, Америка же нет, и это совершенно меняет дело. Вследствие этого право вето английского короля имеет для американцев в десять раз более опасный и роковой характер, чем в Англии; ибо он едва ли откажет в согласии на закон, имеющий в виду всемерное усиление обороны Англии, но никогда не потерпит принятия такого закона в Америке.

В системе британской политики Америка играет лишь второразрядную роль. Англия сообразуется с благом нашей страны не больше, чем это отвечает ее собственным замыслам. Поэтому забота о своих интересах побуждает ее препятствовать нашему развитию всякий раз, когда оно не сулит ей выгоды или хотя бы в малейшей степени ей мешает. В хорошеньком положении оказались бы мы при таком правлении из вторых рук, учитывая все, что произошло! От перемены названия люди не превращаются из врагов в друзей, и с целью показать, что ныне примирение опасно, я утверждаю, что в настоящее время было бы в интересах самого короля отменить акты парламента, чтобы только упрочить снова свое положение в качестве верховного правителя провинций и чтобы в конце концов хитростью и разными ухищрениями достичь того, чего он не в состоянии сделать в короткое время силой. Примирение и гибель сродни друг другу.

Во-вторых. Поскольку даже лучшие условия, на которые мы можем надеяться, могут быть не чем иным, как только временным выходом или же правлением — опекой, которое может продлиться только до совершеннолетия колоний, постольку общий характер и положение вещей в этот промежуточный период будут неопределенными и неутешительными. Состоятельные эмигранты не захотят ехать в страну, чья форма правления висит на волоске и которая постоянно находится на краю волнений и беспорядков, а множество ее нынешних обитателей использует этот перерыв, чтобы распорядиться своим имуществом и покинуть континент.

Но наиболее сильный из всех доводов состоит в том, что ничто, кроме независимости, т.е. [собственной] формы правления для континента, не сможет сохранить ему мир и уберечь от гражданских войн. Меня в настоящее время страшит примирение с Британией, ибо более чем вероятно, что за ним последует в том или ином месте восстание, последствия которого могут оказаться куда более пагубными, чем все козни Британии.

Британским варварством уже разорены тысячи людей (тысячи других, вероятно, постигнет та же участь). У них иные чувства, чем у нас, никак не пострадавших. Все, что у них есть теперь, это свобода; то, чем они прежде наслаждались, принесено ей в жертву; им нечего больше

терять, а потому они презирают подчинение. Кроме того, общее настроение колоний по отношению к британскому правительству будет подобно настроению юноши, который уже почти достиг совершеннолетия: им дела до нас не будет. Правительство же, которое не в состоянии сохранить мир, вообще никуда не годно, — и в таком случае мы тратим наши деньги впустую. Разрешите спросить, что может сделать Британия, чья власть будет существовать только на бумаге, если на другой день после примирения вспыхнет мятеж? Я слышал от некоторых, многие из которых, я уверен, говорили, не подумав, что они страшатся независимости, опасаясь, что она повлечет за собой гражданские войны. Редко наши первые мысли бывают действительно правильными, так обстоит дело и в данном случае, ибо в десять раз опаснее искусственная связь, чем независимость. Я ставлю себя на место пострадавшего и заявляю, что если бы меня выгнали из дома и разорили, то, как человек чувствительный к несправедливости, я бы никогда не смог удовлетвориться доктриной примирения или считать себя связанным ею.

Колонии выказали такой дух добропорядочности и послушания континентальному правительству, что всякий разумный человек может быть спокоен и счастлив на этот счет. Никто не может найти своим опасениям иных оснований, кроме поистине ребяческих и смешных, а именно, что одна колония будет стремиться к превосходству над другой.

Там, где нет различий, не может быть и превосходства; совершенное равенство не допускает соблазна. Все республики Европы (и можно сказать, всегда) находятся в мире. Голландия и Швейцария обходятся без войн, как внешних, так и гражданских. Монархические правительства — те действительно никогда долго не остаются в покое; сама корона служит соблазном для предприимчивых негодяев внутри страны, а крайняя степень тщеславия и высокомерия, постоянно сопутствующая королевской власти, доводит до разрыва отношений с иностранными державами в тех случаях, когда республиканские правительства, основанные на более естественных принципах, мирно уладили бы недоразумения.

Если уж действительно существует причина для опасений в отношении независимости, так это отсутствие по сей день разработанного плана. Люди не видят пути к ней. Вот почему для подхода к этому делу, я предлагаю нижеследующие наметки; при этом я должен скромно признать, что сам я не имею о них иного мнения, кроме того, что они могут послужить средством к выдвижению чего-либо лучшего. Если бы можно было собрать вместе разрозненные мысли отдельных лиц, они бы нередко дали материал для мудрых и способных людей, которые бы употребили их с пользой для дела.

Пусть ассамблеи собираются ежегодно и имеют только одного президента, [пусть] представительство будет более равным, пусть они ведают сугубо внутренними делами и подчиняются власти Континентального Конгресса.

Пусть каждая колония будет разумно разделена на шесть, восемь или десять дистриктов, каждый дистрикт пусть посылает соответствующее число делегатов в конгресс, с тем чтобы каждая колония посылала по крайней мере тридцать. Общее число делегатов в конгрессе будет составлять по меньшей мере 390. Пусть каждый конгресс заседает и выбирает президента по следующему методу. Когда делегаты в сборе, пусть из всех тринадцати колоний отбирается по жребию одна, после чего конгресс выберет путем тайного голосования президента из числа делегатов этой провинции. На следующем конгрессе пусть в жеребьевке участвуют только двенадцать с исключением той колонии, от которой был уже избран президент на прошлом конгрессе. И так будет продолжаться до тех пор, пока все тринадцать не дождутся своей очереди. А для того чтобы силу закона получало лишь то, что вполне справедливо, большинство должно состоять не менее чем из трех пятых конгресса. Того, кто стал бы сеять смуту в правительстве столь справедливо созданном, постигла бы судьба Люцифера.

Но так как особая щекотливость вопроса состоит в том, от кого или каким образом это начинание должно исходить, и поскольку наиболее подходящим и последовательным кажется, что с этим должен выступить какой-либо орган, промежуточный между управляемыми и управляющими, т.е. между конгрессом и народом, то пусть будет созвана континентальная конференция следующим образом и со следующей целью:

[Пусть это будет] комитет из двадцати шести членов конгресса, по два от каждой колонии. Два члена от каждой ассамблеи или провинциального конвента и пять представителей народа в целом, избранных в столице или главном городе каждой провинции от лица всей провинции и стольким количеством людей, имеющих право голоса, сколько сочтут нужным явиться со всех концов провинции для этой цели; или, если это более удобно, представители могут быть избраны в двух или трех ее наиболее населенных частях. В лице конференции, составленной таким образом, будут объединены два великих деловых принципа: знание и сила. Члены конгресса, ассамблеи или конвентов, уже имея опыт в государственных делах, окажутся способными и полезными советниками, и это [собрание], будучи уполномочено народом, будет обладать подлинно законной властью.

Делом участников конференции будет выработать континентальную Хартию, или Хартию Соединенных колоний [соответственно тому, что в Англии называют Великой Хартией вольностей], которая определит количество и порядок избрания членов конгресса, членов ассамблеи, а также сроки их заседаний, и разграничит их дела и юрисдикцию, всегда имея в виду, что сила наша — в континенте, а не в [отдельных] провинциях. [Хартия] обеспечит свободу и собственность всем людям и превыше всего свободу вероисповедания согласно велениям совести, с включением таких вопросов, какие должны содержаться в хартии. После чего упомянутая

конференция немедленно должна быть распущена, и органы, избранные соответственно указанной хартии, станут законодателями и правителями континента в данное время: чьи мир и счастье да охраняет Бог. Аминь.

Если какие-либо люди соберутся в будущем в качестве делегатов для этой или подобной цели, я предложил бы их вниманию следующие выдержки из книги мудрого наблюдателя государственных дел — Драгонетти. «Наука политики, — говорит он, — заключается в том, чтобы определить истинную меру счастья и свободы. Благодарность в веках заслужили бы те люди, которые бы открыли способ правления, обеспечивающий наибольшую сумму личного счастья с наименьшими затратами для всей нации» (Драгонетти. «Добродетели и поощрения»).

Но где же, говорят некоторые, король Америки? Я скажу тебе, друг, он царствует над нами, но не сеет гибель среди людей, подобно коронованному зверю Великобритании. Впрочем, чтобы нам не иметь недостатка даже в земных почестях, пусть будет торжественно назначен день для провозглашения хартии; пусть она будет вынесена и установлена на божественном законе, на слове Божием; пусть на нее возложат корону, по которой мир мог бы узнать, насколько мы одобряем монархию, — королем в Америке является закон. Ибо как в абсолютистских государствах король является законом, так и в свободных странах закон должен быть королем и не должно быть никакого другого. Но чтобы впоследствии не возникло каких-либо злоупотреблений, пусть в заключение церемонии корона будет разбита вдребезги и рассеяна среди народа, которому она принадлежит по праву.

Нам принадлежит неотъемлемое право иметь собственное правительство, и всякий, кто всерьез поразмыслит над непрочностью человеческих дел, придет к убеждению, что куда разумнее и безопаснее хладнокровно и обдуманно выработать собственную конституцию, пока это в нашей власти, нежели доверить столь значительное дело времени и случаю. Если мы упустим это сейчас, то впоследствии найдется какой-нибудь Мазаньелло, который, возглавив народное волнение, сумеет объединить отчаявшихся и недовольных, захватит власть и в конце концов подобно потопу сметет свободы континента. Если бы правление Америки вновь перешло в руки Британии, шаткость положения была бы соблазном для какого-нибудь отчаянного авантюриста испытать свое счастье. И какую помощь в этом случае могла бы оказать Британия? Прежде чем она услышала бы эту новость, роковое дело могло уже свершиться и мы сами подобно несчастным бриттам страдали бы под гнетом завоевателя. Вы, которые сейчас противитесь независимости, не ведаете того, что творите: сохраняя пустующим место для правительства, вы отворяете двери вечной тирании. Тысячи и десятки тысяч сочли бы за честь изгнать с континента ту варварскую и дьявольскую силу, которая подняла против нас индейцев и негров. В жестокости виновны обе стороны — наша жестокость груба, их — вероломна.

Ведь нелепо и просто безумно говорить о дружбе с теми, кому доверять запрещает нам разум и кого ненавидеть учат нас раны от тысяч обид. Каждый день стирает немногие еще имеющиеся остатки родства между нами. И можно ли надеяться, что по мере угасания наших родственных отношений будут расти наши симпатии или что мы легче пойдем на соглашение, когда у нас будет вдесятеро больше причин к ссоре?

Вы, которые говорите нам о гармонии и примирении, разве можете вы вернуть нам ушедшее время? Разве можете вы падшей женщине возвратить ее прежнее целомудрие? Так же не сможете вы примирить Британию с Америкой. Последняя нить теперь порвана, народ Англии выступает против нас с петициями. Существуют обиды, которые природа не может простить: она перестала бы быть сама собой, если бы сделала это. Скорее любовник простит похитителя своей любимой, чем континент — британских убийц. Всевышний вселил в нас неистребимое тяготение к добру и мудрости. Они-то и сохраняют Его образ в наших сердцах. Они-то и отличают нас от стада животных. Будь мы глухи к голосу добрых чувств, распались бы общественные связи, справедливость на земле была бы вырвана с корнем или существовала бы лишь в виде исключения. Грабитель и убийца часто оставались бы безнаказанными, если бы нанесенные нам оскорбления не побуждали нас к справедливости.

О вы, которые любите человечество! Вы, кто отваживается противостоять не только тирании, но и тирану, выйдите вперед! Каждый клочок Старого света подавлен угнетением. Свободу травят по всему свету. Азия и Африка давно изгнали ее. Европа считает ее чужестранкой, Англия же потребовала ее высылки. О, примите беглянку и загодя готовьте приют для всего человечества.

<...>

АМЕРИКАНСКИЙ КРИЗИС[1]

VIII

Обращение к народу Англии

«Веруя (говорит король Англии в своей речи от прошлого ноября) в Божественное провидение и справедливость моего дела, я твердо решил продолжать войну всеми средствами и приложить все усилия, дабы вынудить наших врагов к справедливым условиям мира и соглашения».

---

[1] Цикл памфлетов «Американский кризис» был создан Пейном в годы Войны за независимость (1776–1783). Первые памфлеты цикла появились в самые тяжелые для американской армии дни, когда английские войска взяли Нью-Йорк. Согласно легенде, первый памфлет был написан Пейном у костра на барабане и, зачитанный автором перед строем, поднял дух терпевших поражение солдат и офицеров. Все памфлеты Пейн подписывал псевдонимом «Здравый смысл».

Печатается по: *Пейн Томас.* Избранные сочинения / Пер. Ф. Ф. Вермель. М., 1959.

На это заявление Соединенные Штаты Америки и союзные державы Европы ответят: если Британия хочет войны, она получит ее в полной мере.

Почти пять лет истекло с начала военных действий, а каждый поход, вследствие постепенного истощения сил, снижает вашу способность к победе, не вызывая у вас никаких серьезных раздумий относительно своего положения и своей судьбы. Как в чрезмерно затянувшейся чахотке, вы чувствуете остатки жизни и ошибочно принимаете их за выздоровление. Новые планы, подобно новым лекарствам, порождали новые надежды и продлевали недуг, вместо того чтобы исцелить его. Смена генералов, подобно смене врачей, служила лишь для того, чтобы поощрять угодливость и создавать новые предлоги для новых сумасбродств.

«Разве может Британия потерпеть неудачу?», спесиво вопрошали при осуществлении всякого мероприятия. «Любая ее воля — это судьба», утверждали с торжественностью убежденных пророков. И хотя на этот вопрос постоянно следовал разочаровывающий ответ, а предсказания срывались из-за неудач, оскорбительные действия [с вашей стороны] не прекращались и список ваших национальных прегрешений пополнялся. Стремясь убедить весь мир в своем могуществе, Британия посчитала разрушение орудием величия и вообразила, подобно индейцам, что слава нации зависит от числа [снятых ею] скальпов и от причиненных ею страданий.

Огонь, меч и нужда, насколько могло посеять их британское оружие, были распространены с неистовой жестокостью по всему американскому побережью. И так как вы находились вдали от этого места страданий и вам нечего было ни терять ни бояться, то эти сведения доходили до вас подобно древнему сказанию, восприятие которого ослаблено давностью происшедшего, так что самая тяжелая скорбь обращается в предмет занимательной беседы.

Настоящая статья — вторая, обращена, быть может, напрасно к народу Англии. Считать, что совет будет принят после того, как не подействовал [даже] пример, или что наставления последуют после того, как предостережение было осмеяно, значило бы питать надежду, вызванную отчаянием. Но когда время выбьет чекан всеобщего распространения на фактах, столь долго вами осмеивавшихся, когда неопровержимое свидетельство накопившихся потерь, подобно писанию, начертанному на стене, помножит отчаяние на ужас, тогда, терзаясь страданиями, вы научитесь сочувствовать другим, сочувствуя самим себе.

Триумфальное появление объединенного флота на Ла-Манше у входа в ваши гавани, а также экспедиция капитана Поля Джонсона к западным и восточным берегам Англии и Шотландии, поставив вашу страну под непосредственную угрозу, послужит вам более поучительным уроком бедствий вторжения и донесет до вашего сознания более правдивую картину смятения и отчаяния, нежели это может сделать самая совершенная риторика или самое смелое воображение.

До сих пор вы несли военные расходы, но не испытывали бедствий войны. Ваши разочарования не сопровождались непосредственными страданиями, и свои потери вы воспринимали лишь рассудком. Как при отдаленном пожаре, вы не слышали даже крика, не испытывали опасности, не видели хаоса. Для вас все было чуждо, кроме налогов, необходимых на поддержку всего этого. Вы не знали, что такое быть разбуженным в полночь вследствие появления на улицах вооруженного врага. Вам были незнакомы страдания спасающейся бегством семьи, тысячи постоянно возникающих забот и скорбь нежности. Видеть женщин и детей, бредущих в суровую зиму с разбитыми остатками некогда добротной домашней обстановки и ищущих убежища в каждом сарае или хижине, — обо всем этом вы и понятия не имели. Вы не знали, что значит стоять и смотреть, как рубят на топливо ваше имущество, как ваше постельное белье рвут на куски, чтобы упаковать награбленное. Горе других, подобно ненастной ночи, усугубляло приятность вашей собственной безопасности. Вы даже наслаждались этой бурей, созерцая разницу положения, и то, что вселяло скорбь в сердца тысяч людей, служило лишь для того, чтобы усилить [в вас] своего рода гордое спокойствие. А ведь все это — всего лишь незначительные испытания войны, если сравнить их с резней и убийствами, страданиями в военных госпиталях или с городами, объятыми пламенем.

Предчувствуя беду, народ Америки укрепил свой дух против всякого рода ударов, которые вы могли нанести. Американцы предпочли покинуть свои очаги, оставив их на разорение, и искать нового местожительства, нежели покориться. Они приучили себя к несчастьям, прежде чем они пришли, и несли свою участь с меньшей горечью; справедливость их дела была постоянным источником утешения, а надежда на конечную победу, никогда не оставлявшая их, служила облегчением бремени и услаждала чашу, которую им суждено было испить.

Но когда вы познаете на себе их беды и вторжение перекинется на землю вторгавшихся, у вас не будет ни их диких просторов, куда можно скрыться, ни их [правого] дела, которое послужило бы вам утешением, ни их надежды, которая поддерживала бы вас. Их несчастья не усугублялись угрызениями [совести]. Они не навлекли их на себя. Напротив, они всячески старались их избежать, и с целью предотвратить войну даже пошли дальше, чем это позволяло достоинство конгресса. Национальная честь и выгоды независимости не были в начале спора целью борьбы с их стороны, и лишь в последний момент они решились на это мероприятие. При таких обстоятельствах они естественно и со всей серьезностью уповали на провидение. Возлагаемые ими ожидания были ясны, и если бы они не сбылись, то восторжествовало бы неверие.

Но ваше положение прямо противоположно. Вы испытываете все, к чему стремились. Более того, если бы вы намеренно творили зло с целью

унаследовать его самим, вы не могли бы более прочно закрепить это свое право. Ваши жалобы не пробуждают жалости в мире. Вы не сочувствовали другим и сами не заслуживаете сочувствия. Природа безучастна к случаям, подобным вашему, напротив, она отворачивается от них с неудовольствием и покидает на произвол карающей судьбы. Вы можете теперь подавать петиции в какой хотите суд, но поскольку речь идет об Америке, никто не станет вас слушать. Политика Европы, склонность всех ее умов обуздать дурное честолюбие и призвать жестокость к ответу сплоченно выступают против вас. А там, где природа и выгода подкрепляют друг друга, сговор их слишком тесен, чтобы его можно было разрушить.

Поставьте только себя на место других, а других поставьте на свое место, и тогда вы получите ясное представление обо всем. Если бы Франция поступила со всеми колониями так же, как вы, тогда вы бы заклеймили ее всякими позорящими эпитетами, но если бы вы, подобно Франции, пришли на помощь борющемуся народу, вся Европа вторила бы вашим собственным рукоплесканиям. Однако, обуянные страстью борьбы, вы видите явления в неверном свете и приходите к выводам, не отвечающим ни чьим интересам, кроме ваших собственных. Вас удивляет, что Америка не вступает с вами в союз, чтобы навязать себе часть ваших налогов и свести себя на положение безоговорочного подчинения. Вас поражает, что южные державы Европы не помогают вам в завоевании страны, которая впоследствии должна быть обращена против них самих, и что северные государства не помогают вашему водворению в Америке, которая вследствие отделения уже вкушает выгоды от сбыта корабельных материалов. Вы, кажется, удивлены тем, что Голландия не оказывает вам своей помощи, дабы поддержать ваше владычество на море, тогда как ее собственная торговля страдает от вашего навигационного законодательства, и тем, что какая бы то ни было страна преследует свои собственные интересы, в то время как ваши находятся под угрозой.

Такой разгул дикого безумья и столь же несправедливая, как и неразумная ненависть привели вас, подобно [библейскому] фараону, к несчастиям, не вызывающим жалости, и между тем как важность этой распри увековечит ваш позор, флаг Америки разнесет его по всему миру. Естественные чувства каждого разумного существа будут против вас и, где бы ни рассказывали про это, вам не будет ни прощения, ни утешения. С ненасытной душой и беспощадной рукой вы разорили мир, чтобы добиться власти, а затем потерять ее, и в то время, как в безумии алчности и честолюбия восток и запад были обречены [вами] на подчинение и кабалу, вы вскоре сами получили в награду своей нации горечь поражения.

Каждый из вас должен дрожать при мысли о войне у себя в стране. Перспектива эта для вас значительно более ужасна, чем для Америки. Здесь партия, которая была против мероприятий континента, состояла в общем из своего рода нейтралов, не увеличивавших мощь ни той, ни

другой армии. Здесь не было никого столь лишенного разума и чувства, чтобы домогаться «безоговорочного подчинения», поэтому ни один человек в Америке не мог быть в принципе согласен с вами. Некоторые из малодушия могли предпочесть это невзгодам и опасностям, связанным с сопротивлением, но то настроение, которое толкнуло их на такой выбор, сделало их непригодными к выступлению за или против нас. Но Англия расколота на партии, преисполненные равной решительностью. Идея, породившая войну, разобщает нацию. Их враждебность находится на высшей ступени возбуждения, и обе стороны, в связи с призывом волонтеров, имеют в руках оружие. Никакое человеческое предвидение не в состоянии распознать, никакой вывод не может быть сделан насчет дальнейшего хода войны, после того, как она разгорится в связи с вторжением. В настоящее время состояние Англии не благоприятствует ее сплочению в борьбе за общее дело; она не имеет надежд на завоевания за рубежом и ни на что, кроме роста расходов у себя дома; все, что принадлежит ей, поставлено на карту в оборонительном сражении, и чем дальше, тем хуже ей приходится.

В жизни нации бывают положения, когда решение о мире или о войне, [принятое] в отрыве от всех других соображений, может быть политически верным или ошибочным. Когда от войны нельзя потерять ничего, что не было бы потеряно и без нее, тогда война является верной политикой для данной страны, и в таком положении была Америка в начале враждебных действий; но когда войной нельзя достигнуть большей безопасности, чем это может быть достигнуто миром, тогда дело принимает противоположный оборот, и таково в настоящее время положение Англии.

Что Америка недосягаема для завоевания — это факт, доказанный опытом и подтвержденный временем, и если мы это признаем, что же тогда, я спрашиваю, является предметом спора? Если честь состояла бы в яростном самоуничтожении — если национальное самоубийство составляло бы высшую ступень национальной славы, то вы могли бы погибнуть, ни у кого не вызывая зависти и не имея себе равных, во всей гордости своего преступного блаженства. Но когда стихнет ураган войны и на смену разбушевавшимся страстям придут спокойные размышления или когда те, кто пережил ее бешенство, получат от вас в наследство долги и бедствия, когда ежегодного дохода едва хватит на покрытие процентов по долгам, а против бедствий вообще не будет никакого средства исцеления, тогда возникнут совершенно иные мысли, которые усугубят горечь при воспоминании о прежних безумствах. Когда разум свободен от ярости, он не находит удовольствия в созерцании неистовой вражды. Нездоровое мышление, безусловно, вытекающее из поведения, подобно вашему, лишает и способности к наслаждению, и чувства отвращения; и хотя, подобно человеку в припадке, вы не ощущаете нанесенных в борьбе ран и не отличаете силу от недуга, — слабость тем не

менее будет пропорциональна испытанному насилию, а чувство боли будет возрастать по мере выздоровления.

Америке совершенно безразлично, кому или чьей политике вы обязаны вашим сегодняшним жалким положением. Пусть невольно, они способствовали тому, чтобы возвысить ее над собой, и она в спокойствии победы отказывается от расследования. Вопрос сейчас не столько в том, кто начал войну, сколько в том, кто ее продолжает. Факт, что во всех странах существуют люди, для которых состояние войны является источником богатства, несомненен. Такие личности естественно размножаются в гнилости смутного времени и, вскармливаясь на недуге, гибнут вместе с ним или, пропитанные зловонием, отходят во мрак.

Но существует несколько ошибочных понятий, которым вы также обязаны некоторой долей ваших несчастий и которые, если их далее придерживаться, лишь увеличат ваши тревоги и потери. Среди джентльменов меньшинства сохраняется мнение, что мероприятия, которые Америка отказалась бы принять от нынешнего министерства, она приветствовала бы, [если бы эти мероприятия проводились], под их руководством. Об эту скалу разбил бы свой корабль лорд Чэтэм, если бы он добрался до руля, и некоторые из переживших его людей идут таким же курсом. Подобные рассуждения имели некоторые основания в младенческую пору распри, но теперь они служат лишь цели продления войны, в которой границы спора, установленные силой оружия и гарантированные договорами, не должны изменяться или подменяться мелочными обстоятельствами.

Министерство и многие из меньшинства теряют время в спорах по вопросу, с которым они ничего не могут поделать, а именно: будет ли Америка независима или нет. Тогда как единственный вопрос, который они могут решить, — это дать ли им на это свое согласие или нет. Они путают военный вопрос с политическим и теперь пытаются добиться голосованием того, что они утратили в сражении. Скажи они, что Америка не будет независимой, это будет означать не более, чем если бы они голосовали против предначертания судьбы; скажи они, что она будет независима, от этого она не приобретет большей независимости, чем прежде. Вопросы, по которым принятые решения не могут быть выполнены, лишь доказывают бессмысленность [их] обсуждения и слабость его участников.

Издавна привыкнув называть Америку своей собственностью, вы полагаете, что ею управляют те же предрассудки и тщеславие, что и вами самими. Из-за того, что вы установили особую церковь, исключающую все другие, вы воображаете, что Америка должна сделать то же самое, и поскольку вы, с вашей враждебной ко всем узостью ума, лелеяли вражду против Франции и Испании, вы предполагаете, что [наш] союз с ними будет далек от подлинной дружбы. Подражая вам в своем мировоззрении, Америка прежде мыслила по вашим указаниям, но теперь, чувствуя

себя свободной и избавившись от ваших предрассудков, она мыслит и действует по-иному. Часто случается, что с той же силой, с какой в нас воспитывали по неизвестным нам причинам неприязнь к каким-либо личностям и странам, мы горим теперь желанием избавиться от этого заблуждения и считаем, что необходимо что-то сделать, дабы его загладить, полны желания оказать всяческое содействие делу дружбы, чтобы искупить несправедливость ошибки.

Но, быть может, в обширности территории стран таится нечто такое, что незаметно влияет на мышление всего народа. Душа островитянина замкнута в туманных границах водного рубежа, и все то, что существует за этим пределом, является для него лишь предметом прибыли и любопытства, но не дружбы. Его остров для него это — весь мир и, пустив там корни, он все свои интересы сосредоточивает на нем; между тем люди, населяющие континент и имеющие перед собой более широкий горизонт, тем самым приобретают более широкий умственный кругозор и, таким образом, лучше познавая весь мир, идут в своих мыслях дальше, а широта их взглядов охватывает все большее пространство. Короче говоря, когда мы в зрелом возрасте, наш разум, по-видимому, следует измерять величиной наших стран, так же как он измерялся величиной родного местечка, когда мы были детьми; и до тех пор, пока что-либо не случится и не высвободит нас из этого предубеждения, мы, сами того не сознавая, находимся у него в подчинении.

В дополнение можно отметить, что люди, изучающие какую-либо всеобщую науку, принципы которой общеизвестны или общеприняты и применяются для общей пользы без различия во всех странах, творят тем самым больше добра, чем люди, изучающие лишь национальные ремесла и изобретения. Натурфилософия, математика и астрономия выводят разум из [пределов одной] страны на простор мироздания и изощряют в соответствии с этим простором. Честь и гордость Ньютона состояли не в том, что он был англичанином, а в том, что он был философом: небо освободило его от предубеждений островитянина, а наука развила его духовные качества столь же безгранично, как его ученые изыскания.

Здравый смысл.
Филадельфия, март 1780 г.

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН
(1743–1826)

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ[1]

Конгресс, 4 июля 1776 г.
Принята единогласно тринадцатью соединенными Штатами Америки

Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет право по законам природы и ее Творца, уважительное отношение к мнению человечества требует от него разъяснения причин, побудивших его к такому отделению.

Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье. Разумеется, благоразумие требует, чтобы правительства, установленные с давних пор, не менялись бы под влиянием несущественных и быстротечных обстоятельств; соответственно, весь опыт прошлого подтверждает, что люди склонны скорее сносить пороки до тех пор, пока их можно терпеть, нежели использовать свое право упразднять правительственные формы, ставшие для них привычными. Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа. Эти

Печатается по: Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. О. А. Жидкова; Пер. О. А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993.

колонии длительное время проявляли терпение, и только необходимость вынуждает их изменить прежнюю систему своего правительства. История правления ныне царствующего короля Великобритании — это набор бесчисленных несправедливостей и насилий, непосредственной целью которых является установление неограниченного деспотизма. Для подтверждения сказанного выше представляем на беспристрастный суд всего человечества следующие факты.

Он отказывался давать свое согласие на принятие законов, в высшей степени полезных и необходимых для общего блага.

Он запрещал своим губернаторам проводить неотложные и чрезвычайно важные законы, если только их действие не откладывалось до получения королевского согласия, но когда они таким способом приостанавливались, он демонстративно оставлял их без всякого внимания.

Он разрешил проводить другие законы, важные для жизни населения обширных округов, только при условии, что оно откажется от права на представительство в легислатуре, то есть от права, бесценного для него и опасного только для тиранов.

Он созывал законодательные органы в непривычных и в неудобных местах, находящихся на большом удалении от места хранения их официальных документов, с единственной целью: измором заставить их согласиться с предлагаемой им политикой.

Он неоднократно распускал палаты представителей, мужественно и твердо противостоявшие его посягательствам на права народа.

Он в течение длительного срока после такого роспуска отказывал в выборах других депутатов, в результате чего законодательные полномочия, которые по своей сути неуничтожаемы, возвращались для их осуществления народу в целом; штат тем временем подвергался всем опасностям, проистекавшим как от внешнего вторжения, так и от внутренних беспорядков.

Он пытался помешать заселению этих штатов, игнорируя по этой причине законы о натурализации иностранцев, отказывая в принятии других законов, направленных на поощрение иммиграции, а также затрудняя выделение новых земельных участков.

Он создавал препятствия для осуществления правосудия, отказываясь давать согласие на принятие законов об организации судебной власти.

Он поставил судей в исключительную зависимость от своей воли путем определения сроков их пребывания в должности, а также размера и выплат им жалованья.

Он создавал множество новых должностей и присылал к нам сонмища чиновников, чтобы притеснять народ и лишать его средств к существованию.

Он в мирное время содержал у нас постоянную армию без согласия наших легислатур.

Он стремился превратить военную власть в независимую и более высокую по отношению к гражданской власти.

Он объединялся с другими лицами, чтобы подчинить нас юрисдикции, чуждой нашей конституции и не признаваемой нашими законами, утверждал их акты, претендовавшие стать законодательством и служившие для:

— расквартирования у нас крупных соединений вооруженных сил;
— освобождения посредством судебных процессов, являющихся таковыми только по видимости, от наказаний военных, совершивших убийства жителей этих штатов;
— прекращения нашей торговли со всеми частями света;
— обложения нас налогами без нашего согласия;
— лишения нас по многим судебным делам возможности пользоваться преимуществами суда присяжных;
— отправки жителей колоний за моря с целью предания их там суду за приписываемые им преступления;
— отмены свободной системы английских законов в соседней провинции путем установления в ней деспотического правления и расширения ее границ таким образом, чтобы она служила одновременно примером и готовым инструментом для введения такого же абсолютистского правления в наших колониях;
— отзыва предоставленных нам хартий, отмены наших наиболее полезных законов и коренного изменения форм нашего правительства;
— приостановления деятельности наших легислатур и присвоения себе полномочий законодательствовать вместо нас в самых различных случаях.

Он отказался от управления колониями, объявив о лишении нас его защиты и начав против нас войну.

Он грабил нас на море, опустошал наши берега, сжигал наши города и лишал наших людей жизни.

Он в настоящий момент посылает к нам большую армию иностранных наемников с тем, чтобы окончательно посеять у нас смерть, разорение и установить тиранию, которые уже нашли свое выражение в фактах жестокости и вероломства, какие едва ли имели место даже в самые варварские времена, и абсолютно недостойны для главы цивилизованной нации.

Он принуждал наших сограждан, взятых в плен в открытом море, воевать против своей страны, убивать своих друзей и братьев либо самим погибать от их рук.

Он подстрекал нас к внутренним мятежам и пытался натравливать на жителей наших пограничных земель безжалостных дикарей-индей-

цев, чьи признанные правила ведения войны сводятся к уничтожению людей, независимо от возраста, пола и семейного положения.

В ответ на эти притеснения мы каждый раз подавали петиции, составленные в самом сдержанном тоне, с просьбой о восстановлении наших прав: в ответ на наши повторные петиции следовали лишь новые несправедливости. Государь, характеру которого присущи все черты, свойственные тирану, не может быть правителем свободного народа.

В равной степени не оставляли мы без внимания и наших британских братьев. Время от времени мы предостерегали их от попыток парламента незаконным образом подчинить нас своей юрисдикции. Мы напоминали им о причинах, в силу которых мы эмигрировали и поселились здесь. Мы взывали к их прирожденному чувству справедливости и великодушию и заклинали их, ради наших общих кровных уз, осудить эти притеснения, которые с неизбежностью должны были привести к разрыву наших связей и общения. Они также оставались глухими к голосу справедливости и общей крови. Поэтому мы вынуждены признать неотвратимость нашего разделения и рассматривать их, как мы рассматриваем и остальную часть человечества, в качестве врагов во время войны, друзей в мирное время.

Поэтому мы, представители соединенных Штатов Америки, собравшись на общий Конгресс, призывая Всевышнего подтвердить честность наших намерений, от имени и по уполномочию доброго народа этих колоний, торжественно записываем и заявляем, что эти соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми штатами, что они освобождаются от всякой зависимости по отношению к британской короне и что все политические связи между ними и Британским государством должны быть полностью разорваны, что в качестве свободных и независимых штатов они полномочны объявлять войну, заключать мирные договоры, вступать в союзы, вести торговлю, совершать любые другие действия и все то, на что имеет право независимое государство. И с твердой уверенностью в покровительстве Божественного Провидения мы клянемся друг другу поддерживать настоящую Декларацию своей жизнью, своим состоянием и своей незапятнанной честью.

АЛЕКСАНДР ГАМИЛЬТОН
(1755–1804)

ДЖЕЙМС МЭДИСОН
(1751–1836)

Федералист № 10[1]

Джеймс Мэдисон

Ноября 22, 1787 г.

К народу штата Нью-Йорк

Среди многочисленных преимуществ, которые сулит нам хорошо учрежденный Союз, ни одно не заслуживает более пристального рассмотрения, чем присущая ему способность сокрушать и умерять разгул крамольных сообществ. Ничто так не тревожит сторонника народных правительств касательно их характера и судьбы, как мысль о предрасположении народовластия к сему опасному злу. И для того он не преминет должным образом оценить любой проект, который, не нарушая принципов, коим наш друг привержен, предлагает надежное от этой язвы средство. Неустойчивость, несправедливость и сумятица в делах, коими заражены общественные представительства, поистине являются смертельными болезнями, повсеместно приводившими народные правительства к гибели, равно как были и остаются теми излюбленными и плодотворными темами, в которых враги свободы черпают наиболее правдоподобные доводы для своих филиппик. И хотя ценные усовершенствования, внесенные американскими конституциями в образцы народного правления, как древние, так и нынешние, вызывают спра-

[1] Цикл статей под общим названием «Федералист» был задуман А. Гамильтоном в октябре 1787 г., чтобы объяснить жителям штата Нью-Йорк преимущества Конституции. Гамильтон, Мэдисон и Джей публиковали статьи под общим псевдонимом «Публий». Первые семь статей были опубликованы в нью-йоркской газете «Independent Journal». Затем публикации стали чередоваться: по вторникам в «New York Packet», по средам и субботам — в «Independent Journal», по четвергам — в «Daily Advertiser». Всего вышло 85 статей-эссе.

Печатается по: Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея / Пер. Н. Яковлева (71), М. Шерешевской (10, 51). М., 1983.

ведливое восхищение, было бы недопустимым пристрастием утверждать, будто они полностью устранили опасность подобного рода, как бы мы того ни желали и ни ждали. Наиразумнейшие и добродетельнейшие наши граждане, исповедующие твердую веру в общественную и личную свободу, повсеместно сетуют на то, что правительства наши слишком неустойчивы, что за распрями соперничающих партий забывают об общественном благе и что меры, ими принимаемые, слишком часто грешат против правил справедливости и прав меньшинства, тем паче что вводятся превосходящей силой заинтересованного и властного большинства. Сколь горячо ни желали бы мы, чтобы эти сетования оказались неосновательны, свидетельства известных фактов не позволяют нам отрицать, что они в немалой степени справедливы. И хотя беспристрастное рассмотрение положения наших дел обнаруживает, что вину за некоторые свалившиеся на нас несчастья ошибочно возлагают на действия наших правительств, в то же время нельзя не обнаружить, что и только другими причинами не объяснить тяжелейшие наши беды, в особенности же все возрастающее и уже господствующее недоверие к общественным учреждениям и страх за права личности, повсеместно охватившие наших граждан и выражаемые ими с одного конца континента до другого. Оба эти явления вызваны главным образом, если не целиком, шаткостью и несправедливостью, которыми дух крамолы окрасил наше общественное правление.

Под крамолой, или крамольным сообществом, я разумею некое число граждан — независимо от того, составляет ли оно большую или меньшую часть целого, — которые объединены и охвачены общим увлечением или интересом, противным правам других граждан или постоянным и совокупным интересам всего общества.

Существуют два способа излечиться от этого зла. Первый — устранить причины, его порождающие; второй — умерять его воздействия.

В свою очередь существуют два способа устранения причин, порождающих крамольные сообщества: первый — уничтожить саму свободу, необходимую для их существования; второй — внушить всем гражданам одни и те же мысли, одни и те же увлечения, одни и те же интересы.

Нельзя лучше определить первое из названных средств, чем сказать про него, что оно хуже самой болезни. Свобода для крамольных сообществ все равно что воздух для пламени — пища, без которой они немедленно иссякнут. Но было бы величайшей глупостью уничтожить свободу единственно потому, что она питает крамолу, равно как желать уничтожения воздуха, без которого нет жизни для всего сущего, единственно потому, что он раздувает разрушительное пламя.

Второе средство столь же непрактично, сколь первое неразумно. До тех пор, пока человеческий разум наклонен ошибаться, а человек не ограничен в пользовании им, неизбежны различные мнения. До тех пор

пока сохраняется связь между разумом и себялюбием, мнения и увлечения будут взаимно влиять друг на друга и последние будут воздействовать на первые. Разнообразие присущих человеку способностей также является непреодолимым препятствием, не допускающим единообразия интересов.

Защита способностей и дарований — первая забота правительства. От защиты различных и неравных способностей приобретения собственности непосредственно зависят различные по степени и характеру формы собственности, а из воздействия их на чувства и воззрения соответствующих собственников проистекает разделение общества по различным интересам и партиям.

Таким образом, скрытые причины крамолы заложены в природе человека, и мы зрим, как они повсеместно, хотя и в различной степени, вызывают действия, совместные с различными обстоятельствами гражданского общества. Страсть к различным мнениям касательно религии, правительства и тьмы других предметов, равно как различия в суждениях и в практической жизни, приверженность различным предводителям, добивающимся превосходства и власти, или лицам иного толка, чьи судьбы так или иначе привлекают умы и сердца, в свою очередь делят человечество на партии, разжигают взаимную вражду и делают людей куда более наклонными ненавидеть и утеснять друг друга, чем соучаствовать в достижении общего блага. Предрасположение к взаимной вражде столь сильно в человеке, что даже там, где для нее нет существенных оснований, достаточно незначительных и поверхностных различий, чтобы возбудить в людях недоброжелательство друг к другу и ввергнуть их в жесточайшие распри. При этом самым обычным и стойким источником разгула крамолы всегда было различное и неравное распределение собственности. Те, кто ею владеет, и те, у кого ее нет, всегда составляют в обществе группы с противоположными интересами. Те, кто является кредиторами, и те, кто состоит в должниках, равным образом противостоят друг другу. У цивилизованных народов необходимо возникают интересы землевладельцев, интересы промышленников, интересы торговцев, интересы банкиров и многих других меньших по значению групп, разделяя общество на различные классы, которыми движут различные чувства и взгляды. Урегулирование этих многообразных и противостоящих интересов и составляет равную задачу современного законодательства, неизбежно окрашивая партийным и групповым духом все необходимые и повседневные действия правительства.

Ни одному человеку не дозволено быть судьей в собственном деле, поскольку владеющие им интересы, несомненно, повлияют на его решения и, вполне вероятно, растлят его честность.

В равной степени и, пожалуй, даже с большим основанием группе людей также неуместно выступать одновременно и в качестве судей, и в

качестве тяжущихся сторон. А между тем разве многие важнейшие законодательные акты, как и многие судебные решения, касающиеся прав не только отдельных лиц, но и целых обществ, не принимаются различными группами законодателей, являющимися защитниками и поборниками тех самых дел, по которым выносились решения? Разве предложен закон о частных долгах? Ведь это тяжба, где на одной стороне кредиторы, а на другой должники. Суду надлежит отнестись непредвзято как к той, так и к другой стороне. Однако сами судьи неизбежно выступают тяжущимися сторонами, и верх берет та сторона, которая насчитывает больше приверженцев, иными словами, является более мощным сообществом. Следует ли поощрять, и в какой степени, местных промышленников за счет утеснения иностранных? Это вопросы, которые по-разному решат земледельцы и промышленники, и, скорее всего, ни те ни другие не станут руководствоваться справедливостью или общественным благом. Распределение налогов пропорционально различным видам собственности является актом, требующим, по всей видимости, верха беспристрастности, однако вряд ли найдется другой закон, который открывал бы больше возможностей главенствующей партии, подвергая ее искушению попрать справедливость. Ведь каждый шиллинг, которым сверх положенного они облагают меньшинство, — это шиллинг, оставшийся в собственном кармане.

Напрасно утверждать, будто просвещенные государственные мужи способны примирить эти сталкивающиеся интересы и заставить служить их общественному благу. Просвещенные мужи не всегда стоят у кормила. К тому же во многих случаях подобное примирение вообще невозможно осуществить, не приняв во внимание косвенные и дальние последствия, которые куда важнее непосредственного интереса, извлекаемого одной из сторон в ущерб другой либо всеобщего блага.

Стало быть, мы приходим к заключению, что причины, порождающие крамолу, невозможно истребить и спасение от нее следует искать в средствах, умеряющих ее *воздействие*.

Если крамольная группировка включает в себя менее большинства граждан, спасением от нее является сам принцип республиканского правления, позволяющий справиться с вредоносными взглядами посредством простого голосования. Крамольники могут нападать на власти, они могут вносить смуту в общество, но им будет не под силу осуществлять и маскировать свои бесчинства, прикрываясь положениями, провозглашенными конституцией. Если же крамола охватывает большинство, тогда форма народного правления дает ей возможность принести в жертву ее главному увлечению или интересу как общественное благо, так и права другой части граждан. А потому высокая цель, стоящая перед нашим исследованием, — обезопасить общественное благо и права личности от поползновений подобного сообщества и в то же время со-

хранить дух и форму народного правления. Позволю себе добавить, что эта же цель является высшим desideratum, которым единственно эта форма правления может быть избавлена от позорного пятна, столь долго ею носимого, и представлена человечеству как заслуживающая уважения и внедрения.

Какими средствами достичь этой цели? Очевидно, тут пригодно одно из двух. Надобно либо препятствовать тому, чтобы большинство граждан одновременно подчинялось одному и тому же увлечению или интересу, либо, если такое увлечение или интерес уже овладели этим большинством, используя многочисленность сообщества и местные обстоятельства, сделать невозможным сговор и осуществление планов притеснения. При этом следует помнить, что, как хорошо известно, если порыв к действию и возможность действия совпадают, ни на нравственные, ни на религиозные начала как средство сдерживания полагаться не приходится. Они оказывают тем меньшее влияние на справедливость и насилие в отношении отдельных лиц и тем скорее утрачивают силу воздействия, чем многочисленнее охваченная крамолой толпа, — иными словами, тем менее эффективны, чем более их эффективность становится необходимой.

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что чистая демократия, под каковой я разумею общество, состоящее из небольшого числа граждан, собирающихся купно и осуществляющих правление лично, не имеет средств против бедствий, чинимых крамолой. Общее увлечение или интерес почти во всех случаях будет владеть большинством, а поскольку широковещательность и единомыслие обусловливаются формой правления, нет ничего, что помешало бы расправиться со слабой стороной или каким-нибудь неугодным лицом. Вот почему демократии всегда являли собой зрелище смут и раздоров, всегда оказывались неспособными обеспечить личную безопасность или права собственности, существовали очень недолго и кончали насильственной смертью. Политики от теории, ратующие за этот образ правления, ошибочно полагали, что, осчастливив человечество равенством в политических правах, они тем самым полностью уравняют и сгладят все различия в отношении владения собственностью, как и в мыслях и увлечениях.

Республика, под которой я разумею правительство, составленное согласно представительной системе, открывает иные перспективы и сулит искомые нами целительные средства. Рассмотрим по пунктам, чем республика отличается от чистой демократии, и тогда нам станет ясно, каковы природа этих целительных средств и сила воздействия, которую они должны обрести благодаря Союзу штатов.

Два главных пункта, составляющих отличие демократии от республики, таковы: первый состоит в том, что правление в республике передается небольшому числу граждан, которых остальные избирают свои-

ми полномочными представителями; второй — в большем числе граждан и большем пространстве, на которые республика простирает свое правление. Следствием первого отличия является, с одной стороны, то, что общественные взгляды в республике возвышеннее и шире, ибо просеиваются отборным органом, состоящим из граждан, чья мудрость позволяет наилучшим образом определить интересы страны, а любовь к отчизне и справедливости с наибольшей вероятностью не допустит принести их в жертву сиюминутным и своекорыстным соображениям. При республиканских порядках общественное мнение, выражаемое представителями народа, скорее окажется сообразным общественному благу, чем при демократических, где оно выражается самим народом, собираемым для этой цели. С другой стороны, следствие может быть и обратным. В силу интриг, подкупа и других средств представителями народа могут оказаться лица, наклонные к расколу, приверженные местным предрассудкам или таящие зловещие умыслы, и, победив на выборах, эти лица затем предадут интересы народа. Отсюда встает вопрос: какие республики — малые или крупные — лучше приспособлены для избрания истинных радетелей о народном благе? Два очевидных довода дают ответ в пользу последних.

Прежде всего заметим, что, как бы мала ни была республика, число избранных представителей должно быть достаточным, чтобы они могли охранять ее от преступных замыслов кучки заговорщиков, и, как бы велика она ни была, число представителей не должно превышать того, которое позволяет охранять ее от сумятицы, вносимой толпой. Стало быть, число представителей в обоих случаях не может быть прямо пропорционально числу избирателей и является большим по отношению к числу граждан в малой республике. Отсюда следует, что, поскольку отношение числа достойных лиц к общему числу граждан в крупной республике не меньше, чем в малой, первая предоставляет лучшие возможности для отбора и большую вероятность, что он будет сделан правильно.

Далее, поскольку в крупной республике каждый представитель избирается большим количеством голосов, чем в малой, кандидату, не заслуживающему избрания, будет не в пример труднее успешно прибегать к злокозненным трюкам, без коих слишком часто не обходятся выборы; волеизъявление граждан пройдет более свободно и избиратели с большей вероятностью окажут предпочтение лицам, обладающим самыми привлекательными свойствами, равно как наиболее широко известной и устоявшейся репутацией.

Не будем скрывать, что здесь, как и в большинстве других случаев, существует золотая середина, по обе стороны которой обнаруживаются неизбежные подвохи. Чрезмерно увеличивая число избирателей на одного представителя, мы обрекаем его на недостаточную осведомленность по части местных обстоятельств и интересов, равно как, чрезмерно

уменьшая это число, обрекаем представителя на чересчур тесную зависимость от оных и тем самым лишаем его способности охватывать и защищать важные и всенародные интересы. В этом отношении федеральная конституция являет собой удачное решение: важные и всеобщие интересы передаются в ведение всенародных законодателей, а местные и частные — законодателям штатов.

Другое отличие состоит в том, что полномочия представителей в республиканском правительстве воплощают волю большего числа граждан и распространяются на большее пространство, чем в правительстве демократическом; и именно это обстоятельство делает хитросплетения крамольных сообществ менее опасными при первом, чем при последнем. Чем малочисленнее общество, тем скуднее в нем число явных партий и интересов, его составляющих, тем чаще большинство граждан оказываются приверженцами одной партии, а чем меньше число лиц, составляющих такое большинство, и чем меньше территория, на которой они размещаются, тем легче им договориться между собой и осуществить свои утеснительные замыслы. Расширьте сферу действий, и у вас появится большее разнообразие партий и интересов; значительно уменьшится вероятность того, что у большинства возникнет общий повод покушаться на права остальных граждан, а если таковой наличествует, всем, кто его признает, будет труднее объединить свои силы и действовать заодно.

Отсюда со всей ясностью проистекает, что в деле обуздания крамолы крупная республика обладает перед малой теми же преимуществами, какие республика имеет перед демократией, и то же самое следует сказать о Союзе штатов по отношению к отдельным штатам, в него входящим. Состоит ли это преимущество в возможности избирать представителями тех граждан, чьи просвещенные взгляды и добродетели позволяют им возвыситься над местными предрассудками и несправедливыми замыслами? Не станем отрицать, что представительство Соединенных Штатов с большей вероятностью будет обладать этими необходимыми достоинствами. Состоит ли это преимущество в большей гарантии безопасности граждан как следствие большего разнообразия партий в противовес положению, когда какая-то одна партия может в силу численного превосходства притеснять остальных? В равной степени возрастает ли безопасность граждан благодаря увеличению разнообразия партий в пределах Союза? Наконец, составляет ли преимущество то, что больше препятствий встает на пути сговора и осуществления тайных желаний несправедливого и заинтересованного большинства? И в этом опять-таки уже сами огромные пространства, занимаемые Союзом, дают нам ощутимые преимущества.

Предводители крамольных сообществ могут зажечь пламя в пределах того непосредственного штата, где пользуются влиянием, но вряд ли им будет под силу распространить пожар на остальные штаты; та или

иная религиозная секта может выродиться в политическую клику на какой-то части федерации, но множество разнообразных сект, существующих на огромных пространствах Союза, защитят наши общенациональные собрания от опасностей, исходящих из этого дурного источника; яростная пропаганда бумажных денег, вопли об отмене долгов, о равном распределении собственности и прочие недостойные и злоумышленные проекты будут куда менее способны поразить весь состав Союза, точно так же как подобные недуги скорее поразят отдельные районы и округа, нежели целый штат.

Таким образом, в самой огромности территории и достодолжной структуре Союза зрим мы республиканское средство от недугов, которым чаще всего подвержены республиканские правительства. А потому в той же степени, в какой радуемся мы и гордимся, нося звание республиканцев, должно нам всеми силами лелеять в себе дух и поддерживать звание федералистов.

Публий

Федералист № 71 [70]

Александр Гамильтон

Марта 18, 1788 г.

К народу штата Нью-Йорк

О сроке пребывания в должности говорилось как о втором потребном условии усиления исполнительной власти. Это касается двух вещей: личной твердости президента при осуществлении его конституционных полномочий и стабильности системы администрации под его эгидой. Что касается первой, то должно быть очевидно — чем продолжительнее пребывание в должности, тем больше вероятность проявления этого важного преимущества. Человеку в общем свойственно ценить то, чем он располагает, в зависимости от возможности или невозможности его удержать; он менее привязан к имеющемуся у него на основании краткосрочного или неопределенного права собственности, чем в случае, если это право распространяется на длительный срок и точно определено. Он, конечно, с большей готовностью пойдет на риск в первом случае, чем во втором. Это замечание не менее применимо к политическим привилегиям, почетному званию или доверенному посту, чем к обычной собственности. Отсюда следует, что человек, исполняющий обязанности президента и осознающий, что он *должен* в кратчайший срок сложить свои полномочия, будет очень мало заинтересован, чтобы рискнуть подвергнуться серьезному порицанию, или попасть в затруднительное положение в результате независимого применения своих полномочий, или

противостоять недобрым настроениям, хотя бы и преходящим, охватившим или значительную часть народа, или даже господствующую фракцию в законодательном органе. Если же случится так, что он, *может быть,* сложит их, если не продолжит свое пребывание на посту в результате новых выборов и если захочет пребывать на нем, то его желания и опасения решительным образом подорвут его честность, подточат стойкость. В любом случае он окажется слабым и нерешительным на своем посту.

Некоторые склонны считать раболепную уступчивость президента доминирующим течением как в сообществе, так и в законодательном органе его наилучшей рекомендацией. Но такие люди очень приблизительно представляют как цели учреждения правительств, так и истинные средства, с помощью которых обеспечивается общественное благополучие. Республиканский принцип требует, чтобы чувство осознанной общности руководило поступками тех, кому вверено ведение дел общества; однако он не требует безоговорочного служения любому порыву страстей или любому преходящему порыву, исходящему от хитроумных людей, принимающих свои предрассудки за интересы общества. Совершенно справедливо, что люди обычно стремятся к ОБЩЕСТВЕННОМУ БЛАГУ. Они часто при этом ошибаются. Но их же здравый смысл возмутится против льстеца, утверждающего, что они всегда правильно выбирают *средства* его достижения. Жизнь учит их, что и они сами не застрахованы от ошибок; удивляет разве то, что их мало, а ведь людей одолевают своими хитростями паразиты и сикофанты, громогласно вопят честолюбцы, преследуют алчные авантюристы, изводят те, кто обладает большим доверием, чем заслужил, и те, кто стремится обладать им, а не заслужить. Когда интересы людей расходятся с их склонностями, долг лиц, назначенных быть хранителями этих интересов, воздержаться от преходящих заблуждений, дать время и возможности для хладнокровных и уравновешенных размышлений. Можно привести случаи, когда такое поведение спасало от самых фатальных последствий собственных ошибок и возводились памятники на века в знак благодарности тем, кто обладал смелостью и великодушием служить с риском вызвать недовольство.

Но как бы мы ни были склонны настаивать на неограниченном угодничестве исполнительной власти перед стремлениями народа, у нас не найдется оснований настаивать на таком же угодничестве перед настроением законодательного собрания. Оно может иногда выступать в оппозиции к исполнительной власти; в другие времена народ может быть полностью нейтрален. В любом случае, разумеется, желательно, чтобы президент дерзал проводить свою точку зрения энергично и добивался решений.

Правило, по которому признается разумным разделение различных властей, равным образом учит: при этом они остаются независимыми

друг от друга. Чего ради отделять исполнительную или судебную власть от законодательной, если обе — исполнительная и судебная — власти так сконструированы, что находятся в абсолютной зависимости от законодательной власти? Подобное разделение должно быть чисто номинальным и не может достичь целей, ради которых затеяно. Одно дело — подчиняться законам и другое — зависеть от законодательного органа. Первое соответствует, второе нарушает коренные принципы хорошего правления, и каковы бы ни были формы конституции, вся власть сосредоточивается в одних руках. Тенденция законодательной власти поглощать все остальные полностью показана и проиллюстрирована примерами в некоторых из предшествующих статей. В чисто республиканских правительствах эта тенденция почти непреодолима. Представители народа в народной ассамблее иногда воображают, что они и есть народ, проявляя сильные симптомы раздражения и отвращения при малейшем признаке оппозиции из любых других кругов, как будто осуществление прав исполнительной или судебной властью нарушает их привилегии и подрывает их достоинство. Они, по-видимому, часто предрасположены осуществлять высокомерный контроль над другими департаментами, а поскольку на их стороне обычно народ, они всегда действуют с такой силой, что другим членам правительства крайне трудно сохранить баланс конституции.

Вероятно, могут спросить, каким это образом краткосрочное пребывание у власти может затронуть независимость исполнительной власти от законодательной, если одна не имеет права назначать или смещать другую? Один ответ на вопрос можно вывести из уже упомянутого принципа о слабом интересе к краткосрочному преимуществу и о том, как мало такой срок побуждает претерпеть серьезные неудобства или идти на риск. Другой ответ, вероятно, более определенный, хотя и менее убедительный, заключается в учете влияния законодательного органа на людей, могущих быть использованными для предотвращения переизбрания человека, который стойким сопротивлением любому зловещему плану этого органа стал ненавистным в его глазах.

Могут также спросить, соответствует ли четырехгодичный срок поставленной цели, а если нет, не будет ли меньший срок рекомендуем для обеспечения большей безопасности против честолюбивых замыслов и по этой причине предпочтительнее более длительного периода, который все же слишком короток для приобретения желательной твердости и независимости президента?

Нельзя утверждать, что четырехгодичный или любой другой ограниченный срок полностью соответствует предложенной цели, но он приближает к ней настолько, что это окажет серьезное влияние на дух и характер правительства. Между началом и окончанием такого периода всегда есть значительный интервал, в течение которого перспектива ухо-

да с должности будет достаточно отдаленной, чтобы не оказывать неподходящего влияния на человека, наделенного приличной порцией стойкости. В течение этого интервала он с достаточными основаниями сможет пообещать себе, что ему до окончания срока хватит времени убедить сообщество в правильности мер, которые он собирается проводить. Хотя, возможно, по мере приближения новых выборов, когда публика выразит свое отношение к его политике, уверенность и вместе с ней твердость этого человека пойдут на убыль, обе стороны, однако, найдут поддержку в возможностях, которые дало ему пребывание в должности и связанное с ним уважение и доброе отношение избирателей. Тогда он сможет поставить на карту безопасность, вместе с доказательствами своей мудрости и честности, с уважением и привязанностью своих сограждан. Коль скоро, с одной стороны, срок в четыре года будет содействовать твердости президента в мере, достаточной для превращения ее в ценнейшую составную часть института, то, с другой — он будет недостаточно длительным, чтобы оправдать тревогу по поводу общественной свободы. Если английская палата общин, скромно начав с *простого права соглашаться или не соглашаться с введением нового налога,* большими шагами сократила прерогативы короны и привилегии дворянства до размеров, по ее мнению, совместимых с принципами свободного правления, то одновременно и подняла свой статус и значимость, став равной палатой парламента. Если палата общин в одном случае сумела ликвидировать как монархию, так и аристократию, возобладать над всеми древнейшими установлениями, над государственной церковью, если она сумела заставить недавно монарха трепетать перед перспективой ее нововведений, тогда чего бояться избранного на четыре года должностного лица с полномочиями, определенными для поста президента Соединенных Штатов? Чего, кроме того, что задача, предусмотренная конституцией, окажется ему не по плечу? Мне остается только добавить, что, если срок его пребывания в должности окажется таким, чтобы оставить в сомнении его твердость, это сомнение несовместимо с опасениями по поводу его собственных поползновений.

Публий

ПУБЛИЦИСТИКА ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1789–1794)

ЖАН ПОЛЬ МАРАТ
(1743–1793)

ДАР ОТЕЧЕСТВУ[1]

Речь первая

Дорогие сограждане!

Дело сделано. Престиж правительства сведен на нет. Вот они, эти-де министры, ославленные за бездарность, презираемые за хищничество, ненавистные своим произволом, заклейменные общественным негодованием. Предатели народа — своего властелина, предатели страны, они своими преступлениями подорвали авторитет власти и привели государство на край гибели.

Еще недавно их подлые приспешники нагло твердили, что *монархи обязаны своей властью лишь Господу Богу и собственному мечу, что они такие же хозяева своим подданным, как пастух своим овцам, что народ следует морить голодом, чтобы он дал жить им самим, что необходимо его ослепить, чтобы заставить повиноваться, и что, наконец, он тем покорнее, чем его сильнее угнетают.* Безумцы! Они не ведали, что всякое терпение имеет пределы, что отважный народ, измученный страданиями, неизменно стремится сбросить ярмо, что стоны отчаяния могут сменить-

[1] «Дар Отечеству» — сборник фиктивных речей, выпущенный Маратом в Париже анонимно в начале 1789 г. Главный смысл речей — удар по абсолютизму Людовика XVI. Позднее Марат написал «Дополнения» к «Дару Отечеству», где продолжил критику государственного строя.

Печатается по: *Марат Жан Поль.* Избранные произведения: В 3 т. / Пер. С. Кана. М., 1956. Т. 1.

ся приступами ярости и что, наконец, призывы к свободе всегда готовы подняться из пламени восстания.

Благодаря просвещению философией уже прошло то время, когда отупевший в своем невежестве человек считал себя рабом. Приспешники тирании, стыдящиеся собственных пагубных убеждений, хранят молчание; зато со всех сторон раздаются голоса мудрых, указывающих монархам, что в *каждом государстве высшая власть принадлежит всему народу в целом, что именно народ является истинным источником всякой законной власти, что сами государи поставлены следить за исправным выполнением законов, которым они и сами подчинены, что их собственное могущество зиждется лишь на соблюдении справедливости, которую они обязаны оказывать даже самому последнему из своих подданных.* Утешительные истины! Зачем только о них скоро забывают в счастливые времена и вспоминают лишь в годину бедствий?

Но что за потрясающее душу зрелище встает перед нашими очами! О родина моя! Ненасытные хищники терзали твое тело, и руки варваров вонзали мечи в твою грудь: я все еще вижу тебя ослабленной утратами, изнуренной голодом, покрытой ранами и залитой кровью.

Давно уже, изнемогая под тяжестью своих бедствий, ты скорбишь в тиши. И только безмерность страданий вырвала, наконец, из твоей груди крики отчаяния. Они дошли до слуха твоего короля, и его сердце преисполнилось сострадания. Он сам узрел твои раны, и душа его содрогнулась. Теперь он спешит к тебе на помощь. Он глубоко возмущен поступками своих вероломных служителей, употребивших во зло доверенную им власть, и стремится положить предел преступной дерзости тех, кто соблазнился бы их примером. Он сам хочет защитить тебя от их ярости.

Ты будешь счастлива, если благостные намерения короля не окажутся тщетными вследствие происков врагов твоего покоя. Еще более счастлива, если грудь твою не разорвут на части твои же собственные дети. Одни — наглые сибариты — дают обеты нищеты и в то же время в вихре светских удовольствий расхищают достояние бедняков, дают обеты смирения и в то же время требуют льстящих их тщеславию отличий, называют себя служителями Господа — миротворца и в то же время повсеместно разжигают пламя раздора и вражды. Другие — смехотворные паладины, — стремясь (в припадке умоисступления) запугать монарха и предлагая ему свою помощь для расправы над тобой, призывали на твою голову разорение и гибель. Но, вооруженная верой в свои силы, ты укротила грозу и подавила эти преступные партии тяжестью доводов разума. Одна из партий уже пришла в смятение вследствие примера доблести, явленного одним почтенным прелатом. Но пойти по его стопам у нее самой не хватает сил. Партия эта хранит молчание и ожидает решения своей судьбы от самого хода событий, в то время как другая, уни-

женная примером доблестного поведения отдельных знаменитых мужей, скрывает свои неправые притязания и стремится обмануть тебя притворным великодушием.

О французы! Вашим страданиям конец, если вы устали их терпеть: вы свободны, если у вас есть мужество быть свободными. Вся Европа рукоплещет справедливости вашего дела. Убежденные законностью ваших прав, сами враги ваши перестали противиться всяким требованиям. Люди эти, далекие от того, чтобы теперь отказываться от участия в несении расходов государства, из которого до сих пор они лишь тянули кровь, готовы единолично погасить государственную задолженность, лишь бы вы сами отказались от намерения освятить ваши требования в Национальном собрании. Погасить всю задолженность единолично? Но в состоянии ли они это сделать? И откуда возьмут они средства, чтобы заполнить пропасть? Самонадеянные спасители! Найдется ли среди них самих хоть сотня людей, не разоренных роскошной жизнью, расточительностью, азартной игрой, разбоем их собственных управляющих? Найдется ли среди них сотня людей, не обремененных долгами? Взгляните на их земли, находящиеся под судебными запретами, запущенные или продающиеся; взгляните на их имения, находящиеся в руках судебных исполнителей или под опекой. Но даже и в том случае, если бы они и не обманывали самих себя, если бы они действительно могли, действительно хотели по собственному желанию освободить правительство от задолженности, и в этом случае их пышная жертва явилась бы лишь временной мерой, тогда как государство нуждается в мерах надежных и постоянных. Берегитесь же расставленных ими сетей. Они готовы расстаться единовременно с любой суммой, лишь бы затем не платить всю жизнь. Раскошелившись однажды, они сохранили бы за собой поле сражения, навеки ослабили бы вас, утяжелили ваши цепи и продолжали бы отъедаться на вашем поте и упиваться вашею кровью.

Они порешили не признавать вас главным сословием нации, и хотя своих прежних речей они теперь не произносят, их поведение ничуть не изменилось. Не видя в природе никого, кроме самих себя, они считают себя за целую нацию. Пусть же они навсегда примут только на себя одних все расходы государства; пусть поддерживают и защищают его, заботятся о его процветании, пусть возделывают поля, возводят города, разрабатывают рудники, устраивают мастерские, управляют мануфактурами, ведут торговлю, отправляют правосудие, обучают молодежь, спускают корабли, снаряжают флот и набирают армии. Вы же, несчастные граждане, бегите прочь из пределов неблагодарного отечества, обязанного вам всем и одновременно отвергающего вас. Но куда же завлекло меня мое святое рвение? Нет, нет, граждане, не покидайте своих очагов, почувствуйте свою силу. Это вы составляете мощь и богатство государства. Король, возглавляющий вас, всегда останется могуществен-

нейшим государем вселенной; без вас же он, находясь во главе дворянства и духовенства, всегда будет лишь простым сеньором среди своих вассалов. В этом случае король уподобился бы тем мелким князьям империи, которые вынуждены вымаливать себе покровительство у могущественного соседа из страха, что тот их поглотит, и вскоре уже перестал бы считаться одним из великих государей. Да что я говорю? Без вас Франция, орошенная вашим потом и вашими слезами, лишилась бы своей жатвы и превратилась в пустыню. Без вас иссяк бы самый источник ее плодородия и сам король умер бы с голоду. Пусть они чванливо хвастаются своими подвигами, своей службой: чего стоят их подвиги в сравнении с вашими? Мог бы король, вынужденный выбирать между ими и вами, колебаться хоть одно мгновение? Однако, благодарение небу, он не очутится перед подобной тягостной крайностью, и нация не будет раздавлена, раздроблена, уничтожена. Свет разума постепенно рассеет тьму, застилающую очи ваших врагов; поразмыслив и взвесив собственные истинные интересы, перестанут они ополчаться против справедливости. О мои сограждане! Сама чрезмерность ваших страданий заставила вас осознать необходимость исцеления. Вам представляется теперь единственный случай, чтобы вновь вступить в свои права. Познайте же, наконец, цену свободы, поймите же, наконец, ценность мгновения. Пусть мудрость направляет все ваши шаги, но оставайтесь непреклонными. Какие бы преимущества ни обещали вам, пусть даже ваши враги согласятся взвалить на одних себя всю тяжесть налогового бремени, отказывайтесь от всего, пока права ваши не будут раз навсегда закреплены. В Национальном собрании, вот где должны вы торжественно их утвердить и освятить навеки.

На что только не имеете вы права притязать и в чем только не нуждаетесь? В том состоянии, в котором я вас теперь застаю, вам следует не только требовать всего необходимого, чтобы прокормиться, одеться, обзавестись жилищем, воспитать и надлежащим образом поставить своих детей на ноги; вам следует, кроме того, обеспечить свою личную свободу от покушений со стороны произвола министров, утвердить свою невиновность перед лицом несправедливых судей; отстоять честь своих жен и дочерей от посягательств титулованных насильников, а свое собственное доброе имя — от нападок влиятельных клеветников; добиться правосудия в тяжбах с могущественными притеснителями и, наконец, создать благоприятные условия для развития собственных способностей и достижения счастья. Это — ваш долг перед самими собой, перед вашими детьми, перед родиной и королем. Это — единственное средство сделать нацию цветущей, уважаемой и грозной, а также поднять на вершину славы имя французов.

Речь вторая

Нет, мои дорогие соотечественники, не существует такого средства, которое враги ваши не применили бы с целью избежать созыва высокого собрания, того собрания, в котором сами вы приобретете права гражданства. Каждый день они расставляют для вас все новые сети. Вчера они попытались вас поработить, а сегодня силятся вас разделить: бесплодные попытки, до тех пор пока добродетель с вами.

Уже все классы третьего сословия, объединенные общими интересами, сблизились и сообщаются друг с другом. Мои дорогие соотечественники, обратите внимание на собственные силы и сделайте это не столько ради их измерения (они неисчислимы и непреодолимы), сколько ради опознания тех из ваших братьев, кто готовится вам изменить, и тех, на кого вы действительно можете положиться.

Враги ваши стремятся отделить от вашего сословия финансистов; но эти состоятельные люди слишком благоразумны, чтобы, украсив себя пустыми титулами, сделаться общим посмешищем; чтобы стать заодно с классом людей, связанных с ними лишь жаждой золота; чтобы примкнуть к партии, презирающей их самих, тиранические притязания которой им к тому же слишком хорошо известны.

Враги ваши стремятся отделить от вашего сословия новоиспеченных дворян, людей короля, городских муниципальных чиновников. Но эти уважаемые лица слишком высоко стоят над предрассудками мелочного тщеславия, чтобы не гордиться званием гражданина, чтобы отойти от почитающих их собратьев и занять место в партии, тиранические притязания которой они столько раз на себе испытывали.

Враги ваши стремятся отделить от вашего сословия адвокатов, судейских чиновников низших инстанций. Но эти непреклонные защитники невинности, эти мстители закона не знают никакого иного благородства, кроме благородства чувств: их, верных своим убеждениям, не удастся увидеть в партии, чьим тираническим притязаниям они столь часто противодействуют.

Враги ваши стремятся отделить от вашего сословия священников, но эти почтенные слуги религии, знающие, что все люди братья, и постоянно проповедующие им смирение, не станут похваляться светскими отличиями, отвергаемыми Евангелием. Они не пойдут за партией, чьи тиранические притязания они ежедневно оплакивают.

Враги ваши стремятся отделить от вашего сословия писателей, ученых, философов, но эти бесценные люди, вся жизнь которых — в том, чтобы нести вам просвещение и внушить сознание собственных прав, кто так ревностно отстаивает ваше дело и столь хорошо показывает, что людей отличают лишь таланты и добродетели, разве могут они стать пре-

зренными отступниками и принять сторону партии, на тиранические притязания которой они сами же ополчились?

Таким образом, третье сословие Франции состоит из класса слуг, из классов чернорабочих, мастеровых, ремесленников, торговцев, предпринимателей, негоциантов, сельских хозяев, землевладельцев и рантье, не имеющих титула, учителей, людей искусства, хирургов и медиков, писателей, ученых, юристов, низших судейских чиновников, служителей алтаря, а также войска и флота: неисчислимый и непобедимый легион, включающий и просвещение, и дарование, и силу, и добродетель.

Во главе его становятся те великодушные и благородные дворяне, чиновники, сеньоры, прелаты, князья, что забывают о своих привилегиях и служат вашему делу, довольствуясь званием простых граждан.

Во главе его должны были бы также стоять те, с давних пор весьма пылкие, сенаторы, что притязают быть отцами народа и творцами благодетельных законов; однако парламенты покинули третье сословие, и третье сословие в свою очередь покидает их.

Что теряет оно от этого? Сенаторов упрекают в том, что они всегда мало заботились о народе, но всегда крайне завидовали некоторым привилегиям и почестям патрициев.

Их упрекают в том, что они, выдавая себя в городе защитниками угнетенных, в деревне сами притесняют слабого, имеющего несчастье быть их соседом.

Их упрекают в том, что никому и никогда нельзя было добиться от них правосудия даже против ничтожнейшего из их членов.

Их упрекают в том, что они отвергли поземельный налог только из боязни разделить с другими часть общественных тягот.

Их упрекают в том, что они подняли свой голос против произвольных приказов об арестах тогда лишь, когда те обрушились на них самих.

Их упрекают в том, что они потребовали созыва Генеральных штатов лишь для утверждения новых налогов, а также в том, что они выдают самих себя вкупе с пэрами и высшим духовенством за Генеральные штаты, лишь только заходит речь о допущении туда третьего сословия.

Их упрекают в том, что они побудили третье сословие отстаивать свои права, но сами заглушили его голос, едва только сословие это пожелало, чтобы его требования были услышаны.

Их упрекают в том, что они, втайне подстрекая к мятежам, сами выносили постановления против народа.

Их упрекают в том, что они, беспрестанно требуя освобождения двух своих членов, произвольно арестованных, один только раз выказали готовность отомстить за многочисленных граждан, убитых войсками.

Их упрекают в том, что сначала они требовали свободы печати, надеясь на восхваления, а затем добивались ее отмены, боясь порицаний.

Их упрекают в том, что они, смотря по обстоятельствам, поворачивались то к народу, то к правительству, стремясь превратить поочередно монарха и народ в орудие своей ярости против тех, кто противился их тайным и честолюбивым замыслам и планам.

Их упрекают в том, что они стремятся к независимости и противодействуют королю лишь в надежде в один прекрасный день разделить с ним власть.

Их упрекают вместе с тем в несносном духе кастовости, в отвратительной пристрастности.

Их обвиняют, наконец, в честолюбии, неповиновении, бунтарстве, несправедливости, тирании; и они не делают даже попытки оправдаться в чем-либо. Что подумать об этом молчании? Стоит только сопоставить их прекрасные речи и отвратительное поведение; их нравственные правила, столь мягкие в теории и столь грубые на практике; их политику, столь мудрую с виду и столь вероломную на деле; бездну смирения у них на устах и тьму гордыни в сердцах; такую человечность в правилах и такую жестокость в действиях; столь умеренных людей и столь честолюбивых чиновников; столь неподкупных судей и столь несправедливые приговоры, — стоит только сопоставить все это, и, поистине, не будешь знать, что думать. Трогательное звание отцов народа, которым они так хвастливо прикрываются, представляется теперь лишь потешным прозвищем, в насмешку обозначающим людей опасных, бесчеловечных и себялюбивых.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

ПОСОБИЕ

У истоков протожурналистики 6
Понятия и категории «массовой информации» в их историческом становлении (6). Жанр письма в Древнем Египте (11). Зачатки риторики в Древнем Египте (12). Финикийское письмо (13). Греческое письмо (14). Роль почты в развитии древней коммуникации (14).

Зарождение и развитие риторики в Древней Греции 16
Зарождение ораторского искусства (16). Афинский суд. Типы и особенности речей (17). Расцвет софистики. Первые ораторы (19). «Золотой век» ораторского искусства (22). Конец «золотого века» ораторского искусства (32). Эллинистический период развития риторики (32). Публичные надписи как элемент коммуникации (33). Почта в Элладе. Гонцы и глашатаи (33).

Особенности протожурналистики в Древнем Риме 35
Особенности римской риторики (35). Зарождение римского красноречия. Первые ораторы (36). Расцвет политического красноречия (37). Ораторское искусство Рима I–II веков (40). Развитие жанра письма (41). Почта в Римском государстве (41). Зарождение и развитие протогазеты (42).

Зарождение и развитие христианской риторики. Ораторское искусство Нового Завета 45
Истоки христианской проповеди (45). Риторика Ветхого Завета как первооснова новозаветной проповеди (45). Нагорная проповедь (47). Риторика Христа (49). Притча как риторический прием (51). Чудо как развитие проповеди (52). Ораторское искусство апостолов (52). Послания Павла (55).

Развитие христианской риторики в эпоху раннего Средневековья 57
Устная и письменная традиции христианской риторики (57). Развитие цензуры (62). Почта в эпоху Средневековья (63).

Развитие журналистики в эпоху Средневековья и Возрождения (V–XVI вв.) 64
Распространение грамотности (64). Появление книгопечатания (65). Становление цензуры. Инквизиция (67). Публицистика Реформации в Германии (69). Первые газеты (70). Становление регулярной почты (73).

Становление журналистики во Франции 75
Предпосылки появления французской журналистики (75). Первые периодические издания (75). «Ля Газетт» — первая политическая газета Франции (76). Становление авторитарной концепции печати (79). Развитие французской прессы во второй половине XVI–XVII веке (80). Почта во Франции в XVII–XVIII веках (81).

Английская журналистика XVII века 83
Предпосылки становления английской печати (83). Зарождение и становление цензуры (84). Первые английские газеты (85). Журналистика

Английской революции (88). Становление памфлетной публицистики (90). Английская журналистика эпохи Реставрации (97). Английская концепция печати (98). Развитие английской почты (99).
Английская журналистика и публицистика XVIII века 101
Развитие прессы в начале XVIII века (101). Противостояние прессы и парламента (108). Становление типологии прессы (109). Развитие английской почты в XVIII веке (110).
Американская журналистика и публицистика XVIII века 112
Зарождение книгопечатания (112). Первые американские газеты (113). Первые американские журналы (116). Декларация независимости (119). Публицистика «Федералиста» (119). Американская концепция печати (120). Развитие американской почты (121).
Печать и публицисты великой французской революции (1789–1794) 123
Французская журналистика в дореволюционный период (123). Французские просветители (124). Зарождение французской концепции печати (125). Свобода печати в годы революции (126). Ведущие газеты и публицисты революции (126). Журналистика Директории (129). Развитие почты в XVIII веке (130).
Приложение. **Основные даты и события** 132

ХРЕСТОМАТИЯ

Предисловие 136

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Горгий. Похвала Елене 137
Лисий. Оправдательная речь по делу об убийстве Эратосфена 141
Исократ. Панегирик 147
Эсхин 159
Против Ктесифонта о венке 159
Демосфен. За Ктесифонта о венке 177
Первая речь против Филиппа 196

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО РИМА

Марк Туллий Цицерон. Первая речь против Луция Сергия Катилины [В сенате, в храме Юпитера Статора, 8 ноября 63 года до Р. Х.] 207
Первая «филиппика» против Марка Антония [В сенате, 2 сентября 44 г. до Р.Х.] 217

ПУБЛИЦИСТИКА НОВОГО ЗАВЕТА

Апостол и Евангелист Матфей. От Матфея Святое благовествование 230
Апостол и Евангелист Марк. От Марка Святое благовествование 236
Апостол и Евангелист Лука. Деяния святых апостолов 241
Апостол Павел. Первое послание к Коринфянам 249
Послание к Ефесянам 255
Послание к Колоссянам 258

ЛАТИНСКАЯ РАННЕ-ХРИСТИАНСКАЯ РИТОРИКА

Амвросий Медиоланский. Письмо об алтаре Победы 260

Иероним Стридонский. Письмо к Магну, великому оратору города Рима 264

ВИЗАНТИЙСКАЯ РАННЕ-ХРИСТИАНСКАЯ И ЯЗЫЧЕСКАЯ РИТОРИКА

Василий Великий. О пресмыкающихся 267

Иоанн Златоуст. Слово огласительное на святую Пасху 271

Письма к Олимпиаде 272

Либаний. Надгробная речь Юлиану 279

К императору Феодосию в защиту храмов 280

ГЕРМАНСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА РЕФОРМАЦИИ (XVI ВЕК)

Мартин Лютер. 95 тезисов. Диспут о прояснении действенности индульгенций 283

Джон Мильтон. Ареопагитика (Речь к английскому парламенту о свободе печати) 290

Джон Лильберн. Новые цепи Англии, или Серьезные опасения части народа относительно республики 311

Джерард Уинстенли. Знамя, поднятое истинными левеллерами 322

АНГЛИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Даниель Дефо. Опыт о проектах 338

Гимн позорному столбу 343

Из журнала «Ревью» («Обозрение») 350

Джонатан Свифт. Предложение об исправлении, улучшении и закреплении английского языка в письме к высокочтимому Роберту Оксфорду и Мортимеру, лорду-казначею Великобритании 360

Скромное предложение 368

Ричард Стил. История удивительных приключений Александра Селькирка, потерпевшего кораблекрушение моряка 377

Джозеф Аддисон. Из журнала «Спектэйтор» («Зритель») 381

ПУБЛИЦИСТИКА США КОНЦА XVIII ВЕКА

Томас Пейн. Здравый смысл 386

Американский кризис, VIII. *Обращение к народу Англии* 401

Томас Джефферсон. Декларация независимости 408

Джеймс Мэдисон. Федералист № 10. *К народу штата Нью-Йорк* 412

Александр Гамильтон. Федералист № 71 [70]. *К народу штата Нью-Йорк* 398

ПУБЛИЦИСТИКА ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1789–1794)

Жан Поль Марат. Дар Отечеству 423